186 506

186 506

В. Саводникъ.

КРАТКІЙ КУРСЪ
ИСТОРІИ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII вѣка.

Съ иллюстраціями въ текстѣ и на отдѣл. листахъ (портреты, снимки съ рукописей и т. д.).

Изданіе 4-е.

Печатано безъ измѣненій съ 3-го изданія, допущеннаго Учен. Комитетомъ Минист. Народ. Просвѣщенія къ употребленію въ качествѣ *руководства* въ стар. клас. сред.-учебн. заведеній.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., с
МОСКВА—1916.

Дефектов нет

30-III-44 г. Кар

Стр. все

29/VII 47 Ф

Стр. все.

Черн. подчеркив. на стр. 423

30/X 48 Шеля

186506
891
С13

В. Саводникъ.

КРАТКІЙ КУРСЪ
ИСТОРІИ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII вѣка.

Доп. кат.
2676

Съ иллюстраціями въ текстѣ и на отдѣл. листахъ (портреты, снимки съ рукописей и т. д.).

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Изданіе 4-е.

Печатано безъ измѣненій съ 3-го изданія, допущеннаго Учен. Комитетомъ Минист. Народ. Просвѣщенія къ употребленію въ качествѣ *руководства* въ стар. клас. сред.-учебн. заведеній.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА — 1916.

ф 8830

БИБЛИОТЕКА
Государственного Музея
№ 17735
20 " VII 1936 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новыя программы преподаванія русской словесности («Ж. М. Н. П.», іюль 1912 г.) совершенно правильно выдвигаютъ на первый планъ *художественную* литературу, отводя второе мѣсто такимъ памятникамъ, которые имѣютъ болѣе историческое или публицистическое значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ вообще значительно сокращенъ объемъ обязательнаго для прохожденія курса, сравнительно съ программами 1905 года, которыя, вслѣдствіе своей обширности и детальности, представляли на практикѣ существенныя трудности для прохожденія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ новыя программы, устанавливая извѣстный минимумъ требованій, предоставляютъ преподавателямъ свободу, въ случаѣ возможности, расширять объемъ курса народной словесности и старой литературы, вводя въ него нѣкоторыя дополненія. На этомъ основаніи и составитель предлагаемой книги счелъ возможнымъ включить въ нее нѣкоторые отдѣлы, которыхъ нѣтъ въ министерской программѣ, напр., ввести свѣдѣнія о Посошковѣ и его произведеніяхъ. Они, конечно, не принадлежатъ къ области художественной литературы, но настолько характерны для взглядовъ и настроеній Петровскаго времени, что безъ нихъ общая картина эпохи была бы не полна; да и въ чисто педагогическомъ отношеніи представляется весьма полезнымъ ознакомить подрастающее поколѣніе съ этимъ русскимъ самородкомъ, въ личности котораго столько характерныхъ національныхъ чертъ и который былъ проникнутъ такой глубокой вѣрой въ умственныя и нравственныя силы своего народа и великую будущность родной земли.

Большое мѣсто въ предлагаемой книгѣ отведено народной поэзіи. Едва ли нужно объяснять чрезвычайную важность этого отдѣла, знакомящаго юношество съ богатыми сокровищами народнаго творчества. Главѣ, посвященной этому предмету, предпослано довольно обширное введеніе, дающее общее представленіе о народной поэзіи вообще и о развитіи ея отдѣльныхъ формъ и видовъ. Конечно, это введеніе не предлагается къ обязательному классному прохожденію, но оно можетъ быть небезполезнымъ и въ томъ отношеніи, что вводитъ въ кругъ понятій учениковъ идею *закономѣрности* развитія народной поэзіи и ея отдѣльныхъ видовъ и знакомитъ ихъ съ современными научными взглядами на этотъ вопросъ; отъ преподавателя будетъ зависѣть въ той или иной формѣ воспользоваться содержащимися въ этой главѣ свѣдѣніями или же предоставить ознакомленіе съ ними любознательности воспитанниковъ.

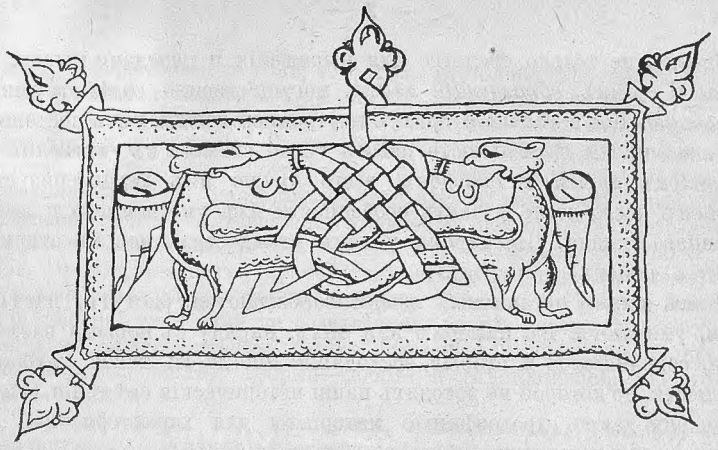
Въ курсѣ исторіи древней письменности подробнѣе всего составитель останавливается на *Кіевскомъ* періодѣ, потому что именно эта эпоха является отправнымъ пунктомъ для всего дальнѣйшаго развитія нашей древней словесности, и въ эту эпоху сложились всѣ тѣ основные, *типическіе* виды и формы ея, которые господствовали въ ней на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій; кромѣ того, именно этотъ періодъ создалъ наиболѣе художественныя произведенія всей нашей старой письменности.

Въ обзорѣ литературы XVIII вѣка болѣе всего мѣста отведено произведеніямъ Фонвизина, Державина и сатирическимъ журналамъ Новикова, какъ наиболѣе характернымъ для своей эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющимъ значительную художественную цѣнность. Въ него включена также довольно подробная характеристика тѣхъ литературныхъ направленій и умственныхъ теченій европейской мысли (французскій классицизмъ, «просвѣтительная» философія), которыя оказали такое сильное вліяніе на развитіе нашей собственной словесности. Какъ и введеніе къ народной словесности, эти отдѣлы также не предлагаются къ прохожденію въ полномъ объемѣ, но преподавателямъ предоставляется возможность использовать ихъ по своему усмотрѣнію. Въ изложеніи и распредѣленіи матеріала я придерживался того же метода, который положенъ и въ основу моихъ «Очерковъ русск. литер. XIX вѣка», стремясь болѣе всего къ тому, чтобы сдѣлать предлагаемый матеріалъ доступнымъ для пониманія и усвоенія учениками и удобопримѣнимымъ для преподаванія.

Въ составленіи настоящей книги близкое и непосредственное участіе принималъ В. В. Каллашъ, которому я считаю своимъ долгомъ выразить сердечную благодарность за его драгоцѣнную для меня помощь дѣломъ и совѣтомъ.

Во второмъ изданіи книги внесены нѣкоторыя поправки и дополненія: именно, переработано и нѣсколько сокращено введеніе къ народной словесности, исправлены замѣченныя ошибки и неточности, введены дополнительныя свѣдѣнія въ отдѣлы сказокъ и южно-русской литературы, а также внесено нѣсколько новыхъ пояснительныхъ примѣчаній и во многихъ мѣстахъ сдѣланы различныя стилистическія исправленія. Въ концѣ книги приложенъ списокъ важнѣйшихъ ученыхъ трудовъ по исторіи русской словесности, не претендующій, конечно, на библіографическую полноту, но заключающій въ себѣ самые важные и цѣнные труды по вопросамъ, входящимъ въ объемъ курса.

Въ заключеніи приношу искреннюю и глубокую благодарность всѣмъ своимъ уважаемымъ рецензентамъ; въ особенности считаю себя обязаннымъ досточтимому Ильѣ Александровичу Шляпкину за сдѣланныя имъ цѣнныя указанія и за его неизмѣнно доброжелательное отношеніе къ моимъ трудамъ.



Заставка изъ Устава церковнаго 1398.

ВВЕДЕНІЕ.

Общія понятія о языкѣ и народной поэзіи.

Культура и языкъ.

Все богатство современной человѣческой культуры создано тяжелымъ и медленнымъ трудомъ многихъ тысячъ поколѣній. Между этою современной культурой и скудною жизнью первобытнаго человѣка, безпомощнаго передъ природой, почти безсловеснаго, едва только познакомившагося съ огнемъ, одеждой, жилищемъ и оружіемъ, лежитъ цѣлая пропасть. Въ неустанной борьбѣ за существованіе изощрялись богатыя духовныя способности человѣка, накоплялись открытія и изобрѣтенія, росъ *культурный опытъ*, который закрѣплялся и передавался слѣдующимъ поколѣніямъ *посредствомъ слова, языка.*

Значеніе языка.

На языкѣ зиждется весь духовный и матеріальный прогрессъ человѣчества. Развитой, приспособленный ко всѣмъ оттѣнкамъ мысли и чувства и для всѣхъ потребностей жизни языкъ—одно изъ наиболѣе существенныхъ отличій человѣка отъ міра животныхъ, величайшее его благо. Слово—наиболѣе совершенный способъ передачи мысли и чувства, лучшее средство *общенія* людей; жесты и мимика—только дополненіе къ нему. Оно закрѣпляетъ всякій культурный опытъ, *знаніе,* и дѣлаетъ его доступнымъ для другихъ—современниковъ или послѣдующихъ поколѣній. Благодаря языку мы въ короткое время проходимъ тѣ ступени развитія, которыя въ жизни человѣчества измѣряются тысячелѣтіями.

Языкъ не только средство для выраженія и передачи мысли, но также и органъ, *образующій мысль*, могущественно содѣйствующій *мышленію*. Какъ главный органъ внутренней жизни, какъ постоянно развивающаяся дѣятельность, языкъ тѣсно связанъ съ умственнымъ развитіемъ людей и народовъ, всего лучше ихъ характеризуетъ. Въ немъ всего легче уловить особенности ихъ умственнаго и нравственнаго склада. Не даромъ у насъ отождествлялись въ старину понятія «языкъ» и «народъ».

Какъ живые организмы, языки зарождаются, растутъ, измѣняются, умираютъ. Въ каждомъ изъ нихъ, наряду съ новыми элементами, сохраняются и старые, восходящіе иногда къ такой глубокой древности, до которой не доходятъ наши историческія свѣдѣнія. Очень часто они даютъ драгоцѣнные матеріалы для характеристики доисторической жизни человѣчества. Сходныя слова въ разныхъ языкахъ даютъ возможность, напр., установить доисторическое сродство разныхъ народовъ; значеніе отдѣльныхъ корней вскрываетъ картины доисторическаго быта, пріемы древняго мышленія и пр.; такъ назыв. «мертвые языки» даютъ возможность воскресить давно уже угасшую культуру (напр., египетскую, ассиро-вавилонскую).

Ростъ языка. Постепенное развитіе языка, которое идетъ объ-руку съ общимъ прогрессомъ человѣчества, увеличиваетъ его значеніе въ человѣческой жизни. Языкъ дикарей скуденъ и бѣденъ словами: мысль вращается въ ограниченномъ кругу ограниченныхъ жизненныхъ потребностей и обслуживается, приблизительно, запасомъ въ нѣсколько сотъ словъ. Недостатокъ словъ въ значительной мѣрѣ восполняется мимикой и жестами.—Напротивъ того, языки современныхъ культурныхъ народовъ, обогащенные тысячелѣтнимъ опытомъ, имѣютъ громадное количество словъ (китайскій, напр., отъ 40 до 50 тысячъ, англійскій—до 100 тысячъ). Эти слова постепенно, вѣками, возникали изъ относительно небольшого количества корней (въ китайскомъ—450, въ англійскомъ—460).

Классификація языковъ: Всѣ существующіе языки различаются или по способу образованія формъ *(морфологическая классификація)*, или по своему происхожденію и родству *(генеалогическая классификація)*.

а) морфологическая; Слова первобытныхъ языковъ соотвѣтствовали *корнямъ* нашихъ современныхъ словъ, не знали еще формъ склоненія и спряженія. Разныя отношенія между предметами и явленіями указывались разнымъ порядкомъ словъ-корней, удареніями и пр. *Нѣкоторые* изъ первобытныхъ языковъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, выработали изъ словъ-корней, всегда неизмѣнныхъ и односложныхъ, другіе, новые способы выраженія мыслей—*аглютинацію* и *флективность*. Агглютинація („склеи-

ваніе“) выражается въ томъ, что слова, постоянно становившіяся рядомъ для выраженія какого-нибудь понятія, какъ бы срастались, „склеивались“, соединялись въ новое слово, не теряя своей способности употребляться и отдѣльно. Части агглютинативныхъ словъ, въ силу привычки, постояннаго употребленія, постепенно получали только *формальное* значеніе, переставали сознаваться, какъ отдѣльныя слова, и дѣлались только выраженіями отношеній, подвергаясь всевозможнымъ звуковымъ перемѣнамъ. Такъ получились суффиксы, приставки, флексіи. Въ современныхъ европейскихъ языкахъ, напр., русскомъ, можно указать рядъ такихъ формъ, которыя явились вслѣдствіе агглютинаціи, теперь уже нами не сознаваемой: напр.: *ин* въ словахъ *гражданинъ, мѣщанинъ...=одинъ* (этимъ объясняется исчезновеніе суффикса *ин* во множ. числѣ); добрый—добръ+и (мѣстоименіе), добраго—добра+его и пр.

Не всѣ языки изъ корневыхъ, односложныхъ, дѣлались—черезъ агглютинацію—позднѣе флективными: нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на многовѣковое развитіе, такъ и остались корневыми (напр., китайскій), агглютинативными (напр., турецкій, языки американскихъ дикарей) или выработали нѣчто среднее между агглютинативностью и флективностью (семитическіе языки), что не мѣшаетъ имъ, подобно флективнымъ языкамъ (русскому, нѣмецкому, латинскому...), прекрасно выражать всю сложность мыслей и чувствъ человѣческой души.

б) генетическая.

Наряду съ морфологической классификаціей существуетъ и *генеалогическая классификація языковъ*, по происхожденію, родству ихъ другъ съ другомъ. Русскій языкъ, вмѣстѣ съ другими славянскими, принадлежитъ къ *индо-европейской семьѣ языковъ*, развившейся изъ общаго праязыка (вѣтви индійская, иранская, армянская, албанская, греческая, италійская, отъ которой пошли современные романскіе языки, кельтская, германская, литовская, славянская).

Говорящіе этими языками народы когда-то представляли одно племя и жили въ одномъ мѣстѣ (по мнѣнію однихъ ученыхъ—около Гималаевъ, по мнѣнію другихъ—около Карпатъ). Изъ этого племени постепенно выдѣлились отдѣльныя народности, которыя разселились въ разныхъ мѣстахъ, попали въ разныя условія климатическія и географическія и стали все болѣе и болѣе обособляться. Тѣ изъ нихъ, которыя выдѣлились позднѣе и дольше жили общей жизнью, сохранили болѣе сходства въ языкѣ и вѣрованіяхъ (напр., греки и италійцы, литовцы и славяне). Въ свою очередь и праславянское племя съ теченіемъ времени разселилось и образовало отдѣльныя вѣтви: западную (поляки, чехи), южную (болгары, сербы) и сѣверо-восточную (русскіе: великороссы, малороссы и бѣлоруссы), при чемъ двѣ послѣднія вѣтви по языку другъ къ другу ближе.

Образность первобытнаго языка.

Одно изъ наиболѣе характерныхъ отличій первобытныхъ языковъ составляетъ особая присущая имъ изобразительность, *живописность*, которая постепенно исчезаетъ, стирается при дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Въ современныхъ культурныхъ языкахъ слова являются только условными знаками для выраженія понятій, въ перво-

бытныхъ же языкахъ они сами по себѣ были живыми *образами*, служили для выраженія конкретныхъ представленій.

Въ первобытной рѣчи было мало словъ. Лишь знакомясь постепенно съ міромъ, вырабатывая все новыя и новыя понятія, дикарь раздвигалъ тѣсныя рамки первоначальной рѣчи, создавалъ новыя слова изъ старыхъ, называлъ новые предметы и явленія прежнимъ словомъ по первому бросившемуся въ глаза сходному или яркому признаку, иногда случайному (напр., «корова», по своему корневому происхожденію, значитъ «рогатая», «мышь»—«воровка», «лебедь»—«бѣлая»). Дальнѣйшія наблюденія накопляли признаки, часто гораздо болѣе существенные, чѣмъ признакъ, который первый бросился въ глаза и по которому предметы получили названіе; эти признаки объединялись, *сгущались* около слова, закрѣплялись имъ, поддерживая *слагавшееся понятіе*. Первый признакъ отодвигалея за «порогъ сознанія», забывался; слово все болѣе дѣлалось *знакомъ понятія*, получало *условный, символическій* характеръ, что создавало *экономію мысли*, которая раньше слишкомъ растрачивалась на *раздѣльное сознаніе* частей слова, перваго признака и пр. Символичность рѣчи двинула впередъ развитіе человѣческой мысли, упростивъ ея технику, сдѣлавъ ее болѣе гибкой и подвижной.

Теперь мы усваиваемъ постепенно, съ дѣтства, рѣчь отъ старшихъ поколѣній и, въ силу привычки, пользуемся словами, какъ условными знаками для выраженія мысли, хотя *сами по себѣ* въ громадномъ большинствѣ случаевъ они ничего не говорятъ нашему сознанію и воображенію. Мы не сознаемъ, напр., что *по корневому своему происхожденію* „столъ“ одного корня со словомъ „стлать“, „душа“—одного корня съ „дышать“ и „дуть“, что „подушка“ происходитъ отъ словъ „подъ“ и „ухо“ и пр. *Безсознательное* отношеніе къ корнямъ и происхожденію словъ настолько въ насъ велико, что мы, не обинуясь, говоримъ: *„красныя чернила“, „тупо острить“, „стальное перо“, „паровая конка“, „безрогая корова“, „черный лебедь“* и т. д. Въ нашей рѣчи много *окаменѣлыхъ* словъ и оборотовъ, о происхожденіи и смыслѣ которыхъ мы обыкновенно не задумываемся; напр.: *„перочинный ножъ“, „красная строка“, „подноготная“, „Коломенская верста“* и др. [1]).

---

[1]) *„Перочинный ножъ“*—первоначально, ножъ для очинки гусиныхъ перьевъ, которыми писали въ старину; *„красная строка“*: въ старинныхъ рукописяхъ начальныя буквы отдѣльныхъ главъ, а иногда и цѣлыя строки, писались киноварью (красной краской): отсюда и произошло наше современное выраженіе, которое мы употребляемъ, совершенно забывъ о его первоначальномъ значеніи; *„подноготная“*, „узнать всю *подноготную*“,—выраженіе, восходящее къ эпохѣ примѣненія пытокъ въ судопроизводствѣ, когда для того, чтобы вынудить у обвиняемаго признаніе, ему загоняли подъ ногти раскаленные гвозди или шипы; *„Коломенская верста“*: верстовые столбы для опредѣленія разстоянія были впервые введены на Руси при царѣ Алексѣѣ Михай-

Конкретность и изобразительность первобытнаго языка коренится въ особенностяхъ всего первобытнаго міросозерцанія. Отличительной чертой его было *одухотвореніе всей природы,* представленіе каждаго ея явленія въ живомъ, наглядномъ образѣ. Такое первобытное одухотвореніе природы называется *анимизмомъ* (отъ латинскаго *anima—душа*). Языкъ и міросозерцаніе первобытныхъ народовъ.

Стремясь уразумѣть окружающую его жизнь, человѣкъ переносилъ на внѣшній міръ все то, что онъ замѣчалъ въ себѣ самомъ, что было ему знакомо по собственному внутреннему опыту. Вся природа казалась ему *одушевленный,* вездѣ онъ видѣлъ присутствіе живыхъ существъ, которыхъ онъ воображалъ по собственному образу и подобію, надѣляя ихъ такими же способностями мысли, чувства и воли, какія онъ сознавалъ въ себѣ самомъ. Замѣчая въ себѣ различныя проявленія воли и силы, выражающіяся въ дѣйствіяхъ, въ движеніяхъ, человѣкъ повсюду, гдѣ видѣлъ движеніе, подозрѣвалъ присутствіе такой же движущей силы, присутствіе живой воли, энергіи: молнія казалась ему стрѣлою, пущенной какимъ-то небеснымъ стрѣлкомъ; солнце представлялось огненнымъ глазомъ и вызывало цѣлый рядъ чисто человѣческихъ уподобленій: оно глядитъ на землю, все видитъ, всюду проникаетъ; оно милостиво или грозно, благотворитъ или губитъ. Вѣтеръ и огонь, текущая вода, небесныя свѣтила—все казалось первобытному человѣку живымъ и одушевленнымъ, а сознаніе своей слабости и зависимости отъ природы приводило его къ преклоненію передъ ея таинственными силами. Точно такъ же и въ животныхъ первобытный человѣкъ видѣлъ человѣкоподобныя существа, нерѣдко гораздо болѣе сильныя и ловкія, чѣмъ онъ самъ; отсюда—культъ животныхъ, вѣра въ происхожденіе отдѣльныхъ людей и племенъ отъ животныхъ, а также представленіе боговъ въ животномъ образѣ *(зооморфизмъ).* Представленіе же боговъ и духовъ въ человѣческомъ образѣ называется *антропоморфизмомъ* [1]).

Первобытное міросозерцаніе, представлявшее всю природу въ живыхъ, одушевленныхъ образахъ, нашло себѣ яркое отраженіе въ языкѣ. Именно на почвѣ этого первобытнаго анимизма возникли тѣ многочисленныя *метафоры,* при помощи которыхъ на явленія внѣшняго міра переносились дѣйствія и состоянія, свойственныя чело- Метафоричность первобытнаго языка.

ловичѣ, приказавшемъ поставить ихъ на дорогѣ отъ Москвы до села Коломенскаго, своего любимаго лѣтняго мѣстопребыванія: это нововведеніе, очевидно, такъ поразило современниковъ, что вызвало появленіе поговорки, сохранившейся и до настоящаго времени.

1) Отъ греческихъ словъ: ánthropos—человѣкъ, и morfé—образъ, видъ.

вѣку. Притомъ для первобытнаго сознанія эти метафоры имѣли не условное, а вполнѣ реальное значеніе, такъ какъ выражали собой дѣйствительное вѣрованіе въ одухотворенность природы.

Языкъ и миѳы.

Нѣкоторыя метафорическія сближенія, сопоставленія человѣка и природы (напр., солнца, огня, грозы и др.), вслѣдствіе богатства своего внутренняго содержанія и значенія для человѣческой жизни, открывали широкія перспективы. Такъ въ отдѣльныхъ случаяхъ создавались сложные и цѣльные образы, которые мы называемъ *миѳами*. При помощи этихъ миѳовъ первобытный человѣкъ пытался объяснить себѣ всѣ явленія природы. Съ миѳами тѣсно связаны *обряды*, которые, дѣлаясь все болѣе и болѣе традиціонными, постепенно складывались въ правильный религіозный *культъ*.

Въ миѳѣ и культѣ выражалось религіозное сознаніе первобытнаго человѣка. Главнымъ объектомъ ихъ были силы природы, представлявшіяся въ зооморфическихъ и антропоморфическихъ образахъ. Отдѣливъ путемъ наблюденій въ самомъ себѣ дѣйствующую внутреннюю силу, *душу*, человѣкъ перенесъ это и на природу, сталъ поклоняться *духамъ*, наполнявшимъ природу. Поклонялся онъ и душамъ предковъ, хранителямъ его домашняго очага *(культъ предковъ)*. Ими онъ населялъ также особое царство мертвыхъ—подъ землей, на небѣ или гдѣнибудь за моремъ, на островахъ. Культъ природы, болѣе ранній, и культъ предковъ, сложившійся на почвѣ *болѣе позднихъ* семейныхъ и родовыхъ отношеній, впослѣдствіи все болѣе сближаются и смѣшиваются. Такъ образовалась, напр., религія древнихъ грековъ. Въ народномъ сознаніи миѳотворчество оставило глубокіе слѣды: миѳологическій складъ мысли всегда силенъ, пока не развилось ясное научное сознаніе; онъ проявляется и на христіанской почвѣ и приводитъ къ смѣшенію язычества съ христіанствомъ, къ *двоевѣрію*.

Ослабленіе первобытной образности

Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ коренныхъ измѣненій во взглядахъ и вѣрованіяхъ людей, многочисленныя метафоры, въ которыхъ отражалось древнее анимистическое міросозерцаніе, постепенно теряли свою первоначальную изобразительность, получали чисто условный характеръ (мы, напр., уже не чувствуемъ изобразительности такихъ выраженій, какъ «дождь *идетъ*», «солнце *садится, встаетъ*»). Но зато взамѣнъ умершихъ словъ-метафоръ, сдѣлавшихся условными знаками, создаются новыя, которыхъ постигаетъ та же участь (ихъ много, напр., въ нашихъ областныхъ нарѣчіяхъ: «шары», «глядѣлки» — глаза, «гребь»—весло, «шагать»—идти, «купилки»—деньги). Съ другой стороны, *мертвое* слово, ставшее лишь условнымъ знакомъ для обозначенія какой-либо вещи или качества, оживаетъ *въ оборотѣ*, въ соединеніи словъ («домъ» — и «чувствовать себя, какъ дома», «каменный»—и «каменное сердце»).

Такъ совершается круговоротъ умирающей и воскресающей въ словахъ изобразительности.

Въ языкѣ, такимъ образомъ, борются двѣ силы: *первоначальной изобразительности* и *обобщенія, отвлеченія.* Обѣ онѣ удовлетворяютъ двумъ основнымъ потребностямъ нашего духа: потребности создавать *художественные образы* и стремленію къ наиболѣе точному и простому выраженію *понятій.* Чѣмъ болѣе поздній періодъ развитія языка мы возьмемъ, тѣмъ меньше въ немъ *непосредственной изобразительности слова,* тѣмъ больше въ немъ изобразительность создается *не отдѣльными словами, а ихъ сочетаніемъ.*

Первобытная и вообще древняя рѣчь была *сама по себѣ* образнѣе нашей современной [1]), изобразительность давалась ей, такъ сказать, *даромъ,* теперь же она является результатомъ *личнаго творчества, вдохновенія,* легко распадается отъ повтореній и привычности, требуетъ *постояннаго обновленія. Яркая и смѣлая метафоричность* вмѣстѣ съ *живымъ* значеніемъ словъ придавала древнимъ языкамъ и древней поэзіи своеобразную изобразительную красоту.

Языкъ и поэзія.

Мы мыслимъ двояко: образами или понятіями, пользуемся средствами *поэзіи* или *прозы.* Слово-*понятіе* медленно вырастало изъ слова-*образа,* разрушая древнюю изобразительность. Первоначально то, что мы теперь называемъ поэзіей, сосредоточивалось въ *словѣ;* образное слово выражало всю духовную жизнь первобытнаго человѣка, его вѣрованія и знанія, чувство и мысль. Тогда поэзія не представляла еще изъ себя обособленной области; выдѣлилась она постепенно, развиваясь сама и опираясь на развитіе языка.

Происхожденіе первобыт. поэзіи.

Зарожденіе поэзіи относится къ начальнымъ моментамъ человѣческой культуры. Первичная форма ея была *пѣсня.*

Пѣсня сопровождала всѣ моменты жизни дикаря, печальные и веселые, праздничные и будничные. Она была органически связана съ музыкой, танцами, мимическими движеніями. Вначалѣ она сводилась къ отдѣльнымъ возгласамъ, выражавшимъ то или иное чувство, кликамъ радостнымъ или печальнымъ по тону, которые медленнымъ, затяжнымъ процессомъ развились постепенно въ правильную мелодію и послѣдовательный поэтическій текстъ. Въ этой первоначальной пѣснѣ-кликѣ сказалось вложенное природой въ чело-

---

1) Напр.: „Отцы *напились жизни*“—умерли, все изжившіе; „зарыть въ землю топоръ“—заключить миръ; „вы говорили губами, а не сердцемъ“—вы хотѣли меня обмануть; „вы мнѣ закрыли уши“—вы мнѣ сообщили секретъ. Таковы же древне-русскіе обороты: „взять на щитъ“—завоевать, взять приступомъ, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“—„выронилъ жемчужную душу черезъ золотое ожерелье“, „изронилъ золотое слово, смѣшанное со слезами“ и пр.

вѣка стремленіе къ ритму [1]), который составляетъ главную формальную особенность поэзіи вообще, первобытной въ особенности.

Ритмъ и его значеніе.

Ритмъ вообще присущъ природѣ человѣка. Всякое привычное, не требующее работы сознанія и воли движеніе дѣлается автоматическимъ, какъ бы непроизвольнымъ — и *ритмическимъ*. Такія движенія меньше требуютъ затраты мускульной и нервной энергіи, меньше утомляютъ и благодаря этому создаютъ извѣстную экономію силы.

Человѣкъ рано понялъ, на ежедневномъ опытѣ, все благодѣтельное значеніе ритма, сталъ все больше и больше пользоваться имъ въ тяжелой борьбѣ за существованіе, примѣняя его, напр., къ различнымъ формамъ работы. Чѣмъ сложнѣе и утомительнѣе работа, тѣмъ больше она требуетъ ритма. Если въ ней принимаетъ участіе много лицъ, ритмъ согласовываетъ, упорядочиваетъ, направляетъ къ одной общей цѣли разнообразныя движенія, которыя безъ ритма мѣшали бы другъ другу. Онъ *организуетъ* общую работу и групшу работающихъ, какъ бы поглощая отдѣльныя личности и сознанія, сливая ихъ въ единствѣ движеній и ощущеній, взбадривая, поднимая энергію. Какъ всѣ другія проявленія своей жизни, первобытный человѣкъ сопровождалъ и работу пѣніемъ, и это пѣніе по-неволѣ приспособлялось къ ритму работы, съ которой оно было связано. Такимъ образомъ создался одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ поэзіи—*ритмическая рабочая пѣсня* (типа нашей „Дубинушки“).

Пѣсня-игра.

Громадное значеніе въ жизни первобытнаго человѣка имѣла *пѣсня-игра*. Какъ и для дѣтей, она была для него существенной потребностью, потому что давала исходъ избытку физической и душевной энергіи. Путешественники единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ увлеченіемъ дикари отдаются этимъ играмъ, которыя часто отличаются сложностью и разнообразіемъ. Онѣ всегда сопровождаются импровизированными пѣснями, плясками, музыкальнымъ аккомпаниментомъ. Иногда во время этихъ игръ разыгрываются цѣлыя мимическія сцены, изображающія охоту, войну, различныя приключенія и т. д., или связанныя съ различными обрядовыми и религіозными дѣйствами.

Хоровое начало.

Общая работа и игра связывали людей въ одно цѣлое и создавали *хоръ*. Это отразилось на стилѣ и пріемахъ всей первобытной поэзіи. Подобно языку, она слагалась въ безсознательномъ сотрудничествѣ массы, въ которомъ сначала безслѣдно исчезалъ личный починъ. И по формѣ, и по содержанію она первоначально представляла собою безформенное смѣшеніе зачатковъ поэзіи, музыки, тан-

---

[1]) Въ широкомъ смыслѣ слова, ритмъ—всякое правильное, равномѣрное движеніе, чередованіе черезъ опредѣленные, *одинаковые* промежутки опредѣленныхъ, *одинаковыхъ* движеній, дѣйствій, звуковъ, высокихъ и низкихъ тоновъ и пр. На ритмѣ основаны музыка и стихотворные размѣры; ритмичны пульсъ и дыханіе у здороваго человѣка, спокойная, привычная ходьба и т. д.

ціональнаго искусства и объединяла въ себѣ всѣ поэтическіе роды и виды—эпосъ, лирику и драму съ ихъ подраздѣленіями. Эта изначальная слитность различныхъ элементовъ, способныхъ къ жизни и дальнѣйшему развитію, все болѣе расходящихся при этомъ развитіи, называется *первобытнымъ синкретизмомъ* [1]).

Синкретизмъ первобытной поэзіи.

Ранняя синкретическая пѣсня при хоровомъ исполненіи обыкновенно драматизировалась, *представлялась въ дѣйствіи*, сопровождалась, соотвѣтственно содержанію, мимическими движеніями: если пѣли, напр., объ охотѣ, то подражали движеніямъ и дѣйствіямъ охотниковъ. Между хоромъ и запѣвалой или частями хора завязывался иногда діалогъ; иногда, примѣнительно къ сюжету, рядились: одни изображали охотниковъ, другіе—животныхъ, за которыми охотились. Партія запѣвалы рано стала разрастаться въ цѣлый *эпическій* разсказъ; въ отвѣтахъ и припѣвахъ хора звучалъ повышенный *лирическій* элементъ. Все это соединялось съ музыкой и мимическими танцами, къ которымъ дикари вообще питаютъ исключительную склонность.

Пѣсня-импровизація.

Чѣмъ бѣднѣе культура, тѣмъ скуднѣе содержаніе поэзіи; у наименѣе культурныхъ дикарей оно сводится къ наивной, *поочередной*, импровизаціи какой-нибудь фразы, на которую отвѣчаетъ или которую повторяетъ хоръ. Такая пѣсня—обыкновенно родъ речитатива съ хоромъ: запѣвало споетъ стихъ, хоръ подхватываетъ припѣвомъ. Къ подобнымъ пѣснямъ прибавляется часто своеобразная музыка: отбиваютъ тактъ палками, ударами ногъ о доски, битьемъ въ ладоши. Пока одни танцуютъ или мимически изображаютъ какое-либо дѣйствіе, другіе подпѣваютъ пѣсню или ритмически издаютъ крики.

Бѣдное содержаніе такихъ первичныхъ *синкретическихъ*, хоровыхъ и одиночныхъ *импровизацій* то сводится къ безконечному повторенію, подъ однообразную, простую мелодію, одного какого-нибудь восклицанія, то укладывается въ небольшую фразу, подсказанную какимъ-нибудь случайнымъ событіемъ или впечатлѣніемъ, съ такими же неограниченными повтореніями. Подобныя пѣсни исчезаютъ такъ же легко, какъ и возникаютъ. Онѣ воспѣваютъ первый подвернувшійся случай; цѣлая пѣсня можетъ обосноваться на любомъ мелкомъ фактѣ. Нашъ извѣстный писатель В. Г. Короленко, по личнымъ впечатлѣніямъ, такъ изображаетъ пѣніе пьянаго якута: онъ „тянулъ безконечную пѣсню, выводилъ горломъ дикіе, скрипучіе звуки, повторяя на разные лады, что завтра большой праздникъ, а сегодня онъ пьянъ“.

Усложненіе и общее развитіе жизни приводятъ и къ усложненію поэтическаго текста. Лопарь воспѣваетъ все, что видитъ и слышитъ въ данную минуту, такъ сказать, фотографируетъ всю текущую дѣйствительность, часто во всей ея сложности: пріѣздъ, разговоры путеше-

---

[1]) *Синкретическій*—отъ греческ.: synkrasis—смѣшеніе, соединеніе, synkratos—тѣсно связанный, смѣшанный.

ственниковъ, чиновниковъ, всѣ мелочи ихъ поведенія. По словамъ нашего знаменитаго путешественника и этнографа Максимова, физіономія лопаря-пѣвца при этомъ сіяетъ настоящимъ вдохновеніемъ.

Еще интереснѣе въ этомъ отношеніи слѣдующій примѣръ. Одинъ путешественникъ-европеецъ зашелъ въ хижину къ негритянкѣ, гдѣ сидѣло нѣсколько женщинъ за пряжей. Онѣ сейчасъ же, продолжая работать, сложили про него пѣсню и подобрали напѣвъ: „дули вѣтры и шелъ дождь, бѣдный бѣлый человѣкъ, слабый и усталый, явился и сѣлъ подъ нашимъ деревомъ. Нѣтъ у него матери, чтобы подать ему молоко, нѣтъ жены, которая намолола бы ему муки". Другія подхватили: „приголубимъ бѣлаго человѣка: нѣтъ у него матери, чтобы подать ему молоко, нѣтъ жены, которая смолола бы ему муки".

Образованіе пѣсенной традиціи.

Вызванныя тѣмъ или другимъ поводомъ, подобныя пѣсни легко могутъ забываться, когда охладѣетъ интересъ къ ихъ содержанію, но могутъ и продержаться нѣкоторое время въ создавшей ихъ средѣ, запомниться болѣе или менѣе крѣпко: понравившись, онѣ могутъ быть подхвачены для дальнѣйшаго распространенія слушателями.

Усложненіе бытовыхъ отношеній обогащало и осложняло содержаніе пѣсни, создавалось поэтическое преданіе, чередовавшееся со старой наивной импровизаціей. Пѣсня стала переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ одного народа къ другому не только какъ привлекательная *мелодія*, но и какъ самъ по себѣ интересный *текстъ*, иногда даже безъ напѣва.

Этотъ ростъ поэтической традиціи тѣсно связанъ съ разложеніемъ первобытнаго синкретизма. И то, и другое опредѣлялось ростомъ *личности* и ея выдѣленіемъ изъ первобытной однородности. Соединеніе въ однихъ и тѣхъ же лицахъ пѣвцовъ-поэтовъ, музыкантовъ, танцоровъ и актеровъ возможно только на *зачаточныхъ* ступеняхъ. Техника пѣсни тогда была настолько слаба, что каждый могъ пѣть и импровизировать, бить въ барабанъ или аккомпанировать ударами въ ладоши. Но языкъ, музыкальные инструменты, пѣніе совершенствовались; отдѣльныя личности, въ силу прирожденныхъ способностей, стали выдвигаться тогда потому, что дѣлали все это лучше другихъ—и обогащали общій опытъ результатами личнаго таланта.

Хоръ и запѣвало.

Изъ состава хора рано выдѣлился, когда текстъ пѣсни окрѣпъ и развился, *запѣвало* (корифей древнихъ грековъ), который зачиналъ и велъ пѣсню. Пѣть всѣмъ сложный текстъ было невозможно или затруднительно. Хоръ лишь отвѣчалъ запѣвалѣ, вторилъ его словамъ или подхватывалъ послѣднюю его фразу въ видѣ припѣва. Чѣмъ болѣе связнымъ и сложнымъ становился текстъ, тѣмъ болѣе росла роль запѣвалы; чѣмъ длиннѣе была пѣсня, тѣмъ меньше могъ повторять

ее хоръ; его участіе все болѣе шло на убыль, пока не свелось къ подхватыванію отдѣльныхъ стиховъ, *подпѣванію*, восклицаніямъ.

Роль запѣвалы была уже отвѣтственной, требовала умѣнія, выработки, личнаго дара; на смѣну случайной импровизаціи является практика, и создается *традиція*. Запѣвало превращается въ профессіональнаго *пѣвца*, владѣющаго словомъ и звукомъ, имѣющаго *свои* мелодіи и пѣсни. Связь пѣвца съ хоромъ все болѣе слабѣла, въ отдѣльныхъ случаяхъ рвалась совсѣмъ: онъ самостоятельно, одинъ или съ другимъ пѣвцомъ, поочередно, пѣлъ, сказывалъ и дѣйствовалъ. Между пѣвцами происходили серьезныя или шуточныя пренія, обмѣнъ загадками; разыгрывались ими и діалогическія сценки.

Разложеніе первобытнаго синкретизма.

Появленіе профессіональныхъ пѣвцовъ болѣе всего способствовало *разложенію первоначальнаго синкретизма* и выдѣленію изъ него поэтическихъ родовъ и видовъ: *эпоса, лирики* и *драмы* съ ихъ подраздаленіями [1]).

Лирико-эпическая кантилена.

Отдѣльная пѣсня, обособившаяся изъ создавшей ее хоровой, вначалѣ была всегда *лирико-эпична*: это такъ назыв. *кантилена*, въ которой повѣствовательный сюжетъ сопровождался лирическими проявленіями чувствъ, выражавшихся въ восклицаніяхъ и припѣвахъ, въ замедленіи или ускореніи повѣствованія, въ возвращеніи къ прежнимъ положеніямъ съ новыми *подчеркивающими* подробностями, въ повтореніи стиховъ, усиливающемъ ихъ значеніе; припѣвъ часто создаетъ общее настроеніе пѣсни.

Нѣкоторыя особенности лирико-эпической пѣсни (кантилены) такого типа, давно уже забытаго европейскими народами, лучше всего иллюстрируются слѣдующею пѣсней сѣверо-американскихъ индійцевъ, которая говоритъ о пораженіи и о надеждахъ на месть. „Въ тотъ день, когда наши воины полегли, полегли, я былъ рядомъ съ ними и, прежде, чѣмъ палъ, чаялъ отомстить врагу, врагу! Въ тотъ день, когда наши вожди были сражены, сражены, я бился лицомъ къ лицу во главѣ моей дружины, и моя грудь истекла кровью, кровью! Наши вожди болѣе не вернутся, не вернутся, а ихъ братья по оружію, которые не могутъ показать рану за рану, словно женщины, будутъ оплакивать свою судьбу, свою судьбу! Пять лѣтъ на охотѣ проживемъ, проживемъ, тогда снова поведемъ въ битву нашихъ юношей, когда они станутъ мужами, и кончимъ жизнь, какъ наши отцы, какъ наши отцы!“

---

[1]) Выдѣленіе запѣвалы изъ хора привело еще къ одному очень интересному явленію,—къ поэтическимъ состязаніямъ нѣсколькихъ, обыкновенно двухъ, пѣвцовъ. Начало этихъ состязаній тоже восходитъ къ древнему синкретизму—къ двумъ перепѣвающимся, спрашивающимъ и отвѣчающимъ хорамъ. Это хоровое чередованіе создало поочередное, такъ назыв. „амебейное“ (отъ латинскаго ambo—вдвоемъ) пѣніе отдѣльныхъ пѣвцовъ, изъ котораго развились впослѣдствіи поэтическія состязанія.

Въ виду остроты только что пережитаго тяжелаго момента, въ этой пѣснѣ лиризмъ очень замѣтенъ, выдвинутъ на первый планъ, въ ущербъ эпической канвѣ, слегка намѣченной.

Выдѣленіе эпоса.

Лиризмъ кантиленъ, воспѣвавшихъ событія, близкія и пѣвцу, и слушателямъ, вполнѣ естественъ. Но по мѣрѣ того, какъ эти событія отодвигались въ область прошлаго, лирическое одушевленіе ослаблялось, пропадало; удерживалась въ памяти лишь общая, наиболѣе рельефная, *схематическая* часть пѣсни, если вообще она нравилась, какъ пѣсня, независимо отъ воплощенія ею волновавшаго всѣхъ чувства; запоминались только характерныя черты воспѣваемаго героя или событія, теперь уже далекаго и новымъ поколѣніямъ чуждаго. Послѣдующая *механическая* работа народнаго преданія все болѣе развивала такое *обобщеніе*, такіе *типическіе*, *идеализирующіе* пріемы народной памяти.—Обычныя въ первобытной средѣ племенныя и родовыя войны обусловливали объединеніе пѣсенъ около какого-нибудь выдающагося имени или событія, вызывали ихъ *циклизацію* [1]). Она заключалась въ томъ, что какой-нибудь фактъ или лицо, наиболѣе яркіе, притягивали къ себѣ особое вниманіе пѣвцовъ, становились въ центрѣ пѣсеннаго разсказа, группируя вокругъ себя другіе факты или имена, иногда ничѣмъ съ нимъ первоначально не связанные; такимъ образомъ изъ отдѣльныхъ пѣсенъ создавался *циклъ*. Таковы, напр., обширные эпическіе циклы, образовавшіеся у древнихъ грековъ вокругъ преданій о Троянской войнѣ; у французовъ — вокругъ имени Карла Вел., у насъ — вокругъ имени св. Владиміра.

Пѣвцы и эпическая традиція.

Созданіе *традиціи* въ содержаніи и стилѣ пѣсенъ еще болѣе нашло для себя точку опоры въ классѣ пѣвцовъ, дѣлавшихся все болѣе и болѣе *профессіональными*, и привело къ *выдѣленію эпоса, какъ особаго поэтическаго рода*.

Пѣвецъ, выдѣлившійся, благодаря своему таланту, среди своего рода или племени, начинаетъ играть въ ихъ кругѣ все большую и большую роль: онъ воодушевляетъ къ бою художественными воспоминаніями о былыхъ герояхъ и подвигахъ, клеймитъ трусость и превозноситъ доблесть; суда его боятся, къ его голосу чутко прислушиваются. Когда слагаются военный классъ, военная власть, когда появляются дружины и постоянные вожди, наряду съ пѣвцами родовыми и племенными выдвигаются и *пѣвцы дружинные*, которые, главнымъ образомъ, спеціализируются на боевыхъ пѣсняхъ и заплачкахъ о почившихъ герояхъ во время похоронныхъ тризнъ: эти пѣсни и послужили зачатками *историческаго эпоса*.

---

[1]) Отъ латинскаго cyclus, кругъ.

Такіе пѣвцы воспѣвали вождей и витязей, „лелѣяли“ ихъ славу, слагали лирико-эпическія пѣсни на событія дня, но помнили и старыя пѣсни предковъ, пѣсни о предкахъ своего героя, въ которыхъ лирическій элементъ заплачки все болѣе слабѣлъ отъ времени, вытѣснялся ростомъ эпической части. Они знали родословную героевъ былого и въ свои пѣсни вносили *генеалогическую*, *родовую циклизацію;* въ ихъ памяти длинной вереницей чередовались героическіе образы, обобщался идеалъ героизма, отражавшійся и на пѣсняхъ о новыхъ подвигахъ и герояхъ; слагались *типы* физической мощи и красоты, храбрости, подвига, вѣрности, предательства, трусости. Чѣмъ древнѣе было основное преданіе, тѣмъ легче было примѣнять старое къ новому, какъ *общее* мѣсто. Мало-по-малу затемнялись историческія основы пѣсеннаго преданія, которыя становились все болѣе обобщенными и эпическими. Въ свою очередь и идеалы пѣсни служили предметомъ подражанія, еще усиливая сложившееся обобщеніе.

Выработка эпическаго стиля.

Обобщеніе содержанія, его переполненіе общими мѣстами идетъ рядомъ съ обобщеніемъ *стиля,* который все болѣе становится типическимъ, переходитъ въ *эпическій схематизмъ.* И бытъ, и его пѣсенное отраженіе какъ бы застываютъ въ опредѣленныхъ, замкнутыхъ формахъ: всегда схематичны снаряженія героевъ къ бою, въ путь, вызовы враговъ, пиры; все выражается готовыми, *окаменѣлыми* формулами, къ которымъ прибѣгаютъ каждый разъ, когда развитіе сюжета даетъ для этого какой-либо самый легкій поводъ. Слагается прочная поэтика, подборъ устойчивыхъ оборотовъ, стилистическихъ мотивовъ, словъ и эпитетовъ. Спеціализировавшійся на своемъ дѣлѣ пѣвецъ помнитъ основы пѣсенъ, характерныя черты дѣйствующихъ лицъ и событій, остальное дополняетъ привычная поэтика; ни одинъ народный пѣвецъ такого типа не повторитъ дословно пѣсню, а будетъ варіировать ее тѣми или другими общими мѣстами; забудетъ тотъ или другой второстепенный эпизодъ, но всегда сохранитъ существенное.— *Устойчивость стиля и поэтическихъ пріемовъ* создается именно традиціей профессіональныхъ пѣвцовъ. Она зарождается и развивается среди особаго *класса* пѣвцовъ, достигается выучкой, перениманіемъ другъ у друга; она облегчаетъ запоминаніе и импровизацію, у которой всегда подъ руками цѣлыя палитры красокъ— въ общихъ мѣстахъ и схематическихъ оборотахъ.

Профессіональные пѣвцы: а) дружинные и придворные;

Такъ сложился *чистый эпосъ* со всѣми особенностями своего содержанія и формы. Его носители и хранители—родовые, племенные, дружинные, княжескіе, королевскіе пѣвцы [1]). Съ ними знакомитъ насъ Гомеръ въ лицѣ Демодока и Фемія (въ «Одиссеѣ»), ко-

1) У Грековъ рапсоды, у кельтовъ барды, у скандинавовъ скальды; къ нимъ принадлежалъ и Баянъ нашего „Слова о полку Игоревѣ“.

торые поютъ на пирахъ у царей о захватывающихъ перипетіяхъ только что разыгравшейся Троянской войны. Это пѣвцы, такъ сказать, осѣдлые, прикрѣпленные связями или интересами къ опредѣленному мѣсту, къ к.-либо городу или же ко двору того или другого царя.

Когда начинаютъ расти связи между отдѣльными родами и племенами, когда слагаются союзы на почвѣ народнаго родства или общности языка, интересовъ, и изъ хаоса родовыхъ и племенныхъ отношеній вырастаютъ государства, — осѣдлый пѣвецъ начинаетъ искать для себя больше простора, свободы, дѣлается *странствующимъ*. Если онъ знаменитъ, его нарасхватъ приглашаютъ князья и короли родственныхъ народовъ, задариваютъ его наперерывъ: каждому хочется быть увѣковѣченнымъ въ пѣснѣ.

Съ такимъ типомъ пѣвца, съ его несложной психологіей знакомитъ насъ одно древнее англо-саксонское стихотвореніе (VII в.) о пѣвцѣ Видсидѣ, т.-е. *много странствующемъ*. „Сталъ говорить Видсидъ, открылъ сокровищницу словъ (ротъ)—онъ, который болѣе всѣхъ мужей объѣхалъ дружинъ и народовъ. Часто получалъ онъ въ хоромахъ милое сердцу сокровище“. Вмѣстѣ съ женой, „милой ткачихой мира“ (женщины считались устроительницами мирныхъ отношеній между сосѣдними народами путемъ брака), посѣтилъ онъ встарь страну готовъ. Видсидъ подробно перечисляетъ народы и князей, которыхъ онъ посѣтилъ. Одного изъ нихъ онъ называетъ „самымъ лучшимъ“, другого—„самымъ богатымъ изъ всего человѣческаго рода“: „онъ возвысился болѣе всѣхъ, которыхъ я зналъ на землѣ.“ У бургундовъ, не забываетъ онъ прибавить, подарили ему дорогое запястье: „далъ мнѣ тамъ Гунтеръ (вождь бургундовъ) милое сокровище въ награду за пѣсню; не былъ онъ скупъ“. Другой князь „имѣлъ изъ всего человѣческаго рода самую легкую на подарки руку“, какъ узналъ это Видсидъ на опытѣ. „Такъ, шагая, покорные своей судьбѣ, странствуютъ много по землѣ мужи, радость людей (пѣвцы), говорятъ о своихъ нуждахъ, сказываютъ спасибо за подарки и всюду, на югѣ или на сѣверѣ, встрѣчаютъ знатока пѣсенъ, щедраго на подарки. Тотъ, кто воспѣваетъ славу другихъ, имѣетъ подъ небомъ самую лучшую долю“.

Странствованія расширяли кругозоръ пѣвцовъ, выводили ихъ изъ узкаго круга мѣстныхъ, племенныхъ интересовъ, обогащали ихъ репертуаръ новыми темами. Въ соревнованіи росла техника. Исключительный почетъ, оказываемый пѣвцамъ, приводилъ къ тому, что среди нихъ были и люди высокаго происхожденія.

б) бродячіе потѣшники.

Наряду съ почетными профессіональными пѣвцами, каковы были, напр., средневѣковые трубадуры и миннезингеры, издавна существовали повсемѣстно въ Европѣ также бродячіе *потѣшники* болѣе низкаго типа. Древняя Грецiя и Византія знали мимовъ, Римъ—

гистріоновъ; средневѣковая Европа получила своихъ жонглеровъ по наслѣдству отъ античнаго міра, развила и закрѣпила ихъ ремесло, для котораго въ ея жизни было много благопріятныхъ условій. По Германіи бродили шпильманы, которые рано, еще съ XI вѣка, заходили и къ намъ въ Россію; Византія и южные славяне столь же рано даютъ намъ скомороховъ, которые нашли для себя на Руси вполнѣ подготовленную почву [1]).

Въ раннюю эпоху скоморохъ какъ бы дополнялъ пѣвца; онъ былъ вхожъ въ дома богатыхъ и знатныхъ, являлся желаннымъ гостемъ на пирахъ и свадьбахъ, въ угоду вкусамъ, которые далеко еще не были утонченными. Въ своихъ пѣсняхъ и играхъ онъ развивалъ главнымъ образомъ элементъ грубой потѣхи, непритязательнаго шутовства, сопровождая свое исполненіе комическимъ ряженіемъ, акробатическими упражненіями, фокусами и паясничествомъ.—Но съ теченіемъ времени, въ особенности съ появленіемъ письменности, благодаря общему подъему культуры и расчлененію общества на классы, все болѣе и болѣе росло разстояніе, отдѣлявшее *пѣвца* отъ *скомороха*. Пѣвецъ постепенно превращался въ *поэта-писателя*, съ опредѣленной, ясно выраженной индивидуальной физіономіей (Рютбёфъ, Вилонъ, Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ), все далѣе уходилъ отъ народной поэзіи, его воспитавшей, порывалъ съ вѣковыми пѣсенными традиціями, все болѣе и болѣе отдаваясь свободному *личному* творчеству. Единственнымъ хранителемъ народнаго *преданія*, вѣками накопленнаго богатства пѣсенъ эпическаго и лирическаго характера, остался скоморохъ—«веселый человѣкъ». Онъ даже обогатилъ свой сложный репертуаръ піесами болѣе серьезнаго характера, унаслѣдованными отъ пѣвцовъ высшаго типа, хотя и исказилъ ихъ въ своей передачѣ. Но его общественное положеніе, сравнительно съ положеніемъ прежнихъ профессіональныхъ пѣвцовъ, съ теченіемъ времени все болѣе измѣняется къ худшему: въ то время какъ тѣ пользовались всеобщимъ почетомъ, выступали на придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ, скоморохи становятся исключительно забавниками простонародныхъ массъ и въ качествѣ таковыхъ вызываютъ къ себѣ презрительное отношеніе высшихъ, болѣе культурныхъ классовъ и даже подвергаются всевозможнымъ ограниченіямъ и преслѣдованіямъ.

---

1) Мимы отъ греческаго глагола, обозначающаго „подражать“; гистріоны—шуты, потѣшники; жонглеры—отъ латинскаго joculatores (искусно подкидывающіе и подхватывающіе вещи); шпильманы—отъ нѣмецкаго Spiel—игра и Mann—мужъ; скоморохи, вѣроятно, отъ mascara, маска.

Слишкомъ большое развитіе скоморошьяго ремесла сталкивается, во-первыхъ, со взглядами и интересами церкви и государства. Церковь видѣла въ скоморохахъ «мірскую, бѣсовскую забаву», отголосокъ ненавистнаго языческаго прошлаго. Подъ ея давленіемъ скомороховъ лишаютъ права исполненія требъ, наслѣдованія; ихъ личность, имущество—внѣ закона. Какъ бродячій и безпокойный элементъ, они вызываютъ и преслѣдованія государственной власти. Съ другой стороны, высшіе классы все меньше и меньше матеріально поддерживаютъ скомороховъ: среди нихъ слагаются вкусы и требованія, которымъ бродячій потѣшникъ уже не можетъ болѣе удовлетворять. Онъ опускается въ народную массу, растворяется въ ней, передавъ деревнѣ обрывки своихъ пѣсенъ и потѣхъ, искаженные, все болѣе стирающіеся обломки своей когда-то развитой традиціонной техники.

Въ исторіи эпической поэзіи скоморохи оставили большіе слѣды. Сравнительно съ пѣвцами прежней формаціи они отличаются *большею подвижностью*. Даже странствующій родовой или дружинный пѣвецъ связанъ, больше или меньше, съ выдѣлившей его средой, въ которой уже сложились его интересы и отношенія. Потѣшникъ гибче его: онъ долженъ *только* нравиться, нравиться всѣмъ своимъ слушателямъ, при всемъ разнообразіи ихъ интересовъ и взглядовъ. Сохранность традиціи ему меньше дорога, потому что ея отъ него и не требовали: онъ не былъ хранителемъ стараго, священнаго народнаго преданія, которое нужно было оберегать во что бы то ни стало. Эти потѣшники бродили и среди чуждыхъ народностей, вездѣ схватывали то, что казалось интереснымъ и подходящимъ для нихъ, не считаясь съ народными перегородками и національнымъ самолюбіемъ. Они слышали и запоминали много разныхъ пѣсенъ, спѣвали ихъ подъ рядъ, не смущаясь анахронизмами, смѣшеніемъ старыхъ и новыхъ, чужихъ и своихъ источниковъ. Съ другой стороны, пріемы поэтическаго изложенія все болѣе отливались въ опредѣленныя, застывшія формы — результатъ профессіональной школы, выучки: становятся обязательными повторенія, постоянные эпитеты, всѣ вообще пріемы старой пѣсни, какъ бы окаменѣвшіе и потому облегчающіе личное творчество запасомъ готовыхъ формулъ и общихъ мѣстъ. Въ этомъ направленіи народная поэзія двигалась уже давно, но только бродячіе потѣшники придали ей характеръ стройной и строгой поэтики, особенно рѣзко выраженный въ области *эпической* техники.

Техника народнаго эпоса:

Для *эпической* техники, какъ она выработалась въ кругу бродячихъ пѣвцовъ и потѣшниковъ, болѣе всего характерны *повторенія*— излюбленнѣйшій пріемъ народной поэзіи всего міра.

а) эпическія повторенія;

Особенно типичны для нея *дословные* захваты изъ конца одного стиха въ начало слѣдующаго, сходныя или одинаковыя начала нѣсколькихъ стиховъ подъ рядъ, повтореніе одного и того же стиха въ теченіе пѣсни. Одни изъ этихъ повтореній вызваны желаніемъ

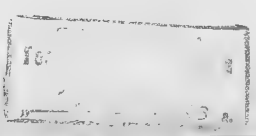
усилить впечатлѣніе, остановить на немъ вниманіе слушателей; другія же объясняются неразвитостью синтаксиса въ первобытныхъ языкахъ, которые еще не нашли соотвѣтствующихъ формулъ для выраженія *соподчиненія* впечатлѣній, слѣдующихъ другъ за другомъ въ порядкѣ времени, и прибѣгали къ ихъ *сочиненію*. Мы, пользуясь средствами современнаго языка, сказали бы: *пока* Роландъ трубитъ, въ войскѣ Карла совершалось то-то и то-то; древній пѣвецъ нѣсколько разъ повторяетъ: «Роландъ трубитъ», каждый разъ прибавляя все новыя и новыя подробности. На насъ это можетъ производить особое впечатлѣніе — впечатлѣніе длительности основного дѣйствія при смѣнѣ развивающихъ его эпизодовъ. Наши былины, чтобы подчеркнуть дѣйствіе, задержать на немъ вниманіе, расчленяютъ его на рядъ моментовъ. Вмѣсто того, чтобы сказать: богатыри взяли коней, осѣдлали ихъ, сѣли,—былина поетъ:

Брали они молодыхъ коней,
Брали сѣделышка черкесскія,
И сѣдлали они молодыхъ коней;
Брали они кисточки шелковыя,
И *бросали* они кисточки шелковыя,
Брали въ руки тросточки дубовыя,
Садились они на добрыхъ коней.

Другой, еще болѣе существенный источникъ повтореній—*хоровое* исполненіе древнихъ пѣсенъ, связанныхъ съ музыкой, танцами и дѣйствомъ. Хоровыми въ старину были всѣ пѣсни—обрядовыя, рабочія, земледѣльческія, героическія (историческія), бытовыя, игровыя, и такъ далѣе. Онѣ сопровождались припѣвомъ, стихи подхватывались изъ одной строфы въ другую. Иногда солистъ-запѣвало начиналъ запѣвомъ, который подхватывался хоромъ; иногда пѣсню велъ солистъ, но послѣ каждаго стиха вступалъ хоръ съ тѣмъ же запѣвомъ, который получалъ значеніе припѣва, между тѣмъ какъ запѣвало развивалъ далѣе содержаніе пѣсни, отъ строфы къ строфѣ, повторяя въ началѣ каждой послѣдующей строфы послѣдніе стихи предыдущей. Бывало и два хора, отвѣчавшихъ другъ другу, съ дословнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же выраженій (малорусскія веснянки съ хорами парней и дѣвушекъ, нѣмецкое преніе лѣта и зимы).

При томъ и другомъ исполненіи повторенія *врастали* въ пѣсню, дѣлались ея неизмѣнной принадлежностью. Когда лирико-эпическая пѣсня отрывалась отъ хора и исполнялась самостоятельно, она сохраняла всѣ свои привычныя особенности, въ томъ числѣ и повторенія. Среда, благоговѣйно чтившая старину, всѣ преданія «отцовъ

б) эпическая ретардація;



и дѣдовъ», не искавшая быстрой смѣны впечатлѣній, къ которой не пріучила ее однообразная жизнь, закрѣпила своимъ авторитетомъ этотъ пріемъ. Что казалось красивымъ и трогательнымъ, могло повторяться безъ конца, никому не надоѣдая, гармонируя съ общимъ неторопливымъ, спокойнымъ и ровнымъ складомъ жизни и быта. Отсюда явленіе, родственное повтореніямъ,—излишняя, съ нашей точки зрѣнія, обстоятельность разсказа, обиліе подробностей, часто мелкихъ, систематическія задержки въ развитіи дѣйствія. Все это—такъ называемая *ретардація*, самая яркая формальная особенность народной поэзіи, которая выражается разными способами *замедленія*, затягиванія разсказа, неторопливо, съ безпрестанными повтореніями и нагроможденіемъ неважныхъ для основного дѣйствія подробностей двигающагося впередъ.

в) постоянные эпитеты.

Другой характерный пріемъ народной поэзіи — употребленіе *постоянныхъ* эпитетовъ. Эпитетъ — *одностороннее* опредѣленіе слова, *оживляющее* его, или *усиливающее*, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета.

Голое слово мало удовлетворяло конкретному мышленію; предметъ характеризовался признакомъ, который казался для него существеннымъ, рѣзко подчеркивалъ его практическую цѣль или идеальное совершенство. Если наша былина называетъ столы бѣлодубовыми, ножки—рѣзвыми, ѣствушки — сахарными, то имѣетъ въ виду *желаемый идеалъ*. Отсюда распространенность эпитета «золотой». Ясень въ старину считался лучшимъ матеріаломъ для копій, поэтому у Гомера и въ старой французской поэзіи копья всегда ясеневыя. За нѣкоторыми эпитетами стоятъ старыя историческія отношенія: «сѣдлышка черкесскія» нашей былины указываютъ на то, что лучшія сѣдла доставлялъ намъ Кавказъ.

Разъ эпитетъ отмѣчалъ наиболѣе характерный признакъ предмета, онъ долженъ былъ тѣсно примыкать къ своему опредѣляемому, дѣлаться *постояннымъ*. У Гомера море всегда темное или сѣрое, снѣгъ—холодный, немочь — злая; у сербовъ—сивый соколъ, синее или соленое море, живой огонь, ровное поле, черная земля, борзый или добрый конь, медвяныя уста, лютая зима, тихій Дунай, яворовыя гусли; у великороссовъ — поле чистое, вѣтры буйные, пески сыпучіе, лѣса дремучіе, крутыя бедра, сизый орелъ, сѣрый волкъ, ретивое сердце; у малороссовъ—широкія степи, темная ночь.

На длинномъ пути развитія поэзіи подобныхъ эпитетовъ возникало много. Тѣ изъ нихъ, которые нравились и попадали въ сферу пѣсенной и пѣвческой традиціи, въ школахъ профессіональныхъ

пѣвцовъ дѣлались *распѣтыми*, обращались въ шаблонъ, застывали вмѣстѣ съ другими пріемами поэтической техники.

Профессіональный пѣвецъ употреблялъ ихъ въ силу привычки, какъ готовый, всегда находившійся подъ руками матеріалъ; для него онъ не былъ уже яркимъ свѣтомъ, вдыхающимъ всякій разъ новую жизнь въ привычный образъ, а былъ дѣломъ школы, безсознательно орудующей памяти. Реальный смыслъ эпитета отъ слишкомъ долгаго и привычнаго употребленія переставалъ останавливать вниманіе, забывался, какъ забывалось, при такихъ же условіяхъ, значеніе корня словъ; одинъ эпитетъ безразлично употреблялся вмѣсто другого, и средневѣковый французскій пѣвецъ могъ назвать одного и того же коня арабскимъ, арагонскимъ и гасконскимъ; привычные эпитеты безсознательно употреблялись въ тѣхъ случаяхъ и положеніяхъ, которые ихъ не только не вызываютъ, но и отрицаютъ. Такъ, напр., у Гомера Елена сама называетъ себя «безстыжей»; Калина царя, вождя подступившихъ къ Кіеву татаръ, называютъ «собакой» не только князь Владиміръ и его богатыри, но и татарскій посолъ, даже самъ онъ. Привычный эпитетъ какъ бы *каменѣетъ*, неразрывно срастаясь съ тѣмъ или другимъ именемъ или предметомъ.

Но каменѣетъ точно также и самый образъ воспѣваемаго героя, его эпическій типъ: древняя французская пѣсня знаетъ только сѣдую или бѣлую (рѣже—цвѣтущую) бороду Карла, хотя поетъ о разныхъ моментахъ его жизни, въ томъ числѣ раннихъ; нашъ Илья Муромецъ, съ момента перваго выѣзда изъ дому, дѣлается «старымъ казакомъ». Сербская пѣсня говоритъ о *бѣлой* рукѣ—*арапа*, русская—поетъ: «ты не жги свѣчу сальную, свѣчу *сальную, воску яраго*»; у Гомера Эрефила предаетъ *милаго* мужа, Несторъ *среди бѣлаго дня* поднимаетъ руки къ *звѣздному* небу, жестоко побранившіеся Ахиллесъ и Агамемнонъ не забываютъ, среди грубой перебранки, называть другъ друга «*богоравными*»; Ахиллесъ называется «*быстроногимъ*», а корабли «*быстрыми*», даже тогда, когда первый плачется у матери, а вторые стоятъ у берега.

Лирика.

Хоровой синкретизмъ, разлагаясь подъ напоромъ новыхъ жизненныхъ явленій, привелъ къ выдѣленію эпоса и созданію своеобразной эпической техники. Изъ него же выдѣлилась и *лирика*, которая то пользовалась средствами уже сложившагося эпоса, то создавала новые техническіе пріемы.

Коллективный характеръ раннеі лирики.

Ея развитіе шло особымъ путемъ. Обыкновенно противополагаютъ эпосъ и лирику, какъ поэзію объективную и субъективную. Въ извѣстной мѣрѣ это вѣрно по отношенію къ позднимъ и *чи-*

стымъ видамъ эпоса и лирики; раннія формы эпоса всегда субъективны, и это сближаетъ его съ лирикой. Только субъективность его *не личная,* а *групповая, коллективная.* Ранняя народная лирика всегда столь же коллективна, какъ и ранній эпосъ. Личность еще не выдѣлилась изъ массы. Ей присущи только *общія* чувства. Военная пѣсня могла захватывать всѣхъ, потому что отвѣчала общимъ интересамъ, но создавалась она въ средѣ воиновъ; женская, дѣвическая пѣсня, естественно, отвѣчала иному, но также ограниченному кругу чувствъ и интересовъ. Чѣмъ больше дробится общество, тѣмъ больше видовъ лирики, тѣмъ *же* ея коллективный характеръ; выдѣленіе личности создаетъ, наконецъ, индивидуальную лирику.

Лирика и первобытное міросозерцаніе.

Развитіе лирики, ея формы и содержанія находились въ тѣсной связи съ первобытнымъ міровоззрѣніемъ, выражавшими его вѣрованіями и обрядами. Одна изъ главныхъ особенностей народной поэзіи вообще и народной лирической пѣсни въ особенности заключается въ постоянномъ сближеніи, сопоставленіи и сравненіи человѣческихъ чувствъ и дѣйствій съ различными предметами и явленіями внѣшняго міра. Этотъ *поэтическій параллелизмъ,* несомнѣнно, возникъ на почвѣ первобытнаго міросозерцанія, представлявшаго всю природу одушевленной, переносившаго на нее черты человѣческой психологіи, надѣлявшаго ее сознаніемъ и способностью чувствовать, мыслить и дѣйствовать.

Поэтическій параллелизмъ.

Первоначально онъ выражается въ простомъ *сопоставленіи* того, что казалось сходнымъ, безъ какихъ бы то ни было *внѣшнихъ* признаковъ сравненія (напр., союзовъ), по одному какому-нибудь наиболѣе яркому признаку сходства. Но такое сопоставленіе обыкновенно не останавливается на одномъ признакѣ сходства движенія (молнія—стрѣла, молнія—птица), а постепенно захватываетъ и другіе, переходитъ въ *отождествленіе* (молнія = стрѣла, молнія = птица), которое позднѣе разлагается сознаніемъ, самымъ ростомъ мысли. Накопленіе отличій разрушаетъ казавшееся тождество. Параллелизмъ переходитъ въ *сравненіе* по сходству, съ подчеркивающимъ его значеніе союзомъ, которое предполагаетъ и пониманіе различій. Еще позднѣе развивается *отрицательное уподобленіе,* которое еще болѣе предполагаетъ вполнѣ *ясное* сознаніе раздѣльности человѣка и природы. Такъ возникли три излюбленныхъ пріема народной поэзіи: *параллелизмъ (съ народной символикой), сравненіе* и *отрицательное уподобленіе.*

Выясненіе внутренняго міра, его чувствъ и отношеній, совершалось обыкновенно въ первобытной поэзіи въ формахъ параллелизма: движенія чувствъ уяснялись *безсознательнымъ* сравненіемъ съ какимъ-либо сходнымъ явленіемъ внѣшняго міра. Наиболѣе простой видъ народно-поэтическаго параллелизма—сопоставленіе такихъ яв-

Виды его.

леній изъ жизни человѣка и природы, которыя даже при различіи своего дѣйствительнаго содержанія какъ бы вторятъ, созвучны другъ другу. Онъ бѣгло *сближаетъ* разныя по существу, хотя и сходныя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ явленія:

Отломилась вѣточка
Отъ садовой отъ яблонки,
Откатилось яблочко;
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери,
На чужу дальню сторону.

Или:

Не видать мѣсяца изъ-за облаковъ,
Не знать князя изъ-за бояровъ.

Въ параллелизмахъ такого типа какъ бы мимоходомъ сопоставляется два мотива, подсказывающихъ и выясняющихъ другъ друга, съ очевиднымъ перевѣсомъ того, что относится къ человѣку: именно въ немъ—центръ тяжести сравненія. Они могутъ разрабатываться и дальше, глубже, на основаніи *парности* представленій предметовъ, дѣйствій и качествъ. Въ такомъ случаѣ получается параллелизмъ болѣе сложный:

Хілилася (склонялась) вишня
Відъ (отъ) верху до корени,
Поклонися, Маруся,
Черезъ стілъ до батеньки.

Или:

Не хілися, явіроньку, ще ты зелененькій,
Не журися (печалься), козаченьку, ще ты молоденькій.

Нѣкоторыя изъ подобныхъ сближеній казались настолько удачными, что закрѣплялись обычаемъ или даже культомъ, дѣлались традиціонными *символами* [1]). Такъ, напр., въ нашихъ русскихъ пѣсняхъ *калина* обыкновенно обозначаетъ молодую дѣвушку, *соколъ*—юношу, молодца, *кукушка*—горюющую женщину, и т. д.

Другими, болѣе поздними пріемами народной поэзіи были *сравненія* и *отрицательныя уподобленія*. Въ послѣднихъ *сознательное* устраненіе однѣхъ формулъ дѣлается для того, чтобы больше задержать вниманіе на другихъ:

Охъ не бѣлые снѣжки забѣлѣлися,
Охъ, забѣлѣлася да вѣдь у стараго сѣдая борода.

---

[1]) Символъ—параллелизмъ, съ опущеніемъ, въ силу понятности, традиціонности, человѣческихъ пріуроченій (не калина—дѣвушка, а калина, подъ которой подразумѣвалась дѣвушка). Символика народныхъ лирическихъ пѣсенъ очень богата и разнообразна.

Или:

Не ясенъ соколъ тутъ вылетывалъ,
Не черный воронъ тутъ выпархивалъ,
Выѣзжаетъ тутъ злой татарченокъ—

здѣсь мы имѣемъ *подразумѣваемое* сравненіе: татаринъ, хищный, какъ соколъ, и зловѣщій, какъ воронъ. Особенно часто встрѣчаются отрицательныя уподобленія въ поэзіи славянскихъ народовъ.

Содержаніе народной лирики.

Содержаніе ранней лирики бѣдно и однообразно, потому что передаетъ только *общія,* въ ту пору очень несложныя чувства. Зато народная лирика отразила на себѣ всѣ стадіи народнаго быта: переходъ отъ охоты и кочевья къ скотоводству, земледѣлію и осѣдлости, отъ полнаго отсутствія семьи и брака къ умыканію, куплѣ-продажѣ невѣсты и браку по согласію, къ прочному свадебному «чину». Многіе изъ этихъ древнихъ обычаевъ оставили свой слѣдъ въ пѣсенныхъ *символахъ*. Такъ, напр., въ древности, обыкновенно, браки совершались насильственно, путемъ похищенія или *умыканія,* позднѣе — путемъ купли-продажи. Тогда женихъ и мужъ рисовался врагомъ, насильникомъ, который добываетъ невѣсту мечомъ, осадой, или охотникомъ, хищной птицей. Отсюда—стрѣлокъ, соколъ (= женихъ), куница (= невѣста), ловцы, кущы (= сваты): разъяснять эти образы было не нужно потому, что они давно уже сдѣлались традиціонными.

Лирика и обрядъ.

Въ древнѣйшія времена, повидимому, лирическая пѣсня была тѣсно связана съ *обрядомъ,* съ религіознымъ культомъ. Нѣкоторые ученые предполагаютъ даже, что вообще вся народная лирика возникла изъ тѣхъ пѣснопѣній, которыми въ старину сопровождались различные обряды, имѣвшіе нѣкогда религіозное или магическое значеніе. Отдаленные и искаженные отголоски ихъ и до сихъ поръ сохраняются въ народѣ, въ видѣ такъ назыв. *обрядовыхъ пѣсенъ* (святочныхъ, колядныхъ, купальскихъ), пріуроченныхъ въ настоящее время къ нѣкоторымъ христіанскимъ праздникамъ: они до сихъ поръ распѣваются въ глухихъ деревняхъ, вдали отъ культурныхъ центровъ, хотя первоначальное значеніе ихъ уже давно изгладилось изъ народной памяти.

Выдѣленіе драмы.

Подобно эпосу и лирикѣ, *драма* также возникла изъ первоначальнаго синкретизма, выдѣлившись изъ него въ эпоху его разложенія. Но и при своемъ обособленіи она значительно больше, чѣмъ эпосъ и лирика, сохранила сложный характеръ первоначальнаго синкретизма, удержавши изъ него моменты дѣйствія и мимики, разсказа и діалога.

Въ первоначальномъ синкретизмѣ элементъ, который мы теперь называемъ драматическимъ, игралъ выдающуюся, часто даже первенствующую, роль. Для того, чтобы онъ развился въ *особый* видъ поэзіи, трагедію или комедію въ полномъ смыслѣ этого слова, нужно было стеченіе особенно благопріятныхъ—и потому рѣдкихъ—обстоятельствъ. Почти всѣ народности, культурныя и некультурныя, имѣли (или имѣютъ) зачатки драмы въ видѣ драматизированныхъ обрядовъ, діалоговъ бродячихъ потѣшниковъ и пр.; христіанскій, въ особенности католическій, обрядъ вызвалъ зачатки духовной драмы—*мистеріи*. Но только греки впервые создали *настоящую драму* во всей полнотѣ и глубинѣ этого термина. Развитіе драмы *неизмѣнно* опредѣляется слѣдующими условіями: *предшествующимъ расцвѣтомъ эпоса и лирики, культа и миѳа, быстрымъ ростомъ личности и національнаго самосознанія*. Въ Греціи оно совпало съ могучимъ національнымъ подъемомъ послѣ войны съ персами, который привелъ къ «золотому вѣку» эллинской культуры вообще.

Драма и культъ.

Вѣрованія приводятъ къ дѣйствіямъ, *обрядамъ*, сначала разрозненнымъ и случайнымъ, затѣмъ сознательнымъ и традиціоннымъ, слагающимся въ опредѣленный *культъ*. Традиціонность культа создаетъ и большую устойчивость хоровой традиціи, требуетъ *постоянныхъ* исполнителей: точность его выполненія слишкомъ важна, не всѣ могутъ знать, помнить и бережно примѣнять его тонкости, не всѣмъ дано было знать многообразіе миѳовъ. Раньше обрядъ, сложившійся среди рода или племени, опирался только на преданіе старшихъ; позднѣе, осложнившись и развившись, онъ переходитъ въ вѣдѣніе профессіональныхъ блюстителей, *жрецовъ*. Жрецы знаютъ молитвы, гимны, заклинательныя и очистительныя формулы, разсказываютъ, поютъ, представляютъ миѳы. Ряженіе, маски, свойственныя и древнимъ мимическимъ играмъ, получаютъ новое значеніе: они примѣняются теперь къ богамъ и героямъ религіознаго сказанія, съ его чередованіемъ дѣйствія, речитатива, діалога и хорового припѣва.

Развитіе драмы.

Ослабленіе культа, подъ напоромъ критики и новаго міропониманія, толкаетъ драму къ дальнѣйшему развитію: религіозный элементъ идетъ на убыль, уступая мѣсто человѣческому; на смѣну богамъ идутъ герои и обыкновенные люди. *Разрывъ драмы съ культомъ*—моментъ ея художественнаго зарожденія. Очеловѣченное и человѣчное содержаніе миѳовъ захватывало все болѣе осложнявшіеся духовные интересы, ставило возвышенные нравственные вопросы—внутренней борьбы, рока, возмездія. Въ этомъ направленіи двигалась греческая драма, создавшая въ лицѣ Эсхила, Софокла, Эври-

пида и Аристофана міровые, вѣчные образцы драматическаго творчества. Формы культа раздвигались и постепенно отпадали, чтобы дать мѣсто болѣе богатому философскому и нравственному содержанію, въ рамкахъ болѣе усовершенствованной сценической техники.

Народная поэзія въ ея цѣломъ.

Такъ, постепенно, вѣками, развертывались содержаніе и форма *народной поэзіи*, сложившейся въ цѣлый своеобразный міръ образовъ, типовъ и художественныхъ пріемовъ [1]). Мы далеки теперь отъ этого міра, который часто кажется намъ такимъ замкнутымъ и загадочнымъ. Подъ напоромъ культуры онъ все болѣе разрушается, смѣняясь творчествомъ *личнымъ*, художественнымъ, литературнымъ, вышедшимъ изъ его нѣдръ и часто ищущимъ въ немъ обновленія: національная, *самобытная литература всегда вырастаетъ изъ народныхъ корней*, въ постоянныхъ взаимодѣйствіяхъ съ элементами народной поэзіи. Такъ русская литература XVIII вѣка, слишкомъ искусственная и подражательная, двинулась впередъ, къ самобытности, только тогда, когда возстановила прерванную связь съ духомъ и формой нашей народной поэзіи. Въ «народной», устной поэзіи писатели ищутъ обновленія, яркихъ красокъ народности и самобытности, ученые — разгадокъ доисторическаго прошлаго, отъ котораго не дошло письменныхъ свидѣтельствъ. Изученіе ея воскрешаетъ раннія ступени человѣческаго творчества, эволюцію идеаловъ и художественнаго чувства, вскрываетъ самыя глубины народной души.

Научное изученіе народной поэзіи.

Подъемъ интереса къ народу, его положенію и духовному складу всегда сопровождался и ростомъ изученія народной поэзіи, при чемъ развитіе исторической науки выдвигало разные *методы* изученія. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка въ цѣльности и поэтичности народной жизни искали отдыха отъ слишкомъ сложной культуры, приводившей къ неудовлетворенности и разочарованію. Устную и

---

[1]) Самый терминъ „народная поэзія“, при всей своей распространенности, не совсѣмъ точенъ, даже неудаченъ. Если понимать „народъ“ въ широкомъ смыслѣ слова, то „народная поэзія“ должна охватить и остатки древней общенародной поэзіи въ простонародной средѣ, и поэзію художественную; если понимать это слово болѣе узко—въ смыслѣ „простонародіе“, то получится невѣрное представленіе, будто бы одни только низшіе классы были создателями, хранителями и распространителями этого драгоцѣннаго наслѣдія прошлаго. На самомъ дѣлѣ, оно когда-то обслуживало всѣ классы населенія, но почти всегда было въ рукахъ профессіональныхъ исполнителей, отдѣльныхъ, хотя и анонимныхъ творцовъ. Вѣрнѣе было бы назвать народную поэзію *устной*, потому что это указываетъ на ея наиболѣе выдающуюся особенность— *устное храненіе* и *распространеніе*, которыя опредѣлили ея характеръ и судьбу, ея смѣшанный, сложный составъ, ея постепенное вымираніе.

древнюю поэзію готовы были ставить даже выше литературной. Идеализируя народное творчество, обращались съ нимъ тогда не очень бережно, вносили въ него много произвольныхъ толкованій и измѣненій, въ угоду сложившимся вкусамъ, допускали поддѣлки и слишкомъ свободныя передѣлки. Это подготовило почву для болѣе серьезныхъ и вдумчивыхъ изученій, но затруднило ихъ порчею текста записанныхъ и напечатанныхъ народно-поэтическихъ произведеній, нагроможденіемъ плохо обоснованныхъ, произвольныхъ выводовъ. По мѣрѣ развитія изученія росла притягательная сила народной поэзіи, уваженіе къ ея своеобразной красотѣ, а это вызвало, въ свою очередь, болѣе бережное и осторожное отношеніе къ ея памятникамъ, усовершенствованіе самыхъ пріемовъ ея разработки [1]).

Миѳологическая школа.

Давно уже было замѣчено поразительное сходство преданій и миѳовъ разныхъ европейскихъ народовъ. Лингвистика рано установила первоначальное сродство ихъ языковъ. Въ первой половинѣ XIX вѣка на этой почвѣ, въ области истолкованія народной поэзіи, сложилась и господствовала такъ наз. *миѳологическая школа* (въ Германіи знаменитые собиратели нѣмецкихъ сказокъ братья Гриммы, у насъ тонкій знатокъ и цѣнитель народной поэзіи, профессоръ Буслаевъ, Аѳанасьевъ, издатель замѣчательныхъ сборниковъ сказокъ и легендъ, и др.).

Эта школа все многообразіе содержанія устной поэзіи индо-европейскихъ народовъ сводила къ немногочисленнымъ миѳологическимъ основамъ и его сходство объясняла сродствомъ этихъ народовъ, общностью вынесеннаго ими изъ прародины поэтическаго и миѳологическаго наслѣдія. Ошибка ея заключалась въ томъ, что она вездѣ готова была видѣть отголоски миѳовъ, впадала при этомъ въ натянутыя и произвольныя толкованія, — увлекшись миѳами, игнорировала исторію и отраженія быта. Кромѣ того, она не принимала во вниманіе слишкомъ большого сходства преданій и сказокъ народовъ *разныхъ расъ*, не только индо-европейскихъ.

Теорія заимствованія.

Крайности миѳологической школы подорвали довѣріе къ ея выводамъ и вызвали появленіе другой школы — *заимствованій*; основателемъ ея былъ знаменитый нѣмецкій ученый, собиратель и истолкователь индійскихъ сказокъ Бенфей. Сопоставленія доказали сходство европейскихъ и азіатскихъ сказокъ не только въ существенномъ, но и въ мелочахъ. Многія изъ этихъ сказокъ несомнѣнно относятся къ болѣе поздней и болѣе сложной культурѣ, чѣмъ культура отдаленныхъ предковъ индо-европейскихъ народовъ. Продолжительныя культурныя связи народовъ запада и востока должны были отразиться и на поэзіи. Восточные ко-

---

[1]) Широкое изученіе народнаго поэтическаго творчества привело къ созданію новой научной дисциплины — *фольклора* (буквально—народовѣдѣніе, отъ англійскихъ словъ: folk — народъ и lore — знаніе, ученіе); предметомъ этой науки является собираніе, изслѣдованіе и объясненіе всевозможныхъ остатковъ народной старины: пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, преданій, повѣрій, обычаевъ, обрядовъ и т. д.

чевники приносили съ собою изъ Азіи въ Европу много сказаній, которыя находили для себя благопріятную почву на новыхъ мѣстахъ; въ этомъ литературномъ международномъ общеніи большую роль сыграли крестовые походы и Византія, которая въ теченіе ряда вѣковъ была связующимъ звеномъ между востокомъ и западомъ. Сказанія распространялись устнымъ и книжнымъ путемъ, теряли отпечатокъ своего первоначальнаго происхожденія, дѣлались международными.

Представители „школы заимствованій“ все болѣе и болѣе расширяли кругъ сравненій; нагромождался матеріалъ сходныхъ сюжетовъ и пріемовъ, параллелей и заимствованій. Получалось впечатлѣніе, что всѣ народы только подражаютъ и заимствуютъ безъ какихъ бы то ни было попытокъ оригинальнаго творчества. И эта крайность вызвала въ наукѣ противодѣйствіе, заставила внимательнѣе вдуматься въ состоятельность и полезность такихъ примѣненій метода. Указывали на то, что случайными и произвольными сближеніями можно доказать все, что угодно, но что они нисколько не уясняютъ самаго существа дѣла; что *различія* часто *важнѣе* сходства, что нельзя ограничиваться указаніемъ заимствованія, а нужно объяснить его причины и пути, процессъ его переработки. Сопоставлять можно не отдѣльные, разрозненные факты, а ихъ ряды, *во всей ихъ жизненной связи*. Сравнительный методъ (или методъ заимствованій) можетъ быть состоятельнымъ только тогда, когда онъ дѣлается *сравнительно-историческимъ* въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Теорія самозарожденія.

Новѣйшіе успѣхи этнографіи и антропологіи чрезвычайно расширили область изученія памятниковъ народнаго творчества. Въ прежнее время изслѣдователи интересовались преимущественно творчествомъ индо-европейскихъ народовъ, близкихъ другъ другу по своему общему происхожденію и по давнимъ историческимъ связямъ. Но за послѣднія десятилѣтія было собрано и обнародовано большое количество сказокъ, преданій и пѣсенъ, принадлежащихъ самымъ разнообразнымъ племенамъ Стараго и Новаго Свѣта: обитателямъ сѣверной Сибири, неграмъ центральной и южной Африки, австралійскимъ дикарямъ, южно-американскимъ индѣйцамъ и др.

Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ никогда не приходили въ соприкосновеніе съ европейцами и не подвергались ихъ вліянію. Тѣмъ не менѣе и въ ихъ народной поэзіи нашлось немало темъ, сюжетовъ и образовъ, близко напоминающихъ созданія народной фантазіи старыхъ культурныхъ народовъ Европы и Азіи. Наблюденіе надъ этими фактами привело нѣкоторыхъ ученыхъ къ тому выводу, что различные сказочные мотивы, миѳы и поэтическіе образы могутъ возникнуть у различныхъ народовъ самопроизвольно, безъ всякаго вліянія извнѣ, какъ естественное отраженіе религіозныхъ вѣрованій народа, его представленій о человѣкѣ и объ окружающей природѣ, его нравственныхъ понятій и свойственныхъ ему формъ быта и общежитія; а такъ какъ всѣ народы проходятъ черезъ одинаковыя приблизительно стадіи культурнаго развитія, то вполнѣ естественно, что и въ поэтическомъ творчествѣ ихъ могли возникнуть аналогическіе образы, миѳы и сказанія, въ которыхъ отразились черты ихъ психологіи, характерныя для достигнутаго ими культурнаго уровня. Эти факты и соображенія легли въ основу такъ

назыв. теоріи *самозарожденія* или *полигенезиса* [1]), выступившей противъ слишкомъ односторонняго увлеченія теоріей заимствованій. Впрочемъ, новая теорія нисколько не отрицаетъ возможности заимствованій, но только требуетъ ихъ бо́льшей доказательности, такъ какъ совпаденіе какихъ-либо поэтическихъ мотивовъ и образовъ въ творчествѣ различныхъ народовъ можетъ также быть результатомъ одинаковыхъ условій ихъ жизни и одинаковаго уровня ихъ духовнаго развитія.

Историческая поэтика.

Новая точка зрѣнія, выдвинутая теоріей самозарожденія, вызвала попытки созданія *исторической поэтики*, основанной на изученіи развитія отдѣльныхъ видовъ поэзіи, въ связи съ развитіемъ народной психологіи и народнаго быта, проходящихъ всегда и вездѣ, съ небольшими колебаніями, однѣ и тѣ же ступени. Историческая поэтика опирается на широкое и глубокое изученіе поэзіи всего міра,—поэзіи устной и книжной, древней и новой, ихъ отношеній и постоянныхъ взаимодѣйствій. Все болѣе она обращается въ особый отдѣлъ исторіи человѣческой культуры. Въ примѣненіи къ ея цѣлямъ сравнительно-историческій методъ получилъ особенно важное значеніе [2]).

Устная и книжная поэзія.

Переходъ отъ пѣвца къ поэту-писателю, отъ поэзіи устной къ поэзіи книжной совершался постепенно, на почвѣ роста личности. Громадную роль сыграла при этомъ *письменность*. Она лучше устнаго распространенія способствовала сохраненію результатовъ личнаго творчества — *авторства*, сдѣлала возможнымъ новый способъ распространенія и воздѣйствія поэтическихъ произведеній—посредствомъ рукописи, книги. Если слово вообще закрѣпляетъ всякій культурный опытъ, то слово писанное и въ особенности печатное дѣлаетъ это лучше и шире.

Происхожденіе письменности.

Помогая своей памяти, люди рано начали пользоваться всякими «чертами и рѣзами», указывающими на количество предметовъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ нужно было запомнить.

Развитая у первобытныхъ людей тонкая наблюдательность и подражательность, изощренность техники ихъ орудій рано приводятъ къ появленію и усовершенствованію своеобразной живописи и скульптуры (изображенія людей, животныхъ и птицъ на стѣнахъ пещеръ, предметахъ домашняго обихода и пр.). Это вызвало примѣненіе сложныхъ рисунковъ для выраженія мыслей, предметовъ, явленій и ихъ отношеній *(пиктографическое письмо)*. Впослѣдствіи рисунки дѣлались все болѣе упрощенными и схематическими, обращались въ

---

1) Отъ греч. словъ: *polûs*—многій и *genesis*—рожденіе, происхожденіе. Основателями теоріи самозарожденія являются англійскіе ученые Тайлоръ и Андрью Лангъ.

2) Въ русской наукѣ разработкой вопросовъ исторической поэтики занимался преимущественно академикъ Александръ Веселовскій.

условные знаки сначала предметовъ и явленій, понятій и словъ (*идеографическое письмо,* іероглифы древнихъ египтянъ), позднѣе слоговъ и, наконецъ, звуковъ *(письмо слоговое и звуковое)* [1]). На зарѣ новой исторіи, въ XV столѣтіи, письмо смѣнилось печатью, которая съ тѣхъ поръ успѣла сдѣлаться могучимъ рычагомъ человѣческой культуры, размножая и распространяя до безконечности результаты творческой мысли и художественнаго чувства.

Литература. Въ письмѣ и печати закрѣпляется — *буквами* — личное творчество, авторство. Поэтому книжная, личная, такъ называемая «искусственная» поэзія получила названіе *литературы* (отъ латинскаго littera— буква). Этотъ терминъ все болѣе вытѣсняетъ терминъ «словесность», обнимающій и устную, и книжную поэзію, и теперь примѣняется даже и къ народному творчеству. Къ литературѣ тѣсно примыкаетъ *литературная критика,* создающая пониманіе поэтическихъ произведеній въ обществѣ или его отражающая. Къ ней же часто относятъ и тѣ религіозныя, философскія, научныя и публицистическія произведенія, которыя отличаются художественностью формы или ярко передаютъ общія настроенія эпохи.

Какъ все растущее, развивающееся, литература имѣетъ свою исторію. *Исторія литературы* есть особый отдѣлъ исторіи человѣческой культуры, исторія развитія творческой человѣческой мысли, облеченной въ художественные формы и образы.

---

[1]) Слоговое письмо по своему общему характеру напоминаетъ наши ребусы. Русская азбука—звуковая, потому что ея буквы соотвѣтствуютъ не словамъ и слогамъ, а *звукамъ* языка.

ГЛАВА I.

Русская народная (устная) поэзія.

Среди нашего народа до сихъ поръ ходитъ громадное количество всевозможныхъ сказокъ, преданій, загадокъ, пословицъ, пѣсенъ и т. д. Все это драгоцѣнное наслѣдіе далекаго прошлаго, накоплявшееся и пополнявшееся въ теченіе ряда вѣковъ, называется *народной (устной) поэзіей.*

Особенности народной поэзіи.

Отъ искусственной (личной, художественной) поэзіи она отличается и своимъ *содержаніемъ,* и своей *формой.* Произведенія нашихъ поэтовъ-писателей носятъ отпечатокъ ихъ личности, *индивидуальны.* Сохраняются и распространяются они *посредствомъ печати,* вслѣдствіе чего ихъ текстъ *устойчивъ.* Народно-поэтическія произведенія хранились и распространялись путемъ *устной передачи,* подвергались вслѣдствіе этого всевозможнымъ измѣненіямъ: многое отъ времени забывалось, искажалось, смѣшивалось; во многомъ видны очевидные слѣды разновременныхъ вліяній, рѣзкіе *анахронизмы* (былины, напр., заставляютъ Владиміра Св. сражаться съ татарами; ему помогаетъ племянникъ Ермакъ).

Создавали эти произведенія отдѣльныя лица, болѣе одаренныя отъ природы, обыкновенно профессіональные пѣвцы и расказчики, но они такъ и остались *безыменными.* Однообразныя условія жизни давали мало простора для отдѣльной личности, и она больше отражала и выражала *общіе* взгляды, коллективныя чувства. Если и могли проглянуть гдѣ-нибудь слѣды личныхъ настроеній, то они постепенно должны были стираться вслѣдствіе устной передачи отъ поколѣній къ поколѣніямъ. Такая передача въ теченіе многихъ вѣковъ не только сглаживала всѣ особенности личнаго творчества, но и вырабатывала шаблоны, общія мѣста, коллективные техническіе пріемы. Вслѣдствіе этого народная поэзія однообразнѣе искусственной. Ея содержаніе проще, бѣднѣе, но отличается бо́льшею непосредственностью, наивною свѣжестью чувства; въ ней много какъ бы застывшихъ, окаменѣвшихъ формулъ (постоянныхъ повтореній, сим-

воловъ, эпитетовъ и пр.). Наконецъ, въ ней нѣтъ строгой правильности стихотворныхъ размѣровъ, очень рѣдко (и то въ болѣе позднихъ произведеніяхъ) встрѣчается риѳма, которую до извѣстной степени замѣняютъ такъ назыв. *ассонансы*, т.-е. неполныя, приблизительныя созвучія [1]).

Сложность состава народной поэзіи.

Многовѣковая жизнь народа оставила въ его поэзіи рядъ разнообразныхъ наслоеній, то очень древнихъ, то позднихъ, и своихъ, и чужихъ. Между поэзіей книжной и устной всегда бывали извѣстныя взаимодѣйствія, народъ получалъ и по-своему перерабатывалъ то, что проникало къ нему изъ искусственной литературы, благодаря промежуточнымъ слоямъ (низшимъ церковникамъ, бродячимъ потѣшникамъ, крѣпостной дворнѣ и пр.). Такъ возникли «духовные стихи», полукнижныя, полународныя пѣсни на религіозныя темы, народная драма, широко воспользовавшаяся сюжетами и темами искусственной драмы; «пѣсенники» занесли въ народную среду много романсовъ нашихъ поэтовъ, которые распѣваются до сихъ поръ очень охотно, но съ большими отступленіями отъ текста и даже искаженіями; лубочная книга и лубочные листки, раньше доступные только грамотеямъ высшихъ классовъ, благодаря развитію грамотности у народа и перемѣнѣ вкусовъ у высшихъ классовъ, сдѣлались простонародными и дали много матеріаловъ для устной поэзіи (такъ сдѣлались у насъ народными итальянская сказка о Бовѣ-королевичѣ, персидская—объ Ерусланѣ Лазаревичѣ). Съ другой стороны, наша искусственная литература часто черпала матеріалы изъ устной поэзіи, искала въ ней обновленія и освѣженія, самобытности и національнаго духа (басни Крылова, «Русалка» и сказки Пушкина, «Пѣсня про купца Калашникова» Лермонтова, пѣсни Кольцова и т. д.).

Современное состояніе народной поэзіи.

Такое смѣшеніе очень затрудняетъ научное изученіе народной поэзіи и въ то же время дѣлаетъ его особенно интереснымъ, потому что она — живое отраженіе всей многовѣковой жизни народа. Не только въ Россіи, но и во всей Европѣ народная поэзія постепенно замираетъ и вымираетъ подъ напоромъ новой культуры. Тѣ условія, которыя когда-то вызвали ее къ жизни, уже отжили. Распаденіе старой наивной вѣры подорвало довѣріе къ содержанію сказокъ, сталъ глохнуть и забываться древній обрядъ, который бе-

---

1) Напр., сиротка—безродна, пьяница—платьеце, соколъ—далекó. Особенно часто ассонансы встрѣчаются въ пословицахъ и поговоркахъ; напр.: „мірская *молва*, что морская *волна*“; „люди съ *милостью*, а Богъ съ *милостью*“; „что *городъ*, то и *норовъ*“. Изрѣдка встрѣчаются и такъ назыв. *аллитераціи*, основанныя на совпаденіи *начальныхъ* звуковъ въ словахъ какой-либо фразы или стиха; напр.: „въ Москвѣ толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ“.

режно хранили въ теченіе многихъ вѣковъ. Только въ захолустьяхъ можно еще встрѣтить нѣкоторую цѣльность и свѣжесть стараго народно-поэтическаго созерцанія, но желѣзныя дороги, солдатчина, отхожіе промыслы все болѣе ослабляютъ ихъ, внося новые интересы, часто искаженные отголоски городской культуры.

Собираніе произведеній народ. поэзіи

Объ этомъ можно пожалѣть тѣмъ болѣе, что записываніе народно-поэтическихъ произведеній началось у насъ очень поздно, когда многое уже стало забываться и искажаться. Наши старые книжники почти всегда брезгали народной поэзіей, какъ чѣмъ-то «мірскимъ» и языческимъ. Только изрѣдка лѣтопись вкратцѣ излагала народныя преданія, если считала ихъ зерно фактически вѣрнымъ; еще рѣже было *сознательное* пользованіе пріемами и матеріалами народной поэзіи въ старой письменности. Только отъ XVI—XVII в.в. дошли до насъ попытки записи народныхъ пѣсенъ, слишкомъ передѣланныхъ на книжный ладъ; *точную* запись нашихъ историческихъ пѣсенъ въ началѣ XVII в. далъ одинъ *англичанинъ* (Ричардъ Джемсъ, въ 1617 г.).

Въ XVIII в. у насъ мало интересовались народной поэзіей, относились къ ея памятникамъ безъ должнаго уваженія и осторожности: передѣлывали ихъ въ угоду тогдашнимъ вкусамъ, вносили въ нихъ много произвольнаго и фальшиваго. Точныхъ записей сохранилось отъ этого времени очень мало [1]). Только съ 30—40-ыхъ годовъ прошлаго вѣка утвердилось среди писателей и ученыхъ сознаніе, что народную поэзію нужно изучать внимательно и бережно. Однимъ изъ такихъ раннихъ *вдумчивыхъ* собирателей народно-поэтическихъ произведеній былъ Пушкинъ. Увлекался собираніемъ пѣсенъ и Гоголь. Ихъ общій другъ П. В. Кирѣевскій составилъ первое серьезное собраніе народныхъ историческихъ и лирическихъ пѣсенъ, сохранившее свое научное значеніе и до сихъ поръ. По его слѣдамъ пошли Даль, Рыбниковъ, Гильфердингъ, Аеанасьевъ, которые спасли отъ забвенія громаднѣйшее количество лучшихъ произведеній нашей народной поэзіи—былинъ, историческихъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и пр.

Многовѣковое почти исключительно устное распространеніе и позднее точное записываніе памятниковъ народной словесности привело къ тому, что мы непосредственно знакомимся теперь только съ очень поздними стадіями развитія народной поэзіи. Болѣе раннія ступени могутъ быть возстановлены только путемъ очень сложныхъ научныхъ изслѣдованій—сравненіемъ съ поэзіей другихъ народовъ,

---

[1]) Таковъ прекрасный сборникъ былинъ, первый по времени, Кирши Данилова.

менѣе затронутыхъ культурой, изученіемъ отраженій древней народной поэзіи въ старой письменности (и наоборотъ), сопоставленіемъ разныхъ варіантовъ для выдѣленія основного текста и пр.

Всего больше слѣдовъ старины мы встрѣчаемъ въ народномъ обрядѣ и обрядовой лирикѣ, въ заклинаніяхъ и заговорахъ, въ сказкахъ и преданіяхъ.

1. Народный обрядъ. Обрядовая лирика.

Вѣрованія и обрядъ.

До сихъ поръ среди простого народа существуетъ множество всевозможныхъ суевѣрій, примѣтъ и обрядовъ, происхожденіе которыхъ восходитъ къ самой глубокой древности. Все это—полузабытые, разрозненные остатки древней языческой вѣры, больше или меньше смѣшанные съ представленіями чисто-христіанскими. Когда-то они входили въ цѣлую систему вѣрованій и обрядовъ, тѣсно примыкали къ языческимъ культамъ *природы* и *предковъ*.

Вѣрованія и обряды начали складываться тогда, когда мысль нашихъ предковъ была еще безсильна передъ природой, слабо разбиралась въ ея явленіяхъ. Человѣкъ тогда переносилъ на природу тѣ проявленія движенія, силы, воли, которыя смутно подмѣчалъ въ себѣ,—безотчетно одушевлялъ, *одухотворялъ* ее *(анимизмъ)*. Позднѣе онъ сталъ себѣ представлять силы природы въ образѣ животныхъ и людей *(зооморфизмъ* и *антропоморфизмъ)* и создалъ сложный религіозный культъ, выросшій постепенно изъ первоначальныхъ разрозненныхъ обрядовъ.

Наибольшую роль въ религіи нашихъ предковъ, преимущественно занимавшихся земледѣліемъ и скотоводствомъ, играло *солнце*, которое обоготворялось подъ именемъ *Дажьбога* (или *Хорса*). Другія божества—*Сваргъ* (небо), *Сварожичъ* (огонь), *Перунъ* (громъ), *Стрибогъ* (богъ вѣтровъ). Имена ихъ упоминаются въ памятникахъ древнерусской литературы; въ народной поэзіи они не сохранились.

Значеніе обрядовъ.

Обряды вообще имѣютъ очень большое значеніе въ жизни некультурныхъ народовъ. Значеніе это основано на вѣрѣ въ магическую силу извѣстныхъ дѣйствій и словъ, при помощи которыхъ думаютъ достигнуть желаемаго. Дѣйствія эти обыкновенно имѣютъ нѣкоторую отдаленную *аналогію* (подобіе) съ предметомъ желанія. Такъ, напр., чтобы во время засухи вызвать дождь, обливаютъ людей водой или выливаютъ ее на землю, для ознаменованія будущаго богатства и благоденствія обсыпаютъ во время свадьбы молодую чету овсомъ и т. д. На подобныхъ же аналогіяхъ основано и обрядовое гаданіе, напр., пусканье вѣнковъ по рѣкѣ, выливаніе воску. Съ теченіемъ времени, съ ростомъ знанія и культуры, значеніе обрядовъ слабѣетъ, они становятся иногда простою забавой; но въ древнія времена, въ эпоху язычества, вся жизнь

человѣка была обставлена разнообразными обрядами, при помощи которыхъ онъ старался снискать себѣ благоволеніе божествъ или оградить себя отъ гибельнаго вліянія темныхъ силъ [1]).

Сложный характеръ народнаго обряда.

Накопляясь вѣками, народные обряды и вѣрованія отложили въ себѣ воззрѣнія и бытовыя черты разныхъ эпохъ, и очень раннихъ, и очень позднихъ. Одни изъ нихъ до сихъ поръ еще ярко напоминаютъ о первобытномъ анимизмѣ, другіе имѣютъ въ основѣ зооморфическія и антропоморфическія представленія, третьи даютъ пеструю смѣсь язычества и христіанства, своеобразныя *миѳологическія* истолкованія христіанскихъ обрядовъ и вѣрованій. Такія истолкованія возникали у насъ самостоятельно или слагались подъ вліяніемъ Византіи и южныхъ славянъ, которые несли къ намъ не только христіанство высшихъ классовъ, но и *двоевѣріе* народныхъ массъ, привившееся тѣмъ глубже, что оно было для недавняго язычника понятнѣе, ближе. Характерно, что такія популярныя въ нашемъ двоевѣрномъ обрядѣ названія, какъ „коляда“, „русаліи“,—греко-римскаго происхожденія [2]).

Дѣленіе народныхъ обрядовъ.

Весьма значительную группу среди русскихъ народныхъ обрядовъ составляютъ обряды, связанные съ жизнью природы, съ круговоротомъ года, пріуроченные къ опредѣленному времени. Это—такъ называемые *праздничные* или *календарные* обряды, представляющіе собой остатки древнихъ празднествъ въ честь языческихъ божествъ, олицетворявшихъ тѣ или другія силы природы,—главнымъ образомъ въ честь солнца, годовой оборотъ котораго имѣлъ такое громадное значеніе въ земледѣльческомъ быту нашихъ предковъ.

Праздничные обряды.

Главные языческіе праздники въ честь *солнца*, его возрастающей и убывающей силы, были пріурочены къ моментамъ равноденствій и поворотовъ солнца на лѣто и на зиму. По времени они, приблизительно, совпали съ Рождествомъ и Крещеніемъ Христа, Пасхой, Троицынымъ и Духовымъ днями, поминовеніемъ Іоанна Крестителя. Поэтому послѣ принятія христіанства старые языческіе праздники были пріурочены къ новымъ, церковнымъ, и подверглись сильному вліянію христіанскихъ представленій, сдѣлались *двоевѣрными*. Про-

---

[1]) Одной изъ характерныхъ чертъ всякаго обряда является его устойчивость. Этимъ объясняется обиліе въ обрядахъ такъ наз. *переживаній*, которыя сохраняются даже тогда, когда исчезли соотвѣтствующія обряду вѣрованія и измѣнились общія условія жизни. Первоначально, напр., хоронили въ саняхъ, потому что еще не знали колесныхъ экипажей, закалывали жертвы каменными или кремневыми ножами, такъ какъ не знали употребленія металловъ. Позднѣе и то и другое, въ силу традиціонности, сдѣлалось обрядовымъ, обязательнымъ. У насъ хоронили въ саняхъ во всѣ времена года, сначала всѣхъ мертвецовъ, позднѣе только знатныхъ.

[2]) Коляда—отъ греко-римскаго calendae, зимнія святки, празднество новолѣтія; русаліи — отъ rosaria или rosalia, праздникъ розъ, въ честь предковъ, умершихъ (отсюда наши *русалки*, сначала души вообще, позднѣе души самоубійцъ, некрещенныхъ или проклятыхъ родителями дѣтей и пр.).

тивъ этихъ языческихъ обрядовъ, проникшихъ въ христіанскіе праздники, церковь боролась еще съ древнѣйшихъ временъ (въ проповѣдяхъ, соборныхъ постановленіяхъ), но не была въ состояніи ихъ совершенно искоренить.

Святки и колядки.

Празднованіе зимняго солнцеворота, раньше пріурочивавшееся къ началу декабря, въ христіанскую пору примкнуло къ святкамъ. Сводится оно къ обрядамъ, пѣснямъ, играмъ, гаданіямъ и ряженію, которые символизуютъ главнымъ образомъ похороны зимы и рожденіе солнца или будущій урожай. Святочныя пѣсни дѣлятся на *колядки, овсеневыя, подблюдныя* и *игровыя*.

Названіе самаго праздника («коляда») обратилось въ названіе солнца, замѣстивъ языческое имя Дажьбога. Вымирающій теперь (въ особенности въ Великороссіи) обычай колядованія выражается въ томъ, что въ канунъ Рождества молодежь ходитъ по зажиточнымъ домамъ, величаетъ хозяевъ и получаетъ за это провизію или деньги (художественное описаніе этого обычая дано Гоголемъ въ «Ночи передъ Рождествомъ»). Нѣкоторыя колядки до сихъ поръ еще содержатъ много языческихъ чертъ, другія отличаются совершенно христіанскимъ характеромъ. Въ первыхъ поется о поискахъ и нахожденіи Коляды (возрожденіе солнца), принесеніи въ жертву козла, подготовленіяхъ къ земледѣльческому труду, урожаѣ; въ другихъ передаются, обыкновенно въ легендарномъ освѣщеніи, разные моменты Рождества и Крещенія Христа.

Вмѣстѣ съ другими святочными пѣснями колядки усвоили себѣ нѣкоторыя черты древняго весенняго обряда: такъ, напр., въ колядки и святочныя гаданія проникли и любовные мотивы, раньше принадлежавшіе къ весеннему обряду, такъ какъ въ древности браки пріурочивались въ веснѣ. Нѣкоторыя колядки говорятъ объ осадѣ города и дѣвушкѣ, какъ побѣдномъ трофеѣ — все это символика свадебной поэзіи. Подблюдныя [1]) и игровыя пѣсни, гаданія теперь главнымъ образомъ сводятся къ брачнымъ мотивамъ: онѣ попали въ руки молодежи, которая и свела ихъ на гаданіе о своемъ личномъ будущемъ. При пѣніи подблюдныхъ пѣсенъ вынимаются постепенно кольца, серьги и другія вещи участвующихъ; содержаніе пѣсни предсказываетъ судьбу лица, вещь котораго вынута:

Да кому мы спѣли, тому добро,
Слава!
Кому вынется, тому сбудется,
Скоро сбудется, не минуется...

[1]) Ихъ названіе объясняется тѣмъ, что при гаданіяхъ и связанныхъ съ ними пѣсняхъ употребляется блюдо.

Пѣсня о богатыхъ мужикахъ знаменуетъ близкую смерть, о „кошуркѣ“—свадьбу (срв. гаданія Татьяны въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ и начало „Свѣтланы“ Жуковскаго). Общій смыслъ святочныхъ гаданій прекрасно выясняетъ слѣдующая подблюдная пѣсня:

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ молотъ,
Слава!
Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Изъ обрѣзочковъ булавочку;
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Мнѣ тѣмъ перстенемъ обручатися,
Мнѣ тою булавочкою убрусъ (платокъ) притыкать.

Изъ святочныхъ игръ и игровыхъ пѣсенъ наиболѣе популярно „хороненіе золота“:

А я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню...

Подъ Новый годъ или въ самый день Новаго года поются *овсеневыя* пѣсни [1]). Ихъ содержаніе близко къ колядкамъ: онѣ воспѣваютъ пріѣздъ Овсеня, выражаютъ пожеланіе урожая. Связанное съ нимъ обрядовое обсыпаніе зернами имѣетъ магическое значеніе и должно было знаменовать матеріальное благосостояніе въ наступающемъ году [2]).

Празднованіе полнаго пробужденія солнца послѣ зимняго сна, прилива новыхъ силъ въ природѣ и человѣкѣ въ древности было пріурочено къ началу весны, къ марту. «Веснянки», которыми встрѣчаетъ теперь нашъ народъ весну, воспѣваютъ главнымъ образомъ расцвѣтъ жизни, любовь и бракъ. Онѣ принадлежатъ къ наиболѣе поэтическимъ произведеніямъ нашей народной поэзіи. Веснянки.

Обычно 25 марта, съ утра до поздняго вечера, деревенскія дѣвушки «закликаютъ весну». Дѣвичьи хоры какъ бы перекликаются: кончаетъ одинъ хоръ, вдали затянетъ другой, и задорные, бодрые звуки «веснянки» несутся отъ одного села къ другому, съ одного конца улицы на другой.

---

[1]) Самое слово *Овсень* (Авсень, Усень, Таусень) очень загадочно. Его сближаютъ съ корнемъ *сѣ* (сѣять) или *сі* (сіять). Повидимому, раньше празднованіе Овсеня было пріурочено къ веснѣ, позднѣе же примкнуло къ Новому году и слилось съ памятью св. Василія (1 января).

[2]) Таково же содержаніе малорусскихъ *щедровокъ*, исполняемыхъ въ Крещенскій сочельникъ („щедрый вечеръ“—богатый, роскошный). Христіанскихъ отголосковъ въ нихъ меньше, чѣмъ въ колядкахъ.

Весну встрѣчаютъ, къ ней обращаются съ вопросами: «Весна, весна красная! Что ты намъ принесла?»—«Красное лѣтечко».

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ милостью,
Съ милостью, съ великою благостью...

Веснянки воспѣваютъ соловья, ласточку, жаворонка, кудрявую вербу, бѣлую березыньку, калину, шелковую зеленую мураву, вѣнки, цвѣты. Однимъ изъ наиболѣе обычныхъ мотивовъ веснянокъ является *любовь* и *бракъ*. Въ одной изъ нихъ поется:

Охъ ты, матушка весна,
Что намъ, радость, принесла?
— Принесла я вамъ весну,
Краснымъ дѣвкамъ сухоту,
Добру молодцу печаль...

Весенніе праздники.

Весенніе праздники пріурочиваются къ Благовѣщенію, Великому четвергу, Пасхѣ, Ѳоминой недѣлѣ, днямъ св. Георгія и св. Николая (23 апрѣля и 9 мая). Они имѣютъ и народныя названія: *Красная горка, Радуница, Навій день*. Красная горка—свѣтлая, раньше освободившаяся отъ снѣга и покрывшаяся свѣжей травой; мѣсто первыхъ весеннихъ хороводовъ. «Радуница» производятъ отъ корня *рад*—веселыя поминки умершихъ, какъ бы поздравленіе ихъ съ оживаніемъ послѣ зимы. «Навій день»—отъ «навье», души, тѣни умершихъ,—день поминовенія родныхъ и близкихъ.

Главнѣйшіе весенніе обряды пріурочиваются къ Ѳоминой недѣлѣ (воскресенье—Красная горка, понедѣльникъ—Радуница, вторникъ—Навій день). Постоянною принадлежностью весеннихъ праздниковъ являются хороводы и игры, сопровождающіяся пѣснями, большею частью любовнаго характера. Сватовство и бракъ изображаются въ нихъ обыкновенно символически, напр., въ видѣ спора двухъ хоровъ, парней и дѣвушекъ:

А мы просо сѣяли-сѣяли.
А мы просо вытопчемъ.
А чѣмъ же вамъ вытоптать?
А мы коней выпустимъ.
А мы коней переймемъ.
А мы коней выкупимъ...
А мы дадимъ тысячу.
Не надо намъ тысячи,
А намъ надо дѣвицу...

Семикъ и Троица.

Тотъ же смѣшанный, сложный характеръ имѣютъ и поздніе весенніе праздники, переходящіе въ лѣтніе, *русальная (зеленая) недѣля, Семикъ и Троица*.

Съ XI вѣка «русаліи» справлялись у насъ около Троицына или Духова дня и были посвящены чествованію душъ предковъ, деревьевъ и цвѣтовъ, съ переряживаніемъ и воспоминаніями о русалкахъ. Дома украшались зеленью; ночью прыгали черезъ костры, совершали обрядовое купанье. Во время хороводовъ носили соломенную куклу русалки, которую потомъ разрывали или сжигали.

«Семикъ»—обыкновенно четвергъ на *седьмой* недѣлѣ послѣ Пасхи. Онъ посвященъ поминовенію усопшихъ и русалкамъ. Памятникъ XVI вѣка «Стоглавъ» такъ изображаетъ подобныя поминовенія: въ Троицкую субботу «по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ, и, егда начнутъ играть скоморохи, гудцы и прегудницы, они же отъ плача преставши начнутъ скакати и плясати и въ долони (ладони) бити и пѣсни сотонинскія пѣти на тѣхъ же жальникахъ, обманщики и мошенники».

Семицкія пѣсни говорятъ о русалкахъ, преслѣдующихъ и щекочущихъ до смерти путника, качающихся на вѣтвяхъ деревьевъ, живущихъ на горахъ или въ водѣ:

Русалочки, земляночки,
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися...

Во время семицкихъ хороводовъ «завиваютъ» (украшаютъ лентами) березку, просятъ пощады у русалокъ, плетутъ вѣнки, бросаютъ ихъ въ воду для гаданія о будущей судьбѣ—счастливомъ или несчастномъ бракѣ.

Купальскіе обряды.

Вторымъ крупнымъ моментомъ языческаго календаря былъ день брака солнца съ землею, лѣтняго солноворота (9 іюня), позднѣе примкнувшій къ празднованію Рождества Іоанна Крестителя, «Ивана Купала» (= Крестителя, 23 іюня).

Такое пріуроченіе вызывалось главнымъ образомъ совпаденіемъ *крещенія* и обрядоваго *купанья*. Древность его доказывается тѣмъ, что лѣтописи упоминаютъ объ «Иванѣ Купалѣ» съ половины XIII вѣка. Популярность этого праздника въ старину обратила на него вниманіе нашихъ древнихъ книжниковъ, и они оставили нѣсколько подробныхъ и яркихъ его описаній. Они единогласно упоминаютъ о вѣнкахъ, хороводахъ около деревьевъ или воткнутыхъ въ землю зеленыхъ вѣтвей, обрядовомъ купаніи, прыжкахъ черезъ костры, поискахъ чудодѣйственныхъ травъ—все это черты, которыя сохранились въ купальскомъ обрядѣ до очень поздняго времени [1]) и

[1]) Нѣкоторыя черты купальскаго обряда художественно воспроизведены Гоголемъ въ повѣсти „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала".

которыя были вызваны культомъ солнца въ расцвѣтѣ его жизненныхъ силъ. За этимъ расцвѣтомъ слѣдовалъ поворотъ, уклонъ къ зимѣ, и это придало купальскому обряду *двойственный* характеръ—празднованія наивысшаго расцвѣта производительныхъ силъ природы, солнца въ особенности, и прощанія съ лѣтомъ («похороны лѣта»).

Купанье, прыжки черезъ костры (черезъ костры прогонялся и скотъ) должны были „очистить“ отъ болѣзней, защитить отъ враждебныхъ силъ природы. Рядъ другихъ обрядовъ указываетъ на наибольшую мощь солнца, придающаго водѣ и растеніямъ таинственную силу (особенно характерно въ этомъ отношеніи извѣстное повѣрье о цвѣткѣ папоротника). Гаданія вѣнками, хороводы, пѣсни указываютъ на брачный, любовный характеръ праздника. Скатываніе зажженнаго колеса (=солнца) въ воду и утопленіе, сожженіе или закапываніе соломенныхъ куколъ символизуютъ поворотъ солнца къ землѣ и посѣвъ зерна для его возрожденія весной въ видѣ растенія. Въ Великороссіи купальскій обрядъ почти вездѣ выродился и исчезъ; лучше сохранился онъ въ Малороссіи и Бѣлоруссіи.

Жатвенные обряды.

Огромное значеніе въ жизни народа урожая, жатвы создало и особые жатвенные обряды и пѣсни, пріуроченные къ тому моменту, когда начинаетъ колоситься рожь, къ началу и концу жатвы („зажинки“ и „обжинки“). Съ особымъ почетомъ народъ относится къ первому и послѣднему сжатому снопу: ихъ называютъ „именинниками“, ставятъ подъ образа, воспѣваютъ и пр. Изъ оставшихся на полѣ колосьевъ „завиваютъ бороду“ Волосу (Ильѣ, козлу...)—вѣроятно, богу поля, жатвы, позднѣе пріуроченному къ св. Власію (Власъ=Волосъ, Велесъ), который сдѣлался и хранителемъ стадъ, „скотьимъ богомъ“.

Время жатвы, „страда“, требующее слишкомъ большого напряженія народныхъ силъ, слишкомъ изнурительное, мало благопріятствуетъ праздникамъ: въ разгаръ земледѣльческихъ работъ не до нихъ. Поэтому лѣтніе и осенніе праздники бѣднѣе содержаніемъ, чѣмъ весенніе. Съ 1 іюля („макушка лѣта“) почти прекращаются хороводы; только кое-гдѣ ихъ водятъ въ Ильинъ день, во время „дожинокъ“ (обыкновенно 15 августа или 8 сентября) и 1 сентября (Семеновъ день), но недолго. Въ концѣ сентября празднуются „Капустки“. Во время рубки, которая совершается въ тактъ пѣснѣ, воспѣваютъ „матушку-капустку“.

Бытовые обряды.

Наряду съ календарными обрядами, связанными съ жизнью природы и земледѣльческимъ бытомъ, въ народной средѣ сохранились также обряды другого рода—*семейно-бытовые,* обнимающіе всѣ главнѣйшіе моменты человѣческой жизни: рожденіе, крестины, бракъ, похороны. Изъ нихъ особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія отличаются свадебные обряды.

Обряды свадебные.

Полная драматизма, сложная по своему составу «свадебная игра» своими корнями восходитъ къ глубокой древности и до сихъ поръ держится въ народной жизни прочнѣе другихъ обрядовъ. Она медленно и постепенно исчезала изъ обихода высшихъ классовъ, все

болѣе дѣлаясь простонародной: не только боярскія, но и княжескія, царскія свадьбы до очень поздняго времени совершались по древнему брачному «чину» [1]). Крестьянская масса, растерявшая почти всѣ свои древніе обряды, упорно держится за «свадебную игру» и теперь, когда условія новой жизни вносятъ въ нее все большее и большее разложеніе. Свадебныя пѣсни, сбереженныя народомъ, до сихъ поръ полны чертами *быта высшихъ классовъ;* въ старину ихъ было еще больше. Такъ, невѣсту, новобрачную называютъ княгиней, боярыней, жениха—княземъ, сватовъ—боярами. Это—остатокъ прежнихъ бытовыхъ пріуроченій, который въ крестьянской средѣ получилъ *иносказательный* характеръ, найдя себѣ нѣкоторое оправданіе въ церковномъ обрядѣ надѣванія вѣнцовъ, *вѣнчанія*. Такъ же, чертами, всего меньше свойственными простой и бѣдной народной жизни, изображается и свадебный пиръ:

Тутъ стояли столы да дубовые,
На столахъ-то столешники кедровые,
Исподерганы скатерти шиты браныя,
Испоставлены явства все сахарныя,
Исполиваны питья да все медвяныя.
Что за тѣми столами, за дубовыми,
Тутъ сидѣли, посидѣли князья, бояра.
Посередь же ихъ сидѣлъ добрый молодецъ.
На колѣничкахъ держалъ звончаты гусли...

Однѣ бытовыя черты свадебныхъ пѣсенъ возводятъ насъ къ обстановкѣ до-петровской, великокняжеской и царской Руси, другія переносятъ въ обстановку дворянскаго быта XVIII вѣка. Въ одной пѣснѣ, напр., мужъ собирается подносить (вѣроятно, на охотѣ) «государю на рукѣ сокола». Въ другой «бояре» дивуются роскошной шапкѣ жениха, спрашиваютъ, какъ она ему досталась. Онъ объясняетъ:

Не дивуйтесь, бояре!
Самъ царь въ орду ѣздилъ,
За себя царевну бралъ,
Мнѣ шапочка въ даръ пришла
За мою за выслугу,
За походушку (походы) частую,
За поклоны низкіе,
За погляды веселые...

---

[1]) Когда Дмитрій Самозванецъ, вѣнчаясь съ Мариной Мнишекъ, отступилъ отъ исконныхъ обычаевъ, народъ заволновался, и враги новаго царя ловко использовали его настроеніе. Только Алексѣй Михайловичъ придалъ своей свадьбѣ строго церковный характеръ, порвавъ съ вѣковыми традиціями. Эти традиціи соблюдались среди дворянства (главнымъ образомъ провинціальнаго) даже въ XVIII вѣкѣ, среди купечества—въ прошломъ вѣкѣ, до самаго послѣдняго времени.

Въ другихъ пѣсняхъ женихъ завиваетъ кудри, надѣваетъ шелковые чулки, обуваетъ башмаки съ пряжками—по модѣ XVIII вѣка. Фигурируютъ въ нихъ золоченыя кареты съ кучерами въ голубыхъ кафтанахъ,—каретами полонъ весь *крестьянскій* дворъ.—Наряду съ этимъ въ нашей свадебной поэзіи много яркихъ отголосковъ крестьянскаго быта, бытовыхъ воспоминаній сѣдой древности, рисующихъ послѣдовательную смѣну разныхъ моментовъ въ положеніи женщины, начиная отъ умыканія (насильственнаго похищенія), «купли-продажи» и кончая бракомъ по любви, съ добровольнаго согласія обѣихъ сторонъ. До сихъ поръ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «свадебная игра» носитъ характеръ сраженія между сторонами жениха и невѣсты, воспроизводитъ мнимое похищеніе и пр.: невинная теперешняя игра когда-то въ старину была серьезнымъ, *кровавымъ*, дѣломъ. Отсюда—рядъ мотивовъ свадебной поэзіи: ужасъ передъ чужбиной, чужимъ родомъ, «чужениномъ» - женихомъ; упоминанія о разгромѣ, который будто бы произвели въ домѣ невѣсты сторонники жениха и пр.—Смѣнившая «умыканіе» продажа дѣвушки другому роду тоже оставила много слѣдовъ въ свадебныхъ пѣсняхъ [1]): мольбы невѣсты не продавать ее, не прошивать, упоминаніе о рукобитьѣ, тяжеломъ трудѣ и ранней старости на чужой сторонѣ, глубокая скорбь по родному дому, дѣвичьей волѣ, «косѣ-красѣ»; сваты—*купцы*, женихъ—*ряженый* (отъ *рядиться*). И похищеніе, и продажа *суждена* высшей силой, требующей преклоненія передъ ея велѣніями («на роду написано»): отсюда женихъ—«суженый» («суженый-ряженый»).

Свадебныя пѣсни.

Только позднія пѣсни даютъ отдѣльныя свѣтлыя черты *радостнаго* отношенія къ браку, который обѣимъ сторонамъ представляется одинаково «желаннымъ»; вообще же народная свадебная поэзія отличается преобладающимъ грустнымъ характеромъ, соотвѣтствующимъ грустной многовѣковой исторіи русской женщины: пѣсни невѣсты и ея подругъ—«вопли», «причитанія»; плачъ для нея *обязателенъ*. Эти пѣсни постоянно сближаются и смѣшиваются съ бытовыми пѣснями о печальной женской долѣ, легко въ нихъ переходятъ. Смягченіе нравовъ, сближеніе родовъ посредствомъ браковъ внесло въ нихъ *величальный* моментъ, величанье новобрачныхъ и ихъ родни. Наряду съ нимъ большую роль въ свадебной поэзіи играетъ *сатирическій* и *юмористическій* элементы: насмѣшки надъ женихомъ, сватами, гостями, которые должны отъ нихъ откупаться. Въ эти насмѣшки выродились прежнія кровавыя столкновенія сторонъ же-

---

[1]) Въ древности у насъ за невѣсту женихъ платилъ „вѣно“ (выкупъ) ея отцу.

ниха и невѣсты. Нѣкоторыя черты нашего древняго свадебнаго обряда художественно изображены Пушкинымъ въ «Русалкѣ» (женитьба князя) и гр. А. К. Толстымъ въ балладѣ «Сватовство».

Главные моменты свадебнаго обряда.

Свадебный обрядъ, вообще очень сложный, распадается на нѣсколько моментовъ. Главные изъ нихъ—сватовство, сговоръ, дѣвичникъ и самая свадьба. Кромѣ жениха и невѣсты и ихъ родителей, въ нихъ принимаютъ большое участіе сваты, пользующіеся особымъ почетомъ (въ сваты выбираются люди, хорошо знающіе традиціонный свадебный „чинъ“). Свита жениха (сваты, товарищи и молодые родственники) называется „дружками“, „боярами“ „поѣзжанами“; распорядитель ихъ—„тысяцкій“ (заимствовано изъ стариннаго военнаго быта); подруги невѣсты—„подружье“ (ихъ запѣвала иногда называется „*плачеей*“). При сватовствѣ, въ случаѣ удачи предварительныхъ переговоровъ, сваты, въ уговоренное заранѣе время, являются какъ-бы случайно въ домъ невѣсты и ведутъ символическія, освященныя многовѣковой традиціей, рѣчи: называютъ себя „ловцами“, „охотниками“, „купцами“, невѣсту—„куницей“, „товаромъ“. Такіе же традиціонные отвѣты родителей невѣсты указываютъ согласіе на бракъ, и затѣмъ слѣдуетъ „сговоръ“. Сговоръ состоитъ въ „рукобитьѣ“ [1]), установленіи условій брака—времени, расходовъ, приданаго и пр.

Наканунѣ свадьбы справляется „дѣвичникъ“: подруги невѣсты величаютъ ее, оплакиваютъ ея дѣвичью волю, косу, грустными по большей части пѣснями провожаютъ ее въ новую жизнь.

Свадебный „поѣздъ“, отправленіе въ церковь для вѣнчанія и возвращеніе изъ нея, обставляется всевозможными обрядностями для защиты новобрачныхъ отъ злыхъ силъ (это обыкновенно лежитъ на обязанности „тысяцкаго“) и предзнаменованія имъ будущаго счастья и богатства (обсыпаніе хлѣбными зернами и пр.). Входя въ домъ мужа, „молодая“ кланяется печи и кладетъ на нее хлѣбъ, пѣтуха, связку баранокъ или поясъ,—обрядъ, знаменующій ея вступленіе въ новый родъ, просьбу защиты у предковъ мужа (отголосокъ „культа предковъ“). Кое-гдѣ до сихъ поръ новобрачная, въ знакъ своего подчиненія, должна снять мужу сапоги (по лѣтописному разсказу, Рогнѣда, отказывая Владиміру, заявила, что она не хочетъ „разути рабичича“, сына рабыни); отецъ новобрачной передаетъ зятю плетку, слегка ударивъ ею дочь—символъ порабощенія женщины, передачи власти отца—мужу.

Символика, образы свадебной поэзіи имѣютъ очень много общаго съ весенними обрядовыми пѣснями. До сихъ поръ въ нихъ много древняго миѳическаго (и двоевѣрнаго) содержанія. Нѣкоторыя изъ свадебныхъ пѣсенъ, напр., говорятъ объ оленѣ-золотые рога, приводятъ его загадочныя для насъ теперь слова жениху:

Въ нѣкое время сгожусь я тебѣ:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Стану, олень, середи я двора,

---

1) Въ Малороссіи—обмѣнъ полотенцами „ручниками“—„заручины“ (отсюда сговоренные—„зарученые“). „Рукобитье“ скрѣпляетъ у народа всякую торговую сдѣлку.

Золотыми рогами весь дворъ освѣщу,
Всѣхъ твоихъ гостей развеселю,
Больше всѣхъ Степаниду (невѣсту) твою.

Другія передаютъ старинные эпическіе мотивы, напр., картину плавающихъ по морю 30 кораблей (на одномъ изъ нихъ женихъ), встрѣчающуюся и въ былинахъ, упоминаютъ о Литвѣ и татарахъ, Царьградѣ и пр. Изъ свадебныхъ мотивовъ, съ другой стороны, составилось почти все содержаніе былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Такъ вообще обмѣниваются своимъ содержаніемъ разные виды народной поэзіи. Наконецъ, въ „вопляхъ“ невѣсты и „подружія“ много чертъ, общихъ съ похоронными „причитаніями“.

Похоронные обряды.

Заключительный моментъ человѣческой жизни, смерть, былъ обставленъ у насъ въ старину, обставляется и теперь въ народномъ быту цѣлымъ рядомъ обрядностей, за которыми стоятъ вѣрованія, взгляды на смерть, на загробную жизнь мертвецовъ и на отношенія ихъ къ живымъ. Проводы мертвецовъ, ихъ *обрядовое оплакиваніе* обязательны для извѣстныхъ ступеней культурнаго развитія: они умилостивляютъ умершихъ, дѣлаютъ ихъ не только безопасными, но и благосклонными къ живымъ.—Скорбь по близкомъ, дорогомъ покойникѣ естественна. При силѣ чувства она невольно облекалась въ ритмическія формы, дѣлалась похоронною пѣснею, *причитаніемъ* [1]). Съ теченіемъ времени сложился взглядъ, что покойникъ нуждается не въ простомъ импровизированномъ оплакиваніи, а въ обрядовомъ, отлившемся въ опредѣленныя традиціонныя формы плачѣ. Появились профессіональныя плакальщицы (къ этому оказались болѣе способными женщины), *„вопленицы“*, *„плачеи“*, сохранившія, благодаря передачѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, до нашего времени старинную «причеть».

Причитанія.

Причитанія (въ особенности сѣверно-русскія) составляютъ одинъ изъ наиболѣе поэтичныхъ и интересныхъ отдѣловъ нашей народной поэзіи. Они отличаются богатствомъ образовъ смерти, души и скорби, яркостью бытовыхъ картинъ и очень характерны вообще для народнаго міровоззрѣнія.

Ихъ содержаніе.

Содержаніе причитаній очень разнообразно. Они рисуютъ мѣстопребываніе души, даютъ художественные образы горя, рока, смерти, яркія картины душевныхъ настроеній, земной жизни покойника и осиротѣвшей семьи.

Душа удаляется «за темные лѣса, за дремучіе, за высокія горы,

---

[1]) Такіе плачи близкихъ родныхъ знаетъ и древняя лѣтопись: даже князья „карили“, причитали по своимъ близкимъ.

за толкучія, за синія моря да за глубокія, вровень съ облачками да съ ходячими, ко лунѣ подвосточной» или «ко этой Пресвятой да Богородицѣ, во матушку да во сыру землю, во погреба да во глубокіе». Смерть изображается одушевленнымъ существомъ: горемъ-злосчастіемъ, безсчастіемъ, досадой, кручиной-злодѣйкой, безталанницей, *обидой, судиной* (судьбою), жребіемъ. Въ одной пѣснѣ она изображается въ такомъ видѣ:

Подходила тутъ скорая смертушка;
Она крадучись шла злодѣйка-душегубица,
По крылечку ли она да молодой женой,
По новымъ ли шла сѣнямъ да красной дѣвушкой,
Аль каликой она шла да перехожею,
Со синя ли моря шла да все голодная,
Со чиста поля шла да вѣдь холодная;
У дубовыхъ дверей да не стучалася,
У окошечка вѣдь смерть да не давалася
(не стучалась, не просилась).
Потихоньку она да подходила
И чернымъ ворономъ въ окошко залетѣла.

Потрясеніе вслѣдствіе смерти близкаго существа, въ особенности неожиданной, выражается прежде всего недовѣріемъ къ возможности самаго факта потери. Причитанія подробно разрабатываютъ этотъ психологическій мотивъ и заставляютъ родственниковъ умершаго вездѣ искать его, спрашивать объ его мѣстопребываніи сосѣдей и знакомыхъ, просить вѣтеръ разбросать землю съ могилы или воду размыть ее, чтобы еще разъ можно было увидѣть покойника и оживить его. Обычно изображеніе тяжелой будущности осиротѣвшей семьи. Вдова, напр., такъ оплакиваетъ скончавшагося мужа:

Укатилося красно солнышко
За горы оно да за высокія,
За лѣсушки оно да за дремучіи,
За облачка оно да за ходячіи,
За часты звѣзды за подвосточныи.
Покидаетъ меня побѣдную головушку
Со стадушкомъ онъ да со дѣтиною (дѣтьми);
Оставляетъ меня горюшу горе-горькую
На вѣки-то меня да вѣковѣчные!
Нѣ какъ растить-то сиротныхъ мнѣ-ка дѣтушекъ:
Будутъ по міру они да вѣдь скитатися,
По подоконью они да столыпатися (слоняться);
Будетъ уличка—да не широкая,
Путь-дороженька вѣдь да не торнешенька,
Безъ своего родителя, безъ батюшки.

Отъ имени вдовы вопленица обращается къ умершему мужу:

Погляди-тко, моя ладушка,
На меня да на побѣдную!
Не березынька шатается,
Не кудрявая свивается,
Какъ шатается, свивается
Твоя да молода жена.
Я пришла, горюша горькая,
На любовную могилушку
Разсказать свою кручинушку...

Кромѣ этихъ обычныхъ обрядовъ, въ исключительныхъ случаяхъ (напр., при повальныхъ болѣзняхъ людей или скота) употребляются и нѣкоторые другіе, напр., обрядовое опахиваніе села женщинами, которое изгоняетъ болѣзни и смерть.

Такими обрядами человѣкъ защищалъ и устраивалъ къ лучшему свою жизнь въ неустанной борьбѣ съ природой, въ постоянныхъ соприкосновеніяхъ съ таинственнымъ міромъ духовъ и божествъ. Той же цѣли служили заклинанія, заговоры и ложныя молитвы.

2. Заклинанія и заговоры. Ложныя молитвы.

Вѣра въ силу слова.

Вмѣстѣ съ ростомъ языка и его значенія въ человѣческой жизни росла и вѣра въ могущественную, *магическую* силу слова, принудительную для людей, стихій природы, духовъ и божествъ. Эта вѣра возникаетъ на раннихъ ступеняхъ развитія, но отголоски ея сохраняются долго, даже среди народовъ, стоящихъ въ культурномъ отношеніи очень высоко.

Среди нашего простонародія до сихъ поръ существуетъ громадное количество заговоровъ и заклинаній (для устраненія, предупрежденія [1]) и наведенія болѣзней, возбужденія или охлажденія любви, помощи хозяйству, ремесламъ, промысламъ и т. д.), какъ устныхъ, такъ и распространяющихся посредствомъ рукописей. По языку и содержанію многіе изъ нихъ, несомнѣнно, самобытны и очень древняго происхожденія; нѣкоторые же заимствованы нашимъ народомъ очень поздно и до сихъ поръ сохраняютъ ясные слѣды иноземнаго и книжнаго происхожденія (иностранныя имена, искаженныя латинскія и греческія слова и пр.).

По народному воззрѣнію, заговоры и чары дѣйствительны только тогда, когда выполняются точно; всякое сознательное отступленіе, нарушеніе порядка и послѣдовательности лишаетъ ихъ какого бы

[1]) Такъ наз. „обереги".

то ни было значенія. Вслѣдствіе этого они бережно передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію (обыкновенно т. н. «знахарями» и «знахарками»), могли подвергаться только *безсознательнымъ* измѣненіямъ. Вообще они *устойчивѣе* другихъ видовъ народной поэзіи.

Ложныя молитвы.

Церковь энергично боролась съ этими остатками язычества. Ея вліяніе и проникновеніе христіанства въ народныя массы измѣнили характеръ заговоровъ и чаръ: прибѣгая попрежнему къ помощи заговоровъ и заклинаній, народъ старался примирить въ *двоевѣріи* старую и новую вѣру, вводить христіанскія имена и дѣйствія (Богородица, Христосъ, святые, крестное знаменіе и пр.), оставляя имъ прежній языческій характеръ: „подъ восточной стороной ходитъ матушка утренняя заря Марія, вечерняя заря Маремьяна, мать сыра земля Пелагея и сине море Елена“, „шелъ Господь съ небесъ съ вострымъ копіемъ; ручьи, притоки запираетъ, руду (кровь) унимаетъ стрѣльную, ручебную (отъ удара рукой), ножевую, топоровую“, „свѣтъ ты, Илья пророкъ, огненна карета и огненна колесница, туго ты тянешь, мѣтко стрѣляешь, врага и супостата убиваешь и огнемъ опаляешь“.

Введеніе христіанскихъ именъ и дѣйствій съ теченіемъ времени сблизило нѣкоторые изъ заговоровъ съ молитвами: они теряли свой принудительный, магическій характеръ и дѣлались *ложными молитвами*, просительными формулами двоевѣрнаго характера: „на морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ соборная апостольская церковь; въ той соборной апостольской церкви стоитъ Мать Пресвятая Богородица и преподобный Антипій, зубной исцѣлитель. Онъ проситъ и молитъ угодниковъ Божіихъ о рабѣ Божіемъ (имя рекъ): какъ у васъ, угодники Божіи, зубы не болѣли, такъ бы у раба Божія (имя рекъ) зубы не болѣли—во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь, аминь, аминь“. Этотъ *просительный* характеръ со стороны народа былъ извѣстной уступкой новому религіозному пониманію: Богородицу и святыхъ можно было *молить*, а не принуждать ихъ магическими словами и дѣйствіями.

Форма и составъ заговоровъ.

Въ старину заговоры были ритмическими, потому что именно ритмическому слову приписывали особую магическую силу. До сихъ поръ во многихъ изъ нихъ встрѣчаются остатки ритма; нѣкоторые, немногіе, впрочемъ, сохранили всю прежнюю ритмичность формы.

Обычно заговоръ начинается съ *эпической* части, вступленія, описанія дѣйствій, когда-то сопровождавшихъ его, а теперь только упоминаемыхъ [1]); затѣмъ слѣдуетъ *лирическая* часть, выражающая какое-либо желаніе (часто въ символической формѣ) и нерѣдко заключающая въ себѣ *сравненіе* этого желанія съ какимъ-либо явле-

---

[1]) Напр., „встану я... изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле; стану на западъ хребтомъ, на востокъ лицомъ, позрю, посмотрю на ясное небо“; иногда упоминаемое дѣйствіе по самому существу своему невозможно, неисполнимо: „оболокусь облаками, подпоясусь красною зарею, огорожусь свѣтлымъ мѣсяцемъ, обтычусь частыми звѣздами, освѣчусь краснымъ солнышкомъ“.

ніемъ внѣшняго міра («какъ въ печи огонь горитъ и тлѣютъ дрова, такъ тлѣло и горѣло бы сердце»); къ нимъ примыкаетъ *обращенія къ сверхъестественной помощи*, и, наконецъ, заключительная часть, такъ называемое *замыканіе*, «ключевыя слова», которыя должны были окончательно закрѣпить силу заговора («будьте вы, мои слова, крѣпки и лѣпки, крѣпче камня и булата», «крѣпчи и твержае всякаго желѣза каленаго простаго, и мѣди, и серебра, и всякаго камени морскаго, и земнаго, и подземнаго», «буди мое слово острѣе меча и сабли, и иглы булатныя; языкъ мой ключъ», «заключаю крѣпкимъ замкомъ и ключъ въ воду», «будьте вы, мои слова, крѣпки и лѣпки, крѣпче камня и булата; замыкаю я васъ тридевятью замками; запираю я васъ тридевятью ключами: нѣтъ моимъ словамъ переговора и недоговора, и не измѣнить ихъ ни хитрецу, ни мудрецу»). Наиболѣе важны *желаніе* и *замыканіе;* другія части въ нѣкоторыхъ заговорахъ отпадаютъ. Замыканіе считалось особенно существеннымъ для заговоровъ и часто хранилось знахарями, какъ тайна, которую можно передать другому только на смертномъ одрѣ, чтобы сила заговора не исчезла вмѣстѣ съ умирающимъ. Этимъ объясняется то, что многіе изъ записанныхъ заговоровъ не имѣютъ «ключевыхъ словъ».

II

3. Загадки.

Происхожденіе и значеніе загадокъ.

Древняя и народно-поэтическая рѣчь метафорична. Метафорами, символами полны обрядовыя и бытовыя пѣсни, сказки, пословицы; загадку называютъ «хорошо составленной метафорой». Литературныя метафоры («коверъ зимы», «изумрудъ луговъ») обыкновенно легко раскрываютъ свое содержаніе; древняя и народная поэзія допускала метафоры, съ нашей точки зрѣнія, слишкомъ рискованныя, иногда нелегко раскрываемыя (тучи находятъ=сваты идутъ, замутиться=опечалиться, помутилася вода съ пескомъ=поссорились мужъ съ женой).

Загадка—остатокъ этой старой метафоричности. Между образомъ и идеей въ ней слишкомъ большое разстояніе. Это затрудняетъ разгадываніе и повышаетъ интересъ къ загадкѣ, какъ «головоломкѣ», средству испытанія находчивости и сообразительности: такую роль загадка играетъ теперь. По образцу древнихъ загадокъ составлялись новыя, прежнее значеніе ихъ забывалось, и то, что раньше имѣло серьезное значеніе, обратилось въ простую забаву.

Въ форму загадокъ облекались въ древности высшая миѳическая мудрость, велѣнія судьбы (напр., предсказанія древне-греческихъ оракуловъ, загадки Сфинкса въ миѳѣ объ Эдипѣ и русалокъ въ нашихъ сказкахъ, пренія боговъ загадками въ германской миѳологіи

и пр.) [1]). Позднѣе онѣ сдѣлались средствомъ испытанія знанія мудрости вообще; съ паденіемъ старой вѣры стали пародировать прежніе миѳическіе образы, придавать имъ шуточное значеніе, играть словами для забавы. Такъ создалась новѣйшая загадка—«головоломка».

Наиболѣе интересны загадки, сохранившія древній миѳическій характеръ: «заря заряница, красная дѣвица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла, мѣсяцъ видѣлъ, а солнце скрало» (роса), «конь бѣжитъ, земля дрожитъ» (громъ), «туръ (буйволъ) ходитъ по горамъ, турица по доламъ, туръ свистнетъ, турица мигнетъ» (громъ и молнія) и пр.

Форма загадокъ.

Большинство загадокъ ритмично. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ риѳму или ассонансы и аллитерацію [2]): напр., «узловатъ Кузьма—развязать нельзя» (цѣпъ); «Безъ рукъ, безъ ногъ ползетъ на батогъ», т.-е. палку (горохъ). Однѣ изъ нихъ носятъ утвердительный характеръ, другія—отрицательный, основанный на рядѣ *выключеній*: «рябъ, да не песъ, зеленъ, да не лукъ, вертится, какъ бѣсъ,—повертка въ лѣсъ» (сорока), «красна, да не дѣвка, зелена, да не дубрава» (морковь); третьи задаются въ видѣ вопроса: «Что надъ нами вверхъ ногами?»—(муха).

4. Сказки, преданія и легенды.

Сказки: ихъ форма и значеніе.

Въ современномъ народномъ употребленіи слово «сказка» не имѣетъ строго опредѣленнаго значенія, примѣняется къ разсказамъ самаго разнообразнаго характера и содержанія.

Общаго во всѣхъ этихъ разныхъ, съ перваго взгляда, разсказахъ—*форма* (повѣствовательная, прозаическая, съ рѣдкими слѣдами стихотворнаго размѣра) и *цѣль* (занимательность и поучительность). Народъ противополагаетъ сказку пѣснѣ и по формѣ, и по содержанію: «сказка—складка, пѣсня—быль»; «пѣсня красна ладомъ, сказка—складомъ». Съ его точки зрѣнія, сказка—искусно построенный, «складный» вымыселъ, пѣсня—правда, «быль», облеченная въ правильную ритмическую форму, «ладъ». Сказка имѣетъ для него теперь только *эстетическое* значеніе, удовлетворяетъ стремленію развлекаться, уноситься мечтой отъ тяжелой повседневности въ міръ

---

[1]) Гадательныя, подблюдныя пѣсни иногда представляютъ собой загадку: напр., пѣсня:

Несутъ корыто,
Другимъ покрыто —

имѣетъ въ виду гробъ и предсказываетъ смерть.

[2]) Ассонансъ—неполная, приблизительная риема, *созвучіе гласныхъ*; аллитерація—созвучіе, повтореніе однихъ и тѣхъ же согласныхъ звуковъ въ началѣ ударяемыхъ слоговъ, или созвучіе начальныхъ слоговъ словъ.

то просто занимательныхъ, то привлекательныхъ и поучительныхъ вымысловъ.

Сказки и другіе виды народной поэзіи.

На многовѣковомъ пути своего развитія сказка отразила въ себѣ разные культурные моменты, начиная отъ очень раннихъ и кончая поздними, почти современными намъ: отголоски языческихъ и христіанскихъ вѣрованій, древнія и новыя формы быта, самобытное творчество и иноземныя заимствованія. Между нею и другими видами народной поэзіи существуетъ постоянный обмѣнъ: сказочные эпизоды и подробности попадаютъ въ былины и историческія пѣсни; сказка часто создаетъ и поясняетъ пословицу, основывается на загадкахъ; былины и историческія пѣсни, разрушаясь, теряя, вслѣдствіе забвенія, свою ритмическую форму, переходятъ въ сказку.

Все болѣе она сближается съ другими видами народной повѣствовательной прозы, съ *преданіями* (*сагами*) и *легендами*. Чистая сказка всегда отличается *намѣренною* неопредѣленностью географическихъ и хронологическихъ пріуроченій. Напротивъ того, преданіе при своемъ возникновеніи всегда связано съ *опредѣленнымъ* мѣстомъ, лицомъ и событіемъ (напр., преданіе о мести Ольги, смерти Олега). Однако съ теченіемъ времени происходитъ сближеніе сказокъ и преданій, при чемъ сказка получаетъ отдѣльныя историческія черты, а преданіе дѣлается все болѣе сказочнымъ и по содержанію, и по формѣ. То же произошло и съ *легендами*, христіанскими или двоевѣрными сказаніями на религіозныя темы [1]): одновременное *устное* распространеніе въ народной массѣ сблизило ихъ со сказками и привело къ обмѣну содержанія и пріемовъ разсказа.

Ихъ подвижность.

Сказка вообще отличается большою *подвижностью*. Очень легко и свободно переходитъ она отъ одного народа къ другому, изъ книжной словесности въ устную и наоборотъ—изъ устъ народа въ лубочные листки и книги. Прозаическая форма запоминается труднѣе и хуже, чѣмъ стихотворная. Сказочникъ всегда импровизируетъ, механически смѣшивая или органически соединяя извѣстные ему сказочные сюжеты, пользуясь при этомъ готовымъ запасомъ формулъ и общихъ мѣстъ. Отсюда—обиліе варіантовъ при относительно небольшомъ количествѣ основныхъ сказочныхъ схемъ.

---

[1]) Въ большомъ количествѣ въ старину легенды переходили къ намъ, главнымъ образомъ, книжнымъ путемъ, изъ Византіи, отъ южныхъ славянъ и даже съ Запада. Нѣкоторыя изъ нихъ—еретическаго происхожденія (нѣкоторые еретики облекали свое ученіе въ форму притчъ или легендъ). Какъ занимательное чтеніе, онѣ очень охотно усваивались нашимъ народомъ и оказали большое вліяніе на русскую народную поэзію.

Въ буквальномъ значеніи *легенда*—„то, что должно читать“ (лат. Legenda). Въ средніе вѣка такъ назывались житія и похвалы святыхъ, которыя читались во время службы въ ихъ честь; позднѣе—вообще религіозныя сказанія. Такъ какъ въ древнихъ легендахъ было много произвольнаго и вымышленнаго, то ихъ стали противополагать исторически достовѣрному; „легендами“ часто называютъ теперь разсказы, не вполнѣ согласные съ фактами или завѣдомо украшенные фантазіей.

По своему происхожденію русскія народныя сказки очень разнообразны: однѣ изъ нихъ восходятъ въ отдаленной, языческой древности и отражаютъ въ себѣ черты миѳологическаго міросозерцанія: таковы, напр., многія сказки о животныхъ. Другія — представляютъ собой заимствованія болѣе поздняго времени: такъ, многіе сказочные сюжеты и образы занесены къ намъ изъ Византіи, отъ южныхъ славянъ, финновъ, татаръ, кавказцевъ и др. народностей; такъ, напр., популярный въ нашихъ сказкахъ «Кащей» — тюркскаго происхожденія, Еруслань Лазаревичъ (или Залазаревичъ) передѣланъ изъ Арслана и Залзера персидскихъ сказаній. Наконецъ, есть очень много сказокъ *книжнаго* происхожденія, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ (напр., очень распространенная и любимая народомъ сказка о Бовѣ-королевичѣ представляетъ собой передѣлку итальянской рыцарской повѣсти, при чемъ дѣйствующія въ ней лица — Buovo, Pulicane, Lucaferro, Meretrice — превратились въ Бову, Полкана, Лукапера, Мелетрису). Происхожденіе сказокъ.

Сложность и смѣшанный характеръ состава сказокъ очень затрудняютъ ихъ дѣленіе на группы. Его можно производить только по *преобладающему элементу*. Большинство сказокъ отличается *фантастическимъ характеромъ*, который восходитъ или къ древнимъ *миѳическимъ вѣрованіямъ* (такъ назыв. «миѳическія сказки»), или къ позднѣйшему книжному вымыслу («авантюрныя сказки», сказки *приключеній*), или къ двоевѣрному, полу-народному, полу-книжному творчеству *(легенды)*. Ихъ дѣленіе

а) сказки фантастическія;

Разрушеніе старой вѣры приводило къ ослабленію прежнихъ фантастическихъ элементовъ въ сказкѣ и замѣщенію ихъ *бытовыми*; раньше бытовыя черты и картины были безсознательными, случайными; затѣмъ онѣ начинаютъ расширяться въ ущербъ первоначальному содержанію, играть все болѣе и болѣе самостоятельную роль, отодвигать на второй планъ элементъ миѳическихъ и легендарныхъ вѣрованій.

б) бытовыя;

Миѳическій и легендарный элементъ постепенно вытѣсняется и поучительнымъ, *дидактическимъ:* въ сказкѣ ищутъ уже не воплощенія общихъ вѣрованій, не объясненія явленій и силъ природы, а *морали*, тѣхъ или другихъ поучительныхъ выводовъ, и ради нихъ жертвуютъ первоначальнымъ содержаніемъ.

в) поучительныя;

Сближеніе саги (преданія) и сказки вызвало появленіе сказки *исторической*, пріурочивающей къ историческимъ именамъ [1]) и событіямъ

г) историческія;

[1]) Напр., къ Ивану Грозному, Петру Великому (сказка о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра и др.), Стенькѣ Разину (въ Приволжскихъ губерніяхъ).

чисто-сказочные (часто даже заимствованные) сюжеты. Къ нимъ можно отнести потерявшія свой ритмическій складъ былины („побывальщины") и историческія пѣсни (сказки объ Ильѣ Муромцѣ, Алешѣ Поповичѣ и другихъ богатыряхъ, о Никитѣ Кожемякѣ, Иванѣ Грозномъ и т. д.).

Комическія. Наиболѣе позднимъ видомъ сказокъ являются сказки *сатирическія* и *юмористическія*. Въ нихъ много *сознательнаго* творчества, заимствованій изъ книжныхъ источниковъ; своими симпатіями и антипатіями онѣ часто указываютъ на позднюю пору народнаго развитія—враждебныя отношенія разныхъ сословій, общественныхъ группъ, народностей, критическое и даже ироническое отношеніе къ прежнимъ вѣрованіямъ и пр. Нѣкоторыя изъ нихъ пародируютъ, высмѣиваютъ былины (напр., сказка о Ѳомѣ Беренниковѣ, безсильномъ трусѣ, котораго всѣ принимаютъ за могучаго богатыря), другія вышучиваютъ недостатки сосѣднихъ народностей (татаръ, нѣмцевъ, цыганъ, евреевъ—т. н. „народные анекдоты"). Многія изъ нихъ заимствованы изъ иноземныхъ сборниковъ шуточныхъ разсказовъ (новеллы, фабліо, фацеціи, жарты), и до сихъ поръ сохраняютъ всѣ особенности *книжнаго* происхожденія. Онѣ рисуютъ типы тонкихъ плутовъ и глупцовъ, забавныя недоразумѣнія, хитрости нѣвѣрныхъ женъ и т. д.

Наиболѣе характерны для сказокъ *фантастическій* (миѳическій, легендарный, авантюрный), *бытовой* и *дидактическій* элементы; сказки историческія, сатирическія и юмористическія немногочисленны и особенно видной роли въ мірѣ народной поэзіи не играютъ.

Фантастическія сказки. Среди фантастическихъ сказокъ наиболѣе древними являются тѣ, въ которыхъ встрѣчаются *миѳическіе* черты и образы. Большая часть этихъ миѳическихъ чертъ восходитъ еще къ эпохѣ *анимизма*, когда человѣкъ одухотворялъ всю природу, не выдѣлялъ еще себя изъ нея. Къ этой ступени развитія можно отнести *сказочныя превращенія* (въ деревья, растенія, камни, воду), *оборотничество, культъ воды* («живая и мертвая вода») и пр. Древнія представленія о душѣ отложились въ сказочномъ эпизодѣ о душѣ (или сердцѣ) Кащея, заключающейся въ яйцѣ и сохраняющейся на днѣ моря,—въ многочисленныхъ сказаніяхъ о мертвецахъ, упыряхъ (или вампирахъ), «обмираніяхъ» и пр.

Сказки о животныхъ. *Культъ животныхъ* и *зооморфизмъ* оставили много слѣдовъ въ народной сказкѣ. Вначалѣ человѣкъ, слишкомъ слабый передъ природой, идеализировалъ животныхъ, преувеличивалъ ихъ силу и мудрость. Такъ возникъ «*животный эпосъ*», сохранившійся у русскихъ очень хорошо, почти въ первоначальной свѣжести: на Западѣ онъ почти вездѣ получилъ сатирическій или дидактическій характеръ (средневѣковый «Романъ о Лисѣ», басни). Наши сказки о животныхъ отличаются простотою и наивностью, прекрасно обрисовываютъ характеры звѣрей. Тѣ изъ нихъ, въ которыхъ совсѣмъ не появляется человѣкъ, древнѣе. Болѣе поздними считаются тѣ, въ

которыхъ человѣкъ оказывается сильнѣе и мудрѣе животныхъ. «Животный эпосъ» рано сдѣлался у насъ сказками для дѣтей, почему и сохранилъ свой древній характеръ: позднѣйшія наслоенія народныхъ сказокъ почти не коснулись его; онъ сохранилъ свою былую простоту и наивность, близкую дѣтскому пониманію. Животныя, которыя чаще всего выводятся въ нашихъ сказкахъ—*волкъ, медвѣдь* и *лиса*. Волкъ изображается обыкновенно алчнымъ и глупымъ, медвѣдь—неповоротливымъ и простодушнымъ, лиса—хитрой и пронырливой, отлично умѣющей устраивать свои дѣлишки.

Къ зооморфическимъ образамъ нашихъ сказокъ относятся—Сѣрый волкъ, помогающій герою (обыкновенно Ивану-Царевичу), Сивка бурка—вѣщая каурка, Бѣлыя лебеди—дочери морского царя и пр. Культъ предковъ отразился въ повѣріяхъ и сказкахъ о домовомъ, враждебныхъ и дружественныхъ мертвецахъ, въ рядѣ отдѣльныхъ сказочныхъ эпизодовъ (требованіе умирающаго отца стеречь по ночамъ его могилу, заботы о дѣтяхъ и вмѣшательство въ ихъ жизнь умершихъ родителей и пр.).

Черты антропоморфизма.

На ряду съ зооморфическими образами въ нашихъ сказкахъ встрѣчается также немало *антропоморфическихъ* образовъ. Солнце, мѣсяцъ, вѣтеръ, морозъ и проч. часто появляются въ сказкахъ не только въ человѣческомъ образѣ, но и со всѣми подробностями земной жизни и человѣческаго характера: они женятся на земныхъ дѣвушкахъ, живутъ въ избахъ, принимаютъ родственниковъ и свойственниковъ, ссорятся, соперничаютъ другъ съ другомъ и т. д. Въ сказкѣ о Василисѣ Прекрасной смѣна дня и ночи изображается въ видѣ бѣга бѣлаго, краснаго и чернаго всадниковъ на бѣломъ, красномъ и черномъ коняхъ. Духи воды, моря, лѣса представляются въ видѣ водяного, морского царя, лѣшаго, имѣющихъ семьи, живущихъ въ избахъ или палатахъ и т. д.

Среди фантастическихъ существъ, выведенныхъ въ нашихъ сказкахъ, особенно часто встрѣчается *Баба-Яга*. Обыкновенно она изображается въ видѣ злой и безобразной старухи («Баба-Яга, костяная нога, голова пестомъ, носъ въ потолокъ вросъ»). Она живетъ въ глухомъ лѣсу, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, и пожираетъ всякаго, кто попадаетъ въ ея руки. Баба-Яга — волшебница и имѣетъ силу превращать людей въ животныхъ. Она летаетъ по воздуху въ ступѣ, толкачомъ погоняетъ, метлой слѣдъ заметаетъ. Она враждуетъ противъ героя или героини сказки и всячески старается ихъ погубить, что ей однако не удается. — Впрочемъ, есть сказки, въ которыхъ она, наоборотъ, покровительствуетъ герою, спасаетъ его отъ опасности, укрываетъ отъ погони или даритъ ему разные предметы,

обладающіе сверхъестественными свойствами и позволяющіе герою побороть враговъ или уйти отъ бѣды: коверъ-самолетъ, сапоги скороходы, мечъ-самосѣкъ [1]).

Черты двоевѣрія въ сказкахъ.

Въ христіанскую пору произошло сближеніе между христіанскими и антропоморфическими языческими образами. На святыхъ были перенесены черты прежнихъ божествъ (Илья—громовникъ, Егорій—змѣеборецъ, покровитель волковъ и скота, Власій—покровитель скота); христіанское понятіе о дьяволѣ и византійскія сказанія о демонахъ создали большое количество *демонологическихъ легендъ*, въ которыхъ на дьявола были перенесены черты низшихъ, стихійныхъ божествъ, получившихъ значеніе темной, „нечистой силы“ (черти, чертовки, шишиги, кикиморы, корочуны и пр.). Характерно, что сказки, какъ и другіе виды нашей народной поэзіи, *совершенно* не сохранили именъ высшихъ языческихъ божествъ, которыя мы знаемъ изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ древне-русской словесности. Къ миѳическимъ сказкамъ относятся и многочисленные разсказы о колдунахъ (вѣдунахъ, вѣдьмахъ), обладающихъ таинственными, могучими силами и знаніями, находящихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ „нечистымъ“. Колдуны и знахари—преемники древнихъ волхвовъ, языческихъ жрецовъ, носителей миѳической мудрости, посредниковъ между богами и людьми, знатоковъ магіи и древняго обряда. Народная фантазія придала имъ въ христіанскую пору зловѣщій обликъ.

Авантюрныя сказки.

Къ числу фантастическихъ сказокъ принадлежатъ и такъ назыв. *авантюрныя* сказки, основанныя на пестрой смѣнѣ всевозможныхъ невѣроятныхъ *приключеній*. Нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ къ средневѣковымъ рыцарскимъ романамъ въ русской передѣлкѣ («Бова», «Францыль Венеціанъ», «Георгъ Аглицкій», «Тристанъ и Изольда» и пр.), разсказываютъ о встрѣчахъ съ великанами, чудищами, сраженіяхъ со змѣями и т. д. Герой большинства ихъ въ концѣ-концовъ, послѣ всевозможныхъ испытаній и приключеній, женится на царской дочери и дѣлается царемъ. Отдѣльные эпизоды и подробности ихъ (напр., борьба со змѣями, помощь чудесныхъ животныхъ) носятъ миѳическій характеръ, заимствованный, повидимому, изъ народныхъ миѳическихъ сказокъ; съ другой стороны, авантюрный элементъ переносится и въ сказки миѳическаго характера.

Несмотря на преобладающій фантастическій характеръ сказокъ,

---

1) Представители миѳологической школы, пытавшіеся объяснить всѣ сказочные образы, исходя изъ древне-арійскихъ натуралистическихъ миѳовъ, видѣли въ *Бабѣ-Ягѣ*, какъ и въ Кащеѣ, олицетвореніе темной силы природы, холода, зимы, отъ которой каменѣетъ, костенѣетъ все живое: намекъ на это усматривали даже въ эпитетѣ: костяная нога. Коверъ-самолетъ и сапоги-скороходы (а также и полетъ самой Бабы-Яги въ ступѣ) миѳологи толковали, какъ олицетвореніе быстро движущихся тучъ, въ мечѣ-самосѣкѣ видѣли мгновенно разящую молнію.

во многихъ изъ нихъ встрѣчаются и *бытовыя* черты, восходящія иногда къ очень давнему времени, къ первобытной эпохѣ, и изображающія особенности и обычаи древняго быта, грубаго и жестокаго. Къ числу такихъ *архаическихъ* бытовыхъ чертъ, сохранившихся въ сказкахъ, принадлежитъ, напр., людоѣдство (обыкновенно приписываемое Бабѣ-ягѣ и великанамъ), разрубаніе тѣла на мелкія части, выкалываніе глазъ, выбрасываніе больныхъ и старыхъ, браки между кровными родственниками, закапываніе въ землю живьемъ, погребеніе на столбахъ и т. д.

Бытовыя сказки.

Подобныя бытовыя упоминанія, обыкновенно очень бѣглыя, нужныя для самаго хода сказочнаго повѣствованія, входили въ сказки и въ болѣе поздніе эпохи, становясь рядомъ съ архаическими чертами и создавая такимъ образомъ анахронизмы: сказки знаютъ свадебные пиры съ танцами и угощеніемъ, кареты, разныя сословія и ихъ взаимныя отношенія и т. п., наряду съ миѳическими образами, взглядами и порядками первобытныхъ эпохъ. Развиваясь за счетъ фантастическаго элемента, *бытовой элементъ* иногда дѣлается въ сказкѣ преобладающимъ: напр., въ сказкахъ о падчерицѣ и родной дочери появленіе Морозка — только вставной эпизодъ; центръ ихъ тяжести—въ изображеніи отношеній матери къ падчерицѣ, ихъ характеровъ, которое обставлено рядомъ чисто-бытовыхъ подробностей (поминальные блины, приданое и т. д.). Въ сказкахъ о знахарѣ-обманщикѣ, въ силу случайности отгадавшемъ воровъ, о набитомъ дуракѣ, всегда и вездѣ дѣйствовавшемъ невпопадъ, о вороватомъ мужикѣ, обманувшемъ нѣсколько разъ слишкомъ довѣрчивую помѣщицу, совершенно нѣтъ фантастическаго элемента, а рисуется рядъ бытовыхъ картинъ, въ позднемъ по времени сатирическомъ и юмористическомъ освѣщеніи.

Поучительныя сказки.

Поздніе сказки осложняютъ фантастику и бытовыя картины — *поученіемъ*, къ занимательности прибавляютъ *дидактизмъ*. Чѣмъ онъ сознательнѣе, *разсудочнѣе*, тѣмъ позднѣе происхожденіе сказки.

Въ извѣстной мѣрѣ дидактическій элементъ можетъ быть присущъ всякой сказкѣ—миѳической, бытовой, даже исторической. Но иногда онъ играетъ преобладающую роль (напр., въ сказкахъ о «покаявшемся разбойникѣ», «правдѣ и кривдѣ»), и тогда сказка обращается въ дидактическое произведеніе.

Мораль нашихъ народныхъ сказокъ часто отличается возвышеннымъ характеромъ: ихъ симпатіи обыкновенно на сторонѣ униженныхъ и оскорбленныхъ, слабыхъ, смиренныхъ (напр., сказки объ Иванушкѣ-дурачкѣ, гонимой падчерицѣ); гордыня, несправедливость, зависть и другіе пороки всегда наказываются, добро, правда всегда

торжествуютъ и вознаграждаются. Отступленія отъ этой морали рѣдки.

Главные герои сказокъ.

Излюбленными героями русскихъ народныхъ сказокъ являются *Иванъ-Царевичъ* и *Иванушка-дурачокъ*. Послѣдній обыкновенно изображается въ сказкахъ крестьянскимъ сыномъ. Прозваніе «дурачокъ» дано ему за его простодушіе, незлобивость и смиреніе,—чѣмъ онъ выгодно отличается отъ своихъ старшихъ «умныхъ» братьевъ, которые отличаются хитростью и коварствомъ, ищутъ добра только для себя, завидуютъ чужому успѣху и готовы даже на злое дѣло ради своей выгоды. Симпатія, съ которой сказка относится къ Иванушкѣ-дурачку, противопоставляя его себялюбивымъ и злымъ братьямъ, чрезвычайно характерна для нравственныхъ воззрѣній народа. Характерно также и то обстоятельство, что Иванушка-дурачокъ необыкновенно удачливъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ (отсюда, вѣроятно, и сложилась поговорка: дуракамъ счастье), между тѣмъ, какъ его умные братья, несмотря на всю свою хитрость и беззастѣнчивость, въ концѣ-концовъ терпятъ неудачу и получаютъ справедливое воздаяніе за свое коварство: этимъ сказка какъ бы подчеркиваетъ ту моральную идею, что добро всегда бываетъ вознаграждаемо, а зло наказано.—Какъ Иванъ-Царевичъ, такъ и Иванушка-дурачокъ совершаютъ въ сказкахъ различные богатырскіе подвиги: отыскиваютъ пропавшихъ родныхъ: мать, сестру, освобождаютъ похищенныхъ какимъ-либо чудовищемъ (Кащеемъ, Змѣемъ) красавицъ, исполняютъ какія-либо трудныя порученія: добываютъ жаръ-птицу, достаютъ живой и мертвой воды, «молодильныхъ яблокъ» (для престарѣлаго царя, который хочетъ помолодѣть). При этомъ они переживаютъ всевозможныя приключенія: попадаютъ въ подземное царство, подвергаются различнымъ опасностямъ, сражаются съ чудовищами; во всѣхъ этихъ похожденіяхъ имъ помогаютъ либо Сивка-бурка, Сѣрый Волкъ, либо добрая Баба-Яга. Вообще развязка сказокъ обыкновенно *счастливая:* Иванъ-Царевичъ возвращается къ отцу вмѣстѣ съ освобожденной имъ красавицей, а Иванушка-дурачокъ, въ награду за свои подвиги, получаетъ руку царской дочери и самъ становится царемъ. Въ этомъ счастливомъ окончаніи сказывается свѣтлый *оптимизмъ,* свойственный народному міросозерцанію вообще, и нашедшій себѣ выраженіе и въ его поэтическомъ творчествѣ.

Форма народныхъ сказокъ.

Таково богатство и разнообразіе *содержанія* сказокъ; ихъ *форма и пріемы* гораздо однообразнѣе. Мѣсто и время дѣйствія сказки всегда обозначаются крайне неопредѣленно: «въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ», «за тридевять земель, въ тридесятомъ

государствѣ», «въ нѣкоторомъ селѣ, не далеко, не близко, не высоко, не низко», «гдѣ-то и когда-то жилъ богатый Марко», «это было въ старину, давно-давно, такъ что ни дѣды, ни прадѣды, ни прапрадѣды, ни пращуры наши не запомнятъ». Очень часто сказки начинаются и кончаются традиціонными *прибаутками* и *присказками*, безъ связи съ основнымъ дѣйствіемъ [1]).

Разсказъ въ сказкѣ ведется просто, коротко, безъ отвлекающихъ вниманіе излишнихъ подробностей, стремится къ конечной цѣли въ непрестанномъ развитіи дѣйствія. Для усиленія дѣйствія и впечатлѣнія обыкновенно употребляется пріемъ *утроенія* (три героя, три подарка, три препятствія...), съ постепеннымъ наращеніемъ захватывающихъ вниманіе слушателей подробностей.

Традиціонность сказочныхъ пріемовъ, *окаменѣлость* многихъ сказочныхъ оборотовъ объясняется ихъ *профессіональнымъ происхожденіемъ*, тѣмъ, что они сложились въ средѣ профессіональныхъ сказочниковъ, «бахарей», о которыхъ упоминается во многихъ памятникахъ нашей древней литературы.

Историческія свидѣтельства говорятъ о томъ, что они развлекали царей (Ивана Грознаго, Михаила Ѳеодоровича), жили у бояръ и дворянъ до очень поздняго времени. Только европейская культура отучила высшіе классы отъ древней забавы и сдѣлала сказку простонародной. Опустившись въ народъ, она сохранила многія традиціонныя особенности былой профессіональной техники. Крестьянская масса бережно и неизмѣнно хранитъ и до сихъ поръ эти остатки прежняго сказочнаго искусства. Интересно, что многіе изъ традиціонныхъ сказочныхъ оборотовъ [2]) сохранили ритмическую форму, произносятся часто нараспѣвъ и теперь. Это не значитъ, что сказки раньше были сплошь ритмическими: къ ритму онѣ прибѣгаютъ обыкновенно въ наиболѣе сильныхъ, „патетическихъ“ мѣстахъ, и именно ихъ постаралась задержать и сохранить народная память. Запасъ традиціонныхъ формулъ облегчалъ импровизацію, новыя соединенія старыхъ сказочныхъ сюжетовъ.

---

1) Напр.: „Жили-были два крестьянина: одинъ Антонъ, другой — Агаѳонъ. „Послушай, братъ!“ говоритъ Антонъ: „бѣдовая туча къ намъ несется“, а самъ какъ листъ трясется. „Ну, что жъ за бѣда!“ „Да вѣдь градъ пойдетъ, весь хлѣбъ побьетъ!“ „Какъ градъ! дождь пойдетъ!“ „Анъ градъ!“ „Анъ дождь!“ „Не хочу говорить съ дуракомъ!“ сказалъ Антонъ, да хвать сосѣда кулакомъ. Ни градъ, ни дождь нейдетъ, а у нихъ изъ носовъ да ушей кровь льетъ. Это еще не сказка, а присказка: сказка будетъ впереди—завтра послѣ обѣда, поѣвши мягкаго хлѣба“.

2) „Хвостомъ слѣдъ устилаетъ, долы и горы промежъ ногъ пущаетъ“, „конь бѣжитъ, земля дрожитъ: изъ ушей пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ“, „стань передо мной, какъ листъ передъ травой“, „я самъ тамъ былъ, медъ и вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало“, „ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать“, „жилъ-былъ царь овесъ, онъ сказки всѣ унесъ“ и пр.

Легенды.

Наряду со сказками, большое распространеніе получили и *легенды*, большею частію двоевѣрныя или даже еретическія, которыя проникли въ народныя массы путемъ книжной и, отчасти, устной передачи.

По своему содержанію онѣ очень разнообразны. Однѣ изъ нихъ возникли вслѣдствіе своеобразнаго, въ духѣ прежнихъ миѳическихъ вѣрованій, пониманія христіанскихъ сказаній, другія дополняли то, чего не давала новая вѣра. Умъ новообращенныхъ язычниковъ безсильно бился надъ рядомъ вопросовъ: почему св. Касьяна празднуютъ черезъ три года, а св. Николая нѣсколько разъ въ годъ? Какъ Христосъ сходилъ во адъ? Что дѣлаютъ Энохъ и Илья на небѣ?— Въ мѣру пониманія создавались отвѣты, возникали легенды, часто очень далекія отъ духа новаго вѣроученія.

Нѣкоторыя легенды — еретическаго происхожденія. Болгарскіе еретики *богомилы*, вѣровавшіе въ изначальное равенство и постоянную борьбу Бога и дьявола, дали нашему народу много *дуалистическихъ* легендъ, разсказывавшихъ объ участіи дьявола въ твореніи міра [2]). Такія легенды усваивались тѣмъ легче, что находили себѣ точку опоры въ языческой вѣрѣ въ добрыя и злыя божества и постоянную борьбу между ними.

Многія легенды отличаются возвышеннымъ смысломъ и большою художественностью. Таковы, напр., народныя легенды, обработанныя Л. Н. Толстымъ, Лѣсковымъ и Гаршинымъ („Чѣмъ люди живы“, „Сказаніе о царѣ Аггеѣ“ и пр.).

5. Пословицы и поговорки.

Пословицы.

Пословицами называются значительныя по смыслу [3]), краткія, неизмѣнныя по формѣ «изреченія народной мудрости», допускающія самыя широкія примѣненія въ человѣческой жизни. Мѣтко примѣненная пословица уясняетъ мысль, часто «бьетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ», остроумно распутываетъ сложный и спорный вопросъ. Изъ всѣхъ видовъ народной поэзіи она оказалась, наиболѣе живучей: мы часто прибѣгаемъ къ ней въ обыденной рѣчи; много ихъ и въ литературныхъ произведеніяхъ (наприм., въ басняхъ Крылова, комедіяхъ Островскаго). Все же новая культура вытѣсняетъ постепенно и ее: съ ея ростомъ количество пословицъ уменьшается, многія изъ нихъ забываются потому, что ослабляется привычка пользоваться готовыми запасами вѣковой народной мудрости.

Ихъ дѣленіе.

Пословицы дѣлятся на *поэтическія* и *прозаическія*. Первыя (напр., «повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить»,

---

1) Т.-е. допускающихъ *двойственность* основныхъ міровыхъ началъ.

2) Такъ назыв. *космогоническія* легенды.

3) Народъ говоритъ: „Бѣлый свѣтъ не околица, а пустая рѣчь не пословица“, „красна рѣчь съ притчею“, „пословицу и на кривой не объѣдешь“, „пословица не даромъ молвится“, „пословица вѣкъ не сломится“ и пр.

«за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь») отличаются *образнымъ* характеромъ; вторыя (напр., «Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ», «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ», «бесѣда дорогу коротаетъ, а пѣсня — работу») — лишены образности, всегда понимаются только въ *буквальномъ* смыслѣ.

Происхожденіе пословицъ.

Нѣкоторыя изъ нихъ возникли изъ разсказовъ, сказокъ, анекдотовъ какъ народнаго, такъ и книжнаго происхожденія, часто и до сихъ поръ уясняются соотвѣтствующими «побасенками», разсказами. Какой-нибудь жизненный случай вызываетъ разсказъ; его центральная фраза, наиболѣе значительная и *растяжимая* по смыслу, если она выражена мѣтко, запоминается, приводится въ связи съ разсказомъ или безъ него, если онъ общеизвѣстенъ; разсказъ можетъ и забыться, а оторвавшаяся отъ него фраза получаетъ самостоятельное существованіе. Наприм., пословица «кто поросенка укралъ, у того въ ухѣ пищитъ» (= «на ворѣ шапка горитъ») возникла изъ народнаго анекдота: у мужика украли поросенка; онъ подошелъ къ односельчанамъ и произнесъ приведенную выше фразу; воръ выдалъ себя: «вотъ неправда!» [1]).

Ихъ содержаніе.

Содержаніе пословицъ очень разнообразно, даже противорѣчиво. Онѣ отлагались въ народномъ сознаніи на протяженіи многихъ вѣковъ и отразили въ себѣ всевозможные моменты народной жизни, свѣтлые и темные. Однѣ изъ нихъ, повидимому, восходятъ къ языческимъ временамъ («который богъ вымочитъ, тотъ и высушитъ», «домовой не полюбитъ, не что возьмешь»), другія — къ христіанскимъ («вѣра и гору съ мѣста сдвинетъ», «всѣ подъ Богомъ ходимъ»); нѣкоторыя и до сихъ поръ носятъ печать своего *историческаго* происхожденія («бородка Минина, а совѣсть глиняна», «незваный гость хуже татарина», «здѣсь словно Мамай воевалъ», «погибъ, какъ шведъ подъ Полтавой», «попалъ, какъ ворона во французскій супъ», «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день» и пр.). Вообще онѣ охватываютъ всѣ стороны народной жизни—вѣрованія, мораль, бытъ, юридическіе взгляды, отношенія къ другимъ сословіямъ и народностямъ [2]) и т. д.

---

[1]) Такъ же отрываются и получаютъ пословичный характеръ отдѣльныя выраженія и фразы изъ литературныхъ произведеній; напр., пословицами сдѣлались многія мѣста изъ басенъ Крылова, „Горя отъ ума“ Грибоѣдова и т. д. Много пословицъ основано на сказкахъ, заимствовано изъ св. Писанія, старинныхъ сборниковъ изреченій („Пчелы“) и пр.

[2]) Наприм., „гласъ народа — гласъ Божій“, „что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ“, „міръ — великъ человѣкъ“, „міръ — велико дѣло“, „міръ зареветъ, такъ лѣсъ клонится“, „міръ—по слонкѣ плюнетъ, такъ море“, „купецъ, что стрѣлецъ, оплошнаго ждетъ“, „хоть лыкомъ шитъ, да баринъ“ и т. д.

Ихъ форма. Пословицы обыкновенно — *двучленны,* т.-е. состоятъ изъ двухъ частей, часто имѣютъ риѳму, аллитерацію и ассонансы: «авось да небось — хоть вовсе брось», «сало было — стало мыло», «не подъ дождемъ — подождемъ».

Поговорки. Близки къ пословицамъ и такъ называемыя *поговорки.* Это — тоже неизмѣнныя по формѣ и краткія народныя изреченія. Пословица отличается отъ поговорки своимъ *поучительнымъ* характеромъ; поговорка — условный, обычный оборотъ рѣчи, который можно превратить и въ пословицу, если придать ему не *частный,* а *общій* характеръ („онъ любитъ чужими руками жаръ загребать" — поговорка; „чужими руками жаръ загребать легко, ненакладно" — пословица). Народъ говоритъ: „поговорка — цвѣточекъ, пословица — ягодка".

6. Старины (былины и историческія пѣсни). Малорусскія „думы".

Былины. Русскій *народный эпосъ* нашелъ себѣ выраженіе главнымъ образомъ въ формѣ такъ назыв. *былинъ* и *историческихъ пѣсенъ.* Впрочемъ, самъ народъ не знаетъ этого раздѣленія и называетъ обыкновенно всѣ сохранившіяся отъ старины пѣсни историческаго характера — *„старинами"* («пѣсни про старое, про бывалое»), рѣзко отличая ихъ отъ сказокъ, какъ отъ созданій чистаго вымысла («сказка — *складка,* а пѣсня *быль*»). Въ былинахъ воспѣваются подвиги и похожденія *богатырей* [1]), борьба ихъ съ врагами «свято-русской земли» (съ татарами, съ Идолищемъ поганымъ, со Змѣемъ-Тугаринымъ), или же всевозможныя фантастическія приключенія ихъ (походъ Вольги въ Индійское царство, Садко у морского царя). Въ историческихъ пѣсняхъ поминаются разныя событія русской старины, выводятся историческія лица (Иванъ Грозный, Скопинъ Шуйскій, Петръ Вел.); однако и въ нихъ много произвольнаго и даже фантастическаго: такъ, напр., въ одной пѣснѣ Марина Мнишекъ изображается въ видѣ колдуньи: послѣ убійства Лже-Дмитрія, она обращается въ сороку и улетаетъ въ Польшу.

Въ виду ихъ крайней противорѣчивости, вызванной слишкомъ сложными условіями исторической жизни нашего народа, нельзя характеризовать только по нимъ его міросозерцаніе: отдѣльно выхваченныя изъ живого употребленія пословицы часто исключаютъ другъ друга; вся ихъ масса не укладывается въ опредѣленную, цѣльную картину.

[1]) Слово „богатырь" — *тюркскаго* происхожденія. Оно могло войти въ русскую рѣчь отъ половцевъ; лѣтопись начинаетъ употреблять его со времени нашествія татаръ. Оно постепенно вытѣснило „витязя" (=скандинавскому „викингъ"), и русскія названія „храбръ", „поленица удалая" (отъ „исполинъ" или „поле"), „рѣзвецъ" и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что въ былинахъ это слово читается обыкновенно съ удареніемъ на второмъ отъ конца слогѣ: богáтырь, богáтыри.

Былины стали записывать и издавать у насъ очень поздно, собственно со второй половины XVIII в. [1]). Въ теченіе ряда вѣковъ онѣ сохранялись и передавались устно, подвергаясь всевозможнымъ измѣненіямъ. О томъ, что онѣ представляли собою при своемъ возникновеніи, мы можемъ судить только по нѣкоторымъ бѣглымъ намекамъ древнихъ лѣтописей, въ которыя иногда попадали матеріалы народныхъ сказаній и пѣсенъ, по наиболѣе *архаическимъ* чертамъ современныхъ былевыхъ текстовъ и по *аналогіямъ* съ историческимъ эпосомъ другихъ народовъ, лучше нашего эпоса сохранившимъ черты своего первоначальнаго происхожденія.

Происхожденіе былинъ.

Предполагаютъ, что *первичнымъ зерномъ* всякаго историческаго эпоса являются тѣ *лирико-эпическія пѣсни («кантилены»)*, въ которыхъ воспѣвались жизнь и подвиги князей и народныхъ героевъ, и которыя исполнялись или на праздничныхъ пиршествахъ, или во время похоронныхъ тризнъ. Въ этихъ пѣсняхъ поминались событія, обыкновенно близкія по времени, участіе въ которыхъ принимали и слушатели, и сами пѣвцы, и которыя поэтому живо затрагивали ихъ, волновали и вызывали въ нихъ особенный подъемъ чувства. Все это придавало первоначальной кантиленѣ яркую *лирическую окраску*. Но затѣмъ, подъ вліяніемъ времени, лирическое чувство, связанное съ тѣмъ или другимъ лицомъ или событіемъ, естественно должно было ослабѣть и поблекнуть; зато въ замѣнъ прежняго лиризма все болѣе росъ *эпическій элементъ*, элементъ разсказа, незамѣтно развивавшійся и обогащавшійся различными придуманными и заимствованными подробностями. Въ этой разработкѣ эпическаго разсказа главную роль играли *профессіональные пѣвцы*, въ качествѣ хранителей національнаго эпическаго преданія. Именно въ ихъ средѣ и выработалась, въ главныхъ чертахъ, вся довольно сложная *техника* эпическаго разсказа, съ его традиціонными пріемами, съ характерными особенностями содержанія и стиля.

Пѣвцы былинъ: а) пѣвцы дружинные;

Наиболѣе раннимъ изъ извѣстныхъ намъ видовъ такихъ пѣвцовъ были у насъ (какъ и въ другихъ странахъ) *пѣвцы дружинные*. О нихъ упоминаютъ «Слово о полку Игоревѣ», проповѣдникъ XII в. св. Кириллъ Туровскій, Галицко-Волынская лѣтопись (XIII в.).

Авторъ „Слова“, дружинный *поэтъ*, слившій въ своемъ произведеніи особенности книжной и народной поэзіи, неоднократно упоминаетъ

---

[1]) Отъ XVI—XVII в.в. сохранилось нѣсколько записей, сдѣланныхъ книжниками; къ XVIII вѣку относятся знаменитый сборникъ Кирши Данилова, давшій прекрасные тексты сибирскихъ былинъ, впервые напечатанный только въ 1804 г., нѣсколько искусственныхъ, очень неудачныхъ передѣлокъ былинъ (напр., Чулкова) и нѣсколько случайныхъ записей въ „пѣсенникахъ“ и сборникахъ (напр., въ „Письмовникѣ“ Курганова).

о своемъ предшественникѣ, дружинномъ *пѣвцѣ* начала XI вѣка Баянѣ. „Былины“ своей пѣсни онъ противополагаетъ „замышленію Баяню“: „когда вѣщій Баянъ хотѣлъ создавать въ честь кого-либо пѣснь, то растекался мыслію по лѣсу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками“; онъ возлагалъ свои вѣщіе пальцы на живыя струны гуслей, и онѣ рокотали славу князьямъ: старому Ярославу, храброму Мстиславу, который зарѣзалъ Редедю предъ Касожскими (кавказское племя) полками, прекрасному Роману Святославичу.

Авторъ приписываетъ ему запѣвъ въ народномъ духѣ: „не буря соколовъ занесла черезъ широкія поля, галки стадами бѣгутъ къ великому Дону“ (русскіе и половцы), и двѣ пословицы: „ни хитрому, ни умѣлому, ни даже умѣющему обращаться въ птицу (т.-е. чародѣю) не миновать суда Божія“ и „тяжко головѣ безъ плечъ, несчастье и тѣлу безъ головы“

Лѣтопись подъ 1241 г. упоминаетъ о „словутномъ (славномъ) пѣвцѣ“ Митусѣ. Въ одной изъ своихъ проповѣдей Кириллъ Туровскій говоритъ о современныхъ ему „пѣснотворцахъ“, которые „прислушиваются къ разсказамъ о бывшихъ между царями (князьями) войнахъ и битвахъ, чтобы украшенными словами передать слышанное и возвеличить похвалами крѣпко боровшихся за своего царя (князя) и не обратившихся въ бѣгство во время боя съ врагами“.

Вслѣдствіе очередного порядка владѣнія князья не были прикрѣплены къ опредѣленнымъ удѣламъ, передвигались на новыя княженія при каждомъ случаѣ смерти кого-либо изъ родичей; еще болѣе подвижнымъ элементомъ была дружина, которая переходила со своимъ прежнимъ княземъ въ другія области, но могла отъ него и «отъѣхать», перейти къ другому князю. Такія передвиженія расширяли кругозоръ дружинныхъ пѣвцовъ, обогащали ихъ репертуаръ новыми темами: они подхватывали областныя, мѣстныя пѣсни и преданія и постепенно дѣлали ихъ достояніемъ *общерусской* поэзіи. Въ ихъ же средѣ должны были рано сказаться и *иноземныя* вліянія, вслѣдствіе постоянныхъ сношеній Руси съ окружающими странами и народами. Благодаря этому, въ русскій былевой эпосъ стали проникать посторонніе черты, сюжеты и образы, всевозможныя ходячія сказанія и легенды, которыми и пользовались наши пѣвцы, приспособляя ихъ къ роднымъ преданіямъ и пріурочивая къ русскимъ именамъ.

Иноземныя вліянія въ былинномъ эпосѣ.

У русскихъ князей было много дружинниковъ варяговъ (норманновъ), которые приносили изъ Скандинавіи свои преданія и пѣсни, часто затрогивали въ нихъ и русскіе сюжеты. Между скандинавскими и русскими преданіями часто замѣчается поразительное сходство (напримѣръ, занесенныя въ лѣтопись сказанія о мести Ольги и смерти Олега даже въ мелочахъ совпадаютъ со сказаніями скандинавскими).

Многовѣковыя культурныя связи съ Византіей и южными славянами несли къ намъ не только духовную письменность, но и народную и двоесвѣрную поэзію. Греки имѣли цѣлый богатырскій эпосъ, сложив-

шійся въ эпоху борьбы Византіи съ наступавшимъ магометанствомъ, съ „сарацынами“. Любимый его герой, Дигенисъ, Аникетосъ (т. е. „непобѣдимый“) былъ популяренъ и у насъ (=Аника-воинъ); особенно посчастливилось въ древней Руси одному эпизоду его поэтической біографіи — борьбѣ съ Харономъ, смертью. Изъ двоевѣрныхъ легендъ въ нашъ эпосъ проникли, благодаря византійской и южно-славянскимъ литературамъ, образъ богатыря *Самсона, латырь-камень* (=алтарный камень), разсказъ о чудесной сумкѣ съ „тягою земною“ и пр.

Борьба со степными кочевниками, многовѣковыя то враждебныя, то мирныя отношенія съ хазарами, печенѣгами, касогами, половцами, самыми разнообразными народностями Кавказа и Востока (главнымъ образомъ черезъ хазаръ) дали нашимъ былинамъ рядъ сюжетовъ и образовъ. По свидѣтельству лѣтописей, нѣкоторые князья и дружинники были знакомы съ языкомъ печенѣговъ и половцевъ; въ русскую рѣчь очень рано вошло значительное количество половецкихъ словъ, въ половецкую—русскихъ; половцы иногда принимали христіанство и поступали на службу къ русскимъ князьямъ; довольно обычны были браки русскихъ на половчанкахъ и половцевъ на русскихъ дѣвушкахъ; князьямъ и дружинникамъ обоихъ народовъ приходилось иногда подолгу жить въ плѣну другъ у друга, что еще болѣе способствовало ихъ взаимному ознакомленію. Благодаря этому въ нашъ эпосъ вошло много восточныхъ сюжетовъ; такъ, напр., былина о единоборствѣ Ильи Муромца съ сыномъ близко напоминаетъ одинъ эпизодъ изъ персидскаго эпоса *Шахъ-Намэ* („Книга царей“), именно разсказъ о борьбѣ Рустема и Зораба, переведенный Жуковскимъ.

На сѣверѣ русскимъ пришлось столкнуться и войти въ близкія сношенія съ финнами. Эти народности внесли въ сѣверно-русскую рѣчь много своихъ словъ (это особенно сказывается въ географическихъ названіяхъ: финскаго происхожденія, напримѣръ, слово „Москва“), а въ былины—нѣсколько сюжетовъ и именъ (напримѣръ, отчество Святогора *Колывановичъ* [1]), нѣкоторыя сказанія объ этомъ богатырѣ и т. д.). Черезъ Новгородъ, входившій въ торговый „Ганзейскій“ союзъ сѣверно-германскихъ городовъ, проникали къ намъ западные сюжеты. Новгородская лѣтопись, напр., подъ 1204 г. упоминаетъ „поганаго злого Дедрика“ — Тидрека, т.-е. Ѳеодориха Великаго германскихъ сказаній.

Съ распространеніемъ грамотности среди высшихъ классовъ населенія дружинный пѣвецъ постепенно становится поэтомъ-*писателемъ*. Древне-русская словесность знаетъ рядъ такихъ книжныхъ произведеній, вышедшихъ изъ среды дружинниковъ: болѣе позднія лѣтописи, «Слово о полку Игоревѣ», «Моленіе Даніила Заточника». Связи дружинныхъ пѣвцовъ съ народной поэзіей все болѣе ослабляются, и былины попадаютъ въ руки «веселыхъ людей»—*скоморохов*ъ.

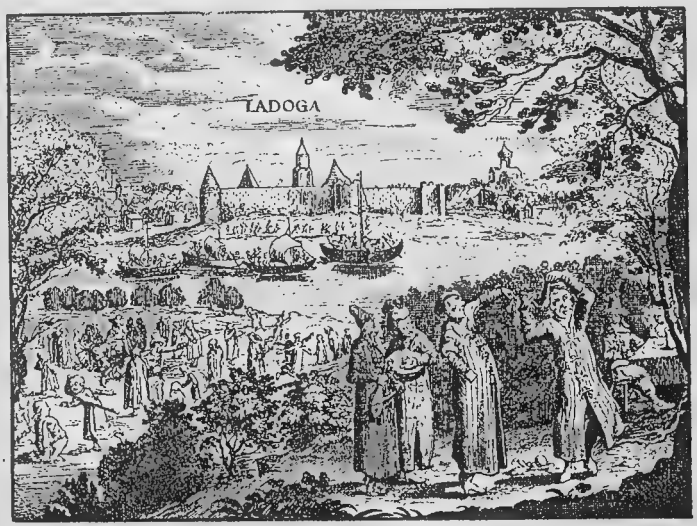
---

1) Калеви (род. падежъ Калеванъ)—герой финскихъ народныхъ сказаній. Ревель въ старину назывался у насъ „Колыванью“ (городъ Калеви).

5) Скоморохи.

Бродячіе потѣшники появляются въ древней Руси очень рано, съ X—XI вѣка. Они идутъ къ намъ двумя путями: съ юга, изъ Византіи и юго-славянскихъ земель—«скоморохи», и съ запада, изъ Германіи—шпильманы. Ихъ профессія нашла у насъ для себя очень благопріятную почву, и скоморохъ надолго сдѣлался излюбленнымъ потѣшникомъ древней Руси. Сохранился рядъ свидѣтельствъ объ исполненіи скоморохами былинъ и историческихъ пѣсенъ. Объ этомъ единодушно говорятъ иноземные и русскіе источники. Ихъ слушали иностранные путешественники, напр., Олеарій; одинъ изъ «птенцовъ Петровыхъ», историкъ Татищевъ. слыхалъ въ молодости «у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимірѣ», въ которыхъ «женъ его именовали, также о славныхъ людяхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексіѣ Поповичѣ, Соловьѣ разбойникѣ, Долкѣ (Дюкѣ) Стефановичѣ и проч. упоминаютъ и дѣла ихъ прославляютъ»; въ этихъ «старинныхъ пѣсняхъ» пѣлось и объ «увеселеніяхъ Владиміра». Особенно славились, повидимому, скоморохи новгородскіе; ихъ, напр., выписывалъ въ Москву царь Иванъ Грозный, большой любитель скоморошьяго искусства.—Въ современныхъ текстахъ былинъ много слѣдовъ профессіональной, въ частности скоморошьей, техники: въ нихъ часто попадаются традиціонныя шутливыя прибаутки, обращенія къ хозяевамъ. Нѣкоторымъ героямъ былинъ приданы скоморошьи черты (Добрыня, напр., появляется къ Владиміру послѣ долгаго отсутствія

Слѣды скоморошьей техники въ былинахъ.



Пѣсни и пляски скомороховъ (Изъ „Путешествія въ Московію“ Олеарія, 1636—39 гг.).

въ видѣ скомороха; Садко былъ въ молодости скоморохомъ-«гусляромъ» и пр.). Есть нѣсколько «старинъ» совершенно скоморошьяго содержанія. Такова, напр., пѣсня о «Гостѣ Терентьищѣ», шутливаго содержанія, главными героями которой являются «веселые скоморохи, люди вѣжливые, очесливые (т.-е. знающіе, кому и какъ воздать честь)». Упоминаютъ они и въ старинѣ «Путешествіе Вавилы со скоморохами».

Скоморохи оказали на форму и содержаніе былинъ большое вліяніе. Въ ихъ средѣ окончательно сложился своеобразный былинный стиль со всѣми его особенностями, традиціонными «зачинами» и «исходами», прибаутками, повтореніями, окаменѣвшими описаніями и эпитетами. Какъ элементъ очень подвижной, они разносили былины по всей тогдашней Руси, подхватывали мѣстныя пѣсни и дѣлали ихъ общерусскими, искажали ихъ содержаніе заимствованными образами, легендарными и романическими, безъ особаго разбора смѣшивая свое и чужое, старое и новое. Для нихъ на первомъ планѣ были не историческая точность, вѣрность традиціи «отцовъ и дѣдовъ», а занимательность, возбужденіе интереса у слушателей; поэтому они мало считались съ исторіей и традиціей, допускали произвольныя измѣненія, широко пользовались заимствованнымъ матеріаломъ изъ различныхъ устныхъ и даже книжныхъ источниковъ (сказками, двоевѣрными легендами и др.).

Упадокъ скоморошества.

Съ XVII вѣка начинается упадокъ скоморошества — подъ вліяніемъ преслѣдованій московскаго правительства (особенно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ) и увлеченія высшихъ классовъ западною культурою. Спасаясь отъ преслѣдованій, скоморохи изъ центральныхъ мѣстностей Россіи уходили на ея окраины: съ одной стороны — на сѣверъ, къ поморамъ, а съ другой стороны — на юго-востокъ, въ земли вольнаго казачества, служившія вообще прибѣжищемъ для всякаго люда, бѣжавшаго отъ московскихъ порядковъ [1]). Здѣсь скоморохи постепенно утратили своей характеръ профессіональныхъ «потѣшниковъ», слились съ населеніемъ и передали ему въ наслѣдіе свой богатый пѣсенный репертуаръ. Вотъ почему именно на

[1]) Въ средѣ казачества былины восприняли нѣкоторыя черты казацкаго быта: во многихъ изъ нихъ, напр., Илья Муромецъ называется „старымъ казакомъ“, „атаманомъ“, Алеша Поповичъ „есауломъ“; богатыри образуютъ казацкій „кругъ“, съ обычными казацкими порядками. Въ былины входятъ даже нѣкоторые историческіе герои казачества, напр., Ермакъ, покоритель Сибири, котораго однако народная фантазія переноситъ въ Кіевъ, дѣлаетъ роднымъ племянникомъ великаго князя Владиміра и заставляетъ сражаться съ Мамаемъ. Впрочемъ, подобные анахронизмы и историческія несообразности встрѣчаются въ народныхъ „старинахъ“ очень часто.

окраинахъ всего лучше сохранились былинныя преданія, между тѣмъ какъ въ центральной Россіи они почти вовсе изгладились изъ народной памяти: громадное большинство былинъ записано или въ Поволжьѣ (въ низовыхъ губерніяхъ), на Уралѣ и въ Сибири,—въ мѣстахъ распространенія казачества,—или же на дальнемъ Сѣверѣ: въ Архангельской губ., на Печорѣ, на Мурманѣ и въ Олонецкомъ краѣ, въ древней «обонежской пятинѣ» Великаго Новгорода [1]). Здѣсь на Сѣверѣ сложился и новый типъ хранителя былиннаго преданія, въ лицѣ такъ назыв. *сказителей*, т.-е. крестьянъ-любителей, занимающихся «сказываніемъ» былинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не порывающихъ и съ трудовою крестьянской жизнью.

в) Сказители.

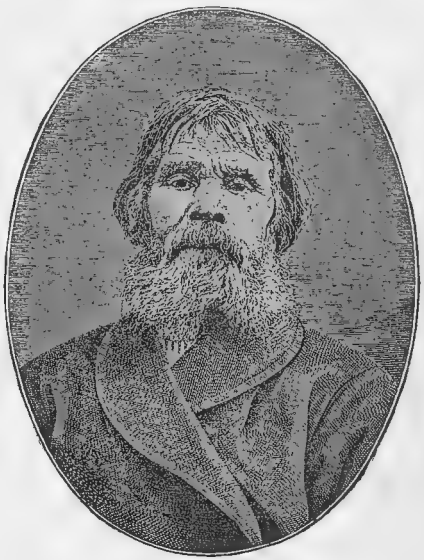
Почти совершенно вымершая на югѣ и въ центрѣ Россіи былина зажила на сѣверѣ новою жизнью. Рядъ условій способствовалъ ея сохраненію здѣсь: отсутствіе или слабость новыхъ интересовъ, отрѣзанность края отъ остальныхъ областей, любовь къ старинѣ (на сѣверѣ много раскольниковъ, бѣжавшихъ сюда отъ преслѣдованій), глубокая вѣра въ правдивость старой пѣсни, при незначительномъ развитіи грамотности,—сочувствіе къ свободному духу далекой старины, столь близкому для населенія, которое почти не знало крѣпостного права; наконецъ, дикая и угрюмая природа съ ея безконечными ночами, которыя коротались за работой и пѣніемъ, поэтическій складъ души и поразительно сильная память „помора“. Пѣсня была для него не ремесломъ, промысломъ, а главнымъ средствомъ развлеченія и удовлетворенія умственныхъ и нравственныхъ запросовъ.

Новая среда, естественно, должна была наложить и *новый отпечатокъ* на былинныя сказанія. Отпечатокъ этотъ сказался какъ на *формѣ* былинъ, такъ и на ихъ *содержаніи*. Сѣверные крестьяне не могли, конечно, усвоить всѣхъ тонкостей скоморошьей техники; въ ихъ средѣ старины должны были нѣсколько огрубѣть, утратить свой стройный видъ и законченную форму: вслѣдствіе этого многіе былевые эпизоды, напр., дошли до насъ только въ скудныхъ отрывкахъ.—Съ другой стороны, въ былинахъ не могли не отразиться и черты окружающей обстановки и условій жизни, особенности быта и природы. Сказитель по-прежнему пѣлъ о Кіевѣ, о южныхъ степяхъ, «широкомъ раздольѣ, чистомъ полѣ», но невольно вносилъ въ свои пѣсни новыя черты, навѣянныя родными ему сѣверными картинами: «чистое поле»,—но заросшее лѣсомъ; Микула пашетъ подъ Кіевомъ благодатный черноземъ—и въ то же время «коренья, каменья выверты-

1) Сѣверъ Россіи, какъ извѣстно, былъ колонизованъ новгородцами. Быть можетъ, еще въ раннюю эпоху вмѣстѣ съ населеніемъ туда проникли и новгородскіе скоморохи, особенно славившіеся своимъ искусствомъ.

ваетъ, а великіе то всѣ каменья въ борозду валитъ»; на *Троицынъ* день—«нападала пороха *снѣгу бѣлаго*»... Все это черты сѣверной природы, совершенно непохожей на естественныя условія южной Руси, гдѣ происходитъ дѣйствіе былинъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ въ новой, чисто крестьянской средѣ, былинные герои получили и новый характеръ: среди нихъ на первое мѣсто выдвинулся *богатырь-крестьянинъ* Илья Муромецъ, ставшій излюбленнымъ народнымъ героемъ. Къ его личности были пріурочены многіе подвиги другихъ богатырей, ему посвящено больше всего былинъ, образъ его разукрашенъ народной фантазіей самыми свѣтлыми, идеальными чертами: онъ и физической силой и нравственными качествами превосходитъ всѣхъ другихъ богатырей, изъ которыхъ нѣкоторые (напр., Алеша Поповичъ) играютъ передъ нимъ иногда довольно жалкую роль.

«Сказителями» являются простые крестьяне, обыкновенно совершенно неграмотные, но надѣленные художественнымъ чутьемъ и сильной памятью. Нѣкоторые изъ нихъ знаютъ большое количество былинныхъ сюжетовъ (иногда до пяти-шести тысячъ стиховъ). Сказители не смотрятъ на свое искусство, какъ на промыселъ или средство для пропитанія (подобно слѣпцамъ, каликамъ, поющимъ духовные стихи), но занимаются имъ, какъ *любители,* въ свободные часы или за какой-либо домашней работой, напр., за плетеніемъ рыбачьихъ сѣтей. Наиболѣе даровитые изъ нихъ пользуются среди населенія большимъ уваженіемъ. Среди сказителей встрѣчаются иногда настоящіе артисты своего рода, производившіе своимъ исполненіемъ большое художественное впечатлѣніе: таковы Рябинины (отецъ и сынъ), Щеголенокъ, Трофимовъ и нѣк. др. На ряду съ «сказителями»—мужчинами, встрѣчаются довольно часто и «сказительницы»—женщины (особенно въ Архангел. губ.); нѣкоторыя изъ нихъ обладаютъ очень значительнымъ и разнообразнымъ репертуаромъ.



Сказитель Трофимъ Рябининъ, крестьянинъ Олонецк. губ.

Наряду со старыми былинными преданіями, встрѣчаются изрѣдка у „сказителей“ также и попытки былинныхъ обработокъ новыхъ сюжетовъ: такъ, въ былину (о свадьбѣ „Пересмякина племянника“) была передѣлана одна Петровская авантюрная повѣсть; былиннымъ богатыремъ сдѣлался иностранецъ Бутенантъ („Бутманъ“), желѣзнозаводчикъ временъ Петра Великаго въ Олонецкомъ краѣ, получившій отчество богатырей Самсона и Святогора „Колывановичъ“; былиной сдѣлался переводъ одной сербской пѣсни, вычитанной и заученной мѣстнымъ грамотеемъ изъ одного журнала; есть былина мѣстнаго сѣвернаго происхожденія о силачѣ Рахтѣ Рагнозерскомъ, побѣдителѣ на кулачномъ бою въ Москвѣ, будто-бы получившемъ за свою побѣду отъ царя разрѣшеніе „безданно-безпошлинно“ пить въ кабакахъ.

Изъ устъ сѣверныхъ сказителей и было записано подавляющее большинство старинъ въ прошломъ вѣкѣ; не считая сибирскаго сборника Кирши Данилова, въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи было записано ограниченное количество былинныхъ сюжетовъ. Надъ ихъ собираніемъ много потрудились Кирѣевскій, Рыбниковъ, Гильфердингъ, въ послѣднее время Ончуковъ, Марковъ и Григорьевъ. Имъ удалось спасти громадное количество старинъ, которыя стали забываться и на сѣверѣ, подъ напоромъ новыхъ условій жизни—развитія школы и грамотности, отхожихъ промысловъ и т. д.

Дѣленіе былинъ.

Дошедшія до насъ былины можно раздѣлить на два цикла—*южно-русскій* (его часто называютъ *кіевскимъ*, но это не совсѣмъ удобно потому, что нѣкоторыя южно-русскія былины слишкомъ слабо связаны съ Кіевомъ или совсѣмъ даже не упоминаютъ о немъ) и *Новгородскій*. Впрочемъ, существуютъ также и былины, не пріуроченныя ни къ какому опредѣленному мѣсту: таковы, напр., былины о такъ назыв. «старшихъ» богатыряхъ (Святогорѣ, Волгѣ и др.).

Южно-русскій циклъ.

Главное содержаніе южно-русскаго цикла—борьба со степью, богатырскіе подвиги на защиту южной Руси отъ кочевниковъ, «заставы богатырскія», битвы съ «нахвальщиками» врагами, избіеніе татарскихъ полчищъ, пиры «ласковаго князя» Владиміра «Красное Солнышко».

Главное содержаніе былинъ.

Начало нашей исторіи прошло въ неустанной борьбѣ со степными кочевниками. Въ теченіе ряда вѣковъ на русской равнинѣ насильничали «обры» (авары), хазары, печенѣги, половцы; съ XIII вѣка Русь подпала подъ татарское иго. Новый, особенно роковой врагъ заслонилъ старыхъ: татаринъ вытѣснилъ изъ народной памяти прежнихъ насильниковъ, замѣстилъ въ былинахъ печенѣговъ и половцевъ, обобщился въ типъ національнаго врага вообще.

Въ нѣкоторыхъ былинахъ сохранились живые слѣды того потрясающаго впечатлѣнія, которое произвело на русскихъ людей татарское нашествіе. Такъ, напр., «Былина о царѣ Калинѣ», въ первой своей части, даетъ потрясающую картину гибели Кіева и южной Руси.

Ходитъ по городовой стѣнѣ, плачетъ «по вѣрѣ христіанскія» Богородица—«*будетъ надъ Кіевъ градъ погибелье*». Изъ Орды, Золотой земли, поднялся злой Калинъ-царь «къ стольному городу ко Кіеву, со своею силою съ поганою».

Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣту бѣлаго,
А отъ духа татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Пока не прошелъ этотъ ужасъ, Русь искала себѣ отдыха въ славныхъ преданіяхъ старины. Расцвѣтъ нашего историческаго эпоса, вѣроятно, относится къ XIII—XIV вѣкамъ; то же было и съ южными славянами, когда они попали подъ турецкое иго. Освобожденіе Руси отъ татаръ, завоеваніе Казани и Астрахани, могучій ростъ Московскаго государства все болѣе умаляли роль татарина въ нашемъ эпосѣ; переставали вѣрить въ то, чтобы онъ могъ быть когда бы то ни было побѣдоноснымъ врагомъ, забывалась его былая сила, мнѣніе о непобѣдимости Руси и Москвы все болѣе росло въ народномъ сознаніи и распространялось на далекое и безотрадное прошлое. Это мнѣніе могло сложиться тѣмъ легче, что народная память не опирается на письменность, больше живетъ близкимъ, чѣмъ далекимъ, быстро затемняется по мѣрѣ удаленія отъ настоящаго къ прошлому. Народное творчество любитъ идеальныя краски и потому неохотно задерживается на мрачномъ и тяжеломъ.

Былинный Владиміръ-князь.

Центральнымъ лицомъ южно-русскаго цикла былинъ является «ласковый князь» Владиміръ «Красное Солнышко». Несомнѣнно, въ основу этого былиннаго образа легли черты *историческаго* Владиміра св.: его «ласковость», пиры, любовь къ дружинѣ, удачные походы и пр. Оказали вліяніе на созданіе его образа также и черты другого любимаго народомъ древне-русскаго князя, Владиміра Мономаха, память котораго долго сохранялась въ потомствѣ. Впрочемъ, былинный Владиміръ-князь не принимаетъ непосредственнаго участія въ дѣйствіи, не совершаетъ самъ никакихъ подвиговъ, даже не выѣзжаетъ изъ своего «стольнаго града Кіева», служа только нравственнымъ центромъ, вокругъ котораго объединяются богатыри, «стоятели и оберегатели свято-русской земли».

Богатыри. Илья Муромецъ.

Во главѣ этихъ богатырей стоитъ *богатырь-крестьянинъ Илья Муромецъ*.

Одно красно солнце на бѣломъ свѣту,
Одинъ сильный богатырь Илья Муромецъ...

Онъ является излюбленнымъ героемъ русскаго народнаго эпоса, на немъ явно сосредоточены всѣ симпатіи народа, который надѣлилъ его образъ самыми свѣтлыми, идеальными чертами. Илья представляетъ собой, по выраженію К. Аксакова, «полное и великое *сочетаніе силы духовной и тѣлесной*»: въ его лицѣ русскій народъ, безсознательно для самого себя, воплотилъ лучшія черты своего національнаго характера, только возведенныя на степень героизма.

Былины, посвященныя Ильѣ Муромцу, чрезвычайно многочисленны: по нимъ мы можемъ прослѣдить всю исторію его жизни и богатырскихъ подвиговъ. Согласно былинамъ, онъ—крестьянскій сынъ, родомъ изъ села Карачарова, близъ Мурома. Въ нѣкоторыхъ былинахъ разсказывается о томъ, что Илья получилъ свою богатырскую силу сверхъестественнымъ образомъ,—отъ какихъ-то чудесныхъ каликъ или даже отъ Самого Христа: до этого онъ тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣлъ въ домѣ отца, не владѣя ногами [1]). Получивши силу, онъ тотчасъ просится у отца отпустить его въ Кіевъ

Заложиться за князя Владиміра,
Послужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру хрисьянскую.

Подвиги Ильи.

Этимъ съ самаго начала уже опредѣляется та идея *служенія землѣ русской,* которой посвящена вся жизнь нашего богатыря. Въ высшей степени характеренъ тотъ завѣтъ, какой даетъ ему при этомъ отецъ, вмѣстѣ со своимъ благословеніемъ:

Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя благословенья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ-дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ хрисьянина.

Въ этихъ словахъ сказалось ясное сознаніе цѣнности человѣческой жизни, даже жизни врага. И этому завѣту Илья оставался вѣренъ во всю жизнь, избѣгая проливать человѣческую кровь безъ крайней необходимости: такъ, будучи однажды окруженъ «станишниками» (разбойниками), онъ не расправляется съ ними силой, а

---

[1]) Предполагаютъ, что преданіе о чудесномъ исцѣленіи Ильи Муромца сравнительно поздно вошло въ былины и что къ Ильѣ были пріурочены черты, взятыя, съ одной стороны, изъ сказокъ о „сидняхъ“, а съ другой—изъ ходячихъ легендъ и апокрифовъ о странствіяхъ по землѣ Христа и апостоловъ. Въ данномъ случаѣ, однако, не важно, когда и откуда перешли эти черты въ наши былины, а важно то, что при помощи ихъ, очевидно, народъ хотѣлъ придать призванію Ильи и всему его служенію родной землѣ религіозную санкцію и этимъ выдѣлить своего любимаго героя изъ круга всѣхъ другихъ богатырей.

только наводитъ на нихъ страхъ, однимъ ударомъ стрѣлы расщепляя кряковистый дубъ «въ черенья въ ножовыя».

Во время своей поѣздки «въ стольный Кіевъ-градъ» Илья совершаетъ два богатырскихъ подвига: освобождаетъ Черниговъ-градъ (или Смоленецъ) отъ осады и беретъ въ плѣнъ Соловья-разбойника. Когда освобожденные черниговцы предлагаютъ ему быть у нихъ воеводою, Илья отказывается отъ этого предложенія, потому что властолюбіе, стремленіе къ личному возвышенію совершенно чужды ему. Не прельщаютъ его также и соблазны богатства: онъ отказывается отъ большого выкупа, который предлагаютъ ему дѣти Соловья-разбойника за освобожденіе отца. Въ другомъ случаѣ онъ отвергаетъ такое же предложеніе «станишниковъ»:

Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
За мной рыли бы ямы глубокія;
Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
За мной бы были горы высокія;
Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней,
За мной бы гоняли табуны великіе...

Его характерныя черты

Если же и попадаетъ въ руки Ильи золотой кладъ (какъ въ былинѣ о трехъ поѣздкахъ), то онъ не беретъ его себѣ, а строитъ на эти деньги церкви Божія. Вообще для себя лично онъ ничего не ищетъ: ни власти, ни почестей, ни богатства. Свои подвиги онъ совершаетъ не изъ удальства, не ради личной славы, а для блага родной земли, ради ея «береженія»; поэтому онъ никогда не хвастается ими, не «бахвалится», подобно нѣкоторымъ другимъ богатырямъ (напр., Алешѣ Поповичу), но спокойно идетъ на смертный бой, даже тогда, когда другіе богатыри робѣютъ передъ опасностью или оказываются побѣжденными (напр., въ былинѣ о встрѣчѣ съ Сокольничкомъ-охотничкомъ). Чаще всего изображаютъ его былины на «заставѣ богатырской», зорко оберегающимъ родную землю отъ степныхъ враговъ, съ которыми приходилось бороться древней Руси и которые воплощены въ былинахъ въ сказочныхъ образахъ Жидовина, Идолища поганаго, Змѣя Тугарина и др. Въ этихъ богатырскихъ подвигахъ его поддерживаетъ глубокая вѣра въ свое призваніе, такъ какъ онъ знаетъ, что его сила—нездѣшняго происхожденія и что «смерть ему въ бою не написана». Спокойное мужество, любовь къ родинѣ, религіозность, великодушіе, простота и правдивость, отсутствіе эгоистическихъ помысловъ,—вотъ тѣ нравственныя качества, которыми надѣлилъ народъ своего любимаго героя и которыя придаютъ его образу особенно обаятельный характеръ.

Правда, наряду съ этими положительными чертами встрѣчаются въ нѣкоторыхъ былинахъ и другія черты, противорѣчащія такому общему облику *перваго* богатыря: Илья охотно дружитъ съ „голью кабацкою“ и, напившись, стрѣляетъ по „маковкамъ церковнымъ“, разсердившись, грозитъ Владиміру убійствомъ; ѣдетъ съ разбойниками на Соколѣ-кораблѣ; убиваетъ своего кума и крестника, а также и своего собственнаго сына, измѣннически покусившагося на его жизнь. Предполагаютъ, что всѣ эти черты наслоились на образѣ Ильи лишь впослѣдствіи, вѣроятнѣе всего, въ средѣ буйной казацкой вольницы [1]); возможно также, что нѣкоторое вліяніе оказали при этомъ и преданія о самозванцѣ *Илейкѣ Муромцѣ*, выдававшемъ себя за сына царя Ѳедора Ивановича и вмѣстѣ съ Болотниковымъ возмутившаго всю сѣверную Украйну: о немъ, по всей вѣроятности, ходили пѣсни, позднѣе пріуроченныя, благодаря сходству именъ, къ нашему древнему богатырю.

Происхожденіе былиннаго типа Ильи Муромца.

Вопросъ о томъ, кто былъ *историческимъ прототипомъ* Ильи Муромца, до сихъ поръ является загадочнымъ и спорнымъ. Древнія наши лѣтописи вовсе не знаютъ такого богатыря; но въ древне-германской поэмѣ „Ортнитъ“ и въ норвежской „Тидрекъ-сагѣ“ (XIII в.) упоминается русскій князь *Илья* (Ilias von Riuzen), „славный воевода и могучій боецъ“. Изъ князей этого имени въ исторіи извѣстенъ лишь Илья новгородскій, сынъ Ярослава Мудраго и братъ Владиміра Ярославича, скончавшійся, впрочемъ, въ молодомъ возрастѣ. Русскіе и иностранные источники XVI—XVIII вв. называютъ Илью обыкновенно не Муромцемъ, а Муровцемъ, Моровцемъ, Моровлениномъ; это дало поводъ нѣкоторымъ ученымъ связать его имя съ опредѣленными мѣстностями южной Руси, напр., съ извѣстнымъ въ исторіи городомъ Моровійскомъ (въ черниговскомъ княжествѣ). Другіе изслѣдователи считаютъ прототипомъ Ильи легендарнаго русскаго князя Бравлина, упоминаемаго въ одномъ древнемъ житіи, или же отождествляютъ его съ Олегомъ Мудрымъ и Добрыней, дядей Владиміра св. Вѣроятнѣе всего, былинный типъ Ильи—очень сложнаго происхожденія. Сложность эта еще усугубляется всевозможными, иногда даже противорѣчивыми чертами, наслоившимися на образѣ богатыря и не позволяющими выдѣлить его первоначальную основу. Черты эти заимствованы или изъ былинъ о другихъ богатыряхъ, или же навѣяны ходячими легендами, даже сказками: такъ, напр., изъ сказокъ о „сидняхъ“ перешелъ въ былины объ Ильѣ разсказъ о его первоначальномъ убожествѣ, а изъ легендъ—разсказъ о посѣщеніи Ильи чудесными каликами, подъ видомъ которыхъ скрывались Христосъ и апостолы.

Добрыня Никитичъ: его характеръ.

Ближайшимъ помощникомъ и сподвижникомъ Ильи Муромца является *Добрыня Никитичъ*. По однимъ былинамъ, онъ—племянникъ князя Владиміра, по другимъ—сынъ богатаго рязанскаго «го-

---

[1]) Характерно, что въ этихъ былинахъ и самъ князь Владиміръ представляется обыкновенно въ совершенно другомъ освѣщеніи,—въ видѣ гнѣвнаго и своенравнаго деспота, не терпящаго никакихъ возраженій, сурово расправляющагося съ правыми и виноватыми, и вмѣсто всякой благодарности приказывающаго своимъ „скурлатамъ немилостивымъ“ заключить служащихъ ему богатырей „въ погреба“, откуда однако ихъ приходится освобождать при наступленіи опасности.

стя». Былины неизмѣнно изображаютъ его свѣтлыми, симпатичными чертами: онъ храбръ, прямодушенъ, чуждъ обмана и лести; нѣкоторыя былины приписываютъ ему даже исключительную для богатыря душевную нѣжность и мягкость: въ одной изъ нихъ онъ, напр., жалуется на то, что родился богатыремъ и принужденъ проливать вражью кровь, «слезить» отцовъ, матерей, «вдовить» молодыхъ женъ, пускать «сиротать малыхъ дѣтушекъ». Характерная черта, приписываемая Добрынѣ, также его «*вѣжество*», т.-е. образованность, благовоспитанность; благодаря этому онъ занимаетъ при дворѣ князя Владиміра разныя придворныя должности, и его же, въ случаѣ надобности, выбираютъ посломъ, потому что онъ «говорить гораздъ»:

Три года Добрынюшко стольничалъ,
Три года Никитичъ приворотничалъ,
Три года Добрыня пословничалъ [1]).

Былинные сюжеты о немъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Добрыня — отважный, не вѣдающій страха боецъ, «сильный-могучій богатырь», замѣняющій Илью Муромца въ случаѣ его отсутствія, состоящій «подъатаманьемъ» на богатырской заставѣ. По порученію князя Владиміра, онъ совершаетъ далекіе походы, очищаетъ «дороги прямоѣзжія», покоряетъ или истребляетъ враждебныя племена: «чудь бѣлоглазую, сорочину долгополую (сарацинъ, т.-е. мусульманъ), черкесовъ пятигорскихъ, калмыковъ съ татарами» и т. д. Но главнымъ подвигомъ его является побѣда надъ *Змѣемъ-Горынчищемъ* и освобожденіе племянницы князя Владиміра—Забавы Путятишны, и съ нею «сорока царей и царевичей, королей и королевичей», которыхъ Змѣй держалъ въ плѣну, въ глубокой пещерѣ.

Кромѣ борьбы со Змѣемъ Горынчищемъ, въ былинахъ о Добрынѣ чаще всего повторяются съ разными измѣненіями еще два сюжета: во-первыхъ, чисто сказочный эпизодъ о томъ, какъ «еретица Маринка», за оскорбленіе, нанесенное ей Добрынею, превратила его въ «гнѣдого тура—золотые рога» [2]); во-вторыхъ, разсказъ о сватовствѣ

[1]) Т.-е. состоялъ въ послахъ.

[2]) Весьма возможно, что въ образѣ „еретицы Маринки“ отразились смутныя воспоминанія о Маринѣ Мнишекъ, женѣ перваго Самозванца; о ней поминается („Маринка-безбожница“) въ нѣкоторыхъ историческихъ пѣсняхъ, въ которыхъ между прочимъ ей также приписывается способность оборотничества. Въ былинахъ о Добрынѣ она, въ концѣ-концовъ, принуждена вернуть ему человѣческій образъ, а затѣмъ предлагаетъ ему вступить съ нею въ бракъ; но Добрыня, въ наказаніе за ея чародѣйства, разрубаетъ ее на части. Во всемъ этомъ эпизодѣ съ Маринкою, несомнѣнно, сказалось сильное вліяніе весьма распространенныхъ сказочныхъ мотивовъ о колдунахъ и оборотняхъ, а также нѣкоторыхъ пріемовъ народной магіи: напр., чтобы околдо-

Алеши Поповича, «названаго брата» Добрыни, къ его женѣ Настасьѣ Никулишнѣ, во время продолжительнаго (6—12 лѣтъ) отсутствія богатыря изъ Кіева. Для достиженія своей цѣли, Алеша прибѣгаетъ къ обману и разноситъ вѣсть о смерти Добрыни—

...Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
Убитъ лежитъ во чистомъ полѣ,
Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострѣлены,
Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ.

Сперва Настасья Никулишна, помня завѣтъ мужа, не соглашается выйти замужъ за Алешу, но когда сватомъ выступаетъ самъ князь Владиміръ, она поддается его уговорамъ; однако на свадебный пиръ является Добрыня, переодѣтый скоморохомъ-гусляромъ, и открывается женѣ (опускаетъ обручальный перстень въ поднесенную ему чару вина); такимъ образомъ свадьба разстраивается, а Алеша вдобавокъ получаетъ отъ Добрыни изрядное «поученіе»—«шалыгой подорожною» (плетью):

Всякъ-то, братцы, на вѣку женится,
А не дай Богъ женитьбы той Алешиной...

Происхожденіе типа Добрыни.

Въ былевомъ типѣ Добрыни, повидимому, слились пѣсенныя воспоминанія о двухъ разныхъ лицахъ: дядѣ Владиміра святого Добрынѣ, сватавшемъ за него полоцкую княжну Рогнѣду и распространявшемъ христіанство въ Новгородѣ, и Добрынѣ Рязаничѣ „Золотой поясъ“, богатырѣ XIII в., котораго упоминаютъ лѣтописи и который погибъ, вмѣстѣ съ другими русскими богатырями, въ борьбѣ съ татарами, во время битвы на Калкѣ. Смѣшеніе ихъ вызвало пріуроченіе Добрыни къ Рязани. Нѣкоторыя былины называютъ его сыномъ князя Никиты Романовича (вѣроятно, по смѣшенію съ историческимъ Никитой Романовичемъ, жившимъ въ эпоху Іоанна Грознаго, братомъ его жены, оставившимъ много слѣдовъ въ историческихъ пѣсняхъ). Въ эпизодѣ о купаньи Добрыни и его боѣ со Змѣемъ-Горынычемъ, можетъ быть, отразились воспоминанія о крещеніи Новгорода. Распространенный въ нашей народной поэзіи мотивъ *змѣеборства* — двойственнаго: миѳическаго и двоевѣрнаго происхожденія. Въ образахъ змѣевъ языческая фантазія рисовала темныя силы природы; христіанская символика представляла въ нихъ язычество, въ змѣеборствѣ—распространеніе новой вѣры. Символика поддержала старый миѳическій образъ, закрѣпила его въ народномъ сознаніи: византійское сказаніе, напр., говорило объ умерщвленіи молитвой святого инока дракона—т.-е. подавленіи молитвой грѣшныхъ помысловъ; славянскій переводъ по-своему развилъ и истолковалъ эту аллегорію: святой умертвилъ молитвой великаго змія, являвшагося около

вать Добрыню, Маринка „вынимаетъ слѣды“ его и сжигаетъ ихъ на огнѣ вмѣстѣ съ произнесеніемъ соотвѣтствующаго заговора.

монастыря и губившаго людей и скотъ. Нелегко рѣшить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда этотъ образъ понимался народомъ аллегорически, когда—буквально: это могло зависѣть только отъ степени развитія; то, что при своемъ возникновеніи было символомъ, потомъ могло получить реальное значеніе. Змѣеборство Добрыни могло, въ привычныхъ образахъ, рисовать насильственное крещеніе Новгорода; позднѣе оно было понято буквально. То же мы видимъ въ духовныхъ стихахъ о святыхъ змѣеборцахъ—Георгіи Побѣдоносцѣ, Ѳеодорѣ Тиронѣ.

Третій главный богатырь южно-русскаго цикла—*Алеша Поповичъ* [1]). Впрочемъ, былины относятся къ нему далеко не съ такимъ сочувствіемъ, какъ къ первымъ двумъ, приписываютъ ему много отрицательныхъ чертъ: онъ завистливъ и жаденъ («глаза завидущіе, руки загребущія»), грубъ и дерзокъ въ обращеніи: напр., когда Владиміръ-князь съ почетомъ встрѣчаетъ пріѣхавшаго къ нему Илью, сажаетъ его на почетное мѣсто, Алеша съ досады бросаетъ въ него ножомъ. По словамъ былины,— Алеша Поповичъ: отношеніе къ нему былинъ.

Алеша Поповичъ горделивъ-спесивъ:
Не умѣетъ съ богатыремъ какъ съѣхаться,
Не умѣетъ богатырю честь отдать...

Алеша не только заносчивъ, но и хвастливъ; такъ, въ одной былинѣ, вызываясь сразиться въ степи съ невѣдомымъ богатыремъ, онъ говоритъ своимъ товарищамъ:

Я, братцы, поудалѣе всѣхъ,
У меня конь порыскучѣе.

Въ бою Алеша нерѣдко прибѣгаетъ къ различнымъ хитростямъ и уловкамъ, съ помощью которыхъ и одолѣваетъ противниковъ. Не гнушается онъ иногда и прямымъ обманомъ, ради достиженія своей цѣли, какъ это видно, напр., изъ исторіи его неудачнаго сватовства къ женѣ Добрыни. Вообще его отношеніе къ женщинамъ далеко не безукоризненно, вслѣдствіе чего онъ и получилъ въ былинахъ прозвище «бабьяго пересмѣшника».

Но, наряду съ этими отрицательными чертами, былины отмѣчаютъ въ немъ также и другія черты, рисующія его, какъ доблестнаго витязя, недаромъ состоящаго «эсауломъ» богатырской дружины. Онъ храбръ не менѣе Ильи и Добрыни, но, въ противоположность спокойному мужеству этихъ богатырей, Алеша отличается задоромъ, удалью и молодечествомъ. Обычный эпитетъ его въ былинѣ: *смѣлый*. Онъ уступаетъ старшимъ товарищамъ по силѣ, но зато онъ Подвиги его.

[1]) По своему происхожденію, онъ сынъ ростовскаго протопопа: отсюда и прозваніе—Поповичъ.

«напускомъ смѣлъ» (т.-е. беретъ натискомъ, дерзостью). Главнымъ подвигомъ его является его побѣда надъ *Тугариномъ*, котораго былины изображаютъ фантастическими, чудовищными чертами:

Въ вышину ли онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежду глазъ калена стрѣла:
Конь подъ нимъ, какъ лютый звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

Въ другихъ былинахъ Тугаринъ представляется въ видѣ крылатаго змѣя (отсюда его отчество—*Змѣевичъ*), летающаго по поднебесью на бумажныхъ крыльяхъ. Въ борьбѣ съ Тугариномъ Алеша, по обыкновенію, прибѣгнулъ къ хитрости: переодѣлся каликой и притворился глухимъ, а когда Тугаринъ подъѣхалъ къ нему поближе, ударилъ его «шелепугой подорожною» (дубинкой) и расшибъ ему буйну голову (по другой былинѣ — заставилъ его оглянуться и въ этотъ моментъ срубилъ ему голову: «и пала голова на сыру землю, какъ пивной котелъ»).

Историческаго Алешу Поповича знаютъ наши лѣтописи. Повидимому, очень рано его образъ получилъ легендарный характеръ: лѣтописи, основываясь на спутанныхъ народныхъ преданіяхъ, пріурочиваютъ его то къ XIII вѣку и битвѣ на Калкѣ, то къ XI и борьбѣ съ половцами. Онѣ называютъ его *Александромъ* Поповичемъ (Алеша — уменьшительное отъ „Александръ“—было позднѣе понято, какъ уменьшительное отъ „Алексѣй“; настоящее имя этого богатыря было потомъ забыто и былинами и малорусскими думами, которыя знаютъ только *Алешу и Олексія Поповича*). Въ исторіи былевого типа Алеши, несомнѣнно, роковую роль сыграло его отчество: въ народной средѣ онъ почти потерялъ свои былыя богатырскія очертанія; на него стали наслаиваться черты народныхъ разсказовъ о „попахъ“.

Кромѣ трехъ главныхъ богатырей, былины упоминаютъ еще нѣсколькихъ, входившихъ въ составъ „заставы богатырской“ и боровшихся съ татарами и другими врагами Руси; таковы: Ермакъ Тимоѳеевичъ, „Малолѣтокъ“ — Михаилъ Даниловичъ, Василій „упьянсливый“, Сухманъ Одихмантьевичъ, окончившій жизнь самоубійствомъ вслѣдствіе недовѣрія къ его подвигамъ Владиміра и превратившійся послѣ смерти въ рѣку и др. Большинство былинъ о нихъ, впрочемъ, основано на легендарномъ и заимствованномъ матеріалѣ, который совершенно затушевалъ ихъ историческую основу.

Былина о гибели богатырей.

Особая былина, отличающаяся большой силой и своеобразной красотой, разсказываетъ о томъ, «какъ перевелись богатыри на Святой Руси». Въ ней, повидимому, отразились темныя воспоминанія о роковой битвѣ на Калкѣ. Богатыри избили татаръ и порасхваста-

лись, забывъ о томъ, что «гнило слово похвальное»: они де справятся не только съ татарами, но и съ силой «нездѣшней». И вотъ избитые татары воскресаютъ (или каждый изрубленный татаринъ обращается въ двухъ); противъ богатырей выступаетъ «сила небесная», «ангельская», и они, испуганные, бѣгутъ и «каменѣютъ» (или заключаются въ Кіевскія пещеры — можетъ быть, намекъ на Илью Муромца, такъ окончившаго свою жизнь). Въ такихъ образахъ идеализирующая народная память отразила конецъ богатырскаго періода исторіи Руси.

Былинные типы враговъ Руси.

Богатыри борются главнымъ образомъ съ «злыми татаровьями», побиваютъ ихъ несмѣтныя полчища, подступающія къ Кіеву. Былины помнятъ Батыя («Батыгу»), Мамая («Мамаево побоище»), Калина (вѣроятно, имя это навѣяно битвой на *Калкѣ*). Орда, обыкновенно воспользовавшись отсутствіемъ богатырей, подступаетъ къ Кіеву, шлетъ къ Владиміру грозныхъ пословъ, но вернувшіеся богатыри быстро справляются съ нею. Обычный эпитетъ для татарина—«собака»; въ немъ сказалась ненависть народа къ вѣковѣчному врагу.

Въ степи, на заставахъ богатырскихъ [1]), нашимъ богатырямъ приходилось бороться съ врагами-чудищами, напр., Жидовиномъ [2]), съ которымъ могъ справиться только одинъ Илья Муромецъ. Нѣкоторые изъ враговъ, напр., Идолище Поганое и Тугаринъ [3]), пользуясь слабостью Владиміра и отсутствіемъ богатырей, насильничаютъ въ Кіевѣ, наводя на всѣхъ страхъ, пока, наконецъ, возвратившіеся богатыри не умерщвляютъ ихъ въ бою. Въ лицѣ Жидовина, Идолища, Тугарина народная фантазія воплотила тѣ темныя силы степныхъ кочевниковъ (хазаръ, печенѣговъ, половцевъ, позднѣе — татаръ), съ которыми древней Руси приходилось вести упорную и тяжелую борьбу. Образы ихъ приняли въ былинахъ фантастическіе размѣры и очертанія, — быть можетъ, заимствованные отъ сказочныхъ чудовищъ [4]).

---

[1]) „Застава богатырская“ — пограничный сторожевой постъ для наблюденія за степью: въ этомъ видѣ народныя былины сохранили память о „сторожевой линіи“, когда-то окаймлявшей всю южную границу Руси и служившей для защиты государства отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ.

[2]) Въ его имени видятъ темное воспоминаніе о насиліяхъ Хазаръ, высшіе классы которыхъ исповѣдывали еврейскую религію. У южныхъ славянъ, впрочемъ, есть сходное слово „джидъ“, „джидовинъ“, великанъ (искаженіе греч. gigas, великанъ).

[3]) Первое имя указываетъ на язычество (*paganus* въ поздней латыни означало *язычникъ*), второе ставятъ въ связь съ именемъ половецкаго хана Тугорхана.

[4]) Такъ, напр., у Идолища „головище, что лоханище, а глазища, что пивныя чашища“; оно за разъ „по семи пудовъ хлѣба ѣстъ, по семи ведеръ пива пьетъ“.

Враги внутренніе.

Наряду съ внѣшними врагами, древней Руси приходилось бороться и съ внутренними,—съ разбойниками и «воровскими людьми». Борьба съ разбойниками тянется на всемъ протяженіи русской исторіи, начиная съ первыхъ князей и кончая XVIII вѣкомъ. Она оставила яркіе слѣды въ народной поэзіи, въ которой образовался цѣлый обширный отдѣлъ разбойничьихъ пѣсенъ. Отразилась она и въ былинахъ: во многихъ изъ нихъ изображается столкновеніе и борьба богатырей, чаще всего Ильи Муромца, съ разбойниками («станишничками», «камышничками», «придорожничками»). Одинъ изъ первыхъ подвиговъ Ильи заключается въ его побѣдѣ надъ *Соловьемъ-Разбойникомъ*, сидѣвшимъ въ дремучихъ Брынскихъ лѣсахъ, «на девяти дубахъ», и загородившимъ прямоѣзжую дорогу къ Кіеву. Повидимому, въ основу этихъ былинъ легли смутныя преданія о какомъ-то знаменитомъ и грозномъ разбойникѣ, котораго впослѣдствіи народная фантазія, основываясь на его птичьемъ имени, начала представлять въ видѣ какого-то чудовищнаго существа, сидящаго на деревьяхъ и ошеломляющаго путниковъ своимъ могучимъ свистомъ [1]).

Богатыри придворные и заѣзжіе.

Южно-русскій циклъ былинъ знаетъ и богатырей другого типа. Они не борются за родину, не совершаютъ богатырскихъ подвиговъ; самое названіе „богатырь“ приложимо къ нимъ съ большими оговорками. Этотъ разрядъ былинъ особенно богатъ заимствованіями, въ томъ числѣ книжными. Онѣ носятъ не ратный, воинственный, а городской или *придворный* характеръ, разрабатываютъ преимущественно мотивы бродячихъ повѣстей и преданій. Нѣкоторые изъ этихъ богатырей—иноземнаго, нерусскаго происхожденія: таковъ, напр., *Дюкъ Степановичъ*, пріѣзжающій изъ „Индѣи богатой“ и презрительно смотрящій на убожество Кіева. Владиміръ посылаетъ къ его матушкѣословъ, и тѣ наглядно убѣждаются въ сказочномъ богатствѣ Дюка. Былина эта связана съ средневѣковыми легендами объ Іоаннѣ пресвитерѣ и его несказанномъ богатствѣ—таинственномъ лицѣ, жившемъ гдѣ-то въ глубинѣ Азіи, отъ котораго ждали помощи въ борьбѣ съ магометанствомъ (сказанія объ „Индійскомъ царствѣ“ рано перешли и въ нашу письменность). Дюкъ участвуетъ въ конскихъ состязаніяхъ, соперничаетъ въ щегольствѣ съ Чурилой Пленковичемъ и выигрываетъ закладъ. *Чурило* отличался своей красотой. Былины разсказываютъ объ его романическихъ похожденіяхъ; одно изъ нихъ окончилось его смертью: Чурилу убилъ ревнивый мужъ Пермята (или Бермята). Богатыря *Ставра* разсерженный Владиміръ заточилъ въ „по-

[1]) Кромѣ Соловья-Разбойника былины знаютъ еще богатыря *Соловья Будимировича*. Вообще названіе людей подобными именами было очень распространено въ древней Руси. Впрочемъ, есть былины, въ которыхъ Соловей-Разбойникъ выступаетъ съ совершенно другимъ характеромъ, въ видѣ „славнаго богатыря“ и даже сотрудника Ильи Муромца, которому онъ помогаетъ освободить городъ Кряковъ отъ подступившихъ враговъ.

греба"; спасаетъ его оттуда жена, переодѣвшаяся въ мужское платье и явившаяся въ Кіевъ въ качествѣ грознаго татарскаго посла. Ставръ—историческое лицо: въ 1118 г. Владиміръ Мономахъ заточилъ за какія-то вины новгородскаго сотскаго Ставра вмѣстѣ съ другими новгородцами. Къ этому историческому мотиву заключенія примкнулъ позднѣе бродячій сюжетъ о женщинѣ-воинѣ, обманувшей враговъ и освободившей, благодаря переодѣванію, своего мужа. Богатыря *Михаила Потока* (его имя заимствовано изъ одной двоевѣрной легенды) помѣщаютъ въ гробницу съ умершей женой, съ которой онъ обѣщалъ умереть вмѣстѣ; у змѣи онъ досталъ оживляющую траву и воскресилъ жену, которая потомъ измѣняетъ ему и обращаетъ его въ камень; спасаютъ Потока другіе богатыри (Илья Муромецъ или Добрыня). Богатырь *Дунай* (его имя упоминается въ лѣтописяхъ XIII в.) изъ ревности убиваетъ свою жену и затѣмъ, убѣдившись въ своей ошибкѣ, оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ и обращается въ рѣку. Кончаетъ самоубійствомъ и Данило Ловчанинъ, у котораго Владиміръ хотѣлъ отнять жену; вслѣдъ за нимъ и жена убиваетъ себя.

Былины о сватовствѣ.

Среди былинъ *не-богатырскаго* характера выдѣляется особая, довольно многочисленная группа *былинъ о сватовствѣ*, разрабатывающихъ мотивъ о выборѣ невѣсты, играющій вообще большую роль въ историческомъ эпосѣ всѣхъ народовъ. Такія былины охотнѣе всего исполняются женщинами-сказительницами. Наиболѣе замѣчательна изъ нихъ былина о *сватовствѣ князя Владиміра*, которому помогаетъ Дунай. Она основана на искаженномъ преданіи о сватовствѣ Владиміра къ Рогнѣдѣ, о которомъ сохранились извѣстія и въ древней лѣтописи. Былина о *Соловьѣ Будиміровичѣ* разсказываетъ о томъ, какъ онъ на богатомъ кораблѣ пріѣзжаетъ въ Кіевъ и сватается за племянницу Владиміра, Забаву Путятишну (или она сама напрашивается ему въ жены). Другія былины говорятъ о сватовствѣ Хотѣна (или Гордена) Блудовича, Ивана Годиновича и др. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мотивъ о сватовствѣ осложненъ и разукрашенъ символикой народной свадебной поэзіи.

Вся эта группа былинъ о придворныхъ и заѣзжихъ богатыряхъ, несомнѣнно, очень поздняго и, вѣроятно, скоморошьяго происхожденія. Въ нихъ широко использованъ матеріалъ бродячихъ сказаній и даже книжныхъ повѣстей. Нѣкоторыя изъ этихъ былинъ (о Чурилѣ, Ставрѣ) возникли, повидимому, въ Новгородѣ. Къ южно-русскому циклу онѣ примкнули уже послѣ его образованія и до сихъ поръ связаны съ нимъ внѣшнимъ образомъ, всего менѣе напоминая своимъ содержаніемъ настоящія „богатырскія старины".

Новгородскій циклъ былинъ.

Былины *новгородскаго* цикла съ опредѣленными пріуроченіями къ «батюшкѣ Великому Новгороду» немногочисленны. Этотъ циклъ сводится къ пѣснямъ о Садкѣ «богатомъ гостѣ» и о Васькѣ Буслаевѣ. Оба они—историческія лица: лѣтописи говорятъ о построеніи «Сотскомъ Богатымъ» (въ 1167 г.) церкви въ Новгородѣ и о смерти «Васки Буслаева» (въ 1171 г.). Въ былинахъ о нихъ довольно вѣрно отразились характерныя особенности и условія жизни «господи-

на Великаго Новгорода». Какъ извѣстно, Новгородъ жилъ главнымъ образомъ *торговлей* (преимущественно съ Ганзой), поэтому уже очень рано въ государственной жизни его сталъ играть особенно важную роль торговый классъ, богатое *купечество*, представителемъ котораго и является въ былинахъ *Садко* «богатый гость», т.-е. купецъ.

Садко — богатый гость.

Вначалѣ Садко былъ гусляромъ и ходилъ со своими «гусельками яровчатыми», увеселяя гостей на «почестныхъ пирахъ». Съ помощью Морского царя, которому полюбилась его игра, Садко разбогатѣлъ—настолько, что даже осмѣливается соперничать съ самимъ «господиномъ Великимъ Новгородомъ»; въ нѣкоторыхъ былинахъ онъ въ этомъ спорѣ даже одерживаетъ верхъ и на свою «безсчетную казну» скупаетъ въ Новгородѣ всѣ товары, вплоть до черепковъ отъ битыхъ горшковъ; по другимъ былинамъ онъ, однако, долженъ признать себя побѣжденнымъ, такъ какъ, сколько бы онъ ни скупилъ товаровъ, на другой день ихъ привозятъ еще больше, такъ что въ концѣ-концовъ Садко принужденъ сознаться:

Не я, видно, купецъ богатъ Новгородскій,
Побогаче меня славный Новгородъ.

Особенно подробно былины описываютъ приключенія Садка у Морского царя. Когда Садко возвращался однажды съ тридцатью кораблями, которые были нагружены богатыми товарами, изъ заморскихъ странъ, внезапно корабль его остановился среди моря: Садко вспоминаетъ, что онъ давно не платилъ Царю морскому («поддонному») пошлины, и сперва бросаетъ въ море мисы съ золотомъ, серебромъ и скатнымъ жемчугомъ, а затѣмъ рѣшаетъ, что царь морской требуетъ себѣ человѣческой жертвы; бросаютъ жребій нѣсколько разъ, и онъ неизмѣнно выпадаетъ самому Садку.

Тутъ онъ взялъ во праву руку
Образъ Миколы угодника,
А во лѣвую руку гусли яровчаты,
На которыхъ наигрыши (напѣвы) есть нездѣшніе, —

— и спускается на доскѣ въ морскую глубину. Царь морской заставляетъ его играть на гусляхъ, а самъ пускается въ плясъ, и отъ этой пляски—«во синемъ морѣ вода всколебалася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ»... Съ помощью Миколы Можайскаго Садку удается спастись изъ подводнаго царства и невредимымъ вернуться въ Новгородъ, гдѣ онъ и воздвигаетъ богатый храмъ угоднику [1]).

---

1) Возможно, что въ былинахъ о Садкѣ отразились западно-европейскія сказанія о Садокѣ и его чудесныхъ приключеніяхъ на морѣ: вслѣдствіе сходства именъ, они

Василій Буслаевичъ

Въ то время какъ Садко является въ былинахъ представителемъ богатаго новгородскаго купечества, воплощеніемъ его торговой силы, *Василій Буслаевичъ* (или *Васька Буслаевъ*) выступаетъ, какъ представитель другого важнаго элемента, игравшаго въ жизни и въ исторіи Новгорода видную роль, именно знаменитой *новгородской вольницы*. Въ составъ ея входила преимущественно буйная и своевольная молодежь, богатая удалью и физическими силами, жаждавшая безудержной свободы, веселья и приключеній. Эта «вольница» принимала дѣятельное участіе во всѣхъ внутреннихъ раздорахъ и междоусобіяхъ, которыми такъ богата была новгородская исторія, или же, на легкихъ лодкахъ—«ушкуяхъ», совершала отдаленные походы по сѣвернымъ рѣкамъ, грабя прибрежные поселки и встрѣчные торговые караваны, но вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняя «господину Великому Новгороду» отдаленныя области, способствуя расширенію его «пятинъ», основывая новыя колоніи (напр., Вятку). Такимъ типичнымъ удальцомъ—«ушкуйникомъ» и является Васька Буслаевъ. Былины подробно останавливаются на его безпутной и бурной молодости, полной разгула, своеволія и молодечества, выражавшихся въ боевомъ задорѣ и буйныхъ выходкахъ:

Сталъ онъ по улицкамъ похаживать,
Съ робятами шуточки пошучивать:
Кого за руку дернетъ—рука съ плеча,
Кого за ногу дернетъ—нога съ колѣнъ,
Кого за голову дернетъ—голова долой.

Его подвиги и похожденія

Васька набираетъ себѣ «дружинушку хоробрую», изъ такихъ же удальцовъ—буйныхъ головъ, и отдается съ ними безудержному разгулу и всякимъ своеволіямъ. Между прочимъ онъ, подобно Садко, вызываетъ весь Новгородъ на состязаніе, на «драку великую», и вмѣстѣ съ товарищами избиваетъ великое множество народу, пока наконецъ «мужики новгородскіе» не обратились къ его матери съ мольбою, чтобы она уняла свое «чадо милое». Мать сажаетъ Василія въ «погреба глубокіе», запираетъ «замками крѣпкими», но онъ выбиваетъ двери и съ «осью телѣжною», вмѣсто всякаго оружія, бросается въ свалку. Напрасно его пытается остановить отецъ «крестовый»—Старчище Пилигримище, вышедшій ему навстрѣчу съ церковнымъ колоколомъ на головѣ: Васька и его убиваетъ, а за-

---

были пріурочены къ новгородскому „богатому гостю“. Морской царь напоминаетъ образъ финскаго морского бога Ахто (въ „Калевалѣ“). Предполагаютъ, что и въ самомъ образѣ новгородскаго купца-гусляра отразились черты финскаго національнаго героя Вейнемейнена, который также отличался искусствомъ въ игрѣ на гусляхъ.

тѣмъ бросается на новгородцевъ, одолѣваетъ ихъ и заставляетъ просить пощады [1]).

Вас. Буслаевъ не признаетъ никакого авторитета, кромѣ грубой силы: онъ «не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ», а только въ свой «червленый вязъ» (палицу, дубинку). Но и онъ въ старости чувствуетъ потребность покаянія:

Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасать.

Однако и здѣсь онъ остается вѣренъ себѣ: отправившись «душа спасать» въ Святую землю, онъ нарушаетъ обязательные, по народному воззрѣнію, обряды, купается нагимъ (а не въ рубашкѣ) въ Іордани, пинаетъ (а не хоронитъ) встрѣтившійся на пути черепъ, наконецъ, вопреки предостерегающей надписи, «тѣшится-забавляется» у камня, явившагося на мѣстѣ черепа, прыгаетъ черезъ него и убивается до смерти.

Характерная особенность новгор. богатырей.

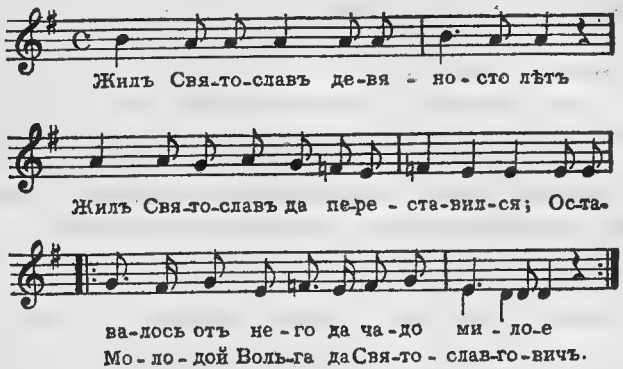
По своему характеру и духовному облику оба новгородскихъ богатыря рѣзко отличаются отъ богатырей кіевскихъ. Между тѣмъ какъ послѣдніе (особенно Илья Муромецъ) отдаютъ свои силы служенію общему, «земскому» дѣлу и, стоя на «заставѣ богатырской», оберегаютъ русскую землю отъ враговъ, новгородскіе богатыри являются представителями *личнаго* начала, и не только не служатъ общему дѣлу, но даже вступаютъ въ состязаніе и борьбу съ роднымъ городомъ.

Бытовыя черты въ новгор. былинахъ.

Новгородскія былины даютъ прекрасныя бытовыя картины, которыя вполнѣ подтверждаются историческими данными: случайно возникавшія сказочныя богатства, заклады и бахвальство купцовъ, развитіе внѣшней торговли, кулачные бои, унизительная роль князя, безчинства „повольницы“, пиры на „братчинахъ“ и т. д.—все это типичныя явленія новгородской жизни. Этотъ яркій бытовой элементъ онѣ *органически* слили съ фантастикой народно-поэтической и заимствованной, книжной. Въ данномъ случаѣ всего лучше сказались выдающіяся художественныя способности новгородскихъ скомороховъ. Вмѣстѣ съ новгородской колонизаціей новгородскія былины передвинулись на сѣверъ. На своемъ исто-

[1]) По другимъ былинамъ, новгородцы сами вызываютъ Ваську на бой, желая его погубить за его дерзкія выходки. У Васьки только два товарища: Потанюшко Хроменькій да Котельная Пригарина, но тѣмъ не менѣе онъ одерживаетъ верхъ и избиваетъ своихъ противниковъ.—Въ эпизодѣ со Старчищемъ Пилигримищемъ (въ другихъ былинахъ—Игнатьищемъ, Андронищемъ) отразилось воспоминаніе о посреднической роли, которую играло духовенство (митрополитъ) во время новгородскихъ междоусобій: на это указываетъ, напр., то, что таинственный старецъ во всѣхъ былинахъ является съ *церковнымъ* колоколомъ (въ нѣкоторыхъ варіантахъ это даже „Софеинъ колоколъ“, т.-е. изъ собора св. Софіи, новгородской святыни).

рическомъ пути имъ пришлось пережить меньше передвиженій и перемѣнъ, и потому онѣ, въ общемъ, сохранились лучше большинства былинъ южно-русскаго цикла.



Зачало былины о Вольгѣ (изъ сборника Ляцкаго).

Особую группу среди богатырей составляютъ такъ назыв. *„старшіе богатыри“*. Старшими они названы главнымъ образомъ потому, что значительно превосходятъ всѣхъ другихъ богатырей величиной и силой: былины приписываютъ имъ исполинскіе размѣры и необыкновенную, сверхчеловѣческую мощь [1]). Таковъ, напр., *Святогоръ*, котораго «и земля на себѣ черезъ силу носитъ»; въ нѣкоторыхъ былинахъ онъ изображается недвижимо лежащимъ гдѣ-то на высокихъ горахъ; въ другихъ—онъ разъѣзжаетъ по землѣ на такомъ же исполинскомъ богатырскомъ конѣ: головой онъ «упирается подъ облако ходячее», и отъ его движенія «мать сыра-земля колыбается,—темны лѣсушки шатаются,—рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются». Когда Илья нападаетъ на него и наноситъ удары мечомъ, то эти удары, расщепляющіе столѣтній дубъ, кажутся ему укусомъ комара; замѣтивъ Илью, Святогоръ преспокойно кладетъ его въ карманъ... Вообще Святогоръ является въ былинахъ какъ бы воплощеніемъ грубой, первобытной, стихійной мощи, еще лишенной духовнаго начала, чуждой всего человѣческаго: ему самому «грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени», потому что нѣтъ для нея никакого примѣненія. Былины по-разному передаютъ о концѣ

Старшіе богатыри.

Святогоръ.

[1]) Впрочемъ, и въ самихъ былинахъ встрѣчаются нѣкоторые намеки на такое дѣленіе богатырей; въ одной былинѣ, напр., сказано: „старши богатыри да дивуются“ (на молодецкую поѣздку Ильи Муромца); въ другой—про Святогора говорится, что онъ „старше всѣхъ богатырей“ (Кирѣевскій, Пѣсни; I, 81; II, 97).

Святогора: по однѣмъ—онъ умираетъ во время поѣздки съ Ильей (съ которымъ онъ побратался): именно, они встрѣчаютъ на своемъ пути громадную каменную гробницу, Святогоръ ложится въ нее и закрывается крышкой, но уже поднять ее больше не можетъ: онъ проситъ Илью (въ нѣкоторыхъ варіантахъ—Самсона) разбить ее богатырскимъ мечомъ; но послѣ каждаго удара вырастаетъ желѣзный обручъ, который еще туже стягиваетъ гробъ; не будучи въ состояніи освободиться, Святогоръ умираетъ, передавши свой мечъ и часть своей богатырской силы своему спутнику. По другимъ былинамъ, причиной гибели Святогора была его похвальба своею силой: «кабы я тяги нашелъ, такъ я бы всю землю поднялъ»; и вотъ, вовремя своихъ странствованій, «наѣзжаетъ» онъ въ степи «маленькую сумочку переметную» (или колчанъ): онъ пробуетъ ее поднять, но не можетъ, такъ какъ въ сумочкѣ заключена вся «тяга земная»:

И по колѣни Святогоръ въ землю угрязъ,—
Тутъ ему было и конченіе.

Былины о *Святогорѣ*, повидимому, довольно поздняго происхожденія. На это указываетъ обиліе подробностей и эпизодовъ, заимствованныхъ изъ разнообразныхъ, частью даже книжныхъ источниковъ. Таковъ, напр., эпизодъ съ „тягой земной“, заимствованный изъ двоевѣрныхъ бродячихъ легендъ, а также эпизодъ съ чудеснымъ гробомъ, въ которомъ заключается и умираетъ Святогоръ; послѣдній эпизодъ взятъ, повидимому, изъ еврейскаго (талмудистскаго) преданія о смерти Моисея, перешедшаго къ намъ, вѣроятно, отъ хазаръ, исповѣдывавшихъ еврейскую религію [1]). — Отсюда также перешелъ въ наши былины и образъ *Самсона*-богатыря, который иногда даже смѣшивается со Святогоромъ. Въ былины о Самсонѣ вошло много чертъ изъ библейскихъ сказаній объ его одноименникѣ; напр., чудные „семь власовъ ангельскихъ“, которые придаютъ ему богатырскую силу; злая жена обрѣзываетъ ихъ, выкалываетъ ему глаза и выгоняетъ изъ дому, „скитаться между дворами“, съ одною лишь „крѣпостною служанкой“; когда волосы снова отросли, Самсонъ возвращается въ свои палаты, гдѣ въ это время шло „великое танцеваніе“, и заваливаетъ „столбы каменные“, на которыхъ держатся своды дома, погибая подъ развалинами, вмѣстѣ съ невѣрною женой и ея гостями.—Вообще въ представленіи народа оба эти богатыря выступаютъ въ качествѣ *чуждыхъ*, не имѣющихъ непосредственной связи съ русскою землей; такъ, про Святогора, напр., прямо говорится въ одной былинѣ, что онъ „никогда не ѣзжалъ на святую Русь“; правда, другія былины связываютъ его съ Ильей Му-

Самсонъ-богатырь.

[1]) Съ другой стороны, нѣкоторые ученые (Халанскій, Вс. Миллеръ) связываютъ Святогора съ кавказскими сказаніями о великанахъ (нартахъ); подтвержденіе своего взгляда они видятъ въ самомъ имени богатыря, въ сходствѣ нѣкоторыхъ эпизодовъ, а также и въ указаніи нѣкоторыхъ былинъ, что Святогоръ постоянно лежитъ на какой-то горѣ, такъ какъ земля его не носитъ.

ромцемъ и даже выводятъ его на „заставѣ богатырской“, въ качествѣ старѣйшаго богатыря,—но, по всей вѣроятности, эти черты только впослѣдствіи вошли въ сказанія о немъ, по мѣрѣ того, какъ первоначальный образъ этого „чужого“ богатыря втягивался постепенно въ общую схему русскаго былевого эпоса.

Микула-Селяниновичъ.

Другой богатырь, причисляемый къ группѣ «старшихъ»,—*Микула Селяниновичъ* [1]). Какъ показываетъ самое имя его, онъ, подобно Ильѣ Муромцу, является крестьяниномъ по происхожденію. Въ исполинской фигурѣ этого *богатыря-пахаря*, котораго любитъ сама «мать сыра земля», народъ какъ бы воплотилъ свой собственный образъ, но только взятый въ сказочныхъ размѣрахъ и надѣленный необыкновенной силой. Былины изображаютъ его обыкновенно за работой, на пахотѣ, съ неразлучной «кобылкой соловоей»:

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омешики по камешкамъ почеркиваютъ [2]).
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать...

Микула и Святогоръ.

Силой своей Микула превосходитъ всѣхъ другихъ богатырей, даже Святогора. Въ одной «побывальщинѣ» (прозаическій пересказъ былины) слѣдующимъ образомъ повѣствуется объ ихъ встрѣчѣ: однажды замѣтилъ Святогоръ въ чистомъ полѣ странника, съ маленькой «сумочкой переметной» за плечами; онъ хотѣлъ его догнать, но не могъ, хотя тотъ шелъ «пѣхотой», а Святогоръ былъ на конѣ; наконецъ, онъ крикнулъ, чтобы путникъ подождалъ его; тотъ пріостановился и положилъ сумочку на землю; Святогоръ спрашиваетъ, что у него въ сумочкѣ; тотъ, вмѣсто отвѣта, предлагаетъ ему поднять ее: Святогоръ пробуетъ, но не можетъ сдвинуть ее и отъ усилія погрязаетъ въ землю по колѣни; оказывается, въ сумочкѣ погружена вся *«тяга земная»*, которую можетъ носить одинъ Микула.

Необыкновенная сила Микулы выступаетъ и въ разсказѣ о его

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ варіантахъ—Микула Селягиновичъ (отъ *сельга*—поляна въ лѣсу, расчищенная подъ ниву). Былины о Микулѣ встрѣчаются лишь въ Олонецкомъ краѣ и носятъ на себѣ черты своего сѣвернаго происхожденія: напр., картина паханія изображена въ полномъ соотвѣтствіи съ реальными условіями сѣверной природы (Микула—*„коренья, каменья* вывертываетъ,—а великія-то все каменья въ борозду валитъ“).—Въ одной былинѣ, записанной г. Марковымъ въ Архангел. губ., встрѣчается *король Микулинъ*, на дочери котораго женится Добрыня Никитичъ; но кромѣ нѣкотораго сходства въ имени у него нѣтъ ничего общаго съ Микулой Селяниновичемъ.

[2]) „Оретъ ратай“—пахарь пашетъ. „*Омешикъ*“, „*омехъ*“—лемехъ сохи, остріемъ взрѣзающій землю; кобылка „*соловая*“—желтоватой масти, со свѣтлой гривой и хвостомъ.

Микула и Вольга.

встрѣчѣ съ другимъ богатыремъ, Вольгой Святославовичемъ. Вся дружина Вольги не въ силахъ сдвинуть съ мѣста его „сошку кленовую“, которую Микула легко поднимаетъ одной рукой. Микула принимаетъ предложеніе Вольги и присоединяется къ его дружинѣ, но о его подвигахъ и дальнѣйшей судьбѣ былины не даютъ никакихъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе, изъ всего, что говорится о Микулѣ въ былинахъ, видно, съ какимъ сочувствіемъ и уваженіемъ относится народъ къ его личности, представляющей собой богатырское воплощеніе крестьянскаго земледѣльческаго труда [1]).

Вольга Святославовичъ.

Наконецъ, къ числу „старшихъ“ богатырей можетъ быть отнесенъ также *Вольга Святославовичъ* (или Волхъ Всеславьевичъ), хотя онъ и пріуроченъ болѣе другихъ къ южно-русскому циклу: въ нѣкоторыхъ былинахъ онъ даже представленъ племянникомъ князя Владиміра. Характерной чертой Вольги являются его сверхъестественныя способности: онъ знаетъ всякія „хитрости-мудрости“, напр., умѣетъ „оборачиваться“ въ разныхъ звѣрей. Самое рожденіе его сопровождается разными чудесными знаменіями:

Подрожала сыра земля,
Стряслось славно царство Индѣйское,
А и сине море всколебалося,
Для-ради рожденья богатырскаго.

Когда сталъ Вольга „растѣть-матерѣть“, захотѣлось ему всякой „мудрости“:

Щукой-рыбою ходить ему въ глубокихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ облака,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ.

Въ былинахъ Вольга всегда изображается въ качествѣ дружиннаго вождя, князя. Онъ разъѣзжаетъ не одинъ: его всегда сопровождаетъ

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи (Веселовскій, Всев. Миллеръ) предполагаютъ, что въ образѣ Микулы отразились ходячія сказанія о царѣ-земледѣльцѣ, пахавшемъ землю золотымъ плугомъ; однако для насъ важенъ не столько вопросъ о происхожденіи этого богатырскаго типа, какъ отношеніе къ нему народа и тотъ смыслъ, который народъ, безсознательно для самого себя, вкладывалъ въ этотъ сказочный образъ. Интересно въ этомъ отношеніи толкованіе, которое придалъ эпизоду съ „тягой земною“ *Безсоновъ*, издатель „Пѣсенъ“ Кирѣевскаго: онъ высказалъ предположеніе, что „сумочка переметная“, съ заключенною въ ней *тягою земной*, является символомъ того тяжелаго земледѣльческаго труда, на которомъ зиждется все благосостояніе народа: на этомъ основаніи онъ сближалъ „тягу земную“ съ такими выраженіями, какъ *тягло*, *тяглый* человѣкъ. Подобную же мысль выразилъ и извѣстный писатель-народникъ *Глѣбъ Успенскій*, остроумно связавшій „тягу земную“ съ идеей *власти земли*, идеей, при помощи которой онъ старался освѣтить и объяснить весь строй жизни русскаго народа и складъ его характера.

„дружинушка хоробрая"; съ нею онъ занимается „охотой-ловитвою", съ нею ѣдетъ собирать „дани-выходы" съ подвластныхъ городовъ (во время такой поѣздки—„полюдья"—происходитъ и его встрѣча съ Микулой Селяниновичемъ); наконецъ, съ нею совершаетъ онъ далекіе походы—въ Индѣйское царство (или въ Турецъ-землю). Для успѣха похода онъ прибѣгаетъ къ разнымъ „хитростямъ-мудростямъ": напр., для завоеванія Индѣйскаго царства обращаетъ свою дружину въ „мурашиковъ" (муравьевъ) и такимъ образомъ проникаетъ черезъ неприступныя стѣны, а затѣмъ щедро надѣляетъ дружину завоеванной добычей:

Онъ злата-серебра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ,
А на всякаго брата по сту тысячей.

Въ былевомъ типѣ Вольги ярче всего отразились *черты древнерусскаго князя-дружинника*. Предполагаютъ, что въ основу его образа легли искаженныя отъ времени воспоминанія объ Олегѣ Вѣщемъ, прославившемся своими походами на Царьградъ, а также о князѣ полоцкомъ Всеславѣ (на это намекаетъ и его отчество—Всеславьевичъ), которому молва также приписывала способность къ чародѣйству и оборотничеству [1]).

Техника былинъ.

До сихъ поръ еще, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ современныхъ старинахъ существуетъ много слѣдовъ былой профессіональной, въ особенности скоморошьей техники, бережно сохраненныхъ сѣверными „сказителями".

Ихъ составъ.

Въ былинахъ можно различать три составныя части: *зачинъ*, *повѣствованіе* и *исходъ*. „Зачины" и „исходы" представляютъ собой традиціонныя формулы, повторяющіяся въ разныхъ былинахъ, съ очень незначительными измѣненіями. Чаще всего въ „зачинахъ" указывается на мѣсто дѣйствія былины и на обстановку ея; напр.: „Во славномъ городѣ во Кіевѣ,—у ласковаго князя у Владиміра,—какъ было пированьице-почестенъ столъ"; или: „Доселѣва Рязань она селомъ слыла,—а нынѣ Рязань слыветъ городомъ". Иногда вмѣсто какой-либо опредѣленной мѣстности въ „зачинѣ" рисуется широкая картина какого-то сказочнаго простора, переносящая слушателя въ новый міръ, далекій отъ обыденной жизни, и настраивающая его душу на торжественный ладъ; таково, напр., начало былины о Соловьѣ Будимировичѣ:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота Океанъ-море;

---

[1]) Въ былинѣ о завоеваніи Индѣйскаго царства отразились сказанія объ „Индѣи богатой", перешедшія въ народъ изъ книжныхъ источниковъ,—главнымъ образомъ изъ такъ назыв. „Александріи", заключавшей въ себѣ легендарные разсказы о жизни Александра Македонскаго, о его походахъ и завоеваніяхъ,—между прочимъ и о его походѣ въ Индію.

Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе...

Примѣры „*исходовъ*“: „А и синему морю на тишину,—всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье“; или: „То старина, то и дѣянье“; иногда „исходъ“ принимаетъ форму „*величанія*“: „Тутъ-то Ильѣ и славу поютъ,—во вѣки его слава не минуется“. Впрочемъ, въ большинствѣ дошедшихъ до насъ былинъ „исходы“ вовсе отсутствуютъ [1]).

Эпическіе пріемы: ретардація;

Многовѣковая традиція выработала опредѣленные и устойчивые *пріемы былиннаго повѣствованія*. Къ числу этихъ пріемовъ принадлежитъ прежде всего такъ назыв. *эпическая ретардація*, выражающаяся въ *замедленіи, затягиваніи* разсказа при помощи всякихъ повтореній, вставокъ и т. д. Медлительность повѣствованія достигается также при помощи обстоятельнаго и подробнаго описанія каждаго дѣйствія героя, каждой изображаемой картины: подробно описывается снаряженіе богатыря въ походъ, сѣдланіе коня, поѣздка богатыря, встрѣча со врагомъ и бой съ нимъ, при чемъ подробно разсказывается, какъ богатырь беретъ свой „тугой“ лукъ, вынимаетъ изъ колчана „калену“ стрѣлу, натягиваетъ „тетивочку шелковую“, пускаетъ стрѣлу во врага и т. д. Характерной чертой всѣхъ этихъ описаній является обиліе въ нихъ такъ называемыхъ

общія мѣста;

„*общихъ мѣстъ*“, т.-е. устойчивыхъ, постоянныхъ выраженій и оборотовъ, одинаково примѣняющихся къ разнымъ богатырямъ, повторяющихся почти безъ измѣненій въ былинахъ разнообразнаго содержанія [2]).

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ старинахъ встрѣчаются въ началѣ или въ концѣ различныя *прибаутки*, не имѣющія никакой связи съ содержаніемъ былины, или же шутливыя *обращенія* къ хозяевамъ отъ лица „веселыхъ добрыхъ молодцевъ“: все это слѣды старой скоморошьей техники. Пѣсня о смерти князя Скопина-Шуйскаго заканчивается, напр., характерной скоморошьей прибауткой:

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ, *веселымъ молодцамъ*, на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино:
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

[2]) Такія готовыя формулы значительно облегчаютъ запоминаніе былинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ даютъ пѣвцамъ нѣкоторый просторъ: пѣвцы-сказители не повторяютъ каждый разъ былины дословно, а болѣе или менѣе импровизируютъ, пользуясь этими готовыми, устойчивыми формулами. Отдѣльные пѣвцы имѣютъ рядъ такихъ излюбленныхъ формулъ: у однихъ богатыри особенно богомольны, крестятся и молятся при каждомъ удобномъ случаѣ; другіе подробнѣе останавливаются на описаніи боевыхъ схватокъ и подвиговъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ былинахъ замѣчается даже вліяніе *профессіи* пѣвцовъ: такъ, сказитель „швецъ“ (портной) особенно подробно останавливается на описаніи одежды своихъ героевъ, а разсказъ объ умерщвленіи Идолища Поганаго Ильей Муромцемъ заканчиваетъ словами:

Какъ ударитъ онъ его да въ буйну голову,—
Отлетѣла голова, да *будто пупица*.

Такъ, напр., если изображается поѣздка богатыря, то обыкновенно употребляются однѣ и тѣ же гиперболическія черты:

Скачетъ онъ выше лѣсу стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго,
Съ горы на гору перескакивалъ,
Рѣки—озера перелетывалъ,
Широки раздолья промежъ ногъ пущалъ.

Такими же довольно однообразными чертами описываются и боевыя схватки богатырей съ врагами, всегда оканчивающіяся побѣдой богатыря, который, сваливъ противника „нахвальщика", обыкновенно садится ему на грудь и вынимаетъ „ретивое" сердце. Если же ему приходится биться съ цѣлою толпою враговъ, то онъ обыкновенно схватываетъ одного изъ нихъ и махаетъ имъ, какъ палицей:

Куда имъ махнетъ—тамъ и улица,
А отмахнетъ—переулочекъ.

Одинаковымъ образомъ изображаются въ былинахъ и пиры у „ласковаго князь Владиміра", Краснаго Солнышка, при чемъ обыкновенно князь предлагаетъ своимъ гостямъ какую-либо трудную службу, а тѣ „другъ за друга хоронятся", пока не выступитъ кто-либо изъ богатырей; или же напировавшіеся гости, наѣвшись „сладкихъ ѣствушекъ", напившись „медвяныхъ питійцевъ", начинаютъ хвастаться, кто во что горазд:

Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иной хвастаетъ своей ухваткою,
А бояре хвастаютъ животомъ своимъ...
. . . . . .
Разумный хвалится своею матушкою,
Безумный хвастаетъ молодой женой.

повторенія;

Къ числу обычныхъ эпическихъ пріемовъ въ нашихъ былинахъ принадлежатъ также *повторенія*. Повторяется иногда дословно цѣлый рядъ стиховъ, цѣлыя рѣчи; напр., если дается какое-либо порученіе, то вслѣдъ затѣмъ тѣми же словами описывается исполненіе его, или же такъ же дословно это порученіе передается другому лицу [1]). Въ другихъ случаяхъ повторяются отдѣльныя слова: „изъ лѣсу то было, лѣсу темнаго" или же вставляются вмѣсто простого повторенія выраженія *тавтологическія*: „на ту пору, на то времячко", „ты отколь идешь, отколь путь держишь". Характерною особенностью русской народной поэзіи является повтореніе этимологически-однородныхъ словъ, напр.: „*сослужи службу* великую"; сюда же относятся такія выраженія, какъ „*думать думушку*", „*кличъ кликать*", „*вольная волюшка*", и тому

[1]) Къ такимъ дословнымъ повтореніямъ цѣлыхъ рѣчей и эпизодовъ по преимуществу примѣняется терминъ: „эпическая ретардація", хотя по самому своему значенію онъ можетъ пониматься и шире.

под. Наконецъ, очень часто встрѣчается въ былинной рѣчи повтореніе предлоговъ; напр.:

Подъ славнымъ *подъ* городомъ *подъ* Кіевомъ,
На тѣхъ *на* степяхъ *на* Цицарскіихъ
Стояла застава богатырская.

сравненія; Подобно другимъ видамъ народной поэзіи, былины изобилуютъ *сравненіями*, уподобленіями и поэтическими параллелизмами:

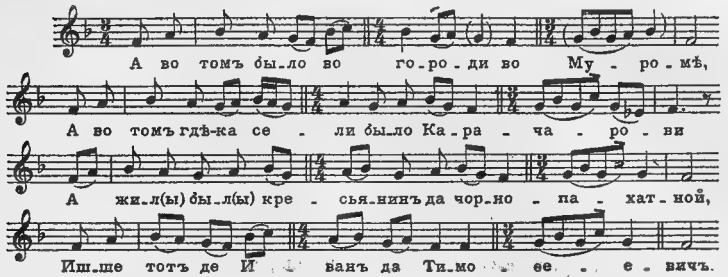
День за днемъ, будто дождь дождитъ;
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ;
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ...

Весьма обычными являются въ нашихъ былинахъ также сравненія *отрицательныя*; напр.:

Изъ-за горъ было, горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсовъ, лѣсовъ темныихъ,
Не бѣлая заря занималася,
Не красное солнце выкаталося:
Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Илья Муромецъ.

постоянные эпитеты. Наконецъ, чрезвычайно характерную черту былиннаго стиля составляетъ употребленіе *постоянныхъ эпитетовъ*, неизмѣнно связанныхъ съ какимъ-либо лицомъ или предметомъ; примѣры такихъ эпитетовъ: „*ласковый* Владиміръ-князь“, „*старый* казакъ Илья Муромецъ“, „*молодой* Добрыня Никитичъ“, „*удалый добрый* молодецъ“, „*красна* дѣвица“, „поле *чистое*“, „*сырой* дубъ“, „*тугой* лукъ“, „тетивочка *шелковая*“, „палица *въ девяносто пудъ*“, „терема *златоверхіе*“, „окошечко *косящатое*“, „гусли *яровчатыя*“ (т.-е. яворчатыя, изъ явора) и т. д. Иногда эти постоянные, какъ бы окаменѣвшіе эпитеты стоятъ въ явномъ противорѣчіи съ характеромъ изображаемаго предмета: такъ, Владиміръ-князь называется „ласковымъ“ даже тогда, когда въ гнѣвѣ сажаетъ богатырей „въ погреба глубокіе“, Илья Муромецъ съ самаго начала, съ момента перваго выѣзда изъ дому, уже именуется „старымъ“.

Исполненіе былинъ. Что касается до исполненія былинъ, то нужно замѣтить, что былины (какъ и другіе виды старинъ) всегда *поются* или, по крайней мѣрѣ, сказываются *нараспѣвъ* (речитативомъ). Вѣроятно, въ старину исполненіе ихъ сопровождалось музыкальнымъ аккомпаниментомъ (напр., гуслей), который позднѣе вышелъ изъ обыкновенія. Напѣвы былинъ довольно однообразны: обыкновенно мелодія напѣва заключается въ одномъ стихѣ и затѣмъ повторяется безъ измѣненія; рѣже встрѣчаются мелодіи болѣе сложныя, обнимающія два или три стиха и образующія музыкальную строфу. Напѣвы былинъ только въ недавнее время начали записывать точнымъ образомъ, при помощи фонографа, и до сихъ поръ они еще недостаточно изучены.



Изъ сборника Архангельскихъ былинъ Григорьева.

Былинны размѣры

Въ тѣсной связи съ напѣвомъ былинъ стоитъ и ихъ стихотворный *размѣръ*. Такое соединеніе музыкальной и поэтической формы облегчаетъ запоминаніе самаго текста былинъ и дѣлаетъ его болѣе устойчивымъ. Стихотворный размѣръ народныхъ былинъ рѣзко отличается отъ тоническаго размѣра нашей новой поэзіи: хотя и въ былинномъ размѣрѣ главную роль играютъ *ударенія*, совпадающія обыкновенно съ подъемомъ звука и его протяженностью въ напѣвѣ, но въ немъ нѣтъ свойственнаго тоническому стихосложенію дѣленія на правильныя стопы и однообразнаго чередованія ударенiй; нѣтъ въ немъ также и обычной для новой поэзіи риѳмы. Благодаря всему этому, размѣръ народныхъ былинъ отличается значительно бо́льшею свободой и гибкостью. Новѣйшіе изслѣдователи различаютъ *три вида* былиннаго размѣра. Изъ нихъ наиболѣе типиченъ для нашей былевой поэзіи такъ назыв. *полный эпическій размѣръ*, заключающійся въ томъ, что каждый стихъ дѣлится на *три* ритмическихъ періода, соотвѣтственно тремъ главнымъ подъемамъ голоса—*ударенiямъ*, падающимъ обыкновенно на наиболѣе важныя по смыслу слова стиха; обычно каждый такой періодъ обнимаетъ 3—4 слога, но встрѣчаются и періоды въ 6—7 слоговъ. Примѣры полнаго эпическаго размѣра:

полный и сокращенны

*Ѣ*здитъ поле- || *ни́*ца по чи- || *сту́* полю,
*Ѣ*здитъ поле- || *ни́*ца въ полѣ, || *тѣ*шится,
*Шу́*титъ она || *шу́*точку не || *ма́*лую,
Кид*а́*етъ она || *па́*лицу бу- || *ла́*тную,
Подъ *з*вѣтую подъ || *о́*блаку подъ хо- || *да́*чую...
. . . . . .
Сад*и́*лся-то Иль- || *я́* на доб- || *ра́* коня,
Онъ *ѣ*халъ ра̀з- || *до́*льицемъ чи- || *стымъ* полемъ
И на*ѣ*халъ поле- || *ни́*чищу у- || *да́*лую,
Онъ подъ*ѣ*халъ къ поле- || *ни́*цѣ со бѣ- || *ла́* лица;
Станов*и́*ли они || *ко́*ней бога || *тырскіихъ*,
Они *сдѣ*лали сго || *во́р*ъ да промеж- || *ду́* собой.

Кромѣ полнаго, существуетъ и *сокращенный эпическій размѣръ*, въ которомъ 2-й ритмическій періодъ состоитъ лишь изъ двухъ слоговъ и почти сливается съ первымъ; въ былинахъ этотъ размѣръ часто упо-

требляется наряду съ полнымъ, чередуясь съ нимъ. Примѣры сокращеннаго и смѣшаннаго эпическаго размѣра:

Изъ-за мо́ря то было | мо́ря || си́няго,
Изъ-за си́няго моря | и́зъ-за || Че́рнаго,
Приходи́ли то чернены | бо́льши || ко́рабли...
. . . . . .
Исподъ ду́ба, дуба, | ду́ба || сы́раго,
Исподъ то́го || ка́мешка, сподъ || я́хонта,
Выходи́ла-выбѣ || га́ла мати || Во́лга рѣка
Устье́мъ бѣ || жи́тъ-то въ си || не́ море,
Во то́ во си || не́ море во Ту || ре́цкое.

Дактилическое окончаніе.

Характерную особенность былиннаго стиха составляетъ свойственное ему *дактилическое* окончаніе: послѣднее удареніе въ немъ почти всегда падаетъ на третій отъ конца слогъ, благодаря чему эта интонація иногда не соотвѣтствуетъ этимологическому ударенію („больши ко́рабли“, „дуба сы́раго“, „въ сине́ море“); по этой же причинѣ въ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ часто наблюдается *растяженіе* звуковъ („коней богатырски́хъ“, „со рѣзвы́хъ ногъ“, „изъ бѣлы́хъ рукъ“, „къ дружинушкѣ хороброе́й“). Вообще пѣвцы былинъ часто не считаются съ обычными законами ударенія и довольно свободно переносятъ его на другіе слоги, ради требованій стиха.

Скоморошій размѣръ.

Третій видъ былиннаго размѣра — *скоморошій размѣръ*, названный такъ потому, что онъ часто встрѣчается въ былинахъ, носящихъ шутливый, скоморошій характеръ („Кострюкъ“, „Птицы“, „Терентій мужъ“). Скоморошій размѣръ отличается болѣе короткимъ стихомъ и имѣетъ всего два ударенія; напримѣръ:

Говори́лъ Дюкъ Степа́новичъ:
Ой ты го́й-еси, Влади́міръ-князь!
Пе́чки у тебя́ биты *гли́няны*,
А *по́дики* кирпи́чные,
А помеле́чко моча́льное.
А у меня́ Дюка Степа́нова
Пе́чки были мура́влены,
А *по́дики* *мѣ́дные*,
Помеле́чко шелко́вое... [1])

Скоморошій размѣръ встрѣчается иногда и въ такъ назыв. „историческихъ пѣсняхъ“, напр., въ извѣстной пѣснѣ про Щелкана Дудентьевича. Обыкновенно всѣ эти размѣры чередуются въ одной и той же былинѣ; былины со строго выдержаннымъ однообразнымъ размѣромъ встрѣчаются только у наиболѣе талантливыхъ пѣвцовъ. Иногда былины, при устной передачѣ, настолько искажаются, что вовсе утрачиваютъ свой стихотворный размѣръ и превращаются въ *побывальщины*: такъ называется прозаическій пересказъ былевыхъ сюжетовъ.

Побывальщины.

---

[1]) „Подикъ“—печной *подъ*, кирпичная выстилка внутри печи: „помелечко“—уменьшительное отъ *помело*.

Какъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ и интересныхъ видовъ народно-поэтическаго творчества, былины давно уже, съ начала прошлаго вѣка, обратили на себя особенное вниманіе и сдѣлались предметомъ пристальнаго научнаго изученія. Для объясненія ихъ значенія и происхожденія ученые разныхъ школъ выставили различныя теоріи. Такъ, представители *миѳологической* школы (Буслаевъ, Аѳанасьевъ, Орестъ Миллеръ) видѣли въ былинахъ отголоски древнихъ вѣрованій, въ богатыряхъ — отраженіе языческихъ божествъ, въ борьбѣ ихъ съ противниками — олицетвореніе борьбы свѣтлыхъ и темныхъ силъ природы. Исходя изъ этой точки зрѣнія, они, напр., былиннаго князя Владиміра-„Красное Солнышко“ возводили къ языческому Даждь-богу, богу солнца, а въ Ильѣ Муромцѣ находили искаженное отраженіе Перуна; посредствующее звено между ними они видѣли въ двоевѣрномъ представленіи объ Ильѣ-пророкѣ, на котораго народная фантазія перенесла нѣкоторыя черты древняго бога-громовика.—Школа *заимствованій* старалась свести все содержаніе былинъ къ бродячимъ международнымъ сюжетамъ, такъ или иначе приспособленнымъ къ русской исторической дѣйствительности; нѣкоторые ея представители (Стасовъ, Потанинъ) совершенно отрицали какую бы то ни было оригинальность нашихъ былинъ и считали ихъ передѣлками различныхъ восточныхъ легендъ. Наконецъ, сторонники *исторической* школы (Л. Майковъ, Дашкевичъ, Вс. Миллеръ; въ извѣстной степени къ ней примкнулъ и Веселовскій, наиболѣе крупный и осторожный послѣдователь „теоріи заимствованій“ и научной „исторической поэтики“) стали освѣщать все ихъ содержаніе путемъ сближенія съ лѣтописными данными, подыскивать, хотя иногда и съ натяжками, для всѣхъ былинныхъ образовъ историческіе прототипы. Каждое изъ этихъ теченій въ своей работѣ впадало въ крайности, стремясь *все* въ былинахъ объяснить изъ одного начала. Однако, дополняя другъ друга, они все же многое выяснили въ исторіи нашего былевого эпоса и намѣтили задачи болѣе спокойнаго, широкаго и свободнаго изученія, чуждаго предвзятости и односторонности.

Научное изученіе былинъ

Историческими пѣснями называютъ народныя пѣсни о событіяхъ и дѣятеляхъ нашего прошлаго, отъ XIII в., эпохи татарщины, до послѣдняго времени. Возникнувъ позднѣе большинства «былинъ», онѣ лучше сохранили свое историческое содержаніе, меньше подверглись литературнымъ вліяніямъ и всѣмъ случайностямъ устной передачи; меньше сказалось на нихъ вліяніе скомороховъ, которые были связаны близостью и извѣстностью воспѣваемыхъ фактовъ, относительною свѣжестью и прочностью историческаго преданія.

Историческія пѣсни: ихъ отличіе отъ былинъ.

Пѣсня всегда шла по *живымъ* слѣдамъ событія, распространялась среди его участниковъ и свидѣтелей, могла *провѣряться* ими съ фактической стороны; въ ней прежде всего искали поэтическихъ отраженій точныхъ историческихъ фактовъ, *какъ и насколько ихъ понимали*. При какихъ условіяхъ могли исполняться иногда (вѣроятно, скоморохами) подобныя пѣсни, видно изъ словъ одного нѣмецкаго путешественника по Россіи (Олеарія, XVII в.) объ Иванѣ Грозномъ: „когда бывало,

этотъ царь захочетъ повеселиться, то приказываетъ пѣть пѣсни, сложенныя о завоеваніи Казани и Астрахани". Тому же путешественнику скоморохи пѣли въ Ладогѣ пѣсни о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Процессъ образованія историческихъ пѣсенъ.

Чѣмъ дальше существуетъ, въ устной передачѣ, „пѣсня о старомъ, о бываломъ", тѣмъ слабѣе въ ней историческій элементъ. Постепенно идетъ на убыль въ ней и элементъ *лирическій*. При своемъ возникновеніи пѣсня воспѣвала то, что живо затрогивало сознаніе, будило чувство. Ея эпическій сюжетъ развертывался въ лирическомъ освѣщеніи, которое меркло отъ времени, съ естественнымъ ослабленіемъ чувства, замѣщаясь спокойнымъ и медлительнымъ теченіемъ разсказа строго эпическаго, съ его ретардаціей, мелочною разработанностью основного дѣйствія, преобладаніемъ описаній надъ діалогомъ. Чѣмъ *свѣжѣе* историческая пѣсня, тѣмъ быстрѣе и сосредоточеннѣе ея дѣйствіе, тѣмъ больше въ ней діалога и лиризма, тѣмъ меньше ея размѣры, тѣмъ короче, гибче и подвижнѣе ея стихъ, тѣмъ реальнѣе и драматичнѣе ея содержаніе.

Громадное большинство русскихъ историческихъ пѣсенъ было записано и напечатано очень поздно, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ устнаго распространенія. Тѣмъ цѣннѣе тѣ *немногія* изъ нихъ, которыя были, благодаря счастливому случаю, записаны вскорѣ послѣ своего возникновенія и сохранились въ первоначальномъ видѣ: по нимъ, въ извѣстной степени, мы можемъ судить и о первоначальномъ характерѣ тѣхъ пѣсенъ, которыя дошли до насъ въ болѣе позднихъ по времени записяхъ.

Таковы пѣсни о царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ Годуновой и о смерти Скопина-Шуйскаго, записанныя, по свѣжимъ слѣдамъ, англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ въ 1619 году.

Пѣсня Ксеніи Годуновой.

Первая изъ нихъ даетъ мало фактовъ, приписываетъ *предчувствію* царевны то, что на самомъ дѣлѣ произошло позднѣе—насильственное постриженіе и ссылку въ отдаленный монастырь. Пѣсня носитъ чисто лирическій характеръ и задерживается главнымъ образомъ на *чувствахъ* несчастной дѣвушки, раскрывая ихъ посредствомъ обычнаго для народной лирики поэтическаго параллелизма: въ пѣснѣ царевна сравнивается съ „малой птичкой—бѣлой перепелкой", оплакивающей разореніе родного гнѣзда; въ предвидѣніи своей горькой участи, царевна также „плачется" и жалуется на ожидающее ее горе: гибель родной семьи и собственное насильственное заточеніе въ далекомъ монастырѣ:

„Охти мнѣ молодѣ горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отрепьевъ Разстрига,
Что хочетъ меня полонити,
А, полонивъ меня, хочетъ постричи,
Чернеческій (монашескій) чинъ наложити".

Царевна не хочетъ постриженія — ее манитъ жизнь, ей слишкомъ памятны приманки блестящаго прошлаго, „царскаго житья". Куда дѣнется все ихъ богатство, роскошь? — „загибло царство за батюшково согрѣшенье, за матушкино немоленье"...

Другая пѣсня, еще болѣе характерная, была записана Джемсомъ черезъ 8—9 лѣтъ послѣ своего возникновенія. Она говоритъ о загадочной смерти кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго въ 1610 году. Скопинъ пользовался большой популярностью среди народа благодаря своей храбрости и личному благородству. Московскіе слухи приписывали его смерть отравѣ: его будто бы отравила тетка, жена Дмитрія Шуйскаго (брата царя Василія Ивановича), дочь Малюты Скуратова. Слухи эти разрослись и впослѣдствіи обратились въ общую увѣренность. Народное броженіе, вызванное неожиданною смертью общаго любимца, единственной надежды раздираемаго смутой государства, выразилось въ сжатой, полной скорби пѣснѣ. Она не разсказываетъ о томъ, какъ произошло отравленіе, а выдвигаетъ на первый планъ *чувства*, вызванныя этимъ событіемъ среди современниковъ: растерянность москвичей, печаль союзниковъ Скопина—шведовъ („свецкихъ нѣмцевъ"), радость и торжество враждебныхъ народному герою бояръ:

Пѣсня о смерти Скопина-Шуйскаго

Первоначальная форма ея

Ино что у насъ въ Москѣ учинилось?
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А расплачутся гости (купцы)-москвичи:
„А теперь наши головы загибли,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила".
А съѣзжалися князья, бояре, супротивно къ нимъ,
Мстиславской князь, Воротынской,
И межъ собою они слово говорили,
А говорили слово, усмѣхнулись:
„Высоко соколъ поднялся,
И о сыру матеру землю ушибся"...

Записанная въ XVIII вѣкѣ, почти черезъ полтора столѣтія послѣ своего возникновенія (въ сборникѣ Кирши Данилова), та же пѣсня о смерти Скопина прекрасно показываетъ процессъ переработки первоначальной лирико-эпической пѣсни въ эпическую: отпали нѣкоторыя второстепенныя подробности, выраженія чувствъ, на первый планъ выдвинулся подробно разработанный моментъ отравленія, какъ наиболѣе драматическій; картина пира и общаго хвастовства получила совершенно былинный характеръ:

Позднѣйшая эпическая разработка.

У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестной столъ,
Тутo было много князей и бояръ и званыхъ гостей.
Будетъ пиръ во полупирѣ,
Княженецкій столъ во полустолѣ,
Какъ пьяненьки тутъ расхвастались:
Сильный хвастаетъ силою,
Богатый хвастаетъ богатествомъ;
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ,
А не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкій медъ,
Не съ большого хмелю онъ хвастается:

„А вы, глупый народъ, неразумные,
А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей:
Я, Скопинъ Михайло Васильевичъ,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистилъ царство Московское
И велико государство Россійское...

Стиль пѣсни получилъ рядъ характерныхъ чертъ эпической ретардаціи (напр., „ты съѣла меня, кума крестовая... съѣла ты меня, змѣя подколодная"); матери Скопина приданы черты „честной" вдовы былинъ („я тебѣ приказывала, не велѣла ѣздить къ князю Воротынскому, а и ты меня не послушался"). Пѣсня заканчивается типичной скоморошьей прибауткой (см. выше стр. 86). Такъ, съ ослабленіемъ историческаго и лирическаго элементовъ, на исторической пѣснѣ нарастаютъ общія эпическія мѣста.

Содержаніе сторич. пѣсенъ и ихъ характеръ.

Великорусскія историческія пѣсни охватываютъ рядъ отдѣльныхъ моментовъ нашего прошлаго, не укладываясь въ цѣльную картину. Одни изъ этихъ моментовъ разработаны подробно, другіе— слегка намѣчены, при чемъ пѣсни иногда останавливаются на событіяхъ и лицахъ второстепенныхъ, оставляя безъ вниманія гораздо болѣе крупныя и важныя. Такъ, мы не найдемъ въ нихъ отраженія такихъ крупныхъ событій и явленій нашей исторіи, какъ, напр., паденія удѣльно-вѣчевого порядка, царствованія Іоанна III, реформаторской дѣятельности Петра Великаго и т. д. Нельзя искать также въ пѣсняхъ *исторической точности:* событія и лица въ нихъ часто перепутаны, встрѣчаются анахронизмы, ошибочныя пріуроченія; но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко замѣчается въ нихъ вполнѣ вѣрное пониманіе *общаго смысла* историческихъ явленій и правильная оцѣнка значенія и дѣятельности отдѣльныхъ историческихъ лицъ, напр., Ивана Грознаго.

Отраженіе татарскаго ига.

Отъ эпохи татарскаго ига *историческихъ пѣсенъ*, въ точномъ смыслѣ слова, сохранилось немного: память о татарщинѣ перешла главнымъ образомъ въ былины, гдѣ татары выступаютъ въ качествѣ главнаго врага, съ которымъ борются наши богатыри [1]). Даже такое важное событіе, какъ Куликовская битва, первая крупная побѣда надъ татарами, не оставила вовсе слѣдовъ въ народной пѣснѣ. Зато такой частный случай, какъ убійство татарскаго баскака (сборщика податей) Щелкана Дудентьевича (Шевкалъ Дюденевичъ) въ Твери

[1]) Воспоминаніе о нашествіи монголовъ сохранилось, напр., въ былинѣ о царѣ *Калинѣ*, осадившемъ Кіевъ съ несмѣтными полчищами татаръ; въ имени его, быть можетъ, отразилось искаженное воспоминаніе о кровавой битвѣ при *Калкѣ*. Грозный *Батый*, покоритель Руси, перешелъ въ былины подъ именемъ *Батыги*, всю рать котораго истребляетъ кіевскій богатырь Василій Пьяница.

въ 1327 г., вызвалъ созданіе особой пѣсни. Въ ней особенно подчеркивается звѣрство татаръ и жестокій деспотизмъ хановъ: ханъ Азвякъ (Узбекъ) заставляетъ своего «любимаго шурина» (на самомъ дѣлѣ двоюроднаго брата) Щелкана убить родного сына и напиться его крови, за что и даритъ ему «Тверь старую, Тверь богатую», съ удалыми князьями Борисовичами (тверскимъ княземъ былъ, на самомъ дѣлѣ, Александръ Михайловичъ). Пѣсня изображаетъ тѣ притѣсненія, которыя творилъ Щелканъ, когда онъ былъ еще ханскимъ баскакомъ въ Литвѣ, гдѣ онъ облагалъ жителей непосильными поборами: «Бралъ онъ, младъ Щелканъ, дани, *невыходы,* царски *невыплаты*»: Пѣсня о Щелканѣ.

У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У кого жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Такъ же, очевидно, поступалъ онъ и въ Твери, пока тверичи, раздраженные его притѣсненіями, не возмутились и не разорвали Щелкана на части (въ дѣйствительности же, его сожгли вмѣстѣ съ домомъ, гдѣ онъ скрывался):

Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалася...

—заканчивается пѣсня, хотя на самомъ дѣлѣ татары (вмѣстѣ съ московскими войсками Ивана Калиты, соперника князей тверскихъ) жестоко отомстили Твери за возстаніе и опустошили все княжество. Но народная пѣсня, по свойственному вообще народной поэзіи стремленію къ *идеализаціи,* предпочитаетъ всегда благополучный конецъ, превращая *желанное* въ *дѣйствительное,* — часто даже вопреки исторической правдѣ: такъ и въ былинахъ богатыри всегда одерживаютъ верхъ надъ татарами и другими врагами, избивая ихъ несмѣтныя рати, преодолѣвая всѣ опасности и препятствія.

XVI вѣкъ, эпоха Ивана Грознаго, вызвалъ расцвѣтъ исторической пѣсни, которая отмѣтила почти всѣ моменты глубоко поразившаго народное воображеніе царствованія. Ошибаясь въ подробностяхъ, народная пѣсня прекрасно уловила характеръ Грознаго царя и духъ эпохи. Лермонтовъ широко воспользовался ея матеріалами въ своей «Пѣснѣ про купца Калашникова» [1]), гр. А. К. Толстой—въ романѣ «Князь Серебряный». Пѣсни объ Иванѣ Грозномъ.

[1]) Это геніальное по чувству народности, выдержанности и цѣльности произведеніе основано на народныхъ пѣсняхъ о кулачныхъ бояхъ при Грозномъ и его каз-

Характеръ Грознаго въ пѣсняхъ.

Народъ идеализировалъ Грознаго, видя въ немъ своего защитника отъ своеволія и притѣсненій бояръ, считалъ его справедливымъ царемъ. Борьбу царя съ боярами, опалы и казни, которымъ онъ ихъ подвергалъ, народъ объяснялъ ихъ «измѣною», становясь такимъ образомъ на точку зрѣнія самого Грознаго. Пѣсня подчеркиваетъ въ немъ быстрые, неожиданные переходы отъ дикихъ вспышекъ гнѣва къ жгучему раскаянію, трусость окружающихъ, звѣрскую «лютость» Малюты Скуратова. Грозный умѣетъ казнить, умѣетъ и миловать; онъ способенъ сознаться и въ своей ошибкѣ: по недоразумѣнію хочетъ онъ казнить пушкарей подъ Казанью, потому что подкопы долго не взрывались, но затѣмъ, послѣ паденія Казани, щедро ихъ награждаетъ. Гдѣ онъ замѣчаетъ несправедливость, онъ всегда становится на сторону обиженнаго и возстановляетъ правду; такъ, проѣзжая однажды по московской площади, онъ видитъ, какъ бьютъ «на правежѣ» удалого добра-молодца, выпытывая, откуда у него взялась «золота казна,—немного, немало—сорокъ тысячей»;—на вопросъ царя добрый молодецъ говоритъ, что отбилъ ее у «воровъ-разбойниковъ», прогулялъ ее «по питейнымъ домамъ», одѣляя ею «всю голь кабацкую»; тогда царь велитъ освободить его, а «бурмистрамъ-цѣловальникамъ» приказываетъ заплатить ему за каждый ударъ по пятидесяти рублей. Онъ не терпитъ пустого хвастовства, но зато высоко цѣнитъ «удаль молодецкую» даже въ приговоренномъ къ смертной казни разбойникѣ. Пѣсня объ его женитьбѣ на черкешенкѣ Маріи Темрюковнѣ говоритъ о томъ, что онъ съ почетомъ принялъ ея брата Кастрюка, но когда тотъ порасхвастался своей силою во время пира, Грозный выставляетъ ему «супротивниковъ» и радуется ихъ побѣдѣ (въ нѣкоторыхъ варіантахъ даже убіенію Кастрюка).

Пѣсни о взятіи Казани и покореніи Сибири.

Изъ историческихъ событій, относящихся къ царствованію Іоанна Грознаго, народныя пѣсни сохранили память о *взятіи Казани*, о *покореніи Сибири* Ермакомъ, объ *осадѣ Пскова* королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Пѣсни о взятіи Казани изображаютъ послѣдній моментъ осады, именно, взрывъ подземныхъ подкоповъ, давшій сигналъ къ рѣшительному штурму. Народное сознаніе вѣрно оцѣнило важное значеніе этого событія, знаменовавшаго окончательное торжество Руси надъ вѣковымъ врагомъ; въ пѣсняхъ оно даже свя-

---

няхъ. Съ удивительной проницательностью Лермонтовъ облекъ его въ формы *скоморошьей* пѣсни, прерываемой „прибаутками“. Русская наука тогда еще совсѣмъ не знала скомороховъ и ихъ роли въ исторіи нашей народной поэзіи. Лермонтовъ уловилъ общій тонъ скоморошьихъ прибаутокъ въ сборникѣ Кирши Данилова и художественно примѣнилъ ихъ къ своему разсказу, въ которомъ выдержаны въ народныхъ тонахъ и характеръ царя, и общій духъ той эпохи.

зывается съ основаніемъ московскаго *царства*: одна изъ пѣсенъ о взятіи Казани заканчивается слѣдующими словами:

И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ московское царство;
Что тогда де Москва основалась,
И съ тѣхъ поръ великая слава.

Завоеваніе Сибири вызвало нѣсколько пѣсенъ, воспѣвающихъ подвиги Ермака, его походы, а также его геройскую смерть. Популярность Ермака была настолько велика, что память о немъ перешла даже въ былины, гдѣ онъ занялъ мѣсто наряду съ главными кіевскими богатырями.

Пѣсни объ убійствѣ сына.

Большое впечатлѣніе на народное сознаніе произвелъ и трагическій случай въ семьѣ царя—убійство Грознымъ своего старшаго сына Ивана. Но народная пѣсня, по обыкновенію, весьма свободно отнеслась къ историческимъ фактамъ и придала имъ своеобразное освѣщеніе. На самомъ дѣлѣ столкновеніе произошло изъ-за жены царевича, которую оскорбилъ Грозный, и царевичъ былъ убитъ самимъ отцомъ на мѣстѣ, случайнымъ ударомъ посоха. Пѣсня же замѣнила убитаго царевича его младшимъ братомъ Ѳеодоромъ (будущимъ царемъ) и пріурочила столкновеніе къ пиру и моменту всеобщаго хвастовства. Самъ царь хвалится тѣмъ, что онъ «вывелъ измѣну изъ Нова-города,—вывелъ измѣнушку изъ каменной Москвы»; на это одинъ изъ присутствующихъ (въ однѣхъ былинахъ царевичъ Иванъ, въ другихъ—Малюта Скуратовъ) говоритъ ему:

Твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
Ѣстъ-пьетъ измѣна съ одного судка,
А платьице носитъ съ одного плеча [1]).

Уразумѣвъ заключенный въ этихъ словахъ намекъ, царь распаляется гнѣвомъ и приказываетъ схватить царевича Ѳеодора и казнить его.

Не сине море всколебалося,
Не сыры боры разгоралися,
Распалялся Грозный царь Иванъ Васильевичъ...

Никто изъ присутствующихъ не рѣшается исполнить жестокаго приказа; одинъ только Малюта Скуратовъ, о которомъ въ народѣ сохранилась недобрая память, вызывается казнить царевича и уво-

[1]) Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ царевичу вмѣняется въ вину то, что онъ укрывалъ отъ царскаго гнѣва новгородцевъ,—вмѣсто казни сажалъ ихъ въ „погреба глубокіе“, а затѣмъ выпускалъ на свободу. Такимъ образомъ пѣсня сохранила, хотя и въ искаженномъ видѣ, память о томъ разгромѣ, который претерпѣлъ Новгородъ при Иванѣ Грозномъ за предполагаемую измѣну.

Освѣщеніе того событія въ пѣсняхъ.

дитъ его на плаху. Но народная фантазія, по своей обычной склонности къ идеализаціи, очевидно, не хотѣла допустить мрачной развязки и потому, вопреки историческимъ фактамъ, изобрѣла благополучный конецъ. Шуринъ царя, бояринъ Никита Романовичъ (дѣдъ царя Михаила Ѳеодоровича), пользовавшійся большими симпатіями народа, извѣщенный своей сестрой-царицей объ опасности, угрожающей царевичу, отнимаетъ его у Малюты и скрываетъ у себя. По истеченіи нѣкотораго времени царь сталъ раскаиваться въ своемъ опрометчивомъ поступкѣ, «растужился-расплакался» по своемъ сынѣ, приказалъ служить по церквамъ панихиды и всѣмъ приближеннымъ велѣлъ облечься въ платья «кручинныя», «опальныя» (черныя, траурныя).

Пѣсня сохранила такимъ образомъ память о быстрыхъ переходахъ отъ неистоваго гнѣва къ скорби и покаянію, столь характерныхъ для больной и мятущейся души Грознаго. Заканчивается она счастливой развязкой: когда царь узнаетъ о спасеніи сына, онъ «нашелъ въ томъ радость великую» и предлагаетъ боярину Романову разныя богатыя милости за то, что онъ не допустилъ совершиться «дѣлу окаянному». Но бояринъ отказывается отъ царскаго «жалованья», отъ «золотой казны», и проситъ только выдать ему для расправы Малюту Скуратова; по другимъ пѣснямъ онъ проситъ у царя для своей вотчины права убѣжища для людей, преслѣдуемыхъ властями: такимъ образомъ бояринъ Никита Романовъ выставляется въ пѣсняхъ не только «оберегателемъ» царской семьи, но и заступникомъ народнымъ.

Отраженіе Смутнаго времени.

Много слѣдовъ въ историческихъ пѣсняхъ оставило и Смутное время, „великая разруха Московскаго государства“. Онѣ помнятъ Бориса Годунова и его несчастную дочь Ксенію, Димитрія Самозванца („Гришку-Разстрижку“) и его бракъ съ „еретицей“ Мариной Мнишекъ, князя Пожарскаго и Скопина-Шуйскаго. Изъ нихъ послѣдній пользовался особенной любовью народа, отразившейся и въ пѣснѣ, посвященной его преждевременной смерти (см. выше стр. 92—93).

Эпоха царя Алексѣя Михайловича.

Нѣсколько пѣсенъ сохранилось также отъ эпохи царствованія Алексѣя Михайловича. Въ нихъ отразились главнымъ образомъ народныя волненія, которыми была богата эта эпоха. Мятежъ Стеньки Разина, кровавая *разиновщина,* отразились въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, сложившихся, очевидно, въ средѣ удалой вольницы, изъ которой составлялись шайки Разина. Въ нихъ воспѣваются разбойничьи подвиги Разина, взятіе имъ Астрахани, плаваніе на Соколѣ-кораблѣ, наконецъ, смерть его и горе осиротѣлыхъ товарищей [1]). Всѣ они проникнуты

[1]) Какъ извѣстно, Стенька Разинъ былъ разбитъ московскими войсками, схваченъ и казненъ въ Москвѣ. Но народная фантазія, при ея неизмѣнномъ стремленіи

явнымъ сочувствіемъ къ „грозному атаману, Степану свѣтъ Тимоѳеевичу“, который въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ выступаетъ даже сподвижникомъ Ермака при покореніи Сибири.—Другое народное движеніе этой эпохи, религіозный *расколъ*, отразилось въ нѣсколькихъ пѣсняхъ объ осадѣ Соловецкаго монастыря.

Эпоха Петра Великаго: его войны.

Царствованіе Петра Великаго вызвало довольно много историческихъ пѣсенъ. Въ нихъ почти не отразилась государственная, преобразовательная дѣятельность Петра, мало понятная народу; но зато довольно полно отразились *внѣшнія* событія этой кипучей эпохи: мятежи и казни стрѣльцовъ, походы и завоеванія Петра, взятіе шведскихъ городовъ (Орѣшка, „Шлюшена“, Риги), Полтавская побѣда. Въ этихъ пѣсняхъ, наряду съ Петромъ, чаще всего упоминается его ближайшій военный сподвижникъ, фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Большинство этихъ пѣсенъ сложилось въ солдатской средѣ и потому отличается особеннымъ отпечаткомъ; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются чисто-народныя черты, какъ, напр., въ пѣснѣ о Полтавской „баталіи“:

Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Личность Петра Велик. въ пѣсняхъ.

Необыкновенная, могучая *личность* Петра Великаго сама по себѣ не могла не поразить народнаго воображенія; но народъ отмѣтилъ въ ней лишь то, что ему было болѣе близко и понятно: напр., доступность царя, простоту его въ обращеніи со всѣми (напр., въ пѣснѣ о томъ, какъ Петръ боролся съ драгуномъ), его трудолюбіе, привычку не брезгать никакой работой: такъ, въ одной пѣснѣ Петръ выступаетъ въ качествѣ простого „плотничка“. Семейная трагедія Петра,—судьба его первой жены (Евдокіи Лопухиной), насильно постриженной въ монахини, и сына, царевича Алексѣя, приговореннаго отцомъ и назначенными имъ судьями, за бѣгство и участіе въ заговорѣ, къ смертной казни,—также вызвали нѣсколько пѣсенъ; характерно, что пѣсня сохранила, хотя и въ смутной формѣ, память о дѣйствительной причинѣ разногласія между отцомъ и сыномъ (хотя и забыла его имя и называетъ царевича Ѳеодоромъ): царевичъ выступаетъ въ пѣснѣ въ качествѣ приверженца „вѣры старинной, спасенной“, между тѣмъ какъ Петръ требуетъ отъ него, чтобы онъ принялъ „вѣру нонѣшну“: такъ въ сознаніи народномъ

идеализировать личность и судьбу своихъ любимыхъ героевъ, не могла допустить такой развязки. Поэтому въ пѣсняхъ Разинъ, вопреки исторіи, умираетъ на волѣ, завѣщая товарищамъ похоронить его „промежъ трехъ дорогъ“, въ головахъ поставить „чуденъ-дивенъ крестъ“, а въ ногахъ „ворона коня“.

своеобразно преломилась память о столкновеніи между старыми и новыми началами, понятіями и традиціями, опредѣлявшемъ бурное теченіе русской жизни въ Петровскую эпоху.

Упадокъ историческихъ пѣсенъ.

Съ XVIII вѣка начинается быстрый упадокъ народной исторической пѣсни. Явленіе это объясняется не только неумѣніемъ народа разобраться въ сложныхъ фактахъ нашей новой исторіи, но и нѣкоторыми внѣшними причинами: напр., жестокими преслѣдованіями за пѣсни о семейной драмѣ Петра Великаго, о происхожденіи Екатерины I, о смерти Петра III и проч.; о многихъ событіяхъ народъ могъ судить только на основаніи темныхъ и запутанныхъ слуховъ и т. д. Все это заставляло народную историческую поэзію дѣлаться *солдатской* по преимуществу, замыкаться въ ограниченномъ кругу военныхъ впечатлѣній и солдатской службы. Многочисленныя и славныя войны, которыя вела Россія въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, отразились въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, прославляющихъ подвиги русскаго оружія, походы и побѣды русскихъ войскъ. Въ нихъ воспѣваются такія событія, какъ Семилѣтняя война (битва при Егерсдорфѣ и смерть Лопухина, осада Кистрина, взятіе Берлина), походы Румянцева и Суворова, военные подвиги атамана Краснощекова. Сравнительно мало откликовъ нашла въ солдатскихъ пѣсняхъ великая Отечественная война: въ относящихся къ ней пѣсняхъ чаще всего воспѣвается „вихорь-атаманъ“ Платовъ. Впрочемъ и послѣдующія войны нашли себѣ нѣкоторое отраженіе въ солдатскихъ пѣсняхъ (Крымская кампанія, завоеваніе Кавказа, послѣдняя русско-турецкая война): есть даже пѣсня, относящаяся къ побѣдѣ надъ афганцами при Кушкѣ (1885 г.). Однако, всѣ эти новыя пѣсни не отличаются художественностью, часто носятъ искусственный характеръ и далеко отошли отъ настоящихъ образцовъ чистой народной поэзіи.

Народныя баллады.

Народная память удержала отъ прошлаго, благодаря скоморохамъ, громадное количество былинъ и историческихъ пѣсенъ. Между ними происходилъ постоянный обмѣнъ—именами, фактами, эпизодами, образами. Отдѣльныя пѣсни постепенно теряли свои историческія пріуроченія, если они сами по себѣ не представляли интереса: центръ тяжести передвигался въ самый разсказъ и его мораль; одни имена свободно замѣщались другими; иногда названія героевъ выпадали совсѣмъ, потому что мало говорили народному сознанію, между тѣмъ какъ ихъ приключенія казались драматическими, поучительными, трогательными, чѣмъ и приковывали вниманіе слушателей. Существуетъ много пѣсенъ то съ „передвижными“, такъ сказать, именами, то совсѣмъ безыменныхъ. Онѣ разсказываютъ о тяжелыхъ семейныхъ драмахъ—убійствѣ жены за невѣрность („Ванька-Ключникъ“) или по наговору (пѣсня о томъ, какъ „Князь Романъ жену терялъ“, (т.-е. убивалъ), убійствѣ мужа, безвременной гибели „удалого добра молодца“ (пѣсня „Добрый Молодецъ и рѣчка Смородинка“) и пр. Когда-то эти драмы поразили народное воображеніе и вызвали пѣсни съ опредѣленными историческими пріуроченіями, сохранившимися въ нѣкоторыхъ варіантахъ и до сихъ поръ, но въ большинствѣ случаевъ совершенно выпавшими: ими перестали интересоваться. Отъ былинъ такія пѣсни отличаются своею *безыменностью,* драматизмомъ содержанія, создавшимъ имъ успѣхъ у народа, и *относительною узостью темы:* онѣ всегда имѣютъ въ виду отдѣль-

ный частный случай. Ихъ называютъ *низшими эпическими пѣснями* или *народными балладами*.

Малорусскія „думы".

Въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ и преданіяхъ сохранилось очень мало воспоминаній, относящихся къ древней, кіевской эпохѣ. Матеріальное оскудѣніе южной Руси вслѣдствіе нападеній половцевъ и княжескихъ междоусобій, татарскій разгромъ, массовыя передвиженія населенія, подчиненіе Литвѣ и затѣмъ Польшѣ, расцвѣтъ казачества и вѣковая борьба съ турками и поляками обрывали старыя историческія традиціи, выдвигали новые интересы и новыхъ героевъ; старая поэзія постепенно замирала, вытѣсняемая „думами".

„Думы"—пѣсни о борьбѣ Украины съ турками и поляками. Сложились онѣ въ XVI в. и достигли полнаго расцвѣта въ XVII в. Ихъ первоначальными создателями и распространителями были странствующіе „школяры" (ученики юго-западныхъ училищъ) и дьяки, обитатели „шпиталей" (госпиталей, богадѣленъ), усвоившіе себѣ формы искусственныхъ, книжныхъ „виршей" (стиховъ), но прекрасно знавшіе и формы народной пѣсни. Благодаря имъ „дума" соединила книжные и народно-поэтическіе элементы: риѳму, свободный стихъ, то короткій, то длинный, книжныя формы языка наряду съ народно-поэтическими образами, эпитетами, символами, повтореніями и т. д. Позднѣе „думы" попали въ руки профессіональныхъ пѣвцовъ, „кобзарей" и „бандуристовъ" (отъ „кобза" и „бандура" — струнные инструменты), съ паденіемъ же казачества сдѣлались достояніемъ народныхъ массъ. Съ конца XVIII в. пѣвцами „думъ" обыкновенно являлись слѣпцы, „кобзари", „бандуристы" и „лирники", снискивавшіе себѣ пропитаніе исполненіемъ „думъ", духовныхъ стиховъ („кантовъ", „псальмъ") и пр. Своему искусству они обучались въ особыхъ школахъ, которыя заводили опытные исполнители, или другъ отъ друга.

Украинскій народный пѣвецъ Остапъ Вересай.

„Думы" отличаются глубокимъ лиризмомъ и обыкновенно разрабатываютъ наиболѣе драматическіе моменты исторіи казачества и Украйны. Очень характерны въ этомъ отношеніи „думы" о Марусѣ Богуславкѣ и о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова.

Первая изъ нихъ рисуетъ положеніе плѣнныхъ казаковъ въ турецкой неволѣ. На Черномъ морѣ на бѣломъ камнѣ стоитъ каменная темница. Въ ней уже 30 лѣтъ томится 700 казаковъ, бѣдныхъ невольни-

ковъ; не видятъ они Божьяго свѣта, праведнаго солнца. Пришла къ нимъ плѣнная дѣвушка Маруся, поповна изъ города Богуслава, принявшая магометанство, и напомнила о томъ, что на слѣдующій день будетъ Пасха. Казаки сѣтуютъ на нее: зачѣмъ она напомнила имъ, несчастнымъ невольникамъ, о Великомъ праздникѣ? Маруся достала потихоньку у турецкаго паши ключи и выпустила заключенныхъ. Сама бѣжать съ ними она не хочетъ и не можетъ, потому что „потурчилась, побусурменилась, для роскоші турецькоі, для лакомства нещастного“. „Дума“ заканчивается трогательнымъ воплемъ, сложившимся, несомнѣнно, среди турецкихъ невольниковъ:

Ой визволи, Боже, насъ всіх, бідних невольників,
З тяжкоі неволі,
З віри (отъ вѣры) бусурменськоі,
На ясні зори,
На тихі води,
У край веселий,
У мир хрещений!

Вторая „дума“ разсказываетъ о побѣгѣ плѣнныхъ казаковъ-братьевъ изъ Азова. Изъ города изъ Азова не великіе туманы вставали, убѣгали три родимыхъ брата изъ тяжкой неволи: два на коняхъ, третій пѣшій. Бѣжитъ пѣшій за конными, сѣчетъ свои казацкія ноги о корни и камни, заливаетъ кровью слѣды. Молитъ онъ братьевъ подождать, дать конямъ отдохнуть, подвезти его до христіанскихъ городовъ. Старшій братъ не соглашается: тяжка турецкая неволя—догонитъ ихъ погоня, убьетъ или опять заставитъ погибать въ тяжкой неволѣ. Младшій проситъ убить его, но средній не можетъ „родною кровью обмывать саблю“. Тогда несчастный молитъ бросать по пути примѣты, куда идти. Мольбу его исполняетъ только средній братъ, который сбивалъ и бросалъ для примѣты верхушки терновника и куски красной подкладки своего кафтана („жупана“). Нашелъ эти куски пѣшій и рѣшилъ, что братьевъ убила турецкая погоня. Онъ проситъ Бога помочь ему найти тѣла погибшихъ, чтобы съ честью похоронить ихъ.

Затѣмъ „дума“ переходитъ съ какою-то сосредоточенною скорбью къ изображенію одинокой смерти меньшого брата:

Що одно безвідде, друге безхлибье,
Трете—буйний вітер въ полі повівае,
Бідного козака з ног валяе...

Ему уже не догнать братьевъ, пора дать козацкимъ ногамъ покой. Ложится онъ на Савуръ-могилѣ (курганъ въ южной степи), отдыхаетъ. Налетѣли сизые орлы, жадно заглядываютъ въ казацкія очи. Умирающій проситъ ихъ:

Орли сизопери,
Гості мої милі!
Прошу я вас тоді налітати,
З лобу очі мині висмикати (вырывать),
Як не буду я світа Божого видати...

Отдалъ онъ Богу душу, налетѣли орлы, мелкая птица, набѣжали волки, жалобно выли—справляли они казацкія похороны! Откуда ни взялась сизая кукушка, сѣла въ головахъ, печально куковала, оплакала умершаго, какъ сестра брата, какъ мать сына... Стали конные братья подъѣзжать къ христіанскимъ городамъ, налегла на ихъ сердца тоска. Средній сказалъ: „должно быть, нѣтъ уже на свѣтѣ нашего меньшого брата... Что мы скажемъ о немъ отцу и матери?“ Старшій совѣтуетъ сказать, что во время побѣга они не могли добудиться брата и принуждены были оставить его въ неволѣ. Средній не согласенъ:

Як не будем отцю й матері правди казати,
То буде нас отцевська й материнська молитва карати...

Легли они отдохнуть на берегу рѣки, набѣжали турки, убили бѣглецовъ...

Другія думы говорятъ о смерти казаковъ на войнѣ, о битвахъ съ поляками и турками, главнымъ образомъ въ эпоху Богдана Хмѣльницкаго (напр., битва подъ Берестечкомъ), о столкновеніяхъ между богатыми и бѣдными казаками и пр. Отъ великорусскихъ историческихъ пѣсенъ онѣ обыкновенно отличаются обиліемъ и точностью историческихъ данныхъ. Многими ихъ мотивами воспользовался Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ“ [1]).

7. Духовные стихи.

Общій характеръ духовныхъ стиховъ.

Духовные стихи—народныя пѣсни *религіознаго* содержанія. Они представляютъ собою обширный и интересный отдѣлъ народной поэзіи, въ которомъ отразились вѣрованія и взгляды народа, сложившіеся подъ вліяніемъ христіанскаго ученія. Христіанство озарило душу народа новымъ свѣтомъ, внесло въ его міросозерцаніе возвышенные идеалы Божественной любви, вѣры, самоотреченія, могущественно воздѣйствовало на весь строй его нравственныхъ чувствъ и понятій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ народѣ долго еще сохранялись всевозможные пережитки старыхъ языческихъ представленій, да и въ новомъ вѣроученіи далеко не все было доступно его разумѣнію, многое понималось неправильно и произвольно. Поэтому духовные стихи носятъ на себѣ яркій отпечатокъ *двоевѣрія*, представляютъ собою пеструю смѣсь христіанскихъ и языческихъ представленій.

---

[1]) Ему же принадлежитъ превосходная статья „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ (въ сборникѣ „Арабески“). Особенно хорошо выяснены Гоголемъ значеніе „думъ“ для малорусскаго народа, роль въ нихъ матери, свободолюбивый „лыцарскій“ (рыцарскій) духъ казачества и пр. По его словамъ, „пѣсни для Малороссіи все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила“. „Вездѣ проникаетъ ихъ (пѣсни), вездѣ въ нихъ дышитъ эта широкая воля казацкой жизни. Вездѣ видна та сила, радость, могущество, съ какою казакъ бросаетъ тишину и безпечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзію битвъ, опасностей и разгульнаго пиршества съ товарищами“. Казака ничто не можетъ удержать—даже „престарѣлая мать, разливающаяся, какъ ручей, слезами, которой всѣмъ существованіемъ завладѣло одно материнское чувство“.

хъ источники.

Матеріалъ свой духовные стихи почерпали изъ разнообразныхъ источниковъ, устныхъ и книжныхъ: одни изъ нихъ основывались на *Св. Писаніи, житіяхъ святыхъ,* заимствовали идеи и образы изъ *церковныхъ пѣснопѣній;* другіе обрабатывали матеріалъ всевозможныхъ благочестивыхъ *легендъ* и такъ называемыхъ *апокрифовъ* [1]). Но ко всѣмъ своимъ источникамъ духовные стихи относились очень свободно, дополняя фантазіей то, чего они не находили въ священныхъ книгахъ, искажая имена и событія; такъ, напр., царь Давидъ именуется въ нѣкоторыхъ стихахъ *Евстичемъ,* императоръ Діоклетіанъ, гонитель христіанъ, — *Демьянищемъ, Грубіянищемъ,* городъ Содомъ передѣланъ въ *Соломъ*-градъ и т. д. Многія черты въ духовныхъ стихахъ заимствованы изъ былинъ и даже изъ сказокъ; такъ, напр., Георгій Побѣдоносецъ *(Егорій Храбрый)* и Ѳедоръ Тиронъ изображаются въ нихъ въ видѣ былинныхъ богатырей, совершающихъ чисто сказочные подвиги. Встрѣчаются въ духовныхъ стихахъ и совершенно миѳическіе образы, въ родѣ, напр., *св. Пятницы.*

Несмотря на обиліе вымысла и легендарныхъ элементовъ въ духовныхъ стихахъ, всѣ они проникнуты глубокой вѣрой въ истину всего передаваемаго, производящей своей наивной простотой трогательное впечатлѣніе. Кромѣ того, многіе изъ этихъ стиховъ отличаются большой поэтической прелестью.

роисхожде-ie духовн. стиховъ.

Духовные стихи слагались и развивались у насъ въ особомъ общественномъ кругу, затронутомъ церковной письменностью и въ то же время не порвавшемъ своихъ связей съ народной поэзіей: ихъ творцами и хранителями были полуобразованныя духовныя лица, низшіе причетники, а чаще всего странники по святымъ мѣстамъ, такъ наз. *„калики“* [2]) (или «калики перехожія»).

алики древ-е и новые.

Первоначально „каличество“ было религіознымъ подвигомъ, отреченіемъ отъ „суеты мірской“; среди каликъ встрѣчались люди изъ всѣхъ слоевъ населенія, даже лица знатнаго происхожденія. Паломничество во Св. Землю было обставлено въ то время всевозможными трудностями и опасностями, требовало значительныхъ средствъ и большого напряженія физическихъ силъ; поэтому предпринимать его могли только лица, обладавшія соотвѣтствующими данными; въ нѣкоторыхъ стихахъ „калики“ изображаются даже въ образѣ могучихъ богатырей, отъ зычнаго голоса

---

[1]) О *легендахъ* см. выше стр. 56; *апокрифами* называются сказанія о лицахъ и событіяхъ Священ. Писанія, непризнанныя Церковью: многіе изъ этихъ апокрифовъ сложились въ средѣ еретиковъ и отражали ихъ воззрѣнія; подробнѣе объ апокрифахъ см. ниже, въ главѣ о древней письменности.

[2]) Отъ греко-римскаго caliga—особая обувь для походовъ и продолжительныхъ путешествій.

которыхъ люди падаютъ на землю; въ видѣ каликй отправился въ Іерусалимъ замаливать свои грѣхи и былинный богатырь Васька Буслаевъ.— Впослѣдствіи, послѣ опустошенія южной Руси степными кочевниками и паденія Византійской имперіи, дальнія паломничества во Св. Землю почти вовсе прекращаются, и каличество ограничивается менѣе труднымъ странствованіемъ по мѣстнымъ, русскимъ святынямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко измѣняется и самый составъ „каликъ", среди которыхъ начинаютъ преобладать лица изъ низшихъ сословій и притомъ преимущественно такія, которыя по своимъ физическимъ недостаткамъ неспособны были къ труду: убогіе, увѣчные, слѣпые. „Калика" становится такимъ образомъ синонимомъ *калѣки*, и каличество превращается въ промыселъ, въ профессію.— Вотъ именно эти „калики перехожіе" и являлись главными хранителями и исполнителями *духовныхъ стиховъ*, которые они распѣвали у воротъ монастырей, у церквей въ дни храмовыхъ праздниковъ, на базарахъ и т. д., собирая за свое искусство доброхотныя даянія. Наивысшаго своего расцвѣта каличество въ этомъ смыслѣ достигло, повидимому, въ половинѣ XVII вѣка; эта эпоха является также крупнымъ моментомъ въ исторіи нашихъ духовныхъ стиховъ: царь Алексѣй Михайловичъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры противъ свѣтскихъ народныхъ пѣсенъ и ихъ главныхъ носителей — „скомороховъ"; духовные стихи и калики зато встрѣчали у него постоянную поддержку. Самъ царь любилъ одѣлять нищихъ, держалъ у себя въ теремахъ „верховыхъ богомольцевъ", охотно слушалъ духовные стихи: его примѣру подражали и бояре. Милостыня тогда считалась главнымъ средствомъ „внити въ Царствіе небесное"; покровительство каликамъ создало благопріятную почву для развитія и распространенія духовныхъ стиховъ. Позднѣе они дѣлаются излюбленной поэтической формой раскольниковъ; широко пользовались ими и сектанты, излагавшіе въ нихъ свое вѣроученіе (т. н. „роспѣвцы", „стихи" и пр.). Въ ихъ языкѣ и стилѣ (въ особенности въ южно-русскихъ „псальмахъ" и „кантахъ") обыкновенно много искусственнаго, книжнаго;

Калики перехожіе (изъ сборника Безсонова).

церковно-славянскія формы, искусственные размѣры; часто встрѣчается и риѳма. Наряду съ этими чертами встрѣчается и много особенностей народно-поэтическихъ. Нѣкоторые раскольничьи и сектантскіе стихи—передѣлки народныхъ пѣсенъ.

Дѣленіе духовн. стиховъ.

Духовные стихи можно раздѣлить на *эпическіе* и *лирическіе*. Первые излагаютъ событія ветхозавѣтныя, новозавѣтныя, легендарныя, и т. д.; вторые—передаютъ только чувства и настроенія пѣвцовъ. Въ свою очередь, стихи эпическіе, по *содержанію* ихъ, можно раздѣлить на *ветхозавѣтные, новозавѣтные, житійные*, т.-е. излагающіе житія святыхъ, *космогоническіе* (о началѣ міра), *эсхатологическіе* (о концѣ міра) и т. д.

Стихи космогоническіе и эсхатологическіе.

Наибольшее значеніе для народа и наибольшій интересъ представляютъ тѣ духовные стихи, въ которыхъ находятся свѣдѣнія о началѣ и концѣ міра, даются отвѣты на вопросы о судьбѣ души, о загробной жизни, происхожденіи вещей и т. д. Это—своеобразная народная философія, главнымъ образомъ опиравшаяся на двоевѣрныя легенды. Для большинства такихъ стиховъ учеными подысканы *книжные* источники, преимущественно переходившіе къ намъ изъ Византіи и отъ южныхъ славянъ.

Голубиная книга.

Характернѣе всего въ этомъ отношеніи стихъ о «*Голубиной книгѣ*» [1]). Въ началѣ его упоминается громадная, упавшая съ неба книга, заключающая въ себѣ всѣ міровыя тайны. Книга эта необыкновенной величины: «Въ долину книга сорока локотъ,—поперекъ книга тридцати локотъ,—въ толщину книга девяти локотъ». Содержаніе этой книги превышаетъ мѣру человѣческаго пониманія: «Умомъ намъ книгу не обозрити, и очами намъ сей книги не сосмѣтити,—велика книга Голубиная!»

Писалъ эту книгу святъ Исай пророкъ,
Читалъ эту книгу Иванъ Богословъ.
Онъ читалъ эту книгу ровно три года,
Прочиталъ во книгѣ только три листа...

Къ ней съѣзжается «сорокъ царей, все царевичей; сорокъ князьевъ все князевичей». Въ числѣ ихъ являются Давидъ и царь Волотоманъ (вѣроятно, искаженіе «Птоломей») или Владиміръ князь (Володумиръ, Малодумеръ). Между ними завязывается любопытный діалогъ о *происхожденіи* и *первенствѣ* вещей, дающій отвѣты на многіе запросы народной мысли.

Вопросы о происхожденіи вещей.

Князь проситъ «премудраго царя Давида Евсѣевича» прочесть «Книгу Божію», «объявить дѣла Божіи про наше житіе про свято-

[1]) Ея названіе объясняютъ двояко: отъ голубя—символа Святого Духа, и отъ слова „глубина"—*глубинная* книга, глубокая по своей мудрости.

русское, про наше житіе свѣту вольнаго». Рядъ первыхъ вопросовъ касается начала, происхожденія вещей:

Отъ чего у насъ начался бѣлый, вольный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное?
Отъ чего у насъ младъ-свѣтелъ мѣсяцъ?
Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
Отъ чего у насъ ночи темныя?
Отъ чего у насъ зори утренни?
Отъ чего у насъ вѣтры буйные?
Отъ чего у насъ дробенъ дождикъ?

Давидъ не рѣшается и приступить къ «Голубиной книгѣ». «По старой по своей памяти» онъ разсказываетъ, «какъ по грамотѣ», основывая свои отвѣты на матеріалѣ бродячихъ двоевѣрныхъ легендъ и старыхъ миѳическихъ представленій: солнце красное—отъ лица Божія, звѣзды частыя—отъ ризъ Божіихъ [1]), зори свѣтлыя—отъ очей Божіихъ, дробенъ дождикъ—отъ слезъ Христовыхъ, тѣлеса—отъ земли, кости—отъ камня и т. д.

Вопросы первенства вещей.

Вторая серія вопросовъ и отвѣтовъ касается *первенства* вещей. Она отличается такимъ же смѣшаннымъ, двоевѣрнымъ, легендарнымъ характеромъ, какъ и первая:

Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ отецъ?
Коя церковь всѣмъ церквамъ мати? и пр.

Іерусалимъ-городъ—городамъ мать, потому что «стоитъ посреди земли»; свята Русь-земля—всѣмъ землямъ мать, потому что «изукрашена она церквами Божьими»; кипарисъ-дерево—всѣмъ деревамъ мать, потому что изъ него былъ сдѣланъ животворящій крестъ, на которомъ распятъ былъ Іисусъ Христосъ; «стрефилъ-птица»—всѣмъ птицамъ мать; «единорогъ-звѣрь»—всѣмъ звѣрямъ мать; китъ-рыба—всѣмъ рыбамъ мати потому, что «на трехъ рыбахъ земля основана»:

Какъ китъ-рыба потронется,
Вся земля всколеблется...

Плакунъ-трава—всѣмъ травамъ мати, потому что она зародилась отъ слезъ Богоматери:

Когда шелъ Господь на пропятіе,
Пресвятая Богородица
Ронила слезы на сыру землю;

---

[1]) Этимъ образомъ воспользовался Гоголь въ своемъ знаменитомъ описаніи Днѣпра („Страшная месть“).

Что отъ тѣхъ ли слезъ, отъ пречистыихъ,
Зарождалася все плакунъ-трава:
Потому плакунъ-трава травамъ мати.

Притча о Правдѣ и Кривдѣ.

Заканчивается стихъ истолкованіемъ вѣщаго сна царя Волотомана о *Правдѣ* и *Кривдѣ*. Царь видѣлъ во снѣ, что два какихъ-то звѣря боролись между собой и одинъ побѣдилъ и прогналъ другого. Давидъ объясняетъ ему значеніе этого сна:

Это не два звѣря собиралися,—
Это Кривда съ Правдою сходилися,
Промежду собой они бились-дралися.
Кривда Правду переспорила.
Правда пошла на небеса,
Къ Самому Христу Царю небесному;
А Кривда пошла у насъ по всей землѣ,
По всему народу христіанскому.
Отъ Кривды сталъ народъ неправильный,
Неправильный сталъ, злопамятный...

„Голубиная книга“ принадлежитъ къ числу наиболѣе древнихъ духовныхъ стиховъ. Она извѣстна во многихъ варіантахъ (болѣе 20-ти), что свидѣтельствуетъ о большой популярности ея въ народной средѣ. Упоминаніе о чудесной книгѣ, содержащей въ себѣ всѣ тайны міра, встрѣчается еще въ Апокалипсисѣ; о подобной же книгѣ говорится и въ апокрифическомъ сказаніи: „Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской“. Однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ „Голубиной книги“ является занесенный къ намъ изъ Болгаріи апокрифъ: „Бесѣда трехъ святителей“. Болгарское же вліяніе сказывается, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, и въ притчѣ о Правдѣ и Кривдѣ, отражающей въ себѣ богумильское ученіе о борьбѣ Бога и дьявола.

Стихи о Страшномъ Судѣ.

Много духовныхъ стиховъ посвящено концу міра и Страшному суду. Нѣкоторые изъ нихъ по своему складу близки къ духовной, книжной письменности:

Ангелы въ трубы затрубятъ
И мертвыхъ отъ гробовъ взбудятъ,—
Тогда мертвіи возстанутъ
И всѣ въ единъ возрастъ станутъ [1].

Ветхозавѣтные стихи.

Изъ *ветхозавѣтныхъ* стиховъ большою популярностью пользовался «плачъ Адама», въ которомъ онъ жалуется на потерю райскаго блаженства и скорбитъ о своемъ грѣхопаденіи:

Раю мой, раю, прекрасный мой раю!
Мене бо ради, раю, сотворенъ бысть,

[1] Особенною популярностью подобные стихи пользуются среди сектантовъ и раскольниковъ, которые въ реформѣ церкви и преслѣдованіяхъ ихъ вѣры видѣли признакъ близости пришествія Антихриста и Страшнаго суда.

А Ёввы ради, раю, заключенъ бысть!

. . . . . .

Боже милостиве, помилуй мя падшаго!

Поются также стихи объ Іосифѣ Прекрасномъ, Соломонѣ (нѣкоторыя пѣсни о немъ имѣютъ форму былины и основаны на двоевѣрныхъ легендахъ) и т. д. Особенно подробно разработана въ духовныхъ стихахъ исторія Іосифа *(„Осипа“)* Прекраснаго. Она довольно близко придерживается библейскаго подлинника, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нее внесено немало бытовыхъ чертъ, взятыхъ изъ русской дѣйствительности. Въ стихѣ о Іосифѣ разсказывается, какъ братья продали его купцамъ «въ крѣпостные»; изображаются его приключенія въ домѣ Пентефрія («князя Перфилія»); его пребываніе въ тюрьмѣ, гдѣ онъ поясняетъ сны двумъ другимъ тюремнымъ «сидѣльцамъ»; его пребываніе при дворѣ «грознаго царя Фаравона», куда вводитъ его «бояринъ виночерпецъ» въ качествѣ «сносудильца» (толкователя сновъ); назначеніе его «вторымъ царемъ во Египтѣ»; свиданіе съ братьями и съ отцомъ, вплоть до его кончины и погребенія «у соборной Божіей церкви» [1]). Стихи Іосифѣ Прекрасномъ

Новозавѣтные стихи разрабатываютъ мотивы—Рождества Христова, Страстей, Вознесенія, Хожденія Богородицы по мукамъ и пр. Новозавѣт стихи.

Изъ нихъ особенной любовью пользуется среди каликъ стихъ *о Богатомъ и Лазарѣ»*, представляющій собой близкую къ подлиннику передѣлку извѣстной евангельской притчи,—а также стихъ о *Вознесеніи*. Въ послѣднемъ нищая братія оплакиваетъ возносящагося Христа: «Чѣмъ мы будемъ, бѣдные, питатися?» Христосъ хочетъ оставить имъ гору золотую, рѣку медвяную (или манну небесную), но Іоаннъ Богословъ (или Иванъ Златоустъ, Иванъ Предтеча) совѣтуетъ дать имъ «Свое имя Христово», потому что богатые и сильные отнимутъ у нищихъ золото. Христосъ соглашается и въ награду за хорошій совѣтъ даруетъ Іоанну *золотыя уста* или *частые праздники*.

Какъ «стихъ о Богатомъ и Лазарѣ», такъ и стихъ о Вознесеніи очень характеренъ для настроенія каликъ-нищихъ и убогихъ, для старинныхъ взглядовъ на значеніе милостыни. Оба они пользуются Стихъ о Л зарѣ.

---

[1]) Подобное внесеніе въ библейскій разсказъ русскихъ бытовыхъ чертъ представляетъ собой очень характерное явленіе для наивной работы народной фантазіи, которая неизмѣнно переносила изображаемое дѣйствіе въ знакомую и привычную ей обстановку, приспособляя его къ своимъ обычаямъ и понятіямъ. Точно такъ же поступали и наши старые художники-миніатюристы, изображавшіе, напр., египетскаго фараона въ русскомъ царскомъ одѣяніи, а его придворныхъ въ боярскомъ платьѣ и въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ.

и среди народа большою популярностью; «пѣть Лазаря» сдѣлалось пословицей и распространилось вообще на исполненіе духовныхъ стиховъ (или жалобное пѣніе). Та же причина сдѣлала популярнымъ и «стихъ объ *Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ*», основанный на житіи святого, съ небольшими измѣненіями: добровольная нищета св. Алексѣя, претерпѣвавшаго всевозможныя униженія въ роскошномъ домѣ своего отца, его самоотверженный отказъ отъ довольства, почестей, семьи былъ для каликъ-нищихъ недосягаемо высокимъ идеаломъ. Популярность этого стиха настолько велика, что его знаютъ всѣ калики; съ него «старчики» обыкновенно начинаютъ свое пѣніе на папертяхъ, базарахъ, площадяхъ.

Лубочная картинка къ притчѣ объ убогомъ Лазарѣ.

Житійные стихи.

Другіе стихи пересказываютъ (обыкновенно съ легендарными прибавками) житія св. Димитрія Солунскаго, Николая Чудотворца, Ѳеодора Тирона, Георгія („Егорія Храбраго“). Послѣдніе два стиха соединяютъ книжную основу съ пріемами былевой поэзіи: придаютъ святымъ черты богатырей (даже сказочныя), въ чисто эпическихъ, сказочныхъ тонахъ разрабатываютъ мотивъ змѣеборства [1]), бой съ мучителемъ и т. д. „Стихъ о Егоріи Храбромъ“ рисуетъ наружность святого чисто сказочными чертами:

Егорій Храбрый.

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная,
По всемъ Егоріи часты звѣзды [2]).

Плѣнившій Іерусалимъ и Егорія невѣрный „царище Демьянище“ (мучитель христіанъ Діоклетіанъ) тщетно принуждаетъ святого поклониться

[1]) Въ духовной письменности змѣеборство имѣло *символическій* характеръ—обозначало борьбу съ язычествомъ и дьяволомъ. Въ двоевѣрной средѣ оно слилось со старыми миѳическими воспоминаніями и притянуло къ себѣ рядъ чисто-языческихъ образовъ.

[2]) Возможно, что на созданіе этого образа повліяли ризы и украшенія на иконѣ святого.

идоламъ: Егорій мужественно переноситъ всѣ мученія. Царь приказываетъ заключить его въ глубокіе погреба:

Не бывать Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
Не обозрѣть Егорью солнца краснаго,
Не видать Егорью отца и матери,
Не слыхать Егорью звона колокольнаго,
Не слыхать Егорью пѣнія церковнаго.

„По Божіему повелѣнію“ освобождается мученикъ изъ своего заключенія и отправляется „по всей землѣ свѣтло-русской утвердить вѣру христіанскую“. Мать говоритъ ему:

Ты поди, чадо милое,
Ты поди далече во чисты поля,
Ты возьми коня богатырскаго
Со двѣнадесять цѣпей желѣзныихъ,
И со сбруею богатырскою,
Со вострымъ копьемъ со булатныимъ
И со книгою со Евангельемъ.

Иконы изображали Георгія Побѣдоносца воиномъ, и это привело къ наслоеніямъ *былиннаго* характера въ стихѣ: у него богатырскій конь, копье, сбруя; подобно Ильѣ Муромцу, онъ очищаетъ русскую землю, устраиваетъ ее. Какъ святой, вмѣстѣ съ копьемъ беретъ онъ Евангеліе и распространяетъ христіанскую вѣру:

Тутъ же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися;
Ни пройти Егорью, ни проѣхати.

Весь этотъ хаосъ—дремучіе лѣса, текучія рѣки, толкучія (сталкивавшіяся) горы, рыскучихъ волковъ, огненныхъ змѣй—онъ приводитъ въ порядокъ и повиновеніе:

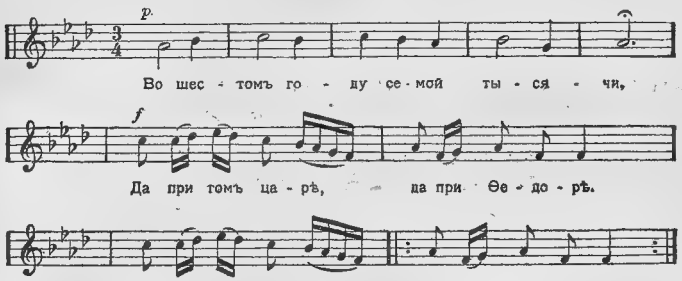
Очистилъ землю христіанскую,
Утвердилъ вѣру Самому Христу.

Послѣдніе его подвиги—убіеніе Демьянища и освобожденіе сестеръ. Какъ Соловей-Разбойникъ былинъ, невѣрный царь „кричитъ по-звѣриному, визжитъ по-змѣиному“,—

Святой Егорій не устрáшился,
На добромъ конѣ пріуправился,
Вынимаетъ мечъ—саблю вострую,
Онъ ссѣкъ его злодѣйскую голову
По его могучія по плечи,

Подымалъ палицу богатырскую,
Разрушалъ палаты бѣлокаменныя...

Сестры, подчинившіяся Демьянищу и измѣнившія христіанству, были наказаны: на нихъ „кожа, какъ еловая кора“, на нихъ „волосы, какъ камышъ-трава“. По совѣту Егорія онѣ „умывалися, окрещалися“, и послѣ этого „камышъ-трава съ нихъ свалилася, и еловая кора опустилася“...



Зачало стиха о Егоріи Храбромъ (въ гармонизаціи Римскаго-Корсакова).

Стихи русскаго содержанія.

Изъ русскихъ святыхъ духовные стихи поютъ о Борисѣ и Глѣбѣ, о замученныхъ татарами Михаилѣ и Ѳеодорѣ Черниговскихъ. Поэтическими чертами отличается стихъ о *„Дмитровской субботѣ“*: такъ называютъ день поминовенія воиновъ, павшихъ въ Куликовской битвѣ, приходящійся наканунѣ дня поминовенія св. Димитрія Солунскаго (26 октября). Но духовный стихъ даетъ этому наименованію иное объясненіе. Въ немъ разсказывается, что однажды наканунѣ Дмитріевской субботы великій князь Димитрій (Донской) слушалъ обѣдню въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, вмѣстѣ со своею супругою и боярами; передъ «Достойной» ему вдругъ предстало «дивное видѣнье»: видитъ онъ «чисто поле, то ли чисто поле Куликово, изустлано поле мертвыми тѣлами, христіанами да татарами»:

Христіане-то какъ свѣчки, теплятся,
А татары-то—какъ смола черна.
По тому ли полю Куликову
Ходитъ сама Матъ Пресвятая Богородица,
А за ней апостолы Господни,
Архангелы—ангелы святые,
Со свѣтлыми со свѣщами,
Отпѣваютъ они мощи православныхъ,
Кадитъ на нихъ Сама Матъ Пресвятая Богородица,
И вѣнцы съ небесъ на нихъ сходятъ...

Въ память этого чудеснаго видѣнія великій князь Димитрій и установилъ празднованіе Дмитровской субботы. Такъ народная

фантазія по-своему истолковала данный фактъ, придавъ ему поэтическій отпечатокъ.

Духовн. стихи былиннаго склада.

Среди нашихъ духовныхъ стиховъ есть нѣсколько такихъ, которые по своему характеру и содержанію приближаются къ *былинамъ*, представляютъ какъ бы переходъ къ нимъ. Таковъ, напр., стихъ *„о сорока каликахъ со каликою“*. Онъ основанъ на легендахъ, но разрабатываетъ ихъ въ духѣ былевой поэзіи: каликамъ приданы черты богатырей. Онъ интересенъ тѣмъ, что примкнулъ, какъ и былины, къ Кіеву и личности князя Владиміра, изображаетъ бытъ и взаимныя отношенія каликъ и т. д.

Стихъ о сорока каликахъ.

Сорокъ каликъ, „дородныхъ молодцевъ“, собираясь въ Святую землю, выбираютъ атаманомъ Касьяна Михайловича. Они кладутъ „заповѣдь великую“: кто во время пути украдетъ, солжетъ и совершитъ другое какое преступленіе, того живьемъ закопать въ землю. По дорогѣ они встрѣчаютъ охотившагося Владиміра:

Завидѣли его калики тутъ перехожіе,
Становилися во единый кругъ,
Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки исповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окарачился (палъ на ноги),
А богатыри съ коней попадали.

Князь посылаетъ ихъ въ Кіевъ къ женѣ, княгинѣ Апраксѣевнѣ. Влюбившаяся въ Касьяна княгиня встрѣтила отпоръ и, подобно женѣ Пентефрія, приказала Алешѣ Поповичу потихоньку подложить ему „чарочку серебряну“ въ суму, затѣмъ послала погоню и обвинила атамана каликъ въ мнимомъ воровствѣ. Касьяна по плечи закопали въ землю. Возвратившись изъ своего далекаго путешествія, калики нашли его живымъ и здоровымъ, княгиню же за ложь Богъ наказалъ тяжелою болѣзнью, отъ которой избавилъ ее великодушный Касьянъ.

Такимъ же *переходнымъ* характеромъ, какъ стихъ о 40 каликахъ, отличается и стихъ объ Аникѣ-воинѣ, вступившемъ въ единоборство со смертью и побѣжденномъ ею. Аника проникъ въ нашъ былевой эпосъ и народную драму. Содержаніе стиха о немъ заимствовано изъ византійскихъ сказаній о Дигенисѣ *Аникитѣ* [1]), боровшемся и погибшемъ въ борьбѣ съ Харономъ-Смертью.

Лирическіе духовн. стихи.

Большинство духовныхъ стиховъ *лирическаго* характера посвящено вопросамъ о смерти и загробной жизни, проникнуто ужасомъ

[1]) Сынъ гречанки и сарацына, защитникъ византійскихъ границъ въ Азіи, *непобѣдимый* (по-гречески Anikētos).

предъ загробными муками. Предъ лицомъ смерти человѣка охватываетъ сознаніе своей грѣховности, жажда покаянія и прощенія: онъ вспоминаетъ всю свою жизнь и ужасается при мысли о томъ, какъ мало онъ сдѣлалъ, чтобы быть достойнымъ Царствія Небеснаго:

Человѣче, почто ради
Твое умершее тѣло обмывать хотятъ?
Не обмылся ты слезами передъ Господомъ.
Человѣче, почто ради
Ризу на тебя надѣвать хотятъ?
Не уготовалъ себѣ ризы душевныя.
Человѣче, почто ради
Свѣчи надъ тобой возжигать хотятъ?
Не возжегъ ты свѣтильника усердна
Передъ Господомъ...

Покаянные мотивы.

Очень характерно для лирическихъ духовныхъ стиховъ проникающее ихъ *покаянное* настроеніе. Въ «стихѣ о грѣшной душѣ» душа кается послѣ смерти и перечисляетъ свои прегрѣшенія:

Середы и пятницы не пащивалась,
Великаго говлѣнія не гавливала,
Заутрени, вечерни просыпывала я,
Въ воскресный день обѣдни прогуливала...
По игрищамъ душа много хаживала,
Подъ всякія игры много плясывала,
Самого сатану воспотѣшивала,—
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каивалась.

Въ этомъ перечисленіи грѣховъ встрѣчается также немало бытовыхъ чертъ, рисующихъ деревенскую жизнь и отношенія; напр., душа кается въ томъ, что она «не по-праведну землю раздѣливала, межу черезъ межу перекладывала, чужую полоску позакашивала...» Встрѣчаются въ этихъ покаянныхъ стихахъ также яркіе слѣды разныхъ суевѣрныхъ представленій: вѣра въ силу заговора, въ порчу, въ колдовство и тому под.; такъ, наприм., перечисляя свои грѣхи, душа упоминаетъ о томъ, что она «изъ коровушекъ молоко выкликала», «въ соломахъ заломы заламливала», «свадьбы звѣрьями оборачивала» [1]).

Аскетическіе мотивы.

Кромѣ мотивовъ *покаянія*, лирическіе духовные стихи чаще всего вдохновляются проповѣдью евангельскихъ добродѣтелей: смиренія,

[1]) „Солому заламливать“, связывать колосья между собой опредѣленнымъ образомъ, для того чтобы вызвать неурожай на чужомъ полѣ. Вѣра въ оборотничество связывалась съ вѣрой въ колдовство вообще; поэтому въ старину на деревенскія свадьбы обыкновенно приглашали колдуна, такъ какъ присутствіе его предохраняло „молодыхъ“ и ихъ гостей отъ всякой „порчи“.

терпѣнія, милосердія, кротости, вообще—*«праведнаго житія»*. Только праведное житіе, въ связи съ вѣрой во Христа, Искупителя міра, даетъ человѣку право надѣяться на душевное спасеніе, на загробное блаженство во Градѣ Божіемъ, въ «пресвѣтломъ раю», потерянномъ вслѣдствіе грѣхопаденія прародителей. Но праведное житіе для человѣка, съ его слабой волей и грѣховными помыслами, необыкновенно трудно. Міръ «лежитъ во грѣхѣ», человѣкъ окруженъ всяческими соблазнами, дѣйствующими на его плотскую природу и приводящими его къ паденію. Поэтому наиболѣе вѣрнымъ средствомъ душевнаго спасенія является *отреченіе отъ міра*, съ его приманками, а высшимъ идеаломъ праведнаго житія—*иноческій подвигъ*. Эти идеи христіанскаго аскетизма были глубоко восприняты народнымъ сознаніемъ и нашли себѣ яркое выраженіе въ духовныхъ стихахъ. Съ любовью и благоговѣніемъ воспѣваютъ они добровольное подвижничество св. Алексѣя, Божьяго человѣка, отказавшагося отъ земного счастья, отъ богатства и наслажденій жизни ради высокаго идеала духовнаго совершенства. Очень ярко это аскетическое настроеніе проявляется и въ *«Плачѣ царевича Іоасафа»* [1]), въ которомъ прославляется монашескій подвигъ, воспѣваются прелести пустынножительства. Въ этомъ стихѣ царевичъ обращается къ «пустынѣ» съ горячей мольбой принять его къ себѣ:

Прославленіе отшельничества.

Любимая моя мати,
Прекрасная пустыня!
Ты пріими меня, пустыня,
Волю Божію творити,
Приведи меня, пустыня,
Въ небесное царство;
И избавь меня, пустыня,
Огня—вѣчныя муки.

Мать-пустыня «архангельскимъ голосомъ» отговариваетъ Іоасафа, указываетъ ему на тягости иноческаго подвига, отшельничества; но царевича это не устрашаетъ: душа его жаждетъ труда и подвига, и въ самой пустынѣ думаетъ онъ найти такія чистыя радости, которыя замѣнятъ ему всѣ соблазны и приманки мірской жизни.

Разгуляюсь я, младый юноша,
По зеленой по дубровѣ.
. . . . . .
Во зеленой во дубровѣ
Есть частыя древа,

[1]) Стихъ этотъ навѣянъ восточнымъ (буддійскимъ) романомъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ, который въ византійской передѣлкѣ пользовался большой популярностью у южныхъ славянъ и въ древней Руси.

Со мной будутъ думы думати;
На древахъ есть мелкіе листья.
Со мной станутъ говорити;
Прилетятъ птицы райскія,
Станутъ распѣвати,
Меня будутъ потѣшати...

Внѣшняя форма духовн. стиховъ.

Внѣшняя форма духовныхъ стиховъ отличается большимъ разнообразіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ приближаются въ этомъ отношеніи къ былинамъ; на другихъ обнаруживается сильное вліяніе церковныхъ пѣснопѣній и священныхъ книгъ, особенно Псалтыри, бывшей вообще излюбленнымъ чтеніемъ нашихъ благочестивыхъ предковъ: это церковное и книжное вліяніе сказывается, напримѣръ, въ частомъ употребленіи славянскихъ словъ и выраженій, въ заимствованіи цѣлыхъ стиховъ изъ священныхъ текстовъ и т. д. Точно такъ же и въ *напѣвахъ* духовныхъ стиховъ замѣтно вліяніе церковныхъ мелодій, хотя и значительно измѣненныхъ согласно природѣ и особенностямъ русской народной музыки [1]). Исполненіе духовныхъ стиховъ каликами обыкновенно сопровождается игрой на *лирѣ*.

Слѣпецъ, играющій на лирѣ.

8. Народная лирика.

Главныя черты народныхъ пѣсенъ.

Русская народная *лирика* отличается большимъ богатствомъ и разнообразіемъ. Ея господствующей формой является *пѣсня*, въ которой словесный текстъ неразрывно связанъ съ *напѣвомъ*, съ музыкальной мелодіей, въ одно нераздѣлимое, органически слитое цѣлое: это сочетаніе словеснаго и музыкальнаго элемента рѣзко отличаетъ народную лирику отъ лирики искусственной, книжной [2]).

---

[1]) Въ основѣ этихъ напѣвовъ лежитъ, повидимому, одноголосое „демественное“ пѣніе, занесенное къ намъ изъ Византіи, черезъ посредство южныхъ славянъ.

[2]) Такое неразрывное соединеніе текста и напѣва приводитъ къ тому, что народные пѣвцы иногда затрудняются и путаются, когда имъ приходится „сказывать“, т.-е. декламировать какую-либо пѣсню, которую они привыкли пѣть всегда въ голосъ.

Уже византійскіе писатели отмѣтили, какъ характерную особенность славянъ, ихъ любовь къ пѣнію. Эта любовь и до сихъ поръ сохранилась у русскаго народа, сопровождающаго и трудъ и отдыхъ пѣснями, въ которыхъ отразилось все разнообразіе доступныхъ ему чувствъ и настроеній, въ которыхъ звучитъ «то разгулье удалое, то сердечная тоска» (Пушкинъ). По выраженію одного собирателя (Шейна), «пѣсня является вѣрной спутницей многотрудной жизни русскаго человѣка, отъ колыбели до могилы». Въ пѣсняхъ вскрывается вся *внутренняя жизнь* русскаго человѣка, со всѣми его радостями и печалями, мечтами и заботами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ нашли себѣ отраженіе и различныя *бытовыя черты*, характеризующія условія народной жизни, — напр., семейное положеніе женщины; много такихъ бытовыхъ чертъ разбросано въ пѣсняхъ рекрутскихъ, солдатскихъ, разбойничьихъ, ямщицкихъ, казацкихъ, возникшихъ въ опредѣленной средѣ и отражающихъ особенности ея быта, нравовъ и понятій; оставило замѣтные слѣды въ народной пѣснѣ и крѣпостное право, дававшее свободный просторъ для посторонняго вмѣшательства въ личную, интимную жизнь крестьянина (разлученіе любящихъ, браки по неволѣ и т. д.).

Лирическіе элементы въ обрядовыхъ пѣсняхъ.

Всѣ виды народныхъ пѣсенъ въ большей или меньшей степени богаты лирическими элементами. Встрѣчаются они, напр., въ *обрядовыхъ пѣсняхъ*. Нѣкоторые ученые даже предполагаютъ, что вся народная лирика возникла изъ тѣхъ пѣснопѣній, которыми въ старину сопровождались различные обряды, имѣвшіе нѣкогда религіозное или магическое значеніе. Таковы, напр., *весенніе обряды*, остатки которыхъ и до сихъ поръ удержались въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, утративъ однако свой первоначальный характеръ (объ обрядовыхъ пѣсняхъ см. выше стр. 34 и сл.). Лирическимъ складомъ отличаются, напр., многія пѣсни, которыя поются въ Семикъ и на Троицынъ день, когда деревенскія дѣвушки гадаютъ о женихахъ и свадьбѣ, завивая вѣнки и пуская ихъ на воду:

Съ горя-кручины, молода,
Пойду я въ зеленые луга,
Пойду я на рѣчку, на рѣку,
Пойду я на быстру, на большу,
Стану я на крутъ бережокъ,
Совью я на головушку вѣнокъ,
Пущу я по рѣчкѣ, по рѣкѣ,
Пущу я по быстрой, по большой.
Тонетъ, не тонетъ мой вѣнокъ?
Тужитъ, не тужитъ мой милой?
Сталъ мой вѣночекъ заплывать;

Да сталъ меня милый забывать
Во чужой во дальней сторонѣ,
Да во матушкѣ во каменной Москвѣ.

Въ пѣсняхъ, которыми сопровождаются свадебные обряды, также встрѣчаются лирическія мѣста, напр., въ «плачахъ» невѣсты при разставаніи съ роднымъ домомъ, въ ея обращеніяхъ къ родителямъ, къ сестрамъ, «къ подруженькамъ». Но особенно много лиризма въ похоронныхъ *причитаніяхъ*, въ которыхъ сквозь принятыя, традиціонныя формы нерѣдко просвѣчиваетъ глубокое, искреннее чувство, возвышающееся иногда до настоящаго вдохновенія (примѣры такихъ причитаній приведены выше на стр. 43—44).

Народная лубочная картинка, изображающая хороводъ; на снимкѣ видны слѣды раскраски отъ руки, чѣмъ занимались цѣлыя деревни. Посреди хоровода—„обрядовое“ дерево, разубранное цвѣтами и лентами (гулянье на Семикъ).

Пѣсни хороводныя.

Кромѣ пѣсенъ обрядовыхъ, постепенно исчезающихъ изъ народнаго обихода, весьма значительную группу составляютъ *пѣсни игровыя и хороводныя*, которыми сопровождаются лѣтнія развлеченія деревенской молодежи. Пѣсни эти, сообразно своему назначенію, отличаются бодрымъ, веселымъ складомъ; въ нихъ большею частью говорится о сердечныхъ дѣлахъ, о любви, о сватовствѣ и т. д. Иногда

хороводы принимаютъ форму болѣе или менѣе сложныхъ *игръ*, въ которыхъ изображаются въ лицахъ цѣлыя сцены: любовное ухаживаніе, выборъ жениха или невѣсты, ссоры любящихъ и тому подоб., при чемъ изображаемое дѣйствіе сопровождается соотвѣтственными пѣснями.—Къ хороводнымъ пѣснямъ близко примыкаютъ *плясовыя*, полныя беззавѣтнаго веселья и удали: подъ звуки ихъ молодежь пляшетъ «русскую», также состоящую изъ разныхъ фигуръ. Къ числу любимѣйшихъ плясовыхъ пѣсенъ принадлежатъ: «Во полѣ березынька стояла», «Ахъ вы, сѣни, мои сѣни», «По улицѣ мятелица мятетъ» и др.

Пѣсни бесѣдныя.

Въ осенніе и зимніе вечера деревенская молодежь собирается на *посидѣлки* или *бесѣды* (въ Малороссіи онѣ называются *вечерницами*). Здѣсь дѣвушки занимаются пряжей или другимъ рукодѣліемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ бесѣдуютъ съ парнями, поютъ пѣсни, слушаютъ сказки и побасенки, иногда устраиваютъ игры и танцы. *Посидѣлочныя* и *бесѣдныя пѣсни* гораздо разнообразнѣе по тону и содержанію, чѣмъ хороводныя и игровыя: наряду съ веселыми, плясовыми напѣвами, среди нихъ много пѣсенъ грустнаго, элегическаго характера; самъ народъ, по манерѣ ихъ произнесенія, называетъ такія пѣсни «протяжными», потому что онѣ поются обыкновенно медленнымъ темпомъ. Бесѣдныя пѣсни гораздо богаче *чисто лирическими* элементами, чѣмъ всѣ другіе виды народныхъ пѣсенъ. Многія изъ нихъ отличаются глубокой задушевностью, силой выраженія и красотою мелодіи, производящей въ хорошемъ исполненіи неотразимое впечатлѣніе на душу слушателей [1]).

Личное и общее въ народной лирикѣ.

Кто именно, когда и при какихъ обстоятельствахъ сложилъ эти пѣсни, мы не знаемъ, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ. Такъ, напр., извѣстная пѣсня: „Вечоръ поздно изъ лѣсочку—я коровъ домой гнала“... связывается съ именемъ графини Прасковьи Шереметевой, въ молодости бывшей крѣпостной крестьянкой и вышедшей впослѣдствіи замужъ за своего барина. Въ пѣснѣ изображается ея первая встрѣча съ Шереметевымъ, рѣшившая ея судьбу. Пѣсня эта, приписываемая самой графинѣ, скоро сдѣлалась народной и до сихъ поръ распѣвается въ разныхъ варіантахъ.—Но въ большинствѣ случаевъ прослѣдить самое возникновеніе лирическихъ народныхъ пѣсенъ бываетъ невозможно. Сочиненная кѣмъ-либо по какому-нибудь частному поводу, пѣсня, если она была удачна и нравилась слушателямъ, подхватывалась ими, переходила изъ устъ въ уста и начинала жить въ народѣ, подвергаясь всевозможнымъ измѣненіямъ и приспособленіямъ. Вслѣдствіе этого все

---

[1]) Въ разсказѣ Тургенева „Пѣвцы“ прекрасно изображены какъ общій характеръ заунывной русской пѣсни, такъ и то глубокое впечатлѣніе, какое она производитъ на слушателей-крестьянъ.

личное, рѣзко индивидуальное постепенно исчезало изъ нея, какъ бы вывѣтривалось, но зато она получала яркій отпечатокъ народнаго духа.—При этомъ коллективная память народа сохраняла лишь такіе лирическіе мотивы и сюжеты, которые были общепонятны и общедоступны, которые ясно говорили чувству и воображенію простого человѣка и которые каждый могъ легко примѣнить къ себѣ. Поэтому чувства, выражаемыя въ народныхъ пѣсняхъ, отличаются простотой и непосредственностью, далекой отъ культурной сложности и утонченности, а самый способъ ихъ выраженія дышитъ безхитростной наивностью, но въ то же время полонъ своеобразной красоты. Нѣкоторыя изъ наиболѣе любимыхъ пѣсенъ получили очень широкое распространеніе, существуютъ въ многочисленныхъ варіантахъ и записаны собирателями въ разныхъ концахъ Россіи; къ числу такихъ общеизвѣстныхъ, излюбленныхъ пѣсенъ принадлежатъ, напр.. „Горы“ („Ужъ вы, горы мои, горы Воробьевскія“), „Степь Моздокская“, „Заря“ („Ахъ, да не вечерняя заря спотухала“), „Дороженька“ („Не одна во полѣ дороженька пролегала“), „Ужъ вы ночи мои, ночи темныя“, „Цвѣли, цвѣли цвѣтики“, „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту“, „Не бѣлы снѣга“, „Лучинушка“ и мн. другія.

Содержаніе народной лирики.

По характеру своего *содержанія* народныя лирическія пѣсни могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ, въ составъ которыхъ входятъ пѣсни весьма разнообразныя по сюжетамъ и настроенію.

Пѣсни любовныя.

Наиболѣе многочисленную группу составляютъ *пѣсни любовныя*. Въ нихъ отразились всѣ оттѣнки и всѣ переживанія сердечнаго чувства. Однѣ изъ нихъ говорятъ о любви счастливой, взаимной; нѣкоторыя изъ нихъ полны глубокой нѣжности, какъ, напр., пѣсня, изображающая безкорыстную привязанность молодой дѣвушки:

Я по цвѣтикамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла,
Цвѣта алаго искала,
Не нашла цвѣта алова,
Супротивъ мово милова.
Эхъ, мой миленькій хорошъ,
Чернобровъ, душа, пригожъ.
Мнѣ подарочекъ принесъ,
Мнѣ подарокъ дорогой—
Съ руки перстень золотой.
Мнѣ не дорогъ твой подарокъ—
Дорога твоя любовь.
Не хочу перстня носить,
Хочу такъ тебя любить.

Въ другихъ пѣсняхъ, наоборотъ, изображается любовь несчастная, полная страданій, когда различныя препятствія (бол. частью воля родныхъ) мѣшаютъ соединенію любящихъ, или когда любовь остается нераздѣленной, не находитъ себѣ отвѣта въ сердцѣ дру-

гого. Сюда же относятся и очень распространенные мотивы *разлуки, ревности, измѣны* и т. д., проникнутые различными оттѣнками скорбнаго чувства, начиная отъ тихой покорности судьбѣ и кончая глубокимъ отчаяніемъ, когда сама любовь превращается въ жгучую ненависть, въ страстную жажду мести за измѣну и обманъ. Такъ, напр., въ одной, очень распространенной пѣснѣ обманутая дѣвушка жалуется на своего «сердечнаго друга» за то, что онъ «зазнобилъ ее, повысушилъ, суше вѣтру, суше вихорю, суше травушки подкошенной»; но она сама хочетъ отомстить ему, обѣщается «отсмѣять ему его насмѣшечку», — «высушить» его самого — «не зельями, не кореньями, а своими горючими слезами»:

Я сама дружка повысушу,
Я любезнаго повызноблю
Суше той травиночки,
Полевой былиночки.
Не достанься, мой любезный другъ,
Ни сестрицѣ, ни подруженькѣ;
Ты достанься, мой сердечный другъ,
Одной матушкѣ сырой землѣ,
Еще бѣлой гробовой доскѣ!

Къ любовнымъ пѣснямъ тѣсно примыкаютъ пѣсни *семейныя*, также весьма многочисленныя и разнообразныя по содержанію и настроенію. Въ нихъ отразились различныя стороны жизни семейной, какъ свѣтлыя, такъ и темныя, отразились взаимныя отношенія членовъ семьи, черты крестьянскаго быта и т. д. Особенный интересъ представляютъ пѣсни, рисующія *положеніе женщины въ семьѣ*. Положеніе это было въ старину весьма тяжелое. Браки заключались очень рано, при чемъ дѣло обыкновенно рѣшалось родителями, а самихъ молодыхъ даже и не спрашивали объ ихъ желаніи. Женщина въ семьѣ цѣнилась преимущественно какъ рабочая сила: ее брали въ домъ въ качествѣ работницы и, пользуясь ея безотвѣтностью, часто обременяли непосильнымъ трудомъ. Особенно тяжело было ея положеніе въ случаѣ, если она не находила себѣ поддержки и защиты у мужа, а это случалось нерѣдко, когда бракъ былъ заключенъ безъ взаимной любви и симпатіи. Поэтому женскія пѣсни полны горькихъ жалобъ на судьбу, связавшую женщину съ «немилымъ» мужемъ, на притѣсненія «лютой» свекрови и злыхъ золовокъ-«колотовокъ», на непосильную работу. Во многихъ пѣсняхъ повторяются упреки родителямъ за то, что они отдали, «продали», родное дитя на чужую сторону, гдѣ живется тяжело и горестно:

Пѣсни семейныя.

Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ,
Чужой отецъ съ матерью безъ вины бранятъ.

Сравнительно съ положеніемъ замужней женщины, дѣвичья жизнь изображается въ пѣсняхъ въ свѣтлыхъ, радужныхъ краскахъ, сильно идеализированными чертами. Тоскуя въ новой, чужой семьѣ, «молодушка—безталанная головушка» переносится мыслью въ родной домъ, вспоминаетъ «развеселое житье дѣвичье», былую волю и окружавшую ее любовь,—«нѣгу матушкину»:

Ахъ да я у матушки жила, какъ цвѣтокъ цвѣла,
Ахъ да я у батюшки жила, какъ вѣнокъ плела,
Ахъ да я молодушка живу, какъ въ огнѣ горю...

Часто въ пѣсняхъ молодая женщина обращается къ соловью, къ вѣтру, къ рѣчкѣ съ просьбой дать вѣсточку отцу-матери о томъ, какъ горестно живется ихъ «любимому дѣтищу»; или же она сама хочетъ обернуться птицей—«горькою кукушечкой», чтобы полетѣть въ дальнюю сторону, къ родному дому, съ жалобой на свою судьбу. Многія изъ этихъ пѣсенъ отличаются глубокимъ чувствомъ и красотою поэтическаго выраженія: въ нихъ ярко сказалась тоска женской души, страдающей въ одиночествѣ, жаждущей любви и сочувствія:

Сахарному деревцу
Богъ листа не далъ,
Мнѣ ли молоденькѣ
Ни въ чемъ доли не далъ
Пойду я, младешенька,
Въ зеленый садъ гулять:
Тоскою-кручиною
Весь садъ засушу,
Горючими слезами
Весь садъ потоплю.
Услышала матушка,
У заутрени стоючи:
„Не мое ли это дитятко
Въ темномъ лѣсѣ заплуталося,
Во травѣ она запуталася,
Во росѣ она замочилася?—
— Государыня матушка!
Не въ лѣсу я заплуталася,
Не въ травѣ я запуталася,
Не въ росѣ замочилася.—
Заплуталась я, матушка,
На чужой дальной сторонушкѣ;
Запуталась я, матушка,
Между міру крещенаго;
Замочилась я, матушка,
Своими горючими слезьми,
Въ чужихъ людяхъ живучи,
На чужихъ людей глядючи...

Общій характеръ народн. лирики.

Не только женскія семейныя пѣсни, но и многія другія отличаются своимъ элегическимъ характеромъ. Вообще можно сказать, что въ чисто лирическихъ пѣсняхъ русскаго народа преобладаетъ *грустное* настроеніе, «сердечная тоска»; напѣвы ихъ отличаются большей частью минорнымъ складомъ, исполнены безысходной грусти. Въ этомъ отношеніи особенно характерны такъ называемыя *„протяжныя“* пѣсни, среди которыхъ есть много образцовъ, замѣчательныхъ по силѣ чувства и красотѣ поэтическаго выраженія, каковы, напр.: «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море», «Не бѣлы снѣги», «Степь Моздокская», «Ужъ ты, воля, моя воля» и др. Это преобладаніе

грустнаго тона и настроенія издавна отмѣчалось иностранными наблюдателями, какъ характерная особенность русской народной пѣсни [1]). Причины этого явленія, несомнѣнно, коренятся въ неблагопріятныхъ общихъ условіяхъ, какъ естественныхъ, такъ и историческихъ, среди которыхъ приходилось жить и развиваться русскому народу, и которыя наложили сильный отпечатокъ на всю его психологію (суровый климатъ, тяжелая борьба съ природой, татарщина, крѣпостное право и т. д.).

Пѣсни о долѣ.

Особенно ярко эта характерная черта русской народной поэзіи выступаетъ въ *пѣсняхъ о долѣ,* составляющихъ довольно многочисленную и интересную группу. Эти пѣсни представляютъ собой лирическое раздумье русскаго человѣка надъ своею судьбой, надъ своей разбитой жизнью: въ нихъ грустно сѣтуетъ рекрутъ, оторванный навсегда отъ родного дома, горько жалуется молодая женщина, противъ воли выданная за «немилаго», скорбитъ молодецъ, потерявшій или разлученный со своей возлюбленной, тоскуетъ узникъ, котораго «доля» и собственныя ошибки довели до тюрьмы...

Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!
Высоко звѣзда восходила,
Выше свѣтла млада мѣсяца,
Что затмило солнце красное.
Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая:
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлу [2]) ли мнѣ досталося,
Что со младости до старости,
До сѣдого бѣла волоса,
Во весь вѣкъ мой горе мыкати,
Что до самой гробовой доски!

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ эта «злосчастная судьбина», «безталанная доля» представляется въ видѣ какой-то тайной силы, тяготѣющей надъ человѣкомъ, или даже въ видѣ какого-то фантастическаго живого существа, злого генія, преслѣдующаго его на всѣхъ путяхъ жизни. Обыкновенно этотъ злой геній человѣка олицетворяется въ образѣ *Горя,* которое, какъ неотвязный двойникъ, всюду слѣдуетъ за добрымъ молодцемъ или за красной дѣвицей, и отъ котораго нельзя избавиться.

---

[1]) Эту же черту отмѣтилъ и нашъ Пушкинъ, въ словахъ: „Отъ ямщика до перваго поэта, мы всѣ поемъ уныло; грустный вой — пѣснь русская...“ Другой поэтъ, Некрасовъ, выразился, что русскій народъ „создалъ пѣсню, подобную стону“.

[2]) Отъ слова: *дѣлить,* т.-е., по раздѣлу, по жребію.

Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ Горя бѣжать?—
Пойду отъ Горя въ темный лѣсъ,—
За мною Горе съ топоромъ бѣжитъ:
„Срублю, срублю сыры-боры,
Сыщу, найду красну дѣвицу!“
Куда мнѣ отъ Горя бѣжать?
Бѣгу отъ Горя въ чисто поле,
За мною Горе съ косой бѣжитъ:
Скошу, скошу чисто поле,
Сыщу, найду красну дѣвицу!“
Куда-жъ мнѣ отъ Горя бѣжать?
Я отъ Горя брошусь въ сине море,—
За мной Горе бѣлой рыбицей:
„Выпью, выпью сине море,
Сыщу, найду красну дѣвицу!“
Куда-жъ мнѣ отъ Горя бѣжать?—
Я отъ Горя замужъ пойду—
За мною горе въ приданое;
Я отъ Горя въ постелюшку слегла,—
У меня Горе въ головахъ сидитъ;
Я отъ Горя въ сыру землю пошла,—
За мной Горе съ лопатой идетъ;
Стоитъ Горе, выхваляется:
„Вогнало, вогнало я красну дѣвицу въ сыру землю!“ [1]).

Бытовая лирика.

Кромѣ чисто-лирическихъ пѣсенъ, общенародныхъ по своему содержанію, существуетъ еще много пѣсенъ, сложившихся въ опредѣленной средѣ или сословіи и отражающихъ въ себѣ условія жизни, нравы и понятія, свойственные данному кругу. Эти пѣсни особенно богаты *бытовыми* подробностями, характеризующими различныя стороны народной жизни. Таковы, напр., *пѣсни рекрутскія* и *солдатскія*. Въ старину, до введенія всеобщей воинской повинности, солдатская служба падала всей своей тяжестью на низшія, податныя сословія: крестьянъ и мѣ-

Пѣсни рекрутскія.

[1]) Образъ *Горя* и сходные съ нимъ образы *Доли*, *Недоли*, *Бѣды*, *Обиды*, *Кручины* и др. встрѣчаются кромѣ пѣсенъ также и въ другихъ видахъ народной поэзіи: въ сказкахъ, причитаніяхъ, духовныхъ стихахъ. Проникли они и въ древнюю письменность: такъ, напр., „Слово о Полку Игоревѣ“ (конца XII в.) упоминаетъ о „Дѣвѣ Обидѣ“, а болѣе поздняя „Повѣсть о Горѣ-злосчастіи“ (XVII в.) подобно разсказываетъ о судьбѣ „молодца“, котораго неотступно преслѣдуетъ Горе, пока онъ не спасается тѣмъ, что уходитъ въ монастырь и принимаетъ „иноческій чинъ“. — Что касается до происхожденія образовъ Горя, Доли и т. д., то мнѣнія ученыхъ по этому вопросу расходятся: одни связываютъ ихъ съ языческими религіозными представленіями, разсматриваютъ ихъ, какъ *миѳологическія* существа, какъ демоновъ, управляющихъ судьбою человѣка (Потебня), другіе видятъ въ нихъ отголосокъ первобытнаго *анимизма* (Веселовскій), третьи считаютъ ихъ простой *поэтической фикціей*, не связанной съ общимъ міросозерцаніемъ народа, но получившей въ его средѣ значительную популярность въ качествѣ удачнаго олицетворенія злой судьбы, преслѣдующей человѣка. Подобные же сказочные образы встрѣчаются и въ народной поэзіи другихъ народовъ: грековъ, итальянцевъ, сербовъ, румынъ.

щанъ. Безпрерывныя войны XVIII и XIX вѣка, утомительные походы, дурное обращеніе, жестокія тѣлесныя наказанія,—все это дѣлало военную службу въ тѣ времена чрезвычайно тяжелой. Тягостна была самая продолжительность срока (25 лѣтъ), надолго, если не навсегда, отрывавшая человѣка отъ родного дома. Поэтому, при всякомъ рекрутскомъ наборѣ происходили сцены горя и отчаянія, а самые проводы новобранца сопровождались „*причитаніями*“, близко напоминавшими, по своему характеру, похоронные „плачи“. Въ этихъ „причитаніяхъ“ родные оплакивали „безсчастнаго удала добра молодца“, котораго отзывала отъ нихъ „грозна служба государева“; самъ молодой рекрутъ отвѣчалъ имъ также „причетами“, въ которыхъ прощался со своей семьей, съ роднымъ селомъ, съ домомъ, „съ любимой скотинушкой—съ конемъ добрымъ“, благодарилъ „братьевъ-пріятелей“ за то, что они „поспотѣшили“ его, и просилъ родныхъ принять на себя заботы о его „горемычной“ женѣ и малыхъ дѣтушкахъ. Несмотря на господство традиціонныхъ формулъ и оборотовъ, въ этихъ рекрутскихъ „*причитаніяхъ*“, какъ и въ похоронныхъ „плачахъ“, встрѣчаются, несомнѣнно, и чисто-*лирическіе* элементы, въ которыхъ выразились личныя чувства, въ которыхъ звучитъ голосъ наболѣвшаго сердца.

Что касается до собственно *солдатскихъ* пѣсенъ, то значительная часть ихъ принадлежитъ къ разряду „историческихъ“. Это именно тѣ пѣсни, въ которыхъ воспѣваются подвиги русскаго оружія и прославляются наши знаменитые полководцы и военные герои (см. выше, стр. 98 и сл.). Но наряду съ этими пѣснями историческаго характера, существуетъ не мало пѣсенъ *лирическихъ* и *бытовыхъ*, сложившихся въ солдатской средѣ и носящихъ черты своего происхожденія, отражающихъ различныя стороны военной жизни. Однѣ изъ нихъ отличаются бодрымъ и бойкимъ тономъ, прославляютъ солдатское житье-бытье за то, что „солдатъ пашеньки не пашетъ, косы въ руки не беретъ“, что солдаты „пьютъ-ѣдятъ все готовое, цвѣтно платье носятъ государево“. Но еще чаще говорится въ этихъ пѣсняхъ о различныхъ тягостяхъ солдатчины, о строгомъ ученіи, о жестокихъ наказаніяхъ, о суровыхъ условіяхъ походной жизни; такъ, въ одной пѣснѣ поется: Пѣсни солдатскія.

Намъ постелюшка—мать сыра земля,
Намъ зголовьице—зло кореньице,
Одѣялышко—вѣтры буйные...

Но наиболѣе типичными мотивами для чисто-лирическихъ солдатскихъ пѣсенъ являются жалобы на разлуку съ родиной, тоска по родному дому, по оставленной семьѣ, вмѣстѣ съ горькимъ ропотомъ на свой „таланъ“, приведшій добра молодца на чужбину, въ „неволюшку солдатскую“.

Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона моя незнакомая!
Что не самъ я на тебя зашелъ,
Что не добрый меня конь завезъ,
Не буйны вѣтры завѣяли,
Не быстры рѣки залелѣяли;—
Занесла меня, добра молодца,

Что неволюшка солдатская,
Грозна служба государева.
На чужой дальной сторонушкѣ
Ни отца нѣту, ни матушки,
Ни брата, ни родной сестры,
Ни младой жены, ни дѣтушекъ.
Какъ на чужой дальной сторонушкѣ
Что ложился я, добрый молодецъ,
На голыхъ доскахъ безъ постелюшки;
Умывался я, добрый молодецъ,
Что своими горючьми слезьми;
Утирался я, добрый молодецъ,
Я своею полой правою.

Пѣсни казацкія.

Довольно значительную группу среди народныхъ пѣсенъ составляютъ пѣсни *казацкія* (казаковъ-великороссовъ: донскихъ, уральскихъ, гребенскихъ и др.). Въ нихъ также много бытовыхъ чертъ, рисующихъ общія условія жизни казаковъ. Составляя прекрасное иррегулярное войско, участвуя во всѣхъ походахъ и войнахъ двухъ послѣднихъ столѣтій, населяя пограничныя мѣстности (напр., по Кубани и Тереку), съ враждебными и воинственными племенами, казаки издавна прониклись воинственнымъ духомъ, въ бо́льшей степени, чѣмъ жители внутренней Россіи. Поэтому пѣсни ихъ отличаются преимущественно *военнымъ* характеромъ: въ нихъ изображаются сборы въ походъ, проводы казаковъ (прощаніе съ матерью, съ женою, съ красной дѣвицей), столкновенія съ врагами: съ турками, татарами, черкесами. Полная опасностей боевая жизнь заставляла казака невольно задумываться надъ своей участью. Оттого въ пѣсняхъ часто говорится о тяжелыхъ предчувствіяхъ, о вѣщихъ снахъ, изображается гибель казака въ бою отъ вражеской пули, упавшей „на урочную на головушку,—на перваго есаулушку“. Умирая казакъ проситъ товарищей отнести поклонъ „всему Дону тихому“ (или Уралу Горыновичу) и благословеніе родной семьѣ. Если же нѣтъ вокругъ него никого и смерть застигаетъ его одинокаго, въ чистомъ полѣ, гдѣ-нибудь „за славнымъ Дунаемъ“, то онъ поручаетъ своему коню донести вѣсть о его кончинѣ „отцу-матери, молодой женѣ“. Вообще конь, боевой товарищъ казака, постоянно поминается въ казацкихъ пѣсняхъ и играетъ въ нихъ важную роль, въ качествѣ неразлучнаго спутника, съ которымъ онъ дѣлитъ всѣ трудности и опасности похода и который нерѣдко выручаетъ его изъ бѣды.

Пѣсни разбойничьи.

Значительный интересъ представляютъ довольно многочисленныя *разбойничьи* пѣсни. Разбойничество, существовавшее на Руси издревле, особенно сильно развилось въ XVII и XVIII стол., главнымъ образомъ вслѣдствіе тяжелаго положенія народныхъ массъ въ эту эпоху. Спасаясь отъ всевозможныхъ притѣсненій, отъ московской волокиты, отъ крѣпостного права, отъ тяжелой рекрутчины, люди бѣжали въ лѣса, уходили въ украинскія степи, на матушку Волгу, на тихій Донъ,—въ привольныя, мало заселенныя мѣста, и образовывали шайки, занимавшіяся грабежомъ и разбоемъ. Иногда дѣятельность этихъ шаекъ принимала чрезвычайные размѣры и угрожала серьезной опасностью государству,

какъ это было, напр., во время возмущенія Стеньки Разина. Съ другой стороны, въ разбойники уходили всевозможные искатели приключеній, жаждавшіе вольной воли и широкаго простора для проявленія своей удали-молодечества.

Въ средѣ этихъ удальцовъ сложилось много пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвались ихъ буйные наѣзды, изображаемые иногда въ видѣ веселаго свадебнаго „поѣзда“, разгромъ купеческихъ каравановъ и другіе разбойничьи подвиги. Главнымъ мѣстомъ дѣйствія разбойничьихъ шаекъ было Поволжье; сюда со всей Руси стекалась удалая вольница, бѣглые крестьяне и посадскіе, солдаты и рекруты; сюда же приходили съ Дону и „воровскіе“, „голутвенные“ казаки, добывать себѣ „зипуны“. Поэтому въ разбойничьихъ пѣсняхъ Волга и нѣкоторые ея притоки упоминаются особенно часто. Такъ, въ одной пѣснѣ молодой разбойникъ, „сиротинушка горькая“, говоритъ о себѣ:

Воспоила, воскормила меня Волга-матушка,
Воспоила меня легка лодочка ветляночка,
Возлелѣяли меня нянюки-мамки—волны быстрыя,
Возростила меня чужа дальна сторона Астраханская,
Я со этой со сторонушки на разбой пошелъ.

Однѣ изъ разбойничьихъ пѣсенъ проникнуты духомъ дикаго разгула и молодечества, изображаютъ наѣзды грабителей на мирныхъ жителей, дѣлежъ добычи (это называлось „дуванъ дуванить“) или плаваніе ихъ на легкихъ стругахъ по Волгѣ-рѣкѣ, при чемъ разбойники похваляются своею силой и молодечествомъ:

Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ;
Кистенемъ махнемъ—каванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ.

Но еще чаще въ разбойничьихъ пѣсняхъ встрѣчается грустное раздумье, какъ бы предчувствіе неизбѣжной гибели, ожидающей „удалыхъ добрыхъ молодцовъ“ въ неравной борьбѣ съ государственной властью. Это предчувствіе представляется иногда въ видѣ пророческаго сна, какъ, напр., въ очень распространенной пѣснѣ, въ которой красна дѣвица, сопровождающая разбойниковъ въ ихъ плаваніи на раззолоченной лодкѣ, разсказываетъ о своемъ снѣ: „Атаманушкѣ быть застрѣлену, есаулушкѣ быть повѣшеннымъ, а мнѣ, дѣвушкѣ, быть на волюшкѣ“. Въ другихъ пѣсняхъ изображается преслѣдованіе „добрыхъ молодцовъ“ царскими разъѣздами, которые гонятся за ними, какъ „полевые вѣтры“; или же развивается послѣдній актъ трагической жизни разбойника: онъ схваченъ властями, сидитъ въ тюрьмѣ за крѣпкими запорами, съ тоской вспоминая о „вольной волюшкѣ“ и готовясь къ суду и къ казни: такова, напр., знаменитая пѣсня: „Не шуми, мати, зеленая дубровушка“, существующая во многихъ варіантахъ и приводимая Пушкинымъ въ „Капитанской дочкѣ“.

Кромѣ перечисленныхъ выше видовъ народной бытовой лирики существуютъ еще многочисленныя пѣсни: *ямщицкія, матросскія, бурлацкія, тюремныя, „бобыльскія“* и др. При характерной для русскаго простолюдина любви къ пѣнію, всякое сословіе, всякая профессія, всякое со- Другіе виды бытовой лирики.

стояніе имѣетъ свой кругъ пѣсенъ, въ которыхъ отражаются различныя бытовыя черты и особенности, свойственныя данной средѣ. Однако многія изъ этихъ пѣсенъ, наиболѣе удачныя, отличающіяся особенной силой поэтическаго выраженія, съ теченіемъ времени получили широкое распространеніе, стали *общенародными;* такова, напр., извѣстная пѣсня: „Вдоль по матушкѣ по Волгѣ", сложившаяся первоначально въ средѣ поволжской разбойничьей вольницы. Точно также стала одной изъ любимѣйшихъ общенародныхъ пѣсенъ ямщицкая пѣсня „Степь Моздокская", изображающая одинокую смерть молодого ямщика въ далекой степи.

Формы и пріемы народной лирики:

Внѣшніе *формы* и *пріемы* народной лирики отличаются, несмотря на разнообразіе содержанія, большой устойчивостью и неизмѣнностью. Наиболѣе характернымъ пріемомъ народной пѣсни является *поэтическій параллелизмъ*; параллелизмъ. Онъ выработался еще въ тѣ отдаленныя времена, когда жива была связь между человѣкомъ и природой, когда вся природа казалась человѣку воодушевленной, надѣленной мыслью, чувствомъ и волей. Впослѣдствіи первобытное *анимистическое* міросозерцаніе значительно измѣнилось и поблекло, но яркіе слѣды его сохранились въ техническихъ пріемахъ народной поэзіи. Народная пѣсня любитъ обращаться къ природѣ, она ищетъ во внѣшнемъ мірѣ красокъ и образовъ для изображенія внутреннихъ переживаній. Этимъ пріемомъ, при помощи сравненія; *сравненій* или *сопоставленій* съ явленіями внѣшней природы, пѣсня какъ бы стремится оттѣнить, подчеркнуть то или другое чувство или душевное состояніе.

Кукуетъ кукушечка въ сыромъ борочкѣ:
Тужитъ Машенька по миломъ дружочкѣ.
Былъ то садъ зелененькій,—садикъ засыхаетъ:
Былъ то другъ сердечный, тотъ спокидаетъ.

Вслѣдствіе частаго употребленія, нѣкоторыя изъ подобныхъ поэтическихъ сравненій какъ бы срастаются, и отдѣльные образы, взятые изъ природы, получаютъ самостоятельное *символическое* значеніе. Народная лирика очень богата подобными пѣсенными символами. Такъ, напр., *кукушка* часто обозначаетъ горюющую женщину; отсюда ея обычный эпитетъ: *горькая* кукушечка. Для обозначенія молодой дѣвушки употребляются образы *калины* (зеленая, кудрявая), *березы*, *черемухи*, *рябины*, *лебеди* [1]). Такъ, сирота-дѣвушка сравнивается съ одинокой

пѣсенная символика;

[1]) Представленіе дѣвицы въ образѣ дерева приводило къ созданію другихъ, болѣе сложныхъ символовъ: такъ, „ломать калину", „рубить березу" получило въ пѣсняхъ символическое значеніе *брака, свадьбы.* Въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе подобныхъ символовъ съ теченіемъ времени забывалось, но самый образъ оставался и продолжалъ употребляться въ видѣ готовой традиціонной формулы. Такъ, напр., въ нашихъ пѣсняхъ часто встрѣчается выраженіе: *калиновый мостикъ*, представляющее собой, на первый взглядъ, нѣчто непонятное и несообразное; происхожденіе его выясняется только, если принять во вниманіе символическое значеніе входившихъ въ его составъ образовъ: „калина", какъ указано выше, означаетъ дѣвицу, а „мостъ", „переходъ по мосту черезъ рѣку"—древній символъ брака, сложившійся, можетъ быть, еще въ тѣ времена, когда браки славянъ-язычниковъ, по свидѣтельству лѣтописца, совершались „у воды", на берегахъ рѣкъ.

березкой, выросшей межъ двухъ горъ: „не грѣетъ ее солнышко, не свѣтитъ ей мѣсяцъ, только поливаетъ дождь да обдуваетъ буйный вѣтеръ“, — говоритъ про нее пѣсня. Добрый молодецъ олицетворяется въ видѣ *ясна сокола* или *сиза селезня*: ясный соколъ улетаетъ отъ дѣвицы въ далекіе края, за дальнія моря; въ другой пѣснѣ, наоборотъ, соколъ горюетъ, оставленный невѣрною подругой: „Я въ степяхъ, въ лѣсахъ былъ дремучихъ, соколиху я любилъ,— одинъ соколъ черноперый у меня ее отбилъ“... *Голубь* и *голубка* обозначаютъ чету влюбленныхъ; *туманъ*—печаль, тоску; *полынь, осина*—горе; *роса*—слезы, и т. д.

одухотвореніе внѣшняго міра;

Представляя себѣ природу живой и одухотворенной, фантазія народнаго пѣвца ищетъ въ ней отвѣта на свои внутренніе запросы, сочувствія своему горю или радости. Дѣвушка, оставленная своимъ „милымъ дружкомъ“, идетъ въ лѣсъ разгуляться, но и въ лѣсу ей нѣтъ отрады: „древа, какъ нарочно, печальны стоятъ,—листья шумятъ, печаль говорятъ...“ Такъ настроеніе человѣческой души непосредственно переносится на природу. Въ другихъ случаяхъ пѣвецъ стремится какъ бы подѣлиться съ природой своимъ чувствомъ, передать ей то, что его угнетаетъ, и такимъ образомъ облегчить себѣ непосильное бремя:

Пойду съ горя въ чисто поле,
Во зеленые луга,
Я разсѣю грусть-тоску
По зеленому лужку.
Ты расти—расти, кручина,
Выростай, моя печаль!
Ты не сохни, ты не вяни,
Ты цвѣтами расцвѣтай!

обращеніе къ природѣ;

Чрезвычайно характернымъ показателемъ живого и непосредственнаго чувства природы, проникающаго всю народную поэзію, являются также постоянныя *обращенія къ природѣ*, къ существамъ животнаго міра, къ растеніямъ, даже къ неодушевленнымъ предметамъ. Эти *обращенія*, представляющія излюбленный пріемъ народной лирики, являются отголоскомъ древней вѣры въ одухотворенность всѣхъ явленій внѣшняго міра, въ возможность общенія съ ними человѣка, взаимнаго пониманія. Въ пѣсняхъ постоянно встрѣчаются воззванія *къ птицамъ* (чаще всего къ соловью, голубю, соколу, кукушкѣ), *къ растеніямъ* (дубъ, рябина, сосна, ковыль-трава), *къ солнцу, къ мѣсяцу, къ вѣтру, къ рѣкѣ* и т. д. Дѣвушка проситъ голубка (соловья, пчелу, вѣтеръ) полетѣть и разыскать ея милаго, дать ему вѣсточку о ней, или же уговариваетъ мѣсяцъ освѣтить дороженьку для ея милаго дружка. Еще чаще обращается пѣсня къ природѣ за утѣшеніемъ въ горѣ или въ порывѣ отчаянія: такъ, оставленная своимъ другомъ дѣвушка взываетъ къ рѣчкѣ: „возьми, рѣчка, возьми, быстра, возьми все горе съ собой!“—а молодецъ, потерявшій возлюбленную, обращается съ отчаянной мольбою къ вѣтру: „Прилетайте вы, вѣтры буйные,—вы развѣйте мать сыру землю,—вы раскройте мнѣ гробову доску,—ужъ и дайте вы въ послѣдній разъ—распрощаться мнѣ съ моей милою,—съ моей милою, душой дѣвицей!“ Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, какъ и въ сказкахъ, животныя оказываются

надѣленными человѣческой рѣчью; такъ, въ одной казацкой пѣснѣ всадникъ, „младъ полковничекъ“, спрашиваетъ своего коня, почему онъ невеселъ: не усталъ ли онъ, не тяжела ли ему ноша; на это конь отвѣчаетъ, что невеселъ потому, что предчувствуетъ бѣду неминучую:

Мнѣ не тяжела твоя сбруя ратная;
Тяжела мнѣ твоя служба царская.
Какъ заутра мнѣ, коню, быть убитому,
Тебѣ, доброму молодцу, крѣпко ранену.

образность; Какъ и другіе виды народной поэзіи, пѣсня стремится *къ яркой образности, къ конкретности*, чуждается всего отвлеченнаго, абстрактнаго. Вмѣсто того, чтобы сказать: вечеромъ на закатѣ,—пѣсня рисуетъ цѣлую живую картину: „шли коровы съ поля“; вмѣсто малоизобразительнаго выраженія: весною, въ половодье,—говоритъ: „калину съ малиной вода поняла“. Это же стремленіе къ конкретности сказывается и при изображеніи чувствъ и душевныхъ движеній: пѣсня всего охотнѣе и подробнѣе останавливается на *внѣшнихъ* проявленіяхъ чувства, давая такимъ образомъ понять, что̀ подъ ними скрывается:

Кабы мнѣ волюшка отъ батюшки была дана,
Кабы нѣга мнѣ отъ родной матушки была,
Не сидѣла-бъ у окошка я одна,
Не лежала-бъ бѣлой грудью на окнѣ,
Не роняла-бъ горьки слезы за окно,
Не смотрѣла-бъ въ путь-дорожку далеко,
Не ждала бы друга милаго мово.

употребленіе иносказаній; Но вмѣстѣ съ тѣмъ пѣсня охотно прибѣгаетъ къ *аллегоріи*, къ иносказанію, особенно если эта аллегорія имѣетъ яркую образную форму. Такъ, напр., дѣвушка слѣдующимъ образомъ жалуется на измѣну своего возлюбленнаго:

У мово ли любезнаго сердце замерло,
Сердце замерло, золотымъ замкомъ заперто;
Запирала замкомъ красна дѣвица,
Моего мила друга зла-разлучница.

сжатость; Въ противоположность эпическому стилю, основанному на *ретардаціи*, замедленіи, затяжкѣ дѣйствія, лирическій стиль всегда сжатъ, отличается ускореннымъ темпомъ, быстро ведетъ дѣйствіе къ развязкѣ.

общія мѣста. Но какъ въ эпическомъ стилѣ, такъ и въ лирическомъ большую роль играютъ такъ назыв. *общія мѣста*,—излюбленные обороты и выраженія, устойчивые поэтическіе образы, постоянные эпитеты. Сложившись еще въ отдаленныя времена и повторяясь въ пѣсняхъ съ неизмѣнной точностью, эти выраженія, образы и опредѣленія пріобрѣли отпечатокъ *народности*, получили значеніе готовыхъ формулъ, пѣсенныхъ терминовъ, характерныхъ для народной поэзіи. Къ числу ихъ принадлежатъ такія выраженія, какъ: „добрый молодецъ“, „красна дѣвица“, „буйная головушка“, „ретивое сердце“, „чистое поле“, „бѣлъ горючъ камень“, „быстрая рѣченька“, „крутой бережокъ“, „трава-мурава“, „ракитовъ кустъ“, „калиновый мостикъ“, „жемчужная роса“ и т. д.

Отгадай моя родная?
Отчего я такъ грустна!
День и ночь сижу родная
У завѣтнаго окна.
Погляжу я въ ту сторонку
Гдѣ любезный другъ живетъ

Кого жду я изъ далека?
Знать его я не дождусь
Лягу спать я:
Мнѣ не спиться
Мысли бродятъ въ далекѣ
Голова моя кружиться

И сердечушко въ тоскѣ,
Отгадай моя родная
Что любовь мнѣ печаль
Посмотри моя родная
Мнѣ кого то очень жаль.

Жаль его лихую тройку
Что мчался въ чужой сторонѣ
Колокольчикъ его звонкой
Звѣнитъ онъ громко въ далекѣ.

Народная лубочная картинка съ пѣсеннымъ романсомъ.

Судьба народной лирики.

Въ настоящее время *старая* народная пѣсня, несомнѣнно, переживаетъ періодъ упадка и вырожденія. Созданная нѣкогда усиліями *коллективнаго* творчества народа, въ эпоху, когда самъ народъ представлялъ собою однородную, цѣльную массу, съ единымъ, несложнымъ міросозерцаніемъ, старая пѣсня, подъ вліяніемъ глубокихъ измѣненій въ народной жизни (отмѣна крѣпостного права, распространеніе грамотности, развитіе фабричной промышленности), постепенно забывается и вытѣсняется новыми поэтическими формами и мотивами. Съ одной стороны, въ народъ проникаютъ произведенія *искусственной* поэзіи, большей частью черезъ посредство *пѣсенниковъ* и другихъ стихотворныхъ сборниковъ [1]). Большой популярности достигли, напр., нѣкоторыя изъ искусственныхъ пѣсенъ, написанныхъ въ народномъ духѣ, каковы: „Среди долины ровныя“ (Мерзлякова), „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ“ (Цыганова), „Выйду я на рѣченьку“ (Нелединскаго) и нѣк. др., ставшія совершенно народными. Изъ пѣсенниковъ же проникло въ народную массу также много всевозможныхъ романсовъ, большей частью сентиментальнаго характера, цыганскихъ пѣсенъ, куплетовъ и т. д.; напр.: „Вотъ мчится тройка удалая“, „Не брани меня, родная“, „Зачѣмъ ты, ангелъ мой, стремишься на тотъ погибельный Кавказъ“, и

Новыя формы поэзіи въ народн. средѣ: романсы.

[1]) Значительную роль въ этомъ отношеніи сыграли и *лубочныя картины*, которыя также сопровождались нерѣдко текстомъ пѣсенъ и романсовъ.

мн. другіе. Наконецъ, получили распространеніе въ народѣ и нѣкоторыя стихотворенія нашихъ выдающихся поэтовъ: напр., „Черная шаль“, „Подъ вечеръ осенью ненастной“ (Пушкина), „Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ“ (Полонскаго), „Охъ, полна, полна коробушка“ (отрывокъ изъ „Коробейниковъ“ Некрасова) и нѣк. другія.

Частушки.

Наряду съ проникновеніемъ искусственной поэзіи въ народную среду, въ ней самой наблюдается стремленіе къ *самостоятельному* созданію новыхъ пѣсенъ, съ новымъ содержаніемъ и новыми мотивами. Пока это стремленіе вылилось въ формѣ такъ называемыхъ *частушекъ*, очень популярныхъ среди деревенской и фабричной молодежи. Эти частушки представляютъ собою небольшія пѣсенки (обыкновенно въ *четыре* стиха), отличающіяся чрезвычайной пестротой содержанія. Въ отличіе отъ старой пѣсни, созданной коллективнымъ творчествомъ народа, частушки носятъ на себѣ въ гораздо большей степени черты *личнаго*, индивидуальнаго творчества, и въ этомъ отношеніи представляютъ собой какъ бы переходъ къ искусственной поэзіи. Онѣ обыкновенно *импровизуются* молодежью во время деревенскихъ гуляній или вечернихъ „бесѣдъ“, при чемъ въ нихъ замѣчается явное стремленіе авторовъ такъ или иначе выразить свою индивидуальность, сказать въ пѣснѣ *свое* слово, воплотить *свое* чувство, хотя иногда въ очень наивной и неловкой формѣ. Отъ старой народной пѣсни частушки заимствовали нѣкоторые внѣшніе пріемы,—напр., употребленіе поэтическаго *параллелизма* и пѣсенныхъ *символовъ;* вліяніе искусственной поэзіи сказалось въ обязательномъ употребленіи *риѳмы,* а также въ нѣкоторомъ налетѣ сентиментализма, котораго нѣтъ въ старой народной пѣснѣ; часто встрѣчается въ нихъ и элементъ юмора. Вотъ нѣсколько образцовъ такихъ частушекъ:

Ихъ формы и содержаніе.

Въ полѣ бѣлая береза
Отъ дождя качается;
Скажи, милая, тихонько:
Ты о чемъ печалишься?

Нигдѣ милую не вижу;
Ни въ деревнѣ, ни въ селѣ;
Только вижу, только слышу
Въ темной ночи—въ крѣпкомъ снѣ.

—

—

Всѣ-то звѣздоньки сіяютъ,
А одна погасла;
Всѣ подруженьки счастливы,
Я одна злосчастна.

Вѣтеръ дунулъ съ той сторонки,
Гдѣ сударушка живетъ;
Мнѣ и то повеселѣе:
Будто голосъ подаетъ.

—

—

Пойду въ лѣсъ я по малину,—
Волки воютъ на горѣ;
Не тоскливо-ли милому
На чужой на сторонѣ?

Пѣла пѣсенки тихонько,
Ужъ я пѣла хорошо;
Люди думаютъ, мнѣ весело,—
А мнѣ горюшко большо.

Частушки очень характерны для переживаемаго нашимъ народомъ *переходнаго* времени: старыя поэтическія формы перестали удовлетворять его, а новыя до сихъ поръ еще не сложились, не выработались окончательно; поэтому, наряду съ болѣе или менѣе удачными частушками, встрѣчается среди нихъ много пошлыхъ и безсмысленныхъ, представляющихъ собой простой наборъ словъ; напр.:

Посажу я кошку въ ложку,
А собаку въ тарантасъ,
Посажу свою Акульку
Всѣмъ ребятамъ на показъ.

Или:

Сидитъ милый на крыльцѣ
Съ выраженьемъ на лицѣ:
Я не долго думала—
Подошла да плюнула.

Новые темы и мотивы въ частушкахъ.

Несмотря на обиліе подобныхъ пошлыхъ и нелѣпыхъ виршей, частушки представляютъ значительный интересъ, потому что въ нихъ отражаются *новыя отношенія* и *новые интересы* деревни, какъ бы наивно они иногда ни выражались. Очень ясно виденъ въ нихъ, напр., ростъ *личности*, стремленіе ея къ большей свободѣ, сказывающіеся особенно ярко въ вопросахъ любви и брака: частушки постоянно говорятъ о свободномъ выборѣ чувства, о стремленіи молодежи устраивать свою судьбу по своему желанію и склонности, иногда даже вопреки волѣ старшихъ. Нарождающіеся интересы деревни сказываются въ необыкновенной *отзывчивости* частушекъ ко всему происходящему вокругъ; всѣ новыя событія и перемѣны въ русской жизни, крупныя и мелкія, нашли себѣ въ частушкахъ быстрый откликъ, напр., японская война; даже такая послѣдняя новость, какъ авіація, уже воспринята народомъ, какъ это видно изъ слѣдующей юмористической частушки:

Мой милашенька-миленокъ
На машинѣ летать тонокъ:
Какъ пчела она жужжитъ—
Милый на земи лежитъ...

Русская народная музыка.

Музыкальная сторона русскихъ народныхъ пѣсенъ отличается чрезвычайнымъ богатствомъ и красотой. По своему мелодическому и ритмическому складу онѣ представляютъ вполнѣ своеобразное явленіе, не похожее на пѣсни другихъ народовъ и на современную музыку, такъ какъ лежащій въ ихъ основѣ звукорядъ (гамма) не совпадаетъ съ обычной обще-европейской (такъ называемой темперированной) гаммой, на которой построена вся новая музыка. Нѣкоторые ученые сближаютъ музыкальную основу русскихъ народныхъ пѣсенъ съ древнегреческими ладами; другіе считаютъ, что старая русская пѣсня, по своему мелодическому строю, восходитъ еще къ отдаленной древности, къ общей арійской эпохѣ; въ подтвержденіе своей мысли они указываютъ на тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ наиболѣе древнихъ обрядовыхъ пѣсняхъ сохранилась еще первобытная неполная пятизвучная гамма (такъ называемая естественная или индо-китайская). Это своеобразіе мелодическаго склада русскихъ пѣсенъ, а также свойственная имъ свобода ритма, не укладывающагося въ правильные такты, очень затрудняютъ точную запись ихъ при помощи современной нотной системы и требуютъ при гармонизаціи большого знанія и искусства.

Важная характерная особенность русскихъ народныхъ пѣсенъ заключается также въ преобладаніи въ нихъ *многоголосія* (полифонизма).

Даже чисто лирическія пѣсни исполняются въ народѣ *хоромъ*, при чемъ одинъ пѣвецъ (запѣвало) ведетъ основную мелодію, а другіе участники разрабатываютъ и развиваютъ ее, образуя такъ называемые *подголоски*, придающіе пѣснѣ особенную полноту гармоніи, благодаря красотѣ и разнообразію въ сочетаніи звуковъ. Въ соединеніи съ основной мелодіей эти подголоски образуютъ своеобразный естественный *контрапунктъ*, котораго нѣтъ въ пѣсняхъ другихъ народовъ и который развился въ западно-европейской музыкѣ чисто-искусственнымъ путемъ [1]).

Благодаря выдающимся художественнымъ достоинствамъ нашихъ народныхъ пѣсенъ, изученіе ихъ было въ высшей степени плодотворно для развитія русской музыки, которая получила самобытное значеніе лишь послѣ того, какъ проникласъ національнымъ духомъ, прикоснулась къ вѣчнымъ источникамъ народнаго творчества. Наши знаменитые композиторы: Глинка, Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ и пр., почерпали изъ этого источника свои лучшія, вдохновенныя созданія и заслужили русской музыкѣ всеобщее признаніе со стороны другихъ народовъ.

Но русская народная поэзія имѣетъ не только національное, но и болѣе широкое общее значеніе. Едва ли не самый восторженный отзывъ о ней принадлежитъ одному *нѣмецкому* ученому (проф. Вестфалю), выдающемуся знатоку народнаго творчества: „Громадное большинство русскихъ народныхъ пѣсенъ представляетъ намъ такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной, нѣжной поэзіи, чисто поэтическаго міровоззрѣнія, облеченнаго въ высоко-поэтическую форму, что литературная эстетика, разъ принявъ русскую пѣсню въ кругъ своихъ изслѣдованій, непремѣнно назначитъ ей безусловно *первое мѣсто между народными пѣснями* всѣхъ народовъ земного шара“.

9. Народная драма.

Наша народная поэзія богата драматическими элементами. Во многихъ случаяхъ они восходятъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда вся поэзія была *синкретичной*, когда обрядъ сопровождался пѣніемъ, пляской, ряженіемъ и сводился къ діалогу хоровъ или за-

---

[1]) Контрапунктомъ называется соединеніе нѣсколькихъ самостоятельныхъ мелодическихъ голосовъ, отличающихся полнымъ благозвучіемъ. Присутствіе въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ контрапункта, составляющаго принадлежность искусственной музыки, издавна поражало европейскихъ слушателей. Такъ, еще въ 18-мъ стол., по свидѣтельству Прача, одного изъ первыхъ собирателей русскихъ пѣсенъ, итальянскій композиторъ Паизіэло, слушая народныя пѣсни, „не хотѣлъ повѣрить, чтобы онѣ были случайнымъ твореніемъ простыхъ людей, но полагалъ оныя произведеніемъ искусныхъ музыкальныхъ сочинителей“. А вдумчивый и наблюдательный французскій путешественникъ, маркизъ Кюстинъ, посѣтившій Россію въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка, отзывался о русскихъ пѣсняхъ съ большимъ восторгомъ и писалъ, что онѣ „слагаются изъ мелодій, являющихся плодомъ вдохновенія, и въ то же время изъ очень изысканныхъ и гармоническихъ комбинацій, какія въ другихъ странахъ получаются лишь путемъ изученія и расчета“.

пѣвалъ, въ которомъ эпическій разсказъ чередовался съ лирическими восклицаніями. Остатки такого синкретизма до сихъ поръ существуютъ во многихъ *весенних пѣсняхъ* (хороводныхъ), въ *свадебномъ обрядѣ,* отчасти въ причитаніяхъ нашего народа. Перепѣваніе, діалогъ частей хора или чередованіе пѣсенъ, вопросовъ и отвѣтовъ хора и запѣвалы имѣли серьезное, обрядовое или шуточное значеніе (обмѣнъ насмѣшками). Послѣдній элементъ былъ подхваченъ «веселыми людьми—*скоморохами»,* которые создали комическіе діалоги, маленькія юмористическія сценки. Онъ вносился ими въ сказки (въ видѣ «прибаутокъ», «присказокъ», «приговорокъ»), въ былины, пускался въ ходъ для потѣхи слушателей и отдѣльно. Нѣкоторыя «присказки» и «прибаутки» въ текстахъ сказокъ до сихъ поръ носятъ ясный характеръ скоморошьяго происхожденія. «Все ли благополучно?—Все, слава Богу; только любимый воронъ вашъ объѣлся падали.—Да гдѣ же онъ ее нашелъ?—Да жеребецъ вороной палъ.—Какъ такъ?—А какъ усадьба горѣла, такъ на немъ воду возили, да загнали.—Отчего же пожаръ сдѣлался?—Да какъ хоронили матушку вашу со свѣчами, такъ невзначай подожгли».

Такія «приговорки» разрастались иногда въ цѣлыя разработанныя сцены (напр., народная драма «Баринъ и приказчикъ»), въ которыхъ народъ и его излюбленные потѣшники—скоморохи давали исходъ своему юмору и ироніи. Эти сценки рисовали плутоватаго и насмѣшливаго приказчика, довѣрчиваго и спесиваго барина и т. д. Иногда они черпали матеріалъ изъ разбойничьихъ пѣсенъ и изображали похожденія «удалыхъ молодцевъ» на Волгѣ («Лодка»). Къ нимъ примѣшивались и чисто книжные элементы (напр., искаженные стихи изъ «Братьевъ-разбойниковъ» Пушкина).

Съ исчезновеніемъ особаго класса бродячихъ потѣшниковъ драматическое скоморошье наслѣдіе обратилось въ *народную* забаву. Деревенскіе парни, солдаты, фабричные съ увлеченіемъ разучивали такія сценки и исполняли ихъ за плату (кто что дастъ) или для собственнаго удовольствія. По мѣрѣ роста грамотности въ народную драму этого типа все больше врывалось *книжныхъ* элементовъ—романсы нашихъ поэтовъ, имена и подробности лубочной литературы и пр.

Рядъ другихъ народныхъ пьесъ—сплошь книжнаго происхожденія. Общедоступный театръ при Петрѣ Великомъ, крѣпостные театры, школьные спектакли (съ актерами и маріонетками), которые разносились «школярами» по деревнямъ, вызвали подражаніе въ народной средѣ и создали рядъ пьесъ полукнижныхъ, полународныхъ. Сюжетъ усваивался народными актерами, обыкновенно по памяти, въ общихъ чертахъ, а затѣмъ постепенно обрасталъ все-

возможными вставками книжнаго и народнаго происхожденія. Развитіе дѣйствія такихъ пьесъ очень наивно, полно повтореній извѣстныхъ формулъ, не всегда умѣстныхъ заимствованій изъ книжной литературы (Пушкина, Лермонтова, Державина, даже изъ переводной французской пѣсни о Мальбрукѣ—«Маврухѣ»...). Подобныя заимствованія, подхваченныя полуграмотными актерами, обыкновенно сильно искаженныя, переплетаются въ этихъ піескахъ съ народными пѣснями и отголосками старой народной драмы.

„Баринъ и приказчикъ“—сценка сатирическаго содержанія. Дѣйствующія лица—Баринъ Голый, Ванька Малый и приказчикъ. Баринъ хвастливъ: рекомендуясь публикѣ, онъ говоритъ:

Я есть баринъ богатый,
Да къ тому же еще и тароватый;
Родъ мой древній;
А въ вотчинѣ села и деревни:
Три двора,
Одна труба,
Семеро воротъ
Въ одинъ огородъ,
Оброкъ большой получаю...

Его мужички кто по „рукомеслу пошелъ“ („чужіе карманы очищаетъ“), кто „въ ученье ударился“ („на собакахъ шерсть бьетъ“), кто „совсѣмъ легкимъ дѣломъ занялся“—„съ голодухи повѣсился“. Заканчивается пьеса діалогомъ на тему „все благополучно“—„только ножичекъ сломался“, на него наступилъ Сѣрко, когда его запрягали въ бочку, чтобы заливать водой пожаръ, а пожаръ случился въ ту самую пору, когда дочь помѣщика померла, померла же она отъ непріятности—„ея матушка, а ваша супруга, на сучкѣ повѣсилась“. „А то все слава Богу“!..

Содержаніе *„Лодки“* очень несложно. Атаманъ разбойниковъ требуетъ, чтобы эсаулъ развлекъ его пѣсней „мигоментально“ (*мигъ*—и моментально), построилъ лодку, „по матушкѣ по Волгѣ разгуляться“. Разбойникъ захватываетъ фельдфебеля Ивана Пятакова, который разсказываетъ свою судьбу стихами изъ „Братьевъ разбойниковъ“ Пушкина, затѣмъ берутъ въ плѣнъ и богатаго помѣщика. Представленіе заканчивается общей свалкой.

Изъ пьесъ болѣе серьезнаго типа особенно популярна народная трагедія *„Царь Максимиліанъ и его непокорный сынъ Адольфа“*. Она изображаетъ отпаденіе отъ христіанства Максимиліана и мученичество Адольфа. Ея варіанты значительно отличаются другъ отъ друга вставными эпизодами („Аника и Смерть“, „Лодка“ и пр.) и дѣйствующими лицами.

Происхожденіе этой пьесы относится къ Петровской эпохѣ. Содержаніе ея заимствовано изъ драматизированнаго (вѣроятно, въ школѣ св. Дмитрія Ростовскаго) житія мучениковъ Никиты и Дмитрія. Имя „Адольфъ“ было взято изъ популярныхъ повѣстей Петровскаго времени.

Исключительная популярность этой пьесы объясняется ея драматизмомъ (столкновеніе отца съ сыномъ на почвѣ вѣры), въ которомъ когда-то видѣли намеки на роковое столкновеніе Петра Великаго съ сыномъ Алексѣемъ, сторонникомъ старины и старой вѣры въ особенности: гибель Адольфа и Максимиліана какъ бы раскрывала внутреннюю сторону семейной драмы Преобразователя.

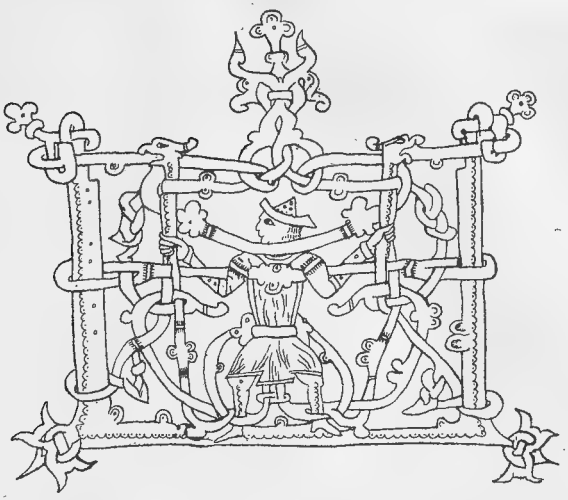
Значительнымъ успѣхомъ въ народной средѣ пользовался въ прежнее время *кукольный театръ*, въ которомъ дѣйствіе изображалось при помощи „маріонетокъ“ (куколъ). Театръ этотъ занесенъ къ намъ съ Запада и появился на Руси довольно давно: о немъ упоминаетъ еще въ серединѣ XVII вѣка нѣмецкій путешественникъ Олеарій, видѣвшій его въ исполненіи скомороховъ, дававшихъ свои представленія подъ открытымъ небомъ. Кукольный театръ существовалъ у насъ въ двухъ видахъ: во-первыхъ, въ видѣ грубо-комическаго фарса, въ которомъ главную роль игралъ *Петрушка*, шутъ, соотвѣтствовавшій шутамъ нѣмецкихъ и итальянскихъ народныхъ пьесъ, Г'ансвурсту и Арлекину. Другими дѣйствующими лицами являлись: цыганъ, солдатъ, пьяная баба, докторъ („лѣкарь, изъ-подъ Каменнаго моста аптекарь“), квартальный („фартальный“, „человѣкъ фатальный“) и др. Текстъ „Петрушки“, очень неустойчивый, состоялъ изъ забавныхъ, хотя часто грубыхъ діалоговъ, шутокъ, присловій, а все дѣйствіе сводилось къ постояннымъ дракамъ и потасовкамъ выведенныхъ лицъ.—Другой видъ кукольнаго театра—*вертепъ;* на немъ ставились пьесы *духовнаго* содержанія, посвященныя главнымъ образомъ изображенію Рождества Христова (отсюда и самое названіе театра) и сопровождавшихъ его обстоятельствъ: поклоненія волхвовъ, избіенія младенцевъ въ Виѳлеемѣ, судьбы царя Ирода. Но и въ эти пьесы вставлялись комическіе эпизоды, совершенно не связанные съ ходомъ дѣйствія. „Вертепъ“ представляетъ собой отдаленный отголосокъ средневѣковыхъ *мистерій*—народныхъ пьесъ на религіозные сюжеты. Въ XVII в. эти мистеріи, въ формѣ *школьныхъ драмъ*, проникли въ Малороссію, находившуюся подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ. Поэтому „вертепъ“ былъ распространенъ преимущественно въ Западной Россіи, а въ великорусскихъ областяхъ встрѣчался сравнительно рѣдко. По своему внѣшнему устройству, „вертепъ“ представлялъ собой двухъэтажный домикъ: въ верхнемъ этажѣ проходила собственно духовная часть пьесы, а въ ниж-

Малорусскій „вертепъ“.

немъ ставились сцены, въ которыхъ выступалъ Иродъ и разные комическіе персонажи: жиды, цыганъ, запорожецъ, солдатъ, франтъ и др. Неизмѣнной принадлежностью вертепнаго „дѣйства“ являлась сцена спора царя Ирода со Смертью, которая кончалась тѣмъ, что Смерть срубала ему голову своей косой, а Чортъ уносилъ его тѣло въ преисподнюю, со словами:

О, проклятый Ироде, за твои превеликія злости
Поберу тя въ преисподнюю бездну и съ кости.

Заглавная буква Д, изъ Служебника XIV в., изображающая скомороха съ гуслями.



Заставка изъ Пролога 1400 г.

ГЛАВА II.

Русская литература до-монгольскаго (Кіевскаго) періода.

Условія развитія древнерусской письменности.

Сравнительно съ другими родственными племенами, русскій народъ былъ поставленъ въ гораздо менѣе благопріятныя условія культурнаго развитія. Жизнь на открытой со всѣхъ сторонъ равнинѣ дѣлала его постоянной жертвой азіатскихъ кочевниковъ; отдаленность отъ морей и наиболѣе просвѣщенныхъ центровъ Европы задерживала ростъ матеріальнаго благосостоянія, образованія и государственности; жизнь о-бокъ съ хищными кочевниками и среди полудикихъ финновъ отвлекала слишкомъ много народныхъ силъ и понижала культурный уровень; борьба за существованіе осложнялась для русскаго народа суровымъ климатомъ сѣвера, разбросанностью и разобщенностью населенія, сравнительною бѣдностью природы.

Только Кіевская и Новгородская Русь, по своему географическому положенію, были относительно счастливѣе: первая ближе стояла къ Византіи, быстро развила торговыя сношенія съ греками, южными славянами и народами Востока, вторая рано вошла въ торговый (т. н. Ганзейскій) союзъ сѣверно-германскихъ городовъ. Общеніе съ болѣе образованными народами и обогащеніе благодаря быстро развившейся внѣшней торговлѣ подняли уровень ихъ матеріаль-

ной и духовной культуры, отразились на развитіи ихъ письменности и литературы. Движеніе, начавшееся на югѣ и сѣверо-западѣ, постепенно распространилось и на другія области древней Руси.

Указанныя выше неблагопріятныя условія были вообще причиной культурной отсталости древней Руси и заставляли ее проходить тѣ ступени развитія, которыя уже были пережиты южной и западной Европой, очень медленно, съ большимъ опозданіемъ, все время заимствовать матеріальную и духовную культуру у своихъ болѣе образованныхъ сосѣдей. Въ ростѣ нашей государственности приняли большое участіе норманы, «варяги»; наша духовная и матеріальная культура развивалась все время подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи и народовъ Востока, позднѣе—Запада; наша литература носила, на протяженіи 8-ми вѣковъ, преобладающій *подражательный* характеръ и только съ эпохи Пушкина сдѣлалась самобытной и національной.

1. Возникновеніе письменности. Переводная литература до-монгольскаго періода.

Христіанство и письменность.

Въ теченіе многихъ вѣковъ наши предки имѣли только устную, народную поэзію; *письменность* и *литература* появляются у насъ поздно, подъ вліяніемъ образованныхъ сосѣдей, въ тѣсной связи съ распространявшимся христіанствомъ.

Торговля рано познакомила древнюю Русь съ рядомъ народовъ Запада и Востока. Вызванное ею развитіе внѣшней матеріальной культуры привело и къ подъему культуры духовной. Наиболѣе сильнымъ было вліяніе *южныхъ славянъ* и, въ особенности, *Византіи*, давшихъ намъ христіанское просвѣщеніе и письменность.

Вліяніе Византіи.

Греческое вліяніе проникало на Русь разными путями. *Норманскіе дружинники*, служившіе Византійскимъ императорамъ и усвоивавшіе въ большей или меньшей степени греческую культуру, заносили ее и къ намъ [1]). Значительно развитыя торговыя сношенія древней Руси съ Византіей и южными славянами еще болѣе закрѣпляли и углубляли это вліяніе. Культурныя связи съ *южными славянами* облегчались для насъ племеннымъ сродствомъ съ ними и большою близостью, въ тѣ времена, всѣхъ славянскихъ языковъ. Онѣ особенно развились съ эпохи Святослава, удачно боровшагося съ Византіей и одно время подчинившаго себѣ болгаръ. Близкіе къ Византіи южные славяне рано попали въ сферу ея культурнаго вліянія; переработанная ими, примѣнительно къ особенностямъ славянской психологіи, греческая культура распространялась въ древней Руси тѣмъ быстрѣе и легче.

---

[1]) Среди этихъ норманов было много христіанъ. Наши лѣтописи упоминаютъ о варягахъ-христіанахъ, состоявшихъ въ дружинѣ Игоря и Олега. Еще до крещенія Руси, у нихъ была въ Кіевѣ своя церковь св. Ильи.

Христіанство, проникавшее въ Кіевскую Русь медленно и постепенно, при Владимірѣ св., съ 988 г., сдѣлалось *государственной* религіей. Отсюда оно распространилось и по другимъ областямъ древней Руси.

Всюду оно несло съ собою грамотность, письменность и литературу, сначала переводную и подражательную, затѣмъ все болѣе и болѣе оригинальную. Онѣ были, при своемъ появленіи у насъ, *только* средствомъ распространенія новой вѣры, носили *исключительно церковный характеръ*, но, поднимая общій уровень развитія, получили позднѣе болѣе широкое примѣненіе, стали служить и *чисто свѣтскимъ* цѣлямъ.

Тѣсная связь между письменностью и церковью особенно была сильна въ первое время, когда христіанское просвѣщеніе только еще насаждалось на Руси. Духовенство было тогда *единственнымъ* грамотнымъ сословіемъ; вслѣдствіе этого монастыри стали главными разсадниками, свѣточами просвѣщенія въ новообращенной странѣ; литература почти не выходила изъ круга религіозныхъ, въ частности церковныхъ вопросовъ; тѣмъ же духомъ было проникнуто и все образованіе.

Византійская культура.

Эта письменность не только способствовала распространенію новой вѣры, но и пріобщала древнюю Русь къ *византійской культурѣ*. Въ то время Византія была однимъ изъ наиболѣе образованныхъ государствъ Европы. Въ бурную эпоху Великаго переселенія народовъ она сумѣла сохранить почти неприкосновеннымъ идейное и художественное наслѣдіе древней Греціи, переработать его въ духѣ христіанскаго ученія, чтобы передать его потомъ, въ большей или меньшей степени, народамъ Запада и Сѣвера, чрезъ посредство византійскихъ городовъ въ Южной Италіи и южныхъ славянъ. Византійская богословская литература воспиталась на греческой философіи, изъ нея усвоила пріемы мысли, ихъ глубину и тонкость; церковная проповѣдь и свѣтская поэзія слагались подъ сильнымъ вліяніемъ древняго ораторскаго искусства и древней художественной литературы. Византійскіе ученые тщательно собирали и комментировали древне-греческихъ авторовъ, составляли изъ ихъ произведеній и изреченій сборники для школы и самообразованія. Вліяніе старины было настолько сильно, что какъ бы ослабляло, подавляло оригинальное творчество: больше приспособляли старые образы и идеи къ новымъ потребностямъ, чѣмъ создавали новое. Наиболѣе распространенный видъ поздней византійской литературы—сборники, хрестоматіи, справочныя книги, словари. Они придавали широкую популярность идеямъ древнихъ авторовъ и раннихъ Отцовъ церкви.

Южные славяне, проникшіе на Балканскій полуостровъ, рано подпали подъ культурное вліяніе Византіи. Въ ея интересахъ было смягчить ихъ нравы христіанствомъ, просвѣщеніемъ; полудикіе славяне, благодаря постояннымъ, то мирнымъ, то враждебнымъ столкновеніямъ съ болѣе образованными сосѣдями, очень быстро цивилизуются, принимаютъ христіанство, получаютъ вмѣстѣ съ новой вѣрой письменность и литературу.

Дѣятельность свв. братій Кирилла и Меѳодія.

Самыми выдающимися и самоотверженными изъ числа византійскихъ дѣятелей, распространявшихъ христіанское просвѣщеніе въ славянскихъ земляхъ, были свв. братья Кириллъ (827—869) и Меѳодій († 885). Греки по происхожденію, они съ дѣтства сжились со славянами на своей родинѣ, въ Македоніи, въ г. Солуни (Ѳес-

салоникахъ), гдѣ отецъ ихъ, Левъ, занималъ крупную военную должность. Прекрасно усвоили они мѣстную славянскую рѣчь—македонское нарѣчіе болгарскаго языка. Предъ ними открывалась блестящая служебная карьера, но они предпочли ей отвѣтственное и тяжелое дѣло миссіонерства. Они посвятили себя распространенію христіанства, самоотверженно трудились среди хозаръ, въ Моравіи, Панноніи и Чехіи. Для распространенія новой вѣры они изобрѣли особую славянскую азбуку, въ основу которой была положена азбука греческая; для звуковъ, не существующихъ въ греческомъ языкѣ, были взяты нѣкоторыя восточныя буквы (напр., еврейскія, коптскія) или придуманы особые значки (напримѣръ, юсы). Эту азбуку обыкновенно называютъ *кириллицей*—по имени главнаго изобрѣтателя, св. Кирилла [1]).

Образованіе церковно-славянскаго языка.

Не однимъ великимъ дѣломъ изобрѣтенія азбуки обязаны славяне свв. Кириллу и Меѳодію. Славянскіе первоучители переводятъ на *болгарскій* языкъ Св. Писаніе и богослужебныя книги, создаютъ *церковно-славянскій* языкъ, который долго, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, былъ языкомъ церкви, школы и литературы у всѣхъ православныхъ славянъ, оказалъ также нѣкоторое вліяніе на языкъ славянъ-католиковъ и румынъ.

Новая вѣра вводила много *новыхъ понятій*, требовала бо́льшей отвлеченности и гибкости языка. Необработанная грубая рѣчь славянъ-язычниковъ, удовлетворявшая ихъ несложнымъ духовнымъ и матеріальнымъ потребностямъ, *обогащается новыми*, возвышенными, отвлеченными *словами*, то прямо заимствованными изъ греческаго языка, то являющимися точнымъ переводомъ греческихъ выраженій [2]).

---

[1]) Кромѣ кириллицы, съ нѣкоторыми измѣненіями легшей въ основу современнаго церковно-славянскаго шрифта, издавна была извѣстна другая славянская азбука—*глаголица*, отличающаяся большою сложностью и своеобразіемъ начертаній, но тоже, какъ и кириллица, восходящая къ греческому рукописному письму.

[2]) До сихъ поръ еще наша литературная и даже простонародная рѣчь богата греческими элементами. Непосредственно изъ греческаго языка или чрезъ посредство старославянскаго языка заимствованы, напр., слѣдующія слова: аспидъ, гипсъ, драконъ, кимвалъ, киноварь, климатъ, ладанъ, охра, подагра, саванъ, скитъ, холера, адъ, алтарь, ангелъ, варваръ, демонъ, деспотъ, евангеліе, еврей, елей, символъ, философъ... Въ народную рѣчь, съ измѣненіями и переголосовками, проникли слѣдующія греческія слова: аналой, арапъ, буйволъ, бумага, василекъ, калиги (обувь), сандалъ, тетрадь, уксусъ, теремъ, миндаль, кровать, канава, куцый, канатъ, парусъ, баня, блинъ, вишня, зипунъ, известь, кадь, камилавка капитанъ, колачъ, конопатить, корабль, костеръ, криница, кукла, макъ, мусоръ, мята, огурецъ, сахаръ, свекла, скамья. Слова: вселенная, злодѣй, благотворить, православный, великодушный, добродѣтель и пр.—дословный переводъ съ греческаго.

Церковно-славянскій языкъ, широко раздвинувшій умственные горизонты нашихъ новообращенныхъ предковъ, легъ въ основу нашей литературной рѣчи и до сихъ поръ отражается въ ней рядомъ своихъ формъ и лексическихъ особенностей.

Древняя Русь пользовалась двумя языками: литературнымъ, книжнымъ и дѣловымъ, живымъ. Въ своей основѣ первый былъ церковно-славянскимъ, т.-е. болгарскимъ. Въ IX—X вв. славянскіе языки настолько еще были близки другъ къ другу, что употребленіе и пониманіе болгарскаго языка не могло быть затруднительнымъ для русскихъ. Но въ живомъ языкѣ ихъ уже накопилось значительное число отличій отъ языка болгарскаго. Древне-русскіе писатели, въ особенности XI в., старались писать чистымъ церковно-славянскимъ языкомъ, но часто сбивались на формы живой рѣчи и обыкновенно давали пеструю смѣсь элементовъ обоихъ языковъ, съ преобладаніемъ особенностей то книжныхъ, то живыхъ, народныхъ. Литературные вкусы того времени требовали „высоты, извитія и плетенія словесъ“; „простая рѣчь“ была въ пренебреженіи, попадала въ книгу, какъ безсознательная обмолвка. Съ пониженіемъ просвѣщенія и „книжнаго почитанія“, у авторовъ-„простецовъ“ въ особенности, число такихъ обмолвокъ увеличивалось, и церковно-славянская основа все болѣе затушовывалась.

Вліяніе южныхъ славянъ.

Благодаря просвѣтительной дѣятельности Первоучителей и близости къ Византіи, южные славяне быстро достигли большого культурнаго развитія. Уже въ X в. болгарская литература выдвигаетъ рядъ крупныхъ писателей, не только заимствуетъ у грековъ, но и создаетъ оригинальные труды большой литературной цѣнности. Эпоха царя Симеона (893—927) была ея золотымъ вѣкомъ. Завоеватель и тонкій политикъ, Симеонъ былъ для своего времени исключительно образованнымъ человѣкомъ, и его дворъ сдѣлался центромъ умственной и литературной жизни Болгаріи. Онъ дорожилъ національною письменностью, всячески старался перенести въ Болгарію лучшіе плоды византійской образованности, поощрялъ переводы и самъ принималъ въ нихъ участіе; болгарскіе писатели того времени всегда встрѣчали у него матеріальную и нравственную поддержку.

Болгарскіе переводы греческихъ произведеній переходили къ сербамъ и русскимъ въ болѣе или менѣе точныхъ копіяхъ и значительно облегчали дѣло распространенія новой вѣры и развитія письменности. Меньшую роль сыграли у насъ сербскіе переводы; количество непосредственныхъ русскихъ переводовъ съ греческаго было очень невелико.

Переводная письменность и ея виды.

Зависимость нашей ранней письменности отъ церкви опредѣлила и ея общій характеръ, и ея составъ. Какъ средство для распространенія и укрѣпленія новой вѣры, она почти исключительно вращалась въ кругу *религіозныхъ*, церковныхъ вопросовъ и вначалѣ могла быть только *переводной*. Духовенство приносило съ собою изъ Ви-

зантіи и отъ южныхъ славянъ только то, что непосредственно было нужно для насажденія христіанства — прежде всего, конечно, *Св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта* и *богослужебныя книги*.

Св. Писаніе. Св. Писаніе Новаго Завѣта существовало въ Византіи и у южныхъ славянъ въ двухъ видахъ: съ полнымъ и хронологически расположеннымъ, въ порядкѣ евангелистовъ и времени написанія [1]), текстомъ (такъ назыв. «тетръ», т.-е. Четвероевангеліе)—и сокращенное, приспособленное къ богослужебнымъ цѣлямъ, расположенное въ порядкѣ недѣльныхъ церковныхъ чтеній на весь годъ (такъ назыв. «апракосъ», недѣльное). Свв. Кириллъ и Меѳодій перевели на славянскій языкъ, въ цѣляхъ своего миссіонерскаго подвига, именно это богослужебное, недѣльное Евангеліе, которое было перенесено и къ намъ на Русь. Оно пользовалось у насъ наибольшимъ распространеніемъ; списки его встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ списки Четвероевангелія.

Образ церк славя: язы

Псалтырь. Изъ остальныхъ книгъ Св. Писанія особенно была популярна *Псалтырь*, такъ какъ она играетъ большую роль въ церковномъ богослуженіи, и изъ всѣхъ книгъ Ветхаго Завѣта всего ближе по духу къ христіанству. Въ ней искали прообразовъ Христа и Его жизни; въ ея высокой религіозной поэзіи находили отголоски христіанскихъ настроеній и удовлетвореніе эстетическаго чувства. Рано сдѣлалась она и первой учебной книгой, средствомъ обученія грамотѣ. Отдѣльные псалмы и ихъ выраженія заучивались наизусть, давали начало излюбленнымъ пословичнымъ выраженіямъ. По Псалтыри затѣмъ гадали, искали въ открытомъ наугадъ ея мѣстѣ разрѣшенія своихъ сомнѣній и духовныхъ запросовъ; существовали и «гадательныя псалтыри», съ приписками при каждомъ псалмѣ, какое значеніе для жизни онъ можетъ имѣть.

Толковая Псалтырь сопровождалась комментаріями, объясненіями малопонятныхъ мѣстъ и прообразовъ. Она была направлена противъ іудейства, доказывала его ошибочность и превосходство христіанства. Историческія и пророческія книги Ветхаго Завѣта были извѣстны у насъ въ древнюю эпоху не въ полномъ видѣ. Изъ нихъ переходитъ къ намъ преимущественно то, что было связано съ богослуженіемъ — отрывки, читавшіеся въ церкви во время службы (такъ назыв. „паремійники“). Были извѣстны древней Руси и отдѣльныя книги Ветхаго Завѣта—первыя пять книгъ Библіи, три книги Судей Израильскихъ, пророческія книги съ комментаріями („толковыя“). Полный переводъ Ветхаго Завѣта Русь получила только въ 1499 г. („Геннадіевская Библія“).

Св. Писаніе было *первымъ* источникомъ распространенія у насъ христіанской образованности.

---

[1]) Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, Дѣянія и Посланія апостоловъ, Откровеніе Іоанна Богослова (Апокалипсисъ).

Образецъ устава (XIV в.) изъ Житія свв. Бориса и Глѣба.

Наряду съ нимъ появляются *богослужебныя книги*, устанавливавшія обрядовую сторону новой религіи—прежде всего служебныя *Минеи* (отъ греческаго слова men, мѣсяцъ; службы и ихъ порядокъ по церковному календарю на весь годъ, по мѣсяцамъ). Минеи не только показывали порядокъ чтеній и обрядовъ, но и давали тексты церковныхъ пѣснопѣній, высокіе образцы христіанской поэзіи, оказавшей вліяніе и на поэзію народную («духовные стихи»). Богослужебныя книги.

Богослужебныя книги не только примѣнялись въ церкви, но и читались дома, дѣлались источникомъ распространенія грамотности и христіанскаго просвѣщенія. Той же цѣли служила литература *учительная*—церковныя поученія, проповѣди и литература *церковно-историческая* — житія святыхъ, хроники и т. д. Къ намъ рано перешли разные виды той и другой литературы — *прологи* (краткія сказанія о житіяхъ святыхъ, преимущественно мучениковъ), *четьи-минеи* (сборники болѣе обширныхъ житій святыхъ) [1]), *патерики* (сборники отдѣльныхъ житій), *хроники* и *хронографы* [2]) (сжатое изложеніе всемірной исторіи съ сотворенія міра, съ точки зрѣнія христіанскаго міровоззрѣнія), *сборники поученій*—«Златоструи», «Златоусты», «Маргариты» (проповѣди Іоанна Златоуста), «Измарагды», «Златыя цѣпи» и пр. Такіе сборники составлялись греками или въ подражаніе имъ южными славянами; позднѣе они возникаютъ и у насъ, подъ самыми разнообразными названіями, изъ переводныхъ и оригинальныхъ матеріаловъ. Они являются наиболѣе излюбленнымъ и распространеннымъ типомъ древне-русской книги. Проповѣди и житія святыхъ.

Очень богатъ былъ отдѣлъ переводовъ твореній Отцовъ церкви. Немногіе изъ нихъ были извѣстны древней Руси въ полномъ видѣ; большинство ихъ твореній появилось у насъ въ извлеченіяхъ, избранныхъ чтеніяхъ, сборникахъ. Творенія Отцовъ Церкви.

Наиболѣе популярнымъ изъ Отцовъ церкви былъ *Іоаннъ Златоустъ*, знаменитый проповѣдникъ и очень плодовитый писатель. Его проповѣди читались въ церквахъ и входили въ богослужебныя

---

[1]) Количество проложныхъ житій было значительно больше, чѣмъ житій минейныхъ, но они отличались сжатостью, краткостью. Минеи появляются у насъ раньше прологовъ. Прологи оказали большое вліяніе на духовные стихи и народныя легенды. Нѣкоторыя ихъ сказанія отличаются большою глубиною и художественностью. Ихъ литературную обработку можно найти у Лѣскова, Л. Н. Толстого и др. писателей.

[2]) Близки къ нимъ Палеи—изложеніе ветхозавѣтной исторіи по Библіи и легендамъ. „Толковая Палея“ раскрывала ветхозавѣтные прообразы примѣнительно къ христіанству и была направлена противъ іудейства; „Историческая Палея“ — разсказывала о событіяхъ іудейской исторіи до Давида включительно. Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что „Толковая Палея“ составлена была на Руси изъ переводныхъ и мѣстныхъ матеріаловъ.

книги; онѣ сдѣлались извѣстны у насъ очень рано, какъ и поученія *Василія Великаго, Григорія Богослова, Ефрема Сирина* и др., входили во всевозможные сборники. «Лѣствица божественнаго всхода» *Іоанна Синайскаго* развивала идеи аскетизма, отреченія отъ міра и преимуществъ отшельничества, «памятованія смерти» и пр., «Стословецъ» *патріарха Геннадія* давалъ сто краткихъ правилъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія. Все это было излюбленнымъ чтеніемъ нашихъ предковъ.

Сборники изреченій.

Кромѣ сборниковъ цѣлыхъ произведеній были распространены въ древней Руси и сборники изреченій, заимствованныхъ изъ Св. Писанія, твореній Отцовъ церкви и языческихъ писателей. Изреченія эти располагались по рубрикамъ: о добродѣтели и злобѣ, о мудрости, о богатствѣ и убожествѣ, о милостынѣ, о лжи и клеветѣ и пр. Наиболѣе популярнымъ изъ нихъ была «*Пчела*». Названіе его объясняется сравненіемъ съ пчелой, собирающей медъ съ разныхъ цвѣтовъ.

Сочиненія научнаго характера.

Переходятъ къ намъ и сочиненія научнаго, общеобразовательнаго характера. Они тѣсно примыкаютъ къ церковной литературѣ, примѣняютъ данныя и выводы тогдашней науки къ чисто богословскимъ цѣлямъ. Наиболѣе важныя изъ нихъ—*Шестодневы* и *Физіологи*.

Шестодневы—толкованія на 6 дней творенія, очень обширныя и разнообразныя. Черпая матеріалъ изъ античной и восточной науки, они подчиняли ее богословскимъ цѣлямъ, освѣщали жизнь природы съ религіозной точки зрѣнія, питали научную любознательность. Они создавали интересъ къ природѣ, которою пренебрегалъ послѣдовательный аскетизмъ, и къ античной наукѣ, насколько съ нею могло примириться христіанское богословіе. Наиболѣе извѣстны были „Шестодневы“ Василія Великаго и Іоанна, экзарха Болгарскаго. *Физіологи* — сборники разсказовъ о животныхъ, ихъ внѣшности и свойствахъ, съ символической и богословской точки зрѣнія: главнымъ образомъ въ нихъ изображаются животныя, упоминаемыя въ церковныхъ книгахъ, при чемъ указываются и соотвѣтствующіе тексты; они приравниваются къ человѣку и его жизни, къ дьяволу (напр., лисица) и т. д. Многіе ихъ разсказы отличались легендарнымъ, фантастическимъ характеромъ и оказали позднѣе большое вліяніе на народную поэзію и искусство (разсказы о Сиренѣ, Кентаврѣ, Фениксѣ и проч.). Къ этому же разряду переводныхъ книгъ принадлежитъ и „Христіанская топографія“ *Козьмы Индикоплова:* большая часть ея посвящена изложенію средневѣковыхъ представленій объ устройствѣ міра, основанныхъ на толкованіи разныхъ мѣстъ св. Писанія. Согласно этой системѣ, земля представлялась въ видѣ продолговатой фигуры, имѣющей форму Ноева ковчега или скиніи завѣта и утвержденной на неподвижномъ „небесномъ столпѣ“; вокругъ земли движутся по опредѣленнымъ кругамъ солнце, луна и звѣзды, при чемъ движеніемъ ихъ управляютъ особо назначенные для этого ангелы. Въ концѣ книги приводятся разныя, часто фантастическія свѣдѣнія объ Индіи

(*Индикоплов* значитъ „плававшій въ Индію“), о населяющихъ ее людяхъ и звѣряхъ: о слонѣ, носорогѣ, онагрѣ, „верблюдѣ, „единорогѣ“, „водномъ конѣ“ (гиппопотамѣ) и т. д.

Система міра по представленію Козьмы Индикоплова.

По слѣдамъ богословской, церковной литературы шла поэзія двоевѣрная и свѣтская, *апокрифы* и *повѣсти*. Въ Византіи и у южныхъ славянъ они были очень распространены; все болѣе развивавшееся культурное сближеніе съ образованными сосѣдями разными путями приносило ихъ и на Русь. Они рано заходятъ къ намъ въ рукописяхъ или устныхъ пересказахъ, усваиваются на мѣстахъ своего происхожденія русскими странниками или у пришельцевъ-иностранцевъ, вліяютъ на книжную литературу и народную поэзію.

Апокрифы.

Апокрифы—полукнижныя, полународныя сказанія на *религіозныя темы*, основанныя на преданіяхъ, вымыслахъ и даже языче-

скихъ миѳахъ разсказы о библейскихъ и евангельскихъ лицахъ, христіанскихъ святыхъ, событіяхъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи [1]).

Ихъ происхожденіе и двоевѣрный характеръ.

Происхожденіе апокрифовъ относится къ первымъ вѣкамъ христіанства. Наряду со Св. Писаніемъ, положеннымъ въ основу новой вѣры, существовало много *преданій*, возникавшихъ одновременно съ событіями или позднѣе ихъ. Зарождаясь и распространяясь въ малокультурной, еще проникнутой язычествомъ, въ лучшемъ случаѣ *двоевѣрной* средѣ, они часто получали легендарный, *не-христіанскій* характеръ. Сжатый разсказъ Библіи и Евангелія иногда затрагивалъ мысль новообращенныхъ, но не удовлетворялъ всѣмъ ея запросамъ: могли интересовать, напр., жизнь Адама и Евы по изгнаніи изъ рая, судьба Еноха и Иліи, взятыхъ живыми на небо, таинственная личность Мелхиседека, прообраза Христа, дѣтство Спасителя, время и подробности конца міра, характеръ загробной жизни—обо всемъ этомъ въ Писаніи говорилось мало или не упоминалось совсѣмъ. Затронутая фантазія создавала произвольные образы, иногда основанные на старыхъ языческихъ преданіяхъ (напр., слишкомъ матеріальное представленіе о загробной жизни, смѣшеніе Иліи съ богомъ-громовникомъ); эти вымыслы и домыслы, если были удачными, подхватывались, получали очень широкое распространеніе. Духовенство не преслѣдовало ихъ, если они не становились слишкомъ вразрѣзъ съ каноническими представленіями, — предпочитало двоевѣріе чистому язычеству. Народныя массы увлекались ими потому, что они часто говорили ихъ воображенію больше, чѣмъ Писаніе, были ближе къ ихъ пониманію и поэтическимъ преданіямъ прошлаго. Это было использовано еретиками, которые часто облекали свои вѣрованія въ формы апокрифовъ [2]). Съ такими *еретическими* апокрифами церковь боролась упорно и постоянно.

---

[1]) Въ буквальномъ смыслѣ „апокрифъ“—„сокровенная книга“, передававшая *скрытыя* отъ большинства народа тайны религіи. Позднѣе этотъ терминъ получилъ значеніе легендарнаго христіанскаго разсказа, основаннаго на *не-каноническихъ* источникахъ. Апокрифы часто смѣшиваютъ съ т. н. „отреченными книгами“. Это ошибочно потому, что „отреченная книга“—отвергнутая, запрещенная церковью, какъ неканоническая и *вредная*, ко многимъ же апокрифамъ духовенство относилось съ полной терпимостью, считая ихъ неканоническими, но совершенно невинными по содержанію. „Отреченными“ же считались разныя еретическія сочиненія, а также астрологическія и гадательныя книги, которыя включались въ „индексы“ (перечни) запрещенныхъ церковью книгъ.

[2]) Особенно большую роль въ исторіи апокрифовъ сыграли болгарскіе еретики—*богомилы*, дуалисты, признававшіе *равное* участіе въ твореніи міра Бога и дьявола,

Апокрифы были какъ бы *переходнымъ звеномъ* между старой и новой вѣрой, проводили въ народное сознаніе христіанскія идеи въ двоевѣрныхъ образахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было много глубины мысли и яркой художественности, и они не только воспитывали эстетическое чувство, но и раздвигали умственные горизонты народныхъ массъ. Ими пользовались, для литературной обработки, крупнѣйшіе представители почти всѣхъ европейскихъ литературъ (напр., Данте въ своей „Божественной Комедіи"), они отражались на церковной живописи, оставили глубокіе слѣды на всемъ искусствѣ средневѣковой Европы—на фрескахъ и барельефахъ готическихъ соборовъ, въ украшеніяхъ рукописей и т. д. Это былъ цѣлый *религіозный эпосъ*, часто отличавшійся высокими художественными достоинствами. Посредствомъ его народная поэзія проникла въ церковническую письменность, внося въ нее жизнь, свѣжесть красокъ и техническихъ пріемовъ.

Раздѣленіе апокрифовъ.

Апокрифы, обыкновенно, по содержанію, дѣлятъ на 3 вида: 1) *ветхозавѣтные*, 2) *новозавѣтные* и 3) *апокрифическія житія святыхъ*. Для приданія бо́льшаго интереса, ихъ созданіе приписывалось, иногда совершенно произвольно, опредѣленнымъ авторамъ (напр., «Книга Еноха»). Существовали и цѣлыя *апокрифическія евангелія* (напр., «Евангеліе Никодима», тайнаго ученика Спасителя, «Евангеліе Ѳомы»).

Апокрифы ветхозавѣтные.

Ветхозавѣтные апокрифы затрогивали почти всѣ главнѣйшіе моменты ветхозавѣтной исторіи — сотвореніе міра, жизнь Адама и Евы, Еноха, Иліи, Авраама, патріарховъ, Моисея, Давида, Соломона, Исаіи и пр. Особенно много апокрифовъ объ Адамѣ и Евѣ и о царѣ Соломонѣ.

Сказаніе о древѣ крестномъ.

Изъ апокрифовъ *Адамова цикла* очень интересенъ и характеренъ апокрифъ «о древѣ крестномъ». Онъ свободно обращается съ матеріаломъ библейскихъ и евангельскихъ сказаній, придавая имъ своеобразный смыслъ: искупленіе первороднаго грѣха понято, какъ очищеніе кровью Христа главы Адамовой; событія библейскія и евангельскія поставлены въ тѣсную, но произвольную связь, слишкомъ наглядно понятую.

Когда Адамъ почувствовалъ приближеніе смерти, Ева и Сиеѣ отправились ко вратамъ рая и стали просить для него у ангела масличную вѣтвь. Ангелъ далъ имъ вѣтвь „древа познанія добра и зла".

борьбу ихъ, которая должна была завершиться полнымъ посрамленіемъ дьявола въ концѣ міровой исторіи и пр. Изъ ихъ среды вышло много „болгарскихъ басенъ"— дуалистическихъ апокрифовъ, широко распространившихся не только среди славянъ, но и по Западной Европѣ. Средневѣковые еретики-дуалисты: катары, альбигойцы и т. д.—видоизмѣненія богомильской ереси. Вообще еретическій дуализмъ былъ очень популяренъ, потому что соотвѣтствовалъ старымъ языческимъ представленіямъ объ *извѣчной* борьбѣ добрыхъ и злыхъ божествъ и наглядно для народа рѣшалъ вопросъ о добрѣ и злѣ въ міровой и человѣческой жизни.

Адамъ узналъ роковую вѣтвь и сдѣлалъ себѣ изъ нея вѣнецъ на голову. Впослѣдствіи изъ вѣнца выросло высокое дерево. Изъ частей этого дерева и были сдѣланы кресты для Христа, вѣрнаго и невѣрнаго разбойника. Попало оно въ Іерусалимъ тогда, когда Соломонъ строилъ храмъ. Выросшее изъ Адамова вѣнца дерево было привезено вмѣстѣ съ корнями, среди которыхъ была голова прародителя. Соломонъ узналъ ее и приказалъ насыпать надъ нею холмъ изъ камней—Голгоеу. Пилатъ велѣлъ сдѣлать изъ частей древа кресты для распинаемыхъ. Кровь изъ ранъ Христа просочилась на голову Адамову; Адамъ крестился ею, очистился отъ проклятія за первородный грѣхъ.

Сказанія о Соломонѣ.

Яркая личность премудраго царя *Соломона* оставила много слѣдовъ въ Библіи. Народная фантазія не удовольствовалась ими и создала громадное количество легендъ о немъ, очень популярныхъ среди евреевъ, народовъ Востока и Европы. Имя Соломона глубоко проникло и въ нашу народную поэзію: оно не только очень часто встрѣчается въ двоевѣрныхъ легендахъ и пѣсняхъ, но проникло въ сказки, преданія, даже былины. Народъ охотно приписывалъ всѣ дѣлавшіеся ему извѣстными случаи высокой мудрости Соломону; Соломоновъ циклъ легендъ и апокрифовъ особенно богатъ и разнообразенъ. Уже Библія отмѣтила мудрость судовъ Соломона. Апокрифы разработали эту тему съ особенною любовью, потому что она возбуждала большой интересъ среди народа.

Суды Соломона.

Вотъ наиболѣе характерные примѣры этихъ апокрифическихъ „судовъ“.

Умирающій отецъ приказалъ троимъ своимъ сыновьямъ раздѣлить между собою сокровище, сокрытое въ указанномъ имъ мѣстѣ. Старшій долженъ былъ получить верхній сосудъ, средній — средній, младшій—нижній. Въ первомъ оказалось золото, во второмъ—кости, въ третьемъ—земля. Обдѣленные братья заспорили и пошли на судъ къ Соломону. Премудрый царь нашелъ завѣщаніе отца разумнымъ и объяснилъ его такъ: кости—скотъ и рабы, земля—поля, виноградники и прочее имѣніе; старшій долженъ удовольствоваться только деньгами.

У одного человѣка было 6 сыновей и одна дочь. Умирая, онъ отдалъ все золото дочери, а остальное имущество—старшему сыну, который не захотѣлъ подѣлиться съ младшими братьями. Тѣ пошли на судъ къ Соломону. Царь велѣлъ имъ раскопать могилу отца и принести ему его правую руку. Младшіе сыновья собирались уже осквернить могилу и трупъ отца, но старшій воспротивился и предложилъ имъ раздѣлить все имѣніе поровну. Когда объ этомъ доложили Соломону, царь призвалъ младшихъ сыновей и сказалъ имъ: „изъ того, что вы хотѣли раскопать могилу отца, я вижу, что вы—не его дѣти, что настоящій сынъ только тотъ, кто не позволилъ раскопать могилу: ему одному и должно принадлежать имѣніе“

Новозавѣтные апокрифы.

Новозавѣтные апокрифы преимущественно посвящены жизни Христа, обставляютъ ее всевозможными легендарными подробностями; «*Евангеліе Ѳомы*», напр., разсказываетъ о томъ, что ребен-

комъ Христосъ лѣпилъ изъ глины птицъ, которыя оживали и улетали, вытянулъ короткое бревно, словомъ разрушалъ и поднималъ зданія и пр. «*Никодимово Евангеліе*» очень подробно разсказываетъ о сошествіи Христа во адъ, о воскрешеніи Имъ Адама изъ мертвыхъ, разрушеніи ада и т. д.

Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ очень интересно «*Хожденіе Богородицы по мукамъ*». Оно отличается большою художественностью и прекрасно характеризуетъ народный взглядъ на адскія муки, отличающійся слишкомъ *матеріальнымъ* и наивнымъ характеромъ. Хожденіе Богородицы по мукамъ.

Богородица на горѣ Елеонской молилась, чтобы явился архангелъ Михаилъ и показалъ Ей адскія муки. Архангелъ явился къ Ней въ сопровожденіи 400 ангеловъ, по сту отъ каждой части свѣта. Адъ разверзся, и Богородица увидѣла, какъ мучатся грѣшники, услышала Она страшные вопли. Грѣшники были погружены въ огненную рѣку. Ростовщикъ былъ повѣшенъ за ноги и терзаемъ червями; сплетницу повѣсили за зубы, клеветниковъ—на желѣзномъ деревѣ съ желѣзными вѣтвями. Такого же свойства и всѣ остальныя муки.

Богородица настолько была потрясена видомъ всѣхъ этихъ мукъ, что Сама стала проситься въ адъ мучиться вмѣстѣ съ грѣшниками. Архангелъ сказалъ Ей, что это невозможно, что Ей подобаетъ почивать въ раю. Богородица возносится на небо къ престолу Бога Отца и молитъ Его помиловать грѣшниковъ. Вмѣстѣ съ Нею молятъ пророки, апостолы и всѣ силы небесныя. Богъ Отецъ былъ долго непреклоненъ, но затѣмъ, ради молитвъ Дѣвы Маріи, святыхъ и ангеловъ, послалъ Сына облегчить адскія муки: „даю вамъ, мучающимся день и ночь, имѣть покой отъ великаго четверга до св. пятидесятницы“.

Изъ апокрифическихъ житій святыхъ наиболѣе замѣчательны житія *Георгія Побѣдоносца* и *Ѳеодора Тирона*. Они съ большими, чисто сказочными подробностями разрабатываютъ мотивъ змѣеборства и мученій этихъ святыхъ. Ихъ содержаніе отразилось на многихъ нашихъ «духовныхъ стихахъ» и легендахъ. Апокрифическія житія.

На ряду съ апокрифами переходили къ намъ изъ Византіи и отъ южныхъ славянъ и *повѣсти* чисто свѣтскаго содержанія. Въ Византіи и у южныхъ славянъ этотъ родъ литературы былъ очень популяренъ. Тамъ не только сохранялись и читались древніе «греческіе романы» александрійской эпохи, но были и подражанія имъ, искусныя романическія поддѣлки подъ языческую старину. Легенды объ Александрѣ Македонскомъ обрабатывались въ формѣ повѣстей и въ то же время попадали въ хроники и даже церковную письменность. Все это подготовляло почву для перехода свѣтской византійской повѣсти и въ древнюю Русь. Здѣсь она оказала сильное вліяніе на развитіе нашей свѣтской литературы и народной поэзіи: отго- Повѣсти.

лоски этого вліянія можно видѣть, напр., въ «Словѣ о полку Игоревѣ», былинахъ и пр. Къ этимъ *иноземнымъ* повѣстямъ церковь относилась мягче, чѣмъ къ народной поэзіи, которая считалась языческой и грѣховной: онѣ не имѣли связей съ народной жизнью, отвлекали отъ поэтическихъ преданій языческаго прошлаго.

«Александрія».

Особенно популярны были легендарныя повѣсти и сказанія о подвигахъ *Александра Македонскаго* (такъ назыв. «Александрія»). Жизнь знаменитаго завоевателя какъ бы сама напрашивалась на художественную обработку: чудесные походы, побѣды, преждевременная смерть рано окружили его имя поэтическимъ ореоломъ. Сказанія о немъ, все болѣе разукрашивавшіяся легендарными и даже сказочными подробностями, обрабатывались разными лицами и въ разныхъ видахъ распространялись по византійскому, западному и славянскому міру [1]).

Характеръ Александра въ повѣстяхъ о немъ.

Въ „Повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ“ обстоятельно разсказывается о его жизни и подвигахъ, при чемъ разсказъ этотъ разукрашенъ всевозможными легендарными и сказочными подробностями. Самъ Александръ изображенъ въ повѣсти чрезвычайно привлекательными чертами, представленъ идеаломъ государя и правителя: „Повѣсть“ особенно подчеркиваетъ его правосудіе, щедрость („имѣяше руцѣ податливѣ“), великодушіе и милосердіе („долготерпѣливъ къ согрѣшающимъ безмѣрно“), презрѣніе къ богатству и пышности и т. д. Наряду съ этими добродѣтелями Александръ надѣленъ и нѣкоторыми чисто христіанскими чертами: онъ благочестивъ, отличается уваженіемъ къ святынѣ: напр., послѣ вступленія въ Іерусалимъ онъ узналъ отъ пророка Іереміи („Еремея“), что евреи поклоняются единому Богу, творцу неба и земли, признаетъ истину ихъ вѣры („да вѣрую и азъ въ нь и исповѣдую его, и богъ вашъ да будетъ мнѣ богъ“) и освобождаетъ ихъ отъ дани. Въ другихъ случаяхъ Александръ проявляетъ чисто христіанскую кротость и смиреніе, признаетъ суетность земной славы и величія, не кичится своими подвигами и въ своихъ поступкахъ всегда руководится велѣніями свыше (оракулами, вѣщими снами и т. д.).

---

[1]) Авторъ греческой „Повѣсти о жизни и дѣяніяхъ Александра, царя Македонскаго“ неизвѣстенъ; его называютъ обыкновенно псевдо-Каллисѳеномъ, такъ какъ преданіе приписываетъ повѣсть, хотя и неправильно, ученому греку Каллисѳену, современнику Александра. Уже рано „Повѣсть“ была переведена на многіе языки: латинскій, арабскій, персидскій, армянскій и др. Громадная популярность ея въ византійскую эпоху объясняется отчасти тѣмъ, что Александръ являлся въ глазахъ грековъ великимъ *національнымъ* героемъ въ ихъ борьбѣ съ народами Востока, съ которыми приходилось бороться и Византіи. Въ греческой редакціи „Повѣсти“ особенно выдвигаются его достоинства, какъ *правителя*: мудрость, правосудіе, милость и т. д.; въ западно-европейскихъ обработкахъ онъ изображается, какъ идеалъ *рыцаря*. Но и среди восточныхъ народовъ (персовъ, турокъ, афганцевъ и др.) Александръ пользовался чрезвычайной популярностью и подъ именемъ *Искандера* играетъ громадную роль въ ихъ народныхъ преданіяхъ и до сихъ поръ.

Содержаніе «Александріи».

„Повѣсть объ Александрѣ“ можно раздѣлить на три части. Въ первой разсказывается о происхожденіи Александра, о его дѣтствѣ и воспитаніи, о началѣ его правленія и о первыхъ подвигахъ, напр., объ укрощеніи дикаго коня Букефала („вологлаваго“), о войнахъ со скиѳами („куманами“). Вторая часть заключаетъ въ себѣ описаніе походовъ, побѣдъ и завоеваній Александра, покоренія имъ Греціи, Персіи, Египта и другихъ странъ, при чемъ особенно подробно повѣствуется о войнѣ Александра съ Даріемъ, царемъ персидскимъ; въ этихъ разсказахъ историческіе факты перемѣшиваются и переплетаются со всевозможными вымыслами, напр., разсказывается о небываломъ походѣ Александра на Римъ. Наконецъ, третья, наиболѣе обширная, часть повѣсти цѣликомъ занята разсказомъ о походѣ Александра въ Индію, при чемъ эта часть болѣе всего изобилуетъ баснословными и фантастическими подробностями. На своемъ пути Александръ встрѣчаетъ всевозможныя чудеса и диковинки: шестиногихъ и шестирукихъ великановъ, людей съ собачьими головами („песиглавцы“), вѣщихъ птицъ съ человѣчьими головами, кентавровъ, дикихъ женщинъ („дивьи жены“); онъ сражается съ чудовищемъ Горгоной и отрубаетъ ей голову, на которой вмѣсто волосъ растутъ змѣи; верхомъ на крылатомъ грифѣ поднимается къ небу, въ стеклянномъ ящикѣ опускается на дно морское; посѣщаетъ Макарійскіе („счастливые“) острова, на которыхъ обитаютъ „нагомудрецы“, живущіе въ первобытной простотѣ, въ вѣчномъ мирѣ и довольствѣ; побѣждаетъ нечистые народы („скверніи языкы“) Гогъ и Магогъ и заключаетъ ихъ („заклепываетъ“) въ пещерѣ за сѣверными горами, откуда они выйдутъ лишь передъ концомъ міра; наконецъ, доходитъ до крайнихъ предѣловъ земли, до „рѣки-Окіана“, видитъ страну, гдѣ томятся грѣшники, хочетъ даже проникнуть въ „земной рай“, и только пламенный мечъ ангела останавливаетъ его у заповѣднаго входа. Всѣ эти сказочныя похожденія и встрѣчи давали обильную пищу любознательности и воображенію древне-русскихъ книжниковъ, относившихся съ полнымъ довѣріемъ ко всѣмъ этимъ баснословнымъ разсказамъ.

Встрѣча Александра съ песиглавцами (изъ рукописной „Александріи“).

«Девгеніего дѣяніе».

Рано познакомилась древняя Русь и съ другимъ, позднѣйшимъ византійскимъ витяземъ, *Дигенисомъ Аникитомъ*, имя котораго и

до сихъ поръ очень популярно въ преданіяхъ и пѣсняхъ Греціи. Въ X вѣкѣ была составлена въ Византіи о немъ цѣлая искусственная поэма. Одно изъ книжныхъ сказаній объ этомъ непобѣдимомъ защитникѣ византійскихъ границъ отъ сарацинъ (Aniketos— по гречески «непобѣдимый») перешло и въ нашу письменность еще въ до-монгольскій періодъ подъ названіемъ «Девгеніево дѣяніе»; повліяло оно и на русскую народную поэзію, въ которой этотъ византійскій герой является въ образѣ *Аники-воина* (въ сказкахъ, былинахъ, духовныхъ пѣсняхъ). Особенно популяренъ въ народной средѣ былъ эпизодъ о встрѣчѣ Аники-воина со смертью, о горделивомъ спорѣ съ нею и о гибели его.

Его дѣтство и юность изображаются въ совершенно сказочныхъ тонахъ: на 14 году онъ руками разрываетъ медвѣдя, убиваетъ четырегламаго змѣя, сражается съ амазонкой Максиміаной и т. д. Подробно разсказана его женитьба на прекрасной Стратиговнѣ. Въ сохранившихся русскихъ рукописяхъ нѣтъ разсказа объ его борьбѣ со Смертью и о его гибели, но онъ несомнѣнно былъ у насъ извѣстенъ и отразился на популярныхъ народныхъ преданіяхъ объ Аникѣ-воинѣ [1]).

Другія повѣсти.

Кромѣ „Александріи“ и „Девгеніева дѣянія“, изъ Византіи перешло къ намъ, черезъ посредство южныхъ славянъ, и нѣсколько другихъ повѣстей, каковы: „Сказаніе о троянской войнѣ“, „Стефанитъ и Ихнилатъ“, „Исторія Варлаама и Іосафа“, „Сказанія объ Акирѣ премудромъ“; изъ нихъ послѣднія представляютъ собой греческія передѣлки восточныхъ (индійскихъ и арабскихъ) оригиналовъ и по своему содержанію отличаются преимущественно *поучительнымъ* характеромъ.

Древнѣйшіе памятники письменности.

Вся эта разнообразная переводная письменность, церковная и свѣтская, главнымъ образомъ дошла до насъ въ позднихъ спискахъ. Нашествія враговъ, междоусобія князей, пожары, передвиженія населенія уничтожили большую часть древнихъ рукописей; немногія изъ нихъ уцѣлѣли до нашего времени. Наиболѣе интересныя изъ нихъ—*Остромирово Евангеліе* и *Изборники Святослава*.

Остромирово Евангеліе.

Остромирово Евангеліе было списано въ 1056—1057 гг. въ Новгородѣ діакономъ Григоріемъ для посадника Остромира. Оно содержитъ евангельскія чтенія для воскресныхъ и праздничныхъ дней, нужныя для богослуженія (такъ наз. «краткій апракосъ»).

---

1) Русскій текстъ повѣсти полонъ своеобразныхъ художественныхъ выраженій: братья, у которыхъ аравійскій царь Амиръ (Эмиръ) похитилъ сестру, отправляются въ погоню: „поѣхаша, яко златокрылатые ястребы, кони же подъ ними яко летаху“; „поскочиша на амировыхъ стражей и начаша ихъ бити, яко добрые косцы траву косити... гнаша ихъ передъ собою, яко добрый пастухъ овецъ“; „гдѣ стоятъ братаничи (братья), и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяетъ, а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тма темно“.

Сохранившаяся до сихъ поръ отъ того времени рукопись [1])—копія болгарскаго текста, въ свою очередь переведеннаго съ греческаго. Это дѣлаетъ ее *очень типичной* для ранняго момента развитія нашей письменности. Переписчикъ, во время своей затянувшейся почти на два года работы, безсознательно внесъ въ болгарскій текстъ рядъ особенностей своего живого говора, и это дѣлаетъ «Остромирово Евангеліе» драгоцѣннымъ источникомъ для исторіи русскаго языка XI вѣка. Рукопись украшена орнаментомъ, разрисованными заглавными буквами, заставками, ликами евангелистовъ, въ византійскомъ духѣ. Съ этой стороны она представляетъ очень интересный памятникъ нашего древняго искусства.

Изборники Святослава

Изборники Святослава относятся къ 1073 и 1076 гг. Оба они—тоже русскія копіи болгарскихъ переводовъ съ греческаго. Переведенъ былъ первый изъ нихъ для болгарскаго царя Симеона. Списаны были они для черниговскаго князя Святослава Ярославича, по имени котораго и получили свое названіе. Въ одномъ изъ нихъ (1073 г.) есть изображеніе князя Святослава съ семьей—первый русскій портретъ.

Первый сборникъ содержитъ отрывки изъ отцовъ церкви и другихъ писателей очень разнообразнаго содержанія: отрывокъ изъ Златоуста—поученіе о злыхъ женахъ (излюбленная тема нашихъ древнихъ писателей аскетическаго направленія), перечень вселенскихъ соборовъ, каноническихъ и отреченныхъ книгъ, сказаніе о 12 драгоцѣнныхъ камняхъ, краткій лѣтописецъ отъ Августа до Константина, статью по теоріи словесности о фигурахъ и тропахъ [2]) и т. д. Второй сборникъ цѣльнѣе по содержанію: въ него вошли преимущественно статьи *религіознаго и нравоучительнаго* характера: поученія дѣтямъ Ксенофонта и Ѳеодоры, о чтеніи Св. Писанія, о постѣ, воздержаніи, исповѣданіи грѣховъ, «Стословецъ» Геннадія и пр.

Палеографическія свѣдѣнія.

И Остромирово Евангеліе, и Изборники Святослава знакомятъ насъ съ тѣмъ, каковы были наши древне-русскія книги, тѣ уставныя рукописи, которыя впервые заронили въ русскую землю свѣтъ христіанскаго просвѣщенія.

Виды древняго письма: уставъ и полууставъ.

Древнѣйшія наши рукописи писались такъ назыв. *уставомъ*. Уставныя буквы отличались крупными размѣрами и правильными, простыми очертаніями. Каждая буква вырисовывалась отдѣльно, не сливаясь и не

---

[1]) Она хранится въ Петербургѣ въ Императорской публичной библіотекѣ.

[2]) Аллегорія переведена—*инословіе*, метафора—*преводъ*, сарказмъ—*лихорѣчіе*, иронія—*поруганіе*. Примѣръ опредѣленія: „инословіе убо есть ино нѣчто глаголющи, а инъ разумъ указующи“.

соединяясь съ сосѣдними. Въ общемъ онѣ имѣли постоянную, довольно устойчивую форму. Въ русскихъ рукописяхъ уставъ господствуетъ въ первые вѣка письменности, но уже съ средины XIV вѣка его начинаетъ вытѣснять *полуустав*ъ, въ которомъ буквы значительно меньше по величинѣ, сложнѣе и разнообразнѣе по очертаніямъ; какъ и въ уставѣ, онѣ всегда пишутся раздѣльно; нѣкоторыя изъ нихъ, даже у одного писца, имѣютъ по нѣсколько формъ[1]). Какъ въ уставномъ, такъ и въ полууставномъ письмѣ слова не отдѣлялись другъ отъ друга, писались безъ всякихъ промежутковъ; изъ знаковъ препинанія употреблялась только точка, которая ставилась обыкновенно посреди строки; болѣе крупные періоды или части изложенія отдѣлялись разными значками, напр., четырьмя точками, расположенными на-крестъ (·:·). *Строки* („ряды“, „рядки“) обыкновенно ровной величины, такъ же, какъ и разстоянія между строками; онѣ размѣчались писцомъ, передъ началомъ работы, при помощи циркуля, и затѣмъ писецъ строго придерживался принятаго размѣра. На листѣ рукописи строки располагались въ одинъ или два *столбца*; въ послѣднемъ случаѣ между ними посрединѣ образовывался небольшой пробѣлъ. По краямъ рукописи оставались болѣе или менѣе значительныя *поля* („берега“), на которыхъ иногда ставились числа, обозначавшія главы, или другія отмѣтки, напр., изображеніе человѣческой руки, въ мѣстахъ особенно важныхъ и примѣчательныхъ.

Скоропись. Уставное и полууставное письмо, при которомъ вырисовывалась каждая буква отдѣльно, требовало много времени, работа подвигалась медленно; поэтому уже довольно рано (съ конца XIV в.), почти одновременно съ полууставомъ, начинаетъ слагаться новая форма письма—*скоропись*, болѣе сжатая и связная и потому болѣе приспособленная для быстрой работы; зато начертанія отдѣльныхъ буквъ въ скорописи еще болѣе измѣнчивы и разнообразны, чѣмъ въ полууставѣ. Скоропись постепенно вытѣсняетъ всѣ другіе виды письма и уже съ XVI в. начинаетъ господствовать въ дѣловой и свѣтской письменности. Особую форму письма представляетъ такъ назыв. *вязь*, употреблявшаяся преимущественно въ заголовкахъ; въ ней отдѣльныя буквы тѣсно связывались другъ съ другомъ, переплетались и образовывали замысловатый узоръ, иногда только съ трудомъ поддающійся чтенію.

Матеріалы для письма. Древнѣйшія русскія рукописи и книги писались на *пергаментѣ*, выдѣлывавшемся обыкновенно изъ телячьей кожи (отсюда выраженіе: „грамота на телятинѣ“). Обычное названіе пергамента въ древней Руси *харатья* („харатейные списки“). Съ XIV вѣка постепенно входитъ въ употребленіе и *бумага* (тряпичная), привозившаяся къ намъ, повидимому, изъ Германіи, черезъ Новгородъ: первая русская бумажная мельница была основана лишь при Иванѣ Грозномъ. *Чернила* („чернило“) употреблялись желѣзистыя, крѣпкаго раствора; для густоты въ нихъ подбавляли какого-либо клейкаго вещества; въ заглавіяхъ иногда употребляли и краски, чаще всего *киноварь* (ярко-красная краска), а также и золото. Писали обыкновенно *гусиными перьями;* переписчикъ одного

---

[1]) Впослѣдствіи изъ полуустава были заимствованы и формы печатныхъ буквъ, при возникновеніи книгопечатанія въ XVI вѣкѣ.

Апостола XVI в., въ видѣ исключенія, отмѣчаетъ: „писалъ есмь *павымъ* перомъ“ [1]).

Украшенія рукописей.

Наши древніе книжники много заботились о красотѣ своихъ рукописей, украшая ихъ заставками, расписными иниціалами и рисунками (миніатюрами). *Заставки*, рисованныя красками, помѣщались обыкновенно на первомъ листѣ рукописи, вверху, надъ заглавіемъ; наиболѣе характернымъ для нихъ мотивомъ является такъ назыв. *звѣриный* или *чудовищный* („тератологическій“) *орнаментъ*, въ которомъ изображались разные фантастическіе звѣри и птицы, причудливо сплетенные между собой; встрѣчаются въ нихъ и человѣческія фигуры, перевитыя ремнями или лентами. Этотъ орнаментъ сложился безъ всякаго вліянія со стороны византійскаго искусства, такъ какъ въ греческихъ рукописяхъ онъ не употребителенъ; можетъ быть, основные мотивы его занесены къ намъ съ Востока. Изъ греческихъ же рукописей былъ заимствованъ нашими книжниками орнаментъ *геометрическій*, состоявшій изъ сплетенія различныхъ геометрическихъ фигуръ: круговъ, треугольниковъ, квадратовъ. Позднѣе, въ XVI вѣкѣ, появляется въ русскихъ рукописяхъ и *растительный* („травный“) *орнаментъ*, въ которомъ сказалось, повидимому, западное (итальянское) вліяніе: заставки начинаютъ украшаться изображеніями растеній, листьевъ и цвѣтовъ, образующихъ причудливый узоръ; впослѣдствіи этотъ орнаментъ перешелъ и въ русскія первопечатныя книги [2]). Кромѣ заставокъ, рукописи украшались еще расписными *заглавными буквами* (иниціалами), очень разнообразными по формѣ; въ нихъ также встрѣчаются нерѣдко изображенія фантастическихъ звѣрей, а иногда и человѣческія фигуры въ странныхъ позахъ и положеніяхъ. Наконецъ, во многихъ рукописяхъ встрѣчаются и рисунки—*миніатюры*; такія рукописи назывались „лицевыми“. Миніатюрами украшена первая дошедшая до насъ древне-русская рукопись—Остромирово Евангеліе (изображенія евангелистовъ). На миніатюрахъ раннихъ русскихъ рукописей замѣтно сильное византійское вліяніе. Въ эпоху татарщины техника ихъ становится гораздо грубѣе, рисунокъ неуклюжѣе; этотъ упадокъ искусства продолжается и въ слѣдующіе вѣка (см. въ текстѣ снимки съ миніатюръ Радзивиловской лѣтописи и Толковой Палеи XV в.). Возрожденіе миніатюрнаго искусства, одновременно съ возрожденіемъ иконописи, наступаетъ лишь въ XVII вѣкѣ: отъ этой эпохи сохранилось особенно много *лицевыхъ* рукописей. Въ общемъ древне-русскія миніатюры не отличаются особенными художественными достоинствами, пріемы ихъ очень наивны и условны, но онѣ представляютъ важный и цѣнный матеріалъ для исторіи искусства въ Россіи, а также отчасти для исторіи быта (костюмы, обстановка) и для характеристики многихъ народныхъ вѣрованій и представленій.

Внѣшній видъ древне-русскихъ книгъ.

Въ готовомъ видѣ древне-русская рукопись представляла собой рядъ „тетрадей“ (отъ греч. tetradion), состоявшихъ изъ перегнутыхъ попо-

---

[1]) Изученіемъ древнихъ рукописей со стороны ихъ внѣшняго вида занимается особая наука—*палеографія*, имѣющая важное вспомогательное значеніе для исторіи и литературы.

[2]) Нѣкоторые орнаменты отличаются большой художественностью и тонкостью работы, напр., заставки въ Четвероевангеліи 1507 года.

ламъ листовъ пергамента или бумаги, равной величины. Затѣмъ тетради эти переплетались или „крылись“—прошивались бечевкой, веревкой или тонкимъ ремешкомъ, концы которыхъ прикрѣплялись къ двумъ доскамъ переплета; внѣшніе края пергамента или бумаги ровно обрѣзывались, иногда покрывались краскою или золотомъ. Доски вмѣстѣ съ корешкомъ книги обтягивались („поволочились“) кожей или какой-нибудь тканью, въ болѣе цѣнныхъ экземплярахъ покрывались „окладами“, „плащами“—металлическими чеканными украшеніями; чтобы при тугомъ переплетѣ книги листы не коробились, доски стягивались особыми металлическими застежками. Были и очень дорогіе переплеты (особенно на Евангеліяхъ, пожертвованныхъ въ церкви и монастыри богатыми людьми)—съ серебромъ, золотомъ, драгоцѣнными камнями и финифтью (родъ эмали).

ереписчики.

Списываніе книгъ, богослужебныхъ и религіозно-нравственныхъ, считалось въ древней Руси богоугоднымъ дѣломъ. Имъ занимались не только духовныя лица, особенно монахи, но и свѣтскія, даже князья (напр., одну Кормчую [1]) XIII вѣка переписывали „боголюбивый князь Владиміръ Васильковичъ и боголюбивая княгиня Ольга Романовна“). Наряду съ писцами-подвижниками и любителями были у насъ и писцы-профессіоналы („книгописцы“, „писари“, „мастера“, „добописцы“—дословный переводъ греческаго kalligrafos); переписывали и женщины („писицы“). Копировали имѣвшіеся у насъ въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ списки, но дѣлали копіи и въ Константинополѣ, на Аѳонѣ, въ особенности болѣе рѣдкихъ и неизвѣстныхъ на Руси книгъ. Для того, чтобы получить такіе списки, иногда „добописцы“ годами жили въ греческихъ и южно-славянскихъ монастыряхъ.

Списываніе книгъ.

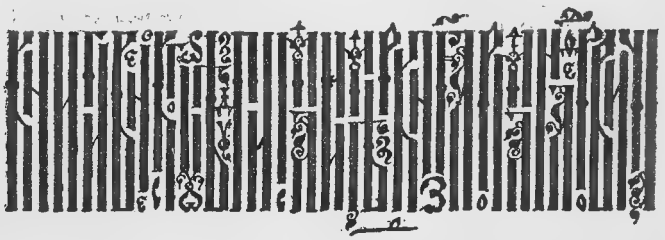
Переписываніе было затяжнымъ и труднымъ дѣломъ. Большія рукописи обыкновенно переписывались „добописцемъ“ съ однимъ или нѣсколькими помощниками. Раскрашенныя заглавныя буквы, орнаментъ и миніатюры требовали художественнаго таланта. Если писецъ имъ не обладалъ, ему помогали спеціалисты-живописцы („знаменщики“). Все это *удорожало* книгу, заставляло ее беречь. Отсюда—обычныя надписи на нашихъ древнихъ книгахъ, съ проклятіемъ тому, кто ихъ похититъ или испортитъ своею небрежностью. (На одномъ Евангеліи, напр., была такая надпись: „а если попъ или дьяконъ, прочитавъ, не застегнетъ всѣхъ застежекъ—да будетъ онъ проклятъ“). Въ припискахъ „добописцевъ“, въ ихъ послѣсловіяхъ, часто звучитъ глубокое нравственное удовлетвореніе отъ исполненнаго долга передъ вѣрующими, наряду съ наивною радостью передъ окончаніемъ тяжелаго труда („какъ радуется женихъ о невѣстѣ, такъ радуется писецъ, видя послѣдній листъ; какъ радуется купецъ, совершивъ удачную покупку, и кормчій, приставъ къ пристани, и странникъ, вернувшійся на родину, такъ радуется книжный списыватель, дойдя до конца книги“). Обычны, напр., такія надписи: „списаны эти божественныя книги въ утѣшеніе и во спасеніе всѣмъ вѣрующимъ, если они будутъ читать со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ“, и пр.

«Книжное почитаніе».

Такимъ же богоугоднымъ дѣломъ было и „книжное почитаніе“, чтеніе книгъ, въ особенности „божественныхъ“, „святыхъ“. Въ нашей

[1]) Книги церковныхъ законоположеній.

древней письменности очень обычно восхваленіе этого „почитанія“, какъ лучшаго проводника новой вѣры. Часто эта тема разрабатывалась съ очень большимъ паѳосомъ: напр., „когда читаешь книги, не переходи быстро къ другой главѣ, не выразумѣвъ, что говорятъ эти книги и слова; но три раза обращайся къ одной главѣ... Говорю: коню узда—правитель и способъ сдерживанія, праведнику же книги. Не создается корабль безъ гвоздей, ни праведникъ безъ почитанія книжнаго... Красота воину оружіе и кораблю паруса, такъ и праведнику почитаніе книжное... Поученіе святыхъ книгъ — начатокъ добрыхъ дѣлъ“ (изъ „Святославова Изборника“ 1076 г.).



Образецъ вязи XVII вѣка; читается: Книги Веневского уѣзду писма и мѣры князя Романа Ѳедоровича.

2. Подражательная и оригинальная литература до-монгольскаго періода.

Ея духовный характеръ.

Ранняя *подражательная* и *оригинальная* письменность древней Руси отличалась такимъ же преобладающимъ *церковнымъ* характеромъ, какъ и письменность переводная. За рѣдкими исключеніями, писателями были духовныя лица; центрами литературной дѣятельности были *монастыри;* даже образованіе свѣтскихъ лицъ (напр., князей) носило духовный характеръ. Наиболѣе распространенными видами этой литературы были *проповѣди* и *поученія, житія, описанія путешествій въ св. Землю* («Хожденія»). Образцами для всѣхъ этихъ видовъ письменности служили произведенія *византійской* (и южно-славянской) литературы, при чемъ, однако, авторы старались по возможности *приспособлять* свои подражанія *къ новымъ жизненнымъ условіямъ,* сдѣлать ихъ доступными и понятными для своихъ мало подготовленныхъ читателей и слушателей. Такъ, напр., поступали наши первые *проповѣдники,* заимствовавшіе у греческихъ церковныхъ ораторовъ темы, идеи, образы и пріемы, но приспособлявшіе ихъ къ потребностямъ и интересамъ своей паствы, едва затронутой еще свѣтомъ христіанскаго ученія.

Византійская проповѣдь.

Блестящее развитіе ораторскаго искусства въ древней Греціи подготовило и расцвѣтъ византійской христіанской проповѣди. Уже въ IV в. (по Р. Х.) въ Византіи появляются такіе исключительные по своимъ

ораторскимъ дарованіямъ проповѣдники, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и др. Поученія ихъ широко использовали пріемы древне-греческаго ораторскаго искусства, все разнообразіе его формъ и видовъ. Они то носили *полемическій*, *обличительный* характеръ, были направлены противъ суевѣрій, остатковъ язычества, общественныхъ недостатковъ того времени, то разъясняли значеніе обрядовъ и догматовъ вѣры, отличались *учительнымъ* характеромъ, то прославляли Бога, Богородицу, святыхъ, крупнѣйшія христіанскія празднества и носили торжественный, *панегирическій* характеръ. Позднѣйшая византійская проповѣдь отличалась пристрастіемъ къ символикѣ, аллегоріямъ, искусственнымъ сравненіямъ и противопоставленіямъ, носила слишкомъ *реторическій* характеръ.

Поученіе Луки Жидяты.

Изъ извѣстныхъ намъ русскихъ проповѣдниковъ первымъ, по времени, считается новгородскій епископъ *Лука Жидята* (или *Жирята*)[1]. Его «Поученіе къ братіи» отличается своей простотою и отсутствіемъ искусственныхъ ораторскихъ пріемовъ. Коротко и доступно, приспособляясь къ пониманію слушателей, перечисляетъ онъ обязанности христіанина по отношенію къ Богу, ближнимъ и самому себѣ. Проповѣдникъ хочетъ перевоспитать свою паству, заставить ее жить по-христіански, порвать съ вѣковыми языческими привычками. Относится къ ней онъ кротко, любовно, снисходитъ къ слабости новообращенныхъ. Многіе изъ его совѣтовъ паствѣ проникнуты духомъ милосердія и человѣколюбія: «имѣйте любовь ко всякому человѣку, особливо къ братіи», «милуйте странниковъ, убогихъ, заключенныхъ, сиротъ», «не берите мзды, не отдавайте (денегъ) подъ проценты».

Проповѣди Св. Ѳеодосія Печерскаго.

Такимъ же простымъ, *не-реторическимъ* характеромъ отличаются и проповѣди св. Ѳеодосія Печерскаго[2]. Его личность и монастырская дѣятельность произвели на современниковъ очень сильное

---

[1]) Происхожденіе этого имени неясно. Одни ученые считаютъ „Жирята“ народной переголосовкой имени Георгій, *Юрій*, другіе „Жидята“—уменьшительнымъ отъ „мірского“ имени „Жидиславъ“, третьи видятъ въ прозвищѣ „Жидята“ указаніе на еврейское происхожденіе епископа Луки, при чемъ ссылаются на его хорошее знакомство съ Моисеевымъ закономъ.

[2]) Вопросъ о литературной дѣятельности преп. Ѳеодосія до сихъ поръ еще является очень спорнымъ и запутаннымъ. Младшій современникъ святителя, преп. Несторъ Лѣтописецъ въ своемъ житіи Ѳеодосія приписываетъ ему нѣсколько произведеній, но они до насъ не дошли. Древне-русская литература знала нѣсколько произведеній съ именемъ Ѳеодосія, но нѣкоторыя изъ нихъ могли принадлежать писателю XII в., Ѳеодосію Греку. Св. Ѳеодосію Печерскому учеными приписывалось и приписывается много произведеній, но противъ принадлежности ихъ печерскому подвижнику выдвинуто было много серьезныхъ возраженій. Наименѣе спорной и сомнительной является принадлежность ему пяти „поученій къ братіи“, инокамъ Кіево-Печерскаго монастыря.

впечатлѣніе. Пламенная, сильная и цѣльная натура, онъ съ молодыхъ лѣтъ упорно и страстно боролся за свои иноческіе идеалы, осуществлялъ ихъ въ своей жизни и, какъ одинъ изъ первыхъ представителей *монастырской* проповѣди Кіевской Руси, своимъ примѣромъ и поученіями много сдѣлалъ для распространенія ихъ въ тогдашнемъ обществѣ.

Въ своихъ «Поученіяхъ братіи» онъ старается пріучить иноковъ къ строгому *выполненію суроваго студійскаго устава*, который запрещалъ монахамъ имѣть въ келіяхъ какую-либо, сверхъ положенной, собственность, посѣщать другъ друга для праздныхъ разговоровъ, и предписывалъ имъ кормить странныхъ и убогихъ трудами рукъ своихъ и пр. *Иноческій идеалъ*, изображаемый въ проповѣдяхъ св. Ѳеодосія, отличается большою нравственной высотой и строгостью. Инокъ долженъ отречься навсегда отъ міра, всецѣло отдаться нестяжательности, воздержанію, постничеству, аскетическимъ подвигамъ, тяжелому труду. «Черноризцамъ необходимо», училъ онъ, «имѣть любовь ко всѣмъ меньшимъ, а къ старшимъ—покоренье и послушанье». «Любы (любовь) Божія не въ словесѣхъ совершается, но въ дѣлѣхъ дѣтельныхъ».

Поученіе о казняхъ Божіихъ.

Св. Ѳеодосію приписываютъ (безъ серьезныхъ, впрочемъ, основаній) нѣсколько очень распространенныхъ въ нашей древней письменности поученій, въ томъ числѣ „Поученіе о казняхъ Божіихъ“ и „Слово о пьянствѣ и пѣньѣ тропарей“. Первое изъ нихъ говоритъ о дьяволѣ, какъ о врагѣ человѣческаго рода и источникѣ грѣха,—о Богѣ, который наказываетъ людей за грѣхи, посылая на нихъ голодъ, бездождіе, нашествіе иноплеменниковъ, но и милуетъ ихъ при раскаяніи, даруетъ имъ всѣ блага земныя, а въ будущей жизни—вѣчное блаженство. Все же люди, „аки свиния“, постоянно находятся въ грѣховной мерзости и навлекаютъ на себя гнѣвъ Божій. Съ особою силою нападаетъ проповѣдникъ на „поганскія“ дѣла тогдашняго русскаго общества, грубыя суевѣрія и наиболѣе распространенные пороки — вѣру въ „дурную встрѣчу“ (съ монахами, лысымъ конемъ, свиньей), въ „зачиханье“, „которое часто бываетъ полезно для головы“, — волхованіе, скоморошество, пьянство, вообще все, чего „нѣсть лъзѣ христіаномъ творити“. Въ словѣ „о пѣніи тропарей“ проповѣдникъ возстаетъ противъ „зазорнаго“ обычая пѣть священныя пѣснопѣнія во время пировъ [1]).

---

[1]) Св. Ѳеодосію приписывается также очень характерное „Посланіе къ великому князю Изяславу о вѣрѣ крестьянской (христіанской, православной) и варяжской или латинской“, проникнутое крайней враждой и нетерпимостью къ католицизму. Впрочемъ, вѣроятно, посланіе это было написано не имъ, а Ѳеодосіемъ Грекомъ, въ XII вѣкѣ, и является отраженіемъ страстной ненависти тогдашняго византійскаго духовенства къ „латинству“.

Изображеніе всемірнаго потопа: ангелъ отверзаетъ хляби небесныя; слѣва стоитъ на горѣ Ной и ударяетъ въ „било“, созывая въ ковчегъ животныхъ; а вверху уже виденъ голубь, летящій съ масличной вѣтвью (Изъ Толковой Палеи XV-го вѣка.)

Проповѣди торжественныя.

Наряду съ безыскусственной учительной проповѣдью рано появляется у насъ и *проповѣдь торжественная, риторическая*. Ея главные представители—*митрополитъ Иларіонъ* и *епископъ Кириллъ Туровскій*.

Митрополитъ Иларіонъ.

Біографическія свѣдѣнія о митрополитѣ Иларіонѣ очень скудны. Онъ былъ священникомъ въ селѣ Берестовѣ, подъ Кіевомъ, любимой загородной резиденціи великаго князя Ярослава. Лѣтопись характеризуетъ его, какъ „мужа блага и книжна и постника“. Онъ былъ строгій подвижникъ, любилъ уединеніе и выкопалъ для себя пещеру въ лѣсу на берегу Днѣпра. Въ этой пещерѣ позднѣе поселился преподобный Антоній; она и положила начало Кіево-Печерскому монастырю. Ярославъ, тяготившійся зависимостью русской церкви отъ Константинополя и не разъ воевавшій съ Византіей, въ 1051 г. избралъ его въ митрополиты. Соборъ епископовъ посвятилъ Иларіона въ св. Софіи Кіевской. Это былъ первый случай избранія главы русской церкви изъ мѣстныхъ уроженцевъ—раньше митрополиты всегда были изъ грековъ [1]).

[1]) Въ послѣднее время была сдѣлана однимъ ученымъ (М. Приселковымъ) очень заманчивая попытка отождествить Иларіона съ „великимъ Никономъ“, игравшимъ большую роль въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, постригшимъ св. Ѳеодосія и редактировавшимъ одинъ изъ лѣтописныхъ сводовъ. Примирившись съ греками, Ярославъ долженъ былъ пойти на уступки и отказаться отъ идеи самостоятельности русской церкви; Иларіонъ принужденъ былъ оставить митрополичью каѳедру, принялъ схиму

Митрополитъ Иларіонъ былъ выдающимся ораторомъ. Его «Слово о законѣ и благодати» [1]), по своимъ литературнымъ и богословскимъ достоинствамъ, можетъ быть поставлено наряду съ лучшими произведеніями византійской проповѣди. Иларіонъ былъ прекрасно знакомъ съ нею, черпалъ изъ нея образы и идеи, но сумѣлъ сохранить оригинальность и создать одинъ изъ лучшихъ образцовъ русской церковной проповѣди. Слово о з конѣ и б. годати.

Его слово распадается на три части.

Въ первой онъ противопоставляетъ *Ветхій* и *Новый* Завѣтъ, *„законъ“* и *„благодать“*. Главная цѣль этой части—прославленіе Бога за промышленіе о человѣческомъ родѣ, завершенное искупительною жертвою Христа и сообщеніемъ людямъ спасительной благодати. Рядомъ *образовъ* и *параллелей* проповѣдникъ доказываетъ неизмѣримое *превосходство христіанской вѣры* передъ «закономъ», т.-е. передъ ученіемъ Моисея.

Законъ—только пріуготовленіе къ истинѣ и благодати, ихъ предтеча и слуга; сначала законъ, потомъ благодать—сначала тѣнь, потомъ истина: законъ подготовлялъ къ крещенію, крещеніе же „препущало сыны своя на вѣчную жизнь“.

Образы закона и благодати—рабыня Агарь и свободная Сарра. Отъ юности своей Авраамъ имѣлъ жену Сарру, свободную, не рабу; отъ Авраама и Агари родился Измаилъ, рабъ: Моисей съ Синая принесъ законъ, а не благодать, тѣнь, а не истину. Отъ Сарры родился Исаакъ, сынъ, а не рабъ: родилась благодать и истина. Прогнана была раба Агарь съ сыномъ своимъ Измаиломъ, а Исаакъ, сынъ свободной, сдѣлался наслѣдникомъ отца своего Авраама: изгнаны были іудеи и расточены по разнымъ странамъ, а чада благодати, христіане, сдѣлались наслѣдниками Господу и Отцу. „Исчезъ свѣтъ луны, когда возсіяло солнце, прошелъ холодъ ночи, когда солнечное тепло согрѣло землю—такъ минулъ и законъ, когда явилась благодать, и уже человѣчество не гордится закономъ, но въ благодати пространно ходитъ“.

Дальше проповѣдникъ сопоставляетъ два естества въ Христѣ: какъ человѣкъ, онъ былъ повитъ въ пелены, и, какъ Богъ, звѣздою водилъ волхвовъ; какъ человѣкъ, бѣжалъ въ Египетъ, и, какъ Богу, покло-

---

и получилъ имя *Никона*. Съ этого момента и началась его энергичная дѣятельность въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, до самой смерти (въ 1088 г.), на защиту интересовъ русской церкви отъ притязаній греческаго духовенства. Эта гипотеза, подкрѣпленная остроумными соображеніями, объясняетъ многія загадочныя стороны нашей церковной жизни второй половины XI вѣка.

[1]) Или „о законѣ Моисеомъ даннѣмъ, и о благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ; и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вѣра во вся языки простреся, и до нашего языка Русскаго; и похвала Кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земли нашеа“.

нились Ему египетскіе кумиры; какъ человѣкъ, явился Онъ на бракъ въ Канѣ Галлилейской, и, какъ Богъ, претворилъ воду въ вино, и пр.

Христосъ направилъ своихъ учениковъ проповѣдывать свое ученіе міру. Благодать и истина должны были возсіять новымъ людямъ, ибо не вливаютъ новаго вина—ученія благодати—въ старые мѣхи, обветшавшіе въ іудействѣ, ибо прорвутся мѣхи и прольется вино. Вѣдь іудеи не сумѣли удержать даже тѣни—закона, но много разъ уклонялись въ язычество—какъ же имъ было удержать ученіе истинной благодати?

Вторая часть слова Иларіона говоритъ *о распространніи христіанской вѣры*. «Вѣра благодатная распростерлась по всей землѣ и дошла до нашего русскаго народа; *озеро закона* высохло, *источникъ Евангельскій* исполнился водою, покрылъ всю землю и пролился до насъ». Благій Богъ всѣ страны помиловалъ, и насъ не презрѣлъ, восхотѣлъ спасти насъ, привелъ въ истинный разумъ; наша земля была пуста, вся высохла,—внезапно источникъ Евангельскій полилъ всю нашу землю. Мы были слѣпы, не видѣли истиннаго свѣта, но заблуждались въ обманахъ язычества,—мы были глухи къ ученію спасенія, но Богъ насъ помиловалъ, и возсіялъ на насъ свѣтъ разума. «Уже не послѣдуемъ бѣсомъ, но ясно славимъ Христа Бога нашего».

Третья часть Слова *восхваляетъ св. Владиміра* за утвержденіе христіанства на Руси, сравниваетъ его съ Константиномъ Великимъ. Благодаря ему исчезъ у насъ «идольскій мракъ» и явилась «заря благовѣрія», разсѣялась «тьма бѣсовскаго служенія» и возсіяло «солнце Евангельское».

Съ прочувствованными, полными высокаго одушевленія словами обращается Иларіонъ къ Владиміру [1]): „Встани, о честнаа главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ, нѣси бо умерлъ, но спиши до общаго всѣмъ въстаніа. Встани, нѣси умерлъ, нѣсть бо лѣпо умрети вѣровавшу въ Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, возведи очи, да видиши, какоя тя чести Господь тамо сподобивъ и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Встани, виждь чадо свое Георгіа, виждь утробу свою, виждь милааго своего... Виждь красящаго столъ земли твоей и возрадуйся и возвеселися... Виждь же и градъ величествомъ сіяющъ, виждь церкви цвѣтущи, виждь христіанство растуще, виждь градъ иконами святыихъ освѣщаемъ блистающеся и тиміамомъ (ѳиміамомъ) объухаемъ, и хвалами и божественными пѣніи святыими оглашаемъ“. „Тобою прозрѣхомъ на свѣтъ тресолнечнаго Божества... Ты праѵдою бѣ облеченъ, крѣпостію препоясанъ, истиною обутъ, смысломъ вѣнчанъ и милостынею, яко гривною [2]) и утварью златою, красуяся“.

---

[1]) Предполагаютъ, что Слово было произнесено въ Кіевской Десятинной церкви у гроба Владимира, въ присутствіи князя Ярослава, его семьи и приближенныхъ.

[2]) Серебряное или золотое ожереліе.

Пусть онъ помолится о сынѣ, Каганѣ (князѣ, властителѣ) Георгіи, чтобы онъ въ мирѣ и здравіи преплылъ пучину житія и въ пристанище небеснаго завѣтрія присталъ, сохранивъ безъ ущерба душевный корабль—вѣру,—и богатство—добрыя дѣла.

Значеніе „Слова“ Иларіона.

Какъ содержаніе, такъ и построеніе «Слова» Иларіона указываетъ на большой его ораторскій талантъ и опытъ. Изложеніе развивается послѣдовательно, главная мысль — *значеніе новой вѣры для человѣчества*—искусно объединяетъ всѣ его части. Нѣкоторые изъ образовъ и символовъ искусственны, но они были въ характерѣ того времени и вызывались византійскимъ вліяніемъ; но чаще Иларіонъ достигалъ большой оригинальности и силы и въ этой области, въ особенности, когда онъ бралъ свои образы изъ міра природы и говорилъ о томъ, что ему было всего дороже—о христіанскомъ просвѣщеніи русской земли, о дѣятельности Владиміра и Ярослава. Иларіонъ выясняетъ его значеніе, въ распространеніи христіанства видитъ право Владиміра на благоговѣйное и благодарное признаніе всѣмъ народомъ его равенства съ величайшими распространителями христіанства. Вездѣ онъ отстаиваетъ право Руси на *національную самостоятельность Церкви.* Все это придавало его «Слову» очень *важное жизненное значеніе для своего времени.*

Св. Кириллъ Туровскій.

Другимъ крупнымъ представителемъ торжественной проповѣди былъ писатель XII в. св. *Кириллъ Туровскій,* котораго называли *русскимъ Златоустомъ.*

Свѣдѣнія объ его жизни очень скудны. Сынъ богатыхъ родителей, уроженецъ г. Турова (въ теперешней Минской губ.), онъ съ дѣтства не возлюбилъ „богатства и тлѣнной славы міра сего“, но „паче всего сердцемъ прилежалъ къ ученію божественныхъ книгъ“. Повидимому, учился онъ у грековъ, такъ какъ хорошо былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ и византійской литературой, зналъ и такія ея произведенія, которыя тогда были неизвѣстны въ русскихъ переводахъ. Наплывъ греческихъ іерарховъ въ Россію въ началѣ XII в. вообще усилилъ византійское вліяніе. Литература, въ особенности духовная, все болѣе переполнялась искусственными образами, символами, аллегоріями и другими пріемами „тонкословія греческаго“. Все это сыграло большую роль и въ творчествѣ Кирилла Туровскаго, который былъ *наиболѣе яркимъ представителемъ византійскаго вліянія въ нашей древней литературѣ.*

Кириллъ поступилъ въ монастырь и „многимъ былъ тамъ полезенъ своимъ учительствомъ, такъ какъ поучалъ монаховъ быть въ покорности и повиновеніи игумену, имѣть его, яко Бога“. Стремясь къ бо́льшему аскетическому подвигу, онъ „затворился въ столпъ“ (небольшую башенку съ жильемъ), гдѣ отдался посту, молитвѣ и „изложенію божественныхъ писаній“. Народъ и князь умолили его выйти изъ затвора и сдѣлаться Туровскимъ епископомъ. Въ санѣ епископа онъ написалъ

рядъ посланій (кн. Андрею Боголюбскому), молитвъ, похвалъ святымъ и поученій, и сдѣлался знаменитѣйшимъ проповѣдникомъ тогдашней Руси [1]).

о проповѣди.

Самъ Кириллъ говорилъ о себѣ, что онъ «не отъ себя» поучаетъ а «отъ книгъ», что онъ только «класособиратель». Всего больше сказалось на его проповѣдяхъ вліяніе Іоанна Златоуста, но онъ слѣдуетъ и его позднѣйшимъ подражателямъ, которые придали византійской проповѣди искусственный, схоластическій характеръ, злоупотребляли символизмомъ и аллегоріями, механическимъ сцѣпленіемъ текстовъ. У Златоуста онъ заимствовалъ лиризмъ, наглядность сравненій, которыя часто брались изъ міра природы, глубокую искренность чувства. Но къ этому онъ присоединилъ витіеватость, изысканность и запутанность изложенія позднѣйшихъ византійскихъ проповѣдниковъ, и это лишило проповѣди Кирилла *внутренней цѣльности:* наряду съ прекрасными, художественными картинами, проникнутыми глубокимъ и искреннимъ чувствомъ, у него часто встрѣчаются слишкомъ сложныя аллегоріи, противорѣчивые образы (напр., «*бурные* вѣтры, *тихо* повѣвая»), туманность мысли вслѣдствіе нагроможденія сравненій и иносказаній. Все это дѣлало его проповѣди мало доступными для простого народа. Несмотря на эти недостатки, онъ нерѣдко достигаетъ большой высоты мысли. «Слово о разслабленномъ», напр., начинается такой величественной картиной: «неизмѣрьна небесьная высота, ни испытана преисподьняя глубина, ниже съвѣдомо Божія смотрѣнія (Промысла) таиньство; велика бо и непзреченьна милость его на родѣ человѣчьстѣмъ, ею же помиловани быхомъ».

Слово въ новую недѣлю по Пасхѣ.

Въ „Словѣ въ новую недѣлю по Пасхѣ“ онъ, посредствомъ ряда образовъ и символовъ, рисуетъ весну—возрожденіе природы, воскресеніе Христа и радостное настроеніе людей въ Свѣтлый праздникъ. „Нынѣ солнце, красуясь на высотѣ, восходитъ и радостно согрѣваетъ землю, такъ такъ *Христосъ, праведное солнце,* возсіялъ изъ гроба и спасаетъ всѣхъ вѣрующихъ въ него. Нынѣ луна, сойдя съ высшей ступени, бо́льшему свѣтилу воздаетъ честь: согласно Писанію, прекратился Ветхій завѣтъ со своими субботами, и Церковь чтитъ законы Христа и день воскресный. Нынѣ *зима грѣховная* удалена покаяніемъ, и ледъ грѣховный растаялъ отъ благомыслія: зима кумирослуженія удалена ученіемъ Апостольскимъ и вѣрою Христовою, и *ледъ Ѳомина невѣрія* растаялъ при видѣ ребръ Христовыхъ. Нынѣ красуется весна, оживляя земную природу, и бурные вѣтры, тихо повѣвая, умножаютъ плоды, и земля, питая сѣмена, рождаетъ зеленую траву; *весна красная—это вѣра Христова,* которая крещеніемъ возрождаетъ человѣческую природу; *бурные вѣтры — это грѣховные помыслы,* которые, чрезъ покаяніе превратившись въ добрые, умножаютъ душеполезные плоды, *земля* же—это душа

[1]) Родился Кириллъ Туровскій около 1130—1134 гг., умеръ въ концѣ XII в.

человѣческая, которая, принявъ слово Божіе, какъ сѣмя, и всегда исполненная страха Божія, рождаетъ духъ спасенія". И дальше проповѣдникъ беретъ рядъ образовъ изъ міра окружающей природы: веселье молодого скота, только что выпущеннаго на освободившіеся отъ зимняго покрова луга, игру пастуховъ на свирѣляхъ, распускающіяся деревья, благоуханіе весеннихъ цвѣтовъ и пр. Каждому изъ этихъ образовъ придаетъ Кириллъ *аллегорическое* значеніе, примѣнительно къ своей основной темѣ—выясненію значенія Пасхи для вѣрующихъ.

Внѣшнія и внутр. достоинства проповѣдей Св. Кирилла.

Тонкое чувство природы, остроуміе многихъ сравненій и толкованій, умѣніе вводить слушателей въ *настроеніе даннаго праздника,* возвышенность религіозныхъ чувствъ и мыслей сдѣлали проповѣди Св. Кирилла замѣчательнымъ для своего времени явленіемъ и вызвали большой къ нимъ интересъ и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ: его называли «учителемъ нашимъ», вторымъ Златоустомъ, «паче всѣхъ возсіявшимъ на Руси», просвѣтившимъ «пресвѣтлыми ученіями своими всѣ концы Россіи»; проповѣди его переписывались въ теченіе почти всего древняго періода нашей литературы и вызывали многочисленныя передѣлки и подражанія.

Житія святыхъ.

Житія святыхъ были излюбленнымъ чтеніемъ древней Руси. Въ нихъ искали поученія, примѣровъ христіанской жизни, живыхъ воплощеній высокаго, но труднаго для осуществленія аскетическаго идеала. Ихъ читали не только въ церквахъ, во время монастырскихъ трапезъ, но и въ домахъ свѣтскихъ лицъ. Рано начинаютъ составлять у насъ изъ нихъ и сборники: русскія житія то вводятся въ греческіе и южно-славянскіе прологи и минеи, то группируются, съ накопленіемъ матеріала, въ мѣстные *патерики* [1]), напр., Кіево-Печерскій патерикъ (собраніе житій кіево-печерскихъ угодниковъ). Ихъ главною цѣлью было показать, что и Русская земля «не скудна» святыми и Божьими угодниками; монастыри ими доказывали свое право на благоговѣйное общественное признаніе, проводили въ народъ монастырскіе и монашескіе идеалы.

Значеніе монастырей.

Въ жизни древней Руси монастыри играли очень большую роль: въ ихъ стѣнахъ искали защиты и спасенія при нападеніяхъ враговъ; возлѣ монастырей возникали поселенія, заводились торги; въ нихъ находили пріютъ пріѣзжіе торговцы, путешественники, паломники, приносившіе сюда вѣсти изъ разныхъ странъ; здѣсь лѣчили, давали пріютъ убогимъ; они же сдѣлались *центрами умственной жизни:* монахи занимались переписываніемъ и распространеніемъ книгъ, заводили библіотеки, устраивали школы. Вся общественная жизнь складывалась подъ сильнымъ вліяніемъ монастырей. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ въ древности была *Кіево-Печерская* обитель. Позднѣе такой религіозный центръ создался и на сѣверѣ Руси—*Троице-Сергіева Лавра.* Въ эпоху

[1]) Отъ греч. слова patèr, отецъ.

всеобщаго невѣжества и грубости нравовъ наши монастыри являлись не только единственными разсадниками просвѣщенія, но и высокой школой нравственнаго развитія. Изъ ихъ стѣнъ выходили тѣ „духовные богатыри“, по выраженію историка Соловьева, которые своею жизнью и подвигами закрѣпляли въ народномъ сознаніи высокіе идеалы святости, самоотреченія, борьбы съ эгоистическими страстями и стремленіями, и своимъ живымъ примѣромъ воспитывали народъ въ духѣ христіанскаго ученія (напр., св. Сергій Радонежскій). Изъ монастырей вышло также и большинство нашихъ церковныхъ проповѣдниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые прославились, какъ просвѣтители язычниковъ, напр., св. Лаврентій Ростовскій и священномученикъ Кукша, крститель дикихъ вятичей.

Кіево-Печерскій патерикъ

Первымъ по времени изъ дошедшихъ до насъ сборниковъ житій русскихъ святыхъ былъ *Кіево-Печерскій патерикъ*, относящійся къ XIII вѣку, къ эпохѣ до татарскаго нашествія. Его основаніемъ послужили посланія епископа Симона и инока Поликарпа.

Оба они были питомцами Кіево-Печерскаго монастыря. Въ 1215—1225 гг. Симонъ былъ Владимірскимъ епископомъ [1]). Въ посланіи своемъ къ Поликарпу онъ выясняетъ ему истинный характеръ иночества и высокое значеніе Печерской обители, ссылаясь на примѣры ея святыхъ подвижниковъ. «Какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и Церковь влечетъ душу на добрыя дѣла. Что ни дѣлаешь въ келіи, все не имѣетъ такой силы, какъ совершаемое въ церкви». Самъ онъ пренебрегъ бы всею славою и властью, только бы ему «хоть хворостиною торчать за воротами и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть попираему людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести».

Впослѣдствіи Поликарпъ, руководясь примѣромъ еп. Симона, также занялся собираніемъ и записываніемъ разсказовъ о печерскихъ угодникахъ, именно о тѣхъ, о которыхъ не упоминаетъ Симонъ. Сдѣлалъ это онъ въ особомъ посланіи къ игумену Акиндину. Къ этимъ посланіямъ впослѣдствіи были присоединены житіе св. Ѳеодосія (преп. Нестора) и сказаніе о перенесеніи его мощей, сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря, о дѣятельности св. Антонія, разсказы о первыхъ печерскихъ подвижникахъ и т. д., что и составило Печерскій патерикъ. Среди этихъ разсказовъ есть много художественныхъ, очень характерныхъ для религіознаго сознанія тѣхъ временъ и условій тогдашней монастырской жизни [2]). Въ лицѣ

[1]) Лѣтопись называетъ его „милостивымъ и учительнымъ“.

[2]) Напр., разсказъ о построеніи Кіево-Печерской церкви: Сама Богородица повелѣла четыремъ греческимъ мастерамъ идти въ Кіевъ и соорудить церковь, вручила имъ мощи святыхъ и Свою икону; Антоній и Ѳеодосій чудесно являются въ Цареградѣ иконописцамъ и даютъ имъ золото и серебро; около Кіева иконописцы видятъ церковь „на высотѣ“; ликъ Богородицы самъ собою изобразился на стѣнѣ

многихъ изъ Печерскихъ угодниковъ представлены яркіе образцы иноческой жизни и христіанскихъ добродѣтелей; таковы прежде всего основатель обители, ея «первоначальникъ» преп. Антоній и его ближайшій преемникъ преп. Ѳеодосій Печерскій, знаменитый проповѣдникъ. Образецъ долготерпѣнія представленъ въ лицѣ Іоанна затворника и Никона многострадальнаго (или «сухого», потому что онъ высохъ отъ ранъ, нанесенныхъ ему половцами); образцомъ воздержанія и постничества («постнаго житія») является св. Пименъ; образцомъ строгаго подвижничества и самоуглубленія— Аѳанасій затворникъ, двѣнадцать лѣтъ проведшій въ молчаніи; образцомъ смиренія и послушанія — Никола Святоша, изъ рода князей черниговскихъ, отказавшійся отъ княжескаго сана, отъ богатства и почестей для удовлетворенія своихъ духовныхъ стремленій. Нѣкоторые изъ печерскихъ подвижниковъ прославились особенными дарованіями, напр., св. Алимпій иконописецъ и св. Агапитъ, «безмездный врачъ».

Изъ рукописнаго житія Матѳея Прозорливаго.

Патерикъ печерскій составленъ былъ въ половинѣ XIII вѣка (около 1234 г.); но впослѣдствіи въ него вошло и нѣсколько отдѣльныхъ житій, первоначально не включенныхъ въ его составъ. Таково, наприм., *житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго*, написанное гораздо ранѣе, еще въ XI вѣкѣ, преп. Несторомъ Лѣтописцемъ, прекрасно рисующее образъ знаменитаго подвижника и изобилующее интересными историческими и бытовыми чертами.

Житіе преп. Ѳеодосія.

церкви и пр. Очень интересенъ также разсказъ объ одномъ инокѣ (Матѳеѣ Прозорливомъ), который видѣлъ въ церкви бѣсовъ, разбрасывающихъ сонную траву среди монаховъ: на кого она падала, тотъ „разслабѣвалъ умомъ“ и уходилъ изъ храма къ себѣ въ келью спать. Разсказъ этотъ направленъ противъ „неподобнаго“ отношенія отдѣльныхъ иноковъ къ церковной службѣ и объясняетъ его бѣсовскими кознями.

Родился Ѳеодосій въ Василевѣ (нынѣ Васильковъ, Кіевской губ.), отъ богатыхъ и знатныхъ родителей, дѣтство и юность провелъ въ Курскѣ. Дѣтскія игры его не интересовали, онъ „гнушался“ ими; каждый день онъ посѣщалъ церковныя службы, внимательно прислушивался къ чтенію божественныхъ книгъ; несмотря на запрещеніе родителей, всегда „одежда его бѣ худа и сплатана“ (въ заплатахъ). На 13 году онъ потерялъ отца. Мать его отличалась крутымъ, страстнымъ и вспыльчивымъ характеромъ. По-своему она глубоко любила единственнаго сына, но не могла и не хотѣла понять его идеальныхъ стремленій. Ее возмущала одежда Ѳеодосія („тако ходя, укоризну себѣ и роду своему твориши“), его отдаленіе отъ сверстниковъ, слишкомъ большая приверженность къ церкви, нищимъ и убогимъ. Убѣдившись, что упреки и усовѣщанія ни къ чему не приводятъ, она стала прибѣгать къ побоямъ („многажьды еи отъ великыя ярости разгнѣватися нань (на него) и бити и (его), бѣ бо и тѣломъ крѣпка и сильна, якоже и мужъ“). Юноша рѣшилъ бѣжать изъ дому и тайкомъ, ночью, ушелъ за странниками по святымъ мѣстамъ, но скоро былъ схваченъ погонею. Боясь вторичнаго бѣгства, мать даже „возложила на ноги его желѣза“, но, сжалившись надъ муками горячо любимаго сына, переносившаго всѣ истязанія съ кротостью и смиреніемъ, она взяла съ него обѣщаніе не уходить изъ дому и освободила его изъ оковъ. Ѳеодосій сталъ печь просфоры и полученныя за нихъ деньги раздавалъ нищимъ, не обращая вниманія на издѣвательство сверстниковъ. Мать тоже возмущалась этимъ, убѣждала его „овогда ласкою, овогда же грозою“ не заниматься такимъ неподходящимъ къ его званію дѣломъ. Ея преслѣдованія заставили Ѳеодосія бѣжать въ другой городъ. Тамъ онъ возложилъ на себя желѣза, которыя разъѣдали его тѣло. Мать увидала кровь на его рубашкѣ, избила его и отняла желѣза. Въ душу юноши глубоко запали услышанныя имъ, во время чтенія Евангелія въ церкви, слова Христа: „кто не оставитъ отца и мать и не пойдетъ вслѣдъ Мнѣ,—тотъ Меня не достоинъ“. Онъ рѣшилъ тогда оставить мать и постричься, обошелъ всѣ монастыри, но монахи, „видѣвъше отрока простость и ризами же худами облечена“, не приняли его. Услышавъ о блаженномъ Антоніи, жившемъ въ пещерѣ (гдѣ позднѣе возникъ Кіево-Печерскій монастырь), Ѳеодосій „окрилатѣвъ же умомъ устремися къ пещерѣ“. Антоній сначала отговаривалъ его („чадо, видиши ли пещеру сию, скорбьно суще мѣсто и тѣснѣйше паче инѣхъ мѣстъ, ты же унъ (юнъ) сый, яко же мню и не имаши терпѣти на мѣстѣ семъ скорби“), но затѣмъ убѣдился въ непреклонности его желанія сдѣлаться монахомъ и велѣлъ „великому Никону“ постричь его. Мать разыскала его и здѣсь. Ѳеодосій долго не хотѣлъ къ ней выходить, и только убѣжденія Антонія и угрозы матери покончить съ собою у дверей пещеры вынудили его дать согласіе на свиданіе. На этотъ разъ Ѳеодосію удалось сломить упорство матери: она преклонилась передъ его волею и сама постриглась въ сосѣдній женскій монастырь, желая быть ближе къ сыну.

Около Антонія тогда уже начала группироваться монашеская „братія“. Былъ выстроенъ монастырь. Когда князь Изяславъ взялъ изъ него, для другого монастыря, игумена Варлаама, св. Ѳеодосій, бывшій тогда уже іеромонахомъ, настолько выдвинулся, что его избрали игу-

меномъ Печерской обители. До самой смерти (1074 г.) энергично работаетъ онъ въ пользу монастыря, заботится о привлеченіи иноковъ и распространеніи духовнаго образованія, вводитъ общежительный *студійскій* монастырскій уставъ, который требовалъ отъ иноковъ религіознаго образованія и взаимнаго обученія. Печерская обитель скоро сдѣлалась разсадникомъ духовнаго образованія и религіозно-нравственной литературы для всей тогдашней Руси.

Особенно прославился Ѳеодосій, какъ искусный проповѣдникъ, умѣвшій своимъ словомъ глубоко трогать сердца своихъ слушателей. Со своими безыскусственными, проникнутыми глубокимъ убѣжденіемъ поученіями обращался онъ и къ инокамъ, и къ мірянамъ. По словамъ Нестора, „онъ часто поучалъ отъ святыхъ книгъ князей, бояръ и народъ, и за это пользовался отъ всѣхъ величайшею любовью и почетомъ. Его уважали не за нарядное платье или за большое его имѣніе, но за чистое житіе и свѣтлую душу и за многія поученія, проникнутыя силою Духа Св.“. Однажды засталъ онъ у князя Святослава веселье: пѣніе, игру, пляски—и кротко сказалъ ему: „Такъ ли будетъ на томъ свѣтѣ“? Послѣ этого князь прекращалъ увеселенія всякій разъ, когда преподобный приходилъ къ нему. Мужественно нападалъ онъ на то, что казалось ему нарушеніемъ права и правды, какія бы опасности ни представляло для него самого это вмѣшательство. Такъ, послѣ изгнанія изъ Кіева княземъ Святославомъ старшаго брата Изяслава, имѣвшаго всѣ права на великокняжескій престолъ, преподобный Ѳеодосій „начатъ того обличати, яко неправедьно сотворивша и не по закону сѣдъша на столѣ томь и яко отця си и брата старѣйшаго прогънавъша... Вельможамъ его, приходящемъ къ нему, обличааше того о неправедьнѣмь прогънаніи брата... послѣ же въписа къ нему епистолию (посланіе) велику зѣло, обличая того и глаголя: гласъ крове брата твоего вопиеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина, и инѣхъ многыихъ древьнихъ гонитель и убойникъ и братоненавидьникъ приводя“.

Житіе Свв. Бориса и Глѣба.

Изъ числа житій, не вошедшихъ въ составъ Патерика, особенной популярностью пользовалось *житіе свв. Бориса и Глѣба,* написанное Іаковомъ Мнихомъ въ XI вѣкѣ и являющееся однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности. Оно отличается большими художественными достоинствами и даетъ много драгоцѣнныхъ историческихъ подробностей. Разсказъ объ убіеніи свв. братій полонъ драматизма. Борису авторъ приписываетъ предчувствіе опасности. Какъ вѣрующій христіанинъ, князь готовится къ смерти и подвигу, но все же жалѣетъ о жизни. Разставаясь съ жизнью, блаженный только молитъ убійцъ дать ему «малое время еще помолиться Богу», но не упрекаетъ ихъ. Разсказъ объ убіеніи полонъ живыхъ подробностей; при приближеніи убійцъ около шатра слышится ихъ «топотъ волъ», блистаетъ ихъ оружіе, гремятъ мечи.

Глѣбъ изображенъ безпечнымъ, довѣрчивымъ ребенкомъ. Увидѣвъ издали убійцъ, онъ тянется къ нимъ, приказываетъ грести

къ нимъ навстрѣчу. Увидѣвъ его, они «омрачилась»; онъ же ждетъ отъ нихъ «цѣлованія». Когда его собирались убивать, онъ посмотрѣлъ на убійцъ умиленными очами, весь слезами разливаяся, жалобно вопіялъ: «не губите меня, братія милые и дорогіе, не губите меня... Не пожинайте колоса, еще не зрѣлаго, не рѣжьте лозы, еще не выросшей».

Святополкъ обрисованъ, какъ страстный и нечестивый человѣкъ. Онъ дорожитъ только земною жизнью и личными выгодами, считаетъ себя «вычеркнутымъ изъ книги живота», безъ раскаянія и колебаній рѣшается на все новыя и новыя преступленія, потому что ему все равно не спастись («приложю къ безаконію убо безаконие... съ правьдьныими не напишуся, нъ да потреблюся отъ книгъ живущихъ»). Въ разсказѣ Іакова Мниха много прекрасныхъ эпическихъ подробностей. Въ плачахъ и пословицахъ сказывается вліяніе народной поэзіи; длинныя рѣчи о мученическомъ вѣнцѣ вызваны вліяніемъ византійской литературы. Сожалѣніе мучениковъ о безвременно гибнущей жизни полно драматизма и живого пониманія человѣческой души. Въ характеристикѣ Святополка сказывается своеобразный, хотя и наивный психологическій анализъ.

Паломничества къ Св. мѣстамъ.

Хожденія по святымъ мѣстамъ, въ особенности въ Константинополь и Палестину, играли большую роль въ религіозной жизни древней Руси. Они считались богоугоднымъ и спасительнымъ для души дѣломъ: посѣщеніе мѣстъ, связанныхъ съ Евангельскими событіями, купанье въ Іорданѣ, въ которомъ крестился Христосъ, какъ бы очищали отъ грѣха, приближали благоговѣйныхъ паломниковъ къ царствію небесному. «Каликами перехожими», странниками по святымъ мѣстамъ, были люди всѣхъ общественныхъ классовъ, въ томъ числѣ богатые и знатные, представители низшаго и высшаго духовенства и т. д. [1]). Они пользовались большимъ уваженіемъ, считались людьми избранными, угодными Богу, становились какъ бы наряду съ духовенствомъ; по церковному уставу св. Владиміра они принадлежали къ числу «людей церковныхъ». Описанія ихъ странствій списывались очень охотно и замѣняли для тѣхъ, кто не смогъ отправиться въ Святую землю, личныя впечат-

[1]) Къ половинѣ XII в. такія хожденія настолько участились, что само духовенство должно было принять мѣры, даже налагать эпитемью на слишкомъ усердныхъ странниковъ, ибо исполненіе паломническихъ обѣтовъ „губить землю сію“, разоряло хозяйственную жизнь страны (объ этомъ говорится въ новгородскомъ памятникѣ XII в., „Вопрошаніяхъ“ Кирика).

лѣнія отъ христіанскихъ святынь. Они вообще были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ [1]).

«Хожденіе» Даніила-игумена.

Наиболѣе извѣстнымъ и интереснымъ изъ нихъ было «Житіе и хожденье Даніила Русьскыя земли игумена», XII вѣка. У современниковъ и послѣдующихъ поколѣній оно пользовалось такимъ уваженіемъ, что дошло до насъ въ очень большомъ количествѣ списковъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе древнихъ, Даніилъ называется даже святымъ, а его хожденіе *Житіемъ*.

Біографическихъ свѣдѣній о Даніилѣ мы не имѣемъ [2]). Изъ «Хожденія» видно, что онъ былъ игуменъ, ходилъ въ святую землю съ «великою дружиною» въ царствованіе «Балдвина» (іерусалимскаго короля Балдуина) и княженіе Святополка Изяславича. Упоминаемые имъ факты пріурочиваютъ его паломничество къ 1106—1107 гг.

Цѣль «Хожденія».

Самъ Даніилъ въ предисловіи къ своему «Хожденію» выясняетъ свои цѣли: былъ онъ «понуженъ мыслію своею и нетерпѣніемъ моимъ, похотѣхъ видѣти святый градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную». «Исписалъ» онъ свой путь и святыя мѣста, «не возносяся, ни величаяся», «любве ради святыхъ мѣстъ сихъ, еже (что) видѣхъ очима своими дабы не въ забыть было то, еже ми показа Богъ видѣти недостойному». Онъ убоялся участи лѣниваго раба, скрывшаго талантъ своего господина и не сотворившаго прикупа, и написалъ свое «Хожденіе» «вѣрныхъ ради человѣкъ». Тѣ, кто, скорбя душою и мыслію о святыхъ мѣстахъ, по нуждѣ оставались дома, творя милостыню и добрыя дѣла, получатъ такую же мзду, какъ и паломники. Именно для нихъ и составилъ Даніилъ свой простой, сжатый, проникнутый искреннимъ чувствомъ разсказъ.

Характеръ и содержаніе «Хожденія».

Его мало интересуютъ новая природа, яркія событія борьбы крестоносцевъ съ сарацинами, образованіе Іерусалимскаго королевства, къ которымъ съ захватывающимъ вниманіемъ прислушивалась вся Европа. Образованный для своего времени и своей среды человѣкъ, онъ далекъ отъ такихъ интересовъ. О Балдуинѣ онъ упоминаетъ мимоходомъ, только потому, что король хорошо отнесся къ нему и помогъ его паломническому подвигу; о природѣ онъ го-

---

[1]) Литературными образцами для нашихъ „хожденій“ послужили греческія, такъ назыв. „проскинитаріи“.

[2]) Сдѣланное имъ въ одномъ мѣстѣ сравненіе Іордана съ небольшою рѣчкою Черниговской области Сновью, упоминанія о южно-русскихъ только князьяхъ и въ особенности о малоизвѣстныхъ князьяхъ минско-полоцкихъ заставляютъ предполагать, что онъ былъ южно-русскій уроженецъ и происходилъ изъ сѣверно-западной части Черниговскаго княжества, прилегавшей къ княжеству Полоцкому.

воритъ настолько, насколько она связана съ библейскими и евангельскими событіями, съ вѣрой вообще, или объясняла трудности и опасности паломничества. Зато съ мельчайшими подробностями описываетъ онъ святыя мѣста [1]), тщательно собираетъ всѣ разсказы и преданія о нихъ, относясь къ нимъ съ слишкомъ большою довѣрчивостью, не отличая каноническаго отъ апокрифическаго. Въ его «Хожденіи» много данныхъ, заимствованныхъ изъ апокрифическихъ легендъ. Съ полнымъ довѣріемъ пишетъ онъ, напр., о томъ, что на Ѳаворской горѣ есть пещера, въ которую и до сихъ поръ приходитъ Мелхиседекъ для совершенія литургіи,—о разсѣлинѣ на Голгоѳѣ, черезъ которую пролилась кровь Христа на главу Адамову, и пр.

Градъ Тиверіада (изъ „Хожденія“ Даніила игумена). У воротъ гробницы пророка Елисея и Іисуса Навина; справа пещера, гдѣ по преданію скрывался Христосъ, когда его хотѣли поставить царемъ Галилеи. Внизу волны Тиверіадскаго озера.

Весь проникнутый благоговѣніемъ передъ Святою землею, онъ не забываетъ и своей далекой родины: поминаетъ на ектеніяхъ русскихъ князей, молится о нихъ, «о боярехъ, о всѣхъ христіанехъ Русскыя земли», ставитъ у гроба Господня «кандило» «за вся князи наша и за всю русскую землю, за вся христіане русскія земли». Въ немъ сильно *сознаніе единства русской земли*, которое чуждо было большинству его современниковъ; замѣтно оно у немногихъ, наиболѣе выдающихся дѣятелей древней Руси — напр., у князя Владиміра Мономаха, у автора «Слова о полку Игоревѣ», которые слишкомъ хорошо понимали всю опасность княжескихъ «крамолъ», междоусобицъ, раздробленности областныхъ интересовъ.

Особой нетерпимости къ иновѣрцамъ у него незамѣтно, но къ католикамъ, видимо, сердце его не лежало. Не безъ ироніи говоритъ

---

1) Тщательно измѣряетъ онъ, напр., святыни, отмѣчаетъ, сколько локтей въ Гробѣ Господнемъ, сколько колоннъ („столповъ“) въ храмѣ Воскресенія, сколько ступеней на мѣстѣ лобномъ, подробно описываетъ иконы и украшенія храмовъ и т. д.

онъ о томъ, что латинскіе попы у гроба Господня «заверещали по-свойски, тако поющимъ имъ»; съ чувствомъ удовлетворенія замѣчаетъ онъ, что отъ «святого свѣта» загорѣлись только православныя кадила, «изрядно и чудно свѣтясь», католическія же горѣли инымъ свѣтомъ.

Изъ отдѣльныхъ мѣстъ повѣствованія Даніила, особый интересъ представляетъ его разсказъ „о свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе ко Гробу Господню“, проникнутый искреннею вѣрою, глубокимъ религіознымъ чувствомъ.

Даніилъ опровергаетъ розсказни другихъ паломниковъ, будто бы свѣтъ этотъ въ пасхальную ночь сходитъ ко гробу Господню въ видѣ голубя или молніи: „невидимо сходитъ благодать Божія, и вжигаются кандила надъ Гробомъ Господнимъ“. Въ великую пятницу онъ отправился „къ князю Балдвину“ и поклонился ему до земли. „Онъ же, видѣвъ мя поклонившася и призва мя къ себѣ съ любовію и рече ми: что хощеши, игумене Рускый? Позналъ бо мя добрѣ и любляше мя вельми (весьма), яко же бяше мужъ благъ и смиренъ, и не гордить ни мало“. Даніилъ испросилъ у короля позволенія поставить у Гроба Господня „кандило за русскую землю“. Въ страстную субботу у Гроба Господня собрались безчисленныя толпы народа; явился Балдуинъ со свитой, представители духовенства разныхъ христіанскихъ исповѣданій. „Якоже бысть девятый часъ дни мимоходящу, и начаша пѣти пѣснь преходную „Господеви поемъ“, и тогда внезапу пріиде туча отъ востока мала и ста надъ врьхомъ непокрытымъ тоя церквѣ и одожди надъ Гробомъ Святымъ; и смочи насъ добрѣ (хорошо), стоящихъ надъ Гробомъ Господнимъ; и тогда внезапу облиста свѣтъ святый во Гробѣ Господни, и изыде блистаніе свѣта того страшно и свѣтло зѣло (очень) изъ Гроба того святаго“. Епископъ съ 4 дьяконами открыли запечатанныя двери Гроба, зажгли свѣчу Балдуина, и отъ нея уже стали зажигать всѣ остальные присутствующіе. Православныя кадила, въ томъ числѣ „кандило“ Даніила, зажглись тогда сами, остальныхъ „свѣтъ инакъ бѣаше“.

Значеніе «Хожденія».

Обстоятельность и искренность разсказовъ Даніила, точность его описаній сдѣлали его «Хожденіе» незамѣнимымъ руководствомъ для тѣхъ, кто собирался идти въ Святую землю или хотѣлъ ближе съ нею познакомиться. Это же придало ему и большое историческое значеніе, оцѣненное не только русскою, но и западною наукою: ни одинъ изъ западныхъ паломниковъ того времени не даетъ такихъ точныхъ и всестороннихъ свѣдѣній, такого большого количества преданій и легендъ о святыняхъ тогдашней Палестины, какъ Даніилъ. Вообще онъ является крупнѣйшимъ представителемъ паломнической литературы не только древней Россіи, но и всей средневѣковой Европы [1]).

[1]) Паломничество вызывалось у насъ не только религіозными побужденіями поклониться святынѣ, но и другими цѣлями: необходимостью пріобрѣтать иконы, книги,

Погребеніе Владиміра св. (изъ „Сказанія о житіи свв. Бориса и Глѣба", по списку XIV в.); характерно для древняго обряда погребенія положеніе тѣла въ сани.

Лѣтописи.

Наряду съ чисто-церковною литературой, проповѣдями и житіями святыхъ, большую роль въ древней Руси играли и *лѣтописи*. Онѣ возникли у насъ въ средѣ духовенства, при церквахъ и монастыряхъ, долгое время носили отпечатокъ своего первоначальнаго происхожденія и только въ позднѣйшемъ своемъ развитіи получили болѣе свѣтскій характеръ. Поэтому онѣ представляютъ собою *переходную форму между литературою духовною и свѣтскою*.

Какъ показываетъ самое слово, лѣтописи—*погодныя* (по «лѣтамъ») записи важнѣйшихъ историческихъ событій въ хронологическомъ

знакомиться съ порядкомъ богослуженія, страстью къ путешествіямъ и приключеніямъ и пр. Особенно развито оно было въ Новгородской области, населеніе которой отличалось своею непосѣдливостью и предпріимчивостью. Герой новгородской былины Васька Буслаевъ подъ старость отправляется въ Палестину: „смолоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасать". Въ XII в. новгородецъ Добрыня Ядрейковичъ (впослѣдствіи новгородскій епископъ Антоній) описалъ свое путешествіе въ Царьградъ, въ которомъ онъ былъ до взятія его крестоносцами, что придаетъ его разсказу большое историческое значеніе. Въ XIV в. новгородецъ Стефанъ составилъ описаніе своего путешествія въ Константинополь. Онъ даетъ любопытныя свѣдѣнія для исторіи нашего книжнаго дѣла: „изъ Студійскаго монастыря въ Русь посылали много книгъ"; его земляки Иванъ и Добрило „и нынѣ живутъ тутo, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ Святаго Писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію".

порядкѣ. Размѣщеніе матеріала въ нихъ опредѣляется не причинною, *внутреннею* связью событій, а ихъ одновременностью или *внѣшнею* послѣдовательностью. Главная цѣль лѣтописи—сохранить въ памяти потомства наиболѣе крупныя событія прошлаго, безъ ихъ оцѣнки и критики, безъ установленія между ними причинной связи (такъ называемаго *праматизма*).

Возникновеніе лѣтописанія.

Зародыши лѣтописи, отдѣльныя записи наиболѣе интересныхъ и памятныхъ событій, должны были появиться у насъ рано, съ момента возникновенія письменности. Но только къ серединѣ XI в. онѣ принимаютъ форму лѣтописи; эта форма является подражаніемъ византійскимъ и южно-славянскимъ «хроникамъ» и «хронографамъ».

Предполагаютъ, что въ дѣлѣ возникновенія лѣтописей значительную роль сыграли такъ наз. „пасхальныя таблицы“, въ которыхъ заключались вычисленія дней Пасхи и другихъ передвижныхъ праздниковъ на много лѣтъ впередъ. На свободныхъ клѣткахъ такихъ разграфленныхъ таблицъ велись записи наиболѣе важныхъ событій, очень сжатыя и краткія. Византійскіе и западно-европейскіе хронисты, несомнѣнно, пользовались для своего труда подобными записями на пасхальныхъ таблицахъ; довольно много ихъ сохранилось и до нашихъ дней. Древнѣйшія русскія пасхальныя таблицы, съ какими-либо историческими записями, до насъ не дошли; но однимъ изъ нашихъ ученыхъ (акад. Сухомлиновымъ) были найдены пасхальныя таблицы болѣе поздняго времени (XIV в.) съ такими записями: „Юрьева рать“, „Василій Костромской умре“, „талая зима“, „дороговь“, „погиблое лѣто“, „солнце погибло“, „пожаръ велі“ и пр. Подобныя записи списывались и распространялись послѣдующими лѣтописцами, при чемъ пополнялись другими матеріалами, которые попадали къ нимъ въ руки. Этимъ объяснялись чередованіе въ болѣе позднихъ лѣтописяхъ краткихъ и распространенныхъ извѣстій, отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ разсказовъ, а также существованіе въ нихъ такъ называемыхъ *пустыхъ годовъ*, только указанныхъ, но не сопровождающихся разсказомъ или сопровожденныхъ такими ничего не говорящими словами, какъ: „тишина бысть“, „миръ бысть“, „ничесо же не бысть“: лѣтописецъ-сводчикъ послѣдовательно списывалъ съ пасхальныхъ таблицъ года, наводилъ въ нихъ и въ другихъ своихъ матеріалахъ справки, приводилъ имѣющіяся у него извѣстія; если ихъ не находилъ, писалъ годъ дальше, и т. д. [1]).

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые ученые отвергаютъ значеніе пасхальныхъ таблицъ, какъ историческаго источника для составленія нашей первоначальной лѣтописи, ссылаясь на произвольность хронологіи древнѣйшаго періода нашей исторіи въ лѣтописяхъ (до княженія Ярослава): хронологія эта, какъ теперь доказано, совершенно искусственная и внесена въ первоначальный связный разсказъ лишь впослѣдствіи, чего не было бы, если бы наши лѣтописцы дѣйствительно опирались въ своей сводной работѣ на пасхальныя таблицы. Что же касается до таблицы XIV в., найденной Сухомлиновымъ, то она ничего не доказываетъ, такъ какъ въ эту эпоху лѣтописное дѣло у насъ было уже въ полномъ развитіи; она — случайнаго происхожденія, можетъ быть, даже выписки изъ лѣтописи, сдѣланныя какимъ-либо любителемъ для памяти. Однако вопросъ о пасхальныхъ таблицахъ до сихъ поръ не можетъ считаться вполнѣ рѣшеннымъ.

Лѣтописные своды.

Древнѣйшіе списки лѣтописи до насъ не дошли. Мы имѣемъ только болѣе или менѣе поздніе лѣтописные *своды,* довольно сложные по своему составу; наиболѣе древніе изъ этихъ сводовъ относятся къ XIV вѣку: *Новгородскій* и *Лаврентьевскій,* и къ началу XV вѣка—*Ипатьевскій* [1]).

Составленіе ихъ.

Такіе своды явились результатомъ огромнаго труда нѣсколькихъ поколѣній лѣтописцевъ и сводчиковъ-редакторовъ. Текстъ ихъ до сихъ поръ носитъ ясные слѣды разновременнаго происхожденія, то тщательной и толковой, то неумѣлой и чисто механической редакторской работы. Предшествующіе своды переписывались и пополнялись послѣдующими лѣтописцами, при чёмъ часто нарушался первоначальный планъ: Лаврентьевскій сводъ, напр., получилъ *общее* заглавіе [2]) отъ одного изъ предшествующихъ сводовъ, которое не соотвѣтствуетъ его дальнѣйшему содержанію (*„се повѣсти временьныхъ лѣтъ, откуду есть поила русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду русская земля стала есть“*), такъ какъ онъ охватываетъ событія нашей исторіи до 1305 г. включительно.

Составителямъ сводовъ приходилось соединять краткія извѣстія съ цѣлыми сказаніями, подгоняя ихъ къ опредѣленнымъ годамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, стремясь внести точную хронологію въ цѣльный и связный разсказъ, механически разбивали его на части и помѣщали ихъ подъ разными годами, иногда нарушая при этомъ логическую и синтаксическую связь разсказа. Сводный характеръ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ лѣтописей подтверждается всѣмъ ихъ содержаніемъ. Краткія, сжатыя извѣстія то и дѣло чередуются въ нихъ съ цѣлыми, значительными по объему сказаніями (напр.. о крещеніи Руси, возникновеніи Печерскаго монастыря, обрѣтеніи мощей св. Ѳеодосія, ослѣпленіи кн. Василька Теребовльскаго); въ разсказъ вводятся, цѣликомъ или въ извлеченіяхъ, отдѣльныя литературныя произведенія („Поученіе“ и „Посланіе“ Мономаха, житіе Бориса и Глѣба, составленное Іаковомъ Мнихомъ, слово „о казняхъ Божіихъ“, приписываемое св. Ѳеодосію, отрывки изъ житія св. Меѳодія и пр.), юридическіе памятники (договоры съ греками Игоря и Олега, „Русская Правда“ Ярослава). Судя по самому ихъ содержанію, отдѣльныя извѣстія и сказанія возникали и были записаны или написаны, до помѣщенія въ сводъ, въ разныхъ мѣстахъ: не только въ Кіевѣ и Новгородѣ, но и въ Галичѣ, на Волыни и т. д.

---

[1]) *Новгородскій списокъ* является наиболѣе древнимъ образцомъ нашего лѣтописанія. Написанъ онъ тремя почерками. Нѣкоторые ученые относятъ первые два изъ нихъ къ XIII в., третій—къ половинѣ XIV в. *Лаврентьевскій* былъ переписанъ инокомъ *Лаврентіемъ* въ Суздалѣ въ 1377 г. Переписчикъ снабдилъ рукопись интереснымъ послѣсловіемъ, заканчивающимся словами: „Нынѣ, господа отцы и братья, оже (что) ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля (ради), а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ, не дошелъ“. *Ипатьевскій* названъ по имени *Ипатьевскаго* монастыря въ Костромѣ, гдѣ онъ сохранился. Ученые относятъ его къ началу XV в. (нѣкоторые даже къ концу XIV в.).

[2]) Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ такое же заглавіе носитъ и Ипатьевскій сводъ.

Составители лѣтописей.

Лѣтописцами были преимущественно духовныя лица. Это отражалось и на характерѣ ихъ записей. Однѣ изъ нихъ ясно указываютъ на свое *монастырское происхожденіе*: авторъ разсказа о св. Ѳеодосіи, напр., говоритъ о немъ: „Къ нему же и азъ придохъ, худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ рожденія моего“; въ сказаніяхъ объ обрѣтеніи мощей св. Ѳеодосія и о нападеніи половецкаго хана Боняка на Печерскій монастырь встрѣчаются такія фразы: „пришедшю же игумену ко мнѣ и рекшю ми“, „намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ“. Но другія извѣстія тѣхъ же лѣтописей носятъ совершенно свѣтскій характеръ, свидѣтельствуютъ о хорошемъ знаніи военнаго дѣла, объ участіи въ военныхъ событіяхъ; все это заставляетъ предполагать участіе въ составленіи лѣтописи также и свѣтскихъ лицъ, всего вѣроятнѣе, княжескихъ дружинниковъ.

Сведеніе данныхъ разнаго происхожденія дѣлаетъ разсказъ лѣтописныхъ сводовъ очень пестрымъ, иногда противорѣчивымъ [1]); одни и тѣ же событія пріурочиваются къ разнымъ годамъ, получаютъ разное освѣщеніе, сообщаются и въ подробномъ повѣствованіи, и въ краткомъ изложеніи (такъ, дважды разсказаны, напр., обстоятельства ослѣпленія кн. Василька); во многихъ мѣстахъ остались то глухія, то ясныя указанія на разныхъ авторовъ и составителей отдѣльныхъ лѣтописей и сказаній, что особенно подчеркиваетъ *сводный* характеръ нашихъ древнихъ лѣтописей.

Древнѣйшіе лѣтоп. своды.

Дошедшіе до насъ списки древне-русскихъ лѣтописныхъ сводовъ— сравнительно поздняго происхожденія. Изслѣдователи [2]), на основаніи долговременныхъ и тщательныхъ изученій, выдѣлили изъ нихъ слѣды болѣе раннихъ сводовъ, не дошедшихъ до насъ въ своемъ подлинномъ видѣ, и возстановили самый процессъ возникновенія нашей лѣтописи. Предполагаютъ, что *первые лѣтописные своды*, Кіевскій и Новгородскій, возникли (въ 1039 и 1050 гг.) при Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ и Софійскомъ митрополичьемъ дворѣ въ Новгородѣ. Они должны были ознаменовать, закрѣпить въ памяти послѣдующихъ поколѣній такой крупный фактъ тогдашней жизни, какъ сооруженіе соборовъ [3]). Путемъ припоминанія и справокъ въ существующихъ литературныхъ источникахъ возстановлялись важнѣйшія событія предшествующей, преимущественно церковной, жизни. Позднѣе дѣло лѣтописанія переходитъ къ

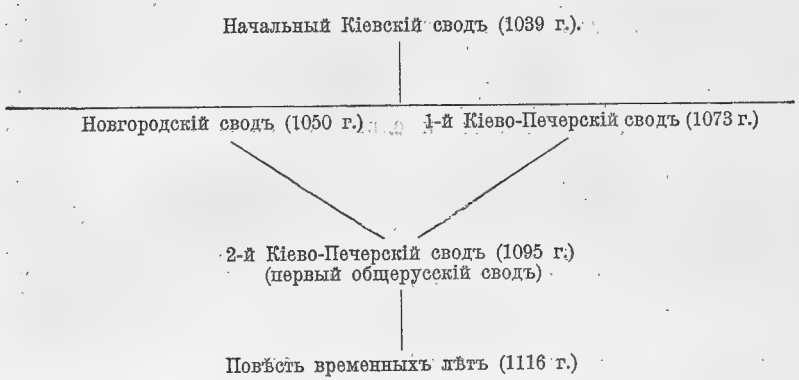
---

[1]) Противорѣчія эти сказываются, напр., въ освѣщеніи личности и дѣятельности отдѣльныхъ князей, вслѣдствіе чего въ одномъ и томъ же сводѣ встрѣчается рѣзко противоположная оцѣнка ихъ, то сочувственная, то враждебная. Такъ, напр., кіевскій сводъ 1095 г., составленный въ то время, когда Кіевомъ, при помощи половцевъ, овладѣлъ Святополкъ II Всеволодовичъ, относится къ этому князю очень враждебно, противопоставляя его себялюбивымъ стремленіямъ и поступкамъ славныя дѣянія древнихъ князей, которые „расплодили“ (обогатили) русскую землю; болѣе поздняя „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ относится къ Святополку гораздо сочувственнѣе. Подобныя противорѣчія въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ лицъ и событій встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ нерѣдко.

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, Сухомлиновъ, въ послѣднее время акад. Шахматовъ.

[3]) Такого же происхожденія и нѣкоторыя изъ раннихъ византійскихъ и южнославянскихъ лѣтописей.

Кіево-Печерскому монастырю (своды 1073 [1]) и 1095 гг., переработанные въ 1113—1116 гг. въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“). Древній Новгородскій сводъ воспользовался матеріалами начальнаго Кіевскаго свода, а болѣе поздніе Кіево-Печерскіе своды брали матеріалъ и изъ Новгородскаго. Взаимное отношеніе древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ можетъ быть представлено въ слѣдующей схемѣ:



Ихъ дальнѣйшая переработка.

Съ теченіемъ времени лѣтописаніе все болѣе расширялось; лѣтописцы, переписывая болѣе древніе списки, пополняли ихъ извѣстіями о современныхъ имъ событіяхъ, преданіями, свѣдѣніями, почерпнутыми изъ литературныхъ источниковъ, данными другихъ сводовъ и лѣтописей, и т. д. Въ результатѣ получались такіе громадные лѣтописные труды, какъ Лаврентьевскій (до 1305 г.) и Ипатьевскій (до 1292 г.) списки. До 1110 г. ихъ текстъ очень сходенъ, потому что восходитъ къ одному и тому же источнику—„Повѣсти временныхъ лѣтъ“, затѣмъ расходится: въ Лаврентьевскомъ спискѣ далѣе идетъ Суздальская лѣтопись, въ Ипатьевскомъ—Кіевская (до 1200) и Галицко-Волынская (1201—1292).

Повѣсть временныхъ лѣтъ.

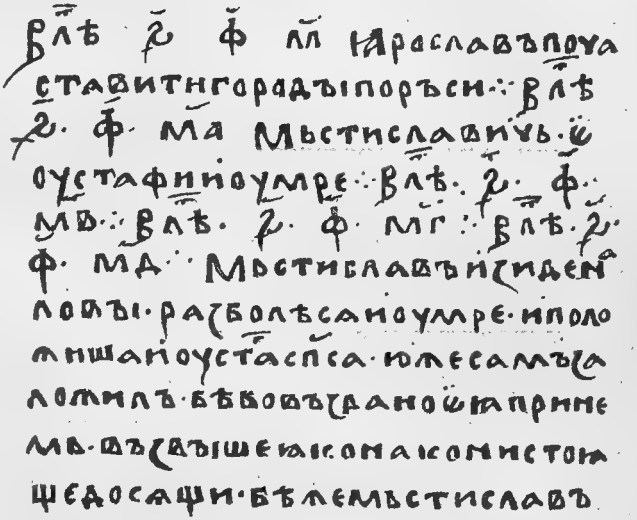
Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ переработокъ (1113—1116 гг.) первоначальныхъ лѣтописныхъ сводовъ—*„Повѣсть временныхъ лѣтъ“* получила названіе отъ заглавія: «Се повѣсти временныхъ (прошлыхъ) лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть». Уже одно это заглавіе указываетъ на *обдуманность* ея плана, на очевидное стремленіе подвести итоги раннему періоду нашей исторіи, которое указываетъ на *ростъ національнаго самосознанія*.

Вопросъ объ авторѣ Повѣсти.

Кто именно является составителемъ «Повѣсти врем. лѣтъ», въ точности неизвѣстно. Раньше авторомъ ея считали *препод. Нестора*, на томъ основаніи, что имя его встрѣчается въ нѣкоторыхъ

[1]) Его редакторомъ акад. Шахматовъ считаетъ „великаго Никона“, въ которомъ предполагаютъ принявшаго схиму митрополита Иларіона.

(правда, позднихъ) спискахъ лѣтописи, но въ настоящее время это мнѣніе сильно поколеблено, такъ какъ историческая критика обнаружила цѣлый рядъ крупныхъ противорѣчій между разсказомъ повѣсти и подлинными произведеніями преподобнаго (житіемъ Бориса и Глѣба, житіемъ преп. Ѳеодосія). *Несторъ*, несомнѣнно, былъ *лѣтописцемъ*, но трудъ его въ подлинномъ видѣ до насъ не дошелъ; возможно, что ему принадлежитъ одинъ изъ болѣе раннихъ лѣтописныхъ сводовъ, вошедшій впослѣдствіи въ составъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ».—Въ самомъ концѣ «Повѣсти», подъ 1110 годомъ,



Образецъ полуустава XIV вѣка: Лаврентьевскій сводъ, годы 6540—6544 (1032—36); обратить вниманіе на „пустые“ годы въ серединѣ текста.

мы находимъ указаніе на другое лицо, въ которомъ многіе ученые склонны видѣть настоящаго составителя ея: это игуменъ Михайловскаго монастыря подъ Кіевомъ *Сильвестръ* [1]). Кто бы ни былъ составителемъ «Повѣсти врем. лѣтъ», во всякомъ случаѣ это было лицо *духовнаго* чина, что видно изъ содержанія и общаго характера «Повѣсти»; притомъ это было лицо, хорошо освѣдомленное въ дѣлахъ родной земли, достаточно по тому времени образованное и начитанное, правдивое и самостоятельное въ сужденіяхъ и проникнутое

[1]) „Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книгы си Лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость прияти... а иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ“ (т.-е. помянетъ). Запись эта помѣчена 1116 годъ.

глубокой любовью къ родинѣ: все это дѣлаетъ «Повѣсть» драгоцѣннымъ памятникомъ нашей древнѣйшей литературы, независимо даже отъ его высокаго историческаго значенія.

Источники ея.

Источники для составленія «Повѣсти временныхъ лѣтъ» были довольно многочислены и разнообразны. Въ основѣ ея лежитъ болѣе ранній лѣтописный сводъ (1095 г.), однако значительно дополненный различными другими матеріалами, заимствованными какъ изъ *устныхъ*, такъ и изъ *письменныхъ* источниковъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ разныя *преданія* и *легенды*, сохранявшіяся въ народной памяти, а также *разсказы современниковъ*, очевидцевъ или даже участниковъ тѣхъ или другихъ событій: таковъ, напр., старецъ Янъ, тысяцкій кіевскій, имя котораго неоднократно встрѣчается въ лѣтописи и который по своему положенію долженъ былъ хорошо знать государственныя и военныя обстоятельства того времени [1]). Кромѣ устныхъ, лѣтописецъ пользовался также многими *письменными* источниками, какъ русскими, такъ и иностранными; къ числу послѣднихъ принадлежитъ, напр., историческая *Палея*, византійская *хроника Георгія Амартола*, житія *свв. Кирилла* и *Меѳодія* и др. Изъ русскихъ источниковъ составитель «Повѣсти», кромѣ прежнихъ лѣтописныхъ сводовъ, воспользовался также разными отдѣльными записками историческаго содержанія, касавшимися того или другого событія: такъ, напр., онъ внесъ въ свой трудъ разсказъ какого-то священника Василія *объ ослѣпленіи князя Василька Ростиславича*, отличающійся многими живыми и драматическими подробностями [2]).

---

[1]) Подъ 1106 г. въ „Повѣсти врем. лѣтъ“ слѣдующимъ образомъ сообщается о его смерти: „В се же лѣто преставися Янь, старець добрый, живъ лѣтъ 90, в старости маститѣ... отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семь“. Такъ, напр., Яну принадлежитъ, повидимому, разсказъ (записанный подъ 1071 г.) о появленіи въ ростовской землѣ двухъ волхвовъ, волновавшихъ жителей своими баснями, пока Янъ, посланный кн. Святославомъ для взиманія дани, не обличилъ ихъ обмана. Этотъ Янъ былъ сыномъ Вышаты, воеводы кн. Ярослава, также лица очень виднаго, принимавшаго ближайшее участіе въ дѣлахъ того времени; вѣроятно, отъ Вышаты исходятъ, напр., нѣкоторыя подробности въ лѣтописномъ разсказѣ о неудачномъ походѣ кн. Владиміра Ярославича на Царьградъ (1043 г.), когда русскіе корабли были разсѣяны бурей. Кромѣ Яна, въ „Повѣсти“ поминается еще нѣкій новгородецъ Гюрята (Георгій) Роговичъ, со словъ котораго лѣтописецъ записалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дикомъ сѣверномъ племени Югрѣ. Среди иноковъ Кіево-Печерскаго монастыря упоминается еще старецъ Іеремія, „иже помняше крещеніе землѣ Русьскыя“; возможно, что нѣкоторыя подробности этого знаменательнаго событія вошли въ лѣтопись съ его словъ.

[2]) Подобныя заимствованія изъ отдѣльныхъ памятниковъ письменности встрѣчаются и въ болѣе раннихъ лѣтописныхъ сводахъ; такъ, уже первые лѣтописцы пользовались для своего труда различными произведеніями церковной литературы, пре-

Охотно пользовался лѣтописецъ также и памятниками *поучительной* литературы: такъ, напр., онъ включилъ въ свое повѣствованіе значительные отрывки изъ проповѣдей, приписываемыхъ преп. Ѳеодосію: «*о казняхъ Божіихъ*» (подъ 1068 г., при разсказѣ о нашествіи половцевъ) и «*о постѣ*»[1]). Вообще составитель *Повѣсти* былъ, повидимому, хорошо знакомъ со всею современной письменностью, какъ переводной, такъ и оригинальной, и охотно ею пользовался для своего труда.

Составъ Повѣсти.

«Повѣсть» состоитъ изъ двухъ частей: вступительной, представляющей собою *связный разсказъ*, безъ хронологическихъ датъ, и собственно *лѣтописной*, расположенной въ порядкѣ годовъ и начинающейся съ 852 г. (или съ 6360 г., такъ какъ лѣточисленіе ведется отъ сотворенія міра), съ набѣга русскихъ на Царьградъ: «отселѣ почнемъ и числа положимъ». Впрочемъ, хронологическія данныя, относящіяся къ первымъ временамъ русской исторіи, лишены достовѣрности и вставлены въ лѣтописный разсказъ составителемъ «Повѣсти» или кѣмъ-либо изъ его ближайшихъ предшественниковъ.

Содержаніе ея.

Лѣтописецъ начинаетъ свое повѣствованіе съ отдаленнѣйшей древности. Желая связать исторію родной земли съ библейскими преданіями, онъ въ самомъ началѣ своего разсказа говоритъ о разселеніи народовъ послѣ потопа, о столпотвореніи вавилонскомъ и раздѣленіи языковъ: однимъ изъ этихъ языковъ и былъ «языкъ словѣнескъ, отъ племени Афета». Затѣмъ лѣтописецъ останавливается на судьбахъ славянъ, указываетъ, что они первоначально жили на Дунаѣ и оттуда разселились впослѣдствіи по окрестнымъ землямъ, перечисляетъ отдѣльныя славянскія народности и вкратцѣ говоритъ объ ихъ географическомъ распредѣленіи [2]); характерно при этомъ, что, несмотря на образовавшіяся различія между отдѣльными славянскими народностями (вѣра, языкъ, нравы), лѣтописецъ вполнѣ сохраняетъ сознаніе ихъ племеннаго единства.

имущественно біографическаго характера; напр., многія историческія свѣдѣнія вошли въ первоначальную лѣтопись изъ такихъ памятниковъ, какъ „Память и похвала князю Володимеру“ и „Сказаніе страстей свв. Бориса и Глѣба“ (Іакова-мниха), „Сказаніе объ основаніи Кіево-Печерскаго монастыря“ и нѣкот. др.

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ подъ 1096 г. помѣщено цѣликомъ „Поученіе Владиміра Мономаха“; однако возможно, что оно включено въ Повѣсть не самимъ составителемъ, а его позднѣйшими продолжателями.

[2]) Свѣдѣнія о западныхъ и южныхъ славянахъ заимствованы главнымъ образомъ изъ такъ назыв. „паннонскаго“ житія свв. Кирилла и Меѳодія; о жизни и дѣятельности этихъ славянскихъ первоучителей наша лѣтопись разсказываетъ подъ 892 годомъ. Свѣдѣнія изъ библейской и византійской исторіи заимствованы преимущественно изъ хроники Георгія Амартола.

Свѣдѣнія о бытѣ рус. славянъ.

Подробнѣе останавливается онъ на описаніи *восточныхъ славянъ*, вошедшихъ въ составъ древней Руси. Свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ объ отдѣльныхъ племенахъ (поляне, древляне, кривичи, вятичи и др.), населявшихъ русскую равнину, представляютъ собой чрезвычайно цѣнный историческій матеріалъ. Изъ нихъ мы узнаемъ о размѣщеніи этихъ племенъ [1]), объ ихъ обычаяхъ и образѣ жизни, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и т. д. Такъ, лѣтописецъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о семейномъ и родовомъ бытѣ у русскихъ славянъ, объ ихъ брачныхъ и похоронныхъ обрядахъ (напр., о свадебныхъ игрищахъ у дикихъ вятичей и сѣверянъ, на которыхъ они «умыкали» себѣ женъ, объ обрядѣ сожженія покойниковъ); встрѣчаются упоминанія и о менѣе важныхъ, но характерныхъ обычаяхъ нашихъ предковъ, напр., объ ихъ обычаѣ «париться» въ банѣ [2]). Очень характерно при этомъ, что съ особенной симпатіей лѣтописецъ относится къ *полянамъ*, въ области которыхъ возникъ Кіевъ, духовный и политическій центръ древней Руси, отмѣчаетъ ихъ болѣе высокое развитіе и мирные нравы («мужи мудри и смыслени», «обычай имуть кротокъ и тихъ»), и въ этомъ отношеніи противополагаетъ ихъ *древлянамъ*, живущимъ «звѣриньскимъ образомъ», съ которыми поляне въ древности вели долгую и тяжелую борьбу.

Народная поэзія въ Повѣсти.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ при составленіи «Повѣсти временныхъ лѣтъ» были изустныя *народныя сказанія*. На нихъ основаны почти всѣ разсказы лѣтописи, касающіеся древнѣйшихъ временъ, эпохи первыхъ князей. Одни изъ нихъ имѣютъ историческое основаніе, другіе представляютъ собой чистый вымыселъ, при чемъ часто бываетъ трудно отдѣлить достовѣрное отъ легендарнаго.

---

1) Говоря о географическомъ распредѣленіи отдѣльныхъ племенъ, лѣтописецъ связываетъ ихъ съ бассейнами отдѣльныхъ рѣкъ, орошающихъ русскую равнину: Днѣпра, Оки, Волги, Двины, Ильменя и т. д.; въ этомъ случаѣ нашъ древній лѣтописецъ обнаруживаетъ вполнѣ правильное, хотя, быть можетъ, не вполнѣ сознательное пониманіе того важнаго значенія, какое главные водные пути всегда имѣли въ дѣлѣ распространенія племенъ и образованія государствъ. Довольно подробно описываетъ онъ и великій „путь изъ Варягъ въ Греки“, имѣвшій такое важное значеніе для всей древне-русской исторіи.

2) Упоминаніе о баняхъ вставлено, довольно неумѣстно и въ очень наивной формѣ, въ разсказъ о пребываніи въ русской землѣ ап. Андрея, котораго этотъ обычай париться болѣе всего поразилъ во время его пребыванія въ новгородской области: „дивно видѣть въ землѣ Словеньстѣ идущю ми сѣмо; видѣхъ бани древены, и пережьгуть я рамяно (сильно), и совлокуться, и будуть нази, и облѣются квасомъ усниянымъ (изъ пшеничныхъ отрубей съ солью), и возмуть на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьють, едва слѣзуть лѣ живи, и облѣются водою студеною, и тако оживуть; и то творятъ по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мученіе собѣ, а не мовеніе“.

Къ числу народныхъ преданій принадлежатъ лѣтописные разсказы о призваніи варяговъ, о смерти Олега (имъ воспользовался Пушкинъ въ «Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ»), о мести Ольги и др. Нѣкоторыя изъ этихъ сказаній сложились въ чисто народной средѣ, напр., преданіе объ основаніи Кіева [1]). Другіе возникли среди княжескихъ дружинниковъ и являются какъ бы отголосками древней *дружинной* поэзіи: таковы, напр., сказанія о походахъ Олега и Святослава, о пирахъ Владиміра и др. Наконецъ, нѣкоторыя изъ этихъ сказаній, повидимому, *иноземнаго* происхожденія и принадлежатъ къ числу бродя-

Русскій князь принимаетъ дань отъ подвластныхъ племенъ („языковъ"). По миніатюрѣ Радзивиловской лѣтописи (XIV в.).

чихъ сюжетовъ, имѣющихъ широкое распространеніе среди различныхъ народовъ: такова, напр., притча о Бѣлгородскомъ киселѣ, при-

[1]) Преданіе это связываетъ основаніе Кіева съ тремя легендарными братьями: Кіемъ, Щекомъ и Хоревомъ и ихъ сестрой Лыбедью. По имени Кія самъ городъ былъ названъ *Кіевомъ*; имена другихъ остались въ названіяхъ кіевскихъ мѣстностей: Щековицы, Хоревицы и рѣчки Лыбеди. Преданіе о Кіѣ и его братьяхъ принадлежитъ къ числу такъ назыв. *этіологическихъ* миѳовъ, созданныхъ народнымъ воображеніемъ для объясненія *происхожденія* тѣхъ или другихъ явленій и предметовъ: обычаевъ, обрядовъ, названій и т. д. Таково же и преданіе объ основаніи Переяславля; согласно народному сказанію, городъ этотъ былъ основанъ вел. кн. Владиміромъ въ ознаменованіе побѣды русскаго „отрока" надъ печенѣжскимъ богатыремъ: „зане перея славу".

надлежащая къ числу весьма популярныхъ разсказовъ о всевозможныхъ военныхъ хитростяхъ.

вѣсть, какъ образецъ ревне-рус. ѣтописанія.

«Повѣсть временныхъ лѣтъ» очень характерна для нашего раннпяго лѣтописанія. По ней мы знакомимся съ пріемами, взглядами, интересами нашихъ древнихъ лѣтописцевъ, ихъ языкомъ; она является главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о начальномъ періодѣ жизни древней Руси.

и духовный характеръ.

Какъ и всѣ наши древнія лѣтописи, «Повѣсть временныхъ лѣтъ» носитъ яркіе слѣды своего *церковнаго, монастырскаго* происхожденія. Составитель ея проникнутъ глубокимъ христіанскимъ настроеніемъ: изобразивъ «звѣринскіе обычаи» русскихъ язычниковъ, онъ прибавляетъ: «си же обычаи творяху... погании, не вѣдуще закона Божиа, но творяще сами собѣ законъ... Но мы же христиане, елико (сколько) земль, иже вѣруютъ во Святую Троицю и въ едино крещение и въ едину вѣру законъ имамы (имѣемъ) единъ, елико во Христа крестихомъся и во Христа облекохомся»; съ большимъ увлеченіемъ говоритъ онъ о крещеніи Ольги [1]) и Владиміра, котораго онъ сравниваетъ съ Соломономъ и съ Константиномъ Вел., о христіанской просвѣтительной дѣятельности Ярослава и пр.

Очень часто и подробно останавливается онъ на событіяхъ, связанныхъ съ Кіево-Печерскимъ монастыремъ, разсказываетъ исторію его возникновенія и постепеннаго развитія, съ любовью описываетъ духовные подвиги преп. Ѳеодосія и другихъ святителей. Нерѣдко разсказъ лѣтописца прерывается благочестивыми размышленіями религіозно-нравственнаго содержанія и цитатами изъ Св. Писанія (преимущественно изъ Псалтири).

Отношеніе къ родной землѣ.

Однако этотъ церковный характеръ «Повѣсти», сближающій ее съ другими памятниками нашей древней письменности, сочетается въ ней съ живымъ интересомъ къ чисто мірскимъ, свѣтскимъ дѣламъ. Лѣтописецъ даетъ въ своемъ трудѣ широкую картину жизни тогдашней Руси, съ ея войнами и междоусобіями, княжескими «крамолами» и народными бѣдствіями. Разсказъ его проникнутъ глубокой и искренней *любовью къ родной землѣ* и яснымъ сознаніемъ ея *единства*. Тяжело скорбя о неурядицахъ, отъ которыхъ страдала вся Русь по причинѣ княжескихъ усобицъ, онъ какъ бы противополагаетъ современнымъ князьямъ-христіанамъ ихъ отдаленныхъ

---

[1]) Разсказавъ объ ея смерти, „Повѣсть“ называетъ ее „денницей передъ солнцемъ“ и „варей передъ свѣтомъ“; она сіяла, какъ луна ночью, свѣтилась, какъ бисеръ среди грязи; она — „русское познаніе“ (Бога), „начатокъ примиренію“; „си первое вниде въ царство небесное отъ Руси, сию бо хвалять рустии сынове, аки началницю, ибо по смерти моляше Бога за Русь“.

языческихъ предковъ, которые «расплодили» (расширили) землю русскую, создали сильное и славное государство.

Изображая славныя событія прошлаго, онъ широко пользуется и народными *языческими* преданіями: церковникъ-патріотъ видѣлъ въ нихъ только *историческій матеріалъ* и относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Въ его разсказѣ свободно примирялись христіанское настроеніе и народная поэзія, которыя во всѣхъ другихъ областяхъ жизни и литературы какъ бы исключали другъ друга. Народно-поэтическій элементъ придавалъ особую живость и свѣжесть лѣтописному разсказу.

Религіозная основа міровоззрѣнія лѣтописи.

Міровоззрѣніе нашей древней лѣтописи проникнуто глубокимъ *религіознымъ* духомъ. Всѣ событія она сводитъ къ *непосредственному* водительству Богомъ или дьяволомъ людей: «вложилъ Богъ добрую мысль», «вложилъ діаволъ злую мысль», «воздвиже дьяволъ котору (междоусобія) въ братьи сей Ярославичихъ: бывши распри межи ими»—иныхъ объясненій, за рѣдкими исключеніями, древняя лѣтопись не знаетъ. Жизнь представлялась въ видѣ непрестанной борьбы Божественнаго и бѣсовскаго начала. Несчастія разсматривались, какъ наказаніе Божіе за грѣхи и беззаконія: «се бо на ны Богъ попусти поганыя не яко милуя ихъ, но насъ кажа (наказывая), да быхомъ ся востягнули (воздержались, отказались) отъ злыхъ дѣлъ: симъ казнить ны нахоженіемъ поганыхъ, се бо есть батогъ (жезлъ, палка), да нѣколи смирившеся вспомянемся отъ злаго пути своего». Наоборотъ, во всѣхъ беззаконіяхъ лѣтописецъ видѣлъ «пронырства» дьявола, его «соблаженія».

Такъ же объясняются имъ и *явленія природы:* они происходятъ на землѣ и на небѣ по волѣ высшихъ силъ и въ тѣсной связи съ судьбою человѣка. «Знаменія» (затменіе солнца, появленіе кометъ, землетрясеніе и т. д.) предвѣщаютъ счастье или несчастье, могутъ быть добрыми или злыми: «знаменія бо бываютъ ова (одни) на зло, ова ли (другія же) на добро»; «въ се же лѣто Новѣ-городѣ иде Волховъ вспять, дній 5; се же знаменье не добро бысть: на четвертое бо лѣто пожже Всеславъ градъ».

Глубокая и искренняя вѣра иногда переходитъ у него въ *суевѣріе.* Съ полнымъ довѣріемъ онъ помѣщаетъ такой, напримѣръ, разсказъ подъ 1092 г.: „предивное было чудо въ Полоцкѣ: въ мечтѣ и ночью было трясеніе земли, въ полночь стоны; какъ люди, рыщутъ бѣсы по улицѣ; если кто выходилъ изъ дому, желая посмотрѣть, сейчасъ же невидимо поражали его бѣсы, и отъ того умирали и не смѣли вылѣзать изъ домовъ; затѣмъ же начали (бѣсы) являться и днемъ на коняхъ, ихъ самихъ не было видно, но копыта коней были видны; такъ гибли люди Полоцкіе и (Полоцкая) область. Потому люди и говорятъ: какъ навье (мертвецы) бьютъ Полочанъ".

Лѣтописцу, впрочемъ, доступно и нѣкоторое *критическое* чувство: старому преданію о томъ, что Кіевъ былъ названъ по имени „перевозника“ Кія („на перевозъ на Кіевъ“), онъ противополагаетъ свѣдѣнія *(тоже легендарныя) о князѣ* Кіи и его походѣ на Царьградъ — „инии же, *не вѣдуще,* рекоша, яко Кий есть перевозникъ бысть... аще бо былъ перевозникъ Кий, то не бы ходилъ къ Царюгороду“.

Проявленія нравственнаго чувства.

Наша древняя лѣтопись не любитъ изліяній, но въ ея сжатомъ, сдержанномъ разсказѣ иногда проглядываетъ *глубокое чувство*. Съ умиленіемъ говоритъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» о христіанскихъ заслугахъ св. Владиміра и Ярослава: «яко же бо се нѣкто землю разореть (распашетъ), другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищу бескудну, тако и сь (Ярославъ): отець бо сего Володимеръ взора́ и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ; сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій; а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываеть полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми (наставляемы) и учими есмы пути покаянью; мудрость бо обрѣтаемъ отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселенную, се суть исходища (источники) мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанию».—Разсказы о набѣгахъ половцевъ полны сосредоточенной скорби: «много роду хрестьянска стражюще: печални, мучими, зимою оцѣпляеми (окованные морозомъ), въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ, опустнѣвше (изнуренные) лици, почернѣвше тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены (изранены) терньемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу глаголюще: «азъ бѣхъ сего города», и другія: «азъ сего села»; тако съупрошаются (спрашиваютъ другъ друга) со слезами, родъ своей повѣдающе, и вздыхающе, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная»; «ови ведуться полонени; друзіи посѣкаеми бывають, горкую смерть пріемлюще; друзіи трепечуть, зряще убиваемыхъ; друзіи гладомъ уморяеми и водною жажею; ови вяжеми и пятами пхаеми, и на зимѣ (на морозѣ) держими и ураняеми (ранены)». За грѣхи «подобаше намъ преданымъ быти въ руку языку (народу) странну и беззаконьнѣйшю всея земли». Съ такою же скорбью говоритъ лѣтописецъ о «ко́торахъ» (распряхъ) князей и съ сочувствіемъ пишетъ о тѣхъ изъ нихъ, кто «положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости». Противъ князей крамольниковъ (какъ Всеславъ, Олегъ Святославичъ, Святополкъ II) часто поднимаетъ онъ свой смѣлый негодующій голосъ.

Характеристики историческихъ лицъ.

Характеристики отдѣльныхъ лицъ, напр., князей, въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» большей частью кратки и немногословны, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются строгой объективностью, безпристрасті-

емъ, и достаточно ярко обрисовываютъ наиболѣе выдающіяся черты и качества того или другого историческаго лица. Таковы, напр., характеристики Святослава, Владиміра св., Ярослава, Всеволода, Олега (Гореславича) и др. Въ характеристикѣ Святослава отразились, повидимому, народныя преданія объ этомъ воинственномъ князѣ, сохранившіяся, быть можетъ, въ дружинной поэзіи: «Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совокупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ (леопардъ), войны многи творяше. Ходя возъ (походный обозъ) по собѣ не возяше, ни котла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ (попону) постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочии его вои бяху. И посылаша къ странамъ, глаголя: хочю на вы ити».

Въ характеристикѣ Владиміра св. лѣтописецъ отмѣчаетъ рѣзкую нравственную перемѣну, происшедшую въ немъ подъ вліяніемъ христіанства; прославляя высокій, равноапостольный подвигъ Владиміра—крещеніе Руси, лѣтописецъ вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ упомянуть и о его веселыхъ пирахъ, и о его ласковомъ отношеніи къ дружинѣ: «бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратѣхъ, и о уставѣ земленѣмъ». О кн. Изяславѣ въ Повѣсти говорится: «Бѣ же Изяславъ незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду; не бѣ бо въ немъ лсти (притворства), но простъ умомъ, не воздая зла за зло». При характеристикѣ кн. Всеволода лѣтописецъ отмѣчаетъ его слабоволіе, склонность подчиняться вліянію молодыхъ совѣтниковъ («нача любити смыслъ уныхъ»), при изображеніи кн. Олега черниговскаго отмѣчаетъ его гордость и высокомѣріе («смыслъ буй и словеса величавы»).

Особенности языка и формы Повѣсти.

Языкъ „Повѣсти“—смѣсь церковно-славянскаго съ русскимъ, съ преобладаніемъ послѣдняго. Многіе его обороты отличаются большою изобразительностью и силою: напр., „сердоболь“—родственникъ, „думати“ — совѣщаться, „азъ буду тебѣ въ сердце и въ пріязньство“, „постави Сѣверъ (сѣверянъ) въ чело противъ варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по крилома“, „имемъ ся въ едино сердце“, „показавше ему путь отъ себе“ (спровадивши его), „жены и дѣти вдаша на щиты“ (на разграбленіе и убіеніе), „внезапу свѣтъ восія, яко зракъ (зрѣніе) вынимая человѣку“, „толи не будеть межь нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути“.

Лѣтописецъ вводитъ въ разсказъ и народныя пословицы: „аще ся въвадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо“ (древляне объ Игорѣ), „Пищаньци (Радимичи) волъчья хвоста бѣгають“ (такъ какъ ихъ побѣдилъ воевода кн. Владиміра, по прозванію Волчій Хвостъ), „аще ли двѣ главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли и (его)“, „погибоша аки Обрѣ“ (авары) и пр.

Особенно любитъ онъ прибѣгать къ *діалогу*, который, при необработанности синтаксиса, помогалъ передавать чужія рѣчи: напр., „и рече Блудъ Ярополку: „видиши, колько вой у брата твоего? Намъ ихъ не перебороти, твори миръ съ братомъ твоимъ". И рече Ярополкъ: „такъ буди". Или: „Посла Олегъ къ Радимичамъ, ркя (говоря): „кому дань даете?" Они же рѣша: „Козаромъ". И рече имъ Олегъ: „не давайте Козаромъ, но мнѣ давайте", и вдаша Олгови по щелягу (серебряная монета), яко же и Козаромъ даяху". Необработанность синтаксиса въ тѣ времена часто приводила къ крайне запутанному построенію фразы: напр., „конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети" (о конѣ Олега).

Мѣстныя лѣтописи.

«Повѣсть временныхъ лѣтъ» носитъ *обще-русскій* характеръ, охватываетъ событія всѣхъ областей русской земли до 1110 г. Съ нея начинаются обыкновенно позднѣйшіе списки—своды, прибавляя къ ней *мѣстныя* лѣтописи, все болѣе расходясь въ своемъ изложеніи, взглядахъ и интересахъ. Изъ *мѣстныхъ* лѣтописей особенно замѣчательны *новгородская*, *суздальская* (въ Лаврентьевскомъ сводѣ), *кіевская* и *галицко-волынская* (въ Ипатьевскомъ сводѣ). Каждая изъ нихъ имѣетъ свои характерныя особенности: такъ, лѣтопись *новгородская* отличается сухостью и дѣловымъ складомъ; въ *галицко-волынской*, наоборотъ, много поэтическихъ элементовъ, художественныхъ характеристикъ и описаній, мѣткихъ выраженій и оборотовъ.

Новгородская лѣтопись.

Новгородскія лѣтописи почти исключительно говорятъ о событіяхъ новгородской жизни; рѣдко затрагиваются въ нихъ событія другихъ областей, и то главнымъ образомъ по ихъ отношенію къ Новгороду. Написаны онѣ сжатымъ, дѣловымъ языкомъ и отличаются сухостью тона, отсутствіемъ яркихъ картинъ и живыхъ характеристикъ; благочестивыя размышленія также встрѣчаются въ нихъ довольно рѣдко.

Суздальская лѣтопись.

Такимъ же сухимъ, *не-художественнымъ* характеромъ отличается и *суздальская лѣтопись*. На ней лежитъ отпечатокъ церковности, которая выражается въ пристрастіи къ текстамъ изъ Св. Писанія. Характеристики князей въ ней очень однообразны; въ нихъ нѣтъ уже свободной оцѣнки событій, какую мы находимъ въ древней лѣтописи: суздальскій лѣтописецъ, повидимому, находился въ бо́льшей зависимости отъ князей, и разсказъ его носитъ *оффиціальный* характеръ, т.-е. передаетъ событія съ точки зрѣнія власти, всегда оправдывая ея дѣйствія. Всѣ событія въ ней истолковываются въ пользу властей, часто даже съ большими натяжками: пораженіе суздальцевъ новгородцами, напр., объясняется, вопреки фактамъ, голодомъ и моромъ, а не ошибками военачальниковъ и трусостью войска, какъ было на самомъ дѣлѣ [1]).

---

[1]) Когда дружина кн. Всеволода Суздальскаго хотѣла напасть на кн. Святослава, но Всеволодъ помѣшалъ, лѣтопись такъ истолковала его поступокъ: „благосердъ сый, не хотя крове пролияти". Затѣмъ онъ перемѣнилъ рѣшеніе, напалъ на Святослава, не

Кіевская лѣтопись скудна церковными событіями; въ ней очень рѣдки тексты изъ Св. Писанія; это даетъ основаніе предполагать, что въ составленіи ея принимали участіе свѣтскія лица. Нѣкоторыя изъ вошедшихъ въ нее сказаній, несомѣнно, составлены дружинниками: напр., разсказъ, о несчастномъ походѣ Новгородъ-Сѣверскаго князя Игоря Святославича противъ половцевъ (въ 1185 г.) написанъ (или записанъ со словъ) дружинникомъ, попавшимъ вмѣстѣ съ Игоремъ въ половецкій плѣнъ: все его содержаніе указываетъ на дружинника—участника похода и всѣхъ послѣдующихъ несчастій русскаго войска. Кіевская лѣтопись очень внимательно и сочувственно относится къ положенію народа, отмѣчая тѣ невзгоды, которыя ему приходилось выносить вслѣдствіе непрекращающихъ княжескихъ раздоровъ и междоусобій. Кіевская лѣтопись.

Галицко-Волынская лѣтопись отличается совершенно свѣтскимъ характеромъ. Ея составитель хотѣлъ дать не простую погодную лѣтопись, а цѣльный и связный разсказъ. Только позднѣе этотъ разсказъ, очень неудачно, былъ разбитъ по годамъ. Составитель ея не чуждъ искусственныхъ литературныхъ пріемовъ. Въ его лѣтописи есть особые подзаголовки, указывающіе на содержаніе отдѣльныхъ частей разсказа: „начнемъ же сказати безчисленныя рати и великыя труды, и частыя войны и многыя мятежи и частыя возстанія“, „по семъ скажемъ многый мятежь, великыя льсти (обманы), безчисленныя рати“ и пр. Галицко-волынская лѣтопись.

Галицко-Волынская лѣтопись вся вообще отличается *художественностью стиля*, напоминающей „Слово о полку Игоревѣ“—соединеніемъ искусственныхъ, книжныхъ—и народно-поэтическихъ оборотовъ въ одно гармоническое цѣлое. Вмѣстѣ съ „Словомъ“ оно вышло изъ одной и той же *дружинной среды*. Ея художественный характеръ.

О князѣ Романѣ она говоритъ: „устремилъ бо ся бяшя на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко крокодилъ, и прехожаше землю ихъ (всѣхъ „поганьскихъ языковъ“) яко и орелъ, храбръ бо бѣ яко и туръ (буйволъ)“. Владиміръ Мономахъ „пилъ золотымъ шеломомъ Донъ“. Про половецкаго хана Кончака говорится, что онъ „снесъ Сулу, пѣшь ходя, котѣлъ нося на плечеву“ (смыслъ этого выраженія: Кончакъ, воюя пѣшимъ, безъ всякаго воинскаго обоза, могъ передвинуть Сулу, измѣнить ея теченіе; вся эта фраза, вѣроятно, представляетъ собой отрывокъ изъ какой-либо дружинной пѣсни, такъ какъ дружинная поэзія вообще любила изображать въ гиперболическихъ формахъ силу и могущество князей-воителей; такъ, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ о князѣ Всеволодѣ Суздальскомъ говорится, что онъ можетъ „Волгу веслами раскропить, а Донъ шлемами вылить“). Вообще въ Волынской лѣтописи много *отголосковъ народныхъ пѣсенъ и преданій, чисто народныхъ оборотовъ*; отдѣльныя мѣста какъ будто прямо взяты изъ пѣсенъ [1]): „пришед-

---

внявъ его смиреннымъ мольбамъ: „ты отецъ, ты господинъ, ты братъ...“ и лѣтопись спѣшитъ оправдать его такими соображеніями: „князь не восхотѣ мира, якоже пророкъ глаголетъ: брань славна луче есть мира студна (постыднаго)“.

[1]) Напр.: „выйде Филя (начальникъ венгерскихъ войскъ), древле прегордый, надѣяся объяти землю, потребити (уничтожить) море, со многими Угры (венгерами), рекшу ему; „единъ камень много горньцевъ (горшковъ) избиваетъ“, а другое слово ему рекшю прегордо: „острый мечю, борзый коню—многая Руси!“ (смыслъ: благодаря остротѣ мечей

нимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко облаку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекътущимъ и плавающимъ крылома своими и воспрометающимся на воздухѣ", „щитѣ ихъ яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ яко солнцу восходящу", „сразились челомъ, будто громъ грянулъ", „шли камни съ забралъ (городскихъ стѣнъ), какъ дождь сильный", „еще бы ему (Льву) не сошла оскомина Телебужиной рати" (еще не забылось пораженіе, нанесенное Телебугой).

Въ одномъ мѣстѣ пересказана прекрасная, несомѣнно половецкаго происхожденія, пѣсня, полная *поэзіи степи*. Мономахъ загналъ на Кавказъ („во Обезы за желѣзныя врата") половецкаго хана Отрока. Когда Мономахъ умеръ, ханъ Сырчанъ, братъ Отрока, послалъ къ нему „гудца" (пѣвца) Оря, со словами: „Владиміръ умеръ, воротись, братъ, пойди въ землю свою"; „молви (Орь) ему мои слова, пой ему половецкія пѣсни; если не захочетъ (вернуться), дай ему понюхать степной травы евшанъ (или емшанъ). Тотъ не захотѣлъ послушаться и вернуться; тогда далъ ему (Орь) траву; понюхалъ тотъ и заплакалъ, говоря: лучше въ своей землѣ костьми полечь, чѣмъ въ чужой быть славнымъ—и пришелъ въ свою землю" [1]).

Кн. Мстиславъ затворяется въ городѣ Луцкѣ, спасаясь отъ нападенія враговъ; эпизодъ изъ княжескихъ междоусобій XII вѣка (рис. изъ Радзивиловской лѣтописи).

и быстротѣ своихъ коней венгерцы погубятъ многихъ русскихъ). Богу же того не терпящу, во ино время убьенъ бысть Даниломъ Романовичемъ древле прегордый Филя". Пользуется лѣтопись и литературными источниками: часть поученія Иларіона о Владимірѣ св. примѣнена, напр., къ смерти Владиміра Волынскаго, съ небольшими измѣненіями въ текстѣ.

[1]) Цитата приведена въ переводѣ, въ виду грамматической трудности подлинника. Содержаніемъ этого эпизода воспользовался Майковъ въ стих. „Емшанъ".

Сравненіе содержанія лѣтописей XI—XIII вв. ясно обнаруживаетъ усиленіе въ нихъ свѣтскаго, художественнаго и народно-поэтическаго элементовъ и ослабленіе элемента духовнаго. Это вообще указываетъ на процессъ *перерожденія,* происходившаго во всей тогдашней нашей литературѣ. Раньше писателями исключительно были духовныя лица; въ XII вѣкѣ въ ихъ средѣ появляются *князья* и *дружинники.* Къ числу ихъ принадлежалъ и Владиміръ Мономахъ, авторъ весьма любопытнаго «Поученія».

Поученіе Владиміра Мономаха.

Подобно лѣтописи, «Поученіе» князя Владиміра Мономаха отличается *переходнымъ характеромъ*: своею формою и большею частью содержанія оно примыкаетъ къ *духовной письменности,* но въ немъ много и чисто *свѣтскихъ чертъ* [1]).

Благороднѣйшій изъ князей своей эпохи, Владиміръ Мономахъ энергично боролся съ половцами и съ княжескими междоусобіями; ему принадлежитъ счастливая идея княжескихъ съѣздовъ, которые должны были разбирать спорные вопросы и предупреждать разорявшія русскую землю «ко́торы» (распри).

Происхожденіе его.

Какъ глубоко и искренно вѣрующій христіанинъ, онъ съ грустью смотрѣлъ на постоянныя нарушенія князьями крестнаго цѣлованія, на заглохшее сознаніе единства русской земли, на разореніе народа. Передъ составленіемъ «Поученія» ему удалось добиться, не безъ труда, примиренія князей; не успѣлъ онъ доѣхать до Ростовской земли, какъ уже за нимъ гонятся послы отъ «братьи» съ предложеніемъ: «потъснися (примкни) къ намъ, да выженемъ (изгонимъ) Ростиславичей (смоленскихъ князей) и волость ихъ отъимемъ; иже ли (если) не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ». Мономахъ имъ отвѣтилъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы (съ вами) я ити, ни креста переступити». Отпустивъ пословъ, онъ впалъ въ уныніе: не надолго хватило слова и крестнаго цѣлованія «братіи». Въ печали онъ ищетъ утѣшенія въ Псалтыри и раскрываетъ ее на-угадъ. Ему «вынулся» бодрящій псаломъ: «вскую (зачѣмъ, напрасно) печалуеши, душе?

---

[1]) Оно находится, вмѣстѣ съ Посланіемъ Мономаха кн. Олегу Святославичу, въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1096 г., но несомнѣнно было написано позднѣе, вѣроятно, въ концѣ его жизни (умеръ въ 1125 г.). На это могутъ указывать и слова самого Мономаха: „сѣдя на санехъ", „на далечи пути да на санехъ сѣдя". Нѣкоторые понимали ихъ *буквально,* какъ указаніе на пребываніе Владиміра въ Ростовской землѣ, зимой, при санномъ пути. Другіе, съ большимъ основаніемъ, придаютъ имъ *фигуральное* значеніе: все содержаніе „Поученія" указываетъ на долговременный жизненный опытъ, которому Мономахъ захотѣлъ подвести итоги передъ близкою смертью: „далекій путь"—путь въ загробный міръ; на саняхъ тогда хоронили во всѣ времена года, и слова „сидя на санехъ" могли значить: „приближаясь къ смерти". (См. рис. на стр. 176).

вскую смущаеши мя?..» Онъ «собралъ эти любыя словца» (рядъ мѣстъ изъ «вынувшагося» псалма и другихъ псалмовъ), привелъ ихъ въ порядокъ и записалъ.

Составъ Поученія.

Такъ возникла *первая* часть «Поученія». Кромѣ Псалтыри, Мономахъ пользуется въ ней Шестодневомъ и поученіями Василія Великаго, богослужебными книгами и пр. *Вторая* часть носитъ *автобіографическій* характеръ: Мономахъ приводитъ, въ поученіе читателямъ, рядъ случаевъ и примѣровъ изъ своей жизни. Обѣ части объединяются поучительною цѣлью автора, его желаніемъ научить своихъ дѣтей-князей и другихъ читателей, какъ жить по-христіански, памятуя, что «блюденіе Божіе надежнѣй (лѣплѣе) человѣческаго». Въ «Поученіи», въ самой его формѣ и во многихъ совѣтахъ и мысляхъ, Мономахъ подражалъ византійскимъ образцамъ; несомнѣнно, онъ пользовался «Поученіемъ Ксенофонта сыновьямъ», вошедшимъ въ одинъ изъ Святославовыхъ изборниковъ; ему могли быть извѣстны и апокрифическіе «завѣты патріарховъ» (напр., «Завѣтъ Іуды»). Форма поученій родителей дѣтямъ вообще была очень распространенной въ греческой и южно-славянскихъ литературахъ.

Религіозно-нравственный характеръ Поученія.

Воспитанный на духовной литературѣ, Мономахъ требуетъ ежедневнаго посѣщенія всѣхъ церковныхъ службъ, «ночныхъ поклоновъ и пѣнья», безпрестанной молитвы («аще и на кони ѣздяче не будетъ ни съ кымъ орудья (не будете ничѣмъ заняты), аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «*Господи помилуй*» зовѣте безпрестани втайнѣ, та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя»). Онъ высоко ставитъ иноковъ-аскетовъ, но думаетъ, что спасенія души можно достигнуть и на міру—покаяніемъ, слезами и молитвой: «Господь нашъ показалъ ны есть на врага (дьявола) побѣду—*тремя дѣлы добрыми* избыти его и побѣдити его: *покаяньемъ, слезами и милостынею*. Да то вы, дѣти мои, не тяжка заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы тремя избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога дѣля (ради) не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте трехъ дѣлъ тѣхъ, не бо суть тяжка: ни одиночество (пустынножительство), ни чернечьство (монашество), ни голодъ (постъ), яко иніи добрыи терпять, но малымъ дѣломъ улучити милость Божью». Отдавая должное нравственной высотѣ аскетическихъ подвиговъ, онъ, такимъ образомъ, не считаетъ ихъ единственнымъ путемъ для спасенія души.

Обязанности всякаго христіанина.

Учительная часть сочиненія Мономаха указываетъ рядъ обязательныхъ нравственныхъ и религіозныхъ требованій, которыя нужно предъявлять къ каждому человѣку, независимо отъ его общественнаго положенія. Они сводятся къ молитвѣ, слезамъ о грѣхахъ и

покаянію, милостынѣ, вѣрности крестному цѣлованію, уваженію къ старшимъ и духовенству, любви къ равнымъ, воздержанію отъ страстей, почтенію къ умершимъ; больше всего онъ настаиваетъ на необходимости *страха Божія* и на вредѣ лѣности—къ этимъ вопросамъ онъ возвращается нѣсколько разъ въ своемъ «Поученіи», придавая имъ особенно важное значеніе.

Обязанности правителя-князя.

Отъ изложенія *обще-христіанскихъ* обязанностей, Владиміръ переходитъ къ изображенію обязанностей *правителя* (такъ какъ поученіе его обращено прежде всего къ его дѣтямъ и наслѣдникамъ), рисуетъ высокій *идеалъ князя*. Онъ требуетъ отъ князей постоянной и самоотверженной дѣятельности на пользу подвластнаго народа, правосудія, милосердія, привѣтливаго отношенія ко всѣмъ людямъ, безъ различія состояній. Князья не должны полагаться на дружину, и во все обязаны входить сами: «На войну вышедъ не лѣнитеся—не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите (не предавайтесь излишествамъ), ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь отвсюду нарядивше около вой тоже лязите (лягте), а рано встанѣте, а оружья не снимайте съ себе, вборзѣ не розглядше, лѣнощами (по лѣности, нерадѣнію) внезапу бо человѣкъ погыбаетъ». Рѣшительно возстаетъ онъ противъ смертной казни: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убить его; аще (даже если) будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны». Иностранцевъ, знатныхъ и простыхъ, нужно накормить и напоить: «тѣ бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ». «Что знаете хорошаго, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь, какъ отецъ мой (Всеволодъ), который, сидя дома, изучилъ 5 языковъ, за то и честь ему была въ другихъ странахъ». «Лѣность бо всему (дурному) мати—еже умѣетъ, то забудеть, а его же не умѣеть, и тому ся не учить». Княжескій день долженъ располагаться такъ: посѣщеніе заутрени, молитва при восходѣ солнца, совѣщаніе съ дружиною («думати съ дружиною»), или судъ («люди оправливати»), или охота («на ловъ ѣхати»); послѣ этого слѣдуетъ въ полдень отдохнуть: «спанье есть отъ Бога присужено полудне... почиваетъ и звѣрь и птицы и человѣци».

Автобіографическая часть Поученія.

Во *второй, автобіографической* части Мономахъ «повѣдаетъ трудъ свой, оже ся тружалъ, пути дѣя и ловы». Онъ перечисляетъ походы, пережитыя опасности свои, подвиги на войнѣ и охотѣ, которая была тогда важнымъ дѣломъ въ виду обилія хищныхъ звѣрей и ихъ опасности для населенія. «Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла—на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себя упокоя», не полагаясь на другихъ.

Онъ не хвастается своими подвигами и трудами, такъ какъ только соблюдалъ волю Божію: «не хвалю бо ся ни дерзости (смѣлости, храбрости) своея, но хвалю Бога и прославляю милость Его, иже мя грѣшнаго и худаго селико (столько) лѣтъ сблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ худаго на вся дѣла человѣчьская потребна». Творите добрыя дѣла,—говоритъ онъ князьямъ,—исполняйте свой долгъ, не боясь смерти: пока Богъ не повелитъ, никто вамъ не повредитъ, никто васъ не убьетъ; а повелитъ Онъ, никто васъ не спасетъ, ни отецъ, ни мать, ни братья. «Божие блюденье лѣплѣе есть человѣчьскаго».

Общій характеръ Поученія.

Въ „Поученьи“ своеобразно переплетаются элементы духовные и свѣтскіе. Оно — плодъ многолѣтней жизни и глубокихъ размышленій лучшаго изъ нашихъ князей удѣльно-вѣчевого періода, яркое выраженіе выработанныхъ имъ жизненныхъ идеаловъ. Изъ него можно видѣть, какъ глубоко могли постигнуть духъ христіанства лучшіе, хотя бы и немногіе, представители Кіевской дружинно-вѣчевой Руси. Поэзія красотъ природы [1]), увлеченіе военными и охотничьими подвигами могли соединяться въ нихъ съ глубокимъ и искреннимъ религіознымъ чувствомъ, широкою гуманностью, самоотверженнымъ служеніемъ родинѣ, сердечною скорбью при ея несчастьяхъ. По общему складу своей души къ Мономаху очень близокъ неизвѣстный авторъ „Слова о полку Игоревѣ“, дружинникъ конца XII вѣка: не даромъ съ такой грустью онъ говоритъ о томъ, что „того стараго Владиміра (Мономаха) нельзя было задержать на кіевскихъ горахъ“ („пригвоздить къ горамъ кіевскимъ“) — съ его смертью опять разгорѣлись раздоры и междоусобія русскихъ князей, опять начала „стонать“ русская земля.

Слово о полку Игоревѣ.

«Слово о полку (походѣ) Игоревѣ» [2]) является наиболѣе художественнымъ памятникомъ нашей древней литературы. Его авторъ,

---

[1]) Отношеніе къ природѣ проникнуто у Владиміра духомъ глубокой религіозности. Подобно Василію Великому, онъ видитъ въ природѣ лучшее доказательство премудрости и благости Творца, прославляетъ „великія чудеса и доброты, устроенныя на семъ свѣтѣ“: „како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тьма, и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, Твоимъ промысломъ, звѣрье разноличніи, и птица, и рыбы украшены Твоимъ промысломъ, Господи“. Все устроено Богомъ „на угодье человѣкомъ — на снѣдь, на веселье“: „и птицы небесныя умудрены Тобою, Господи: егда повелиши, то воспоютъ, и человѣкы веселять тобѣ“.

[2]) Оно было найдено въ 1795 г. гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, большимъ любителемъ древностей, въ одномъ изъ Псковскихъ монастырей, въ рукописномъ сборникѣ. Найденная имъ рукопись (повидимому, XVI в.), единственно пока извѣстная, сгорѣла въ Москвѣ въ 1812 г. Для императрицы Екатерины, очень заинтересовавшейся этимъ произведеніемъ, незадолго до ея смерти (въ 1796 г.), была сдѣлана копія, сохранившаяся въ ея бумагахъ. Въ 1800 г. гр. Мусинъ-Пушкинъ, при помощи нѣсколькихъ ученыхъ, издалъ „Слово“ съ переводомъ и примѣчаніями. И Екатерининская копія, и изданіе 1800 г. отличаются существенными недостатками: въ текстѣ

неизвѣстный дружинникъ XII в., сумѣлъ достигнуть такой художественной изобразительности, красоты и силы, что его признали не только у насъ, но и на Западѣ [1]) однимъ изъ геніальнѣйшихъ представителей русской художественной поэзіи. Онъ былъ наиболѣе крупнымъ выразителемъ цѣлаго литературнаго направленія, большинство памятниковъ котораго исчезло, что дѣлаетъ «Слово» особенно драгоцѣннымъ для насъ. Долго оно считалось почти чудеснымъ, одинокимъ и случайнымъ явленіемъ, идущимъ вразрѣзъ съ общимъ духомъ нашей древней литературы, и только сравнительно недавно его поставили въ связь съ такими произведеніями, какъ «Девгеніево Дѣяніе», «Галицко-Волынская лѣтопись» и др.

Историческая основа Слова.

«Слово» — повѣсть или пѣснь о неудачномъ походѣ Ольговичей (потомковъ Олега Святославича, сѣверскихъ князей) противъ половцевъ въ 1185 г. Оно даетъ не только исторію похода, но и широкую картину тогдашней русской жизни, освѣщенную глубокимъ и скорбнымъ лиризмомъ.

Разсказъ кіевской лѣтописи (въ Ипатьевскомъ сводѣ) объ этомъ неудачномъ походѣ полонъ живыхъ подробностей и, несомнѣнно, основанъ на свидѣтельствѣ участниковъ похода и плѣна русскихъ князей.

Въ этомъ походѣ участвовали не всѣ русскіе князья, а одни лишь *Ольговичи* (потомки Олега черниговскаго—„Гореславича“), понадѣявшіеся на свои силы и отправившіеся противъ половцевъ, даже не предупредивъ вел. князя Святослава о своемъ намѣреніи. Во главѣ собранной ими дружины стоялъ *Игорь*, князь новгородъ-сѣверскій; съ нимъ вмѣстѣ отправились: сынъ его, *Владиміръ*, князь путивльскій, братъ *Всеволодъ* курскій и племянникъ *Святославъ* рыльскій,—удѣльные князья черниговской области. Походъ русскихъ князей начался при дурныхъ предназнаменованіяхъ: на пути къ Донцу, въ вечерній часъ, по словамъ лѣтописи, „Игорь воззрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще, яко мѣсяць“ (затменіе солнца). Бояре и дружина видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: „княже! се есть не на добро знамение се“. „Игорь же рече: „братья и дружино! тайны Божия никтоже не вѣсть, а знамению творець Богъ и всему миру (міру) Своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видѣти“.

У Оскола онъ подождалъ Всеволода, который шелъ другимъ путемъ

„Слова“—рядъ испорченныхъ мѣстъ, въ немъ есть очевидные пропуски и недоразумѣнія. Возможно, что эти недостатки были вызваны плохою сохранностью и ошибками рукописи; вмѣстѣ съ тѣмъ тогда у насъ слабо еще умѣли разбирать старое письмо, мало знали древне-русскій языкъ, и первымъ издателямъ „Слова“ легко было впасть въ ошибки даже при исправности рукописи. Сравненіе съ другими древне-русскими памятниками помогло возстановить нѣкоторыя испорченныя мѣста текста „Слова“, но и до сихъ поръ еще въ немъ много загадочнаго и спорнаго.

[1]) Кромѣ славянскихъ нарѣчій (польскаго, сербскаго, чешскаго, болгарскаго и малорусскаго), „Слово“ переведено на нѣмецкій, французскій, англійскій и венгерскій языки.

отъ Курска. Впередъ они выслали сторожевой отрядъ — „языка ловить“ (взять въ плѣнъ врага, чтобы получить отъ него всѣ нужныя свѣдѣнія). Отрядъ этотъ привезъ нерадостныя вѣсти: въ степи много вооруженныхъ половцевъ, которые, видимо, ждутъ нападенія: „да или поѣдете борзо (поскорѣе, пока половцы не собрались), или возворотися домовь, яко не наше есть веремя (время)“. „Игорь же рече съ братьею своею: „оже (если) ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ (срамъ) ны будеть пуще и смерти; но како ны Богъ дасть“. Въ пятницу утромъ, „въ обѣднее время“, полкъ Игоря столкнулся съ половцами. Князь сказалъ: „братья! сего есмы искали, а потягнемь (сразимся)“. Кочевники бросили свои вежи и убѣжали; Игореву полку досталась богатая добыча. Князь хотѣлъ сейчасъ же вернуться, предчувствуя опасность, но Святославъ Ольговичъ сказалъ, что онъ погонею за половцами слишкомъ утомилъ своихъ коней, и просилъ дать ему время отдохнуть.

На разсвѣтѣ въ субботу обступили ихъ половцы, „акъ боровѣ“ (какъ лѣсъ, вслѣдствіе множества копій и луковъ), „бысть бо ихъ бещисленное множество“. Всѣ сошли съ коней, намѣреваясь пробиться къ Донцу. Конные не хотѣли спасаться бѣгствомъ одни: „оже (если) побѣжемь, утечемь сами, а черныя (простыхъ) люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ, сихъ выдавше пойдемь; но или умремь, или живи будемь вси на единомь мѣстѣ“. Половцы тяжело ранили въ руку Игоря — „бысть печаль велика въ полку его“. На второй день неравнаго боя, часть русскихъ воиновъ дрогнула и обратилась въ бѣгство. Раненый князь бросился на конѣ „возворотити“ ихъ, но это ему не удалось: половцы пересѣкли дорогу Игорю и взяли его въ плѣнъ. „И тако, во день святаго воскресения, наведе на ны Господь гнѣвъ Свой: въ радости мѣсто наведе на ны плачь, и во веселье желю (скорбь, печаль) на рѣцѣ Каялы“ [1]). Взятыхъ въ плѣнъ русскихъ князей разобрали главнѣйшіе половецкіе ханы. Почти никто изъ дружинниковъ не могъ убѣжать, „зане (потому что) яко стѣнами силнами огорожени бяху полкы Половѣцькими“. Спаслось бѣгствомъ только нѣсколько человѣкъ, которые явились первыми распространителями рокового для южной Руси извѣстія о гибели „Игорева ополченія“ и о торжествѣ половцевъ.

Собиравшій съ верхнихъ земель воиновъ для похода противъ половцевъ Святославъ узналъ у Новгородъ-Сѣверска о походѣ Ольговичей „утаившеся его“, и „нелюбо бысть ему“. Возлѣ Чернигова догналъ его какой-то Бѣловолодъ Просовичъ и сообщилъ ему о происшедшемъ несчастіи. „Святославъ же то услышавъ и вельми вздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: „о люба моя братья и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! далъ ми бы Богъ притомити поганыя (намекъ на удачный походъ 1183 года Святослава противъ половцевъ, окончившійся плѣненіемъ хана Кобяка), но не воздержавше уности (юности) отвориша ворота на Русьскую землю, Воля Господня да будетъ о всемъ; да како жаль ми бяшеть (было досадно) на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемь“.

---

1) Теперешній Кагальникъ, притокъ Дона. Нѣкоторые изслѣдователи (напр., Потебня) считаютъ это названіе чисто *символическимъ* и производятъ его отъ слова *каять* (упрекать) или *каяться*.

Ужасная вѣсть между тѣмъ распространилась повсюду—„возмятошася городи“, „бысть скорбь и туга (печаль) люта, яко же николи же не бывала“. Половцы, побѣдивъ русскихъ князей, „взяша гордость велику и съвокупиша всь языкъ (народъ) свой на Русскую землю“. Ихъ ханы раздѣлились: Кончакъ рѣшилъ идти къ Кіевской области, „гдѣ избиты братья ихъ (половцевъ) и великій князь Бонякъ“, Гза же—къ Черниговской области, оставшейся безъ защиты. Другіе князья не смогли или не захотѣли во-время прійти на помощь разоряемымъ половцами беззащитнымъ областямъ. Половцы взяли и разграбили Римъ (нынѣ Ромны, Полтав. губ.). Другой половецкій отрядъ, съ Гзой во главѣ, „у силахъ тяжькихъ“, дошелъ до Путивля, сжегъ его „острогъ“ и затѣмъ вернулся въ степь.

Изъ плѣненныхъ князей половцы всего лучше относились къ Игорю, потому что дочь хана Кончака была просватана за его сына Владиміра. Крещеный половецъ Лавръ (Овлуръ „Слова“) предложилъ Игорю бѣжать вмѣстѣ съ нимъ на Русь. Игорь воспользовался случаемъ, когда вечеромъ половецкая стража перепилась „кумыза“ (кумыса), „всталъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божию и кресту честному... и возмя на ся крестъ, икону, и подоймя стѣну (бока палатки — вежи) и лѣзе вонъ; сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть (представляли, считали) спяща“. Вмѣстѣ съ Лавромъ пробрался Игорь черезъ половецкія вежи; одиннадцать дней шелъ онъ пѣшкомъ, укрываясь отъ погони, пока не достигъ границы русской земли. О судьбѣ остальныхъ плѣнныхъ князей лѣтопись не говоритъ, но всѣ они позднѣе упоминаются уже свободными. Только о Владимірѣ Игоревичѣ подъ 1187 г. говорится, что онъ „приде ис Половѣць съ Кончаковною, и створи свадбу Игорь сынови своему, и вѣнча его“. Игорь принималъ затѣмъ нѣсколько разъ участіе въ походахъ южнорусскихъ князей противъ половцевъ.

Этотъ наиболѣе обстоятельный изъ дошедшихъ до насъ разсказъ южной лѣтописи дополняется, въ отдѣльныхъ подробностяхъ, лѣтописями сѣверными. Не всегда онѣ были достаточно освѣдомлены, основывали свой разсказъ на первыхъ, еще не провѣренныхъ слухахъ, но онѣ сохранили рядъ существенныхъ подробностей событія, опущенныхъ южною лѣтописью и очень важныхъ для уясненія нѣкоторыхъ мѣстъ „Слова о полку Игоревѣ“ [1]).

---

[1]) Сѣверныя лѣтописи, мало расположенныя къ южнымъ князьямъ, очень сильно подчеркиваютъ „высокоуміе“ Ольговичей: „мы есмы чи (развѣ) не князи?.. братія наша билися съ ними (половцами), а смотря на Переяславль (не углубляясь въ степь, поближе къ русскимъ границамъ)... а мы въ земли ихъ есмы, и аще идемъ къ нимъ на Донъ, до конца плѣнимъ, идемъ и въ лукы моря, идѣ же отци наши не ходиша, добудемъ себѣ славы во вѣкы“. Послѣ побѣды надъ половцами русскіе, будто бы, „стояша на вежахъ три дни, *веселящеся*“. Вернувшіеся съ большой подмогой половцы отрѣзали русскихъ отъ воды, и тѣ „изнемогли безводіемь, и кони, и сами, въ зной и въ тузѣ (въ печали)“. Когда половцы, опьяненные побѣдою, бросились грабить Русь, „князи русскіе собирахуся не собирающеся (очень неохотно собирались), по отшествіи же половецъ разыйдошася“.

Походъ князя Игоря: побѣда его надъ половцами; Игорь овладѣваетъ лагеремъ половцевъ съ ихъ „вежами“ (шатрами). Рис. изъ Радзивиловской лѣтописи.

Раздѣленіе Слова.

«Слово о полку Игоревѣ» состоитъ изъ вступленія, изложенія и исхода, или заключенія. Во вступленіи авторъ указываетъ *пріемы* и *цѣль* своего повѣствованія, «трудныхъ (печальныхъ) повѣстій о пълку (походѣ) Игоревѣ, Игоря Святъславича». Онъ задаетъ себѣ вопросъ, не начать ли «пѣснь» «старыми словесы», старымъ складомъ, слѣдуя «замышленію» дружиннаго пѣвца Бояна [1]), который «аще (если, разъ) кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы». Однако, авторъ заявляетъ, что онъ не будетъ слѣдовать «замышленію Бояна», широкому полету его фантазіи, а будетъ вести свою пѣснь «по былинамъ сего времени», т.-е. строго придерживаясь *были*, дѣйствительности (это не помѣшало ему подражать поэтическимъ пріемамъ Бояна въ отдѣльныхъ мѣстахъ «Слова»).

Содержаніе Слова.

Главную часть «Слова» можно раздѣлить на четыре момента: 1) походъ Игоря и его слѣдствія, 2) скорбь великаго князя кіев-

[1]) Онъ упоминается только „Словомъ“ и его подражателями. Судя по именамъ воспѣтыхъ имъ князей (Ярославъ, Мстиславъ, Романъ Святославичъ), его жизнь относится къ первой половинѣ XI в. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ имя „Бояна“ нарицательнымъ именемъ дружиннаго пѣвца вообще. Академикъ В. Миллеръ предполагалъ, что оно—не русское и заимствовано авторомъ „Слова“ (какъ и нѣкоторыя другія частности) у болгаръ.

скаго Святослава и воззваніе къ князьямъ, 3) плачъ Ярославны, жены Игоря, 4) бѣгство Игоря и радость всей Руси—«страны ради, гради весели».

1) Походъ Игоря.

Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ описанія сборовъ русскихъ князей въ походъ и зловѣщаго «знаменія»—затменія солнца (на самомъ дѣлѣ затменіе это произошло уже во время похода). Оно не остановило желанія Игоря «позрити синего Дону», «искусити Дону великаго»—далеко пробиться въ глубь половецкой степи. Мужественный князь сказалъ дружинѣ: «хощу бо копіе приломити конець поля половецкаго; съ вами, Русичи, хощу главу свою приложити, а любо (или) испити шеломомь Дону».

Увлеченный храбростью Игоря, авторъ обращается снова къ Бояну, „славію (соловью) стараго времени“: „абы (о, если бы) ты сія пълкы ущекоталъ (воспѣлъ), скача, славію, по мыслену (не настоящему, а воображаемому) древу, летая умомь подъ облакы, свивая, славію, оба полы (обѣ стороны) сего времене“, т.-е. соединяя настоящее съ прошедшимъ, „рища въ тропу Трояню [1]), чресъ поля на горы“. Онъ приводитъ запѣвы въ духѣ Бояна, „внука Велеса“ [2]): „не буря соколы (русскихъ) занесе чрезъ поля широкая, галици (галки, т.-е. половцы) стады бѣжать къ Дону великому“; или: „комони (кони) ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ“. Какъ бы отвергнувъ всѣ эти запѣвы, онъ даетъ затѣмъ свой собственный: „трубы трубять въ Новѣградѣ (Сѣверскомъ), стоять стязи (знамена) въ Путивлѣ: Игорь ждеть мила брата Всеволода“.

Дальше начинается разсказъ о самомъ походѣ: совѣщаніе Игоря съ братомъ Всеволодомъ и похвала Всеволода своимъ курянамъ—«свѣдомымъ къметамъ» (опытнымъ воинамъ), выступленіе Игоря съ вторичнымъ упоминаніемъ о затменіи, которое сопровождалось грозными знаменіями: «нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди» (ночь грозою разбудила птицъ); Дивъ (олицетвореніе несчастья, бѣды) какъ бы предупреждаетъ половцевъ о приближающейся опасности; словно вспугнутые лебеди, скрипятъ половецкія телѣги—«половци неготовами (непроторенными) дорогами побѣгоша къ Дону великому», волки воютъ по оврагамъ, орлы клектомъ сзываютъ на кости звѣрей, лисицы лаютъ на красные щиты. Представивъ себѣ эту картину, авторъ

---

[1]) Упоминанія „Слова“ о Троянѣ до сихъ поръ загадочны и спорны. Вѣроятнѣе всего, это римскій императоръ Троянъ, а „тропа“—сооруженные имъ въ Черноморскихъ областяхъ валы. До сихъ поръ еще о Троянѣ среди южныхъ славянъ ходитъ много преданій, которыя могли быть извѣстны и автору „Слова“. Менѣе вѣроятно видѣть въ упоминаніяхъ о Троянѣ намеки на Троянскую войну и сказанія о ней, какъ это предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи „Слова“.

[2]) Собственно, Велесъ—„скотій богъ“, но авторъ „Слова“ дѣлаетъ его и богомъ поэзіи.

со скорбью восклицаетъ: «о русьская земле! уже за шеломенемь (холмомъ) еси!..».

Первая битва съ половцами.

Рано въ пятницу русскіе разсѣяли встрѣченный ими половецкій отрядъ и захватили въ его станѣ богатую добычу. Упоенные побѣдой, они будто бы «задремали», забыли объ опасности. «Дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чьрный воронъ, поганый Половьчине! Гзакъ бѣжить сѣрымь вълкомь, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому».

Вторая битва съ ними.

Затѣмъ разсказъ переходитъ ко второму, роковому, моменту боя: «кровавыя зори свѣтъ повѣдають, чьрныя туча (половцы) съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца (русскихъ князей), а въ нихъ трепещуть синіи мълніи. Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблемъ потручати (иступиться) о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О русьская земле! Уже за шеломенемь еси». Внуки Стрибога, вѣтры, несутъ стрѣлы съ моря на полки Игоря; земля дрожитъ, рѣки мутно текутъ, пыль покрываетъ поля, знамена трепещутъ («глаголютъ»)—«Половьци идуть отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ русьскыя пълкы оступиша». Храбро сражается Всеволодъ— «камо (куда), туръ (буйволъ), поскочаше, своимъ златымь шеломомь посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецкыя».

Пораженіе русскихъ.

Эта сѣча напомнила автору старыя времена — эпоху Владиміра Мономаха. Предокъ Игоря, Олегъ Святославичъ («Гореславичъ») тогда «мечемь крамолу коваше и стрѣлы (стрѣлами) по земли сѣяше»; тогда сѣялись и росли усобицы, погибала жизнь Дажьбожа внука (русскаго народа). Много было тогда сѣчъ, «а сицеи (такой, которая происходитъ у Игоря съ половцами) не слыхано». На третій день къ полудню пали знамена Игоря, братья разлучились на берегу быстрой Каялы. «Ничеть (никнетъ) трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось».

Отъ гибели Игорева полка поэтъ переходитъ къ изображенію положенія Русской земли: и безъ того печальное, оно, вслѣдствіе неосторожности Игоря, еще болѣе осложнилось. Князья продолжаютъ «крамолу ковати», а «поганіи (половцы) со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю русьскую». Храбраго Игорева войска уже не воскресить; жалобно причитаютъ по немъ жены. «Въстона Кыевъ тугою, а Черниговъ нанастьми, тоска разліяся по русьской земли».

Осмѣлѣвшіе половцы рыщутъ по Руси и даже собираютъ съ нея дани. Еще недавно усмирилъ ихъ Святославъ, плѣнилъ даже хана Кобяка. Пораженіе и плѣнъ Ольговичей снова придали имъ храб-

рости. Въ гридницѣ Святослава нѣмцы, венеціанцы, греки и моравы восцѣваютъ славу великаго князя, упрекаютъ Игоря за то, что онъ погубилъ силу («жиръ», собственно, богатство) на днѣ Каялы, половецкой рѣки. Игорь сдѣлался рабомъ. «Уныша бо градомъ (въ городахъ) забралы (стѣны), и веселіе пониче».

Второй моментъ боя: пораженіе русскихъ половцами и плѣнъ Игоря (изъ Радзивил. лѣтописи).

2) Вѣщій сонъ Святослава.

Отъ Игоря и его войска авторъ переносится въ стольный градъ Кіевъ, въ палаты князя Святослава. Князь разсказываетъ дружинѣ свой вѣщій сонъ («Святославъ мутенъ сонъ видѣ въ Кыевѣ на горахъ»), а та истолковываетъ его, какъ предзнаменованіе гибели Игоря и его войска (на самомъ дѣлѣ Святославъ узналъ объ этомъ отъ какого-то Бѣловолода, по дорогѣ въ Кіевъ).

Обращеніе къ князьямъ.

«Тогда великый Святъславъ изрони злато слово съ слезами смѣшено», сталъ упрекать и оплакивать Игоря и Всеволода: «се ли створисте моей сребренѣй сѣдинѣ!» Будь онъ моложе, помоги ему князья, онъ не далъ бы «гнѣзда своего въ обиду». Но князья не помогаютъ, половцы грабятъ Русь: тяжело раненъ боровшійся съ ними Владиміръ Гзѣбовичъ. Безпомощность Святослава заставляетъ автора обратиться съ призывомъ отомстить «за обиду сего времени, за землю русьскую, за раны Игоревы, буего (храбраго) Святъславличя» къ наиболѣе вліятельнымъ изъ тогдашнихъ русскихъ кня-

зей: Всеволоду Суздальскому, Рюрику и Давыду Смоленскимъ, Ярославу («Осмомыслу») Галицкому, Роману и Мстиславу Волынскимъ; онъ упрекаетъ Полоцкихъ князей за ихъ крамольничество и вспоминаетъ крамолы ихъ предка Всеслава. «О, стонати русьской земли, помянувше пьрвую годину и пьрвыхъ князей! Того стараго Владимира (Мономаха) не льзѣ бѣ пригвоздить къ горамъ кыевскимъ» (т. е. онъ всегда былъ на стражѣ русской земли, оберегая ея границы).

3) Плачъ Ярославны.

За этимъ слѣдуетъ плачъ Ярославны, жены Игоря. Княгиня тоскуетъ на городской стѣнѣ въ Путивлѣ, упрекаетъ вѣтеръ и солнце за то, что они сгубили ея мужа, проситъ Днѣпръ прилелѣять его къ ней. Эти обращенія къ природѣ сближаютъ «плачъ» Ярославны съ народными лирическими пѣснями, въ которыхъ подобныя обращенія являются весьма обычнымъ поэтическимъ пріемомъ. Совершенно въ духѣ народной поэзіи и сравненіе плачущей Ярославны съ «зегзицею» (кукушкой), такъ какъ кукушка въ народныхъ пѣсняхъ является излюбленнымъ и обычнымъ олицетвореніемъ тоскующей женщины. Вообще плачъ Ярославны, проникнутый глубокимъ и задушевнымъ чувствомъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе художественныхъ мѣстъ «Слова» [1]).

Всѣ эти картины—плѣнъ Игоря, разграбленіе Руси половцами, скорбь Святослава и плачъ Ярославны—проникнуты однимъ общимъ скорбнымъ настроеніемъ. Онѣ отличаются *цѣльнымъ* характеромъ и, повидимому, разсчитаны на то, чтобы вызвать Русь на месть «за обиду сего времени».

4) Бѣгство Игоря изъ плѣна.

Въ другихъ тонахъ—радостно-возбужденныхъ, свѣтлыхъ—изображено бѣгство Игоря изъ плѣна. Фразы стремительно слѣдуютъ другъ за другомъ безъ особой связи; нѣкоторыя изъ нихъ не окончены, слишкомъ коротки; нѣтъ прежней плавности рѣчи.

Во время бѣгства Игорю помогаетъ природа. Донецъ укрываетъ его на своихъ берегахъ, вороны и сороки молчатъ, а дятлы тектомъ указываютъ ему путь. Половецкимъ ханамъ Гзѣ и Кончаку не удалось догнать Игоря, но Кончакъ, чтобы удержать его сына Владиміра Игоревича, собирается «опутать его красной дѣвицей».

Въ заключеніи «Слова» авторъ вспоминаетъ изреченіе Бояна;

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи (Огоновскій, Барсовъ и др.) видятъ въ плачѣ Ярославны не причитаніе, а *заклинаніе*, *заговоръ*, или молитву, которые будто бы и привели къ освобожденію Игоря. При такомъ пониманіи между этими частями изложенія „Слова“ устанавливается тѣсная связь. Но оно противорѣчитъ содержанію плача, который рисуетъ только *настроеніе* Ярославны, ея печальныя воспоминанія, упреки вѣтру и солнцу, ухудшавшимъ положеніе мужа во время боя, желаніе помочь страждущему Игорю и видѣть его освобожденнымъ.

«тяжко головѣ безъ плечъ, зло и тѣлу безъ головы» — такъ и русской землѣ безъ Игоря. «Солнце свѣтится на небеси, Игорь князь въ русьской земли... Страны ради, гради весели». Заканчивается «Слово» славою князьямъ и дружинѣ и традиціоннымъ «аминь» (онъ могъ быть прибавленъ и позднѣйшими переписчиками).

Отношеніе Слова къ историческимъ фактамъ.

Какъ произведеніе художественное, „Слово“ не могло ставить себѣ цѣлью дать вполнѣ точную картину событій, хотя авторъ его и обѣщалъ слѣдовать „былинамъ сего времени“. Оно допускаетъ поэтическую идеализацію, субъективность въ освѣщеніи фактовъ, хронологическія перестановки; факты мѣстами переплетаются съ *домыслами* автора, не во всемъ одинаково освѣдомленнаго. Разсказъ его во многомъ отличается отъ показаній лѣтописи, отступаетъ въ подробностяхъ отъ исторической точности; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ до такой степени проникнутъ духомъ того времени, даетъ такую широкую и яркую картину тогдашней русской жизни, что „Слово“ можетъ быть признано однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ *историческихъ* памятниковъ кіевской Руси, чрезвычайно важнымъ для пониманія всего хода событій этого періода нашей исторіи.

Слово, какъ памятникъ дружинной поэзіи.

Имя составителя «Слова о полку Игоревѣ» неизвѣстно. Несомнѣнно, онъ былъ свѣтскимъ человѣкомъ, *дружинникомъ*. Онъ хорошо знаетъ и помнитъ большое количество именъ князей-воителей, походовъ, «кдторъ» и побѣдъ, мельчайшихъ боевыхъ подробностей, глубоко и тонко понимаетъ жажду «искусити Дону великаго», «позрѣти синего Дону», «испити шеломомъ Дону»—далеко пробиться въ половецкую степь; онъ упрекаетъ Игоря за безразсудную, опасную для родины удаль и въ то же время восхищается его доблестью и беззавѣтной храбростью. Только дружинникъ могъ прочувствовать и передать обращеніе Игоря къ своей дружинѣ: «*братіе и дружино*! луче жь бы потяту (убитымъ) быти, неже полонену быти», — могъ такъ подчеркнуть молодецкое презрѣніе «храбраго Игорева полку» къ богатой добычѣ, которою «русичи» «мосты мостили по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ». Въ уста Всеволода онъ вкладываетъ яркую характеристику его дружинниковъ, «свѣдомыхъ къметей»—курянъ, ищущихъ себѣ чести, а князю славы. Только во время походовъ онъ могъ подмѣтить, что телѣги половцевъ «кричатъ полунощи, рци (словно) лебеди роспужени», какъ при движеніи войска «влъци грозу въсрожатъ по яругамъ (воя по оврагамъ, вызываютъ грозу, т.-е. битву) орли клектомъ на кости звѣри зовуть, лисицы брешуть на чьрленыя (красные) щиты»; «пороси (пыль) поля покрываютъ» [1]).

[1]) Довольно многочисленныя отступленія отъ лѣтописнаго разсказа о походѣ Игоря показываютъ, что самъ онъ въ этомъ походѣ не принималъ личнаго участія. Возможно, что онъ былъ дружинникомъ вел. кн. Святослава: на это указываетъ его

Отношеніе автора къ родинѣ.

Характерной чертой автора «Слова» является его *горячій патріотизмъ*. Главная идея всего произведенія есть *идея единства русской земли*. Съ этой точки зрѣнія оцѣниваетъ авторъ характеръ и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ: прославляетъ тѣхъ князей, которые, какъ, напр., Владиміръ Мономахъ, самоотверженно заботились о благѣ родины, и наоборотъ, укоряетъ тѣхъ изъ нихъ, которые разоряли и обезсиливали Русь своими «крамолами». При Олегѣ «Гореславичѣ» сѣялись и росли усобицы, гибла жизнь русскаго народа, «въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась»: «тогда по русьской земли рѣдко ратаевѣ (пахари) кыкахуть (покрикивали), но часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче». Авторъ «Слова» упрекаетъ Полоцкихъ князей за то, что они своими крамолами начали «наводити поганыя на землю русьскую». Съ горечью говоритъ авторъ о дѣйствіяхъ князей послѣ плѣна Игоря: «усобица княземъ на поганыя погыбе (смыслъ: войны князей противъ половцевъ прекратились), рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же». И начаша князи про малое «се великое» мълвити, а сами на себе крамолу ковати. А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю русьскую... Тоска разліяся по русьской земли, печаль жирна тече средь земли русьской. А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищуще на русьскую землю, емляху (брали) дань по бѣлѣ (бѣлкѣ) отъ двора».

Поэтъ даетъ прекрасныя *характеристики* почти всѣхъ болѣе видныхъ современныхъ князей, часто даетъ имъ суровую оцѣнку; ему хорошо извѣстны ихъ взаимныя отношенія, ихъ значеніе для общаго *національнаго* дѣла. «Грозный, великый кыевскій» князь Святославъ «наступи на землю Половецькую, притопта хълмы и яругы, взмути рѣкы и озеры, иссуши потокы и болота»; Всеволодъ Суздальскій долженъ «прилетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти», ибо онъ можетъ «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти»; дружины Рюрика и Давыда «рыкаютъ акы туры, ранени саблями каленымі въ полѣ незнаемѣ»; храбрецы Романъ и Мстиславъ высоко плаваютъ «на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ

отношеніе къ этому князю: онъ сильно преувеличиваетъ его значеніе, идеализируетъ его личность и гиперболическими чертами изображаетъ его побѣды. Не всегда вѣрно описывая обстоятельства несчастнаго похода, онъ очень хорошо освѣдомленъ о томъ, что происходило въ это время на Руси и какое впечатлѣніе произвела вѣсть о гибели Игоревой рати. Къ самому походу Игоря у него такое же двойственное отношеніе, какое Ипатьевская лѣтопись приписываетъ Святославу: отдавая должное его храбрости, онъ упрекаетъ его въ неосмотрительности и самонадѣянности, но вмѣстѣ съ тѣмъ горячо сочувствуетъ его горю, скорбитъ о его пораженіи и плѣненіи (срав. слова кн. Святослава въ лѣтописи: „да како жаль ми бяшеть на Игоря, такъ нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемь“).

буйствѣ одолѣти»; Мстиславичи «не побѣдными жребіи собѣ власти (волости) расхитили», а внуки Всеславли уже «выскочили изъ дѣдней славы», своими крамолами начали «наводити поганыя на землю русьскую, на жизнь Всеславлю».

Цѣль созданія Слова.

Въ призывѣ къ единенію и мести «общему врагу» и заключается главная *цѣль* «Слова». По всей вѣроятности, оно было составлено при первыхъ извѣстіяхъ о гибели Игорева войска, чтобы поднять противъ половцевъ ополченіе всѣхъ русскихъ князей. Таковъ смыслъ «Слова» до изображенія бѣгства Игоря: къ мести призывали «раны» Игоря, «туга» Руси, «золотое слово, со слезами смѣшанное» Святослава, плачъ Ярославны.

Разсказъ о бѣгствѣ Игоря, энергичнаго князя, который самъ сумѣетъ постоять за себя и отомстить за «обиду», могъ быть прибавленъ позднѣе, при первыхъ слухахъ объ его освобожденіи. Онъ рѣзко отличается своимъ тономъ и содержаніемъ отъ первой части изложенія «Слова» и былъ прибавленъ какъ бы для того, чтобы смягчить слишкомъ тяжелое впечатлѣніе отъ первой части «Слова».

Слово и Пѣснь о Роландѣ.

Какъ знаменитая французская „Пѣснь о Роландѣ“, изображающая гибель Роланда и его отряда въ Ронсевальскомъ ущельѣ, наше „Слово“ ставитъ себѣ необычную цѣль—воспѣть національное горе; въ обоихъ произведеніяхъ глубокая скорбь смѣняется къ концу гармоническимъ примиреніемъ, широкое и свободное теченіе разсказа не исключаетъ страстнаго и напряженнаго лиризма, который выражается то въ отдѣльныхъ восклицаніяхъ, прерывающихъ спокойное теченіе рѣчи, то въ намѣренномъ сгущеніи поэтическихъ красокъ, и безъ того производящихъ сильное впечатлѣніе, то въ настойчивомъ поддерживаніи настроенія, уже созданнаго извѣстнымъ моментомъ разсказа.

И „Пѣснь“, и „Слово“ стоятъ на рубежѣ *народной* и *искусственной* поэзіи, органически соединяютъ вѣковыя народно-поэтическія особенности съ яркими проблесками личнаго творчества, реализмъ содержанія и литературныхъ пріемовъ съ глубокимъ идеализмомъ основного настроенія, заключаютъ въ себѣ бодрящій призывъ къ лучшему будущему—при общемъ меланхолическомъ тонѣ, созданномъ слишкомъ тяжелыми условіями окружающей жизни; они глубоко проникнуты интересами современной жизни—при общей неудовлетворенности настоящимъ и идеализаціи прошлаго.

Хотя «Слово» возникло подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отдѣльнаго историческаго событія, тѣмъ не менѣе на немъ отразился общій характеръ современной ему поэзіи, какъ *народной*, такъ и *книжной*,—какъ дружинной поэзіи, «замышленій Бояна», такъ и вліяній искусственныхъ и даже иноземныхъ (напр., византійскихъ).

Черты народной поэзіи въ Словѣ.

Связь его съ *народной поэзіей* очень сильна и замѣтна. «Слово» часто прибѣгаетъ къ *постояннымъ эпитетамъ*: сѣрый волкъ, шизый (сизый) орелъ, борзые комони (кони), синій Донъ, чистое поле, крас-

Отнош
втора
дит

ныя дѣвки, черный воронъ, каленыя сабли (и стрѣлы), тесовая кровать, синее море, златые шеломы и пр. Много случаевъ *ретардаціи* разныхъ видовъ, чрезвычайно характерныхъ для народныхъ *эпическихъ* произведеній; особенно часто встрѣчаются всевозможныя *повторенія:* такъ, напр., трижды повторяются, съ очень незначительными измѣненіями, слова: «Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи (причитая)». Дважды повторяется, безъ перемѣнъ, прочувствованное восклицаніе: «о русьская земле, уже за шеломенемь еси!» Приготовленіе къ бою намѣчено въ двухъ разныхъ мѣстахъ одинаковыми чертами: «русичи великая поля чьрлеными (красными) щиты прегородиша... дѣти бѣсови (половцы) кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русичи прегородиша чьрлеными щиты».

Охотно прибѣгаетъ «Слово» и къ другимъ пріемамъ народной поэзіи: *тавтологіи, символикѣ, параллелизму, сравненіямъ* и пр. Особенно многочислены и разнообразны *сравненія* и *уподобленія,* какъ прямыя, такъ и отрицательныя, напр.: «не буря соколы занесе чресъ поля широкая: галицы (галки) стады бѣжать къ Дону великому», «не сороки въстроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздить Гза съ Кончакомь»; «сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ», «кричать телѣги полунощи, рци (словно) лебеди распужени». Иногда эти сравненія разрастаются въ цѣлыя сложныя картины: такъ, напр., кровавая битва сравнивается съ посѣвомъ, съ брачнымъ пиромъ, съ молотьбою: «чьрна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна: тугою възыдоша по русьской земли», «ту (тамъ) кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии Русичи: сваты напоиша, а сами полегоша за землю русьскую», «на Немизѣ (рѣка, на берегахъ которой сражался князь Всеславъ) снопы стелють головами, молотять цѣпы харалужными (стальными, булатными), на тоцѣ (току) животъ (жизнь) кладуть, вѣють душу отъ тѣла» [1]).

Очень характерно для народныхъ поэтическихъ пріемовъ *символическое* употребленіе понятій «солнце», «мѣсяцъ», «гнѣздо» и «соколъ», примѣнительно къ русскимъ князьямъ; напр.: «дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло»; «два солнца помьркоста (Игорь и Всеволодъ)... и съ нима молодая мѣсяца» (младшіе князья Владиміръ и Святославъ). Народнымъ духомъ вѣетъ и отъ *яркой метафоричности* языка «Слова»: «чьрныя туча съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синія молнія: быти грому великому, ити дождю стрѣлами съ Дону великаго»

[1]) Вообще сравненіе битвы съ полевыми работами, брачнымъ пиромъ и молотьбой часто встрѣчается въ русской народной поэзіи.

П.

Б.

Н.

М.

И.

В.

Т.

Фигурные иниціалы изъ Евангелія и Псалтыри (XIV в.).

(черныя тучи — половецкія полчища, 4 солнца — русскіе князья, гроза—битва); «Изяславъ... единъ же изрони жемчюжню душу изъ храбра тѣла, черезъ злато ожерелие». Особенно многочисленны *метафоры* въ примѣненіи къ природѣ, которая изображается чувствующей и одушевленной: природа скорбитъ по поводу пораженія русскихъ князей: «ничеть трава жалощами, а древо съ тугою (печалью) къ землѣ преклонилось»; къ природѣ обращается Ярославна со своими моленіями и жалобами; природа даже бесѣдуетъ съ человѣкомъ: такъ, Донецъ обращается съ рѣчью къ Игорю *(олицетвореніе)*.

Изъ области природы почерпнуты и характерные для народной лирики поэтическіе *параллелизмы*,—напр.: «солнце свѣтиться на небеси, Игорь князь въ русьской земли». Совершенно въ духѣ нашей народной поэзіи и частое употребленіе *тавтологическихъ выраженій:* «трубы трубять», «мосты мостити», «ни мыслію смыслити, ни думою сдумати». Мѣстами слышится въ «Словѣ» своеобразный *народно-поэтическій ритмъ,* напр., въ плачѣ Ярославны, въ характеристикѣ Ярослава «Осмомысла» [1]). Повтореніе отдѣльныхъ выраженій: «о русьская земле! уже за шеломенемъ еси!», «а Игорева храбраго пълку не кресити»—производить впечатлѣніе *рефрена* (припѣва), очень характернаго для народно-поэтической рѣчи.

Желанія и чувства въ «Словѣ», какъ и въ народной поэзіи, чаще всего передаются прямою рѣчью, не описываются, а влагаются въ уста дѣйствующихъ лицъ. Разобщенность и грубый эгоизмъ князей изображается, напр., такъ: «рекоста братъ брату: «се мое, а то мое же», и начаша князи про малое «се великое» млъвити». Въ «злато слово съ слезами съмѣшено» Святослава вставлены предполагаемыя слова Ольговичей: «мужаимъся сами! преднюю (будущую) славу сами похытимъ, а заднею (прошлою) ся сами подѣлимъ».

Черты двоевѣрія.

Въ художественныхъ образахъ «Слова» много *отголосковъ съдой старины,* относящихся еще къ эпохѣ язычества. Сюда принадлежатъ упоминанія различныхъ языческихъ божествъ: *Даждьбога, Стрибога, Велеса, Хорса,* и введеніе нѣкоторыхъ миѳологическихъ образовъ, какъ *Дивъ,* предостерегающій половцевъ о походѣ русскихъ князей, и *дѣва Обида,* являющаяся олицетвореніемъ несчастія (въ сѣверно-русскихъ причитаніяхъ Обида символизируетъ собою смерть). Къ эпохѣ язычества восходитъ и вѣра въ *оборотничество*: въ «Словѣ» способность къ оборотничеству приписывается полоцкому князю Все-

[1]) Въ послѣднее время акад. Коршемъ сдѣлана интересная попытка возстановить этотъ стихотворный ритмъ на протяженіи всего „Слова“.

славу, который оборачивался «лютымъ звѣремъ», перебѣгалъ путь солнцу волкомъ («великому Хърсови вълкомь путь прерыскаше»). Но эти языческія воспоминанія уживаются у автора съ чисто христіанскимъ настроеніемъ, съ обращеніями къ Богу («Игореви князю Богъ путь кажетъ»), съ упоминаніями кіевскихъ святынь (св. Софіи и Пречистой Богородицы Пирогощей), съ рѣзкимъ противопоставленіемъ русскихъ, какъ христіанъ, «поганымъ» (невѣрнымъ, некрещенымъ) половцамъ. Въ этомъ можно видѣть проявленіе того *двоевѣрія,* при которомъ христіанскія идеи и представленія переплетались въ сознаніи народныхъ массъ съ языческими воспоминаніями, часто выражавшимися въ различныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ и обрядахъ. Съ этими чертами двоевѣрія духовенство упорно боролось путемъ проповѣдей и поученій, но тѣмъ не менѣе оно еще долго сохранялось въ народѣ, поддерживаемое господствовавшимъ вокругъ невѣжествомъ [1]).

Отношеніе къ природѣ.

Образы, взятые «Словомъ» изъ *міра природы,* отличаются поразительною яркостью. Творческая фантазія поэта *одухотворяетъ* ее, заставляетъ жить одною жизнью съ человѣкомъ. Такое отношеніе къ природѣ въ особенности свойственно народной поэзіи, какъ отголосокъ древней *анимистической* вѣры; но оно присуще и всякой истинной поэзіи, народной и искусственной.

Въ «Словѣ» грань между человѣкомъ и природой вообще сглажена. Человѣкъ можетъ «оборачиваться»; природа грозными предзнаменованіями старается отклонить его отъ необдуманнаго и опаснаго шага, помогаетъ однимъ и вредитъ другимъ, живо отзывается на всѣ событія и явленія человѣческой жизни. Подъ творческой рукой поэта все оживаетъ, получаетъ особый, таинственный смыслъ, сливается въ общемъ настроеніи. Игорь отправляется въ походъ—«солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди». Ему грозитъ большое несчастье: «вълци грозу въсрожать (накликаютъ, вѣщуютъ) по яругамъ, орли клектомь на кости звѣри зовуть»: они предчувствуютъ, что много будетъ жертвъ. Русское войско ночью со всѣхъ сторонъ обступаютъ половцы—«кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чьрныя туча съ моря идуть, хотять прикрыти четыре солнца... земля тутнеть (дрожитъ), рѣкы мутно текуть». Нали стяги «буего Игоря», разлучились братья на берегѣ быстрой Каялы, половецкой рѣки—«ничеть трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось». Когда Игорь бѣжитъ изъ плѣна, Донецъ привѣтствуетъ

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи считаютъ упоминаніе авторомъ „Слова“ различныхъ миѳологическихъ существъ простымъ художественнымъ пріемомъ, видятъ въ нихъ поэтическія *олицетворенія,* имѣющія лишь фигуральное значеніе.

бѣглеца, лелѣетъ его на своихъ волнахъ, стелетъ ему зеленую траву на серебряныхъ берегахъ, одѣваетъ теплой мглой, стережетъ отъ врага. Когда за нимъ погнались Гза съ Кончакомъ, птицы отводятъ слѣдъ: «тогда врани не граяхуть, галицы помълкоша, сороки не троскоташа, по лозию ползоша только; дятлове тектомь путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ». Во всемъ этомъ много чуткаго и поэтическаго пониманія жизни природы, сливающейся съ жизнью человѣка.

Поэзія степи.

Какъ дружинникъ, проводившій много времени въ походахъ, авторъ „Слова“ тонко понимаетъ *поэзію степи*. Въ разныхъ мѣстахъ „Слова“ разсѣяны отдѣльныя черты, которыя складываются въ цѣльную художественную картину степи и ея своеобразной жизни: въ степи летаютъ и „клекочутъ“ орлы, воютъ по оврагамъ волки, „лаютъ“ лисицы; на водахъ плаваютъ лебеди, гоголи, „черняди“ (порода утокъ); носятся чайки; стелется ковыль. Далеко разносится скрипъ неподмазанныхъ половецкихъ телѣгъ. Рѣки стелютъ зеленую траву на серебряныхъ (песчаныхъ) берегахъ; „пороси поля прикрываютъ“, „идуть сморци (смерчи) мьглами“.

Книжные элементы въ Словѣ.

На ряду съ этимъ, въ «Словѣ» много *книжныхъ, искусственныхъ чертъ,* сближающихъ его съ тогдашней переводной и оригинальной литературой [1]). Поэтъ постоянно вмѣшивается въ непосредственный ходъ изображаемыхъ событій, чего не дѣлаетъ народная поэзія [2]). Съ восторгомъ обращается онъ къ Всеволоду, который представляется ему «на борони», прыщущимъ «на вои стрѣлами», гремящимъ «о шеломы мечи харалужными (булатными)». Изображая роковую сѣчу русичей съ половцами, онъ вспоминаетъ прежнія битвы, для особаго оттѣненія, даже гиперболизаціи данной битвы: «то было въ ты рати

[1]) Различные изслѣдователи выясняли черты совпаденія художественныхъ образовъ и пріемовъ съ библейскими книгами (Барсовъ и Барацъ), съ Девгеніевымъ Дѣяніемъ (А. Всеволовскій), съ Повѣстью о взятіи Іерусалима Іосифа Флавія (Барсовъ), со скандинавскими сагами (Погодинъ, а въ новѣйшее время нѣмецкій ученый Абихтъ).

[2]) Искусственно самое названіе произведенія—„слово“ или „повѣсть“ (на ряду съ „пѣснь“), вступленіе съ колебаніемъ относительно самыхъ пріемовъ дальнѣйшаго разсказа („не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславича. Начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню“). Книжностью вѣетъ отъ характеристики Бояна, дополненной его изреченіями, приведенными въ видѣ цитатъ, отъ сравненія пальцевъ съ соколами и струнъ съ лебедями, съ *разъясненіемъ* этой аллегоріи, вообще несвойственнымъ народной поэзіи. Искусственны также обращенія и восклицанія, прерывающія спокойное теченіе разсказа: „почьнемъ же, братіе, повѣсть сию“, „о Бояне, соловию стараго времени, абы ты сия пълкы ущекоталъ“ (воспѣлъ). Книжнымъ характеромъ отличаются такія фразы, какъ: „истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ“, „по *мыслену* древу“ (какъ бы предупрежденіе отъ буквальнаго пониманія).

Черты личнаго творчества.

и въ ты плъкы, а сицеи (такой) рати не слыхано». Фантазія поэта возстановляетъ эту сѣчу моментъ за моментомъ, живописуетъ ее осязательно, почти до полной иллюзіи; творческому слуху поэта чуются даже шумъ и клики боя: «что *ми* шумить, что *ми* звенить давеча (далече) рано предъ зорями?» Пали стяги русскихъ князей— «уже бо, братие, невеселая година въстала, уже пустыня силу прикрыла». Чутко прислушивается поэтъ ко всему: ему слышатся «Ярославнинъ гласъ», клики Дива, плесканіе лебединыхъ крыльевъ Дѣвы Обиды «на синѣмь морѣ у Дону», причитанія русскихъ женъ, жалующихся, что имъ «своихъ милыхъ ладъ ни мыслію съмыслити, ни думою съдумати», слышитъ, какъ «дѣвици (привѣтствуя возвращенія Игоря) поютъ на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Кыева». Все это—осязательные признаки не народной, а *личной* поэзіи, *индивидуальнаго творчества, взросшаго на народныхъ корняхъ*.

Художественная цѣльность Слова.

Народные и искусственные элементы слиты въ «Словѣ» *органически:* его содержаніе и форма производятъ *цѣлостное* впечатлѣніе. Такого сліянія разныхъ стихій не достигло ни одно произведеніе древне-русской литературы, какъ ни одно изъ нихъ не дало такого глубокаго пониманія природы, такого богатства образовъ [1]), тоновъ и красокъ, такого широкаго и *независимаго* взгляда на всю тогдашнюю жизнь Руси.

Широта историческаго кругозора и глубина скорбнаго патріотическаго чувства придаютъ «Слову» и большое *историческое значеніе:* оно заключаетъ въ себѣ лучшіе плоды художественнаго творчества, просвѣщенія и политической мысли умиравшей кіевской Руси.

Дальнѣйшая судьба южнорусской письменности.

Въ „Словѣ о Полку Игоревѣ" наша южно-русская литература домонгольскаго періода достигла высшей точки своего развитія. Это развитіе было сравнительно быстрымъ, за два вѣка (XI—XII) создало многое, но мало имѣло подъ собой почвы, всего больше обусловливалось выгоднымъ географическимъ положеніемъ (близостью къ Византіи и южнымъ славянамъ). Уже къ концу XII вѣка благосостояніе южной Руси было подорвано нападеніями кочевниковъ, опустошавшихъ ея окраины и залегавшихъ торговые пути къ югу, и постоянными междоусобіями князей; оно распространялось только на незначительный слой высшихъ классовъ, между тѣмъ какъ народныя массы коснѣли въ невѣжествѣ и рабствѣ, искали спасенія отъ тяжелыхъ условій жизни въ переселеніи на сѣверъ, западъ и прикарпатскій югъ. Разгромъ южной Руси татарами и литовцами, массовыя передвиженія населенія привели къ ея запустѣнію; была оборвана нить ея культурнаго и литературнаго развитія, которое доходило до другихъ областей только въ ослабленныхъ отраженіяхъ. Многіе достигнутые русскимъ югомъ результаты

---

[1]) Особенно богаты и разнообразны въ первой части „Слова" *образы скорби.*

исчезли безслѣдно или вырабатывались сѣверною Русью въ болѣе медленномъ, затянувшемся на нѣсколько столѣтій процессѣ. Выработанные приднѣпровскою Русью литературные пріемы переходятъ на прикарпатскій югъ (Галицко-волынская лѣтопись) и на сѣверъ. Въ новыхъ условіяхъ, въ особенности въ сѣверной Руси, они не только не развиваются дальше, но постепенно замираютъ: сложившаяся тамъ жизнь выдвигала другія требованія къ литературѣ.

Ни одно произведеніе не достигаетъ тамъ высоты „Слова о полку Игоревѣ“. Литературный стиль дѣлается сухимъ, дѣловымъ, или витіеватымъ, слишкомъ искусственнымъ. „Слову“ подражаютъ, но подражанія, за рѣдкими исключеніями, настолько слабы, что доказываютъ только сильное паденіе литературнаго вкуса. Даже языкъ его былъ мало понятенъ: выраженія и образы „Слова“ иногда искажались его подражателями до неузнаваемости [1]).

Сѣверно-русская письменность.

Изъ сѣверно-русскихъ памятниковъ, близкихъ по своимъ пріемамъ къ литературной манерѣ южной Руси, болѣе замѣчательны: *„Моленіе Даніила Заточника“*, нѣкоторыя „житія“, напр., *„Житіе Александра Невскаго“*, *„Слово о погибели Русской земли“* [2]).

Моленіе Даніила Заточника.

„Моленіе Даніила Заточника“ пользовалось большою популярностью въ древней Руси. Разнообразіе затронутыхъ имъ вопросовъ, остроуміе, мѣткость и обличительный характеръ многихъ его изреченій, самая „приточная“ (отъ слова „притча“) форма „Моленія“ сдѣлали его излюбленнымъ чтеніемъ нашихъ предковъ. Его охотно списывали, то сокращали, то дополняли новыми изреченіями, при чемъ нарушался его первоначальный планъ; то въ него вводили матеріалы изъ „Пчелъ“, то пополняли „Пчелы“ его изреченіями [3]).

---

[1]) Въ особенности въ „Задонщинѣ“ и „Повѣданіи о Мамаевомъ побоищѣ“, памятникахъ, посвященныхъ Куликовской битвѣ.

[2]) Оно будетъ разсмотрѣно въ слѣдующемъ отдѣлѣ, посвященномъ литературѣ Монгольскаго періода.

[3]) Слишкомъ свободное отношеніе древнихъ переписчиковъ къ тексту „Моленія“ привело къ ряду недоразумѣній: они по своимъ домысламъ мѣняли имена князей, къ которымъ обращался Даніилъ со своимъ „Моленіемъ“. На основаніи своихъ соображеній они ввели намеки на заточеніе, о которомъ не говорятъ наиболѣе древніе списки, и цѣлый фантастическій разсказъ о томъ, какъ „Моленіе“ попало къ князю: „сіи словеса азъ Даниль писахъ въ заточеніи на Бѣлѣ озерѣ, и занечатавъ въ воску, и пустихъ въ озеро, и вземъ рыба пожре, и ята (взята, поймана) рыба рыбаремъ и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сіе написаніе и повелѣ Данила свободити отъ горкаго заточенія“ и пр. Внимательное изученіе этого памятника въ его наиболѣе древнихъ спискахъ привело къ выводу, что „Моленіе“ было написано въ XIII в. (между 1223 и 1235 гг.), въ Новгородской области (озеро Лачъ или Лаче), для князя Ярослава Всеволодовича Новгородскаго и Переяславскаго. Авторъ его—не „заточникъ“, а бѣднякъ, который хотѣлъ показать князю свой умъ и образованіе и напроситься къ нему на службу. Нѣкоторыя его выраженія рано повели къ недоразумѣнію, будто бы онъ былъ въ опалѣ (изъ-за трусости, навѣтовъ бояръ или происковъ „злыхъ женъ“), попалъ въ заточеніе, изъ котораго и молилъ князя его освободить. Даже лѣтопись, упоминая объ озерѣ Лаче, спѣшитъ прибавить: „гдѣ былъ Данило заточникъ“; повидимому, его же имѣетъ въ виду и наша народная поэзія, въ

„Моленіе“ открывается риторическимъ, витіеватымъ приступомъ. Изъ псалмовъ и вообще духовной литературы авторъ подбираетъ наиболѣе искусственные обороты; въ его стилѣ мало простоты—въ немъ чувствуется начетчикъ-самоучка, боящійся „просторѣчія“ и злоупотребляющій книжными оборотами [1]). Во вступленіи къ своему „Моленію“ Даніилъ, напр., пишетъ: „вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы въ разумъ ума своего, и начнемъ бити во сребренные органы, и возвѣемъ мудрости своея“; „бысть языкъ мой, яко трость книжника-скорописца, и увѣтлива (привѣтливыя) уста, яко рѣчная быстрость“; „азъ бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философъ научихся, но бихъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвяный сотъ, тако и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ и совокупихъ, яко въ мѣхъ воды морскія, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла“.

Пересыпая изложеніе острумными, часто очень мало связанными съ нимъ изреченіями, Даніилъ рисуетъ князю свое печальное положеніе. Всѣ „грѣеми милостью“ князя, одинъ онъ терпитъ тяжелыя матеріальныя и нравственныя лишенія; всѣ его обижаютъ, какъ беззащитнаго бѣдняка. „Богатъ мужъ возглаголетъ, то всѣ молчатъ и слово его до облакъ вознесутъ, а убогъ возглаголетъ, то всѣ на него кликнутъ“. Онъ проситъ милости и защиты у князя. На войнѣ онъ, правда, не храбръ, но „на словѣхъ крѣпокъ“: „луче единъ мудръ десяти хоробрующихъ безъ ума“. Мудрые особенно нужны князьямъ для полезныхъ совѣтовъ. Даніилъ не хочетъ служить у бояръ, жениться безъ любви на богатой („то лучше трясцею (лихорадкой) болѣти, ни со злою, съ нелюбою женою быти“), поступить противъ убѣжденія въ монастырь, („луче ми есть тако скончати животъ свой, нежели, воспріимши ангельскій образъ, Богу солгати“): единственный выходъ для него изъ тяжелаго положенія — служба у князя.

Сатирическіе намеки ранней редакціи „Моленія“ противъ княжескихъ бояръ и „злыхъ женъ“ [2]), игра словъ (въ родѣ: „кому ти есть Переславль, а мнѣ Гореславль“) въ позднѣйшихъ редакціяхъ все болѣе и болѣе распространялись разными вставками [3]), въ ущербъ цѣльности первоначальнаго плана.

которой фигурируетъ „Данило Безчастный“ (сказка о томъ, „какъ Данило Безчастный не заслужилъ ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго“).

[1]) Очень характерно въ этомъ отношеніи, напр., выраженіе: „обрати тучу милости твоея на землю художества моего“.

[2]) „Луче бы ми видѣти нога своя въ лычницѣ (лаптяхъ), нежели въ червленѣ (красномъ, сафьянномъ) сапозѣ въ боярстѣмъ дворѣ; луче бы ми тобѣ (князю) въ дерузѣ (дерюгѣ) служити, нежели въ багряницѣ (пурпурѣ) въ боярстѣмъ дворѣ“. О „злыхъ женахъ“: „трясца (лихорадка) бо тряся пуститъ, а злая жена и до смерти сушитъ. Глаголетъ бо ся въ *мірскихъ притчахъ*: не потка (птица) въ поткахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣрѣхъ ежь, не рыба въ рыбѣхъ ракъ, не скотъ въ скотѣхъ коза, не холопъ въ холопѣхъ, кто у холопа работаетъ, не мужъ въ мужѣхъ, который жены слушаетъ... Кто поиметъ (возьметъ за себя) злообразну жену, придатка дѣля (ради) или тестя дѣля богата, то луче бы ми буръ волъ видѣти въ дому моемъ, нежели жена злообразна...“

[3]) Напр.: „Кому Любово, а мнѣ горе лютое; кому Бѣлоозеро, а мнѣ чернѣе смолы; кому Лачь озеро, а мнѣ на немъ сѣдя плачь горки“; и пр.

В. Р. Л. И.

Фигурные инициалы изъ Евангелія XIV вѣка.

ГЛАВА III.

Литература Монгольскаго періода (XIII—XIV вв.).

Татарское нашествіе.

Татарское нашествіе довершило паденіе южной Руси и надолго подорвало развитіе Руси сѣверной, жизнь которой только начала слагаться къ XIII вѣку.

Оно было понято современниками, какъ Божіе наказаніе за тяжкіе грѣхи русскаго народа. Лѣтописи живо рисуютъ ужасы разгрома. По словамъ Лаврентьевской лѣтописи [1]), «того же лѣта (1237 г.), на зиму придоша, отъ восточныя страны въ Рязаньскую землю, лѣсомъ, безбожнии Татари, и почаша воевати Рязаньскую землю, и плѣноваху и до Проньска... Створися велико зло въ Суждальской земли, якоже зло не было ни отъ крещенья, якоже бысть нынѣ... Бысть плачь великъ въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ и неправды; за умноженье беззаконий нашихъ попусти Богъ поганыя, не акы милуя ихъ, но насъ кажа (наказывая), да быхомъ встягнулися отъ злыхъ дѣлъ». Осаду Кіева (въ 1240 г.) Ипатьевская лѣтопись рисуетъ такими чертами: «Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжьцѣ, многомь множьствомъ силы своей, и окружи градъ, и оступи сила Татарьская, и бысть градъ во обьдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у

[1]) Интересно первое упоминаніе Лаврентьевской лѣтописи о татарахъ подъ 1223 г.: „того же лѣта явишася языци, ихже никтоже добрѣ (хорошо) ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; и зовуть я (ихъ) Татары, а инии глаголють Таумены, а друзии Печенѣзи... Богъ же единъ вѣсть ихъ, кто суть и отколѣ изидоша, премудрии мужи вѣдять я добрѣ, кто книгы разумно умѣеть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть, но сдѣ вписахомъ о нихъ памяти ради Русскыхъ князий бѣды, яже бысть отъ нихъ“. Ипатьевская лѣтопись называетъ ихъ „неслыханною ратью“, „безбожными Моавитянами“.

города и отроци его обьсядяху градъ, и не бѣ слышати гласа отъ скрипания телѣгъ его, множества ревения вельблудъ (верблюдовъ) его, рьжания стадъ конь его. И бѣ исполнена земля руская рат-

Взятіе Суздаля Батыемъ (изъ Житія благовѣрной княжны Евфросиніи Суздальской).

ныхъ... Ту бѣаше видити ломъ копейны и щитомъ скѣпание (бряцаніе, удары), стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣжденнымъ».

Вліяніе его на русскую жизнь.

Грозная волна татарскаго нашествія сразу снесла весь сложившійся государственный и общественный порядокъ. Торговля и во-

обще хозяйственная жизнь страны были подорваны [1]); насилія татаръ, отсутствіе личной и общественной безопасности, массовыя убійства и мучительства вызывали общую подавленность. Умственная жизнь почти замираетъ; какъ всегда во время тяжкихъ народныхъ бѣдствій, общій нравственный уровень замѣтно понижается: современники татарщины отмѣтили ростъ грубаго суевѣрія и эгоизма, раболѣпія передъ побѣдителями, полной растерянности передъ неожиданно нагрянувшимъ несчастьемъ. Ищутъ поддержки въ религіи, въ духовенствѣ и пастыряхъ, но и самое религіозное чувство замѣтно грубѣетъ, все болѣе вырождается въ обрядовый формализмъ. Медленно слагалась новая жизнь, приспособляясь къ новымъ условіямъ; въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ вѣковъ не могла она окончательно освободиться отъ тяжелыхъ впечатлѣній и слѣдовъ татарскаго разгрома и порабощенія [2]).

Отраженіе татарщины въ литературѣ.

Впечатлѣнія татарщины отразились въ цѣломъ рядѣ литературныхъ памятниковъ. Наиболѣе интересны изъ нихъ — *Слово о погибели Рускыя земли, Проповѣди Серапіона Владимірскаго, повѣсти и сказанія о св. Меркуріи Смоленскомъ, о княгинѣ Рязанской Евпраксіи и о Мамаевомъ побоищѣ.*

Слово о погибели рускыя земли.

Неизвѣстный по имени авторъ «Слова о погибели Рускыя земли» жилъ въ Переяславскомъ (сѣверномъ) княжествѣ въ 30-ыхъ годахъ XIII в. Прежнему счастью и богатству Руси онъ съ горечью противопоставляетъ весь ужасъ теперешняго ея положенія. Особенно идеализируетъ онъ эпоху Владиміра Мономаха, которая представляется ему эпохой высшей славы и процвѣтанія Руси.

„О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля русьская! И многыми красотами удивлена (на диво изукрашена) еси: озеры многими удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами крутыми, холми высокими, дубравоми чистыми (вѣроятно, частыми), польми дивными, звѣрьми различными, птицами бещислеными, городы великими, селы дивными, виногради (садами) обителными, домы церковьными, и князьми грозными, бояры честными, вельможами многими! Всего еси испольнена земля руская, о правовѣрьная вѣра християньская!“

---

[1]) Русскій путешественникъ, по дорогѣ въ Константинополь, напр., въ 1389 г., видѣлъ полное опустошеніе всѣхъ прилегающихъ къ Дону областей: „бысть же путное шествіе печально и унынливо, бяше бо пустыня зѣло; не бяше бо видѣти тамо ни града, ни села; аще бо и быша грады красны и нарочиты зѣло — точію (только) мѣсто пустошь все и не населенно“.

[2]) Всего меньше пострадали отъ нихъ Новгородская и Псковская области. Татары до нихъ не дошли; уплата дани поработителямъ не была для нихъ разорительной. Торговыя сношенія остальной Руси съ югомъ были почти совершенно прерваны и возстановлялись потомъ медленно; торговля Новгорода съ Западомъ не только не была оборвана нашествіемъ татаръ, но все болѣе развивается въ XIII—XIV вв.

Когда-то именемъ Мономаха половцы пугали дѣтей въ колыбели; „Литва из болота на свѣтъ не выникываху, а угры (венгры) твердяху (укрѣпляли) каменныи городы желѣзными вороты, абы на нихъ великый Володимеръ тамо не вьсѣхалъ, а нѣмци радовахуся, далече будучи за синимъ моремъ“. Даже византійскій императоръ Мануилъ [1]) „опасъ имѣя, поне (потому что) и великыя дары посылаша къ нему, абы подъ нимъ великый князь Володимеръ Царя-города не взялъ“.

„Слово“ найдено пока въ отрывкѣ, въ которомъ не говорится о „погибели рускыя земли“, но и начало его ярко рисуетъ настроеніе современниковъ татарщины—идеализацію прошлаго и глубокую скорбь о безотрадномъ настоящемъ.

Поученія еп. Серапіона.

Въ поученіяхъ епископа владимірскаго *Серапіона* впечатлѣнія татарщины отразились съ особенною силою и яркостью. Они отличаются своею простотою, глубокою задушевностью и искренностью, затрагиваютъ насущныя нужды жизни и вообще принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ нашей древней учительной проповѣди.

Біографическихъ свѣдѣній о Серапіонѣ сохранилось очень мало. Извѣстно только, что онъ былъ Печерскимъ архимандритомъ; въ 1274 г. митрополитъ кіевскій Кириллъ «постави его епископомъ Володимерю и Суздалю и Новугороду Нижнему»; въ 1275 г. онъ скончался.

Слово о гнѣвѣ Божіемъ.

По словамъ лѣтописи, онъ былъ «учителенъ зѣло въ божественномъ писаніи». До насъ дошло пять его поученій. Первое изъ нихъ говоритъ о землетрясеніи, какъ знаменіи гнѣва Божія. «Земля, отъ зачала утвержена и неподвижима, повелѣньемъ Божьимъ нынѣ движеться, грѣхы нашими колеблется, безаконья нашего носити не можеть... Всѣмъ казнивъ ны Богъ не отьведеть злаго обычая. Нынѣ землею трясеть и колеблеть; безаконья грѣхи многия отъ земля отрясти хощеть, яко лѣствие (листья) отъ древа». Богъ хотѣлъ образумить грѣшныхъ людей грозными знаменіями — голодомъ, моромъ, «ратями многими». «Мы же единако не покаяхомъся, дондеже (пока не) приде на ны языкъ немилостивъ (т. е. татары), попустившю Богу, и землю нашу пусту створиша, и гради наши плѣниша, и церкви святыя разориша, отца и братию нашу избиша, матери наши и сестры наши въ поруганье быша». Только искреннее покаяніе въ грѣхахъ «скверныхъ и немилостивыхъ судовъ», «кроваваго рѣзоимства» (ростовщичества), «всякаго грабленія», воровства, разбоя и «иныхъ

[1]) На самомъ дѣлѣ Мануилъ Комненъ царствовалъ въ 1143—1180 гг., между тѣмъ, какъ Мономахъ княжилъ въ 1113—1125 гг. По всей вѣроятности, это мѣсто „Слова“ основано на народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, въ которыхъ и до сихъ поръ сохраняется имя Мануила (или Этмануйла).

дѣлъ сатанинскихъ» можетъ избавить народъ отъ еще бо́льшаго гнѣва и наказанія Божія.

Второе «Слово» проникнуто глубокою скорбію. Серапіонъ говоритъ: «многа печаль в сердци своемь вижю васъ ради, чада, понеже (потому что) никако же вижю вы пременившися отъ дѣлъ неподобныхъ. Не тако скорбить мати, видящи чада своя болящи, яко азъ, грѣшный отець вашъ, видя вы боляща безаконными дѣлы... Како утѣшаюсь, видя вы отъ Бога отлучшася? Како ли обрадуюсь? Всегда сѣю въ ниву сердець вашихъ сѣмя божественное; николиже вижю прозябша (проросшаго) и плодъ породивша». Проповѣдникъ молитъ свою паству, «братьевъ и сыновей», «обновиться добрымъ обновленіемъ», чтобы не подпасть еще большему гнѣву Божію. «Какия казни отъ Бога не въспріахомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскорѣ ли падоша отци и братия наша трупіемъ на землю? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнъ? Не порабощени быхомъ оставше горькою си работою (рабствомъ) отъ иноплеменникъ? Се уже къ 40 лѣтъ приближаеть томление и мука, и дани тяжькыя на ны не престануть, глади, морове... и в сласть хлѣба своего изъѣсти не можемь; и въздыхание наше и печаль сушать кости наша. Кто же ны сего доведе? Наше беззаконье и наши грѣси, наше неслушанье, наше непокаянье. Молю вы, братие, внидите въ помыслы ваша, узрите сердечныма очима дѣла ваша, възненавидите ихъ и отверзете (отвергните) я, къ покаянью притецете. Гнѣвъ Божий престанетъ, и милость Господня излѣется (изольется) на ны; мы же въ радости поживемъ въ земли нашей; по отшествіи же свѣта сего придемъ радующеся, яко чада къ отцю, къ Богу своему и наслѣдимъ царство небесное».

Слово о покаяніи.

Та же основная идея и въ *третьемъ* поученіи. Человѣколюбивый Богъ разными знаменіями и карами образумливалъ насъ, но мы не стали лучше, говоритъ проповѣдникъ. «Тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ не щадящь красы уны (юной), немощи старець, младости дѣтей; двигнухомь бо на ся ярость Бога нашего... Разрушены божественныя церкви; осквернени быша ссуди (сосуды) священни; потоптана быша святая; святители мечю во ядь быша (были убиты мечомъ); плоти (тѣла) преподобныхъ мнихъ (иноковъ) птицамъ на снѣдь повержени быша; кровь и отець и братия нашея, аки вода многа, землю напои; князий нашихъ и воеводъ крѣпость ищезе; храбрии наша, страха наполънъшеся, бѣжаша; мьножайша же братия и чада наша въ плѣнъ ведени быша; села наша лядиною (кустарникомъ) поростоша, і величьство

Слово о казняхъ Божіихъ.

наше смѣрися; красота наша погыбе; богатство наше онѣмь (инымъ, другимъ) въ корысть бысть; трудъ нашь погании наслѣдоваша; земля наша иноплеменникомь въ достояние бысть; въ поношение быхомъ живущиимъ въскраи земля нашея; въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небеси, гнѣвъ Господень... Забыхомъ казни страшныя на всю землю нашу; мали оставши, велицѣ творимся». Только сердечное покаяніе и полное освобожденіе отъ обычныхъ грѣховъ могутъ спасти Русь.

Поученіе о суевѣріяхъ.

Четвертое и *пятое* поученія направлены противъ распространившихся тогда грубыхъ суевѣрій, вызванныхъ засухой и голодомъ.

Только было проповѣдникъ порадовался исправленію своей паствы („малъ часъ порадовахся о васъ, чада, видя вашю любовь и послушание къ нашей худости...) какъ уже снова ему приходится бороться съ ея „поганскимъ обычаемъ“ — сожженіемъ волхвовъ, которыхъ подозрѣвали въ наведеніи голода. Заподозрѣнныхъ бросали въ воду; кто тонулъ, того считали невиннымъ, кто плылъ, того сжигали, потому что, будто бы, на водѣ его поддерживалъ дьяволъ.

Всею силою своею краснорѣчія обличаетъ Серапіонъ заблужденія своихъ „чадъ“. Они вѣрятъ въ волхованія, сжигаютъ невинныхъ людей и весь народъ дѣлаютъ виновниками убійства: кто не сжигалъ самъ, но былъ единомышленникомъ убійцъ, могъ освободить сжигаемыхъ, но не освободилъ, тотъ такъ же виновенъ въ убійствѣ, какъ и сжигавшіе. Какое писаніе научило васъ, что волхованіемъ можно вызвать голодъ или урожай? Если вы вѣрите въ силу волхвовъ, то зачѣмъ сжигаете ихъ? „Молитеся и чтите я, (ихъ), дары и приносите имъ; ать (вѣдь) строять миръ (міръ), дождь пущають, тепло приводять, земли плодити велять“. „Печаленъ есмь о вашемъ безумьи; молю вы, отступите дѣлъ поганьскихъ“. Это слово особенно характерно для Серапіона, какъ человѣка просвѣщеннаго и гуманнаго: въ то время даже на болѣе культурномъ Западѣ свѣтскія и духовныя власти вѣрили въ колдовство и тысячами сжигали вѣдьмъ. Глубокое нравственное чувство подсказало нашему проповѣднику взгляды, которые далеко опережали свое время.

Пятое поученіе Серапіона („о маловѣріи“) возвращается къ тому же вопросу о вѣрѣ въ волхованія. „Гдѣ се есть въ писаньи, еже человѣкомъ владѣть обиліемъ или скудостью? подавати іли дождь, іли теплоту? О, неразумніе! вся Богъ творить, якоже хощеть; бѣды и скудость посылаетъ за грѣхи наша і наказуя насъ, приводя на покаянье“. А они считаютъ виновниками голода утопленниковъ и удавленниковъ, „выгребаютъ“ ихъ изъ земли, чтобы прекратить засуху. Лучше было бы отказаться отъ грѣховной жизни—только тогда помилуетъ ихъ Богъ, перестанетъ насылать на нихъ Свои кары.

Своей грѣховной паствѣ Серапіонъ противопоставляетъ татаръ: горько ему сознаться, но этого требуетъ справедливость: во многихъ отношеніяхъ язычники—лучше христіанъ. „Погании бо, закона Божия не вѣдуще, не убивають единовѣрникъ своіхъ, ни ограбляють, ни обадять (клевещутъ), ни поклепають (не взведутъ поклепа), ни украдуть... Всякъ поганый брата своего не продасть; но, кого въ нихъ постигнеть

бѣда, то іскупять его і на промыслъ дадуть ему... А мы творимъся (представляемся, считаемъ себя) вѣрнии, во імя Божие крещени есмы, и, заповѣди Его слышаще, всегда неправды есмы исполнени і зависти, немилосердья; братию свою ограбляемъ, убиваемъ, въ погань (невѣрнымъ) продаемъ; обидами, завистью, аще бы мощно, снѣли (съѣли) другъ друга". „ О, безумье злое! О, маловѣрье! Полни есми зла исполнени, о томъ не каемъся".

Поученія Серапіона—не только одинъ изъ лучшихъ образцовъ нашей древней проповѣди, но и драгоцѣнный историческій источникъ, вводящій насъ въ жизнь и настроеніе русскаго народа послѣ татарскаго разгрома, какъ ихъ наблюдалъ и понималъ просвѣщеннѣйшій изъ современниковъ «погибели Рускыя земли».

Сказанія эпохи татарщины.

Татарщина вызвала появленіе нѣсколькихъ характерныхъ *легендарныхъ разсказовъ и повѣстей*. Наиболѣе интересны изъ нихъ сказанія о св. Меркуріи смоленскомъ и о рязанской княгинѣ Евпраксіи. Сказаніе о св. Меркуріи пріурочено къ историческому факту, спасенію Смоленска отъ полчищъ Батыя, но его содержаніе—не русскаго происхожденія, а заимствовано изъ византійскихъ легендъ [1]).

Сказаніе о Меркуріи Смоленскомъ.

Подвигаясь съ сѣвера, татары уже приближались къ Смоленску, который съ ужасомъ ждалъ гибели, но затѣмъ неожиданно оставили его въ сторонѣ и направились на югъ. Это чудесное спасеніе произвело сильное впечатлѣніе на народъ, получило затѣмъ легендарное освѣщеніе и объясненіе; устные разсказы легли позднѣе въ основу письменнаго «Сказанія».

Во время нашествія злочестиваго царя Батыя жилъ въ Смоленскѣ богомудрый юноша Меркурій. Когда къ Смоленску подошли татары, то по „нѣкоему смотрѣнію Божію" Богородица призвала на подвигъ Меркурія: „Чадо Меркуріе, избраниче Мой! Посылаю тебя, иди скоро, сотвори отмщеніе крови христіанской; ступай; побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человѣкъ, прекрасный лицомъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ свой городъ: тамъ примешь кончину, и положено будетъ твое тѣло въ Моей церкви". Около церкви увидѣлъ Меркурій прекраснаго коня, сѣлъ на него и отправился противъ татаръ. Какъ орелъ, носился онъ среди враговъ, избивая ихъ и освобождая плѣнныхъ. Испуганный Батый обратился въ бѣгство, бросился въ Венгрію, гдѣ и былъ убитъ царемъ Стефаномъ. Прекрасный воинъ отсѣкъ Меркурію голову [2]). Тотъ взялъ въ одну руку

---

[1]) О великомученикѣ Меркуріи, спасшемъ городъ Кесарію и убившемъ императора Юліана Отступника, и о св. Діонисіи Ареопагитѣ, несшемъ свою отрубленную голову.

[2]) Въ другой, распространенной редакціи повѣсти Меркурію отсѣкаетъ голову сынъ убитаго имъ татарскаго исполина.

свою голову, въ другую—поводъ своего коня и, безглавенъ, вошелъ въ городъ. Сама Богородица съ архистратигами Михаиломъ и Гавріиломъ погребли его въ Своей церкви.

Въ „распространенной“, болѣе поздней редакціи сказанія о св. Меркуріи есть очень интересный плачъ „земли“ по случаю татарскаго нашествія: „и всплакалась тогда сама земля, какъ чадолюбивая мать, видя бѣду бывшую на всѣхъ христіанскихъ странахъ. Общая наша мать-земля вопіяла своимъ голосомъ и стонала: „о сыны русскіе, какъ же мнѣ оставить васъ, о любимыя мои дѣти, прогнѣвавшія Господа своего и моего Творца, Христа Бога! Вижу васъ, отторгнутыхъ отъ моей груди и судомъ Божіимъ въ поганскія руки немилостиво впадшихъ и рабское иго носящихъ на своихъ плечахъ. И стала я бѣдная вдова: о комъ же я буду прежде сѣтовать—о мужѣ или о любимыхъ чадахъ? Вдовство мое—запустѣніе монастырей, святыхъ церквей и многихъ городовъ. Не терпя лютой бѣды, возопію къ Творцу Господу Богу: Боже, сотворивый вся и содѣтелю всѣхъ! Презри беззаконіе людей Своихъ и милосердно помилуй и утоли праведный гнѣвъ Свой.

Сказаніе о снятинѣ Евпраксіи Рязанской.

Къ той же эпохѣ, какъ и «Сказаніе о св. Меркуріи смоленскомъ», относится и «Повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань» (въ 1227 г.). Рязанскіе князья рѣшили «утолить» Батыя дарами и моленьями. Князь Юрій послалъ къ татарамъ своего сына Ѳеодора. Батый, узнавъ, что его жена Евпраксія—необыкновенная красавица, потребовалъ ее себѣ въ жены. Тотъ отказался. Батый велѣлъ убить князя, а тѣло его выкинуть на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Узнавъ о гибели мужа, «любви ея ради и красоты», Евпраксія «наполнися слезъ и горести и ринуся съ превысокаго храма (хоромъ) своего и съ сыномъ своимъ съ княземъ Иваномъ, на среду земли, и заразися (убилась, расшиблась) до смерти».

Куликовская битва и ея отраженіе въ литературѣ.

Изъ событій эпохи татарщины особенно яркіе слѣды въ народномъ сознаніи и литературѣ оставила *Куликовская битва*, «Мамаево побоище» (въ 1380 г.). Побѣда дорого досталась русскимъ; но она убѣдила современниковъ въ томъ, что гнѣвъ Божій миновалъ, что съ татарами можно бороться, что Русь можетъ освободиться отъ «немилостиваго» и «лютаго» врага. Какъ *первый* успѣхъ въ борьбѣ съ поработителями, «Мамаево побоище» поднимало народный духъ, возбуждало творческую мысль, сдѣлалось вообще *поворотнымъ* моментомъ въ исторіи настроеній и взглядовъ русскаго народа эпохи татарщины.

Интересъ къ событію вызвалъ появленіе нѣсколькихъ его литературныхъ обработокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ пользовались исключительною популярностью въ древней Руси и дошли до насъ въ громадномъ количествѣ списковъ.

Лѣтописная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ была составлена въ концѣ XIV в. и даетъ послѣдовательный, сухой разсказъ о событіи, который нѣсколько оживляется описаніемъ видѣнія (небесное воинство избиваетъ татаръ) и страстно-негодующими выпадами противъ князя Рязанскаго Олега, помогавшаго татарамъ. Страстный тонъ повѣсти въ отзывахъ объ Олегѣ, вообще очень рѣдкій въ нашихъ лѣтописяхъ, показываетъ, что она сложилась въ сильно возбужденной общественной средѣ—повидимому, въ Смоленскѣ, которому пришлось пострадать отъ князя Олега. Лѣтописная повѣсть о Кулик. битвѣ

Лишенный художественности, живыхъ подробностей, сухой разсказъ лѣтописной повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ мало удовлетворялъ требованіямъ тогдашнихъ читателей. Въ концѣ XIV или началѣ XV в. появляется «Сказаніе (или Повѣданіе) о побоищѣ Дмитрія Донского», которое распространяетъ лѣтописную повѣсть, дополняетъ ее новыми эпическими и легендарными подробностями [1]). Изъ нихъ особенно интересны тѣ, которые относятся къ засадному полку. Командовавшій засаднымъ полкомъ (рѣшившимъ судьбу боя) Дмитрій Волынецъ характеризуется, какъ «воевода нарочитъ и полководецъ изящен̄ъ и удалъ зѣло». Вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ онъ отправляется въ поле «брать примѣты» объ исходѣ битвы. Онѣ оказались—на добро и на скорбь. Татарамъ онѣ предвѣщали пораженіе: съ ихъ стороны ночью доносились «кличь и стукъ великій, аки торжища снимаются и аки грады зиждуще, и яко трубы гласять... волцы воюще страшно велми... во птицахъ трепетъ велій, кричаще и крылами бію̀ще, и враны граю̀ще, и орлы клегчюще». На русской сторонѣ была «тишина... точію (только) отъ множества огневъ снимахуся зари (занималась заря)». Ея переработка въ Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ.

Русскіе должны были побѣдить, но дорогой цѣной. Припавшій къ землѣ Дмитрій слышалъ «землю плачущу надвое, горко зѣло и страшно; едина убо страна, яко нѣкая жена напрасно плачущи, дерзающи и кричащи татарскимъ гласомъ о чадѣхъ своихъ бьющихся и слезы изливающи, аки рѣки; а другия страны земли—аки нѣкая дѣвица плачущи и воплющи, аки свирѣльнымъ плачевнымъ гласомъ въ скорби и печали велицѣ».

Къ началу же XV вѣка относится третья обработка народныхъ преданій и литературныхъ сказаній о Куликовской битвѣ—такъ называемая «Задонщина» [2]). Задонщина.

---

[1]) Сказаніе дошло до насъ не въ первопачальномъ своемъ видѣ, а въ видѣ позднѣйшихъ переработокъ, съ заимствованіями изъ „Задонщины“, „Слова о полку Игоревѣ“, народныхъ пѣсенъ и т. д. Разныя его редакціи значительно отличаются другъ отъ друга.

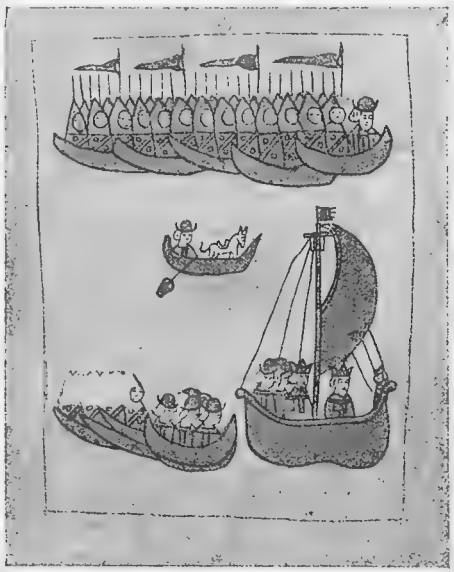
[2]) Въ первоначальномъ своемъ видѣ она до насъ не дошла. Ея матеріаломъ широко воспользовались разныя редакціи Сказанія. Авторъ ея—рязанецъ (или рязанскій

Вліяніе Слова о Полку Игоревѣ.

Не только въ отдѣльныхъ образахъ и выраженіяхъ, но и въ планѣ своемъ «Задонщина» рабски слѣдуетъ «Слову о полку Игоревѣ». Механически примѣняя образы «Слова» къ Куликовской битвѣ, плохо разбираясь въ его языкѣ, ея авторъ часто впадалъ въ недоразумѣнія, называлъ берега рѣки «харалужными» («булатными»), превратилъ «вѣщаго Бояна» въ «вѣщанаго боярина», «шеломя» — въ «Соломона» («земля еси русская... за Соломономъ»), заставилъ Москву-рѣку течь «въ землю половецкую» и пр.

Содержаніе Задонщины.

Подобно „Слову“, „Задонщина“ начинается вступленіемъ: „Пойдемъ, братіе, въ полуночную страну, жребій Афетовъ, сына Ноева, отъ него же родися Русь преславная, оттолѣ взыдемъ на горы кіевскія, и посмотримъ съ ровного Днѣпра по всей землѣ русской, и оттолѣ на восточную страну, жребій Симовъ, сына Ноева, отъ него же родишася Хиновя. поганые Татаровя, Бусурмановя. Тѣ бо на Каялѣ одолѣша родъ Афетовъ. И оттолѣ русская земля сѣдитъ не весела, а отъ Калотькія рати (битва на Калкѣ) до Мамаева побоища — тоскою и печалію покрылася, плачущися, чады своя поминающи. Князи и бояря, и удалые люди, иже оставиша вся домы своя, и богатство, жены, и дѣти, и скотъ, честь и славу міра сего получивши, главы своя положиша за землю русскую и за вѣру христіанскую“. Авторъ хочетъ „возвеселить русскую землю“, воздать похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его, князю Владиміру Андреевичу, „повѣдати по дѣломъ и по былинамъ“.



Переправа русскаго войска черезъ Донъ (изъ Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ).

Затѣмъ онъ переходитъ къ изображенію похода. Князья, „истягнувше

іерей) Софронія. Такъ какъ она основана главнымъ образомъ на народныхъ преданіяхъ, то въ его разсказъ вкралось нѣсколько анахронизмовъ, которыхъ вообще много въ повѣстяхъ о Мамаевомъ побоищѣ (напр., въ качествѣ союзника Мамая названъ литовскій князь Ольгердъ, который умеръ въ 1377 г. и пр.). Повѣсть Софроніи, повидимому, называлось „Повѣданіемъ“; названіе „Задонщина“ даетъ только одинъ (правда, древнѣйшій) ея списокъ.

умъ крѣпостью своею, поостриша сердца своя мужествомъ и наполнишася ратнаго духа, уставиша себѣ храбрыя воеводы въ русской землѣ, помянувши прадѣда своего великаго князя Владиміра кіевскаго". Пусть жаворонокъ, утѣха въ красные дни, взовьется подъ синія облака и воспоетъ славу Дмитрію и Владиміру, которые „взнялися, какъ соколи, со земли русскія на поля половецкія". „Кони ржутъ на Москвѣ; бубны бьютъ на Коломнѣ, трубы трубятъ въ Серпуховѣ; звенитъ слава по всей земли русской".

Съѣхавшіеся „на пособь" русскіе князья сказали Дмитрію: „поидемъ за быструю рѣку Донъ, укупимъ (пріобрѣтемъ) землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ память". Дмитрій имъ отвѣчалъ: „досюда есмя были, братіе, никуда не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречету, ни тому псу поганому Мамаю".

Куликовская битва: пораженіе и бѣгство татаръ (стрѣлки показываютъ направленіе движенія) Изъ Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ.

Начальный моментъ боя былъ неудаченъ для русскихъ. Это предсказывала и природа: „уже бо всташа сильніи вѣтри съ моря, прилелѣяша тучу велику на устье Днѣпра, на русскую землю; изъ тучи выступища кровавыя облака, а изъ нихъ пашутъ синія молньи. Быти стуку и грому велику межу Дономъ и Днѣпромъ, пасти трупу человѣческому на полѣ Куликовѣ, пролитися крови на рѣчкѣ Непрядвѣ". Мамай привелъ своихъ воиновъ на Русь. Звѣри и птицы „чаютъ побѣду на поганыхъ, а ркучи такъ: „земля еси русская, какъ еси была доселева за царемъ за Соломономъ, такъ буди и нынѣча за княземъ великимъ Дмитріемъ Ивановичемъ". Наѣхали русскіе на великія силы татарскія, ударили о нихъ своими харалужными копьями. Много пало храбрыхъ русскихъ воеводъ, полегли иноки Пересвѣтъ и Ослябя „за землю Русскую и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича". Заплакали въ Москвѣ по своимъ погибшимъ мужьямъ боярскія жены, причитая: „уже, сестрицы наши, мужей нашихъ въ животѣ нѣту: покладоша головы свои у быстраго Дона за Русскую землю, за святыя церкви, за православную вѣру, съ дивными удальцы, съ мужескими сыны". Выступленіе засаднаго полка рѣшило судьбу битвы. Испуганные татары побѣжали „не уготованными дорогами въ лукоморье", приговаривая: „уже намъ, братіе, въ землѣ своей не бывать и дѣтей

своихъ не видать, а въ Русь ратью намъ не хаживать, и выхода (дани) намъ у русскихъ людей не прашивать. Уже бо возстона земля татарская... уже бо веселіе пониче; уже бо русскіе сынове разграбиша татарскія узорочья (драгоцѣнныя вещи и ткани), и доспѣхи, и кони, и волы, и верблюды, и вино, и сахаръ, и дорогое узорочіе; уже жены русскія восплескаша татарскимъ златомъ". Благодаря побѣдѣ, „по русской землѣ простреся веселіе и буйство, вознесеся слава русская по всей землѣ, а на поганыхъ татаръ, злыхъ бусурмановъ, промчеся хула и пагуба".

Князья и воеводы послѣ побѣды „стали на костяхъ". „Грозно и жалостно, братіе, въ то время посмотрѣти, еже лежатъ трупи христіанскіе у Дона великаго на березѣ, аки сѣнные стоги, и Донъ рѣка три дни кровію текла". Дмитрій обратился къ павшимъ съ такою рѣчью: „братія, князи и бояря и дѣти боярскіе! То вамъ сужено мѣсто межъ Дономъ и Днѣпромъ на полѣ Куликовѣ, по рѣчкѣ Непрядвѣ; и положили есте головы своя за святыя церкви, за землю Русскую, за вѣру крестьянскую. Простите мя, братія, и благословите". Владиміру Андреевичу онъ сказалъ: „Сядемъ, брате, на своемъ княженіи, а чти (чести) есмя, брате, добыли и славнаго имени Богу нашему слава".

Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ вообще мало оригинальны и нехудожественны, но онѣ интересны тѣмъ, что вводятъ насъ въ настроеніе русскаго народа послѣ первой побѣды надъ татарами—когда уже казалось близкимъ освобожденіе отъ ненавистнаго иноземнаго ига.

Южно-славянское вліяніе.

Татарское иго сильно подняло религіозныя чувства въ русскомъ обществѣ. Духовная письменность снова получаетъ преобладаніе надъ письменностью свѣтскою. Появляется большое количество религіозно-нравственныхъ поученій, посланій, житій и пр. Въ XIII—XIV вв. подавляющее большинство ихъ отличается простотою, наивностью построенія, полнымъ отсутствіемъ литературныхъ прикрасъ. Русская письменность была предоставлена самой себѣ; вліяніе Византіи и южныхъ славянъ прекращается. Съ конца XIV и, въ особенности, въ XV вв. „просторѣчіе" смѣняется „плетеніемъ" и „извитіемъ словесъ", холодной риторичностью и изысканной витіеватостью стиля. Эта перемѣна объясняется *второй волной южно-славянскаго вліянія*. Когда сколько-нибудь возстановилась государственная жизнь, русскіе люди, съ большими опасностями, возобновили свои путешествія на югъ, главнымъ образомъ въ Константинополь и на Аѳонъ. Тамъ они имѣли возможность познакомиться съ результатами, которые были добыты южно-славянскими литературами за XIII—XIV вѣка, когда татарскій разгромъ прекратилъ культурныя и литературныя взаимодѣйствія родственныхъ народовъ.

Развитіе духовной письменности.

Русскіе книжники заимствуютъ у южныхъ славянъ ихъ новыя украшенія рукописей, орѳографію, самое письмо (полуустав), ихъ новые переводы. Послѣ завоеванія Болгаріи и Сербіи турками южно-славянскіе выходцы все больше тянутся въ Россію, надъ которой тогда уже ослабѣвало татарское иго (изъ нихъ особенно извѣстны: митрополитъ Кипріанъ и Пахомій Логоѳетъ, писатель XV в., родомъ сербъ). Подъ ихъ вліяніемъ наша сѣверная литература теряетъ свой прежній характеръ, „украшается

плетеньми и витійскими глаголы". Въ духѣ новой литературной школы передѣлываются старыя житія; новый, крайне искусственный и напыщенный стиль проникаетъ почти во всѣ виды духовной и свѣтской письменности. Дѣловитая сухость и сжатость смѣняются накопленіемъ эпитетовъ, фигуръ и троповъ, отступленіями, поученіями и проч., въ ущербъ интересамъ разсказа. Длинные періоды, къ которымъ теперь охотно прибѣгали, часто были мало вразумительны. Отъ этой тяжеловѣсной искусственности наша литература освободилась не скоро—только къ XVII в.

Епифаній Премудрый.

Изъ представителей этого южно-славянскаго направленія въ нашей литературѣ особенно характеренъ Епифаній Премудрый (умеръ около 1419 г.; родомъ изъ Ростова), которому принадлежатъ житія св. Стефана Пермскаго и преп. Сергія Радонежскаго. Онъ самъ себѣ ставилъ въ заслугу „плетеніе словесъ". Какъ примѣръ типическихъ для него риторическихъ амплификацій, можно привести слѣдующее мѣсто изъ житія св. Стефана: „Стефанъ поиде въ землю, идѣже не ходиша ногами сіи святіи апостоли, ученицы Господни... поиде въ землю, идѣже не бывали обиходи апостольстии, идѣже не изыде вѣщание и проповѣданье святыхъ апостолъ, идѣже не бѣ ни слѣда благочестью и благоразумья, идѣже имя Божье отинуду (никогда) не именовася" и пр.

Житіе преп. Сергія Радонежскаго.

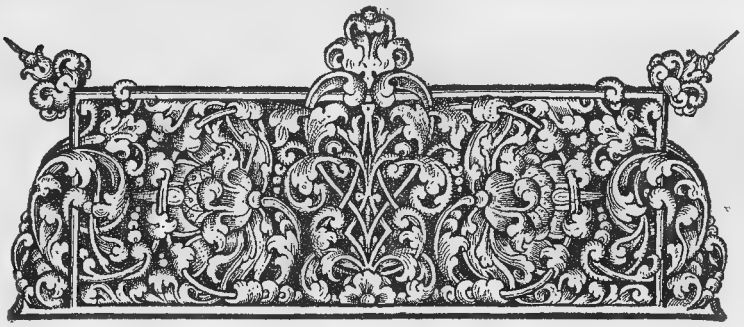
Житіе знаменитаго русскаго подвижника XIV в., преп. Сергія Радонежскаго, было написано Епифаніемъ Премудрымъ и затѣмъ передѣлано Пахоміемъ Сербомъ. Оно было составлено по свѣжимъ воспоминаніямъ и отличается отъ другого произведенія Епифанія (Житія св. Стефана) живостью и яркостью изложенія.

Св. Сергій Радонежскій, въ мірѣ Варѳоломей происходилъ изъ богатаго и знатнаго боярскаго рода въ Ростовѣ. Родители его подъ старость разорились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе московскаго „насилованія". Когда московскимъ великимъ княземъ сдѣлался Иванъ Калита, „увы, увы, тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъялъ отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе, и честь, и слава; и вся прочая потягну къ Москвѣ". Намѣстникъ Калиты положилъ на Ростовъ „великую нужду", великое „гоненіе" и „дерзновеніе". Разоренная семья Сергія переселилась въ Радонежъ. Вмѣстѣ съ братомъ Стефаномъ онъ поселился въ пустынѣ и тамъ въ теченіе двухъ лѣтъ пробылъ въ полномъ одиночествѣ, предаваясь суровымъ аскетическимъ подвигамъ. Когда узнали о немъ окрестные жители, къ нему стали стекаться отшельники, и образовался Троице-Сергіевскій монастырь.

Сергій пользовался общимъ уваженіемъ. Когда на Русь пришелъ Мамай, князь Димитрій отправился къ Сергію посовѣтоваться, слѣдуетъ ли ему „противу безбожныхъ взыти". Преподобный благословилъ его: „подобаетъ ти, господине, пещися о врученномъ отъ Бога Христоименитомъ ти стадѣ. Поиди противу безбожныхъ и, Богу помогающу ти, побѣдиши и здравъ во свое отечество съ великими похвалами возвратишися". Въ помощь князю онъ далъ двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябю, и затѣмъ послалъ ему на поле сраженія „борзоходца" съ грамотой: „безъ всякаго сомнѣнія, господине, съ дерзновеніемъ поиди противу свирѣпства ихъ; никако же ужасатися: всяко поможетъ ти Богъ". Житіе рисуетъ въ лицѣ св. Сергія идеалъ смиренія, любви, кротости,

нищелюбія и нестяжательности: „преподобный игуменъ отецъ нашъ Сергіе святый, старецъ чюдный, добродѣтельми всякими украшенъ бѣ, тихій, кроткій нравъ имѣя, и смиренный и добронравный, привѣтливый и благоувѣтливый... любовь нелицемѣрную равно ко всѣмъ человѣкамъ и всѣхъ вкупѣ равно любляше и равно чтяше, не избирая, не судя, ни зря на лица человѣкомъ и ни на кого же не возносяся“.

Исторія Каина и Авеля (изъ книги Бытія XVI в.).



Заставка изъ Иконописнаго подлинника Антоніева Сійскаго монастыря (образецъ „травнаго“ орнамента).

ГЛАВА IV.

Литература Московскаго періода.

Возвышеніе Москвы.

Куликовская побѣда не только подняла въ русскомъ народѣ вѣру въ себя, его *самосознаніе* [1]), но и выдвинула значеніе московскаго княжества, до тѣхъ поръ мало замѣтнаго. Ея результаты настолько были важны для Руси, что въ передѣлки повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ стали включать указанія на участіе въ знаменитомъ боѣ такихъ князей и областей (напр., Новгородской), которые на самомъ дѣлѣ никакого отношенія къ нему не имѣли: побѣду *московскаго* князя старались превратить въ *общерусское* дѣло не только по результатамъ, но и по выполненію. Это было вѣрнымъ признакомъ растущаго сознанія, что «Мамаево побоище» было объединяющимъ моментомъ для всей тогдашней Руси.

Возвышеніе Москвы, постепенное *превращеніе Московскаго княжества въ Русское государство* совершается на протяженіи XV вѣка и заканчивается въ началѣ XVI-го. Оно наложило печать на всю тогдашнюю жизнь, отразилось и въ литературѣ.

Флорентійская унія и паденіе Константинополя.

Освобожденіе Руси отъ татарскаго ига было понято нашими предками не только какъ явное доказательство прощенія Богомъ грѣховъ русскаго народа, но и какъ выраженіе Его особой милости къ нему. Такое убѣжденіе подкрѣплялось сопоставленіемъ съ судьбою другихъ православныхъ странъ, въ особенности Византіи. Куликовская битва

---

[1]) По общему тогдашнему убѣжденію, только вѣра, *православіе*, спасла Русь, на которой почіетъ особая благодать Божія; передъ нею не можетъ устоять никакая иновѣрная, въ особенности, *басурманская*, сила. Такова основная идея „Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ“ и ряда другихъ историческихъ повѣстей XIV—XVI вв.

приблизительно совпала по времени съ завоеваніемъ турками Сербіи и Болгаріи (Косовская битва, рѣшившая ихъ судьбу, произошла въ 1389 г.). Все больше тѣснимая турками, Византія постепенно теряла свои владѣнія, сначала азіатскія, затѣмъ европейскія. Крайне затруднительное положеніе заставило ее обратиться за помощью къ католическому Западу, чтобы вызвать крестовый походъ противъ магометанъ. Главѣ православной церкви, византійскому императору, пришлось согласиться на *унію*, на подчиненіе римскому папѣ и соединеніе церквей, для чего и былъ собранъ въ 1439 г. во Флоренціи «богоотметный», по выраженію нашихъ церковныхъ писателей, соборъ. На Руси, которую въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ византійское духовенство пріучало ненавидѣть католицизмъ, это было понято, какъ измѣна вѣрѣ, православію [1]). Послѣдовавшее въ 1453 г. паденіе Константинополя и завоеваніе турками всего православнаго Востока были сочтены наказаніемъ Божіимъ за великій грѣхъ Флорентійской уніи. Не принявшая уніи Русь между тѣмъ крѣпла и все успѣшнѣе боролась съ татарами. Одно изъ нашихъ сказаній объ уніи такъ противопоставляло Русь и Византію: «и самому тому царю греческому отступившу... отъ свѣта благочестія, и *омрачися тмою латиньскія ереси*, а отечество твоего (московскаго князя Василія) княженія *просвѣтися свѣтомъ благочестія*».

Повѣсть о Царьградѣ.

Пользовавшаяся у насъ большою популярностью „Повѣсть о созданіи и взятіи Царьграда“ была написана грекомъ Несторомъ-Искандеромъ, который послѣ паденія Константинополя принялъ магометанство. Первая ея часть разсказываетъ объ основаніи Константинополя. Константинъ Великій задумалъ создать, во имя свое, великую столицу. Его послы намѣтили для этого Македонію и Византію. Вѣщій сонъ заставилъ его остановиться на второй. Во время работъ по сооруженію столицы произошло знаменіе: бой орла со змѣемъ. Змѣй сначала побѣдилъ орла, но затѣмъ былъ убитъ подоспѣвшими людьми. Знаменіе было истолковано книжниками и мудрецами такъ: „Орелъ есть знаменіе христіанское, а змій—знаменіе бесерменьское; и понеже змій одолѣ орла, являетъ, яко бесерменство одолѣетъ христіанство; а понеже христіаня змія убиша, а орла изымаша, являетъ, яко напослѣдокъ паки христіанство одо-

[1]) Флорентійскій соборъ вызвалъ появленіе нѣсколькихъ русскихъ сказаній: „Инока Симеона іерея суждальца (суздальца) повѣсть, како римскій папа Евгеній составн осмый соборъ съ своими единомышленниками“, „Слово избрано отъ святыхъ писаній еже на латыню и сказаніе о ставленіи осмаго збора (собора) латыньскаго и о извержении Сидора (митрополита Исидора) прелестнаго (обольщеннаго)...“, „Исхожденіе Авраамия Суждальскаго на осмый соборъ съ митрополитомъ Исидоромъ“ и др. Литературный интересъ представляетъ изъ нихъ лишь описаніе путешествія митрополита Исидора, составленное неизвѣстнымъ суздальскимъ дьякомъ. Оно даетъ обстоятельный разсказъ о событіяхъ путешествія и достопримѣчательностяхъ природы и быта Европы.

лѣтъ бесерменства, и Седмихолмаго (Константинополь) пріимутъ и въ немъ воцарятся". Царьградъ прославился по всей землѣ. Умножились грѣхи, и Богъ сталъ насылать на него разныя кары: нашествіе невѣрныхъ, голодъ, моръ. Оскудѣли сильные, обнищали люди; Царьградъ смирился „до зѣла" (до крайней степени). Паденію Константинополя предшествовало страшное знаменіе: изъ оконъ св. Софіи вырвалось пламя, освѣтило весь городъ и взвилось къ небу. Это отошли на небо неизреченный свѣтъ и ангелъ Божій, охранявшіе городъ, который за грѣхи долженъ былъ достаться въ руки невѣрныхъ. То же знаменовалъ и выпавшій кровавый дождь. Повѣсть заканчивается угрозой невѣрнымъ: Царьградъ отниметъ у нихъ „русій родъ" (русоволосые), въ которомъ у насъ хотѣли видѣть „русичей", русскихъ.

Освободившаяся отъ магометанскаго ига и объединенная Московскими князьями Русь какъ бы заступала мѣсто Византіи, становясь единственнымъ и послѣднимъ оплотомъ православія, избраннымъ особою милостью Божіею; самая власть московскихъ государей слагалась подъ сильнымъ вліяніемъ идей византійскаго самодержавія. Бракъ Іоанна III на Софіи Палеологъ, родственницѣ византійскихъ императоровъ, дѣлалъ великихъ князей Московскихъ какъ бы преемниками византійскихъ кесарей. Съ конца XV в. появляется у насъ рядъ легендъ, которыя символически истолковали перемѣну, происшедшую въ международномъ положеніи Руси и Москвы [1]): извѣстное и въ древней Руси легендарное «сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ», загубленномъ змѣями [2]), было дополнено разсказомъ о томъ, Москва, какъ преемница Византіи.

---

[1]) Сказанія, представлявшія Русь послѣднимъ оплотомъ истинной христіанской вѣры и преемницей Рима и Византіи, слагались не только въ Москвѣ, но и въ Новгородѣ, который до своего паденія очень ревниво относился къ возвышенію Москвы. Нѣкоторыя изъ новгородскихъ сказаній, повидимому, древнѣе московскихъ и доказываютъ, что Новгородъ раньше другихъ областей понялъ и отмѣтилъ перемѣну въ международномъ положеніи Руси; другія изъ нихъ были составлены какъ бы въ противовѣсъ московскимъ, которыя выдвигали Москву на первый планъ. Изъ новгородскихъ сказаній особенно характерны—„о бѣломъ клобукѣ" (по повелѣнію св. Сильвестра бѣлый клобукъ былъ присланъ константинопольскимъ патріархомъ новгородскому архіепископу Василію и съ тѣхъ поръ сдѣлался отличительною особенностью новгородскихъ владыкъ) и „объ иконѣ Тихвинской Божіей Матери": эта икона, какъ и бѣлый клобукъ, раньше находилась въ Римѣ; когда Римъ впалъ въ ересь, она перешла въ Византію; когда и въ Византіи умножились беззаконія, она была перенесена въ Новгородскую область, которая такимъ образомъ явилась преемницей Рима и Византіи.

[2]) „Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ" символически изображаетъ переходъ власти надъ міромъ съ Востока, изъ Вавилона, въ Византію. Въ немъ много чисто сказочныхъ чертъ. Оно начинается разсказомъ о Новуходоносорѣ, найденышѣ, воцарившемся въ Вавилонѣ и приказавшемъ сдѣлать „знаменіе" змія на платьяхъ, утвари, оружіи и т. д. Для царя былъ выкованъ мечъ-самосѣкъ, „аспидъ змій", который самъ вылеталъ изъ ноженъ и истреблялъ враговъ. Умирая, Навуходоносоръ велѣлъ задѣлать его навсегда

что византійскій императоръ Левъ прислалъ князю кіевскому Владиміру «сердоликову крабицу (коробку, шкатулку) со всѣмъ виссономъ царскимъ» и шапку Мономахову, «иже взяты отъ Вавилона». Составленное въ XV в. Пахоміемъ Сербомъ (Логоѳетомъ) «Сказаніе о князехъ Владимірскихъ» производитъ русскихъ князей отъ родственника римскаго императора Августа Пруса [1]) и разсказываетъ о походѣ Владиміра Мономаха на Византію и о посольствѣ къ русскому князю отъ имени византійскаго императора Константина Мономаха: послы принесли Владиміру царскій вѣнецъ, «сердоликову крабицу, изъ нея же Августъ кесарь веселяшеся», ожерелье, «сирѣчь святыя бармы, иже на плещу свою ношаше», и другіе дары; отъ имени императора они просили у Владиміра мира и любви, «яко да церковь Божія безмятежна будетъ и все православіе въ покоѣ пребудетъ подъ сущею властію нашего царства и твоего полнаго самодержавства великія Россія, да нарицаешися боговѣнчанный царь, вѣнчанъ самъ царьскимъ вѣнцемъ». Такія легенды проводили въ сознаніе русскаго общества идею, что московскіе князья—законные преемники власти римскихъ и византійскихъ императоровъ, такъ какъ они происходятъ «отъ рода римска Августа царя» и знаки царскаго достоинства получили отъ самихъ византійскихъ императоровъ.

Идея «третьяго Рима».

Съ точки зрѣнія русскихъ людей XV вѣка, Флорентійская унія доказала, что истинная вѣра испортилась у грековъ, за что Богъ и предалъ ихъ въ руки «агарянъ». Изъ православныхъ только русскіе рѣшительно возстали противъ уніи съ «басурманами»—католиками; въ награду Богъ освободилъ ихъ отъ татарскаго ига. Истинная вѣра изъ Рима перешла въ Византію, затѣмъ въ Москву, гдѣ только и удержалась; *Москва—третій Римъ, третій и послѣдній оплотъ истиннаго благочестія.*

Посланія старца Филоѳея.

Горделивая теорія Москвы, какъ «третьяго Рима», всего полнѣе выразилась въ произведеніяхъ писателя конца XV и начала XVI в., старца *Филоѳея,* отъ котораго сохранилось два «посла-

въ стѣну. Его сынъ Василій нарушилъ его приказъ и извлекъ мечъ изъ стѣны. „Аспидъ змій“ отсѣкъ ему голову; „знаменія“ змія ожили и пожрали всѣхъ вавилонянъ; городъ былъ окруженъ исполинскимъ зміемъ; царство Вавилонское запустѣло. Нѣкоторое время спустя Византійскій императоръ Левъ послалъ туда пословъ: обежанина (вѣроятно, отъ обезы—кавказскій народецъ) и славянина. Они принесли ему вѣнцы Навуходоносора, „царя Вавилонскаго и всея вселенныя“, и его жены, сердоликовую „крабицу“ и багряницу. Русская передѣлка этой повѣсти дополнила разсказъ легендарными подробностями о переходѣ этихъ знаковъ императорскаго достоинства въ Россію.

[1]) Рюрика „Сказаніе“ называетъ „сущимъ отъ рода римска Августа царя“.

нія»; изъ нихъ одно обращено къ самому вел. князю Василію Іоанновичу [1]).

Въ одномъ изъ своихъ посланій Филоѳей возстаетъ противъ вѣры въ астрологію. По его мнѣнію, перемѣны въ странахъ и царствахъ зависятъ не отъ звѣздъ, а отъ Бога, Который возвышаетъ за благочестіе и губитъ за грѣхи. Византія была предана Богомъ туркамъ за отпаденіе въ латинство. Латиняне — еретики; по своей волѣ они отпали отъ православія; донынѣ Римъ еще не плѣненъ врагами, но души латинянъ давно уже плѣнены дьяволомъ. Во всей поднебесной осталось только одно православное царство—Московское, одинъ царь христіанъ и «браздодержатель» святыхъ Божіихъ престоловъ вселенской церкви — московскій государь. Всѣ христіанскія царства «преидоша въ конецъ и снидошася (сошлись) во едино царство нашего государя»—«*два убо Рима падоша, а третій* (Москва) *стоитъ, а четвертому не быти*». Всѣ другія православныя царства «потопишася отъ невѣрныхъ», одно Московское «стоитъ благодатію Христовою». Въ другомъ посланіи Филоѳей говоритъ, что старый Римъ палъ отъ Аполлинаріевой ереси, второй, Константинополь,—отъ внуковъ Агари. «Соборная апостольская церковь новаго третьяго Рима, Московскаго царства, паче солнца свѣтится во всей поднебесной».

Сказаніе о Псковскомъ взятіи.

Превращаясь въ русское *царство* и „третій Римъ“, московское княжество должно было рѣзко столкнуться съ удѣльно-вѣчевыми традиціями и интересами другихъ областей и княжествъ Руси. Въ борьбѣ за объединеніе и самодержавную власть московскимъ государямъ часто приходилось прибѣгать къ силѣ, вызывать протесты присоединенныхъ областей и сторонниковъ удѣльно-вѣчевыхъ порядковъ.

Глубокимъ и горькимъ чувствомъ такого протеста проникнуто „Сказаніе о Псковскомъ взятіи“ (въ 1510 г.).

Когда въ 1510 г. выборные псковичи пришли въ Новгородъ жаловаться на своего намѣстника пріѣхавшему туда великому князю Василію Ивановичу, ихъ схватили и заключили въ тюрьму. Это неожиданное извѣстіе вызвало въ Псковѣ общую тревогу. „И нападе на нихъ (псковичей) страхъ и трепетъ, и туга, и пересхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли (запеклись). Якоже многажды приходили нѣмцы на нихъ, и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, якоже нынѣ“. Великій князь потребовалъ уничтоженія вѣча, снятія вѣчевого колокола и управленія Псковомъ посредствомъ двухъ намѣстни-

---

[1]) Свѣдѣній объ его личности очень мало. Въ одномъ изъ посланій онъ говоритъ о себѣ: „Я человѣкъ сельской и невѣжа въ премудрости, не въ Аѳинахъ родился, ни у мудрыхъ ѳилософъ учился, ни съ ѳилософы въ бесѣде не бывалъ: учился есмь книгамъ благодатнаго закона, чѣмъ бы моя грѣшная душа (мою грѣшную душу) спасти і избавитися вѣчнаго мученія“.

ковъ, назначаемыхъ изъ Москвы. Псковичамъ пришлось отдаться на волю князя. „А псковичи туто горько заплакали. Како ли зѣницы не упали съ слезами внизъ? Како ли не урвалося сердце отъ корени?.. О, славнѣйшій граде, Пскове великій! почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего ради опустѣнія! прилетѣлъ бо на мя многокрылый орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ ногтей, и взятъ отъ мене три кедра Ливанова: и красоту, и богатство, и чада моя восхити (похитилъ), Богу попустившу за грѣхи наши; и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша... отецъ и братію наша разведоша“...

Въ концѣ Сказанія авторъ призываетъ псковичей припасть къ Господу и покаяться въ грѣхахъ, „да не внидемъ въ большій гнѣвъ Господень, не наведемъ на ся казни горши первой“. Причиной гнѣва Божія и паденія Пскова онъ считаетъ „самоволіе и непокореніе друга другу“ въ эпоху вѣчевого правленія.

Значеніе присоединенія Новгорода и Пскова въ умственной жизни моск. царства.

Покореніе Москвой Новгорода и Пскова, насильственное переселеніе большинства ихъ жителей въ другіе города и заселеніе ихъ москвичами привели къ сближенію и взаимодѣйствію областей, столь различныхъ по своей культурѣ и всему складу своей политической и общественной жизни. Западное вліяніе, переходившее въ Новгородъ и Псковъ непосредственно, черезъ Германію, и благодаря торговому общенію съ Польшей и Литовско-русскимъ государствомъ, распространяется теперь и по другимъ областямъ средней Россіи. Оно сильно сказывается на иконописи, приводитъ къ появленію у насъ переводныхъ рыцарскихъ романовъ, астрологическихъ и гадательныхъ книгъ, вызываетъ возникновеніе критическаго отношенія къ богословскимъ вопросамъ и распространеніе религіозныхъ ересей. Всѣ эти «новшества» влекли за собой протесты и противодѣйствіе сторонниковъ старины, религіозной и національной исключительности, которые видѣли въ нихъ главную опасность для «третьяго Рима» и его всемірно-исторической роли: «латинство» могло такъ же погубить Москву, какъ оно погубило Римъ и Византію. Изъ ересей Московскаго государства наибольшую роль сыграла такъ назыв. «ересь жидовствующихъ», которая возникла въ Новгородѣ въ концѣ XV в. и затѣмъ перешла въ Москву [1]), гдѣ нашла послѣдо-

[1]) Она находится въ близкой связи съ новгородско-псковскою ересью „стригольниковъ“ (XIV в.). Опустошившая почти всю Европу въ половинѣ XIV в. ужасная моровая язва привела къ движенію такъ наз. „бичующихся“. Въ Псковѣ и Новгородѣ это движеніе отразилось въ видѣ ереси „стригольниковъ“. Самое названіе ереси до сихъ поръ является спорнымъ. Одни считаютъ его искаженіемъ „стрекати“ — бить, другіе объясняютъ тѣмъ, что одинъ изъ основателей ереси, Карпъ, былъ раньше „стригольникомъ“ — цирюльникомъ, или былъ разстриженъ изъ дьяконовъ; третьи пред-

вателей среди высшаго духовенства и при дворѣ Іоанна III (митрополитъ Зосима, начальникъ Посольскаго приказа, думный дьякъ Курицынъ, и др.).

Ересь жидовствующихъ.

Свое названіе она получила отъ еврея Схаріи, который явился въ 1471 г. изъ Кіева въ Новгородъ и котораго современники считали первымъ распространителемъ ереси. Самое ученіе „жидовствующихъ“ нѣкоторыми своими чертами было близко къ еврейской вѣрѣ (отрицаніе божественности Христа, исключительное уваженіе къ Ветхому Завѣту и Псалтири и т. д.).

Среди еретиковъ значительнымъ распространеніемъ пользовались различныя переводныя сочиненія разнообразнаго содержанія, напр.: „Логика“ еврейскаго ученаго Маймонида, „Аристотелевы врата“ (наставленія, которыя, будто бы, были даны знаменитымъ греческимъ ученымъ Аристотелемъ Александру Македонскому), „Шестокрылъ“ (астрологическое сочиненіе, служившее для предсказаній небесныхъ явленій) и пр. Имъ извѣстны были книги Библіи, переводовъ которыхъ тогда еще не имѣла наша православная церковь (Книги Царствъ, Притчи Іисуса Сына Сирахова), они пользовались особымъ переводомъ Псалтыри съ еврейскаго языка [1]), которая получила названіе „Псалтыри жидовствующихъ“, и молитвами, въ которыхъ обличители ереси не безъ основанія видѣли переводы и передѣлки еврейскихъ молитвъ.

Въ то время какъ ересь стригольниковъ носила *мистическій* отпечатокъ, основана была на вѣрѣ въ возможность непосредственнаго общенія человѣка съ Богомъ, ересь „жидовствующихъ“ отличалась преобладающимъ *раціоналистическимъ* характеромъ, отрицаніемъ чудесъ и таинствъ, вообще всего того, что въ христіанскомъ ученіи отличалось *сверхъестественностью*. Она *критически* относилась къ Св. Писанію и

полагаютъ, что принимаемые въ число стригольниковъ подвергались особому обряду постриженія. Стригольники отрицали церковную іерархію и монашество, обряды, таинства и догматы христіанства, вѣрили въ непосредственное общеніе каждаго человѣка съ Богомъ. По ихъ мнѣнію, нельзя вѣрить духовенству, потому что оно „поставлено на мздѣ“; учить вѣрѣ можетъ каждый человѣкъ; исповѣдываться можно землѣ; „не достоитъ надъ мрътвыми пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душю умершаго“. Въ воскресеніе изъ мертвыхъ они не вѣрили. Покаяніе ихъ сопровождалось „крещеніемъ кровью“—бичеваніемъ.

Свѣтскія и духовныя власти принялись за энергичную борьбу съ еретиками. Въ 1375 г. многіе изъ нихъ были утоплены. Противъ ихъ ученія были направлены обличительныя сочиненія св. Стефана Пермскаго (1386 г.) и митрополита Фотія (1416 г.). Ересь какъ бы замерла, но вызванное ею идейное броженіе не улеглось. Въ XV в. это броженіе вызвало появленіе „ереси жидовствующихъ“, похожей многими своими особенностями на стригольничество. Собственно, послѣдніе стригольники были первыми „жидовствующими“; между обоими движеніями не только внѣшняя, хронологическая, но и внутренняя, идейная связь.

[1]) Переводъ былъ сдѣланъ Ѳедоромъ евреемъ, принявшимъ для виду христіанство, но фактически преданнымъ іудейству. Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе крупныхъ проповѣдниковъ ереси. Въ переводъ свой онъ включилъ рядъ еврейскихъ молитвъ.

сочиненіямъ отцовъ церкви, отрицала божественность Христа, вѣру въ искупленіе, отвергала пресуществленіе св. даровъ, воскресеніе мертвыхъ, почитаніе св. иконъ и креста, посты и монашество.

Борьба церкви съ ересью.

Выступившій на борьбу съ еретиками архіепископъ Новгородскій Геннадій долженъ былъ признаться, что образованіе православнаго духовенства стоитъ очень низко. Чтобы успѣшнѣе бороться съ «жидовствующими», нужно было прежде всего завести школы. Въ посланіи къ митрополиту Симону Геннадій жаловался на недостатокъ не только образованныхъ, но даже грамотныхъ людей: «приведутъ ко мнѣ мужика, а я ему велю Апостолъ дати чести, а онъ и ступити не умѣетъ; я ему велю Псалтирь дати, а онъ и по тому едва бредетъ». Такъ ересь *косвенно* способствовала развитію школъ и образованія. Та же борьба съ ересью [1]) заставила Геннадія составить полный переводъ Библіи (въ 1499 г.), такъ наз. «Геннадіевской». Недостававшія у насъ книги Библіи были переведены съ латинскаго (съ такъ наз. «Вульгаты»), книга «Эсфирь» — съ еврейскаго. Переводъ, подъ наблюденіемъ Геннадія, дѣлался славяниномъ доминиканцемъ Веніаминомъ и переводчикомъ Посольскаго приказа Дмитріемъ Герасимовымъ, хорошо знавшимъ латинскій и нѣмецкій языки. Затѣмъ Геннадіемъ была составлена новая пасхалія.

Потопленіе стригольниковъ въ Новгородѣ (изъ Царственнаго Лѣтописца конца XVI в.).

Борьба съ ересью особенно затруднялась тѣмъ, что ея сторонниками и защитниками въ Москвѣ были очень вліятельныя лица.

[1]) Любопытно, что, настаивая на суровыхъ мѣрахъ противъ еретиковъ, Геннадій ссылался на примѣръ испанской инквизиціи и жестокія мѣры противъ еретиковъ испанскаго короля Фердинанда Католика („испанскаго короля", „какъ онъ свою землю очистилъ").

Даже самъ великій князь Иванъ III сначала довольно благосклонно относился къ еретикамъ. Наибѣлѣе энергичнымъ борцомъ противъ ереси былъ *Іосифъ Волоцкій* (въ мірѣ *Санинъ*), настоятель Волоколамскаго монастыря близъ Москвы [1]).

Главнымъ образомъ, по его настоянію, Іоаннъ III разрѣшилъ произвести тщательный розыскъ противъ еретиковъ и созвать Соборъ въ 1504 г. На Соборѣ еретики были осуждены. Нѣкоторыхъ изъ нихъ сожгли, другихъ отправили въ заточеніе.

«Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго.

Іосифу Волоцкому принадлежитъ крупное произведеніе противъ еретиковъ — „*Просвѣтитель*, или обличеніе ереси жидовствующихъ“, изъ котораго, главнымъ образомъ, и могутъ быть почерпнуты свѣдѣнія объ ученіи и дѣятельности еретиковъ: сами „жидовствующіе“ не оставили полнаго и подробнаго изложенія своего вѣроученія. „Просвѣтитель“ состоитъ изъ вступленія, излагающаго исторію ереси, и 16 словъ, изъ которыхъ первыхъ 11 опровергаютъ ученіе еретиковъ и излагаютъ взгляды православной Церкви на затронутые ими вопросы, а остальныя 5 говорятъ о томъ, какъ относятся и должны относиться къ „жидовствующимъ“ православные. Іосифъ настойчиво проводитъ мысль, что „подобаетъ еретика и отступника не токмо осужати, но и проклинати, царемъ же и княземъ и судіямъ подобаетъ сихъ и въ заточеніе посылати и казнемъ лютымъ предавати“.

Вызванныя проповѣдью и настояніями Іосифа крутыя мѣры московскаго правительства противъ еретиковъ прекратили дальнѣйшее развитіе ереси „жидовствующихъ“, но созданное ею умственное броженіе не улеглось: отъ нея ведутъ свое начало ереси Башкина, Ѳедора Косого и др. (XVI-ый вѣкъ).

Іосифъ Волоцкій и его ученики и послѣдователи (такъ наз. «Іосифляне») были вообще врагами «новшествъ». Они стояли за полное подчиненіе церкви — свѣтской власти, государству, видѣли въ ней главную опору растущаго московскаго самодержавія; въ области вѣры они не допускали свободы мнѣнія, критики [2]), выдвигали на первый планъ *букву* закона, обрядъ. Когда былъ поднятъ вопросъ о томъ, что монастырямъ и монахамъ, отказавшимся отъ міра, не

---

[1]) Онъ былъ испуганъ сильнымъ умственнымъ броженіемъ, которое было вызвано въ Москвѣ ересью: „се нынѣ уже пріиде отступленіе, отступиша бо мнози отъ православныя и непорочныя Христовы вѣры и жидовствуютъ втайнѣ. Иже преже точію (только) слухомъ слышася въ нашей земли ересь, отнели же (съ тѣхъ поръ какъ) возсія православія солнце, нынѣ же и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и торжищахъ мнози и мирстіи (миряне) и вси сомнятся (сомнѣваются, спорятъ), вси о вѣрѣ пытаютъ, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ святыхъ отецъ, но отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ“.

[2]) Іосифъ писалъ: „мнѣніе (критика) — второе паденіе... Всѣмъ страстемъ мати мнѣніе“.

подобаетъ владѣть имѣніями и крѣпостными, «іосифляне» рѣшительно встали на защиту церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, видя въ нихъ главную опору независимости церкви отъ общества, народа, и лучшее подспорье для ея служенія цѣлямъ государства.

Нилъ Сорскій и заволжскіе старцы.

Дѣятельность «іосифлянъ» и ихъ стремленіе придать церкви характеръ государственнаго учрежденія, вмѣшать ее въ борьбу мірскихъ интересовъ вызвали сильныя возраженія со стороны такъ наз. «заволжскихъ старцевъ», учениковъ *Нила Сорскаго* [1]).

Самъ «великій старецъ» Нилъ Сорскій, аскетъ, поклонникъ «скитскаго житія» и мистикъ [2]), не принималъ участія въ борьбѣ, но его идеи и сочиненія оказали большое вліяніе на взгляды и дѣятельность «заволжскихъ старцевъ». «Іосифляне» и вообще тогдашнее наше духовенство плохо разбирались въ духовной письменности и считали «божественными писаніями» сочиненія не только не каноническія, но даже апокрифическія. Какъ глубоко и широко образованный человѣкъ, Нилъ Сорскій настаивалъ на болѣе внимательномъ и разумномъ отношеніи къ книгамъ: «писанія многа, но не вся божественна суть». Къ чтенію вообще нужно относиться не «безсловесно», а сознательно, разумно. Прежде всего нужно «испытывать божественныя писанія», заповѣди Христа и ихъ толкованія, затѣмъ преданія Апостоловъ, житія и ученія св. отцовъ: «яже согласно моему разуму, къ благоугожденію Божію и къ пользѣ души преписую себѣ и тѣми поучаюся, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю».

Ученіе преп. Нила Сорскаго.

Выше всего Нилъ Сорскій ставилъ *нравственное совершенствованіе* человѣка, его борьбу съ грѣховными стремленіями и помыслами («мысленное, умное и сердечное дѣланіе»): «аще не внутреннее дѣланіе съ Богомъ поможетъ человѣку, всуе (тщетно) ко внѣшнему труждается». Обрядовый формализмъ не спасетъ души человѣка. Сво-

---

[1]) Въ мірѣ *Майковъ;* самъ онъ называетъ себя „селяниномъ“, т.-е. крестьяниномъ; другія же извѣстія связываютъ его съ родомъ бояръ Майковыхъ. Названіе свое „заволжскіе старцы“ получили отъ монастырей *за Волгой* (Кирилло-Бѣлозерскаго, Сорскаго и др.). Наиболѣе крупнымъ изъ нихъ былъ князь Вассіанъ Патрикѣевъ Косой, позднѣе принявшій монашество. Его родство съ великимъ княземъ московскимъ и близость ко двору одно время дали перевѣсъ „старцамъ“ надъ „іосифлянами“, но затѣмъ послѣдніе побѣдили и добились осужденія и заточенія главнѣйшихъ изъ „заволжскихъ старцевъ“. Вассіанъ былъ заточенъ въ одинъ изъ іосифлянскихъ монастырей, гдѣ его „уморища вскорѣ“. Преслѣдованія сблизили „старцевъ“ съ сторонниками удѣльно-вѣчевого строя и даже еретиками.

[2]) Въ молодые годы Нилъ Сорскій жилъ въ одномъ изъ монастырей на Аѳонѣ, гдѣ тогда очень былъ развитъ мистицизмъ. Его называли „начальникомъ въ велицей Россіи скитскаго безмолвнаго житія“.

имъ послѣдователямъ Нилъ напоминалъ слова святыхъ отцовъ: «еже усты точію (устами только) моляйся, а о умѣ небрегій, сей воздуху молится, Богъ бо уму внимаетъ». И самъ Нилъ Сорскій, и «заволжскіе старцы» рѣшительно возставали противъ казней еретиковъ и противъ монастырскихъ имѣній, во имя гуманности и требованій возвышеннаго аскетизма. Одинъ изъ «старцевъ», Вассіанъ Патрикѣевъ, указывалъ на несоотвѣтствіе даваемыхъ монахами обѣтовъ нищеты, милостыни и братолюбія—и рабовладѣльчества, взиманія доходовъ съ пожертвованныхъ имѣній. Іосифа Санина онъ называлъ «законопреступникомъ», «учителемъ беззаконія» и «человѣконенавистникомъ». Еретиковъ нужно усовѣщать и убѣждать, а не казнить: «Намъ въ новѣй благодати яви Владыко Христосъ любовный соузъ, яже не осуждати брату о томъ, но единому Богу судити согрѣшенія человѣческая, рече: не судите, не осуждени будете» [1]).

Борьба между «іосифлянами» и «заволжскими старцами», начавшаяся въ XV вѣкѣ, переходитъ и въ XVI вѣкъ, когда восторжествовавшіе «іосифляне» заняли всѣ наиболѣе вліятельныя мѣста въ русской церкви и выдвинули такихъ выдающихся и энергичныхъ дѣятелей, какъ митрополиты Даніилъ и Макарій.

«Хожденіе» Аѳанасія Никитина.

Изъ произведеній XV в. особнякомъ стоитъ „Хожденіе за три моря“ тверского купца Аѳанасія Никитина (въ 1466—1472 гг.). Свое путешествія „за три моря“ (Каспійское, Индійское и Черное) онъ совершилъ случайно. Въ 1466 г. въ Москву привезли подарки великому князю послы отъ владѣтеля Шемахи. Иванъ III отправилъ въ Шемаху посольство съ дарами, съ которымъ рѣшилъ поѣхать и Никитинъ, чтобы завести торговыя сношенія съ Персіей. По дорогѣ Никитина ограбили татары. Не желая возвращаться домой съ пустыми руками, онъ отправился черезъ Дербентъ и Баку въ Персію и Индію. Пробывъ тамъ 6 лѣтъ, онъ вернулся на родину и умеръ въ Смоленскѣ въ 1472 г. Послѣ него остались записки о путешествіи—„Хожденіе за три моря“.

Никитинъ даетъ очень обстоятельныя свѣдѣнія о природѣ Индіи, о наружности, вѣрѣ и бытѣ индусовъ. Сообщаетъ онъ и легендарные, фантастическіе разсказы о „князѣ обезьянскомъ“, который „ходитъ ратію своею“, о птицѣ гукукъ, которая „летаетъ ночи, а кличетъ гукукъ, а на которой хороминѣ сѣдитъ, то тутъ человѣкъ умретъ, а кто ея хочетъ убити, ино у нея изо рта огнь выйдетъ“, и пр.

Никитинъ былъ очень религіозенъ. На чужбинѣ его мучила невозможность соблюдать посты и отправлять праздники. Встосковавшись по родинѣ, онъ, „окаянный рабище“, „устремися умомъ поити на Русь“. Русь онъ горячо любитъ: „Русская земля—да сохранитъ ее Богъ.

[1]) Протестъ противъ Іосифа Волоцкаго по вопросу о казняхъ еретиковъ находится въ „Посланіи заволжскихъ старцевъ“, въ составленіи котораго главное участіе принималъ Вассіанъ Косой.

Боже сохрани ее! Въ этомъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной страны. Да устроится Русская земля!“

„Хожденіе“ Аѳанасія Никитина особенно интересно тѣмъ, что даетъ точныя свѣдѣнія объ Индіи до открытія морского пути въ нее Васко-де-Гамой (въ 1498 г.). Авторъ его отличался умомъ, наблюдательностью, широтою интересовъ. Онъ былъ, конечно, счастливымъ исключеніемъ среди тогдашняго тверского и вообще русскаго купечества, которое не отличалось въ тѣ времена ни знаніями, ни литературными и вообще умственными интересами. Его „Хожденіе“, для своего времени, вообще представляетъ замѣчательное явленіе.

XVI-й вѣкъ.

XVI вѣкъ въ русской исторіи былъ эпохой упорной внутренней борьбы между новыми идеалами *московской государственности* и старыми *удѣльно-вѣчевыми* порядками и традиціями. Растущая власть московскихъ князей, объединившихъ подъ своимъ скипетромъ всѣ русскія области (за исключеніемъ западныхъ, отошедшихъ къ Литвѣ), вызвала недовольство со стороны «княжатъ», потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей, утратившихъ свои владѣнія, но сохранившихъ свои политическія притязанія, требовавшихъ для себя участія въ управленіи государствомъ. Борясь за начала единодержавія и стремясь къ полной государственной централизаціи, московское правительство опиралось на значительную часть русскаго духовенства, на такъ назыв. «іосифлянъ», т.-е. послѣдователей Іосифа Волоцкаго. Напротивъ того, сторонники старыхъ порядковъ и противники московскихъ «новшествъ» находили себѣ защитниковъ среди послѣдователей «заволжскихъ старцевъ» и ихъ единомышленниковъ.

Другое важное явленіе русской жизни XVI вѣка заключается въ постепенномъ усиленіи *западнаго вліянія*. Значительную роль въ распространеніи его въ Москвѣ сыграло присоединеніе къ ней Новгорода, въ которомъ это вліяніе всегда было очень значительно. Съ другой стороны, усиленію его способствовало и само московское правительство, вызывавшее для своихъ нуждъ разныхъ свѣдущихъ людей и спеціалистовъ: офицеровъ, докторовъ, архитекторовъ, инженеровъ и т. д. Въ серединѣ XVI в. въ Москвѣ уже выросла обширная «Нѣмецкая слобода», переполненная купцами, ремесленниками, военными. Близкое сосѣдство иноземцевъ и постоянныя сношенія съ ними, конечно, не могли остаться безъ вліянія на московское общество. Ревнители старины съ тревогой смотрѣли на это возрастающее вліяніе, въ которомъ они, главнымъ образомъ, видѣли серьезную опасность для «древляго благочестія», для чистоты вѣры, и старались всѣми мѣрами противодѣйствовать потоку новыхъ идей и обычаевъ, шедшему съ иновѣрнаго Запада.

Вся эта идейная борьба и идейное броженіе нашли себѣ яркое от-

Поздній уставъ (XVI в.) изъ Четвероевангелія 1507 года.

раженіе и въ современной литературѣ, получающей рѣзко выраженный *полемическій* характеръ. Въ этой полемикѣ приняли дѣятельное участіе не только свѣтскіе, но и духовные наши писатели того времени.

Преп. Максимъ Грекъ

Изъ духовныхъ дѣятелей XVI вѣка наиболѣе важное значеніе имѣли *преподобный Максимъ Грекъ*, близкій по своимъ взглядамъ къ «заволжскимъ старцамъ», и *московскій митрополитъ Макарій*, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей іосифлянства.

Преп. Максимъ Грекъ: по рукописи его сочиненій, принадлежащей Казан. духовной академіи (первый по времени портретъ русскаго писателя).

Родомъ албанскій грекъ [1]), преподобный Максимъ получилъ образованіе въ Италіи, въ расцвѣтъ эпохи Возрожденія и гуманизма, гдѣ имѣлъ возможность познакомиться съ классическими языками и литературами и близко приглядѣться къ духу новаго итальянскаго просвѣщенія. Его оттолкнули отъ себя очень распространенное тогда увлеченіе астрологіей, античной миѳологіей и пониженіе общаго нравственнаго и религіознаго уровня. Широта умственнаго кругозора соединялась въ немъ съ силой и глубиной религіознаго чувства; ему былъ ближе по духу суровый флорентійскій проповѣдникъ аскетизма Савонаролла, чѣмъ блестящіе, просвѣщенные, но мало религіозные итальянскіе гуманисты.

Его дѣятельность.

Въ 1518 г. его пригласили въ Москву (съ Аѳона) для разбора великокняжеской библіотеки и перевода греческихъ книгъ на славянскій языкъ: знающихъ греческій языкъ на Руси не было, и

[1]) Онъ родился около 1480 г., умеръ въ 1556 г.

пришлось обратиться за помощью къ единовѣрнымъ грекамъ. Не зная вначалѣ славянскаго языка, онъ переводилъ толмачамъ съ греческаго на латинскій, а тѣ уже передавали его переводъ по-славянски, что и привело къ нѣкоторымъ ошибкамъ и недоразумѣніямъ, которыя позднѣе были поставлены ему въ вину. Такъ были переведены имъ толкованія на Псалтырь, Дѣянія апостольскія, Бесѣды Іоанна Златоуста и др. Обжившись въ Москвѣ, Максимъ Грекъ не могъ ограничиться ролью переводчика. Кипѣвшая вокругъ него борьба втягивала постепенно и его. Онъ отрицательно отнесся ко многимъ взглядамъ іосифлянъ (въ особенности по вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ) и поддерживалъ своимъ авторитетомъ нѣкоторыхъ изъ «заволжскихъ старцевъ». Въ его келіи часто сходились люди, искавшіе просвѣщеннаго совѣта и иногда примыкавшіе къ опальнымъ кругамъ московскаго общества. Самъ Максимъ Грекъ не хотѣлъ и не могъ скрывать порицанія многимъ московскимъ обычаямъ и взглядамъ, иногда рѣзко выступалъ противъ нихъ. Когда великій князь Василій Ивановичъ рѣшилъ развестись со своей женой и насильственно заточить ее въ монастырь, преподобный отнесся къ этому съ рѣшительнымъ осужденіемъ. Все это вооружило противъ него великаго князя и іосифлянское духовенство. Соборъ 1525 года обвинилъ его въ умышленной порчѣ текста священныхъ книгъ и заточилъ его въ монастырь. Не разъ онъ просилъ отпустить его на родину, но ему отвѣчали: «человѣкъ ты разумный, увѣдалъ наше доброе и лихое, и когда пойдешь изъ Руси, то все разскажешь». Его переводили изъ одного монастыря въ другой, то ухудшали, то смягчали темничное заточеніе, но свободы онъ не получилъ до самой смерти.

Сочиненія Максима Грека.

Многочисленныя сочиненія Максима Грека можно раздѣлить на три группы: 1) труды по вопросу объ исправленіи книгъ, 2) полемическіе труды и 3) труды по религіознымъ, нравственнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Исправленіе книгъ сталкивало преподобнаго съ русскими книжниками—«добропискцами», которые «по чернилу бо точію (только) преходили, силы же (смысла) написаннаго не разумѣли». Онъ указывалъ на «многую грубость и нерадѣніе переписующихъ, ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ и хитрости грамматикійстѣй». Ему приходилось оправдываться отъ обвиненій въ умышленной порчѣ священныхъ книгъ и даже ереси, доказывать, что въ русскихъ книгахъ много ошибокъ, допущенныхъ древними неопытными переводчиками, невѣжественными переписчиками и «справщиками».

Полемическіе труды преп. Максима направлены противъ ереси

«жидовствующихъ», противъ Николая Нѣмчина (медикъ, врачъ вел. кн. Василія III), проповѣдывавшаго у насъ католицизмъ и соединеніе церквей,—противъ увлеченія астрологіей, гадательными книгами, противъ суевѣрій, апокрифовъ и пр. Выступаетъ онъ и противъ неправосудія, лихоимства, нарушенія монашескихъ обѣтовъ, внѣшняго обрядоваго благочестія, богатства монастырей и пр.

Сознавая умственную отсталость Москвы, Максимъ Грекъ вмѣстѣ съ тѣмъ боится вліянія Запада на православіе, боится «внѣшнихъ учительствъ» и «земской мудрости» латинянъ. Онъ выступаетъ не только противъ астрологическихъ книгъ, но и противъ переводнаго «Луцидаріуса», который проводитъ новые взгляды на природу. Какъ аскетъ, онъ мало интересовался наукой и отрицательно относился къ излишней пытливости ума. Подобно многимъ изъ современниковъ, онъ былъ убѣжденъ, что «Антихристъ не зѣло далече есть, но при дверехъ уже стоитъ», въ скоромъ времени ждалъ «втораго страшнаго на земли Спаса Христа пришествія». Но все же, по своему умственному кругозору, онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ русскихъ современниковъ и много сдѣлалъ для просвѣщенія своей новой родины.

Митрополитъ Макарій.

Митрополитъ Макарій [1]) по своимъ взглядамъ тѣсно примыкалъ къ «іосифлянамъ», но отличался отъ нихъ своею сдержанностью и мягкостью, никогда ни прибѣгалъ къ грубымъ и рѣзкимъ нападкамъ на своихъ противниковъ. По его иниціативѣ была произведена канонизація русскихъ святыхъ, былъ принятъ Иваномъ Грознымъ титулъ царя: Москва должна была сдѣлаться *царствомъ*, третьимъ Римомъ. Имъ были составлены Четьи-Минеи [2]) и передѣлана «Степенная книга» Пахомія Серба Логоѳета. Онъ же принималъ главное участіе въ Стоглавомъ Соборѣ 1551 г. Дѣянія этого Собора были изложены въ «царскихъ вопросахъ и соборныхъ отвѣтахъ о многоразличныхъ церковныхъ чинехъ» (порядкахъ) и были

1) Митрополитомъ онъ былъ съ 1542 по годъ смерти (1563).

2) Великія *четьи—минеи*, т.-е. житія святыхъ, расположенныя въ календарномъ порядкѣ по мѣсяцамъ (*минеи*—отъ греч. μεη—мѣсяцъ) и предназначенныя для чтенія (*четьи*—отъ чести—читать), представляютъ собой громадный трудъ, обнимающій не только древне-русскую житійную литературу, но заключающій въ себѣ и другія духовныя произведенія нашихъ церковныхъ писателей: проповѣди, поученія, посланія и т. д. Задачей митр. Макарія было, по его собственнымъ словамъ, собрать воедино „всѣ святыя книги, кои въ русской землѣ обрѣтаются“ и такимъ образомъ какъ-бы подвести итоги всему, что до тѣхъ поръ было сдѣлано на Руси въ области духовной письменности. Однако при этомъ онъ не включилъ въ свой сборникъ тѣхъ церковныхъ писателей, взгляды которыхъ расходились съ его собственными „іосифлянскими“ воззрѣніями, каковы, напр., Нилъ Сорскій, Серапіонъ Владимірскій и нѣк. другіе.

Стоглавъ. раздѣлены на *сто* главъ. Главную цѣль Собора намѣтилъ Иванъ Грозный: «прежніе обычаи поисшатались, и въ самовластіи учинено по своимъ волямъ, и прежніе законы порушены»; нужно «утвердить древнее преданіе христіанской истинной нашей вѣры».

Отцы Собора (большинство ихъ принадлежало къ «іосифлянамъ») выступаютъ противъ грубыхъ народныхъ суевѣрій, «злыхъ ересей» «Шестокрыла», «Воронокрая», «остроломіи», «зодія», «звѣздочета» (астрологическихъ книгъ), бритья бороды и усовъ («таковая нѣсть православныхъ, но поганыхъ латынская и еретическая преданія») и пр. Они понимаютъ недостатокъ на Руси образованія и даже простой грамотности: учителя (мастера) «сами мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ... а преже сего училища бывали въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новѣградѣ и по инымъ градамъ, многіе грамотѣ писати и чести (читать) учили, потому тогда и грамотѣ гораздыхъ было много»,—но думаютъ исправить это старыми средствами: «избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и дьяконовъ, и дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ во сердцѣ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати, и грамотѣ бы и чести и писати горазды», и заставить ихъ «учить своихъ учениковъ грамотѣ довольно... ничтоже скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе, а и здѣ отъ ихъ (учениковъ) родителей дары и почести пріемлюще по ихъ достоинству». Съ новымъ *западнымъ* просвѣщеніемъ они готовы бороться такъ же энергично, какъ и съ языческими народными суевѣріями и съ «таѳьями безбожнаго Махмета»—заимствованными у татаръ шапочками, которыя русскіе бояре не снимали тогда даже въ церкви.

Введеніе книгопечатанія въ Москвѣ. Съ именемъ митрополита Макарія и царя Ивана Грознаго связано открытіе *первой русской типографіи* (въ 1553 г., первая книга, Апостолъ, была напечатана въ 1564 г.) [1]).

Наше книгопечатаніе было вызвано *церковными* потребностями—неисправностью и разногласіемъ богослужебныхъ книгъ: нужно было, чтобы «впредь святыя книги изложилися праведнѣ». Митрополитъ Макарій съ радостью благословилъ начало книгопечатанія, слѣдилъ

---

1) Первая попытка печатанія русскихъ книгъ относится къ концу XV в., къ княженію Ивана III. Для него печаталъ книги „Любскій (Любекскій) печатникъ“ Вареоломей Готанъ, перешедшій на русскую службу. Отъ него научились типографскому дѣлу, повидимому, и русскіе. Недавно были найдены русскія книги, предшествовавшія Апостолу нашихъ „первопечатниковъ“ Ивана Ѳедорова и Петра Мстиславца. Предполагаютъ, что они могли научиться типографскому дѣлу у учениковъ Готана. Въ ихъ изданіяхъ замѣтно сильное вліяніе итальянскаго типографскаго искусства. Вся наша типографская старинная терминологія—итальянскаго происхожденія. Одновременно съ книгопечатаніемъ появилось у насъ и печатаніе гравюръ—заставокъ, концовокъ, заглавныхъ буквъ и ли-

Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ,
о Ѳеофиле. о нихже начатъ Іс, тво
рити же и учити. до негоже дне,
заповѣдавъ апломъ Дхомъ Стымъ,
ихже избра вознесеся. пред нимиже
и постави себе жива по страданіи
своемъ. во многихъ истинныхъ знаме
ніихъ. дньми четыридесятьми явля
яся имъ и глаголя яже о црствіи Бжіи. сни
миже ядый, повелѣваше имъ от Іерусали
ма не отлучатися. но ждати обѣтованіе

Зача а

Первопечатный „Апостолъ“ Ивана Ѳедорова (1564).

за устройствомъ печатнаго двора, но не дожилъ до выхода въ свѣтъ «первопечатнаго» Апостола. При жизни Макарія «первопечатники» Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ пользовались поддержкой святителя; съ его смертью они подверглись преслѣдованіямъ невѣжественныхъ людей, главнымъ образомъ «справщиковъ» рукописныхъ книгъ, и должны были бѣжать въ юго-западную Русь, гдѣ продолжали заниматься типографскимъ дѣломъ.

Отраженіе политической борьбы въ литературѣ.

Борьба московскаго самодержавія съ удѣльно-вѣчевыми преданіями отразилась въ рядѣ памятниковъ, какъ духовной, такъ и свѣтской литературы. Наиболѣе важны изъ нихъ — «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ», «Сказанія» Ивана Пересвѣтова и сочиненія Ивана Грознаго и князя Андрея Курбскаго.

Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ.

„Бесѣда Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ“—полемическое сочиненіе начала XVI в., главнымъ образомъ направленное противъ „іосифлянъ“. Оно вышло изъ среды „заволжскихъ старцевъ“ и бояръ, которымъ были ненавистны новые порядки. Съ негодованіемъ говоритъ оно объ „обмірщеніи“ русскаго монашества, объ его стремленіи къ расширенію монастырскихъ земельныхъ владѣній и вліянія на государственныя дѣла: „Отъ бѣса противо новыя благодати новая ересь, что инокомъ волости со христіаны (съ крестьянами) владѣти и міръ имъ судити... и изъ міру всякіе царскіе доходы, аки царемъ и прочимъ мірскимъ властемъ, инокомъ собирати и міръ слезити“. „А вотчинъ и волостей со христіаны отнюдь инокомъ не подобаетъ давати; то есть инокомъ душевредно, что мірскими суетами мястися“. „Не съ иноки Господь повелѣлъ царемъ царство и грады и волости держати и волость (власть) имѣти,—съ князи и съ боляры и съ прочими съ міряны, а не съ иноки“, которымъ не подобаетъ „мірскими слезами кормитися“.

Къ „Бесѣдѣ“ въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлены „Ино сказаніе“, съ предложеніемъ погоднаго при царѣ „единомысленнаго вселенскаго совѣта“ „отъ всякихъ мѣръ всякихъ людей“ (земскій соборъ) [1]), и

цевыхъ изображеній. Въ 1517—1519 гг. въ Прагѣ русскія книги печатались Франциском Скориной, ученымъ, типографщикомъ и переводчикомъ Библіи на русскій языкъ. Его изданія распространялись почти исключительно въ Юго-Западной и Западной Руси, въ Московскую же Русь попадали рѣдко. До начала XVIII в., до Петровской эпохи, у насъ печатались только церковныя книги и такія оффиціальныя изданія, какъ „Уложеніе“ царя Алексѣя Михайловича, вся же остальная *свѣтская* литература продолжала оставаться *рукописной*.

1) Этотъ совѣтъ царь долженъ „воздвигнуть отъ всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ“, „безпрестанно всегда держать при себѣ... и на всякъ день добрѣ, добрѣ распросити“. „Таковою царскою мудростью... вѣдомо будетъ царю самому про все всегда самодержство его“; имъ онъ „можетъ скрѣпить (удержать) отъ грѣха власти и воеводы своя и приказныя люди своя и приближенныхъ своихъ воеводъ и воиновъ—отъ поминка и отъ посула (взятокъ) и отъ всякія неправды, и сохранить ихъ отъ многихъ безчисленныхъ властелинныхъ грѣховъ,—отъ льстивыхъ льстецовъ, отъ обавниковъ (клеветниковъ)“.

„Извѣтъ (совѣтъ) преподобнаго отца нашего Іосифа Волоколамскаго, новаго чудотворца, Осипова монастыря, повелѣніемъ Вышняго, къ московскимъ великимъ княземъ, какъ имъ одолѣти удѣльныхъ великихъ русскихъ князей и попрати враговъ своихъ, исправити въ радость съ міромъ себя и войско свое, соединити въ благоденство подъ себя вся Русская земля и распространити всюду и всюду". Въ этихъ полемическихъ сочиненіяхъ характерны и содержаніе, и форма: борьба за удѣльныя преданія и противъ нихъ облекалась въ форму вымышленныхъ бесѣдъ наиболѣе популярныхъ духовныхъ дѣятелей, уже ушедшихъ отъ „мятежнаго земного житія".

Сочиненія Ивана Перевѣтова.

Въ качествѣ сторонника царскаго единовластія и противника удѣльно-княжескихъ традицій и боярскихъ притязаній выступилъ *Иванъ Переевѣтовъ*, написавшій нѣсколько сочиненій политическаго содержанія („сказанія" о царѣ Константинѣ, о Мехметѣ-салтанѣ, волосскомъ воеводѣ Петрѣ, и двѣ „челобитныя"). Въ нихъ онъ рѣзко нападаетъ на бояръ, которые только „оскужаютъ" царство и отнимаютъ у царя мудрость. Царская *самодержавная* власть должна опираться на *служилое дворянство*, „*воинство*"; однако это служилое сословіе должно обладать извѣстными правами и личной свободой. Вообще государство не можетъ быть основано на порабощеніи гражданъ: „которая земля порабощена, въ той землѣ все зло сотворяется: і татба (воровство) и разбой і обида і всему царству оскуженіе", „въ которомъ царствѣ люди порабощенны, і въ томъ царствѣ люди не храбры і къ бою противъ недруга не смѣлы: порабощенный бо человѣкъ срама не боится, а чести себѣ не добываетъ, хотя силенъ іли не силенъ, а речетъ такъ: однако есми холопъ, іного мнѣ имени не прибудетъ".

Князь Курбскій.

Въ лицѣ Грознаго и князя Курбскаго всего рѣзче столкнулись два противоположныхъ міроззрѣнія: московская самодержавная власть и удѣльныя боярскія преданія. Князь Андрей Курбскій былъ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и храбрыхъ воеводъ царствованія Іоанна IV и особенно прославился при взятіи Казани. Всего болѣе онъ сочувствовалъ «избранной радѣ», партіи Сильвестра и Адашева, которая одно время управляла Русью. Когда «раду» постигла опала, положеніе Курбскаго поколебалось. Царь не довѣрялъ ему и готовъ былъ воспользоваться малѣйшей его оплошностью для кары. Большинство единомышленниковъ Курбскаго было казнено, заточено въ монастыри или сослано. Царь отправилъ его воеводой во время войны съ поляками на театръ военныхъ дѣйствій и настойчиво наказывалъ: «послужи мнѣ вѣрнѣ».

По винѣ одного изъ подначальныхъ воеводъ Курбскій проигралъ небольшое сраженіе. Чувствуя, что это можетъ послужить поводомъ къ опалѣ, онъ бѣжалъ къ полякамъ, поселился на Волыни, гдѣ принялъ живое участіе въ борьбѣ православныхъ съ католиками, уніатами, протестантами и еретиками. Тамъ онъ изучалъ латинскій языкъ и южно-русскую письменность, перевелъ нѣсколько сочине-

ній свѣтскаго и духовнаго характера (разсужденіе по логикѣ о силлогизмѣ, сочиненія Іоанна Дамаскина и пр.) и вообще явился однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ ревнителей православія и просвѣщенія въ Литвѣ и на Волыни.

Исторія Ивана Грознаго.

Когда въ Польшѣ послѣ смерти Сигизмунда II зашла рѣчь объ избраніи на освободившійся престолъ Ивана Грознаго, Курбскій написалъ, для предупрежденія польско-литовскихъ избирателей, свою „Исторію великаго князя московскаго". Она является *новымъ видомъ* историографическаго творчества въ русской литературѣ, не лѣтописнымъ разсказомъ, а *личными* воспоминаніями, полемическими и пристрастными. Ея главная мысль заключается въ томъ, что Иванъ IV въ дѣтствѣ былъ склоненъ къ жестокости, исправился только подъ опекой хорошихъ совѣтниковъ, совершилъ много мудрыхъ дѣлъ и одержалъ много побѣдъ, но затѣмъ подчинился дурнымъ совѣтникамъ и далъ волю своей прирожденной склонности къ мучительству: „воскурилось гоненіе великое, и пожаръ лютости въ землѣ Русской воскурился". Курбскій вообще считаетъ Грознаго какъ бы игрушкой въ рукахъ хорошихъ и дурныхъ совѣтниковъ, отрицаетъ у него всякую иниціативу и самостоятельность. Пристрастно относится онъ и къ царю, и къ боярамъ, обвиняя во всемъ и принижая перваго и всячески защищая и возвеличивая послѣднихъ. Многое онъ истолковываетъ совершенно произвольно и вообще мало заботится о достовѣрности и справедливости своего разсказа. Онъ намѣренно сгущаетъ краски, чтобы подорвать кандидатуру Грознаго на польско-литовскій престолъ, отпугнуть отъ него членовъ избирательнаго сейма [1]).

Переписка Ивана Грознаго съ кн. Курбскимъ.

Бѣгство Курбскаго въ Польшу привело къ возникновенію интересной переписки между нимъ и царемъ Иваномъ: изъ города Вольмара, куда онъ бѣжалъ послѣ проигранной битвы, Курбскій отправилъ со своимъ вѣрнымъ слугой Шибановымъ посланіе Грозному [2]). Они обмѣнялись нѣсколькими письмами, полными взаимныхъ упрековъ и обвиненій, очень характерныхъ для нихъ самихъ и для ихъ эпохи [3]). Первая «эпистолія» (письмо) Курбскаго была «писана къ Царю и Великому Князю Московскому прелютаго ради гоненія его». Въ концѣ онъ не безъ умысла подчеркнулъ: «писано въ Вольмерѣ (Вольмарѣ), градѣ Государя *моего* Августа Жигимонта (Сигизмунда) короля, отъ него же надѣюся много пожалованъ и утѣшенъ быти ото всѣхъ скорбей моихъ, милостью его государскою, паче же Богу ми помогающу». Въ этомъ посланіи онъ оправдываетъ свое бѣгство

---

[1]) Отъ лѣтописей „Исторія" отличается попытками Курбскаго установить *причинную* связь между событіями и дѣйствіями Грознаго (историческій *прагматизмъ*).

[2]) Оно послужило темой для баллады гр. А. К. Толстого „Василій Шибановъ".

[3]) Переписка, продолжалась нѣсколько лѣтъ; она состоитъ изъ 4 писемъ Курбскаго и 2-хъ Грознаго; первое письмо относится къ 1564 г.

въ Польшу, считая его естественнымъ и законнымъ поступкомъ, основаннымъ на древнемъ правѣ «отъѣзда» и вызваннымъ жестокостями и несправедливостями царя. Курбскій укоряетъ Іоанна въ перемѣнѣ нрава: прежнему царю, какимъ онъ былъ въ первые годы царствованія, «царю, отъ Бога препрославленному», онъ противопоставляетъ теперешняго мучителя, «совѣсть прокаженну» имущаго.

Упреки Курбскаго.

Болѣе всего вмѣняетъ Курбскій въ вину Грозному казни и опалы бояръ, ревностно служившихъ ему, доставившихъ ему громкую славу своими побѣдами: «про что, царю, сильныхъ во Израили побилъ еси? и воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ во церквахъ Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси? и на доброхотныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя мученія, и гоненія, и смерти умыслилъ еси?.. Избіенные тобою, у престола Господня стояще, отомщенія на тя просятъ; заточенные же и прогнанные отъ тебя безъ правды отъ земли къ Богу вопіемъ день и нощь». Не казнить своихъ сотрудниковъ и помощниковъ долженъ царь, а любить ихъ, «какъ члены своего тѣла», и прибѣгать къ ихъ совѣтамъ въ государственномъ строеніи. «Царь добрыми совѣтники, яко градъ претвердыми столпы, утвержденъ. Любяй совѣтъ, хранитъ свою душу, а не любяй его, совсѣмъ исчезнетъ».

Возраженія Іоанна.

Іоаннъ отвѣчалъ на первое письмо Курбскаго пространнымъ посланіемъ, въ которомъ возражалъ противъ его упрековъ и отстаивалъ свое право казнить непокорныхъ бояръ, ссылаясь на свою *самодержавную* власть, которую онъ считаетъ *изначальной* [1]), данной отъ Бога: дѣлиться ею съ боярами онъ не въ правѣ. Боярское правленіе во время его дѣтства было гибельно для Руси. Бояре всю жизнь причиняли ему зло: они захватили въ свои руки данную ему Богомъ державу, своими соблазнами и измѣнами толкали его на грѣхи. «Или убо сіе свѣтло попу (Сильвестру) и прегордымъ рабомъ (боярамъ) владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтену быти, властію же ничимъ же лучши быти раба?.. Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?» «Земля правится... государи своими, а не судьями и воеводы». «А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны же есмя». Курбскій говоритъ объ его «прокаженной совѣсти»; Грозный ему возражаетъ: «это ли совѣсть прокаженная, чтобы царство свое въ своей рукѣ дер-

---

[1]) „Самодержавства нашего начало отъ святаго Владимира. Мы родились и выросли на царствѣ,—своимъ обладаемъ, а не чужое похитили. Русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не съ боярами и вельможами".

жать, а рабамъ не давать властвовать?.. Это ли противно разуму—не хотѣть быть обладаему своими рабами?.. Это ли правосудіе пресвѣтлое—быть подъ властью рабовъ?» «Только бъ есте на меня съ попомъ не стали, ино бъ того (мучительствъ) ничего не было: все то учинилося отъ вашего самовольства... И язъ (я) такія досады стерпѣти не могъ: *за себя есмь сталъ*».

Характерныя черты Грознаго, какъ писателя.

«Посланія» Іоанна написаны съ большой силой и проникнуты страстнымъ негодованіемъ противъ бояръ за ихъ предполагаемую «измѣну» и непоколебимой вѣрой въ свои царственныя права. При этомъ Грозный показалъ себя и незаурядным писателемъ: хотя его «Посланія» не отличаются внѣшнимъ порядкомъ, изобилуютъ отступленіями и повтореніями [1]), но зато въ нихъ много ѣдкой иронiи, остроумія и тонкаго умѣнья использовать всякую ошибку противника, выдвинуть противъ него вѣскіе аргументы и соображенія. Онъ ставитъ, напр., Курбскому на видъ, что, перейдя на службу въ Польшу, онъ, въ случаѣ войны съ Русью, долженъ будетъ дѣйствовать противъ своей родины—разорять церкви, попирать иконы, губить христіанъ, давить конскими копытами младенцевъ. Если онъ праведенъ, то почему не захотѣлъ пострадать отъ царя-мучителя и заслужить такимъ образомъ Царство небесное? Въ примѣръ бѣглецу онъ ставитъ его вѣрнаго раба Шибанова, который мужественно пострадалъ за своего господина. Курбскій писалъ царю о томъ, что онъ не увидитъ его лица до Страшнаго Суда; Грозный ему отвѣчаетъ на это: «кто жъ убо восхощетъ такова ѳеіопскаго лица видѣти?» [2]).

[1]) Курбскій во второмъ своемъ письмѣ къ царю высмѣиваетъ литературные пріемы Іоанна, усвоенные имъ отъ писателей — „іосифлянъ“, очень любившихъ искусственное „плетеніе словъ“, всевозможныя отступленія и длинныя цитаты. Онъ называетъ посланіе Іоанна „широковѣщательнымъ“ и „многошумящимъ“, говоритъ, что царь не умѣетъ „въ короткихъ словахъ замыкать многій разумъ“, но „со многой яростью и лютостью хватаетъ отъ многихъ священныхъ книгъ, не строками и не стихами, какъ свойственно искуснымъ и ученымъ людямъ, а цѣлыми книгами, паремьями и посланіями“, приводитъ безчисленныя „яко бы неистовыхъ бабъ басни“. Курбскій находитъ, что Іоанну слѣдовало бы постыдиться посылать такія неискусныя посланія въ образованную землю.

[2]) Кромѣ двухъ писемъ къ кн. Курбскому, Іоанну Грозному принадлежитъ еще „Посланіе игумену Кирилло-бѣлозерскаго монастыря Козмѣ съ братіею“ (ок. 1578 г.). Оно написано по поводу нѣсколькихъ опальныхъ бояръ (Шереметева и др.), постриженныхъ по приказу царя или постригшихся по собственному почину изъ страха его преслѣдованій. До Іоанна дошли слухи, что они въ Бѣлозерскомъ монастырѣ ведутъ совершенно свѣтскую жизнь, пируютъ, принимаютъ гостей и не повинуются своему духовному начальству. Въ назиданіе имъ царь написалъ свое „Посланіе“, исполненное ядовитыхъ сарказмовъ и иронiи и прекрасно обрисовывающее сложную и противорѣчивую личность Грознаго.

Изъ другихъ памятниковъ XVI вѣка особенное значеніе имѣетъ «Домострой» [1]). Онъ представляетъ много драгоцѣннаго матеріала для изученія жизни и быта русскихъ людей того времени, ихъ нравовъ и обычаевъ, общественныхъ и семейныхъ отношеній, даже многихъ мелочей и подробностей ихъ домашней жизни, хозяйства и обстановки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знакомитъ насъ съ религіозными, нравственными и политическими взглядами и понятіями, очень характерными для высшихъ, правящихъ сословій московскаго общества середины XVI вѣка. По своему общему характеру «Домострой» принадлежитъ къ числу *поучительныхъ*, дидактическихъ произведеній, очень популярныхъ въ древне-русской письменности: онъ стремится дать строгій и подробный «уставъ» частной и семейной жизни, точно регулировать всѣ ея стороны и отношенія. Однако тотъ *идеалъ* жизни, «домашняго строя», который онъ рисуетъ, далеко не отличается возвышенностью: въ немъ много грубости, мелочности, узости; во всемъ замѣтно явное преобладаніе грубо понятыхъ матеріальныхъ и практическихъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи «Домострой», памятникъ XVI вѣка, стоитъ значительно ниже гораздо болѣе древняго «Поученія Владиміра Мономаха» (начало XII в.). Сравненіе обоихъ этихъ памятниковъ наглядно обнаруживаетъ общее пониженіе культурнаго уровня русской жизни, огрубѣніе нравовъ и понятій, происшедшее подъ вліяніемъ татарщины и другихъ неблагопріятныхъ историческихъ условій русской жизни. Домострой

«Домострой» состоитъ изъ 63-хъ главъ. Первая, вступительная, заключаетъ «наказаніе отъ отца къ сыну» и вкратцѣ поучаетъ «быти во всякомъ христіанскомъ законѣ», «во всякомъ страсѣ Божіи», наставлять жену и домочадцевъ «ни нужею (принужденіемъ), Его составъ.

[1]) Нѣкоторые его списки имѣютъ такое заглавіе: „книга, глаголемая Домострой, имать въ себѣ вещи, зѣло полезны во ученіе и наказаніе всякому христіанину, мужу и женѣ, чадомъ и рабомъ и рабынямъ“. Вопросъ о времени его составленія и составителѣ до сихъ поръ споренъ. „Домострой“ дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ: пространной и краткой; къ послѣдней приложено особое „Посланіе и наказаніе отца къ сыну“, принадлежащее знаменитому духовнику Ивана Грознаго Сильвестру. Среди современныхъ ученыхъ преобладаетъ мнѣніе, что краткая редакція „Домостроя“ древнѣе пространной, которая распространила и *обезличила*, стерла черты краткой редакціи, указывавшія на время и условія составленія этого памятника и на личность его составителя. Раньше думали, что часть „Домостроя“: о „мірскомъ строеніи“, была составлена въ Новгородѣ въ XV в., что онъ вообще составился посредствомъ *послѣдовательныхъ постепенныхъ сводовъ* въ Москвѣ въ началѣ и въ половинѣ XVI в., но теперь эти мнѣнія сильно поколеблены (въ особенности послѣ изслѣдованій проф. Михайлова). Вопросъ объ источникахъ „Домостроя“ пока еще мало выясненъ. Возникновеніе краткой редакціи пріурочиваютъ къ 50-мъ годамъ XVI в.; пространная явилась позднѣе, въ концѣ этого вѣка.

ни ранами, ни работою тяжкою». Писаніе это дано имъ «на память и вразумленіе». Если они не будутъ слѣдовать его предписаніямъ, то сами отвѣтятъ передъ Богомъ на Страшномъ Судѣ; составитель «наказанія», какъ отецъ, исполнившій свои обязанности, указавшій вѣрные пути жизни, не будетъ причастенъ ихъ грѣху. Первыя 15 главъ «Домостроя» говорятъ о «духовномъ строеніи», обязанностяхъ религіозныхъ, нравственныхъ и гражданскихъ, главы 16—29 о «мірскомъ строеніи», семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ; главы 30—63 — о «домовномъ строеніи», о веденіи хозяйства [1]). Въ нѣкоторыхъ спискахъ «Домостроя» прибавлена еще 64-я глава: «посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну» Сильвестра (для его сына Анѳима съ женой его и домочадцами). Оно вкратцѣ излагаетъ основныя поученія «Домостроя» и называется «Малымъ Домостроемъ».

Религіозныя наставленія Домостроя.

Религіозныя наставленія «Домостроя» отличаются приверженностью къ «буквѣ благодатнаго закона» и составлены въ духѣ строгаго *„обрядоваго благочестія“*. О *внутреннемъ* смыслѣ вѣры они говорятъ мало, коротко, обыкновенно *дословно* повторяя ученіе Церкви [2]); зато вопросы объ обрядахъ разработаны обстоятельно, любовно и своеобразно. Коротко сказано о томъ, что передъ причащеніемъ, цѣлованіемъ св. креста и мощей нужно «пріочистить себя духовно», зато очень подробно указано, какъ при этомъ нужно себя держать: «по моленіи, перекрестяся, поцѣловати, духъ въ себѣ удержавъ, а губъ не разѣваючи», «губами не сверкати, руцѣ имѣти къ персемъ согбены крестообразно», «зубами просфиры не кусати, якоже прочій хлѣбъ; уломываючи не велики кусочки, класти въ ротъ, ѣсти губами и ртомъ не чавкати, съ опасеніемъ ѣсти».

«Святительскому, священническому и монашескому чину» нужно повиноваться «по Бозѣ», «велію вѣру и любовь и всякое покореніе предъ ними имѣти», «духовную пользу отъ нихъ внимати», ибо они «слуги и молебники Небеснаго Царя».

Отношеніе къ властямъ и согражданамъ.

Представителей свѣтской власти нужно чтить, во всемъ имъ повиноваться «съ покореніемъ». «Царю и князю и всякому вельможѣ не пещися служити лжею и клеветою, и лукавствомъ: погубитъ

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи дѣлятъ содержаніе „Домостроя“ на пять отдѣловъ: 1) правила вѣры, 2) правила относительно почитанія царя и свѣтской власти, 3) отношенія къ представителямъ духовной власти, 4) общія житейскія правила, 5) хозяйственныя, экономическія указанія.

[2]) Добавленія отъ себя иногда указываютъ на непониманіе *духа* христіанства: напр., „возлюби всякаго человѣка по образу Божію созданна, рекше (то-есть) всякаго *христіанина*“. Христіанами считали тогда у насъ только православныхъ.

Господь вся глаголющая лжу, а шепотники и клеветники отъ народа прокляти суть» [1]). Съ людьми должно вообще вести себя такъ, чтобы не только не навлечь на себя ненависти и непріятностей, но вызвать у всѣхъ къ себѣ расположеніе. Ради этого «Домострой» совѣтуетъ даже быть угодливымъ и уклончивымъ. «Аще людемъ твоимъ (т.-е. слугамъ) случится съ кѣмъ брань гдѣ-нибудь, и ты на своихъ брани; а кручиновато дѣло, то и ударь, хотя и правъ твой: тѣмъ брани утолиши, такъ же убытокъ и вражды не будетъ». «Разсудительный слуга, гдѣ слышавъ брань—миръ скажетъ, а гдѣ слышавъ вражду—любовь скажетъ, а гдѣ клянутъ и лаютъ (бранятъ), и онъ похвалу и благодареніе повѣдаетъ: и отъ таковыхъ слугъ промежъ добрыхъ людей любовь сводится и миръ вѣчный». Такая уклончивость, главнымъ образомъ, создавалась мрачными условіями русской жизни эпохи Грознаго, когда всякая ссора могла привести къ мести, доносамъ и гибели.

Правила семейной жизни по Домострою.

Глава семьи, отецъ и мужъ, является ея полновластнымъ господиномъ, «государемъ», отвѣтственнымъ за нее передъ Богомъ, людьми и властями. Ничего въ домѣ не должно совершаться безъ его вѣдома и согласія. Во всѣхъ сколько-нибудь сомнительныхъ случаяхъ всѣ обязаны обращаться къ его авторитету. Если кто нарушитъ его волю, онъ долженъ «раны возлагати» или «плетью постегать», «по винѣ смотря». При большой винѣ—«плеткою вѣжливенько (умѣючи) побить, за руку держа». Не слѣдуетъ бить чѣмъ попало и по чему попало—особенно по лицу («по видѣнію»—по глазамъ): отъ этого бываютъ большія несчастья. Всего лучше плетка: «и разумно, и больно, и страшно, и здорово». Бить нужно наединѣ, безъ гнѣва, затѣмъ—«примолвити да пожаловати».

Воспитаніе дѣтей.

Чтобы уничтожить въ дѣтяхъ прирожденное стремленіе къ грѣху, съ ними нужно быть очень строгимъ: «Казни сына твоего отъ

[1]) „Домострой“ тѣсно связываетъ *церковь*, *государство* и *семью*. Цѣль земной жизни—угожденіе Богу, которое главнымъ образомъ достигается точнымъ выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ. Люди путемъ личнаго совершенствованія не могутъ достигнуть идеала „жити по Бозѣ“. Для этого нужна извѣстная общественная и государственная организація, которая сдерживала бы людей и ихъ жизнь строго опредѣленными рамками. Такія рамки даетъ государство, которое въ лицѣ земного царя представляетъ видимый образъ невидимаго Бога. Царская власть—божественное установленіе; „царя бойся и служи ему вѣрою... яко Самому Богу, и во всемъ повинуйся ему“. Повиновеніе земной власти подготовляетъ къ служенію Богу: „аще земному царю правдою служиши и боишися его, тако научишися и Небеснаго царя боятися“. Задачи государства и церкви, по „Домострою“, совпадаютъ. Ихъ должна поддерживать и семья, какъ *государственное учрежденіе*. Главная цѣль семьи—воспитывать и утверждать всѣхъ ея членовъ, „чадъ и домочадцевъ“, въ идеалахъ церкви и государства.

юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди (впослѣдствіи) о немъ возвеселишися». «И не даждь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе (пока) растетъ, а, ожесточавъ, не повинетъ ти ся» (не будетъ тебѣ повиноваться). Чтобы не подорвать своего родительскаго авторитета, нельзя шутить съ ребенкомъ: «не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ослабиши, въ велицѣ поболиши (т.-е. будешь скорбѣть)».

Мальчиковъ нужно обучать ремесламъ, дѣвочекъ — рукодѣлію. Объ ученіи грамотѣ «Домострой» не говоритъ. Дочерямъ нужно понемногу скапливать «надѣлокъ», приданое: «прибавливати понемножку всегда, а не вдругъ: себѣ не въ досаду, а всего будетъ полно».

Положеніе женщины въ семьѣ.

Жена, «государыня», является вторымъ лицомъ въ семьѣ и завѣдуетъ домашнимъ хозяйствомъ, по общимъ указаніямъ мужа, обращаясь къ нему за совѣтомъ въ каждомъ сложномъ и отвѣтственномъ случаѣ. Она должна за всѣмъ приглядывать, раньше всѣхъ вставать и позднѣе всѣхъ ложиться. Въ гостяхъ она не должна пересуживать («и спросятъ о чемъ про кого иногда и учнутъ ума пытати, то отвѣщати: «не вѣдаю азъ ничего того, и не слыхала, и не знаю, и сама о ненадобномъ не спрашиваю»); разговаривать она можетъ только о рукодѣліяхъ, хозяйствѣ, христіанскомъ житіи; она можетъ принимать угощеніе, но не напиваться: «пьяный мужъ дурно, а пьяная жена—міру не пригоже».

Слуги, «домочадцы», входили тоже въ составъ семьи. На обязанности главы дома лежало обучать ихъ страху Божію и всякой добродѣтели. Они не должны «о людѣхъ переговаривати»: «гдѣ въ людѣхъ были и что видѣли не добро, того дома не сказывали бы, а что дома дѣлается, того бы въ людѣхъ не сказывали» [1]). Старыхъ слугъ «Домострой» предписываетъ кормить и содержать до смерти.

[1]) Все отъ нихъ нужно держать подъ замкомъ, чтобъ не было соблазна. „А куда пошлютъ слугъ въ добрые люди, у воротъ легонько поколотить; а по двору идешь, и кто спроситъ: „какимъ дѣломъ идешь?“—то того не сказывати, а отвѣчать: „Не къ тебѣ азъ посланъ. Къ кому азъ посланъ, съ тѣмъ то и говорить“. А у сѣней, или у избы, или у кельи и ноги грязныя отерти, носъ высморкати и да выкашлятися, да искусно молитва сотворити; а только „аминя“ не отдадутъ, ино въ другое и въ третіе молитва сотворити... Какъ впустятъ, и вшедъ, святымъ иконамъ поклоняться и отъ государя (хозяина) челобитье и посыла править; ино, въ ту пору, носа не копать перстомъ, ни кашлять, ни сморкать, ни харкати, ни плевати; аще ли нужно, отшедъ на сторону, устроиться“.

Хозяйство нужно вести очень экономно, «смѣтя животъ»: «по приходу и расходъ». Изъ всего нужно извлекать пользу; ничто не должно пропадать: «и остатки и обрѣзки живутъ, и тѣ остатки и обрѣзки ко всему пригожаются въ домовитомъ дѣлѣ». «Сколько прохлады (пользы) отъ одного барана». Покупать нужно только въ случаѣ крайней необходимости, оптомъ, а не врозницу, потому что тогда все обойдется дороже; лучше, чтобы «у добраго промысла, у совершеннаго разума все ся лучало (было, готовилось) дома». Вообще хозяйственныя наставленія Домостроя отличаются большой обстоятельностью; въ нихъ приводится много характерныхъ мелочей, по которымъ мы можемъ довольно полно представить себѣ общій укладъ домашней жизни того времени: устройство дома, его убранство, хозяйственный обиходъ и т. д. Домашнее хозяйство.

„Посланіе и наказаніе“ (наставленіе) или „Благословленіе отъ благовѣщенскаго попа Сильвестра возлюбленному единородному сыну Аѳеиму“ близко по своему содержанію и духу къ „Домострою“, вкратцѣ повторяетъ всѣ его основныя идеи. Только одна черта является въ немъ своеобразной и симпатичной—гуманное отношеніе къ крѣпостнымъ и дворовымъ. Сильвестръ пишетъ о себѣ: „работныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ; и ины окупихъ изъ работы (рабства), и на свободу попущахъ. И всѣ тѣ работные наши свободны, и добрыми домами живутъ, якоже видиши, и молятъ за ны Бога, а доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, Богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ“. Посланіе попа Селивестра.

Къ XVI и самому началу XVII в.в. относятся два замѣчательныхъ произведенія нашей назидательной и духовной литературы—*повѣсти о Петрѣ и Февроніи и о св. Іуліаніи Лазаревской* [1]).

Первая изъ нихъ отличается сказочнымъ характеромъ. Къ женѣ муромскаго князя Павла повадился летать змѣй, принимавшій видъ ея мужа. Княгиня, по совѣту Павла, выпытала у змѣя тайну его смерти. Онъ сказалъ ей: „смерть моя—отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча“. Петръ былъ братъ Павла, а чудесный Агриковъ мечъ находился въ алтарной стѣнѣ церкви Воздвиженскаго монастыря. Петръ досталъ этотъ мечъ, убилъ змѣя, но былъ забрызганъ его кровью и покрылся струпьями и язвами, отъ которыхъ не могъ вылѣчиться. Повѣсть о Петрѣ и Февроніи.

Узнавъ, что въ Рязанской землѣ искусные врачи, онъ велѣлъ везти себя туда. Посланный имъ отрокъ зашелъ по дорогѣ въ одинъ домъ крестьянина-бортника (пчеловода) и встрѣтилъ тамъ молодую дѣвицу Февронію, которая на всѣ вопросы отвѣчала однѣми загадками. Февро-

[1]) Первая была составлена въ XVI в. на основаніи древнихъ преданій (предполагаютъ, о муромскомъ князѣ XIII в. Давидѣ Юрьевичѣ и его супругѣ Евфросиніи) монахомъ Еразмомъ. Повѣсть о Іуліаніи Лазаревской (Осорьиной), умершей въ 1604 г. и въ 1614 г. причисленной къ лику святыхъ, была составлена въ началѣ XVII в. ея сыномъ Каллистратомъ Осорьинымъ.

нія обѣщала исцѣлить Петра подъ условіемъ, что онъ женится на ней Долго онъ колебался, испытывалъ ее, обѣщалъ и не исполнялъ обѣщанія, но затѣмъ убѣдился, что только Февронія можетъ исцѣлить его, исцѣлился и женился на ней. По настояніямъ своихъ женъ, муромскіе бояре стали уговаривать Петра, сдѣлавшагося послѣ смерти брата муромскимъ княземъ, отпустить жену, потому что она, какъ женщина низкаго происхожденія, не можетъ „государствовать“ надъ ними. Петръ настолько привязался къ своей мудрой и благочестивой женѣ, что рѣшился вмѣстѣ съ нею оставить Муромъ и отказаться отъ княжеской власти. Безпорядки въ Муромѣ заставили бояръ просить Петра и Февронію вернуться. До смерти затѣмъ ходили они „ во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіяхъ Господнихъ безпорочно, въ молитвахъ непрестанныхъ и милостыняхъ, и ко всѣмъ людямъ, подъ ихъ властію сущимъ, аки чадолюбивый отецъ и мати; бѣста бо ко всѣмъ любовь равну имуща [1]); не любляше гордости, ни грабленія, ни богатства тлѣннаго щадяще, но Богу богатѣюще; бѣста бо своему граду истинная пастыря, а не яко наемника, градъ свой истинною кротостію, а не яростію правяще, странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагія одѣвающе“. Въ старости они стали молить Бога, чтобы онъ послалъ имъ одновременную смерть. Однажды, когда Февронія вышивала лики святыхъ для церкви, Петръ прислалъ ей сказать, что онъ умираетъ. Февронія просила его подождать, пока она кончитъ работу. Петръ послалъ къ ней слугъ вторично. Тогда она оставила шитье и приказала сообщить мужу „о преставленіи купнемъ“. Скончались они одновременно и были погребены въ одномъ гробу. Дважды бояре разлучали ихъ тѣла, но они чудеснымъ образомъ опять соединялись. Тогда ихъ оставили въ покоѣ.

Повѣсть эта направлена противъ родовыхъ боярскихъ предразсудковъ и рисуетъ идеальный типъ княгини-крестьянки, нравственно воспитавшей своего мужа, благодаря своей мудрости и благочестію.

Повѣсть о св. Іуліаніи Лазаревской.

Еще болѣе возвышенный образъ идеальной женщины древней Руси даетъ повѣсть объ Іуліаніи Лазаревской.

Во дни благовѣрнаго царя Ивана Васильевича при его дворѣ жилъ благовѣрный нищелюбивый боярин Іустинъ. Дочь его Іуліанія съ дѣтства отличалась благочестіемъ, смиреніемъ и молчаливостью, любила предаваться молитвѣ и посту, несмотря на многія насмѣшки сестеръ и тетокъ. 16 лѣтъ ее выдали замужъ за „добророднаго“ и богатаго муромскаго боярина Георгія Осорьина. „Когда же мужъ ея пребывалъ въ царскихъ службахъ, лѣто или два, а иногда и три лѣта, въ то время она всѣ ночи безъ сна проводила, много Богу молилась, и не угасалъ свѣщникъ ея всю ночь. Прилежно локти свои на веретено утверждала и на пялечное (пяльцы) дѣло, и, продавая работу свою, раздавала нищимъ... Многую милостыню тайно отъ свекра и свекрови творила“. Несмотря на упреки мужа и его родителей, она заботливо и любовно относилась къ слугамъ и рабамъ, никогда не пользовалась ихъ услугами: „кто же я сама. убогая, что служатъ мнѣ такіе же люди, созданія Божія?“ Во время голода и мора она тайно кормила бѣдныхъ, ухаживала за больными, сама мыла ихъ въ банѣ. Послѣ смерти мужа и

[1]) „Бѣста имуща“—они имѣли (сложная форма прошед. врем., двойствен. числа).

его родителей, она все раздала нуждающимся, ходила зимой безъ теплой одежды, предавалась аскетическимъ подвигамъ. Въ концѣ жизни она дошла до полной нищеты и предложила рабамъ уйти на свободу; только часть ихъ ушла, остальные, во время страшнаго голода при Борисѣ Годуновѣ, вмѣстѣ съ нею питались хлѣбомъ изъ лебеды и древесной коры, который, по молитвамъ Іуліаніи, былъ сладокъ. Погребена она была въ селѣ Лазаревѣ, близъ Мурома, отъ чего и получила прозваніе „Лазаревской".

XVII вѣкъ: общая характеристика.

XVII вѣкъ былъ чрезвычайно важной переходной эпохой въ исторіи русскаго государства. Это былъ вѣкъ, подготовившій тѣ всеобъемлющія реформы, которыя были осуществлены въ царствованіе Петра Великаго. Необходимость этихъ реформъ стала сознаваться лучшими русскими людьми еще въ первую половину XVII вѣка. Главный недостатокъ, отъ котораго страдала русская жизнь того времени, было отсутствіе образованія, умственная отсталость, результатомъ которой были государственная слабость и экономическая бѣдность. Этотъ коренной недостатокъ древне-русской жизни явственно обнаружился въ эпоху Смутнаго времени, когда русская государственность едва не погибла подъ ударами враговъ. Послѣдствія «великой разрухи», какъ называли Смуту современники, чувствовались въ теченіе всего XVII вѣка.—Новоизбранной династіи приходилось почти заново строить разоренное государство, притомъ все время отбиваясь отъ напора внѣшнихъ враговъ, ведя продолжительныя и тяжелыя войны съ сосѣдями: съ Польшей, Швеціей, Турціей. Большинство этихъ войнъ окончилось неудачей: пораженіемъ русскихъ войскъ, потерей прежнихъ пріобрѣтеній. Всѣ эти внутреннія и внѣшнія осложненія требовали напряженія всѣхъ государственныхъ силъ; народъ былъ обремененъ налогами, всѣ сословія были прикрѣплены къ государственному тяглу, жизнь становилась чрезвычайно тяжелой. Отсюда—чувство глухого *недовольства* существующимъ положеніемъ и сознаніе необходимости такъ или иначе выйти изъ него. Это чувство недовольства сказывалось въ *критическомъ отношеніи* къ стародавнимъ порядкамъ, ко всему строю русской жизни, въ *сознаніи своей отсталости* и своего безсилія сравнительно съ Западной Европой. Это критическое отношеніе къ современной русской жизни и къ московскимъ порядкамъ нашло себѣ выраженіе и въ литературѣ, въ произведеніяхъ *Котошихина* и *Крижанича*.

Сознаніе своей отсталости неизбѣжно приводило къ убѣжденію въ необходимости учиться у передовыхъ, болѣе образованныхъ западныхъ народовъ. До сихъ поръ умственная жизнь русскаго народа руководилась началами и традиціями, заимствованными изъ Византіи, развивалась подъ сильнымъ греческимъ вліяніемъ; съ XVII вѣка

постепенно усиливается *западное вліяніе* [1]), въ слѣдующемъ вѣкѣ получающее рѣшительное преобладаніе. Въ исторіи отношеній Московской Руси къ европейскому Западу нужно различать два момента: въ теченіе большей части XVII вѣка западное вліяніе проникало въ Россію не непосредственно, а *черезъ посредство Польши* и *Малороссіи,* въ значительной степени усвоившей себѣ въ эту эпоху польскую культуру; и только въ царствованіе Петра Великаго русская жизнь подчиняется *непосредственному вліянію Западной Европы.*

Причина, почему русскіе люди XVII вѣка, сознавши свою умственную и матеріальную отсталость, не рѣшились сразу обратиться къ западно-европейскимъ цивилизованнымъ народамъ, заключалась главнымъ образомъ въ разницѣ религій, раздѣлявшей православный Востокъ отъ католическаго и протестантскаго Запада. Боялись, какъ бы заимствованія изъ еретическаго Запада не повредили «древлему благочестію», не внесли смуты въ религіозное сознаніе русскихъ людей. Поэтому, когда обнаружилась необходимость въ образованныхъ людяхъ, рѣшили обратиться за ними въ православный же Кіевъ, находившійся въ то время подъ властью Польши. Здѣсь еще въ началѣ XVII вѣка митрополитомъ Петромъ Могилою была основана духовная коллегія (впослѣдствіи—академія), устроенная по образцу польскихъ іезуитскихъ училищъ. Кіевскіе ученые были вызваны въ Москву прежде всего для труднаго и отвѣтственнаго дѣла исправленія церковныхъ и богослужебныхъ книгъ, испорченныхъ въ теченіе вѣковъ невѣжественными переписчиками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они принесли съ собой нѣкоторыя новшества, заимствованныя изъ Польши, напр., *театральныя представленія* (школьныя драмы) и *начатки искусственной поэзіи* (силлабическія вирши). — Усиленіе иностраннаго, западно-европейскаго, вліянія сказалось также въ появленіи многочисленныхъ переводныхъ *повѣстей* свѣтскаго содержанія, большая часть которыхъ проникала въ Москву также черезъ Польшу (Петръ Златые ключи, Мелюзина и т. д.). По образцу этихъ переводныхъ повѣстей возникаетъ въ концѣ XVII вѣка нѣсколько оригинальныхъ произведеній, съ чисто-русскимъ характеромъ (Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ и др.).

Котошихинъ. Критическое отношеніе къ русскимъ порядкамъ особенно ярко выступаетъ въ сочиненіи подьячаго Посольскаго приказа Григорія

---

[1]) Оно сказывалось еще въ XVI вѣкѣ, но не получило тогда такого руководящаго значенія, какое оно пріобрѣло впослѣдствіи, подъ вліяніемъ тяжелыхъ потрясеній, пережитыхъ Московскимъ государствомъ въ годину Смуты.

Котошихина, составленномъ имъ въ 1666—67 гг. и обыкновенно называемомъ «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» [1]).

Свѣдѣнія объ его жизни очень скудны. Онъ былъ сначала писцомъ, затѣмъ подьячимъ Посольскаго приказа. Способности настолько его выдвинули, что онъ получилъ доступъ къ наиболѣе секретнымъ документамъ Приказа, которые и выдавалъ за деньги шведскому послу. Въ 1664 г. его послали въ Смоленскъ для участія въ переговорахъ о мирѣ съ поляками. Боясь преслѣдованій воеводы, кн. Долгорукаго, который потребовалъ отъ него несправедливыхъ и опасныхъ доносовъ на своихъ предшественниковъ, и открытія измѣны, онъ бѣжалъ въ Польшу, затѣмъ въ Силезію и Швецію, гдѣ рѣшили использовать его знаніе Россіи. Для шведскаго правительства онъ составилъ подробную записку объ особенностяхъ русскаго политическаго и общественнаго быта. Въ 1667 г. онъ былъ казненъ за убійство своего хозяина въ пьяномъ видѣ. Онъ былъ выдающимся по уму и способностямъ человѣкомъ, но въ нравственномъ отношеніи стоялъ очень низко.

Сочиненіе „О Россіи“.

Сочиненіе Котошихина состоитъ изъ 13 главъ. Въ первой главѣ онъ излагаетъ вкратцѣ исторію московской Руси отъ Ивана Грознаго до Алексѣя Михайловича, говоритъ о вѣнчаніи царя Алексѣя, его женитьбѣ, жизни, воспитаніи царевичей и царевенъ и пр. [2]). Царевичей учатъ мало: «какъ приспѣетъ время учить того царевича грамотѣ, и въ учители выбираютъ учительныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ, а писать учить выбираютъ изъ посольскихъ подьячихъ, а инымъ языкомъ, латинскому, греческому, нѣмецкому и никоторыхъ (никакихъ), кромѣ русского, наученія въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ».

Характеристика москов. порядковъ.

Во второй главѣ онъ говоритъ о служиломъ дворянствѣ, боярствѣ, Боярской думѣ, мѣстничествѣ и т. д. Въ Думѣ, «иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованые» (не обучены).

Главы 3, 4 и 5 описываютъ дипломатическія дѣла и сношенія

---

[1]) Его подлинникъ сохранился въ университетской библіотекѣ въ г. Упсалѣ. Заглавія онъ не имѣетъ. Шведскіе его переводы были озаглавлены: „О русскомъ царствѣ и правленіи“.

[2]) О царскихъ сестрахъ и дочеряхъ онъ говоритъ: „живуще яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди“; „государства своего за князей и за бояръ замужъ выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть холопы и въ челобитьѣ своемъ пишутца холопи, и то поставлено въ вѣчный поворъ, ежели за раба выдать госпожа, а иныхъ государствъ за королевичей и за князей давати не повелось, для того, что не одной вѣры и вѣры своей отмѣнити не учинятъ, ставятъ своей вѣрѣ въ поруганіе, да и для того, что *иныхъ государствъ языка и политики* (обыкновенія) не знаютъ, и отъ того бъ имъ было въ стыдъ“.

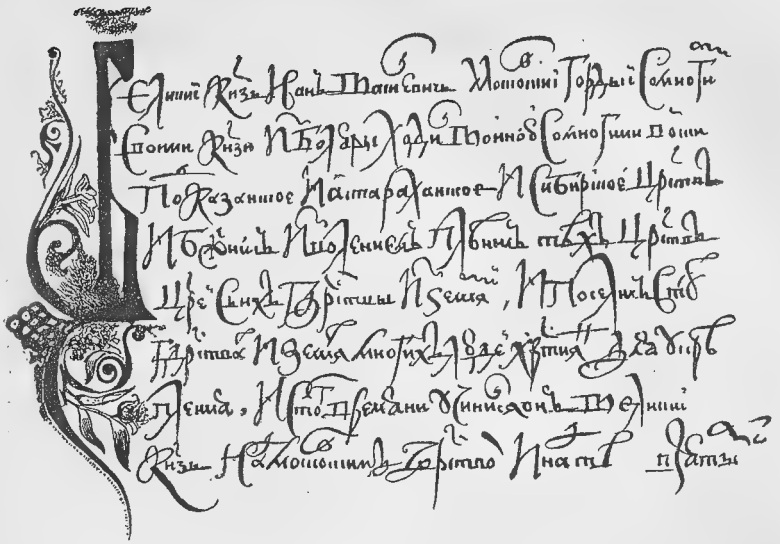
Россіи. Котошихинъ съ негодованіемъ говоритъ въ нихъ о невѣжествѣ своихъ соотечественниковъ: «Россійскаго государства люди породою своею спесивы и необычайные (неумѣлые) ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спесивства и безстыдства и ненависти и неправды...» Особенно невѣжественны женщины, проводящія жизнь въ строгомъ затворничествѣ: «московскаго государства женской полъ грамотѣ неученые, и не обычай тому есть, а породнымъ (природнымъ) разумомъ простоваты, и на отговоры (отвѣты въ бесѣдѣ) не смышлены и стыдливы, понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ и опричь (кромѣ) самыхъ ближнихъ родственныхъ чужіе люди никто ихъ и они людей видѣти не могутъ, и потому мочно (можно) дознатца, отъ чего бъ имъ быти гораздо разумными и смѣлыми; такъ же какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому жъ люди видаютъ мало».

Въ 6, 7 и 8 главахъ Котошихинъ говоритъ о дворцовомъ, центральномъ и областномъ управленіи, въ 9, 10 и 11 о служиломъ (военномъ) дворянствѣ, военной силѣ государства, о купцахъ и крестьянахъ, въ 12— о торговлѣ и въ 13-ой описываетъ бытъ боярства, при чемъ изображаетъ яркими красками злоупотребленія родительской властью, семейный произволъ, обманы и подмѣнъ невѣстъ при свадьбахъ, нещадное битье и насильственное постриженіе женъ и пр.

Природный умъ и сравненіе русской жизни съ западной помогли Котошихину остро почувствовать культурную отсталость Россіи, дать яркую картину ея своеобразнаго быта. Его сочиненіе является драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для бытовой исторіи Россіи второй половины XVII в. и всего лучше характеризуетъ происшедшій въ ней внутренній переломъ [1]).

---

[1]) Подобную же рѣзкую критику русской жизни заключаютъ въ себѣ и сочиненія *Юрія Крижанича*. Это былъ католическій священникъ-миссіонеръ, родомъ хорватъ, пріѣхавшій въ Москву въ 1659 г. съ цѣлью пропаганды уніи и славянскаго единенія. Крижаничъ глубоко вѣрилъ въ великое будущее русскаго народа и всего славянства. Въ его глазахъ Русь являлась естественной защитницей и покровительницей всѣхъ зарубежныхъ славянъ, призванной объединить ихъ въ одно могущественное цѣлое. Но для осуществленія этой задачи московскому царству необходимо освободиться отъ многочисленныхъ внутреннихъ недостатковъ и неурядицъ, ослабляющихъ его государственную мощь. Главнымъ недостаткомъ, отъ котораго страдала современная Русь, Крижаничъ считалъ ея умственную отсталость, господствующее въ ней глубокое невѣжество. Больше всего Русь нуждается въ образованіи и въ техническихъ знаніяхъ, которыя могутъ быть заимствованы у западныхъ народовъ. Но при этомъ Крижаничъ очень энергично возстаетъ противъ рабскаго подражанія иностраннымъ образцамъ („чужебѣсія“) и полнаго культурнаго подчиненія иноземцамъ („чужевладства“), совѣтуя усвоить себѣ лишь внѣшнюю европейскую культуру,



Изъ сочиненій Котошихина: образецъ скорописи XVII вѣка.

Западное вліяніе.

Само московское правительство ясно сознавало многіе недостатки русской жизни—почти полное отсутствіе школы, духовнаго образованія, слабость техническихъ средствъ и навыковъ и пр. Съ Запада оно вызываетъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ промышленности, а для организаціи школьнаго дѣла и исправленія книгъ обращается къ помощи болѣе образованныхъ единовѣрныхъ южно- и западно-руссовъ. Во второй половинѣ XVII в. въ Москвѣ сказывается сильное *польское и малороссійское вліяніе*, которое принесло съ собою *схоластическое направленіе* школьнаго преподаванія и духовной литературы, въ особенности проповѣди, *силлабическія вирши* [1]),

не подчиняясь ей духовно. Крижаничъ даетъ обширную программу реформъ, обнимающую всѣ стороны государственной и народной жизни. Онъ считалъ, что эти реформы, долженствующія поднять духовное и матеріальное благосостояніе государства, московское правительство можетъ провести безъ особаго труда, опираясь на самодержавную царскую власть. Царю Алексѣю онъ писалъ: „въ твоихъ рукахъ, царь, чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, посредствомъ котораго ты можешь творить дивныя чудеса, въ твоихъ рукахъ самодержавіе—совершенная покорность и послушаніе подданныхъ“. Главное сочиненіе Крижанича называется „Разговоры о владательствѣ“ (правленіи) или „Политичныя думы“. Какъ это, такъ и всѣ другія произведенія его написаны смѣсью хорватскаго и русскаго языка, съ большимъ количествомъ новыхъ, очень оригинальныхъ словообразованій, очень затрудняющихъ пониманіе его рѣчи.

1) Отъ латин. versus, стихъ. Силлабическое стихосложеніе, основанное на правильномъ счетѣ *слоговъ*, перешло въ южную Русь изъ Польши, гдѣ оно сложилось вслѣдствіе

„школьную драму“ и пр. При содѣйствіи южно-русскихъ ученыхъ было основано въ Москвѣ *первое* высшее училище, получившее впослѣдствіи названіе *Славяно-Греко-Латинской Академіи*: оно имѣло своей задачей удовлетворять нуждамъ преимущественно *духовнаго* образованія, недостатки котораго ясно обнаружились, когда возникъ вопросъ объ исправленіи церковныхъ и богослужебныхъ книгъ.

Южно-русская образованность.

Польское вліяніе переходило къ намъ въ XVII в. и непосредственно, и черезъ посредство южной и западной Руси. Эпоха Смуты и послѣдующія русско-польскія войны близко познакомили московскую Русь съ Польшей и ея культурой; рядъ областей и городовъ, какъ Кіевъ, Смоленскъ и др., перешелъ отъ поляковъ къ русскимъ. Южно- и западно-русская культура слагалась подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ. Борьба за вѣру и національность съ болѣе образованнымъ народомъ заставляла Малороссію и Бѣлоруссію, въ цѣляхъ самосохраненія, напрягать всѣ свои силы, возможно шире развивать національную культуру, поднимать народное образованіе. Около церквей и монастырей группируются «братства» прихожанъ, которыя ставили себѣ цѣлью не только охрану и защиту православія отъ католиковъ и уніатовъ, но и открытіе и поддержаніе школъ, которыя устраивались по образцу іезуитскихъ коллегій (наиболѣе знаменитымъ изъ нихъ былъ Кіево-Могилянскій коллегіумъ [1]), позднѣе кіевская Духовная академія). Преподаваніе въ этихъ школахъ отличалось *схоластическимъ* характеромъ, заимствованнымъ изъ Польши. Отжившая на западѣ схоластика, разрушенная и осмѣянная гуманистами, глубоко проникла въ іезуитскія польскія коллегіи и южно-русскую школу; вмѣстѣ съ южно-русскими выходцами она появилась и въ Москвѣ, надолго наложила свою печать на наше духовное (отчасти также и свѣтское) образованіе.

Схоластика отличалась *формально-логическимъ характеромъ*, только обосновывала и развивала уже готовыя положенія вѣры, подгоняла къ выводамъ доказательства и сводила всю работу мысли къ искусственнымъ дѣленіямъ, опредѣленіямъ и аргументамъ. Она развивала *внѣшнія* діалектическія способности, заботясь не столько о томъ, *что* доказывалось, сколько о томъ, *какъ* оно доказывалось. Отсюда—очень тонкія разсужденія на такія темы, которыя не могли имѣть никакого жизнен-

---

особенностей польскаго языка (ударепіе на второмъ слогѣ отъ конца въ многосложныхъ словахъ). Въ московской Руси вирши появляются очень рано—въ началѣ XVII в., какъ подражаніе южно-русскимъ виршамъ, съ которыми знакомились по книгамъ южной печати. Переходъ южно-русской образованности въ Москву надолго (до Тредьяковскаго и Ломоносова) закрѣпилъ силлабическое стихосложеніе въ нашей поэзіи.

[1]) Названъ такъ по имени выдающагося духовнаго дѣятеля начала XVII в., Петра *Могилы*, Кіевскаго митрополита.

наго и идейнаго значенія: въ какомъ возрастѣ былъ созданъ Адамъ? когда былъ созданъ міръ? сколько духовъ можетъ помѣститься на остріѣ иглы? и пр.

Схоластическій характеръ носило въ кіевскомъ коллегіумѣ и преподаваніе *реторики* и *піитики*. Преподаваніе реторики имѣло главной задачей подготовку проповѣдниковъ, которые могли бы состязаться въ искусствѣ съ католическими церковными ораторами-іезуитами. Въ школьныхъ руководствахъ излагались правила для составленія проповѣдей и давались готовые образцы ихъ [1]). Проповѣди эти отличались своей искусственностью и витіеватостью, обиліемъ метафоръ, сравненій и уподобленій, очень часто натянутыхъ и вычурныхъ. Таковы были многочисленныя проповѣди *Іоанникія Голятовскаго* и *Лазаря Барановича*, ораторовъ несомнѣнно даровитыхъ, но усвоившихъ себѣ совершенно ложную систему краснорѣчія. Голятовскій составилъ и руководство для сочиненія проповѣдей, подъ названіемъ: „Наука, албо (или) способъ о сложеніи казаній (поученій)“.

Это былъ сборникъ поученій и теоретическихъ правилъ для проповѣдниковъ. И тѣ и другія очень характерны для южно-русской схоластической проповѣди. Каждая проповѣдь должна дѣлиться на 4 части: *экзордіумъ* (приступъ), *пропозицію* (предложеніе), *наррацію* (изложеніе) и *конклюзію* (заключеніе). Всѣ эти части должны быть строго подчинены темѣ: „Какъ изъ малаго русла выходитъ великая рѣка, и вода въ этой рѣкѣ соединяется съ тою водою, которая находится въ руслѣ, такъ изъ малой темы образуется обширное слово, части котораго должны быть согласны съ темою, такъ, чтобы то, что находится въ темѣ, находилось и въ экзордіумѣ, и въ наррації, и въ конклюзіи“. Матеріалъ для поученій нужно брать не только изъ духовной, но и изъ свѣтской литературы, изъ „исторій и хроникъ о разныхъ царствахъ и странахъ“, изъ „книгъ о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, камняхъ“. Въ основу проповѣди можно положить истолкованіе имени святого или покойника (Владиміръ — владѣлъ міромъ, Христофоръ—носилъ Христа въ сердцѣ, Василій—царь, Николай—побѣдитель, Стефанъ—вѣнецъ). Развитіе проповѣди должно совершаться посредствомъ *хріи*, общихъ мѣстъ *(циркумстанцій)*: „кто чинилъ, что чинилъ, въ какомъ мѣстѣ, съ кѣмъ, какимъ способомъ, въ какое время?“. Для возбужденія интереса слушателей необходимы замысловатыя вступленія и хитрыя заключенія: „можешь пріохотить людей къ слушанію, когда будешь обѣщать имъ показать въ проповѣди какую-нибудь новость, которой они не видали и не слыхали, или какое-нибудь необычайное диво. Читайте мою первую проповѣдь на Покровъ Пресв. Богородицы. Тамъ я въ пропозиціи обѣщалъ показать необычайное диво, что Пресв. Дѣва взвѣсила огонь, измѣрила вѣтеръ и воротила назадъ прошлый день, и потомъ въ наррації показалъ все это“. Проповѣдь на Цвѣтной недѣлѣ можно закончить такими словами: „прошу и увѣщеваю васъ, чтобы вы были благочестивы, въ церковь ходили, Богу молились, потому что на слѣдующей недѣлѣ

---

[1]) Среди этихъ руководствъ наибольшимъ авторитетомъ пользовались обширные латинскіе трактаты французскихъ ученыхъ іезуитовъ Каусина: De Eloquentia sacra et humana (1630) и Помея: Candidatus Rhetoricae (1650).

будетъ Страшный Судъ". Слѣдующую проповѣдь, на Страстной недѣлѣ, въ такомъ случаѣ нужно начать словами: „прошлый разъ я сказалъ, что на этой недѣлѣ будетъ Страшный Судъ,—вотъ теперь и есть Страшный Судъ, потому что Пилатъ Понтійскій и жиды судятъ и приготовляютъ на смерть Христа Спасителя нашего". Самъ Голятовскій строго соблюдалъ всѣ эти правила. Въ словѣ на Срѣтеніе Господне онъ, напр., называетъ Христа камнемъ многоцѣннымъ и краеугольнымъ и сравниваетъ Его добродѣтели со свойствами разныхъ драгоцѣнныхъ камней (карбункулъ, агатъ, аметистъ и пр.). Въ словѣ на Успеніе Богоматери онъ говорилъ о ниткахъ, изъ которыхъ Богоматерь соткала себѣ ризу (льняной—терпѣніе, умерщвленіе плоти и страстей, шерстяной—чистота и невинность, шелковой—смиреніе и покорность, золотой—мудрость). Подобныя сравненія отличались натянутымъ характеромъ; обыкновенно опирались на разныя средневѣковыя представленія о свойствахъ камней, матерій и пр.

Чисто механическій, искусственный характеръ схоластической проповѣди особенно хорошо выясняется совѣтомъ Голятовскаго, какъ составлять новыя проповѣди: „изъ Слова на св. великомученика Георгія ты можешь составить другое слово на свв. Димитрія, Прокопія, Евстафія и другихъ мучениковъ: та же будетъ тема, тотъ же экзордіумъ, та же наррація и конклюзія—только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіи, ты называй свв. Димитрія, Прокопія, Евстафія и др.". Изъ драгоцѣнныхъ камней, къ которымъ приравнивался Христосъ, можно „устроить архіерейскую корону св. Николаю". Нитки, изъ которыхъ Богоматерь соткала себѣ ризу, могутъ пойти на ризу св. Онуфрія. Вообще слова въ честь святыхъ можно передѣлывать въ поученія на Господскіе и Богородичные праздники, и наоборотъ; цѣлое слово можно сократить въ часть другого слова, часть слова распространить и расширить прибавленіемъ примѣровъ, подобій, изреченій и фигуръ въ „большое слово".

Для Голятовскаго важнѣе всего соблюденіе *формы* и *установленныхъ пріемовъ* въ проповѣдяхъ, подборъ къ общимъ мѣстамъ мыслей и изреченій и чисто *внѣшнее* приспособленіе къ той или другой темѣ. О внутреннемъ, духовномъ значеніи поученій онъ почти не говоритъ (только въ одномъ мѣстѣ онъ совѣтуетъ проповѣдникамъ не доводить слушателей до отчаянія—сначала устрашить, а потомъ утѣшить ихъ и подать надежду на спасеніе).

Наряду съ реторикой въ южно-русскихъ школахъ преподавалась и *піитика*. Преподаваніе ея велось по латинскимъ учебникамъ, въ основѣ которыхъ лежали теоріи древнихъ писателей: Аристотеля и Квинтиліана. Оно имѣло то значеніе, что вводило русскую молодежь въ кругъ античной литературы и такимъ образомъ подготовляло почву для воспріятія классицизма.

Очень характерной чертой въ жизни южно-русской школы являются такъ назыв. *школьныя драмы*, проникшія въ нее изъ польскихъ іезуитскихъ училищъ, гдѣ онѣ ставились на латинскомъ языкѣ и носили большею частью поучительный характеръ. По формѣ онѣ были близки къ античнымъ трагедіямъ, но содержаніе свое заимствовали обыкновенно изъ библейскихъ сказаній, изъ житій святыхъ и изъ благочестивыхъ легендъ; въ этомъ отношеніи онѣ приближались къ средне-вѣковымъ мистеріямъ. Большую роль игралъ въ нихъ аллегорическій элементъ,

Нача́ло а́зъ , пи́смене до́лгъ зна́ти .
Вѣ́тность вѣ́ а́дамѣ , Люде́й всѣ́хъ смотре́ти .
Земля́ Е́сть вѣ́ ча́стѣ , вѣ́ мѣ́сцахъ и́змѣ́на .
о́трочѧ зрѣ́ти , сладцѣ вѣ́смы́слъ ѡдѣ́нна .
Вѣ́мѣ вѣ́ мі́рѣ вѣ́щи , Вса́къ да назира́етъ ,
Вѣ́ вѣ́зѣ же мы́сль всю , прі́снѡ сѡбраща́етъ . .
Бо вре́мѧ свое́ , вса́ко дѣ́ло про́ситъ .
Бѣ́щи потре́бны , во по́лзѣ прино́ситъ .
И́з нача́ла лѣ́тъ , Ю́нъ Вѣ́мъ сѡбы́чайсѧ ,
вездѣ́ сѡ жи́зни , мѹ́дрѣй ѵ́тѣша́йсѧ .

Изъ „Букваря“ Каріона Истомина (1692 г.).

выражавшійся въ томъ, что на сцену выводились всевозможныя олицетворенія — добродѣтелей, пороковъ, страстей, разныхъ отвлеченныхъ понятій и т. д. По образцу этихъ іезуитскихъ школьныхъ драмъ составлялись въ кіевской Академіи піесы духовнаго и поучительнаго содержанія, исполнявшіяся однако на русскомъ языкѣ.

Наплывъ южно-русскихъ ученыхъ въ Москву во второй половинѣ XVII в. усилилъ борьбу въ ней сторонниковъ старины и «новшествъ». Характеръ ихъ образованія казался опаснымъ, слишкомъ близкимъ къ католицизму по своему духу; своеобразіе нѣкоторыхъ ихъ богословскихъ мнѣній (напр., по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ) считалось отступленіемъ отъ православія, даже ересью. Южно-русскимъ ученымъ ревнители древняго благочестія стараются противопоставить *грековъ*, которые снова появляются въ Москвѣ, принося сюда результаты своей богословской мысли и литературной дѣятельности за XV—XVII вѣка [1]). Исправленіе патріархомъ Никономъ церковныхъ книгъ и обрядовъ по новымъ греческимъ образцамъ, отступавшимъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отъ образцовъ древнихъ, усвоенныхъ русскою церковью, вызвало *расколъ*, отпаденіе отъ церкви многихъ сторонниковъ «древляго благочестія».

Изъ представителей южно-русской образованности въ Москвѣ въ XVII в. наибольшее значеніе имѣли *Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій* и *св. Димитрій Ростовскій*, авторъ замѣчательныхъ для своего времени проповѣдей, школьныхъ драмъ и сочиненій противъ раскола, составитель пользовавшихся большимъ вліяніемъ Четій-Миней.

Епифаній Славинецкій.

Епифаній Славинецкій былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, прекрасно зналъ славянскій, греческій, латинскій и польскій языки; по словамъ одного современника, онъ былъ «не токмо грамматики и риторики, но и философіи и самыя Θеологіи (богословія) испытатель и искуснѣйшій разсудитель и опасный (осторожный) претолковникъ (переводчикъ) еллинскаго, славянскаго и польскаго діалектовъ». При патріархѣ Никонѣ онъ много потрудился надъ исправленіемъ русскихъ богослужебныхъ книгъ, сверяя ихъ съ греческими подлинниками. Онъ составилъ два словаря — греко-славяно-латинскій и богословско-филологическій, для объясненія мало понятныхъ мѣстъ и выраженій св. Писанія. Онъ возобновилъ въ Москвѣ живую устную проповѣдь, взамѣнъ утвердившагося въ ней, въ періодъ паденія духовнаго просвѣщенія, чтенія избранныхъ словъ св. отцовъ Церкви.

---

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые изъ южно-русскихъ ученыхъ (напр., Епифаній Славинецкій) больше сочувствовали греческому, чѣмъ латино-польскому образованію.

Симеонъ Полоцкій, западно-русскій уроженецъ, получилъ образованіе въ Кіево-Могилянской коллегіи. Онъ пріѣхалъ въ Москву въ 1663 г. Благодаря своему образованію, литературнымъ дарованіямъ и обходительности характера, онъ обратилъ на себя вниманіе царя Алексѣя Михайловича и сдѣлался наставникомъ его дѣтей (царевичей Алексѣя, рано умершаго Ѳеодора, Петра и царевны Софіи). Какъ писатель, онъ отличался исключительною плодовитостью. Ему принадлежитъ громадное количество сочиненій *богословскихъ* (напр., «Вѣнецъ вѣры», систематическое изложеніе христіанскаго вѣроученія, отличающееся схоластическимъ характеромъ [1]), *полемическихъ* (напр., «Жезлъ правленія», направленный противъ раскольниковъ, и написанный съ большой рѣзкостью), *ораторскихъ*, отличающихся схоластическимъ характеромъ (напр., «Обѣдъ душевный», «Вечеря (ужинъ) душевная»), *драматическихъ* и *стихотворныхъ*. Для русской литературы особенно важны были два послѣднихъ отдѣла, потому что они перенесли къ намъ *школьную драму* и надолго укрѣпили въ новой искусственной поэзіи *силлабическое стихосложеніе*. До Симеона Полоцкаго сѣверная Русь почти не была знакома съ театральными представленіями [2]).

Симеонъ Полоцкій.

Полоцкому принадлежатъ двѣ комедіи—«*О блудномъ сынѣ*» (изложеніе извѣстной евангельской притчи) и «*О царѣ Навуходоносорѣ*» (переработка «пещнаго дѣйства», исторіи трехъ отроковъ, «въ

Школьныя драмы Полоцкаго.

---

[1]) Напр., онъ говоритъ о томъ, что первые люди пробыли въ раю только три часа, что во время Страшнаго суда люди будутъ помѣщаться въ Іосафатовой долинѣ близъ Іерусалима ярусами другъ надъ другомъ, что они воскреснутъ со всѣми волосами и ногтями, которые обрѣзывались и бросались въ теченіе всей ихъ жизни, и проч.

[2]) Съ западнымъ театромъ (напр., *мистеріями*) могли познакомиться лишь немногіе, попадавшіе за границу (напр., спутники митрополита Исидора во время его путешествія на Флорентійскій соборъ). Скоморохи занесли къ намъ легкія комическія сценки и маріонеточный театръ. Въ народной поэзіи было много драматическихъ элементовъ; были они, въ зародышѣ, и въ церковномъ обрядѣ (напр., шествіе патріарха на ослятѣ, омовеніе ногъ, какъ воспоминаніе объ извѣстномъ моментѣ Тайной Вечери, „пещное дѣйство"—сожженіе трехъ отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаила въ „пещи" „халдеями"). По описаніямъ иностранныхъ путешественниковъ (напр., Флетчера въ концѣ XVI в.), въ шествіи патріарха на ослятѣ принималъ участіе самъ царь, который велъ „осля" на поводу. Обрядъ „пещного дѣйства" они описываютъ такъ: „каждый епископъ въ своей соборной церкви показываетъ трехъ отроковъ, горящихъ въ пещи, куда ангелъ слѣтаетъ съ церковной крыши, къ величайшему удивленію зрителей, при множествѣ пылающихъ свѣчей, возжигаемыхъ посредствомъ пороха такъ наз. Халдеями, которые въ продолженіе 12 дней должны бѣгать по городу, переодѣтые въ шутовское платье и дѣлая разныя смѣшныя штуки, чтобы оживить обрядъ, совершаемый епископомъ". Омовеніе ногъ совершалъ епископъ священникамъ, съ произнесеніемъ соотвѣтствующихъ словъ Христа на Тайной Вечерѣ.

пещи не сожженныхъ»: Ананіи, Азаріи и Мисаила). Первая изображаетъ печальныя послѣдствія непослушанія старшимъ. Ея идея выражена такими словами пролога:

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушáти,
На младый разумъ свой не уповати;
Старымъ—да юныхъ добрѣ (хорошо) наставляютъ,
Ничто на волю младыхъ не спущаютъ.

Проглядываетъ въ ней и нежеланіе Полоцкаго, чтобы молодежь искала образованія («умомъ обогатиться») не на родинѣ, а на Западѣ. Вторая комедія рисуетъ невѣріе и гордость Навуходоносора (имъ въ предисловіи противополагаются доброта и благочестіе царя Алексѣя Михайловича); «въ пещи несожженные» юноши выставляются идеаломъ истинной вѣры и религіознаго воспитанія.

Его „вирши".

Симеонъ Полоцкій переложилъ въ вирши *Псалтырь* и *Мѣсяцеслов*ъ и составилъ два стихотворныхъ сборника очень разнообразнаго содержанія—«*Вертоградъ многоцвѣтный*» и «*Рифмологіонъ*». По словамъ Полоцкаго, онъ хотѣлъ дать въ нихъ разъясненіе истинной вѣры, нравственное наставленіе, распространить въ «нашемъ словенстемъ книжномъ языцѣ» «риѳмотворное писаніе», которое «во инѣхъ языкахъ велію честь имать и ублаженіе и творцемъ (авторамъ) его достойнаго не лишаетъ отъ Бога и отъ человѣка возмездія и славы». Онъ излагаетъ въ стихахъ цѣлые разсказы и легенды (напр., о покровительствѣ французскаго короля Франциска просвѣщенію, о монахѣ, триста лѣтъ слушавшемъ пѣніе райской птицы и пр.), средневѣковыя свѣдѣнія по естествознанію, молитвы, увѣщанія, обличенія и т. д. Въ стихотвореніи «Богоподобіе» онъ говоритъ:

Демосѳенъ вопрошенный, что уподобляетъ
Богови человѣка, сице (такъ) отвѣщаетъ:
Подобитъ Богу, еже всѣмъ благотворити
И, лжу ненавидяще, истину любити.

Въ стихотвореніи «Розга» онъ указываетъ основное правило стариннаго воспитанія:

Плевелы отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,—
Розга буйство изъ сердецъ дѣтскихъ прогоняетъ.

Аввакумъ.

Изъ духовныхъ дѣятелей и писателей раскола наиболѣе замѣчателенъ *протопопъ Аввакумъ* [1]), написавшій нѣсколько десятковъ посланій и челобитенъ противъ реформы патріарха Никона, а также свою автобіографію—«житіе». Онъ былъ страстнымъ, энергичнымъ

[1]) Былъ сожженъ въ 1681 г.

борцомъ за свои убѣжденія, его рѣчь отличается большою силою, выразительностью и пылкостью; въ ней много чисто народныхъ оборотовъ.

Вся его жизнь была полна борьбы и страданій. Рукоположенный во дьяконы и затѣмъ въ священники, онъ вездѣ стоялъ за то, что считалъ правдой, всегда забывая себя и свои интересы. Его правдивость и „неуимчивость“ часто доставляли ему муки и преслѣдованія сильныхъ.

Когда у одной вдовы начальникъ отнялъ дочь, Аввакумъ пошелъ его усовѣщать: „и азъ молихъ его, да же сиротину возвратитъ матери. И онъ, презрѣвъ моленіе наше, воздвигъ на меня бурю, и у церкви, пришедъ сонмомъ, до смерти меня задавили. И азъ лежалъ въ забытіи полчаса и болши, паки оживе Божіимъ мановеніемъ. Онъ же, устрашася, отступился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его діаволъ: пришедъ во церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, а я молитву говорю въ то время“. Онъ отказался благословить сына боярина Шереметева „брадобритца“, и тотъ чуть не утопилъ его въ Волгѣ. За неповиновеніе патріарху Никону и его реформамъ Аввакума посадили на „чепь“ (цѣпь). „Егда же росвѣтало, въ день недѣльный (воскресный), посадили меня на телѣгу, ростеня (раскинувъ) руки, и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря. И тутъ на чепи кинули въ темную палатку; ушла вся въ землю. И сидѣлъ три дня, ни ѣлъ, ни пилъ, во тмѣ сидя, кланялся на чепи, не знаю—на востокъ, не знаю—на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ: токмо мыши и тараканы и сверчки кричатъ, и блохъ довольно“. Изъ Москвы его отправили съ семьей въ Сибирь. Ему пришлось ѣхать съ воеводой Пашковымъ, „суровымъ и безчеловѣчнымъ человѣкомъ“, который „билъ безпрестанно людей и мучилъ и жегъ“. Много побоевъ и муки вынесъ отъ него Аввакумъ. „Подъ ребятъ и подъ рухлишко“ (рухлядь) ему дали двѣ клячи, а самого съ „протопопицей“ заставили по голому льду брести пѣшкомъ. „Страна варварская, иноземцы немирные; отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не поспѣемъ, голодные и темные люди. Въ иную пору протопопица бѣдная брела, брела, да и повалилась и встать не можетъ... Опослѣ на меня бѣдная пеняетъ, говоря: „долго-ли мука сея, протопопъ, будетъ?“ И я говорю: „Марковна, до самыя смерти“. Она же, вздохня, отвѣщала: „добро, Петровичъ, ино еще побредемъ“.

Вмѣстѣ съ другими раскольниками Аввакумъ видитъ въ современной жизни наступленіе «послѣднихъ временъ», приближеніе и даже пришествіе Антихриста. Вездѣ и во всемъ «новшества», наступилъ вѣкъ «міролюбцевъ» и «плотолюбцевъ», «толстыхъ тѣлищъ»; самъ царь Алексѣй, который въ молодые годы отличался высокимъ благочестіемъ, преслѣдовалъ скомороховъ и народныя игры, сочувствовалъ «старой вѣрѣ», сталъ теперь все больше увлекаться западнымъ искусствомъ, завелъ нѣмецкій театръ, поощрялъ переводъ «еретическихъ» книгъ, взялъ подъ свою защиту реформу Никона.

Такъ между верховною властью и «старой вѣрой», воспитанной на «іосифлянскихъ» преданіяхъ, выросла цѣлая пропасть; расколъ всего ярче выразилъ и отразилъ борьбу старой Руси противъ нахлынувшаго потока «новшествъ» и западнаго вліянія.

Начало свѣтскаго театра.

Всего ярче новыя, западныя вѣянія въ русской жизни XVII в. сказались *въ возникновеніи свѣтскаго театра* и въ богатомъ развитіи *повѣствовательной литературы.*

Медленно, но неуклонно пробирались иноземныя потѣхи въ хоромы московскихъ царей, въ особенности въ XVII в. Русскіе послы постоянно доносили московскому двору о „пречудесныхъ зрѣлищахъ“, которыми ихъ „тѣшили“ иноземные государи.

Уже съ начала XVII в. въ Москвѣ появляются иностранные фокусники, канатные плясуны, фигляры, музыканты; при Алексѣѣ Михайловичѣ устраивается нѣчто въ родѣ постоянныхъ придворныхъ концертовъ военнаго оркестра, организуются Симеономъ Полоцкимъ представленія его „школьныхъ драмъ“. Въ 1660 г. царь приказываетъ англичанину Гебдону привезти изъ Германіи „мастеровъ комедію дѣлать“. Въ 1664 г. на посольскомъ дворѣ въ Москвѣ была представлена комедія, которая, по словамъ англійскаго посла, доставила зрителямъ „нѣсколько пріятныхъ часовъ“. Въ 1672 г. русскому заграничному агенту Стадену было приказано пригласить изъ Германіи актеровъ. Онъ повелъ переговоры съ одною изъ наиболѣе извѣстныхъ нѣмецкихъ труппъ; актеры было согласились, но затѣмъ отказались, боясь, что ихъ задержатъ навсегда въ Москвѣ. Тогда обратились къ Нѣмецкой Слободѣ, въ школахъ которой, повидимому, устраивались спектакли.

Спектакли пастора Грегори.

Организаторомъ свѣтскаго придворнаго театра явился пасторъ Нѣмецкой слободы Грегори: послѣдовалъ царскій указъ «иноземцу магистру Ягану Готфриду учинить комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ Библіи книгу Эсфирь и для того дѣйства устроить хоромину вновь». Наскоро была составлена труппа изъ молодыхъ людей служилаго и торговаго сословія; «комедійному дѣйству» обучалъ ихъ самъ Грегори. Первый спектакль состоялся въ октябрѣ 1672 г., въ присутствіи царя и придворныхъ. Поставлена была «комедія [1]) о Эсфири», чрезвычайно понравившаяся Алексѣю Михайловичу, который щедро наградилъ всѣхъ участниковъ. Послѣ «комедіи о Эсфири» были поставлены на придворной сценѣ — «Юдиѳь», «малая прохладная комедія объ Іосифѣ», «жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ», «Баязетъ и Тамерланъ» (или «Темиръ-Аксаково дѣйство»).

---

[1]) Комедіями въ старинномъ театрѣ назывались всякія театральныя представленія, независимо отъ содержанія, которое могло быть вполнѣ серьезнымъ, напр., въ піесахъ съ библейскими сюжетами. Комедіи у насъ раздѣлялись на „жалостныя“ (серьезныя), „прохладныя“ шутливыя и пр.

Сцена была обита сукномъ и убрана декораціями („рамами перспективнаго письма“); въ антрактахъ („междосѣніяхъ“) играла музыка, иногда происходили танцы; актеры были одѣты въ соотвѣтствующіе костюмы („потѣшное платье“). Женскія роли исполнялись мальчиками. Вслѣдствіе растянутости піесъ и перемѣнъ декорацій представленіе обыкновенно продолжалось очень долго („Эсеирь“, напр., исполнялась 10 часовъ); неизмѣнными зрителями „комедійной потѣхи“ былъ самъ царь съ ближними придворными; на нѣкоторыхъ спектакляхъ присутствовала и царица съ царевнами, которыя смотрѣли на представленіе изъ особаго завѣшеннаго окна.

„Англійскія комедіи“.

Репертуаръ Грегори состоялъ большей частью изъ такъ называемыхъ „англійскихъ комедій“, очень популярныхъ въ Германіи въ XVII в. и занесенныхъ сюда странствующими англійскими актерами [1]).

Піесы эти во многомъ отличались отъ школьныхъ драмъ: послѣднія преслѣдовали преимущественно моральныя цѣли, стремились дать нравственное поученіе, англійскія же комедіи заботились больше всего о разнообразіи и занимательности дѣйствія. Для этой цѣли служили всевозможные сценическіе эффекты, часто очень грубые: сраженія съ ракетами и пушечной пальбой, убійства, казни, полосованіе ножами по искусно подвязаннымъ у актеровъ пузырямъ съ бычачьей кровью, такъ что нерѣдко въ концѣ піесы вся сцена покрывалась трупами и ея полъ заливался кровью. Разнообразіе дѣйствія достигалось многочисленностью выведенныхъ лицъ и постояннымъ перенесеніемъ дѣйствія съ одного мѣста на другое. При этомъ вниманіе обращалось почти исключительно на развитіе *внѣшняго* дѣйствія, на быструю смѣну событій, а внутренняя душевная жизнь выведенныхъ лицъ почти не затрагивалась.

Необходимой принадлежностью „англійскихъ комедій“ была роль шута, получившаго на континентѣ, по имени любимыхъ національныхъ блюдъ, прозвища Пикельгеринга („маринованная селедка“ — въ Голландіи) и Гансвурста („Иванъ-колбаса“ — въ Германіи); его выходки и шутки носили характеръ импровизаціи, часто отличались крайней грубостью и даже непристойностью и обыкновенно не имѣли никакой связи съ основнымъ ходомъ дѣйствія. Выступленіе шута обычно сопровождалось дракой и потасовками. Такое совмѣщеніе грубыхъ трагическихъ

---

[1]) Странствующія труппы англійскихъ актеровъ впервые появляются на европейскомъ континентѣ въ концѣ XVI вѣка. Онѣ дѣйствовали въ Германіи, Голландіи, Даніи и пользовались повсюду большимъ успѣхомъ. Успѣхъ этотъ вызвалъ подражанія, и по образцу этихъ англійскихъ труппъ скоро составились компаніи нѣмецкихъ актеровъ, кочевавшихъ по городамъ Германіи и выступавшихъ также въ сопредѣльныхъ славянскихъ странахъ, напр., въ Чехіи и Польшѣ. Они продолжали называться „англійскими комедіантами“, такъ какъ усвоили себѣ репертуаръ, вывезенный ихъ предшественниками изъ Англіи. Въ составъ этого репертуара входили піесы, заимствованныя изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ: изъ Библіи, изъ рыцарскихъ романовъ и т. д.; въ числѣ ихъ было также нѣсколько передѣлокъ трагедій знаменитыхъ англійскихъ писателей, Марло („Фаустъ“, „Тамерланъ Великій“) и Шекспира „Титъ Андроникъ“, „Гамлетъ“ и др.); однако эти передѣлки отличаются большой грубостью, такъ какъ авторы старались приспособить эти піесы ко вкусамъ необразованной толпы, падкой до шумныхъ и кровавыхъ зрѣлищъ.

и комическихъ эффектовъ встрѣчается почти во всѣхъ „англійскихъ комедіяхъ“ и свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ художественныхъ вкусовъ тогдашней публики.

Характерными образцами репертуара Грегори могутъ служить «Юдиѳь» и «Темиръ-Аксаково дѣйство».

Юдиѳь.

Въ «Юдиѳи» дѣйствіе развивается чрезвычайно медленно, съ чисто эпической широтой, и изобилуетъ длинными и многословными рѣчами дѣйствующихъ лицъ. Оно происходитъ то при дворѣ Навуходоносора, то въ лагерѣ Олоферна, то въ стѣнахъ осажденной Ветилуи (Веѳуліи). Въ изложеніи хода событій авторъ піесы близко придерживается Библіи, такъ что почти всѣ сцены піесы представляютъ собой лишь распространенное изображеніе отдѣльныхъ моментовъ библейскаго разсказа. Есть и самостоятельныя сцены (напр., вылазка осажденныхъ изъ города). Психологія дѣйствующихъ лицъ мало разработана; имъ приданы совсѣмъ неумѣстныя названія «вельможныхъ гетмановъ», ротмистровъ, поручиковъ; такъ же неумѣстны упоминанія Юпитера, Марса, Венеры; рѣчи отличаются напыщеннымъ, приподнятымъ характеромъ. Комическій элементъ выраженъ въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ служанки Юдиѳи Абры и воина Сусакима, обжоры, хвастуна и труса. Комизмъ піесы очень наивенъ; такъ, напр., когда Сусакима, приговореннаго въ шутку къ смертной казни, ударяютъ лисьимъ хвостомъ [1]), онъ считаетъ себя мертвымъ, долго лежитъ въ оцѣпенѣніи, затѣмъ, очнувшись, съ недоумѣніемъ говоритъ: «яко же надо мною нынѣ творитца, не вѣдаю. Живъ ли я, или мертвъ? Право, впрямь того знать не могу, подлинно ли умеръ есмь. Азъ подлинно слышу, что отъ мене животъ отступилъ изъ внутреннихъ потроховъ въ правую ногу, а изъ ноги въ гортань, а правымъ ухомъ вышла душа; токмо еще мнится ми, яко нѣсколько свѣта помню: здѣсь мои чулки и башмаки; тамо лежитъ моя шляпа, здѣ мой кафтанъ и штаны. Токмо того не знаю, гдѣ голова моя *(Онъ вездѣ ищетъ главы своея)*. О вы, господа! Аще ли кто отъ васъ изъ любви и пріятства мою голову скрылъ, и того покорно безъ шляпы прошу и молю, чтобъ онъ мнѣ ее возвратилъ».

Темиръ-Аксаково дѣйство.

Большинство піесъ репертуара Грегори представляетъ собою обработку библейскихъ сюжетовъ; только одна, «Темиръ-Аксаково дѣйство», написана на свѣтскій сюжетъ, изображаетъ знаменитыхъ

---

[1]) Эта сцена шуточной казни при-помощи лисьяго хвоста принадлежитъ къ числу излюбленныхъ сценъ нѣмецкаго народнаго театра; шутъ Гансвурстъ всегда ходилъ съ лисьимъ хвостомъ.

завоевателей Тамерлана и Баязета [1]). Въ «Темиръ-Аксаковомъ дѣйствѣ», несмотря на его незначительные размѣры, выведено около 30 лицъ и изображены такія событія, какъ сраженіе, казнь лазутчика, самоубійство Баязета, взятаго въ плѣнъ и посаженнаго въ желѣзную клѣтку. Все это представлено вперемежку съ комическими выходками шута Пикельгеринга и мужика-простака Тельпеля (по-нѣмецки Tölpel—простофиля).

Западное вліяніе въ Московской Руси въ XVI и XVII вв. привело къ сильному развитію *повѣствовательной литературы,* какъ *переводной* и *подражательной,* такъ и *оригинальной.*

Переводныя повѣсти.

Переводныя повѣсти отличались большой пестротою содержанія. Онѣ переходятъ къ намъ съ Запада разными путями: черезъ посредство южныхъ (адріатическихъ) славянъ, находившихся подъ сильнымъ итальянскимъ вліяніемъ (такъ называемыя «славяно-романскія повѣсти»), изъ Чехіи, Румыніи [2]), Польши, южной Руси и, наконецъ, непосредственно съ Запада.

Видное мѣсто среди нихъ занимаетъ группа *авантюрныхъ романовъ* и *повѣстей,* которые вносили въ славянскую и русскую среду чуждые ей обиходъ и идеалы средневѣкового рыцарства (Романы о Бовѣ, о Брунцвигѣ, королевичѣ Чешскія земли, о Василіи королевичѣ златовласомъ Чешскія земли, Исторія объ Аттилѣ королѣ угорскомъ (венгерскомъ), Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ, Исторія о храбромъ князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и прекрасной королевнѣ Магиленѣ неаполитанской, Мелюзина, Тристанъ и Изольда, Ланжелотъ и пр.). Многое въ нихъ было непонятно для мало подготовленнаго русскаго читателя: переводчики тщетно бились надъ передачей понятій рыцарскаго нравственнаго кодекса («добротъ»—prouesse, «дворность»—courtoisie), но всѣ эти повѣсти вносили новыя настроенія и идеи, иные взгляды на женщину, на любовь

---

[1]) Она принадлежала по темѣ и пріемамъ не столько къ „англійскимъ комедіямъ“, сколько т. н. Haupt-und Staats-Aktionen, въ которыхъ выводились историческія лица, государи, правители, полководцы, и изображались важныя государственныя событія. Въ Германіи ихъ популяризовалъ Фельтенъ, котораго приглашалъ въ Россію Стаденъ. Онѣ составили главную часть репертуара русскаго театра при Петрѣ В. (театръ Кунста и Фирста). Отличительная черта такихъ пьесъ заключалась въ чрезвычайномъ разнообразіи дѣйствій и въ обиліи всякихъ внѣшнихъ эффектовъ.

[2]) Въ концѣ XV в. перешло къ намъ румынское сказаніе о жестокостяхъ мутьянскаго воеводы Дракула, который даже за легкіе проступки наказывалъ смертной казнью, садилъ виновныхъ на колъ и т. д. Особенной популярностью оно пользовалось у насъ при Иванѣ Грозномъ, такъ какъ въ немъ видѣли обличеніе жестокихъ государей.

и бракъ, чѣмъ тѣ, которые проводились аскетической византійской литературой. Онѣ вообще давали много новыхъ, захватывающихъ впечатлѣній—описаніе рыцарскихъ турнировъ и поединковъ, культа дамъ, чувствъ и страданій влюбленныхъ и т. д. Особенно занимательными дѣлало ихъ обиліе всевозможныхъ фантастическихъ подробностей и приключеній (царства чудовищныхъ людей, превращенія, колдовство и т. д.).

Тогда онъ осѣдлалъ коня добраго надѣлъ на себя доспехи богатырскія
и опоясалъ мечъ кладенецъ вошелъ въ бѣлъ шатеръ и прощаясъ съ Друж
невною молвилъ еи я ѣду на сраженіе любезная моя Дружневна противъ вс
иска многаго ноты некручинься о томъ я то воиско побью прежде солнечнаго
закату и к тебѣ возвращусъ сказавши то и поѣхалъ противъ силы и пере
вилъ все воиско толко оставилъ три человека и узнакши отнихъ что они
были посланные въ погоню за нимъ отъ Короля Марковруна Бова на козалъ
имъ скажите бы своему Королю чтобы онъ за мною не гонялся и что онъ за м
ною пошлетъ то все потеряетъ вить онъ знаетъ меня і то я сильнои бога
тырь и поѣхали тѣ три воина и сказали королю Марковруну что Бова воиско
все три статы сячь побилъ и насъ трехъ человекъ отослалъ и велелъ ска
зать чтобы вы не посылали за нимъ силы и не пролѣвали бы напрасно к ровѣ

Бой Бовы съ Полканомъ (изъ старинной лубочной книжки).

Бова - королевичъ.

Особенно характерный для этой группы переводныхъ повѣстей «Романъ о Бовѣ» — французскаго происхожденія. Въ итальянской передѣлкѣ онъ перешелъ къ адріатическимъ славянамъ, затѣмъ въ Россію, гдѣ и сдѣлался популярнѣйшею народною сказкой и лубочной книгой [1]). Большинство его именъ до сихъ поръ носитъ ясные слѣды своего итальянскаго происхожденія (Buovo—Бова, Guidone—Гвидонъ, Druziana—Дружнева, Pulicane—Полканъ, Lucaferro—Лукоперъ, Meretrice — Милитриса и пр.). Содержаніе романа очень не-

[1]) Появляется онъ у насъ еще въ концѣ XVI в. и быстро пріобрѣтаетъ такую популярность, что проникаетъ даже въ нашу народную поэзію, не только въ сказки, но и въ былины, въ которыхъ Бова и Полканъ выступаютъ на ряду съ другими богатырями.

сложно. Молодая жена стараго герцога Гвидона Блондоя предаетъ его Додону Майнцкому, котораго горячо любитъ. Послѣ убійства отца, сына Гвидона Бову посадили въ тюрьму. Тотъ бѣжитъ, поступаетъ въ конюхи къ армянскому королю Арминьону и во время турнира шестомъ сбиваетъ съ коня Маркабруна, жениха его дочери Друзіаны, которая влюбляется въ юнаго богатыря. Посвященный въ рыцари, Бова побѣждаетъ богатыря Лукафера, чудовище Пуликане, убиваетъ Додона, замуровываетъ свою измѣнницу мать между двухъ стѣнъ и съ Друзіаной воцаряется въ городѣ Антонѣ.

Нравоучительныя повѣсти.

Рядъ переводныхъ повѣстей и повѣствовательныхъ сборниковъ отличается *нравоучительнымъ* характеромъ. Наиболѣе замѣчательны изъ нихъ: «Повѣсть о семи мудрецахъ“ [1]), „Римскія дѣянія“ и „Великое зерцало“. Въ „Повѣсти о семи мудрецахъ“ король хочетъ казнить своего сына по наговорамъ своей молодой жены, мачехи королевича. Семь мудрецовъ, желая спасти королевича, разсказываютъ королю притчи о вредѣ поспѣшности и излишняго довѣрія къ женщинамъ. Мачеха въ свою очередь притчами убѣждаетъ мужа рѣшиться на казнь. Въ концѣ истина открывается, королевичъ былъ освобожденъ, а мачеха наказана. „Римскія дѣянія“ заключаютъ въ себѣ анекдоты изъ римской исторіи и нравоучительныя повѣсти, символически истолкованные въ духѣ христіанскаго ученія. „Великое зерцало“—большой сборникъ повѣстей, легендъ [2]) и анекдотовъ, съ преобладающимъ аскетически-нравоучительнымъ характеромъ. Онъ былъ составленъ іезуитомъ Майеромъ, который многимъ разсказамъ придалъ католическую окраску (борьба съ лютеранствомъ и кальвинизмомъ): напр., крещеный по кальвинистскому обряду ребенокъ отца-кальвиниста и матери-католички умеръ; когда его крестили по католическому обряду, онъ воскресъ.

Фацеціи.

Переходятъ къ намъ (главнымъ образомъ черезъ Польшу) и сборники „фацецій“, шуточныхъ разсказовъ и анекдотовъ, „апофѳегматъ“, изреченій знаменитыхъ философовъ, „словесъ царей, королей, князей, воеводъ, синклитикъ (властей) и иныхъ старѣйшинъ“, лакедемонянъ и „гадательствъ честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ непростыхъ“. Среди „фацецій“ много разсказовъ о невѣрныхъ и хитрыхъ женахъ.

---

[1]) Индійскаго происхожденія. Была переведена на греческій языкъ и затѣмъ широко распространилась по романскому, германскому и славянскому міру.

[2]) Многія изъ нихъ носятъ *демонологическій* характеръ. Вопросъ о демонахъ и колдовствѣ, обстоятельно разработанный въ средневѣковой западной литературѣ, глубоко затронулъ русскихъ читателей XVI—XVII вв. и отразился въ рядѣ памятниковъ переводной и оригинальной литературы (напр., въ повѣсти „о бѣсноватой женѣ Соломоніи“ 1661 г.). Одна изъ повѣстей „Великаго зерцала“ нѣкоторыми чертами своего содержанія напоминаетъ „Вія“ Гоголя. Въ селѣ Бенелеѣ, въ Англіи, жила одна волшебница. Отъ сороки, которая сидѣла у нея на плечѣ, она узнала о своемъ близкомъ концѣ и велѣла положить себя послѣ смерти въ окованный желѣзомъ гробъ и поставить въ церковь. Когда надъ ней пѣли священники, демоны ворвались въ церковь съ страшными криками, подхватили и разбили гробъ; извлекши волшебницу изъ церкви, демонъ ускакалъ съ нею въ преисподнюю на адскомъ конѣ.

Напр.: одинъ крестьянинъ, умирая, велѣлъ женѣ послѣ своей смерти продать вола и деньги раздать на поминъ его души. Жена „зѣло плакася о немъ“, но послѣ смерти рѣшила схитрить: продала мяснику вола вмѣстѣ съ котомъ, перваго за грошъ, второго за четыре золотыхъ, и грошъ дала на поминъ души умершаго мужа.

Повѣсти подражательныя.

Были у насъ и попытки *переработки* иноземныхъ сюжетовъ, обыкновенно *внѣшняго* ихъ приспособленія къ русской жизни. Такова, напр., „Повѣсть о Басаргѣ и его сынѣ Добросмыслѣ“. Кіевскій купецъ Басарга отправился съ своимъ премудрымъ 7-лѣтнимъ сыномъ Добросмысломъ за море. Бурей ихъ занесло въ царство нечестиваго царя Несмѣяна Гордѣевича, который вѣровалъ въ Аполлона. Несмѣянъ задалъ Басаргѣ нѣсколько загадокъ. Если разгадаетъ, можетъ свободно торговать въ его царствѣ; не разгадаетъ—долженъ принять языческую вѣру или лишиться головы. Добросмыслъ разрѣшилъ загадки, убилъ Несмѣяна и сдѣлался вмѣсто него царемъ.

Повѣсти оригинальныя.

Обиліе переводныхъ и подражательныхъ повѣстей вызвало и развитіе *повѣсти оригинальной*. Въ XVI и въ особенности въ XVII вв. появляется рядъ нравоучительныхъ, бытовыхъ и сатирическихъ повѣстей, или вполнѣ самостоятельныхъ, или придающихъ яркій мѣстный отпечатокъ заимствованнымъ сюжетамъ.

Повѣсть о бражникѣ.

«Повѣсть (или слово) о бражникѣ, како вниде въ рай» разсказываетъ о бражникѣ, который «зѣло много вина пилъ во вся дни живота своего, и всякимъ ковшомъ Господа Бога прославлялъ, и часто въ нощи Богу молился». Умеръ бражникъ, и «повелѣ Господь бражникову душу у вратъ святого рая поставити». Началъ онъ «у вратъ рая толкатися». Апостолы Петръ и Павелъ, Давидъ и Соломонъ, Святитель Николай пытаются не пустить его, но каждому изъ нихъ напоминаетъ онъ объ ихъ земныхъ грѣхахъ, о требуемой Христомъ любви къ ближнимъ. Вошелъ онъ въ рай и занялъ тамъ лучшее мѣсто. Повѣсть эта проводитъ мысль, что жизнь не должна быть только бичеваніемъ плоти, что тѣлесное начало имѣетъ свои неотъемлемыя права, что человѣческія, естественныя увлеченія не могутъ помѣшать достигнуть рая, если есть теплая внутренняя вѣра, глубокое проникновеніе въ смыслъ евангельскаго ученія о любви къ ближнимъ. Она направлена противъ суроваго религіознаго формализма и аскетизма.

Повѣсти сатирическія.

Интересные образцы *общественной сатиры* представляютъ собой повѣсти о Шемякиномъ судѣ [1]) и Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетин-

[1]) Она основана на мотивахъ восточныхъ сатирическихъ сказокъ, но органически перерабатываетъ ихъ и прекрасно приспособляетъ къ условіямъ русской жизни. Пріурочена она къ историческому лицу, кн. Дмитрію Шемякѣ, сопернику московскаго князя Василія II. Его имя сдѣлалось нарицательнымъ („Шемякинъ судъ“,—неправедный, корыстный судъ). Этотъ же восточный сюжетъ легъ въ основу нѣкоторыхъ западно-европейскихъ разсказовъ,—напр., одной изъ новеллъ итальянскаго писателя эпохи Возрожденія—Саккети.

никовѣ. Обѣ повѣсти осмѣиваютъ старый нашъ судъ, «московскую волокиту» «съ посулами» и «хоженымъ» (взятками).

Шемякинъ судъ.

Убогій братъ выпросилъ у своего богатаго брата лошадь, чтобы привезти дровъ изъ лѣсу. По несчастной случайности онъ оторвалъ у лошади хвостъ. Богатый потащилъ его къ судьѣ. По дорогѣ онъ хотѣлъ убить себя, прыгнулъ съ высокаго моста и задавилъ старика, котораго сынъ на санкахъ везъ въ баню. Сынъ убитаго тоже пошелъ жаловаться на него. Убогій потихоньку завернулъ въ платокъ камень, чтобы убить судью, если онъ засудитъ его. Во время суда онъ нѣсколько разъ показываетъ изъ-за пазухи судьѣ свертокъ съ камнемъ. Тотъ понялъ это, какъ обѣщаніе взятки, и очень находчиво выгораживаетъ подсудимаго: пусть онъ вернетъ лошадь брату тогда, когда у нея вырастетъ хвостъ; сынъ убитаго старика можетъ кинуться на убогаго съ высокаго моста и убить его. Истцы отказываются отъ обвиненія. Оставшись наединѣ съ отвѣтчикомъ, судья требуетъ у него обѣщанной взятки. Узнавъ, какая опасность ему грозила, онъ благодаритъ Бога, что оправдалъ отвѣтчика.

богаты братъ пріиде кшемяк
сѹдье бити челомъ нѣбрата како
улошади хвостъ выдернѹлъ убо
гиже подня камень изавязалъ в
платъ ікажетъ позади брата и
то помышляетъ аще сѹдья не
помне станетъ сѹдить то я ев
ушибѹ лосмерти сѹдьяже чая съ
то рѹблевъ даетъ отдела іпри
казалъ богатомѹ отдать убого
лошать пока унея хвостъ вырости

Изъ повѣсти о Шемякиномъ судѣ.

Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ.

«Повѣсть о Ершѣ» изображаетъ сутягу и ябедника, который нагло смѣется надъ судомъ. На Ерша жалуются великому осетру, бѣлугѣ и бѣлой рыбицѣ боярскій сынишка лещъ съ товарищами. Нѣтъ имъ житья въ Ростовскомъ озерѣ отъ обидъ и лукавства ерша: онъ подкалываетъ своими острыми щетинами («аки лютыя рогатины») бока и ребра бѣднымъ рыбамъ, завлекаетъ ихъ обманно въ неводъ, мечется по рѣкамъ и озерамъ, какъ бѣшеная собака, потерявшая свой путь. На судѣ ершъ лжетъ и выгораживаетъ себя. Его обвинили и приговорили «къ торговой (публичной) казни»: бить кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за воровство и ябед-

ничество. Плюнулъ ершъ въ глаза судьямъ и вскочилъ въ хворостъ—только его и видѣли.

Повѣсти бытовыя.

Изъ повѣстей нравоучительныхъ и бытовыхъ наиболѣе замѣчательны — «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ», «Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничей дочери Нардина-Нащокина, Аннушкѣ» и «Повѣсть о Горѣ-Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца во иноческій чинъ».

Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ.

Дѣйствіе повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ пріурочено къ эпохѣ Смуты, но ничего историческаго въ ней нѣтъ; она находится въ тѣсной связи съ демонологическими сказаніями, которыя въ XVII в. широко были распространены въ нашемъ литературномъ обиходѣ.

Купеческій сынъ Савва влюбился въ молодую жену знакомаго своего отца Бажена, а та опоила его волшебнымъ зельемъ и оклеветала передъ мужемъ. Это тяжело подѣйствовало на Савву, довело его до нравственнаго паденія. Въ немъ «начатъ яко нѣкій огонь горѣти»; онъ призываетъ къ себѣ дьявола, принимающаго видъ его брата, даетъ ему «рукописаніе», за что и пользуется его помощью. Грудцынъ повелъ разгульную жизнь. Вмѣстѣ съ дьяволомъ посѣщаетъ онъ царство сатаны, затѣмъ поступаетъ на военную службу и совершаетъ чудеса храбрости въ бою подъ Смоленскомъ. Вернувшись въ Москву, онъ тяжело заболѣлъ. Дьяволъ мучилъ его и хотѣлъ завладѣть имъ, но обѣщаніе идти въ монастырь и помощь Богородицы спасли Грудцына. Его принесли въ церковь. Во время пѣнія Херувимской съ неба раздался великій гласъ, отпустившій Саввѣ грѣхи; упало богоотметное рукописаніе, въ которомъ было «все заглажено, яко никогда же писано». Савва исцѣлился и постригся въ монахи.

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи.

Близка къ этой повѣсти по своей основной идеѣ «Повѣсть о Горѣ—злочастіи». Она написана стихами, народнымъ размѣромъ, и отличается выдающимися художественными достоинствами. «Горе—злочастіе»—олицетвореніе темныхъ побужденій человѣческой души, злого начала. Единственное спасеніе отъ него—въ монастырѣ. Повѣсть начинается знаменательнымъ вступленіемъ — исторіей грѣхопаденія Адама и Евы.

Съ тѣхъ поръ

Ино зло племя человѣческо:
В началѣ пошло непокорливо;
Ко отцову ученію зазорчиво (презрительно),
К своей матери непокорливо
И к совѣтному другу обманчиво.

Люди отринули прямое смиреніе, стали жить въ суетѣ и во враждѣ; за это Богъ сталъ посылать на нихъ «напасти великія»,

«скорби великія, срамные позоры немѣрные, безживотіе злое, сопостатные находы (нападенія враговъ), злую немѣрную наготу и босоту, безконечную нищету и недостатки послѣдніе». Всѣмъ этимъ Онъ смиряетъ насъ, наказуетъ, приводитъ «на спасенный путь».

Исторія удалого молодца

Затѣмъ повѣсть переходитъ къ разсказу о судьбѣ «молодца», которая, какъ примѣръ, уясняетъ общія мысли вступленія.

Отецъ и мать любили молодца, наставляли его праведно жить, не ходить по пирамъ и кабакамъ, не собирать неправаго богатства, знаться съ мудрыми и сходиться съ надежными друзьями. Стыдно стало ему покоряться отцу, поклоняться матери—былъ онъ молодъ и глупъ, захотѣлъ жить по своей волѣ. Съ другомъ отправился онъ въ кабакъ, напился пьянъ и проснулся обобраннымъ и ограбленнымъ.

Въ нищенскихъ лохмотьяхъ, «гункѣ кабацкой» и «лапоткахъ-отопочкахъ» не захотѣлъ онъ возвращаться домой и отправился на чужую сторону:

Стало срамно молотцу появитися
К своему отцу и матери,
И к своему роду и племени,
И к своимъ прежнимъ милымъ другомъ.

На чужбинѣ онъ попалъ на «почестенъ пиръ», разсказалъ пирующимъ о своемъ горѣ и просилъ у нихъ добраго совѣта, какъ ему жить на чужой сторонѣ. Тѣ стали его учить: на чужой сторонѣ нужно покоряться другу и недругу, поклоняться стару и младу, ко всѣмъ имѣть смиреніе и вѣжество, «чужихъ дѣлъ не объявливать, а что видишь или слышишь, не сказывать». Молодецъ послушался ихъ, сталъ жить умѣючи, нажилъ себѣ «живота» больше прежняго. «По лестному дѣйству діяволю» на пиру онъ «похвалился великимъ своимъ разумомъ»:

А всегда гнило слово похвальное,—
Похвала живетъ человѣку пагуба.

Услышало его хвастанье Горе-Злочастіе и сказало молодцу:

Не хвалися ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
Не хвастайся своимъ богатествомъ:
Бывали люди у меня, Горя,
И мудряе тебя и досужае,
И я ихъ, Горе, перемудрило...
До смерти со мною боролися...
Не могли у меня, Горя, уѣхати,
Наги они въ гробъ вселилися,
Отъ мене накрѣпко они землею накрылися...

Сѣрое «Горе-горинское» нашептываетъ ему во снѣ злыя рѣчи: отказаться отъ любимой невѣсты («быть тебѣ отъ невѣсты истравлену, еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену, изъ-за злата и сребра быть убитому»), «пропивать свои животы» въ кабакѣ:

Кабакомъ то Горе избудетца,
Да то злое Злочастіе останетца,
За нагимъ то Горе не погонитца...

Пропился молодецъ, рѣшилъ идти на родину. За спѣтую имъ пѣсню перевозчики перевезли его черезъ рѣку, одѣли и накормили. Не хотѣлъ онъ покориться «нечистому Горю», котораго «нѣтъ мудряя на семъ свѣтѣ»,—поклониться ему «до сыры земли»,—

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы (собаками);
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А Горе пришло съ косою вострою...

Нѣтъ на міру молодцу спасенія. Вспомнилъ онъ «спасенный путь», постригся въ монахи—

А нечистое Горе-Злочастіе
У святыхъ воротъ оставается,
Къ молодцу впредь не привяжется...

Исторія о Фролѣ Скобѣевѣ.

«Исторія о Фролѣ Скобѣевѣ» отличается инымъ характеромъ—простотой и реализмомъ содержанія, полнымъ отсутствіемъ нравоученія. Спокойно разсказываетъ она о всѣхъ уловкахъ своего героя, «плута и ябедника» («дворянинъ небогатый, только великая ябеда ходататствовать за приказными дѣлами»), нисколько не осуждая его, даже какъ бы любуясь его находчивостью [1]). Путемъ обмана, подкупа няньки, онъ похитилъ дочь знатнаго и богатаго боярина Нардина-Нащокина и тайкомъ обвѣнчался съ нею. Какъ родителямъ Аннушки ни было тяжело имѣть зятя-ябедника, пришлось примириться. «Воръ и плутъ и ябедникъ» заставилъ жену притвориться больной. Родители должны были пойти на уступки, принять Скобѣева. Съ ироніей гордый стольникъ приказываетъ слугамъ,

[1]) Эта черта сближаетъ нашу „Исторію“ съ западными „плутовскими романами“ („пикареско“), героями которыхъ являются ловкіе обманщики.

«чтобы никого въ домъ постороннихъ не пускали, сказывали бы, что время такого нѣтъ стольнику—для того, что съ зятемъ своимъ, воромъ и плутомъ Фролкой Скобѣевымъ, кушаетъ». Чтобы онъ пересталъ заниматься ябедами, Нащокинъ отдѣлилъ Фролу нѣсколько имѣній. Послѣ смерти тестя Скобѣевъ получилъ всѣ его вотчины и сталъ жить въ великой славѣ и богатствѣ.

Такая повѣсть могла появиться только въ XVII в., на переломѣ всего нравственнаго міровоззрѣнія русскаго общества, среди «міролюбцевъ» и «плотолюбцевъ», которымъ уже были чужды суровые идеалы недавняго прошлаго.

Картинка, изображающая школу (изъ „Букваря" Поликарпова, 1701 г.); подъ нею подпись виршами.

ГЛАВА V.

Петровская эпоха.

Усвоеніе западной культуры.

При Петрѣ Великомъ продолжается тотъ же процессъ сближенія съ Западной Европой, усвоенія началъ европейской образованности, который начался еще въ предшествующую эпоху. Но Петръ, благодаря личной энергіи и дарованіямъ, придалъ этому процессу характеръ бо́льшей рѣшительности и стремительности. Люди XVII вѣка, сознавши свою умственную отсталость и вызываемую ею необходимость обратиться за знаніями къ западнымъ народамъ, остановились на полпути: руководствуясь религіозными опасеніями, они не рѣшились прямо обратиться къ еретическому Западу и ограничились призывомъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ. Но вполнѣ обойтись безъ помощи европейцевъ они не могли, такъ какъ государство нуждалось въ образованныхъ спеціалистахъ по разнымъ областямъ практической жизни,— въ военныхъ инструкторахъ, инженерахъ, врачахъ, архитекторахъ и т. д. Такимъ образомъ изъ этихъ въѣзжихъ иностранцевъ различныхъ національностей образуется постепенно въ Москвѣ многочисленная колонія, заселившая обширную Нѣмецкую слободу, которую историкъ Соловьевъ назвалъ «аванпостомъ европейскаго просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ». Здѣсь, въ Нѣмецкой слободѣ, Петръ еще юношей научился цѣнить европейскую образованность. Онъ не остановился на полпути, какъ его предшественники, не ограничился робкими заимствованіями изъ вторыхъ рукъ, но рѣшился обратиться непосредственно къ источнику знаній, т.-е. къ Западной Европѣ. Съ эпохи Петра *западное вліяніе* прочно устанавливается въ русской жизни; *сближеніе Россіи съ Европой и усвоеніе европейской культуры* — вотъ задача, которую поставилъ себѣ Петръ и къ осуществленію которой онъ стремился въ теченіе всей своей жизни.

Просвѣтительная дѣятельность Петра Вел.

Эпоха Петра Великаго была для Россіи эпохой важныхъ преобразованій, обнимавшихъ всѣ стороны государственной и общественной жизни. Задача, поставленная себѣ Петромъ, заключалась въ подъемѣ національнаго могущества и народнаго благосостоянія. Главной причиной нашей отсталости, сравнительно съ Западной Европой, было отсутствіе образованія. Поэтому Петръ обратилъ на эту сторону особое вниманіе. *Просвѣтительная дѣятельность Петра* проявляется въ разнообразныхъ формахъ: во 1-хъ, онъ посылаетъ молодыхъ людей для науки въ европейскія страны; во 2-хъ, учре-

ждаетъ школы, требуетъ отъ дѣтей дворянъ обязательнаго ученія и сдачи экзамена передъ поступленіемъ на службу; въ 3-хъ, заботится объ изданіи книгъ, относящихся къ разнымъ областямъ знаній; наконецъ, въ 4-хъ, переноситъ съ Запада различныя культурныя учрежденія: основываетъ первую русскую газету и общенародный театръ, собираетъ картинную галлерею, музей рѣдкостей и т. д.

Посылка молодежи за-границу для обученія.

Впервые въ 1697 г. было отправлено 50 молодыхъ стольниковъ и спальниковъ, частью въ Голландію и Англію, частью въ Венецію, для изученія кораблестроенія и мореплаванія. Это были первые русскіе „навигаторы“, необходимые Петру для заводимаго имъ флота. Затѣмъ посылка молодыхъ людей въ западныя земли „для науки“ становится обычнымъ пріемомъ, при помощи котораго Петръ старался подготовить нужныхъ ему ученыхъ *спеціалистовъ*. Такъ, для изученія военныхъ наукъ молодые люди посылались во Францію, для изученія горнаго дѣла—въ Саксонію, для изученія судопроизводства и канцелярскихъ порядковъ—въ Швецію и Австрію. Нѣкоторые изъ нихъ отправлялись по своей волѣ, другіе—по распоряженію правительства. Многіе очень тяготились необходимостью оторваться отъ привычной, родной обстановки и ѣхать въ далекія, чужія страны для трудной и непривычной науки. „О житьѣ моемъ возвѣщаю,—писалъ одинъ изъ такихъ подневольныхъ учениковъ,—житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное. Первое, что нищета, паче же разлученіе. Наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того — не знамо учитца языка, не знамо наукѣ.“—Нѣкоторые изъ русскихъ путешественниковъ Петровскаго времени оставили записки о своемъ пребываніи за границей. Эти *записки* живо передаютъ то впечатлѣніе, какое производила западная культура и европейская жизнь на умъ и чувство русскаго человѣка, выросшаго среди совершенно иныхъ условій и формъ жизни. Таковы путевыя записки Петра Толстого, Матвѣева и кн. Куракина.

Учрежденіе школъ.

Другимъ средствомъ для распространенія образованія, кромѣ посылки молодыхъ людей за-границу, было учрежденіе новыхъ *училищъ*. Въ древней Руси существовали только немногочисленныя духовныя школы, и дѣло образованія находилось въ рукахъ духовенства; въ царствованіе Петра появляются у насъ первыя *свѣтскія* училища; но такъ какъ для Петра прежде всего необходимы были практическіе дѣятели, подготовленные для различныхъ частей государственной службы, то учрежденныя имъ школы носили не общеобразовательный, а *техническій, спеціальный* характеръ. Первымъ изъ подобныхъ училищъ была «школа математическихъ и навигацкихъ наукъ», основанная въ 1701 году въ Москвѣ и помѣщавшаяся въ зданіи Сухаревой башни. Руководителемъ ея былъ англичанинъ Фарварсонъ. Однимъ изъ преподавателей въ ней былъ Леонтій Магницкій, первый русскій математикъ, авторъ книги: «Ариѳме-

тика, сирѣчь наука числительная». Впослѣдствіи преподаваніе навигаціи было перенесено въ основанную въ Петербургѣ *Морскую академію* (1715 г.). Кромѣ того, при Петрѣ были основаны школы *артиллерійская* и *инженерная, хирургическая* (при военномъ госпиталѣ въ Москвѣ) и два *горныхъ* училища на Уралѣ. Для распространенія первоначальнаго образованія были основаны въ провинціальныхъ городахъ «цифирныя школы» (указъ 1714 г.), въ которыхъ обучали грамотѣ, ариѳметикѣ и начаткамъ геометріи [1]).

Въ концѣ своего царствованія Петръ думалъ объ учрежденіи *Академіи*. По этому поводу онъ велъ переговоры съ знаменитыми нѣмецкими философами и учеными Лейбницемъ и Вольфомъ, приглашая ихъ переѣхать въ Россію; однако оба они отказались отъ этого предложенія. Академія была открыта уже послѣ смерти Петра, въ концѣ 1725 года [2]).

На ряду съ новыми свѣтскими училищами, продолжали дѣйствовать при Петрѣ и прежнія духовныя. Въ 1701 г. московское славяно-греколатинское училище было преобразовано въ Академію, при чемъ въ ней устанавливаются тѣ же порядки, которые существовали въ кіевской Академіи. Господствующимъ языкомъ становится латинскій, устанавливаются званія ректора, префекта, авдиторовъ; переносятся польско-латинскіе школьные обычаи: диспуты, сочиненіе виршей, представленіе мистерій; вводится преподаваніе философіи, реторики, піитики; впрочемъ, все преподаваніе ведется въ томъ же схоластическомъ духѣ, который господствовалъ и въ кіевской академіи. Благодаря разнообразію преподаваемыхъ предметовъ, Академія имѣла общеобразовательный характеръ, и многіе изъ ея воспитанниковъ поступали на государственную службу, становились переводчиками, учителями, справщиками при типографіяхъ и т. д. Въ академію принимались не только лица духовнаго званія, но также и изъ другихъ сословій, даже изъ крестьянъ (напр., Ломоносовъ).

---

[1]) Всего такихъ училищъ было открыто при Петрѣ 28; учителями въ нихъ были большей частью воспитанники московской навигацкой школы. Петръ хотѣлъ сдѣлать обученіе обязательнымъ для дѣтей дворянъ и подьячихъ; поэтому до полученія свидѣтельства объ окончаніи курса они числились въ „недорослях“ и не имѣли права жениться; не выдержавшихъ испытанія приказано было брать въ солдаты. Однако эти принудительныя мѣры мало помогали дѣлу: среди населенія было еще слабо распространено сознаніе необходимости образованія. Родители всячески старались уклониться отъ непривычной школьной повинности, ученики старались уйти изъ школы: значительное число ихъ находилось „въ бѣгахъ“ или „въ нѣтѣхъ“ (въ отсутствіи), школы пустовали, и многія изъ нихъ даже принуждены были закрыться за отсутствіемъ воспитанниковъ.

[2]) Первые академики были вызваны изъ Германіи, изъ числа нѣмецкихъ ученыхъ. По уставу они обязаны были не только заниматься учеными изслѣдованіями, но и читать лекціи студентамъ. Но первое время желающихъ и подготовленныхъ слушателей было такъ мало, что профессорамъ приходилось ходить другъ къ другу на лекціи, которыя они должны были читать по уставу.

Третьимъ средствомъ, къ которому прибѣгалъ Петръ Великій для распространенія въ Россіи знаній и европейскаго просвѣщенія, было *книгопечатаніе*. До Петра книгопечатаніе служило преимущественно потребностямъ церкви: печатались почти исключительно книги духовныя и богослужебныя, сочиненія же свѣтскаго характера оставались обыкновенно въ рукописяхъ. Петръ обратилъ серьезное вниманіе на изданіе книгъ свѣтскаго содержанія, предназначенныхъ для широкаго распространенія въ народѣ. Книги эти были преимущественно *переводныя:* онѣ должны были, по мысли Петра, познакомить русскихъ людей съ европейской наукой. Въ изданіи ихъ самъ царь принималъ живое и непосредственное участіе: онъ самъ выбиралъ сочиненія для перевода, поощрялъ и торопилъ переводчиковъ, просматривалъ ихъ работы въ рукописи и нерѣдко дѣлалъ въ нихъ поправки.—При этомъ царь особенно заботился о ясности языка; онъ требовалъ, чтобы книги переводились не «славянскимъ высокимъ діалектомъ», а простымъ, «обходительнымъ» (т.-е. разговорнымъ) языкомъ. Однако это требованіе было трудно исполнимо, такъ какъ русскій литературный языкъ въ то время былъ еще совершенно не выработанъ, а разговорный—былъ мало приспособленъ для передачи новыхъ, сложныхъ понятій; поэтому языкъ Петровскихъ изданій обыкновенно отличается тяжеловѣсностью, часто затемняющей даже самый смыслъ излагаемаго. Нерѣдко эта неясность происходила также отъ того, что переводчики старались переводить слово въ слово и такимъ образомъ погрѣшали противъ духа собственнаго языка; на это также обращалъ вниманіе Петръ, требовавшій отъ переводчиковъ, «дабы не по конецъ рукъ переводили (т.-е. не дословно), но дабы внятно и хорошимъ штилемъ». Дурные переводы Петръ заставлялъ выправлять и передѣлывать по своимъ указаніямъ. Къ числу особенностей языка Петровскихъ изданій принадлежитъ также изобиліе варваризмовъ: иногда иностранныя слова были необходимы для обозначенія новыхъ понятій или предметовъ, неизвѣстныхъ древне-русскому человѣку; но нерѣдко пользовались иностранными словами даже тогда, когда существовали и соотвѣтственныя чисто-русскія выраженія: такъ, напр., часто употреблялись такія слова, какъ баталія (сраженіе), викторія (побѣда), фортеція (крѣпость), дефенсія (защита), сукцессъ (удача), аппробація (одобреніе), дезесперація (отчаяніе), ребелизантъ (мятежникъ), и мн. др. [1]).

Изданіе книгъ.

Переводы.

[1]) Необработанность литературнаго языка сказывается и въ неловкой передачѣ различныхъ иностранныхъ выраженій, пріобрѣтающихъ иногда въ русской передѣлкѣ даже нѣкоторый комическій отпечатокъ; такъ, напр., въ одномъ сочиненіи французское вы-

Введеніе гражданскаго шрифта.

Издавая въ большомъ количествѣ переводы разныхъ книгъ свѣтскаго содержанія, Петръ пожелалъ, чтобы онѣ и по внѣшнему виду отличались отъ старыхъ духовныхъ книгъ и приближались къ своимъ европейскимъ оригиналамъ; для этого онъ ввелъ въ употребленіе новый, *гражданскій шрифтъ,* по виду своему болѣе приближающійся къ шрифту латинскому. Первая книга, напечатанная «новоуставными литерами», была *Геометрія,* изданная въ свѣтъ въ 1708 году.

Общій характеръ Петровскихъ изданій.

Переводныя книги, изданныя при Петрѣ Великомъ, отличаются большимъ разнообразіемъ содержанія. Однако чисто литературныхъ произведеній среди нихъ очень мало; Петръ самъ былъ по преимуществу *практическій* дѣятель, преслѣдовавшій цѣли государственной и народной пользы: поэтому и изданныя по его приказанію книги носятъ *утилитарный* характеръ и относятся въ большинствѣ случаевъ къ различнымъ областямъ *техническихъ* знаній (военное и морское дѣло, архитектура, механика) и точныхъ наукъ (математика, астрономія, космографія).

Историческія сочиненія.

Впрочемъ, какъ политическій и государственный дѣятель, Петръ живо интересовался также историческими вопросами и заботился о собираніи историческихъ матеріаловъ и изданіи книгъ по *исторіи.* Такъ, при

раженіе: chevaliers errants (странствующіе рыцари) передано: „кавалеры заблудящіе“, idolatrie—„идолательство“, pathétique—„страстодвижимый“.

Чрезвычайно характерны для литературнаго языка Петровской эпохи путевыя записки князя Куракина, веденныя имъ во время путешествія по Зап. Европѣ. Въ нихъ на каждомъ шагу встрѣчаются такія выраженія, какъ „увражъ“, „проклемовать“ (proclamer), „алліансъ“, „плезиръ“, „консидерація“, „авантура куріозная“ и тому под. Куракину принадлежитъ и любопытная „Гисторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ“. Хотя онъ получилъ образованіе за границей и долго жилъ въ Зап. Европѣ, но по своимъ симпатіямъ тяготѣлъ къ старой боярской партіи, недовольной многими мѣрами Петра, подрывавшими въ корнѣ прежнее значеніе боярства. Не рѣшаясь прямо осуждать Петра, Куракинъ тѣмъ рѣшительнѣе нападетъ на его совѣтниковъ и любимцевъ, о которыхъ онъ отзывается чрезвычайно ядовито. Образцами его характеристикъ могутъ послужить, напр., его отзывы о князѣ Ромодановскомъ, начальникѣ Преображенскаго приказа, занимавшемся розыскомъ политическихъ дѣлъ и извѣстномъ своей жестокостью: „Сей князь былъ характеру партикулярнаго; собою видомъ, какъ монстра; нравомъ тиранъ; превеликій нежелатель добра никому“. О Львѣ Нарышкинѣ Куракинъ пишетъ, что онъ былъ „человѣкъ гораздо посредняго ума, и хотя не злодѣй, токмо не склончивый, и добро многимъ дѣлалъ безъ резону, но по бизаріи своего гумору“ (par bizarrerie de son humeur—по капризу своего настроенія). О Лефортѣ говорится, что онъ былъ „человѣкъ забавной и роскошной, или назвать дебошанъ французской (débochè—гуляка, кутила). И непрестанно давалъ у себя въ домѣ обѣды, супе и балы... Помянутый же Лефортъ съ того времени пришелъ до такого градусу (grade — чинъ, достоинство), что учиненъ былъ генераломъ отъ инфантеріи, и потомъ адмираломъ, и отъ пьянства скончался“.

немъ было издано сочиненіе нѣмецкаго историка и юриста *Пуффендорфа*: „Введеніе въ исторію европейскую“ (1718) и сочиненіе *Стратемана*: „Θеатронъ, или позоръ историческій“. Оба эти сочиненія, для своего времени, отличались значительными научными достоинствами и написаны были въ такомъ свободномъ духѣ, что впослѣдствіи даже подвергались у насъ запрещенію. Между прочимъ, въ книгѣ Пуффендорфа находился очень неодобрительный отзывъ о русскихъ, о ихъ грубости, невѣжествѣ, невоздержанности и т. д. Переводчикъ (Гавріилъ Бужинскій) исключилъ это мѣсто, какъ оскорбительное для народной гордости, но Петръ разгнѣвался на него за это, и велѣлъ вставить пропущенное, ничего не измѣняя, очевидно, надѣясь, что эти указанія на недостатки его современниковъ послужатъ къ ихъ исправленію. По желанію Петра было переведено на русскій языкъ и другое сочиненіе *Пуффендорфа*: „О должности человѣка и гражданина по закону естественному“; Петръ очень интересовался этимъ переводомъ, самъ выправлялъ его, но книга вышла въ свѣтъ уже послѣ его кончины.

Юности честное зерцало.

Заботясь о сближеніи Россіи съ Западомъ, Петръ Великій желалъ, чтобы и съ внѣшней стороны русскіе стали похожи на европейцевъ: отсюда его указы о ношеніи нѣмецкаго платья, о брадобритіи, объ ассамблеяхъ. Съ этой же цѣлью были изданы двѣ переводныя книги (съ нѣмецкаго): „*Приклады* [1]), *како пишутся комплименты разные*“ (1708) и „*Юности честное зерцало*“ (1717). Первая представляетъ собой письмовникъ, т.-е. сборникъ образцовъ различныхъ писемъ, составленныхъ въ очень витіеватыхъ выраженіяхъ и пріуроченныхъ къ самымъ разнообразнымъ обстоятельствамъ жизни. Вторая даетъ наставленіе, какъ должно вести себя благовоспитанному юношѣ, какъ держаться въ обществѣ, какъ обращаться съ родителями, съ друзьями, со слугами и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ наставленій довольно характерны: напр., о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя за столомъ: ногами не мотать, рукой не утираться, перстовъ не облизывать, губами не чавкать, зубовъ ножикомъ не ковырять и т. д. Изданіемъ этихъ книгъ Петръ хотѣлъ познакомить русское общество съ пріемами европейской вѣжливости и обходительности, чтобы русскіе и по своимъ внѣшнимъ манерамъ не отличались отъ западныхъ, „политичныхъ“ (образованныхъ) народовъ.

Художественныя произведенія.

Что касается до чисто-литературныхъ произведеній, то такихъ при Петрѣ напечатано было очень немного; къ числу ихъ относятся: „Притчи Эзопа“, „Апоѳегмата, или краткія и витіеватыя повѣсти“ (анекдоты изъ греческой и римской исторіи, изреченія древнихъ мудрецовъ и философовъ), „Исторія о разореніи Трои“ (рыцарскій романъ, основанный на сказаніяхъ о троянской войнѣ), „Овидіевы фигуры“ (гравюры къ Метаморфозамъ, съ текстомъ), „Аполлодора-грамматика книга о богахъ“ и нѣк. др. Слѣдуетъ отмѣтить, что по своему содержанію всѣ эти книги имѣютъ непосредственное отношеніе къ античной древности, интересъ къ которой съ эпохи Возрожденія становится господствующимъ въ европейской литературѣ. Такимъ образомъ

[1]) Прикладъ—примѣръ, образецъ.

еще при Петрѣ у насъ подготавливается почва для усвоенія классицизма, окончательно утвердившагося въ русской литературѣ трудами Ломоносова и Тредьяковскаго [1]).

Всѣ эти просвѣтительныя начинанія Петра отразились и на современной литературѣ. Двѣ главныя черты литературы Петровской эпохи, это, во 1-хъ, ея *свѣтскій* характеръ, отличающій ее отъ древне-русской литературы, проникнутой преимущественно религіозно-нравственными интересами; въ Петровскую же эпоху даже духовные писатели выбираютъ, напр., для своихъ проповѣдей свѣтскія темы (Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій); во 2-хъ, ея *практическое*, утилитарное направленіе: Петровскія реформы были направлены преимущественно на практическія государственныя задачи, которыя были столь сложны и обширны, что требовали напряженія всѣхъ наличныхъ культурныхъ силъ: поэтому оставалось мало возможности для чисто-научной и чисто-художественной дѣятельности; и дѣйствительно, художественная литература при Петрѣ очень бѣдна, и дѣятельность писателей и переводчиковъ проявляется преимущественно въ сочиненіяхъ чисто-практическаго, прикладного характера (о навигаціи, кораблестроеніи, архитектурѣ, военномъ дѣлѣ), или же въ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для разъясненія смысла и значенія реформъ Петра и для ихъ защиты отъ нападокъ ихъ противниковъ, приверженцевъ старины (таковы, напр., многія проповѣди Ѳеофана Прокоповича и его «Духовный Регламентъ»). Это придаетъ большинству литературныхъ произведеній Петровскаго времени яркій *публицистическій* характеръ, такъ какъ авторы касаются въ нихъ тѣхъ или другихъ злободневныхъ вопросовъ русской жизни, поднятыхъ преобразовательной дѣятельностью великаго императора.

Публицистика Петровской эпохи.

Публицистическій характеръ литературы Петров. эпохи.

Оригинальная литература въ Петровскую эпоху выражалась преимущественно въ формѣ *публицистики*. Этотъ публицистическій характеръ Петровской литературы естественно объясняется тѣмъ исключительнымъ интересомъ, который вызывали къ себѣ предпри-

[1]) Вкусъ къ классическимъ образамъ и аллегоріямъ проникаетъ въ русскую жизнь также и другими путями: напр., устраиваемыя по разнымъ торжественнымъ случаямъ тріумфальныя врата украшались обыкновенно миѳологическими изображеніями: Нептуна, Марса, Минервы и пр.; самъ Петръ въ похвальныхъ виршахъ сравнивался съ Александромъ Великимъ и Юліемъ Цезаремъ, именовался „всероссійскимъ Геркулесомъ“; даже въ проповѣдяхъ духовныхъ лицъ, напр., Ѳеофана Прокоповича, встрѣчаются упоминанія языческихъ божествъ.

нятыя Петромъ преобразованія. Эти преобразованія касались всѣхъ сторонъ жизни, вводили въ обиходъ русскаго человѣка новыя понятія, новые нравы и обычаи, затрагивали интересы всѣхъ сословій, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, и требовали отъ нихъ небывалаго до сихъ поръ напряженія силъ. Реформы Петра привлекали къ себѣ симпатіи наиболѣе сознательной части русскаго общества, но зато вызывали вражду и ненависть со стороны косной массы приверженцевъ старины, не понимавшихъ ихъ необходимости. Число этихъ противниковъ реформы во много разъ превышало число ея сознательныхъ сторонниковъ, и Посошковъ былъ совершенно правъ, когда писалъ: «Видимъ мы всѣ, какъ великій нашъ монархъ трудится, да ни въ чемъ не успѣваетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору хотя и самъ-десятъ тянетъ, да подъ гору милліоны тянутъ».

Недовольство Петровскими реформами.

Причины недовольства Петровскими „новшествами“ были различны. Старое родовитое боярство было недовольно тѣмъ, что Петръ возвышалъ людей не по ихъ происхожденію, а по способностямъ и заслугамъ, такъ что первое мѣсто при немъ занималъ, напр., „безродный“ Меншиковъ. Служилое сословіе жаловалось на обременительную службу, на долгіе и тягостные походы, на всевозможныя строгости, заведенныя Петромъ. Духовенство было недовольно уничтоженіемъ патріаршества, упраздненіемъ многихъ монастырей, умаленіемъ своего вліянія въ государственныхъ дѣлахъ. Посадскіе и крестьяне роптали на тяжелыя подати и налоги, на суровую рекрутчину. Къ этому присоединялись еще соображенія религіознаго характера: ревнители стариннаго московскаго благочестія съ ужасомъ и негодованіемъ смотрѣли на вторженіе въ православную Русь порядковъ и обычаевъ, заимствованныхъ съ еретическаго Запада и ломавшихъ весь строй старой русской жизни; въ этихъ новшествахъ имъ чудилась опасность для благовѣрія, погубный соблазнъ, ведущій ко грѣху и душевной гибели. Привыкши смотрѣть на религію преимущественно съ внѣшней, обрядовой стороны, русскій человѣкъ стараго времени привыкъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всякій иной традиціонный обрядъ или обычай считать священнымъ и незыблемымъ, не допуская отступленій отъ вѣками сложившихся, отъ отцовъ унаслѣдованныхъ формъ жизни, такъ что всякое такое отступленіе казалось ему само по себѣ грѣховнымъ. Поэтому преобразованія Петра, нарушавшія освященные вѣками старинные порядки и обычаи, обнимавшія всѣ стороны русской жизни, нерѣдко касавшіяся даже церковныхъ установленій, вызывали противъ себя негодованіе приверженцевъ старины, находившее себѣ сочувственный отголосокъ во всѣхъ, кому тяжело жилось въ Петровскую эпоху.

Защита Петровскихъ реформъ въ литературѣ.

Недовольство нововведеніями Петра вызывало со стороны его сторонниковъ необходимость усиленной защиты его преобразованій: нужно было объяснить народу ихъ пользу, убѣдить его въ ихъ цѣ-

лесообразности и такимъ путемъ оправдать новые порядки въ сознаніи всего общества. Это была задача по существу своему публицистическая, и при томъ задача трудная и сложная, требовавшая привлеченія къ себѣ всѣхъ наличныхъ литературныхъ силъ. Поэтому въ Петровскую эпоху *всѣ русскіе писатели* являются въ большей или меньшей мѣрѣ *публицистами,* всѣ они сосредоточиваютъ свое вниманіе на насущныхъ политическихъ и общественныхъ вопросахъ, на интересахъ живой современности.

Различныя формы публицистики.

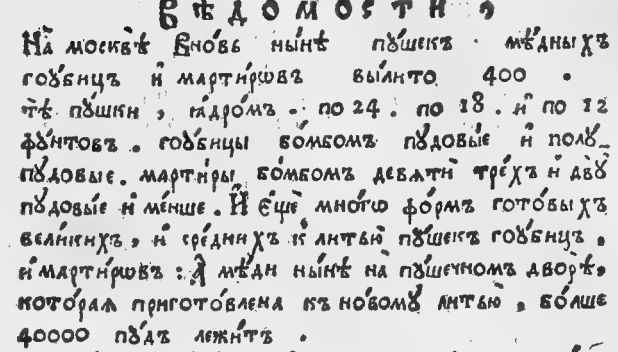
Публицистика Петровскаго времени заключается, во-1-хъ, въ *защитѣ* нововведеній Петра Великаго, въ разъясненіи ихъ пользы и необходимости; во-2-хъ, въ *полемикѣ* противъ враговъ преобразованія, приверженцевъ старины. Въ своей дѣятельности публицистика эта проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Очень важную роль играетъ публицистическій элементъ даже въ *законодательныхъ актахъ* Петра: указахъ, уставахъ, регламентахъ; Петръ не ограничивался въ своихъ указахъ простымъ изъявленіемъ своей воли, но нерѣдко сопровождалъ свои постановленія болѣе или менѣе подробнымъ объясненіемъ, имѣющимъ цѣлью показать выгоду новаго закона (напр., указъ 1714 года о единонаслѣдіи). Въ нѣкоторыхъ законодательныхъ актахъ встрѣчается и рѣзкая критика прежнихъ порядковъ, переходящая иногда въ сатирическія нападки противъ приверженцевъ старины,—напр., въ Духовномъ Регламентѣ 1721 г. Указы и постановленія правительства съ 1714 года печатались для всеобщаго свѣдѣнія, разсылались по городамъ, вывѣшивались въ публичныхъ мѣстахъ и читались въ церквахъ послѣ богослуженія.

Указы Петра.

Вѣдомости.

Но Петръ не ограничивался простымъ обнародованіемъ указовъ и постановленій: онъ заботился также о томъ, чтобы познакомить своихъ подданныхъ съ общимъ ходомъ государственныхъ и политическихъ дѣлъ, дабы они могли сознательнѣе отнестись къ совершавшимся событіямъ. Для этого имъ была основана *первая русская газета*: «Вѣдомости», первый номеръ которой вышелъ въ Москвѣ 2 января 1703 г. [1]). Матеріалъ для составленія «Вѣдомостей» почерпался изъ иностранныхъ газетъ, а также изъ донесеній правительственныхъ властей. Петръ самъ живо интересовался изданіемъ: сохранились корректурные листы газеты съ его собственноручными

[1]) До этого времени въ Россіи не существовало газетъ, предназначенныхъ для публичнаго обращенія; ихъ замѣняли такъ называемые „куранты"—рукописныя вѣдомости, составлявшіяся при Посольскомъ приказѣ изъ переводовъ изъ иностранныхъ газетъ и предназначавшіяся для царя и близкихъ къ нему лицъ; такіе куранты упоминаются еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.



Вѣдомости.

На москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ
гоубицъ и мартирωвъ вылито 400.
тѣ пушки, ядромъ по 24. по 18. и по 12
фунтовъ. гоубицы бомбомъ пудовые и полу-
пудовые. мартиры бомбомъ девяти трехъ и двѹ
пудовые и менше. И еще многω формъ готовыхъ
великихъ, и среднихъ к литью пушекъ гоубицъ.
и мартирωвъ: А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ,
котораѧ приготовлена къ новомѹ литью, болше
40000 пудъ лежитъ.
Повелѣніемъ егω величества московскіе школы
оумножаютсѧ, и 45 человѣкъ слушаютъ філософію.
и ѹже діалектікѹ ωкончили.
В математіческой штюрманской школѣ болше 300
чл҃вѣкъ оучатсѧ, и добрѣ наукѹ пріемлютъ.
На москвѣ ноѧбрѧ съ 24 числа, по 24 декабрѧ
родилось мужеска и женска полѹ 386 чл҃вѣкъ.
Изъ персиды пишутъ: Индейскій царь послалъ
в дарахъ великомѹ Гдрю нашемѹ слона, и иныхъ
вещей не мало. Изъ града шемахи ωтпущенъ
онъ въ астрахань сухимъ путемъ.
Изъ казани пишутъ, На рѣкѣ сокѹ нашли многω
нефти, и мѣдной руды, изъ той руды мѣдь
выплавили изрѧднѹ, ωтчегω чаютъ н...
быть прибыль московскомѹ гдрствѹ.
Изъ сибири пишутъ. Въ китайскомъ

Первый номеръ „Вѣдомостей“ (2 янв. 1703 г.).

поправками. Въ «Вѣдомостяхъ» печатались главнымъ образомъ фактическія свѣдѣнія, обыкновенно въ краткой формѣ, безъ подробныхъ разъясненій; если же Петру хотѣлось полнѣе освѣтить какое-либо событіе или объяснить и оправдать какую-либо правительственную мѣру, то это дѣлалось въ особыхъ, спеціально написанныхъ *разсужденіяхъ* или *трактатахъ:* таковы, напр., «Разсужденіе о причинахъ войны со Швеціей» Шафирова и «Правда воли монаршей» Ѳеофана Прокоповича; послѣдняя книга написана по поводу дѣла царевича Алексѣя, котораго Петръ лишилъ права на престолъ и предалъ суду.

Разсужденія и трактаты.

Проекты, проповѣди и поучнія.

Весьма важный отдѣлъ Петровской публицистики представляютъ многочисленные законодательные *проекты* и предложенія, подававшіеся Петру частными лицами изъ разныхъ классовъ общества, даже изъ крестьянъ (напр., Посошковъ). Публицистическія тенденціи проникаютъ даже въ *церковную проповѣдь* (Ѳеофанъ Прокоповичъ) и въ другіе виды *поучительныхъ* сочиненій (напр., «Завѣщаніе отеческое» Посошкова, «Разговоръ о пользѣ наукъ» Татищева); наконецъ, публицистика принимаетъ иногда форму художественной *сатиры*, борющейся противъ устарѣлыхъ понятій, обычаевъ и традицій (Кантемиръ). Въ лицѣ перечисленныхъ писателей Петръ нашелъ себѣ искреннихъ и убѣжденныхъ сторонниковъ, сочувственно относившихся къ его преобразованіямъ и боровшихся противъ слѣпыхъ приверженцевъ старины.

Общественная сатира.

Стефанъ Яворскій.

Изъ числа отдѣльныхъ писателей Петровскаго времени особенное значеніе имѣли два духовныхъ лица: Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Когда въ 1700 г. скончался патріархъ Адріанъ, ревнитель старины, очень несочувственно относившійся ко всякимъ заимствованіямъ у еретическаго Запада, Петръ рѣшилъ не назначать ему преемника, опасаясь встрѣтить въ немъ противодѣйствіе своимъ планамъ. Обязанность патріарха онъ поручилъ архіепископу рязанскому *Стефану Яворскому* (род. 1658, ум. 1722), назначивъ его „мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола“. Это былъ ученый монахъ, получившій образованіе въ кіевской Академіи и завершившій его въ католическихъ духовныхъ школахъ за-границей (въ Римѣ). Кромѣ того онъ славился краснорѣчіемъ и производилъ своими проповѣдями громадное впечатлѣніе на слушателей. Въ своихъ проповѣдяхъ Яворскій вполнѣ усвоилъ пріемы католическаго церковнаго краснорѣчія, выработанные въ іезуитскихъ школахъ: поэтому въ нихъ встрѣчаются всевозможныя риторическія украшенія, замысловатыя аллегоріи, натянутыя сравненія и уподобленія, разнообразные фигуры и тропы, патетическія восклицанія и т. д. [1]).

Общій характеръ его проповѣдей.

---

1) Яворскій былъ человѣкъ образованный, но образованіе его было чисто схоластическое, основанное на безусловной вѣрѣ въ признанные авторитеты и не допускавшее свободной критики. Новыя научныя открытія, сдѣланныя человѣческой мыслью въ эпоху Возрожденія, не признавались имъ; такъ, напр., онъ отвергалъ систему Коперника: „Одному нѣкоему астроному Копернику приснилося, будто солнце, луна, звѣзды стоятъ, а земля оборочается противно священнымъ писаніямъ. Смѣются съ него богослови“. Проповѣди Яворскаго отличаются своей искусственностью. Въ нихъ строго соблюдены правила школьнаго краснорѣчія, напр., дѣленіе каждой рѣчи на опредѣленное число частей.

Для украшенія своихъ проповѣдей Яворскій особенно любилъ прибѣгать къ аллегорическимъ уподобленіямъ; такими уподобленіями наполнена, напр., его рѣчь по случаю Полтавской побѣды: „Нива державы Россійской угобзися (обогатилась), класы побѣдные благополучно собраны: плевелы же нечестивыхъ шведовъ пожаты, а иніи въ снопы связаны... Лютый оный звѣрь левъ, король шведскій, рыкаше и віяше устами своими, хотя поглотить Россію: но храбрый Самсонъ, нашъ государь, заградилъ есть уста

Своими панегириками по случаю побѣдъ русскаго оружія Яворскій обратилъ на себя вниманіе Петра, который возвысилъ его, думая найти въ немъ полезнаго сотрудника и исполнителя своихъ плановъ. Однако Петръ въ этомъ отношеніи ошибся, такъ какъ Яворскій далеко не во всемъ сочувствовалъ его преобразованіямъ. Особенно недоволенъ былъ онъ такими мѣрами Петра, въ которыхъ онъ видѣлъ умаленіе церковнаго авторитета (отмѣна патріаршества, дѣятельность монастырскаго приказа). Воспитанный въ католическихъ школахъ, Яворскій вынесъ оттуда очень высокое представленіе о церковной власти, какъ о началѣ совершенно самостоятельномъ и независимомъ отъ посторонняго авторитета. Другой причиной недовольства Яворскаго была терпимость Петра по отношенію къ лютеранамъ, которыхъ онъ охотно принималъ на службу; Яворскій же относился къ нимъ крайне враждебно, опасаясь распространенія среди русскаго общества „лютеранской ереси“; въ этой враждѣ къ лютеранамъ также сказывается вліяніе католическихъ традицій, усвоенныхъ имъ за границей [1]). Яворскій не скрывалъ своего отрицательнаго отношенія ко многимъ нововведеніямъ Петра: въ его проповѣдяхъ встрѣчаются иногда довольно рѣзкія нападки на отдѣльныя правительственныя мѣры (напр., на учрежденныхъ Петромъ фискаловъ) и даже на личное поведеніе Петра, напр., на его отношенія къ первой женѣ (Лопухиной) и къ сыну, царевичу Алексѣю, которому Яворскій неоднократно высказывалъ свое сочувствіе, подобно другимъ приверженцамъ старины. Всѣ эти обстоятельства привели къ тому, что Петръ скоро охладѣлъ къ Яворскому и сталъ выдвигать Ѳеофана Прокоповича, въ лицѣ котораго онъ нашелъ убѣжденнаго единомышленника и весьма цѣннаго и полезнаго сотрудника.

Отношенія Яворскаго къ дѣятельности Петра.

Особенно важно и цѣнно было для Петра содѣйствіе *Ѳеофана Прокоповича*, котораго царь, за его заслуги, приблизилъ къ себѣ и назначилъ архіепископомъ новгородскимъ и членомъ учрежденнаго имъ Синода.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

тому льву, паче же растерза льва шведскаго“... Далѣе онъ сравниваетъ пораженіе Карла съ паденіемъ могучаго кедра: „обиты вѣтви, то-есть генералы и полководцы; обрушены и побиты листвія, то-есть оружницы; разсыпаны плоды, подобраны корысти, знаменія, воинскія потребы“. Нерѣдко для большей занимательности Яворскій вставляетъ въ свои проповѣди цѣлые разсказы и притчи, заимствованные изъ древнихъ языческихъ писателей. Иногда встрѣчаются у него даже шутки или игра словъ: такъ, напр., въ проповѣди, произнесенной по поводу взятія Шлиссельбурга (Орѣшка), онъ говоритъ: „Орѣшекъ претвердый! добрые то зубы были, которые сокрушили тотъ твердый орѣшекъ. Бываетъ часто такъ твердый орѣхъ, яко нужда есть на сокрушеніе его каменя“ (намекъ на имя Петра, которое по-гречески значитъ камень).

Иногда сравненія отличаются у Яворскаго большой замысловатостью: такъ, люди сравниваются съ рыбами, христіанскія добродѣтели съ лѣкарствами, изъ которыхъ Яворскій составляетъ цѣлый рецептъ для „аптеки пречестнѣйшей церкви Христовой“. Христосъ и діаволъ изображаются въ видѣ двухъ рыболововъ, ходящихъ „при мори міра сего, на уловленіе рыбъ словесныхъ“, при чемъ Христосъ ловитъ „мрежами благодати своей“, а сатана ловитъ „удицей“, пользуясь приманкой какого-либо привлекательнаго грѣха.

[1]) Противъ лютеранства имъ было написано обширное обличительное сочиненіе: „Камень вѣры“.

Его жизнь и личность.

Ѳеофанъ Прокоповичъ (род. 1681, ум. 1736) принадлежалъ къ числу южно-русскихъ ученыхъ. Онъ получилъ образованіе въ кіевской академіи и закончилъ его въ высшихъ католическихъ школахъ въ Римѣ. Однако изъ Рима онъ вынесъ крайне отрицательное отношеніе къ католицизму вообще, въ особенности же къ стремленію папства подчинить себѣ свѣтскую власть. Послѣ возвращенія въ Россію, онъ преподавалъ разныя науки въ кіевской академіи (піитику, философію, богословіе) и былъ одно время ея ректоромъ. Въ 1716 г. Петръ вызвалъ его въ Петербургъ и возвелъ въ санъ епископа. Съ этого времени Ѳеофанъ становится дѣятельнымъ помощникомъ Петра, въ качествѣ проповѣдника, писателя и администратора. Ему Петръ поручалъ составленіе такихъ важныхъ правительственныхъ актовъ, какъ „Духовный Регламентъ“; онъ же сочинялъ трактаты по государственному праву („Правда воли монаршей“) и элементарные учебники („Первое ученіе отрокомъ“—букварь и краткій катехизисъ), наконецъ, въ своихъ многочисленныхъ проповѣдяхъ онъ разъяснялъ народу значеніе Петровскихъ преобразованій. Ѳеофанъ Прокоповичъ отличался многостороннимъ образованіемъ; онъ свободно владѣлъ нѣсколькими иностранными языками и поддерживалъ сношенія со многими заграничными учеными и съ первыми академиками-нѣмцами, вызванными въ Петербургъ; точно также онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ наиболѣе образованными русскими людьми того времени, напр., съ Кантемиромъ и Татищевымъ. Но съ нравственной стороны въ его характерѣ было много темныхъ чертъ: честолюбіе, мстительность, угодливость, склонность къ интригѣ. Поэтому у него было много личныхъ враговъ, съ которыми онъ всю жизнь боролся, не стѣсняясь средствами.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Значеніе его проповѣднической дѣятельности.

Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ, по выраженію одного изслѣдователя (Самарина), «посредникомъ между Петромъ Великимъ и народомъ». Такимъ онъ является въ особенности въ своихъ проповѣдяхъ: въ нихъ онъ объяснялъ народу значеніе дѣйствій Петра и его нововведеній, отзывался на всѣ современныя событія, волновавшія общество, и защищалъ Петровскія преобразованія отъ нападокъ многочисленныхъ противниковъ. Поэтому проповѣди его, хотя онѣ и

произносились съ церковнаго амвона, однако отличаются обыкновенно чисто *свѣтскимъ* содержаніемъ и представляютъ собой въ сущности публицистическія произведенія, только облеченныя въ своеобразную и торжественную форму. Такъ, напр., когда въ 1717 г. Петръ вторично отправился за границу, Ѳеофанъ произнесъ проповѣдь, въ которой онъ объяснялъ образовательную пользу путешествій и вмѣстѣ съ тѣмъ возражалъ противъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ этой поѣздкой Петра и его обычаемъ посылать молодыхъ людей для науки въ чужіе края.

Слово о пользѣ путешествій.

Въ ней онъ говорилъ между прочимъ: „Перегринація или странствованіе дивно объясняетъ разумъ къ правительству и есть лучшая и живая честныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію обычаи и поведенія народовъ... Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ многоизмѣнныя фортуны игранія и учится кротости, видитъ вины (причины) благополучія и учится правилу, зритъ въ чуждыхъ народахъ, аки въ зерцалѣ, свои собственные и своего народа и недостатки, и исправленія, и такъ, аки пчела, оставляя вредная, избираетъ, что лучшее видитъ быти и къ своему и народному исправленію. Словомъ рещи: странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтная старость“.

Слово о пользѣ флота.

Въ другомъ своемъ словѣ (1720 г.) Прокоповичъ доказывалъ необходимость для Россіи флота, устройство котораго требовало большихъ издержекъ, почти непосильныхъ для небогатой страны, и потому вызывало противъ себя сильное неудовольствіе. Въ своей проповѣди ораторъ объяснялъ пользу флота для мирныхъ сношеній, для торговли, предлагая своимъ слушателямъ разсудить, «къ чему толь пространныя поля, водныя моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ, какъ не къ тому, чтобы люди имѣли взаимную коммуникацію отъ конецъ до конецъ міра сего»; а необходимость военнаго флота для защиты береговъ онъ доказываетъ образнымъ сравненіемъ: «поморію, флотомъ не вооруженному, такъ трудно дѣло имѣть съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку дратися со свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходитися съ крокодилами».—Въ словѣ, произнесенномъ по случаю заключенія Ништадскаго мира, Ѳеофанъ подробно выяснялъ выгоды, которыя принесла Россіи многолѣтняя и тягостная война со Швеціей, давшая государству столь необходимый ему доступъ къ Балтійскому морю. И многія другія дѣйствія и нововведенія Петра находили себѣ въ лицѣ Ѳеофана ревностнаго защитника и толкователя: перенесеніе новаго года съ 1 сентября на 1 января, основаніе Петербурга, учрежденіе Сената и Синода,—въ особенности же

Освѣщеніе дѣятельности Петра въ проповѣдяхъ Ѳ. Прокоповича.

мѣры Петра, направленныя къ распространенію знаній и просвѣщенія. Въ одномъ панегирическомъ словѣ Петру, обнимая мысленно всю его дѣятельность, Ѳеофанъ задается вопросомъ: что была прежде Россія и чѣмъ она стала теперь, и, отвѣчая на него, перечисляетъ всѣ успѣхи, достигнутые Россіей при Петрѣ, и рѣшаетъ, что онъ, заново перестроилъ все государство, давъ ему лучшій видъ и прочнѣйшее основаніе: «деревянную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую». Ту же мысль повторилъ онъ и въ своемъ знаменитомъ словѣ, произнесенномъ при погребеніи Петра и проникнутомъ глубокимъ чувствомъ скорби, по случаю невознаградимой потери [1]).

Языкъ и форма его поученій.

По своей внѣшней формѣ, проповѣди Ѳеофана Прокоповича отличаются гораздо большею *простотой* и удобопонятностью, чѣмъ проповѣди Яворскаго и другихъ ораторовъ старой схоластической школы. Въ нихъ меньше риторическихъ прикрасъ, изысканныхъ сравненій, аллегорическихъ толкованій, патетическихъ возгласовъ; зато, благодаря близости къ дѣйствительности, въ нихъ больше жизненности и содержательности [2]). Языкъ проповѣдей Ѳеофана въ общемъ отличается достаточной ясностью, но, подобно другимъ писателямъ того времени, Ѳеофанъ злоупотреблялъ варваризмами и охотно вводилъ въ свою рѣчь иностранныя слова, иногда безъ особенной нужды (фабула, викторія, фундаторъ, трактаментъ, фортеца, экземпли, малконтенты и мн. др.).

---

1) Въ своей высокой оцѣнкѣ личности и дѣятельности Петра I Ѳофанъ сходился со многими современниками великаго Преобразователя. Такъ, напр., Крекшинъ называлъ Петра величайшимъ „благодѣтелемъ“ Россіи. Повторяя слова канцлера Головина, сказанныя при поднесеніи Петру сенатомъ императорскаго титула, онъ говоритъ: „Ты насъ *отъ небытія въ бытіе* привелъ... На что ни взглянемъ, куда ни обратимся, всюду труды и блаженныя дѣла *отца* нашего, Петра Великаго“. Въ такомъ же духѣ выражается и Неклюевъ, извѣстный устроитель Оренбургскаго края: „Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіи съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи не взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“.

2) Прокоповичъ сознательно стремился къ простотѣ изложенія и крайне отрицательно относился къ искусственнымъ пріемамъ, выработаннымъ католическими проповѣдниками. Польскія школы, въ которыхъ обучали этимъ пріемамъ, онъ называлъ „фабриками испорченнаго краснорѣчія“. Онъ требовалъ также большей простоты въ самомъ произнесеніи рѣчи, возставалъ противъ театральной напыщенности и ложнаго пафоса, противъ злоупотребленія жестами и мимикой. Въ „Дух. Регл.“ онъ говоритъ по этому поводу не безъ ѣдкой иронiи: „Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ суднѣ веслом гребетъ. Не надобно руками спляскивать, въ боки упиратися, подскакивать, смѣятися, да не надобно и рыдать“.

Видную роль сыгралъ Прокоповичъ и въ исторіи русскаго законодательства составленіемъ *Духовнаго Регламента*, опредѣлявшаго новый порядокъ управленія русской церкви (1721). Согласно этому Регламенту, главное управленіе церковными дѣлами сосредоточивалось въ рукахъ духовной коллегіи, получившей названіе *Синода*, и замѣнившей собою единоличную власть патріарха. Духовный Регламентъ

Въ „Духовномъ Регламентѣ“ много *бытовыхъ* чертъ, взятыхъ изъ жизни современнаго духовенства. Такъ какъ Ѳеофанъ, по своему обыкновенію, касался преимущественно темныхъ, отрицательныхъ сторонъ жизни, обличалъ недостатки и пороки современнаго быта, то его изображеніе нерѣдко переходило въ язвительную *сатиру*. Эти особенности Духовнаго Регламента лишаютъ его спокойствія и безпристрастія, необходимыхъ всякому законодательному акту, но вмѣстѣ съ тѣмъ придаютъ ему больше живости, жизненности и яркости, благодаря которымъ этотъ памятникъ русскаго законодательства пріобрѣтаетъ *литературное* значеніе.

Главная задача Духовнаго Регламента заключается въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить предметы, подлежащіе вѣдѣнію духовной власти. Къ числу ихъ прежде всего относится борьба со всевозможными формами суевѣрій и ложныхъ обрядовъ, каковы, напр., празднованіе пятницы, молебствіе передъ дубомъ, почитаніе мнимыхъ мощей, обычай давать молитву въ шапку и др. Главнымъ источникомъ суевѣрія Регламентъ считаетъ невѣжество, на искорененіе котораго предлагаетъ обратить особенное вниманіе. Единственнымъ средствомъ для этого является распространеніе образованія и просвѣщеніе народа: поэтому значительная часть Регламента посвящена выясненію различныхъ просвѣтительныхъ мѣръ, къ числу которыхъ относится учрежденіе училищъ для подготовленія образованныхъ пастырей церкви, сочиненіе краткихъ и удобопонятныхъ книгъ, содержащихъ изложеніе и толкованіе главнѣйшихъ религіозныхъ истинъ, развитіе церковной проповѣди. Вездѣ Ѳеофанъ выступаетъ убѣжденнымъ сторонникомъ образованія, защищая его отъ нападокъ приверженцевъ невѣжественной старины: „Дурно многіе говорятъ, что ученіе виновное есть ересей... Наши русскіе раскольщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися. И есть ли посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ“. При этомъ, однако, Ѳеофанъ требуетъ „ученія добраго и основательнаго“, отличая отъ него ложную ученость средневѣковыхъ схоластиковъ. Вообще, средніе вѣка Ѳеофанъ считаетъ эпохой варварства, когда „во всей Европѣ вся, почитай, ученія въ великой скудости были“; истинное просвѣщеніе водворяется лишь со временъ Возрожденія, „по четыресотномъ надъ тысящу годѣ“. Схоластическую же науку, процвѣтавшую въ то время въ католическихъ духовныхъ школахъ, Ѳеофанъ называетъ ученіемъ „привидѣннымъ и мечтательнымъ“, т.-е. мнимымъ. Поэтому въ составленномъ имъ проектѣ духовной семинаріи онъ особенное вниманіе обращаетъ на общеобразовательные предметы, на свѣтскія, „внѣшнія“ науки, отводя для спеціальныхъ богословскихъ наукъ лишь два старшихъ года. Въ этомъ тяготѣніи къ новой свѣтской наукѣ сказывается характерная черта Прокоповича, какъ представителя Петровской эпохи.

Законодательные проекты.

Усиленная преобразовательная и законодательная дѣятельность Петра Великаго, рѣзкія перемѣны во всѣхъ областяхъ государственнаго устройства и частнаго быта вызвали особенный интересъ къ вопросамъ политической и общественной жизни. Этотъ пробудившійся интересъ нашелъ себѣ выраженіе въ богатой литературѣ *проектовъ* и *законодательныхъ предложеній*, которые подавались Петру и его приближеннымъ различными правительственными и частными лицами. Въ нихъ излагались разнообразныя мѣры для поднятія государственнаго благосостоянія, для устраненія различныхъ старыхъ недостатковъ русской жизни, и въ особенности для улучшенія государственныхъ финансовъ, для обогащенія казны и народа, для изобрѣтенія новыхъ источниковъ дохода, новыхъ «прибылей». Всѣ эти проекты можно раздѣлить на двѣ группы: одни изъ нихъ, составленные людьми, болѣе или менѣе близко знакомыми съ западно-европейской жизнью, предлагаютъ цѣликомъ переносить различные иноземные порядки и законы въ Россію, считая, что только такимъ путемъ можно поднять благосостояніе родной страны: таковы «Пропозиціи» спальника Ѳедора Салтыкова; другіе, не отвергая совершенно заимствованія, исходятъ въ своихъ предположеніяхъ главнымъ образомъ изъ критики современныхъ недостатковъ и непорядковъ и считаютъ возможнымъ исправить ихъ собственными силами, дѣйствуя самостоятельно и не прибѣгая къ помощи иностранцевъ: таковы проекты крестьянина-писателя Ивана Посошкова.

Посошковъ.

Проекты и сочиненія Ивана Посошкова представляютъ особенный интересъ. По своему происхожденію, Посошковъ былъ крестьяниномъ подмосковнаго дворцоваго села, но занимался больше торговлей и промышленными предпріятіями. Никакого школьнаго образованія онъ не получилъ и потому самъ называетъ себя «простецомъ», но, одаренный отъ природы умомъ и любознательностью, онъ много читалъ, преимущественно книги духовно-нравственнаго содержанія, и много размышлялъ надъ разнообразными вопросами, какъ практической, такъ и нравственной жизни. Во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ по Россіи, Посошковъ хорошо познакомился съ жизнью и бытомъ всѣхъ сословій и, благодаря своей наблюдательности, вѣрно подмѣтилъ тѣ темныя явленія и недостатки, отъ которыхъ страдала современная русская дѣйствительность. Свои наблюденія и размышленія онъ изложилъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ является книга «О скудости и богатствѣ», оконченная имъ въ 1724 г. и предназначенная для подачи Петру. Неизвѣстно, дошла ли она до царя, но вскорѣ послѣ смерти его, Посошковъ былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую

крѣпость, гдѣ и скончался годъ спустя. Причиной его заточенія была, повидимому, именно его книга, въ которой обличаются произволъ и злоупотребленія «сильныхъ персонъ», послѣ смерти Петра ставшихъ во главѣ власти (кн. Меншиковъ и др.).

Кромѣ этой книги, Посошковымъ было еще написано полемическое сочиненіе противъ раскольниковъ: «Зеркало, сирѣчь изъявленіе очевидное на суемудріе раскольничье» и «Завѣщаніе отеческое», нравственно-поучительное сочиненіе, обращенное къ его собственному сыну. Сверхъ того, ему принадлежитъ еще нѣсколько менѣе значительныхъ записокъ, проектовъ и наставленій [1]).

Общій характеръ его міросозерцанія.

Какъ писатель, Посошковъ является типичнымъ представителемъ переходной эпохи. Принадлежа по своему возрасту къ старшему поколѣнію Петровскаго времени (онъ былъ лѣтъ на 20 старше Петра), Посошковъ во многомъ сочувствовалъ преобразованіямъ и нововведеніямъ царя и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже опережалъ его. Поэтому сочиненія Посошкова представляютъ собой своеобразное *сочетаніе стараго съ новымъ*, старыхъ традицій съ новыми идеями и стремленіями. Въ вопросахъ политическихъ и общественныхъ онъ является новаторомъ, сторонникомъ преобразованій; въ своихъ религіозно-нравственныхъ взглядахъ онъ консерваторъ, убѣжденный приверженецъ старины. Однако Посошковъ избѣжалъ крайностей обоихъ направленій, въ какія впадали многіе изъ его современниковъ: отъ нихъ его предохранилъ природный здравый смыслъ и близкое знаніе людей и жизни.

Книга о скудости и богатствѣ.

Главный трудъ Посошкова—«Книга о скудости и богатствѣ, сіе есть изъявленіе, отъ чего приключается напрасная скудость, и отъ чего гобзовитое (обильное) богатство умножается». Судя по заглавію, книга посвящена изслѣдованію экономическихъ вопросовъ; но на самомъ дѣлѣ содержаніе ея гораздо богаче и разнообразнѣе: она даетъ вѣрную и широкую *картину всей русской жизни* въ Петровскую эпоху, нарисованную съ замѣчательной правдивостью и безпристрастіемъ. Посошковъ—горячій патріотъ; но этотъ патріотизмъ не заставляетъ его закрывать глаза на темныя стороны родной жизни. Напротивъ того, на нихъ преимущественно сосредоточиваетъ онъ свое вниманіе, побуждаемый желаніемъ выяснить зло, отъ котораго страдала родная земля, и указать средства къ его устране-

[1]) Сочиненія Посошкова не были напечатаны въ свое время, а были извѣстны лишь въ немногочисленныхъ спискахъ. Въ 1793 г. были изданы, подъ заглавіемъ: „Россіянинъ прошедшаго вѣка“, два сочиненія Посошкова: „Предложенія боярину Головину“ и „Завѣщаніе отеческое“; только въ 1842 г. было впервые напечатано проф. Погодинымъ главное сочиненіе его, книга „О скудости и богатствѣ“.

Цѣль этого сочиненія.

нію. Такимъ образомъ цѣль, которую ставилъ себѣ Посошковъ, была цѣль *практическая:* онъ хотѣлъ своими совѣтами и указаніями, по мѣрѣ своего разумѣнія, содѣйствовать поднятію *народнаго благосостоянія* и улучшенію *экономическаго положенія государства.* Посошковъ ясно сознавалъ взаимную зависимость этихъ двухъ явленій экономической жизни: только тогда государство богато, когда народъ богатъ, — говоритъ онъ въ введеніи къ своей книгѣ. Исходя изъ этой совершенно вѣрной мысли, лежащей въ основѣ всего его сочиненія, Посошковъ приходитъ къ выводу, что прежде всего вниманіе законодателя должно быть обращено на народное благосостояніе, на поднятіе производительности народныхъ силъ, на устраненіе причинъ, препятствующихъ ихъ правильному развитію.—Главной изъ этихъ причинъ, по мнѣнію Посошкова, является *«застарѣлая неправда»*, произволъ и злоупотребленія высшихъ, отъ которыхъ страдали низшіе и слабые. На это зло Посошковъ совѣтуетъ обратить особенное вниманіе, посвящая ему самую обширную и важную главу своей книги («о правосудіи»). «Неправда» поддерживалась двумя обстоятельствами: внутренними недостатками судопроизводства (знаменитая московская «волокита» и приказное взяточничество) и отсутствіемъ полнаго уложенія, такъ какъ «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича къ этому времени уже значительно устарѣло. Первый недостатокъ можно уничтожить, по мнѣнію Посошкова, строгими и даже жестокими наказаніями за неправосудіе и мздоимство [1]). Для устраненія второго недостатка необходимо составить новое полное *Уложеніе,* «понеже древніе уставы всѣ обветшали и отъ неправедныхъ судей исказились». Для составленія этого Уложенія, содержащаго сводъ точныхъ, для всѣхъ обязательныхъ законовъ, Посошковъ рекомендуетъ прибѣгнуть къ *«народосовѣтію»*, къ обсужденію «новоустановленныхъ статей» выборными лицами изъ всѣхъ сословій, чтобы всѣ сословія могли свободно высказаться относительно своихъ нуждъ и пожеланій. — Подробно говоритъ Посошковъ и о положеніи крестьянъ, рисуя его въ очень мрачныхъ краскахъ. Одной изъ причинъ «скудости» крестьянъ Посошковъ считаетъ ихъ невѣжество: «немалая накость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ; всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, не разумѣютъ»; поэтому По-

Причина народной бѣдности.

Положеніе крестьянъ.

[1]) „Невозможно правому суду установиться, аще сто-другое (сотня — другая) судей не падетъ: понеже у насъ въ Руси неправда вельми застарѣла; аще бо коя и земля вельми задернеетъ (зарастетъ сорной травой) и дондеже того тернія огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней пшеницы сѣяти; тако и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надлежитъ и истреблятиˮ.

сошковъ совѣтуетъ «приневолить» крестьянъ, чтобы они отдавали дѣтей дьячкамъ для обученія грамотѣ: такимъ образомъ Посошкову была не чужда идея обязательнаго обученія. Другую причину обнищанія крестьянъ Посошковъ видитъ въ произволѣ помѣщиковъ, налагающихъ на нихъ «бремена неудобь носимыя». Посошковъ не возражаетъ противъ самаго существованія крѣпостного права, хотя и замѣчаетъ, что «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, а прямой ихъ владѣтель—всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно». Поэтому Посошковъ требуетъ вмѣшательства правительства въ отношенія между помѣщиками и крестьянами и точнаго установленія размѣра поборовъ, которые имѣетъ права взимать помѣщикъ; а если помѣщикъ будетъ брать сверхъ положеннаго, то землю у него слѣдуетъ отобрать въ казну, «отписать на государя»: «на то смотря, и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя», замѣчаетъ Посошковъ. Но, ограничивая въ этомъ отношеніи права помѣщиковъ, Посошковъ въ другихъ отношеніяхъ предоставлялъ имъ значительную власть надъ крестьянами: такъ, напр., помѣщикъ обязанъ, по его мнѣнію, слѣдить за поведеніемъ крестьянъ, наблюдать за тѣмъ, чтобы они не проводили времени въ праздности, а лѣнивыхъ и нерадивыхъ «жестоко наказывать». Вообще Посошковъ требуетъ отъ всѣхъ сословій ревностнаго труда на пользу общую, видя въ трудѣ главнѣйшую основу народнаго богатства: «вельми надобно пещися, чтобы дней своихъ никакіе люди даромъ не теряли, хлѣба бъ даромъ не ѣли».

Купечество и торговля.

Много вниманія удѣляетъ Посошковъ также *торговлѣ* и *купечеству*. Торговлѣ онъ вообще приписываетъ чрезвычайно важное значеніе въ государственной жизни: „безъ купечества никакое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ“. Въ этомъ отношеніи взгляды Посошкова совпадаютъ со взглядами тогдашнихъ *меркантилистовъ*, хотя объ ихъ теоріяхъ онъ не имѣлъ никакого понятія. Подобно имъ, Посошковъ придаетъ особенную важность вывозной торговлѣ, такъ какъ она способствуетъ притоку денегъ въ страну.

Духовенство и прочія сословія.

Касаясь современнаго положенія *духовенства*, Посошковъ также находитъ его весьма неудовлетворительнымъ. Одной изъ причинъ этого является крайнее невѣжество духовенства, особенно сельскаго. Въ сельскіе священники нерѣдко поставляются лица полуграмотныя, безъ всякаго образованія, „изъ самаго простоумія“. Поэтому необходимо завести для подготовки священнослужителей особыя школы, а затѣмъ устроить и высшее училище, „академію великую, всѣхъ наукъ исполненную“. Другая причина неудовлетворительнаго состоянія духовнаго сословія заключается въ его крайней бѣдности. Для устраненія этого недостатка Посошковъ считаетъ необходимымъ обезпечить матеріальное положеніе духовенства, путемъ возобновленія стараго обычая церковной „десятины“.

Посошковъ касается въ своей книгѣ также и прочихъ сословій. военнаго, ремесленнаго и др. Замѣчанія его часто случайны и мелочны, не отличаются систематичностью, но зато обнаруживаютъ въ авторѣ близкое знакомство съ дѣйствительной жизнью. Посошковъ не книжный теоретикъ, а человѣкъ практическаго опыта. Это сказывается во всемъ направленіи его мыслей. Въ своихъ предположеніяхъ и проектахъ онъ всегда исходитъ изъ критики существующихъ недостатковъ, а не изъ какихъ-либо общихъ идей о государственномъ устройствѣ и общественныхъ порядкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его проекты отличаются полной самостоятельностью: незнакомый самъ съ западной жизнью и порядками и даже враждебно настроенный къ иноземцамъ, онъ считалъ возможнымъ произвести необходимыя преобразованія безъ всякихъ заимствованій со стороны.

Характерныя черты проектовъ Посошкова.

Во всѣхъ своихъ проектахъ Посошковъ обнаруживаетъ чрезвычайную любовь къ точнымъ правиламъ, къ мелочной регламентаціи, распространяющейся даже на частную жизнь (напр., установленіе обязательной одежды для всѣхъ сословій). Посошкову казалось, что стоитъ только выработать точныя правила и издать соотвѣтственный указъ, какъ всѣ неисправности въ короткое время исправятся: впрочемъ, эту вѣру въ чудодѣйственную силу указа и правилъ раздѣлялъ также и самъ Петръ Великій. А главное средство для проведенія въ жизнь новыхъ порядковъ Посошковъ видѣлъ въ *принужденіи:* поэтому всѣ его проекты заканчиваются обыкновенно упоминаніемъ о „великихъ штрафахъ“ и „жестокихъ наказаніяхъ“, при помощи которыхъ онъ думалъ осуществить предлагаемыя мѣры. Впрочемъ, для насъ не столь интересны самые проекты Посошкова, хотя и среди нихъ встрѣчаются очень дѣльные, сколько та широкая общая картина тогдашней русской жизни, которую онъ даетъ въ своей книгѣ и которая позволяетъ намъ ближе познакомиться съ бытомъ и нравами разныхъ сословій въ эпоху Петровскихъ преобразованій [1]).

Завѣщаніе отеческое.

Другое важное сочиненіе Посошкова: „Завѣщаніе отеческое къ своему сыну“, принадлежащее къ разряду древне-русскихъ *поученій*, въ родѣ „Поученія“ Владиміра Мономаха и „Домостроя“. Сочиненіе это во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ „Книги о скудости и богатствѣ“: въ послѣдней Посошковъ является сторонникомъ преобразованій, въ „Завѣщаніи“ онъ выказываетъ глубокую симпатію къ древ-

---

[1]) Къ числу достоинствъ сочиненій Посошкова принадлежитъ также ихъ чистый и точный языкъ, богатый мѣткими и сильными выраженіями, близкій къ живой разговорной рѣчи и не чуждый своеобразнаго, чисто-народнаго юмора. Такъ, напр., говоря про одного богатаго и буйнаго помѣщика, всячески уклонявшагося отъ службы, Посошковъ выражается: „дома онъ сосѣдямъ страшенъ, аки левъ, а на службѣ—хуже козы“. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ въ образной формѣ нравственно-бытовую сентенцію: „сильныя персоны любятъ на чужой спинѣ ѣздить“. Взятки Посошковъ называетъ „молитвой денежной“, а тогдашнихъ стряпчихъ (адвокатовъ) — „наемными ябедниками“. Иногда онъ прибѣгаетъ и къ игрѣ словъ,—напр.: „какой онъ воинъ, что служа воетъ“ (о тяжеломъ положеніи солдатъ), или, намекая на „Камень Вѣры“ Яворскаго, даетъ совѣтъ священникамъ „такимъ камнемъ изустно еретическія челюсти сокрушати“.

не-русской старинѣ; по содержанію своему „Книга о скуд. и богат." представляетъ собой сочиненіе публицистическое, разсматривающее жизнь, какъ она есть, и раскрывающее преимущественно ея отрицательныя стороны; „Завѣщаніе" же касается почти исключительно религіозно-нравственныхъ вопросовъ и изображаетъ *положительный идеалъ достойной христіанской жизни.*—Все сочиненіе проникнуто строго-религіознымъ духомъ и въ этомъ отношеніи тѣсно примыкаетъ къ памятникамъ до-петровской письменности. Религіозно-нравственныя воззрѣнія Посошкова отличаются строгостью и возвышенностью; онъ требуетъ отъ человѣка чистоты жизни, покорности Провидѣнію, неуклоннаго исполненія своего долга, постояннаго богомыслія и развитія въ себѣ любви и благоволенія ко всему живущему,—не только къ людямъ, но и къ животнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Посошковъ не чуждъ и нѣкоторыхъ крайностей старинаго обрядоваго благочестія: требуя сознательной молитвы, онъ въ то же время точно опредѣляетъ, сколько класть поклоновъ и передъ какими иконами, кому и какія ставить свѣчи, и вообще всѣмъ внѣшнимъ обрядамъ придаетъ чрезвычайно важное значеніе. Древне-русскій идеалъ аскетическаго житія отразился и во взглядѣ Посошкова на всѣ мірскія забавы и удовольствія, какъ на вещи грѣховныя; съ этой точки зрѣнія онъ строго осуждаетъ танцы, музыку, игру въ карты и т. д., въ духѣ крайней нетерпимости. — Совѣты Посошкова, касающіеся частной жизни, во многомъ напоминаютъ предписанія „Домостроя". Однако въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Посошковъ сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно съ патріархально-грубымъ „Домостроемъ"; напр., онъ высказываетъ болѣе гуманный взглядъ на женщинъ, рекомендуетъ во всемъ совѣтоваться съ женою, какъ съ помощницей, а не „претворять ее въ рабій образъ", возражаетъ противъ обычая сразу свататься за нѣсколькихъ невѣстъ, „понеже дѣвица такой же человѣкъ, яко и ты, а не лошадь". Но въ дѣлѣ воспитанія дѣтей онъ сохраняетъ прежніе суровые пріемы: „Надобно дѣтей учить неоплошно и держать ихъ въ великой грозѣ; такъ ведите, чтобы и взгляду вашего боялись. И аще въ Божьемъ и вашемъ страхѣ возрастутъ, то они добрые люди будутъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Посошковъ сознаетъ необходимость болѣе широкаго образованія; онъ не ограничиваетъ обученія дѣтей одной славянской грамотой, но совѣтуетъ учиться и иностраннымъ языкамъ (латинскому, греческому, польскому) и пополнять образованіе чтеніемъ книгъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, за исключеніемъ лишь еретическихъ и „душевредныхъ". — Первая половина „Завѣщанія" заключаетъ въ себѣ общія предписанія религіозно-нравственной жизни; во второй излагаются особыя поученія, какъ вести себя въ разныхъ обстоятельствахъ и на различныхъ поприщахъ жизни, въ качествѣ судьи, солдата, офицера, крестьянина, раба, монаха, архіерея. Въ этихъ главахъ „Завѣщанія" встрѣчается не мало бытовыхъ чертъ, и многія мѣста изъ нихъ впослѣдствіи цѣликомъ были перенесены въ „Книгу о скудости и богатствѣ".

Татищевъ: его Духовная.

Съ завѣщаніемъ Посошкова интересно сопоставить другое современное сочиненіе того же рода: *Духовную* Татищева (1740 г.), одного изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей и образованнѣйшихъ людей того времени. Татищевъ принадлежитъ къ младшему поколѣнію Петров-

ской эпохи (род. 1686 г.) и, въ противоположность Посошкову, является яркимъ представителемъ новаго, свѣтскаго міросозерцанія. Поэтому его „Духовная“ во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ „Завѣщанія“ Посошкова. Въ послѣднемъ господствующую роль играетъ религіозно-нравственный элементъ, у Татищева же преобладаетъ элементъ *практическій*, житейскій. Посошковъ старался изобразить идеалъ христіанской жизни, вообще дать сыну духовно-нравственныя поученія; Татищевъ же преслѣдовалъ болѣе узкія и утилитарныя цѣли: онъ мало вдается въ разсужденія о нравственныхъ обязанностяхъ, но ограничивается лишь практическими совѣтами, касающимися житейскаго поведенія. При этомъ въ своихъ совѣтахъ Татищевъ останавливается лишь на томъ, что необходимо и полезно для молодого дворянина: онъ постоянно имѣетъ въ виду не *человѣка* вообще, а „шляхтича“, примѣняя свои наставленія къ извѣстному общественному кругу. Говоря о воспитаніи, Татищевъ совѣтуетъ прилежно читать Свящ. Писаніе и Отцовъ церкви, но на ряду съ ними называетъ и „Юности честное зерцало“, въ качествѣ руководства, необходимаго для молодого дворянина при вступленіи въ свѣтъ. Гораздо больше вниманія, чѣмъ Посошковъ, обращаетъ онъ на разныя свѣтскія науки, а также на изученіе новыхъ языковъ (французскаго и нѣмецкаго).—Татищевъ устанавливалъ такую программу жизни русскаго дворянина: до 18 лѣтъ—ученіе, затѣмъ съ 18 до 50 лѣтъ—служба, военная и гражданская, а послѣ 50 лѣтъ сельско-хозяйственная дѣятельность въ имѣніи. Такъ какъ главное назначеніе дворянства была служба, то Татищевъ говоритъ о ней особенно подробно, рекомендуетъ вѣрность долгу и присягѣ, повиновеніе властямъ, прилежаніе, заботливость о „пользѣ общей“, правосудіе. Особенно интересна та часть Завѣщанія, въ которой говорится объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ: Татищевъ требуетъ, чтобы дворянинъ-помѣщикъ заботился объ ихъ благосостояніи, устраивалъ школы, больницы и богадѣльни, обучалъ ихъ различнымъ „художествамъ“ (ремесламъ), слѣдилъ за ихъ поведеніемъ. Для духовно-нравственнаго просвѣщенія крестьянъ онъ совѣтуетъ держать „попа ученаго“, который бы могъ по праздникамъ говорить въ церкви „предики“ (проповѣди), и обезпечить его „безбѣднымъ пропитаніемъ“. Татищевъ совѣтуетъ также всячески искоренять суевѣріе,—вѣру въ ворожей, колдуновъ, въ порчу и тому под. Особенно нападаетъ онъ на пьянство: „кабакъ — всякому злодѣянію школа“, замѣчаетъ онъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтуетъ строго слѣдить, чтобы крестьяне работали, не только для помѣщика, но и для себя, и преслѣдовать ихъ за праздность, „понеже отъ празд-

В. Н. Татищевъ.

ности крестьяне заболѣваютъ и даже умираютъ: спятъ довольно, ѣдятъ много, а не имѣютъ муціону".

Еще полнѣе, чѣмъ въ „Духовной", выразились взгляды Татищева въ сочиненіи: *Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ*. Здѣсь Татищевъ выступаетъ краснорѣчивымъ защитникомъ новаго, свѣтскаго образованія, опровергая доводы его противниковъ и хулителей. Однимъ изъ доводовъ, выставляемыхъ противъ образованія, является предположеніе, что науки вредны для благочестія, такъ какъ приводятъ людей къ ересямъ и даже безбожію. Татищевъ обстоятельно опровергаетъ этотъ упрекъ и доказываетъ его несостоятельность. Другое часто приводимое возраженіе противъ наукъ заключается въ томъ, что „въ государствѣ чѣмъ народъ простѣе, тѣмъ покорнѣе и къ правленію способнѣе, и отъ бунтовъ и смятеній безопаснѣе". Татищевъ опровергаетъ и это мнѣніе, доказывая, какой глубокій вредъ приноситъ государству народное невѣжество: гдѣ народъ держится въ невѣжествѣ, тамъ и государство приходитъ въ упадокъ; въ качествѣ примѣра Татищевъ приводитъ Испанію и Польшу, національное могущество которыхъ было подорвано, благодаря обскурантизму католическаго духовенства. Но невѣжество не способствуетъ и внутреннему спокойствію государства: это видно изъ примѣра турецкаго народа, который „предъ всѣми въ наукахъ оскудѣваетъ, но въ бунтахъ преизобилуетъ". Разговоръ о пользѣ наукъ

Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, чему и какъ учиться, Татищевъ раздѣляетъ всѣ знанія человѣческія на нѣсколько категорій, по степени ихъ важности и полезности. При этомъ онъ и здѣсь имѣетъ въ виду главнымъ образомъ тѣ науки и знанія, которыя необходимы для шляхетства, какъ служилаго сословія. Положеніемъ учебнаго дѣла въ существующихъ школахъ онъ очень недоволенъ и проектируетъ учрежденіе новыхъ училищъ, съ широкой программой спеціально для шляхетства, чтобы дворянскія дѣти были отдѣлены „отъ подлости", т.-е. простонародія, а на содержаніе этихъ училищъ совѣтуетъ употреблять „туне гиблющіе" монастырскіе доходы. А пока эти училища устроятся, слѣдуетъ посылать дѣтей для науки за границу и ради этого съ раннихъ лѣтъ обучать ихъ языкамъ [1]).

[1]) Заключительная часть „Разговора" занята разсужденіями о природѣ законовъ и ихъ происхожденіи. Такъ какъ шляхетство предназначено главнымъ образомъ для государственной службы, то еще въ школѣ его нужно знакомить съ основными вопросами политики и права. Здѣсь особенно интересны соображенія Татищева о такъ называемомъ естественномъ правѣ и объ общественномъ договорѣ, въ которыхъ онъ излагаетъ теоріи Гуго Гроція и Пуффендорфа. Отъ права естественнаго, которое онъ называетъ также божественнымъ, Татищевъ различаетъ право человѣческое, т.-е. положительное законодательство; при этомъ онъ высказываетъ мысль о необходимости пересмотра дѣйствующихъ русскихъ законовъ и объ изданіи новаго Уложенія. Касаясь вопроса о формахъ государственнаго строя, онъ различаетъ три основныхъ формы: монархію, аристократію и демократію; каждая изъ нихъ можетъ быть пригодна и полезна при извѣстныхъ условіяхъ: такъ, напр., демократическая форма правленія пригодна въ государствѣ съ незначительной территоріей и населеніемъ (греч. республики); аристократическій режимъ—въ странахъ обширныхъ, но хорошо защищенныхъ извнѣ (Англія); для странъ же съ большой территоріей, разнообразнымъ населеніемъ

Исторія Россійская.

Татищевъ извѣстенъ также, какъ первый русскій *историкъ*. Плодомъ его 30-лѣтнихъ занятій была обширная, пяти-томная „Исторія Россійская“, доведенная имъ до царствованія Ѳеодора Іоанновича. Первый томъ ея содержитъ обстоятельное введеніе, въ которомъ авторъ излагаетъ свои общіе историческіе взгляды. Эти взгляды отличаются большой широтой: онъ считаетъ необходимымъ для историка не ограничиваться лишь одной политической исторіей, а находитъ нужнымъ при изученіи историческихъ явленій широко пользоваться также данными другихъ наукъ: географіи, этнографіи, археологіи, правовѣдѣнія, языкознанія; не чужда Татищеву также и мысль о критикѣ источниковъ: на этомъ основаніи онъ отвергалъ, напр., лѣтописный разсказъ о проповѣди ап. Андрея въ окрестностяхъ Кіева. Впрочемъ, отсутствіе какихъ-либо пособій и подготовительныхъ изслѣдованій принудило Татищева значительно сузить рамки своей работы: поэтому „Исторія“ его представляетъ собой не прагматическое изложеніе событій, а *сводъ лѣтописныхъ извѣстій*, сопровождаемыхъ примѣчаніями и разъясненіями. Однако этотъ трудъ Татищева и до сихъ поръ не утратилъ значенія для науки, такъ какъ въ немъ встрѣчаются свѣдѣнія, заимствованныя изъ лѣтописей и другихъ источниковъ, впослѣдствіи утраченныхъ.

Художественная литература Петровской эпохи.

Главные виды худож. литературы.

Художественная литература Петровской эпохи не отличается богатствомъ ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Обстоятельства времени отвлекали всѣхъ образованныхъ и даровитыхъ людей въ сторону *практической* государственной дѣятельности, а если они и брались за перо, то главнымъ образомъ съ публицистическими цѣлями, для защиты и оправданія новыхъ идей и порядковъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ, Татищевъ). Однако, несмотря на неблагопріятныя условія, художественное творчество, составляющее неискоренимую потребность человѣческаго духа, не было окончательно подавлено и въ эту эпоху. Оно проявлялось, напр., въ формѣ *народнаго* устнаго творчества, при чемъ предметомъ народныхъ пѣсенъ и сказаній нерѣдко становилась личность самого великаго Преобразователя [1]); къ Петровской эпохѣ относятся и первыя робкія попытки новой *искусственной лирики*, преимущественно въ формѣ любовныхъ пѣсенъ; въ духовныхъ училищахъ продолжала культивироваться своеобразная *школьная поэзія*, съ ея традиціонными формами духовныхъ виршей и драмъ, съ сюжетами изъ Св. Писа-

---

и недостаточно защищенными границами, требуется сильная центральная власть, сосредоточенная въ лицѣ монарха (Франція, Россія). Такимъ образомъ Татищеву не чужда была мысль о зависимости политической организаціи государствъ отъ естественныхъ условій, среди которыхъ они развиваются.

[1]) См. народныя историческія пѣсни о Петрѣ (стр. 99).

нія и церковной исторіи; продолжала проникать въ Россію и западно-европейская повѣствовательная литература, преимущественно въ видѣ рыцарскихъ и «авантюрныхъ» романовъ (романы съ приключеніями), вызывая у насъ передѣлки и подражанія, въ формѣ *повѣстей* (напр., «Гисторія о россійскомъ матросѣ Василіи»); наконецъ, при Петрѣ была сдѣлана и первая попытка создать русскій народный *театръ*, въ репертуаръ котораго, на ряду съ переводными пьесами, вошли также жарты и фацеціи (комическія сцены) изъ репертуара народныхъ скомороховъ.

Зачатки искусственной лирики.

Переломъ, совершившійся въ русской жизни въ Петровскую эпоху, привелъ также къ созданію новыхъ формъ творчества, въ которыхъ отразились перемѣны, происшедшія въ самомъ строѣ души русскаго человѣка. Ослабленіе родовыхъ традицій и домостроевскихъ привычекъ и взглядовъ привело къ тому, что подавленная до тѣхъ поръ властью традицій и преданій *личность* почувствовала себя болѣе свободной, по крайней мѣрѣ въ вопросахъ наиболѣе близкихъ и интимныхъ, каковы, напр., вопросы любви и брака. Раньше эти вопросы рѣшались властью старшихъ, властью родителей, обыкновенно не считавшихся съ желаніями и склонностями молодыхъ людей. Теперь въ этой сферѣ за личностью были признаны извѣстныя права, и это признаніе было закрѣплено указомъ 1714 г., запрещавшимъ вѣнчаніе безъ добровольнаго согласія лицъ, вступающихъ въ бракъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Петровскую эпоху рѣзко измѣнилось и положеніе женщины, освободившейся изъ прежняго теремнаго затворничества, получившей возможность свободно вращаться въ обществѣ.

Лирика любовная.

Эта перемѣна въ положеніи личности и положеніи женщины нашла себѣ отраженіе въ новой *любовной лирикѣ*, во многомъ отличной, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, отъ старой народной пѣсни. Въ этихъ любовныхъ виршахъ выразились интимныя чувства и переживанія личности, при чемъ обыкновенно, въ противоположность народной пѣснѣ, на долю мужчины выпадаетъ страдательная роль; въ нихъ же отразилась и перемѣна нравовъ, происшедшая въ Петровскую эпоху, когда отношенія между мужчинами и женщинами стали болѣе свободными, и женщины получили возможность появляться въ обществѣ. Образцомъ такихъ любовныхъ виршей могутъ послужить слѣдующіе стихи:

Ахъ, что есть въ свѣтѣ! ахъ, все противное!
Не могу жить, ни умерти! Сердце тоскливое,
Долго ты мучилось! Нѣтъ упокоя сердца,
Купидонъ, воръ проклятый, вельми радуется:
Пробилъ стрѣлою сердце; лежу безъ памяти,
Не могу я очнуться и очими плакати,
Тоска великая, сердце кровавое,
Рудою (кровью) запеклося, и все пробитое.

Въ этихъ нескладныхъ виршахъ отразилось новое настроеніе, чуждое народной пѣснѣ, въ которой страдательная роль принадлежитъ дѣ-

вушкѣ или женщинѣ. Въ другихъ стихотвореніяхъ юноша упрекаетъ „злую Фортуну“ за то, что она отторгла его отъ возлюбленной, или жалуется на ея измѣну. Эти вирши Петровскаго времени, посвященныя „страсти нѣжной“, впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, приняли форму чувствительныхъ романсовъ, изъ которыхъ составлялись многочисленные рукописные сборники и печатные „Пѣсенники“, вышедшіе въ концѣ XVIII вѣка въ цѣломъ рядѣ изданій.

Оды и канты.

Единственными школами, въ которыхъ преподавались при Петрѣ начатки гуманитарныхъ наукъ, были духовныя академіи (кіевская и московская) и нѣкоторыя изъ архіерейскихъ училищъ, напр., ростовское, въ бытность епископомъ св. Димитрія. Однимъ изъ предметовъ преподаванія была *піитика*, излагавшаяся по старымъ схоластическимъ учебникамъ, основаннымъ на классическихъ авторитетахъ Аристотеля, Горація и Квинтиліана. Въ этихъ учебникахъ излагались правила различныхъ видовъ поэзіи, которыя русскіе „спудеи“ (студенты), воспитанники духовныхъ школъ, должны были примѣнять также на практикѣ, такъ какъ сочиненіе *виршей* (стиховъ) составляло для нихъ обязательное упражненіе. Такъ возникъ у насъ особый родъ *школьной поэзіи*, однимъ изъ видныхъ представителей которой въ предшествующую эпоху былъ Симеонъ Полоцкій. Со стороны содержанія отличительной чертой ея является дидактизмъ, поучительность; по формѣ она представляетъ собой подражаніе древнимъ, преимущественно латинскимъ авторамъ. Въ этой школьной поэзіи можно различить два главныхъ вида: такъ называемые *канты*, т.-е. вирши религіозно-нравственнаго характера, и торжественныя или панегирическія *оды*, посвященныя обыкновенно какому-нибудь важному или знатному лицу. Въ Петровскую эпоху было написано немало подобныхъ одъ, воспѣвавшихъ побѣды Петра и его тріумфы: такова, напр., ода Ѳеофана Прокоповича по поводу побѣды при Лѣсной. Обыкновенно эти оды писались *силлабическимъ* размѣромъ, по образцу польскаго языка: такимъ размѣромъ написана ода Михаила, „валдайскаго пастушка“ (т.-е. священника), поднесенная Петру въ 1718 г.; въ ней авторъ воспѣваетъ Петра:

Кто бо не страшится храбра царя толика,
Въ мудрости предивна и въ мужествѣ велика...

и восхваляетъ его за то, что онъ „не токмо въ кавалеріи воюетъ, но и въ инфантеріи храбро маршируетъ“. Въ другой одѣ привѣтствуется возвращеніе Петра изъ персидскаго похода (1722 г.):

Торжественная паки намъ отрада:
Спѣшно приходятъ россійскія чада
Отъ восточныя военныя брани,
Марсовой дани.
Гдѣ прогоняще супостатовъ мраки,
Кавалерскими мужественъ Марсъ драки
Расширяющи россійски предѣлы
Знаменитыми дѣлы.

Школьная драма.

Эти нескладныя вирши, свидѣтельствующія о полной необработанности языка, служатъ однако предвѣстниками торжественныхъ одъ, создавшихъ славу Ломоносова и его послѣдователей.—Другой излюбленной формой школьной поэзіи является *школьная драма*. Петровское время довольно богато произведеніями подобнаго рода, первые образцы которыхъ появились еще въ предшествующую эпоху (комедіи Симеона Полоцкаго). Сюжеты этихъ піесъ почерпались обыкновенно изъ Св. Писанія или церковной исторіи. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ („персонъ“) въ нихъ нерѣдко выводились всевозможныя аллегорическія олицетворенія, напр.: Любовь, Ненависть, Совѣсть, Вѣра, Надежда, Зависть, Богатство, Фортуна и т. д. Пьесы эти писались силлабическими стихами; въ началѣ помѣщался обыкновенно „прологъ“, въ которомъ вкратцѣ излагалось содержаніе дѣйствія, а въ концѣ—„эпилогъ“, содержавшій поучительную мораль всей драмы. Составлялись эти піесы большей частью преподавателями духовныхъ школъ, а разыгрывались воспитанниками во время праздничныхъ рекреацій; повидимому, на эти спектакли допускалась и посторонняя публика [1]). Отъ Петровской эпохи сохранилось довольно много подобныхъ школьныхъ драмъ; такова, напр., піеса: „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія“, изображающая евангельскую притчу о Лазарѣ и поставленная „дѣйствіемъ благородныхъ великороссійскихъ младенцевъ въ новосіяющихъ славяно-латинскихъ Аѳинахъ“ (т.-е. въ московской Академіи). Нѣсколько духовныхъ драмъ-мистерій написалъ знаменитый святитель *Димитрій Ростовскій*: „Рождественская драма“, „Успенская драма“ и др.; къ числу такихъ же

Иллюстрація Петровскаго времени къ „Комедіи о блудномъ сынѣ“.

[1]) Въ Москвѣ кромѣ духовной Академіи ставились пьесы также и въ хирургическомъ училищѣ при военномъ госпиталѣ, т. к. обучались тамъ преимущественно бывшіе воспитанники Академіи. Такъ, въ 1724 г. была ими поставлена тамъ аллегорическая піеса „Слава Россіи“, посвященная прославленію дѣяній Петра; на представленіи присутствовалъ самъ царь съ супругою.

школьныхъ піесъ принадлежатъ еще „Дѣйствіе о Эсѳирѣ“, „Іосифъ патріархъ“, „Исторія о царѣ Давидѣ и царѣ Соломонѣ“, „Дѣйствіе на страсти Христовы списанное“: въ послѣдней піесѣ, наряду съ лицами изъ Св. Писанія, выведены также и миѳологическія фигуры: Эриннія, Мегера, Тизифона и разные аллегорическіе образы, напр., семь смертныхъ грѣховъ и тому под.—Но наиболѣе замѣчательнымъ произведеніемъ этого рода является піеса Ѳеофана Прокоповича „*Владиміръ*“, изображающая принятіе княземъ Владиміромъ христіанства. Довольно искусно представлена въ ней драматическая борьба, происходящая въ душѣ Владиміра между жаждой религіознаго просвѣтленія и различными страстями, олицетворенными въ видѣ трехъ „бѣсовъ“. Есть въ піесѣ и *комическій* элементъ (почему она и названа авторомъ „трагедо-комедіей“); этотъ элементъ ярко проявляется въ изображеніи языческихъ жрецовъ, которыхъ рѣшеніе Владиміра принять крещеніе грозитъ лишить привилегированнаго положенія и богатыхъ доходовъ. Жрецы эти изображены невѣждами, противниками просвѣщенія, поддерживающими въ народѣ суевѣріе, потому что оно обезпечиваетъ имъ почетъ и матеріальныя выгоды. Самыя имена ихъ носятъ комическій оттѣнокъ: Жериволъ, Куроядъ и Піяръ, и намекаютъ на грубость и низменность ихъ интересовъ, на ихъ чревоугодіе и корыстолюбіе. Предполагаютъ, что въ лицѣ этихъ языческихъ жрецовъ Ѳеофанъ хотѣлъ осмѣять недостатки современнаго ему духовенства, которое также упорно отстаивало старину и возставало противъ Петровскихъ нововведеній, изъ боязни утратить свое прежнее значеніе въ обществѣ. Такимъ образомъ и въ эту школьную драму Ѳеофанъ внесъ публицистическій элементъ, какъ это онъ дѣлалъ и въ своихъ проповѣдяхъ. Въ качествѣ образчика языка и стиля этой піесы можно привести заклинанія Жеривола, обращенныя къ богамъ:

„Владиміръ“ Ѳеофана Прокоповича.

О бози! помозите. Аще мои пѣсни
Сильни суть и могутъ что, да пройдутъ въ безвѣстны
Мѣста, въ дебри, въ пещеры, въ бездны, въ рѣки, въ гробы,
Въ глубокія великой Матери утробы;
Подвигну мертвыхъ, адскихъ, воздушныхъ и водныхъ
Соберу духовъ, къ тому жъ звѣрей многородныхъ,
И совокупно прійдутъ зміи страховидны,
Гады, смоки (змѣи), полози (удавы), скорпіи, ехидны;
Совлеку солнце съ неба, помрачу свѣтила,
День въ нощь претворю: будетъ явѣ (явна) моя сила!

Какъ придворный театръ царя Алексѣя Михайловича, такъ и школьныя „акціи“ были доступны лишь для сравнительно немногочисленной, избранной публики. Однако уже при Петрѣ была сдѣлана первая попытка организовать общедоступный народный театръ. Такъ какъ своихъ актеровъ не было, то выписали изъ Германіи труппу, во главѣ которой стоялъ антрепренеръ Куншть, получившій въ Россіи званіе: „царскаго величества комедіантскій правитель“. Для постановки спектаклей было выстроено въ центрѣ Москвы, на Красной площади, спеціальное довольно обширное зданіе, „комедійный анбаръ“. Дѣятельность новаго театра началась въ концѣ 1702 года. Актеры играли сперва на нѣмецкомъ язы-

Первыя попытки народнаго театра.

кѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на Куншта была возложена обязанность обучить своему дѣлу русскихъ „робятъ“ изъ подьяческихъ и посадскихъ дѣтей. Повидимому, уже въ слѣдующемъ году эти молодые русскіе актеры начали принимать участіе въ спектакляхъ, такъ какъ большая часть нѣмецкой труппы снова уѣхала изъ Россіи. Съ этого времени спектакли стали даваться уже на русскомъ языкѣ. На нихъ ставились піесы изъ репертуара, привезеннаго Кунштомъ изъ Германіи. Піесы эти переводились съ нѣмецкаго въ Посольскомъ приказѣ, но такъ какъ приказные дьяки были вовсе не подготовлены для литературной работы, то переводы ихъ обыкновенно отличались неуклюжестью, и даже смыслъ ихъ не всегда былъ понятенъ. Чтобы сдѣлать театръ общедоступнымъ, цѣны за мѣста были назначены очень низкія: такъ, первыя мѣста стоили десять копѣекъ (на наши деньги около 90 коп.). Несмотря на это, зрителей собиралось на спектакли мало; вслѣдствіе этого равнодушія публики, московскій народный театръ просуществовалъ недолго, всего нѣсколько лѣтъ (до 1707 г.). Главная причина неудачи этого предпріятія Петра заключалась въ томъ, что онъ пытался основать русскій театръ въ то время, когда у насъ не только не существовало собственной драматической литературы, но не было даже выработаннаго литературнаго языка, а піесы нѣмецкаго репертуара въ тяжелыхъ переводахъ приказныхъ дьяковъ были мало понятны и мало интересны для широкой публики.

Переводныя драмы и комедіи.

Сохранилось нѣсколько піесъ, разыгранныхъ актерами изъ учениковъ Куншта: „Сципіо Африканъ, вождь римскій и погубленіе Софонизбы, королевы нумидійской“, „Честный измѣнникъ, или Фридрихъ фонъ-Поплей и Алоизія, супруга его“, „Принцъ Пикель-Герингъ, или самый свой тюрьмовой заключникъ“ (Le geôlier de soi-même), „Комедія о Донъ-Педрѣ и Донъ-Янѣ“ (Донъ-Жуанъ), „Докторъ принужденный“ (Le médecin malgré lui—Мольера) и др. Во многихъ изъ этихъ піесъ большую роль играетъ *романическій*, любовный элементъ, котораго вовсе не было въ школьныхъ драмахъ и въ піесахъ, поставленныхъ пасторомъ Грегори. Такъ, напр., комедія „Честный измѣнникъ“ изображаетъ кровавую месть мужа за измѣну жены. Много мѣста отведено во всѣхъ піесахъ перваго русскаго театра *комическому* элементу,—даже въ піесахъ съ серьезнымъ и трагическимъ содержаніемъ (напр., „Сципіо Африканъ“). Носителемъ этого комизма является иногда традиціонный шутъ,—напр., въ піесѣ „Принцъ Пикель-Герингъ“, или же плутоватый, „издѣвочный“ слуга, вмѣшивающійся въ рѣчи героевъ со своими шутливыми, грубо-комическими замѣчаніями.

Интермедіи.

Комическимъ содержаніемъ отличались и такъ называемыя *интермеди* или *интермюдіи*, — небольшія отдѣльныя сцены, ставившіяся въ промежуткахъ между дѣйствіями. Эти интермедіи въ большинствѣ случаевъ суть самостоятельныя созданія народнаго юмора и первоначально входили, повидимому, въ репертуаръ бродячихъ скомороховъ. Неизмѣннымъ героемъ этихъ интермедій является шутъ — „дурацкая персона“, „гаеръ“ (отъ нѣмецк. Geiger); другія дѣйствующія лица: плутоватый цыганъ, разбитная молодка, хвастливый шляхтичъ (типъ, сложившійся подъ польскимъ вліяніемъ) и нѣк. др. Связнаго дѣйствія въ интермедіяхъ нѣтъ, и они состоятъ изъ всевозможныхъ шутовскихъ выходокъ выведенныхъ лицъ, площадныхъ остротъ и прибаутокъ, большей ча-

стью очень грубыхъ и непристойныхъ. Интермедіи эти слагались риѳмованной прозой, какую до сихъ поръ употребляютъ такъ называемые раешники. Наибольшій интересъ представляютъ тѣ интермедіи, въ которыхъ выведены нѣкоторые современные типы (Петровской эпохи), напр., раскольникъ, приверженецъ старины, жалующійся на то, что настали послѣднія времена, потому что „никонщики проклятые“ —

Не токмо вѣру нашу, святу и Богомъ устроенну,
Стоглавьемъ Макарьевскимъ крѣпко утвержденну,
Попрали, но и платье долгое ужъ премѣнили,
Еже апостоли святые и пророки носили...
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ,
Свои брады наголо желѣзомъ обриваютъ.
Человѣцы ходятъ яко обезьяны:
Вмѣсто главныхъ волосовъ носятъ паруки, будто нѣмцы поганы.

Въ другой интермедіи выведенъ такой же представитель невѣжественной старины въ лицѣ дьячка, глубоко удрученнаго тѣмъ, что дѣтей его требуютъ въ семинарію для обученія наукамъ:

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня! сберитесь сюда,
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда:
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ
И въ проклятую семинарію на муку обираютъ.
О, мои дѣтушки сердечные!
Не на ученье васъ берутъ, а на мученье безконечное,
Лучше вамъ не родиться на свѣтъ, а хотя и родиться,
Того жъ часа киселемъ подавиться иль въ водѣ утопиться!..

Возникновеніе любительскаго театра и его репертуаръ.

Съ уничтоженіемъ московскаго народнаго театра, театральныя представленія однако же не прекратились въ Россіи. Большой любительницей ихъ была одна изъ сестеръ Петра, царевна Наталья Алексѣевна, устроившая въ Петербургѣ придворный театръ, въ которомъ ставились не только переводныя піесы, но также и піесы ея собственнаго сочиненія. Не прекращалась также и дѣятельность школьнаго театра. Вмѣстѣ съ тѣмъ вкусъ къ театральнымъ представленіямъ постепенно проникаетъ и въ общество; вѣроятно, главную роль въ этомъ отношеніи сыграла молодежь изъ бывшихъ воспитанниковъ духовныхъ школъ, познакомившаяся съ постановкой спектаклей еще въ годы ученія: эта молодежь и явилась устроительницей первыхъ любительскихъ спектаклей въ Россіи, о которыхъ однако не сохранилось, къ сожалѣнію, почти никакихъ свѣдѣній. Повидимому, именно на этихъ любительскихъ спектакляхъ разыгрывались дошедшія до насъ піесы, представляющія собой передѣлки иностранныхъ рыцарскихъ романовъ, распространявшихся въ Россіи въ рукописныхъ переводахъ; таковы: „Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Золотыхъ Ключахъ“, „Комедія о Калеандрѣ“, „Комедія о графѣ Фарсонѣ“ и нѣк. др. Эти піесы представляли собой безыскусственное воспроизведеніе въ дѣйствіяхъ эпическаго разсказа, за развитіемъ котораго онѣ слѣдуютъ шагъ за шагомъ. Отъ піесъ Петровскаго народнаго театра (Куншта и его учениковъ) онѣ отличаются отсутствіемъ въ нихъ коми-

ческаго элемента, а также своей стихотворной формой: онѣ написаны частью силлабическими стихами (подобно духовнымъ „дѣйствамъ“), частью риѳмованной прозой.

Переводные романы.

Потребность въ легкомъ и занимательномъ чтеніи находила себѣ въ Петровскую эпоху удовлетвореніе главнымъ образомъ въ переводныхъ романахъ и повѣстяхъ. Большинство этихъ произведеній принадлежало къ числу рыцарскихъ и „авантюрныхъ“ романовъ, интересъ которыхъ сосредоточивался на изображеніи всевозможныхъ героическихъ подвиговъ и любовныхъ приключеній выведенныхъ лицъ. Во многихъ изъ этихъ романовъ ясно чувствуется отголосокъ средневѣкового рыцарскаго поклоненія женщинѣ: обыкновенно главнымъ сюжетомъ ихъ является пламенная и возвышенная любовь какого-либо рыцаря или принца къ избранной имъ дамѣ сердца и борьба его со всевозможными препятствіями, стоящими между ними; чѣмъ больше было этихъ препятствій, чѣмъ невѣроятнѣе и разнообразнѣе подвиги и приключенія героевъ, тѣмъ большимъ успѣхомъ пользовалась книга среди читателей. У насъ въ Россіи переводы этихъ романовъ, повидимому, составляли любимое чтеніе грамотной публики, хотя они еще не удостаивались печати, а распространялись среди любителей въ рукописныхъ копіяхъ.

Подражательныя повѣсти.

На ряду съ переводами иностранныхъ романовъ появляются и болѣе или менѣе самостоятельныя *подражанія* имъ, въ формѣ небольшихъ *повѣстей*, съ русскимъ героемъ въ центрѣ дѣйствія. Сюжеты этихъ повѣстей и ходъ дѣйствія въ нихъ заимствованы изъ иностранныхъ источниковъ, но въ изображеніе подробностей, въ описаніе отдѣльныхъ эпизодовъ, русскіе авторы вносятъ кое-что свое, проявляютъ извѣстную самостоятельность. Къ числу такихъ полу-оригинальныхъ произведеній принадлежатъ: „Исторія о россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ“, „Исторія о Александрѣ, россійскомъ дворянинѣ“, „Исторія о россійскомъ купцѣ Іоаннѣ и о прекрасной дѣвицѣ Елеонорѣ“. Главнымъ героемъ является въ нихъ молодой русскій, но дѣйствіе происходитъ за-границей, въ какой-либо изъ западно-европейскихъ странъ. Это обстоятельство очень характерно для Петровскаго времени, когда особенно участились сношенія съ Западомъ, благодаря посылкѣ молодыхъ людей за-границу для науки, и вслѣдствіе этого очень возросъ интересъ къ иноземной жизни. Другой характерной особенностью этихъ повѣстей является отсутствіе въ нихъ религіозно-поучительнаго элемента, который играетъ еще важную роль въ подобныхъ же произведеніяхъ XVII вѣка (повѣсть „О Горѣ-Злочастьи“, „О Саввѣ Грудцынѣ“); въ повѣстяхъ Петровскаго времени содержаніе совершенно свѣтское и имѣетъ цѣлью не нравственное поученіе, а простую занимательность. Наконецъ, весьма характернымъ представляется и то, что интересъ этихъ повѣстей сосредоточивается преимущественно на изображеніи сердечныхъ увлеченій выведенныхъ лицъ, что любовь является главнымъ двигателемъ дѣйствія; въ этомъ косвеннымъ образомъ отразилась перемѣна въ положеніи русской женщины высшихъ классовъ, освободившейся при Петрѣ отъ своего теремного затворничества и получившей возможность свободно появляться въ обществѣ, знакомиться съ мужчинами и выбирать себѣ среди нихъ мужа по сердцу. Благодаря этому, отношенія между

Ихъ отличіе отъ повѣстей XVII вѣка.

полами получаютъ другой характеръ, усваиваются формы галантнаго обращенія, создается типъ свѣтскаго „кавалера“ — ухаживателя и любезника, и вопросы чувства начинаютъ играть видную роль среди другихъ интересовъ высшаго общества, подвергшагося вліянію западноевропейской культуры.

Повѣсть о россійскомъ матросѣ Василіи.

Характернымъ образцомъ повѣсти Петровской эпохи можетъ послужить „Исторія о россійскомъ матросѣ Василіи Каріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи, флоренской земли“. Героемъ ея является сынъ бѣднаго русскаго дворянина, жившаго „въ россійскихъ Европіяхъ“. Чтобы помогать отцу, онъ поступаетъ на службу, записывается во флотъ въ матросы. Вскорѣ онъ вмѣстѣ съ другими товарищами получилъ приказъ „маршировать въ Голландію, для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ“. Впрочемъ, о его ученіи въ Голландіи ничего не сообщается, а разсказывается, что онъ поселился „у богатаго голанскаго гостя“, ведшаго обширную заморскую торговлю. Онъ исполнялъ очень удачно различныя торговыя порученія своего хозяина, и тотъ полюбилъ Василія, „яко родного сына“, и просилъ, чтобы онъ навсегда остался при немъ. Съ большимъ трудомъ отпросился Василій къ себѣ на родину, для того, чтобы повидаться съ отцомъ, находившимся уже „въ великой древности“, и испросить его благословенія. Во время путешествія Василій потерпѣлъ кораблекрушеніе и былъ выброшенъ на пустынный островъ, на которомъ жили только морскіе разбойники. Чтобы избавиться отъ гибели, Василій долженъ былъ присоединиться къ нимъ и такъ имъ понравился, что вскорѣ даже былъ избранъ „атаманомъ“. Однако при первой возможности Василій бѣжалъ отъ разбойниковъ вмѣстѣ съ царевной Иракліей, которую они держали въ плѣну, заключенной въ заповѣдномъ „чуланѣ“; не забылъ онъ также захватить съ собой множество „сумъ съ златомъ и серебромъ, и драгоцѣнными камнями“. Спасшись благополучно отъ погони, бѣглецы прибыли въ Цесарію (т.-е. въ Австрію) и поселились въ столицѣ. Тамъ они скоро обратили на себя вниманіе роскошью своей жизни и обстановки; россійскій матросъ Василій былъ представленъ ко двору и очень понравился самому цесарю, который такъ полюбилъ его, что велѣлъ почитать его, какъ названнаго брата. Въ это время прибылъ въ столицу „флоренскаго государства адмиралъ“, посланный отцомъ королевны Иракліи на поиски за пропавшей дочерью. Хитростью онъ заманилъ къ себѣ на корабль Василія вмѣстѣ съ королевной, хотя Ираклія и говорила ему: „Государь мой, я опасна того, что сей адмиралъ вороватъ: не сдѣлалъ бы чего надъ нами“. Но Василій не послушался ея—и за то подвергся новымъ непріятностямъ: самъ онъ былъ, по приказу адмирала, сброшенъ въ море, а Ираклію адмиралъ увезъ съ собою, въ надеждѣ жениться на ней, такъ какъ король-отецъ обѣщалъ отдать въ жены свою единственную дочь тому, кто ее отыщетъ. По прибытіи во Флоренцію, адмиралъ объявилъ королю, что онъ силой отнялъ его дочь у морскихъ разбойниковъ, и обрадованный отецъ сейчасъ же велѣлъ дѣлать приготовленія къ свадьбѣ, не желая нарушать свой „пароль“ (слово, обѣщаніе), несмотря на просьбы и слезы дочери. Когда свадебный поѣздъ приближался къ „киркѣ“, гдѣ было назначено вѣнчаніе, Ираклія услыхала голосъ, пѣвшій „жалобную арію“, сопровождая ее игрой на арфѣ.

Въ немъ она узнала голосъ Василія, котораго она сама обучила музыкѣ, такъ какъ „весьма была гораздa играть на арфіи“. Оказалось, что Василій не погибъ въ морѣ, какъ разсчитывалъ адмиралъ, а спасся и тайкомъ прибылъ во Флоренцію. Повѣсть оканчивается благополучной развязкой: вороватый адмиралъ подвергается наказанію, а россійскій матросъ Василій женится на королевнѣ Иракліи, и послѣ смерти ея отца становится самъ флоренскимъ королемъ [1]).

Кантемиръ.

Біографія Кантемира

Первымъ крупнымъ русскимъ писателемъ, выдвинутымъ Петровской эпохой, былъ князь Антіохъ Кантемиръ. Хотя онъ по своему возрасту и времени дѣятельности принадлежитъ послѣдующему поколѣнію, однако по своимъ взглядамъ и симпатіямъ онъ тѣсно примыкаетъ къ такимъ представителямъ Петровской эпохи, какъ Ѳеоф. Прокоповичъ и Татищевъ, являясь вмѣстѣ съ ними горячимъ сторонникомъ новыхъ порядковъ и новаго просвѣщенія.—Кантемиръ родился въ Константинополѣ въ 1709 г. Онъ былъ сыномъ молдавскаго господаря (правителя) Димитрія Кантемира, который во время Прутскаго похода Петра Великаго перешелъ на сторону русскихъ и по окончаніи войны поселился съ семьею въ Россіи. Онъ получилъ тщательное по тому времени образованіе и впослѣдствіи съ успѣхомъ занимался дипломатической службой. Скончался онъ еще въ молодыхъ годахъ (въ 1744 г.) въ Парижѣ, въ званіи русскаго посланника при французскомъ дворѣ.

Кн. Антіохъ Кантемиръ.

Отецъ Кантемира, человѣкъ хорошо образованный и даже ученый, и сыну своему постарался дать тщательное образованіе: еще въ отрочествѣ Антіохъ Кантемиръ отлично изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ, и познакомился съ ихъ литературой, а

[1]) Сюжетъ этой повѣсти и общій ходъ дѣйствія заимствованы изъ переводной „Гисторіи о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и прекрасной гишпанской королевнѣ Элеонорѣ“; однако въ передачѣ многихъ подробностей есть нѣкоторыя отступленія, а въ изложеніе отдѣльныхъ эпизодовъ вставлены черты русскаго быта (напр., въ описаніи жизни разбойниковъ, напоминающемъ бытъ русскихъ „воровскихъ людей“ стараго времени); все это придаетъ разсказу отпечатокъ оригинальности.

затѣмъ, когда была основана въ Петербургѣ Академія Наукъ, онъ пользовался лекціями нѣмецкихъ профессоровъ. Интересъ къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ пробудился въ немъ очень рано. Двадцати лѣтъ отъ роду, въ 1729 году, онъ написалъ свою первую сатиру: „На хулящихъ ученіе“, направленную противъ приверженцевъ старины и враговъ новаго просвѣщенія и Петровскихъ преобразованій. Какъ разъ въ это время, въ царствованіе малолѣтняго Петра II, партія эта получила преобладаніе въ государственной жизни и стремилась использовать свою власть, для того, чтобы вернуть Россію къ до-Петровскимъ порядкамъ. Кантемиръ, какъ убѣжденный сторонникъ Петровскихъ реформъ и европейскаго образованія, не могъ остаться равнодушнымъ къ этимъ попыткамъ и рѣшился выступить противъ недальновидныхъ приверженцевъ старины съ обличительнымъ словомъ. Первая сатира Кантемира, распространяясь въ спискахъ, вызвала живое одобреніе сторонниковъ Петровскихъ преобразованій, напр., Ѳеофана Прокоповича, который выразилъ свое сочувствіе молодому автору въ привѣтственныхъ виршахъ.

Важную историческую роль пришлось сыграть Кантемиру въ событіяхъ 1730 года, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ императрицы Анны Іоанновны. Благоговѣя передъ памятью Петра Великаго и будучи убѣжденъ въ необходимости сильной монархической власти для проведенія необходимыхъ для Россіи реформъ, Кантемиръ выступилъ противъ замысловъ „верховниковъ“, желавшихъ въ свою пользу ограничить царскую власть. Вмѣстѣ съ Татищевымъ, онъ составилъ отъ лица собравшагося въ Москвѣ на коронацію шляхетства челобитную, съ просьбой о возстановленіи самодержавія. Участіе въ этомъ дѣлѣ сильно выдвинуло Кантемира и создало ему блестящую карьеру: въ 1732 году онъ былъ назначенъ министромъ-резидентомъ въ Лондонѣ, а затѣмъ посланникомъ въ Парижѣ. На этихъ отвѣтственныхъ постахъ онъ выказалъ себя умѣлымъ и ловкимъ дипломатомъ. Однако на-ряду съ служебными занятіями Кантемиръ находилъ время и для своихъ научныхъ и литературныхъ интересовъ. Онъ охотно сближался съ французскими учеными и писателями, занимался переводами ихъ произведеній на русскій языкъ (напр., „Персидскихъ писемъ“ Монтескье: очень характеренъ выборъ этого произведенія, представляющаго собой *сатирическую* картину тогдашней французской жизни); здѣсь же въ Парижѣ написалъ онъ и нѣсколько оригинальныхъ сатиръ и подготавливалъ полное собраніе ихъ для печати. Однако этому предпріятію не суждено было осуществиться: отличаясь съ дѣтства слабымъ здоровьемъ, Кантемиръ заболѣлъ чахоткой и умеръ въ возрастѣ 35 лѣтъ.

Его сатиры: ихъ содержаніе.

Главнымъ произведеніемъ Кантемира являются его *сатиры,* которыхъ онъ написалъ девять. По своему содержанію онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: на *обличительныя* и *дидактическія* (поучительныя). Въ первыхъ онъ изображаетъ недостатки и пороки, какъ общечеловѣческіе, т.-е. свойственные людямъ вообще, такъ и такіе, которые особенно свойственны были русской жизни того времени. Въ сатирахъ поучительныхъ онъ выставляетъ свои собственные положительные идеалы, выражаетъ свои взгляды на разные

вопросы жизни.—Какъ представитель литературы только что нарождающейся, Кантемиръ не былъ вполнѣ самостоятеленъ въ своемъ творчествѣ и нерѣдко подражалъ чужимъ образцамъ: въ особенности ясно эта подражательность сказывается въ тѣхъ сатирахъ, въ которыхъ онъ касается общечеловѣческихъ недостатковъ; тамъ же, гдѣ Кантемиръ выставляетъ русскіе типы и нравы, онъ болѣе оригиналенъ, такъ какъ заимствуетъ матеріалъ для своего изображенія изъ окружающей дѣйствительности [1]).

Их форма

Со стороны своей внѣшней формы, сатиры Кантемира не отличаются художественностью; языкъ ихъ очень тяжелъ, запутанъ и мѣстами неправиленъ, хотя встрѣчаются отдѣльные легкіе и выразительные стихи, удачные и живописные обороты. Эти недостатки стиля Кантемира объясняются какъ общей невыработанностью литературнаго языка, такъ и употребленіемъ несвойственнаго русской рѣчи силлабическаго стиха. Чтобы придать этому стиху болѣе пѣвучести, Кантемиръ усложнилъ свою версификацію введеніемъ цезуры и опредѣленныхъ ударенiй. Каждый стихъ состоитъ у Кантемира изъ 13-ти стопъ, раздѣленныхъ цезурой на двѣ половины; въ первой заключается 7, а во второй—6 стопъ, при чемъ въ первой половинѣ ударенiе должно быть на пятой или на седьмой стопѣ, а во второй должно непремѣнно падать на предпослѣдній слогъ; напр.

Расколы и е́реси || науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому дано́ || больше разумѣти.

Публицистическій характеръ сатиръ Кантемира.

Наибольшій интересъ представляютъ тѣ сатиры, въ которыхъ изображаются типы и нравы современнаго русскаго общества, въ особенности двѣ первыя изъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ являются и самыми удачными и самостоятельными, такъ какъ матеріалъ для нихъ Кантемиръ почерпалъ не изъ книгъ, а изъ непосредственныхъ наблюденій надъ окружающей жизнью. Написаны онѣ почти одновременно, въ 1729 году, и вызваны обстоятельствами того времени. Подобно большинству литературныхъ произведеній Петровской эпохи, онѣ носятъ *публицистическій* характеръ, такъ какъ въ нихъ затронуты злободневные вопросы русской общественной жизни. Какъ разъ въ это время, въ царствованіе малолѣтняго Петра II, правительственная власть попала въ руки партіи приверженцевъ старины,

---

[1]) Впрочемъ, самъ Кантемиръ нисколько не скрывалъ своей зависимости отъ иностранныхъ образцовъ; въ предисловіи къ своимъ сатирамъ онъ говоритъ; „Я въ сочиненіяхъ своихъ наипаче Горацію и Буало, французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ“. Въ примѣчаніяхъ къ сатирамъ Кантемиръ каждый разъ оговариваетъ всѣ подобныя заимствованія.

стремившихся воспользоваться ею для того, чтобы ослабить или уничтожить значеніе Петровскихъ преобразованій. Эти замыслы не могли не тревожить Кантемира, бывшаго убѣжденнымъ сторонникомъ новыхъ порядковъ и новаго, западно-европейскаго просвѣщенія. Кромѣ того, самъ Кантемиръ чувствовалъ себя лично обиженнымъ однимъ изъ тогдашнихъ временщиковъ, лишившимъ его отцовскаго наслѣдства. Все это настраивало его враждебно по отношенію къ партіи старины.

ервая сати-: ея форма содержаніе.

Въ особенности безпокоили Кантемира нападки приверженцевъ старины на новое свѣтское образованіе, которое только что начало распространяться въ Россіи. Поэтому въ своей первой сатирѣ: «Къ уму своему, или на хулящихъ ученіе» онъ выступилъ именно противъ этихъ враговъ просвѣщенія, представителей стараго невѣжества. По своей внѣшней формѣ это произведеніе Кантемира представляетъ собой подражаніе одной сатирѣ Буало, но по своему содержанію оно вполнѣ оригинально, такъ какъ въ немъ изображены русскіе типы и русскіе нравы. Кантемиръ выводитъ въ своей сатирѣ тогдашнихъ хулителей науки, повторяетъ тѣ нападки на просвѣщеніе, съ которыми они выступали въ жизни.

ипы хулителей просвѣщенія.

Нападки эти очень типичны для многочисленныхъ категорій лицъ и даже цѣлыхъ общественныхъ группъ. Кантемиръ начинаетъ съ изображенія тѣхъ враговъ новаго, свѣтскаго образованія, которые возставали противъ науки, подъ предлогомъ защиты благочестія и чистоты вѣры. Выразителемъ этого мнѣнія, очень распространеннаго въ русскомъ обществѣ и поддерживаемаго въ немъ невѣжественною частью духовенства, въ сатирѣ Кантемира является ханжа *Критонъ*, полагающій, что «расколы и ереси науки суть дѣти», и что «приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ». Какъ человѣкъ невѣжественный, Критонъ все значеніе религіи сводитъ къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ, не умѣя различить важнаго отъ второстепеннаго. Его смущаетъ также духъ любознательности, распространяющійся среди новаго поколѣнія, ищущаго «всему знать причину» и уже не довѣряющаго слѣпо авторитету старины. Наконецъ, недоволенъ онъ и умаленіемъ власти духовенства въ мірскихъ дѣлахъ и сокращеніемъ церковныхъ и монастырскихъ имѣній:

Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали.
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;

Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишню чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.

Другой недругъ просвѣщенія—*Сильванъ*, типъ помѣщика-вотчинника стараго времени. Онъ смотритъ на все съ узко-утилитарной стороны, цѣнитъ лишь непосредственную матеріальную выгоду и потому относится къ наукамъ недовѣрчиво и презрительно. «Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,—гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ», говоритъ онъ. Въ практической жизни онъ считаетъ вполнѣ возможнымъ обойтись безъ науки: «землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ,—сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ». Въ особенности безполезно занятіе науками для дворянъ: забота о знаніяхъ, о доводахъ и доказательствахъ—«подлыхъ то есть дѣло» (подлый—въ старомъ значеніи простолюдина, не-дворянина), «знатнымъ полно (достаточно) утверждать и отрицать смѣло».

Третій изъ выведенныхъ Кантемиромъ типовъ—гуляка *Лука*, возстающій противъ наукъ, потому что онѣ, по его мнѣнію, «содружество людей разрушаютъ», заставляя человѣка уединяться для серьезныхъ занятій и ради «мертвыхъ друзей» (т.-е. книгъ) лишать себя веселой компаніи живыхъ пріятелей. Впрочемъ, люди подобнаго рода, предпочитающіе всему веселые кутежи и попойки, встрѣчаются во всякомъ обществѣ, и потому гуляка Лука не представляетъ собой явленія, спеціально принадлежащаго Петровскому времени. Зато чрезвычайно типичной фигурой является щеголь *Медоръ*, предшественникъ тѣхъ «пети-мэтровъ», которые были такъ распространены въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка. Въ противоположность тремъ первымъ типамъ, Медоръ является представителемъ новаго поколѣнія, уже затронутаго дѣйствіемъ европейской культуры. Однако изъ всей этой культуры онъ воспринялъ лишь ея внѣшнюю оболочку: костюмъ, прическу, манеры, а въ умственномъ и нравственномъ отношеніи остался на прежней низкой ступени развитія. Поэтому онъ Сенекѣ (римскій философъ и писатель) предпочитаетъ «фунтъ доброй пудры», а моднаго портного и сапожника ставитъ выше Цицерона и Вергилія.

Враги новаго просвѣщенія и Петровскихъ реформъ среди власть имущихъ.

Всѣ означенные хулители наукъ принадлежатъ къ числу частныхъ лицъ, не имѣющихъ особеннаго значенія и вѣса въ обществѣ; но есть, замѣчаетъ Кантемиръ, и болѣе вліятельные и опасные противники новаго просвѣщенія, среди лицъ, облеченныхъ

властью и почетомъ. Къ числу ихъ относится, прежде всего, часть высшаго духовенства («райскихъ вратъ ключари святые»), которые были недовольны уничтоженіемъ патріаршества и другими мѣрами Петра, умалявшими роль церковной власти въ государственныхъ дѣлахъ и лишавшими духовное сословіе многихъ старыхъ привилегій [1]). Недовольны были новыми порядками и новымъ просвѣщеніемъ также многіе представители стараго служилаго класса, привыкшіе смотрѣть на государственную службу, какъ на средство *кормленія* и какъ на привилегію своего сословія. Поэтому стремленіе Петра сдѣлать для дворянъ обязательнымъ ученіе и спеціальную техническую подготовку—было многимъ далеко не по сердцу. Эту группу недовольныхъ Кантемиръ изобразилъ въ лицѣ судьи, невѣжды и взяточника, ни во что не ставящаго «гражданскіе уставы, и естественный законъ, и народны правы», и рѣшающаго дѣла въ пользу тѣхъ, кто больше дастъ. Неудивительно поэтому, что при видѣ этихъ многочисленныхъ враговъ просвѣщенія Кантемиръ приходитъ, въ концѣ-концовъ, къ крайне безотраднымъ выводамъ относительно положенія науки въ его время въ Россіи:

Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита;
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе—корабельной службы.

Вторая сатира.

Вторая сатира Кантемира: „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“ написана вскорѣ послѣ первой. Она также имѣетъ публицистическій характеръ и также направлена противъ враговъ Петровскихъ нововведеній, именно противъ тѣхъ представителей родовитаго боярства, которые были недовольны тѣмъ, что Петръ въ основу служебныхъ отличій положилъ принципъ личной заслуги, а не родовитаго происхожденія („Табель о рангахъ“ 1722 г.). Хотя Кантемиръ самъ принадлежалъ по своему происхожденію къ высшей аристократіи, однако онъ въ этомъ вопросѣ вполнѣ раздѣлялъ взгляды и стремленія Петра. По своей внѣшней формѣ, вторая сатира представляетъ собой разговоръ между Филаретомъ (по-гречески Филаретъ значитъ „любящій добродѣтель“) и Евгеніемъ („благороднымъ“, т. е. дворяниномъ). Устами Филарета Кантемиръ выражаетъ свои собственныя убѣжденія.

Вопросъ объ истинномъ благородствѣ.

Истинное благородство, по его мнѣнію, должно быть основано на добродѣтели: „Мало пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ,—буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ“. Не чужда Кантемиру и идея о равенствѣ людей, усвоенная имъ изъ современнаго ученія о „естественномъ правѣ“ (Гуго Гроцій и Пуффендорфъ): „Раз-

[1]) Въ лицѣ властолюбиваго епископа, заботящагося преимущественно о внѣшнемъ блескѣ своего сана, Кантемиръ изобразилъ Георгія Дашкова, архіепископа Ростовскаго, мечтавшаго о возстановленіи патріаршества.

нится потомкомъ быть предковъ благородныхъ,—или благороднымъ быть. Та же и въ свободныхъ—и въ холопахъ течетъ кровь, та же плоть, тѣ жъ кости"; всѣ люди происходятъ отъ однихъ прародителей, всѣ они—потомки „простыхъ земледѣтелей:—отъ нихъ мы всѣ сплошь пошли, одинъ поранѣе,—оставя дудку, соху, другой попозднѣе". Напротивъ того, Евгеній придерживается совершенно другихъ взглядовъ; онъ крайне недоволенъ тѣмъ, что—

...кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, „сальныя", крича, „ясно свѣчи
Горятъ!" кто съ подовыми (пирогами) горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку ступень вспрыгнувши блистаетъ,
А благородство мое во мнѣ унываетъ.

Евгеній рощетъ на то, что онъ обойденъ чинами: мечтая о высокомъ общественномъ положеніи, онъ разсчитываетъ только на свое знатное происхожденіе, на заслуги предковъ, но самъ ничего не дѣлаетъ и не хочетъ трудиться. Многими чертами своими онъ близко напоминаетъ Медора изъ 1-ой сатиры. Онъ такой же щеголь и мотъ, такъ же увлекается модами, тратя иногда крупныя деньги на одинъ кафтанъ („деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу"), такъ же исполненъ невѣжественнаго самомнѣнія. Кантемиръ описываетъ довольно подробно времяпрепровожденіе Евгенія: до середины дня онъ спитъ, затѣмъ, проснувшись, долго нѣжится въ постели, пока ему не принесутъ „пойло, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая" (т.-е. кофе или чай), потомъ начинаетъ одѣваться, любуясь, какъ Нарцисъ, собою и своимъ моднымъ костюмомъ; затѣмъ слѣдуетъ обильный обѣдъ, попойка, карточная игра и т. д.

Прочія обличительныя сатиры.

Изображенію русскихъ типовъ и нравовъ посвящена и 9-я сатира: „Къ солнцу", или „На состояніе свѣта сего". Здѣсь выводится невѣжественный мужикъ-раскольникъ, разсуждающій о грѣхѣ брадобритія и ношенія париковъ; священникъ, болѣе заботящійся о своихъ доходахъ, чѣмъ о поученіи прихожанъ; купецъ, усердно кладущій въ церкви поклоны и въ то же время не брезгающій никакимъ обманомъ, и др. Сатиры 3-я и 5-я посвящены обличенію такихъ недостатковъ и слабостей, которые могутъ встрѣчаться во всякомъ обществѣ и во всякое время: поэтому выведенные въ нихъ типы имѣютъ общечеловѣческое значеніе. Таковы типы скупца, завистника, сплетника, льстеца, лицемѣра и т. д. Но и здѣсь встрѣчаются указанія на русскую дѣйствительность: иногда въ формѣ краткой сентенціи,—напр.: „Подьячій же силится и съ мертваго драти;" (срав. въ 2-й сатирѣ подобный же отзывъ: „Ябеда и другъ ея, дьякъ или подьячій"); иногда въ видѣ цѣлой бытовой картины: таково, напр., описаніе праздничнаго разгула въ уѣздномъ городишкѣ, когда, по случаю „дня святъ Николая", весь городъ „пьянъ отъ края до края".

Сатиры дидактическія.

Особую группу среди сатиръ Кантемира составляютъ сатиры *дидактическія* (поучительныя). Такова 6-я сатира: „О истинномъ блаженствѣ", въ которой Кантемиръ развиваетъ свои взгляды на человѣческое счастье,

свою жизненную философію. Мораль его не отличается особенной высотой и строгостью: она сводится къ проповѣди умѣренности, „золотой середины“. Кантемиръ доказываетъ тщету богатства и почестей. „Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ“, говоритъ онъ. Для того чтобы быть счастливымъ, человѣкъ долженъ умѣрять свои желанія, обуздывать страсти и слѣдовать по пути добродѣтели: „добрымъ быть собою мзда есть уже не мала“. Жизнь въ деревенской тишинѣ, вдали отъ шума и соблазновъ свѣта, общество близкихъ и симпатичныхъ друзей, умѣренный достатокъ, обезпечивающій человѣка отъ нужды и заботъ и позволяющій ему свободно отдаваться занятіямъ науками и искусствами: „провожать (время) межъ мертвыми греки и латины—изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины“—таковъ жизненный идеалъ Кантемира, близко напоминающій идеалъ Горація, его любимаго поэта, которому онъ подражалъ въ этой сатирѣ.

Філіппъ Царь Македонскїи,
Отецъ Алеѯандровъ, егда покори
государства Греческїе, совѣтовали
ему нѣцыи, да бы грады осадїлъ
воями, да бы сызнова не измѣнїли,
сїце на то отвѣща: лучше мнѣ,
чтобъ меня долго добрымъ звали,
неже на малое время.

Нѣкто отъ егожъ подданныхъ
обыклъ говорїть зло про него, егоже
наказати изгнанїемъ совѣтовали
Царю, но онъ не восхотѣ того
сотворїти.

Вопрошенъ же о прїчїнѣ, отвѣща:
того ради не хочю изгнати его, да бы
шатаясь сѣмо и овамо, не говорїлъ
болши зла о мнѣ. Два

Образецъ Петровскаго шрифта (Изъ Апофеегматъ, т.-е. краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей, 1723 г.); обратить вниманіе на буквы *зѣло* и *кси*.

Значеніе сатиръ Кантемира.

Въ художественномъ отношеніи сатиры Кантемира не отличаются особенными достоинствами. Кантемиръ не былъ поэтомъ, въ собственномъ смыслѣ слова; кромѣ того, много вредитъ впечатлѣнію

его тяжелый языкъ и неуклюжій стихъ. Но Кантемиръ былъ тонкимъ и внимательнымъ наблюдателемъ окружающей жизни, умѣвшимъ подмѣтить ея характерныя явленія и изобразить ихъ живыми чертами. Поэтому главное достоинство его сатиръ заключается въ ихъ близости къ дѣйствительности, въ ихъ живой связи съ современностью. Выступая въ знаменательную эпоху великаго перелома въ русской жизни, Кантемиръ горячо ратовалъ противъ невѣжественной старины, противъ отсталыхъ понятій и грубыхъ нравовъ, защищая дѣло обновленія русской жизни, начатое Петромъ. Поэтому Бѣлинскій мѣтко и справедливо назвалъ его «первымъ сподвижникомъ Петра Вел. на поприщѣ литературы».—При жизни Кантемира сатиры его не были напечатаны, но распространялись въ обществѣ въ спискахъ, вызывая одобреніе сторонниковъ новаго просвѣщенія и нападки приверженцевъ старины. Впервые онѣ были изданы уже много лѣтъ послѣ смерти автора, въ царствованіе Екатерины II (въ 1762 г.), когда онѣ уже успѣли значительно устарѣть, особенно со стороны внѣшней формы. Благодаря этому, Кантемиръ не составилъ школы, не возбудилъ подражанія. Но тѣмъ не менѣе въ исторіи русской литературы онъ занимаетъ почетное мѣсто, въ качествѣ родоначальника того *обличительнаго направленія*, которое имѣло громадное вліяніе на всю умственную жизнь русскаго общества и къ которому принадлежали такіе выдающіеся писатели, какъ Фонвизинъ, Новиковъ, Грибоѣдовъ, Гоголь и др.

ГЛАВА VI.

Эпоха первыхъ преемниковъ Петра Вел. Усвоеніе новыхъ литерат. формъ и утвержденіе псевдо-классицизма.

Подражательный характеръ рус. литературы XVIII вѣка.

Петровская эпоха, съ ея чисто практическимъ направленіемъ, не была благопріятна для развитія художественной литературы: литературныя произведенія этого времени были немногочисленны, да и большинство ихъ къ тому же оставалась ненапечатаннымъ. Но, положивши начало усвоенію европейской культуры, эпоха эта дала могучій толчокъ для пробужденія въ русскомъ обществѣ умственной жизни и новыхъ интересовъ, и такимъ образомъ создала ту почву, на которой литература могла возникнуть. И дѣйствительно, уже въ ближайшее за смертью Петра время, въ царствованіе его первыхъ преемниковъ, появляются у насъ первыя попытки литературнаго творчества. Впрочемъ, попытки эти носятъ вначалѣ чисто *подражательный* характеръ и выражаются прежде всего въ послѣдовательномъ *усвоеніи литературныхъ формъ,* выработанныхъ на Западѣ.

Въ эту эпоху (въ серединѣ XVIII в.) во всѣхъ европейскихъ литературахъ господствовала *псевдо-классическая школа,* являющаяся отголоскомъ французскаго классицизма, расцвѣтъ котораго относится къ предыдущему вѣку и связанъ съ дѣятельностью такихъ высокодаровитыхъ писателей, какъ Корнель, Расинъ, Мольеръ, Буало. Но этотъ расцвѣтъ продолжался недолго, и уже у ближайшихъ преемниковъ ихъ обнаруживается явный упадокъ, вслѣдствіе ложнаго направленія, которое приняла литература, всецѣло подчинившаяся господству условныхъ и стѣснительныхъ «правилъ» и школьныхъ традицій, надолго остановившихъ ея нормальное развитіе. Именно къ этимъ позднѣйшимъ подражателямъ французскіе критики и ученые прилагаютъ наименованіе «псевдо-классиковъ» (т.е. ложно-классиковъ), въ отличіе отъ писателей «великаго вѣка» (le grand siècle): Корнеля, Расина, Мольера, создавшихъ національную французскую литературу. Однако, несмотря на ложное направленіе, принятое литературой, псевдо-классическая школа въ теченіе почти всего XVIII вѣка господствовала не только во Франціи, но и въ другихъ европейскихъ странахъ, подпавшихъ подъ французское вліяніе. И наша, только что начинавшаяся литература, конечно, не могла избѣжать этого вліянія и также вошла въ общую колею, рабски копируя иностранные образцы.

Отдѣльныя черты классицизма встрѣчаются уже въ сатирахъ Кантемира; но главными представителями этого направленія являются въ нашей литературѣ Тредьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ, дѣятельность которыхъ относится преимущественно къ эпохѣ царствованія Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны.

Французскій классицизмъ.

Распространеніе французскаго вліянія.

Почти вся русская литература XVIII вѣка отличается подражательнымъ характеромъ. Предметомъ подражанія служили преимущественно французскіе писатели XVII столѣтія, представители французскаго *классицизма*. Впрочемъ, французское вліяніе господствовало въ эту эпоху не въ одной Россіи, но въ большей или меньшей степени сказывалось также въ Германіи, въ Англіи и другихъ европейскихъ странахъ. Притомъ вліяніе это проявляется не только въ литературѣ, но также и въ другихъ областяхъ общественной и частной жизни: французскій языкъ становится излюбленнымъ языкомъ высшаго общества, повсюду распространяются французскіе моды, обычаи и нравы, Версальскій дворъ и парижскіе салоны становятся законодателями тонкаго вкуса и пріемовъ общежитія. Вліяніе это объясняется прежде всего тѣмъ преобладающимъ положеніемъ, какое Франція заняла въ Европѣ въ первую половину царствованія Людовика XIV-го, благодаря побѣдоноснымъ войнамъ, развитію промышленности и торговли (дѣятельность Кольбера) внѣшнему блеску, которымъ «король-солнце» (le Roi-soleil) окружилъ себя въ воздвигнутомъ имъ Версальскомъ дворцѣ и, наконецъ, благодаря пышному расцвѣту искусства и литературы, совпавшему съ его царствованіемъ.

Французскій классицизмъ.

Семнадцатый вѣкъ французы называютъ «золотымъ вѣкомъ» своей литературы. Къ этой эпохѣ относится дѣятельность такихъ выдающихся писателей, какъ Корнель, Расинъ, Мольеръ, Лафонтенъ и нѣк. др., поднявшихъ французскую литературу на небывалую высоту. Всѣ они являются представителями такъ называемаго *классицизма*, теоретикомъ котораго выступилъ ихъ современникъ Буало.

Его главныя черты: преклоненіе передъ классич. древностью.

Во французскомъ классицизмѣ XVII вѣка можно различить три главныя характерныя черты, составляющія его основную сущность: это, во 1-хъ, *преклоненіе передъ классической древностью*, убѣжденіе, что античная поэзія и искусство создали высочайшіе образцы художественнаго совершенства, и что основная задача писателей и ху-

дожниковъ новаго времени заключается въ томъ, чтобы приблизиться къ этимъ образцамъ путемъ *подражанія*. Этимъ стремленіемъ къ подражанію античнымъ образцамъ французскій классицизмъ XVII вѣка преемственно связанъ съ предшествовавшей ему эпохой Возрожденія или гуманизма, могущественнымъ умственнымъ движеніемъ, возникшимъ въ Италіи еще въ XIV столѣтіи и распространившимся оттуда на всѣ прочія европейскія страны, вплоть до славянскихъ земель, Чехіи и Польши. Одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ гуманизма является усиленный интересъ къ античной древности, страстное увлеченіе ею. Гуманисты-ученые отыскивали и изучали произведенія греческихъ и римскихъ писателей и мыслителей; поэты заимствовали свои сюжеты изъ классической миѳологіи и исторіи, старались подражать древнимъ въ своихъ произведеніяхъ; художники взирали на вновь найденные памятники античнаго искусства, какъ на образецъ художественнаго совершенства, и старались приблизиться къ нимъ путемъ подражанія. Особенно сильно отразилось это увлеченіе классической древностью на литературѣ: благодаря этому увлеченію классицизмомъ, поэзія и искусство получаютъ въ эту эпоху во всѣхъ европейскихъ странахъ однообразный характеръ, въ значительной степени лишаются своего національнаго отпечатка. Поэты и художники начинаютъ заимствовать *сюжеты* для своихъ произведеній преимущественно изъ *античной миѳологіи и исторіи*, выбираютъ своими героями лицъ, прославленныхъ древностью, или же стараются хотя бы по *формѣ* приблизиться къ древнимъ. Очень часто, однако, это подражаніе древнимъ ограничивалось одной внѣшностью. Поэты, представляя себя какъ-бы древними «пѣвцами»—рапсодами, непремѣнно съ лирой въ рукахъ, начинали свои поэмы съ традиціоннаго «пою», подражая Гомеровскому приступу («Гнѣвъ, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»), обращались съ просьбой о вдохновеніи къ Аполлону или къ музамъ, вводили въ свои произведенія миѳологическія существа, имѣвшія у нихъ значеніе аллегорическихъ образовъ; такъ, напр., Нептунъ, тритоны, нереиды олицетворяли собой море (буря на морѣ—гнѣвъ Нептуна), Марсъ, Беллона—войну, Эосъ—утреннюю зарю, Венера—любовь. Своихъ возлюбленныхъ поэты воспѣвали подъ античными именами Деліи, Хлои, Лаисы и т. д., изображали ихъ въ видѣ нѣжныхъ «пастушекъ», а себя въ видѣ влюбленныхъ «пастушковъ», въ подражаніе пасторальной идилліи александрійской эпохи (Ѳеокритъ). Всѣ эти черты внѣшняго подражанія вовсе не соотвѣтствовали современнымъ воззрѣніямъ и нравамъ и придавали поэзіи характеръ искусственности и условности.

Раціоналистическій характеръ франц. классицизма.

Другой господствующей чертой французскаго классицизма является его *разсудочный,* раціоналистическій, характеръ, его стремленіе основать все искусство на началахъ «разума» [1]). Особенно ярко это стремленіе сказалось въ знаменитой поэмѣ Буало: «L'Art poétique» (1674).

Не довѣряя измѣнчивому вкусу и непосредственному поэтическому чутью, Буало поставилъ себѣ задачей дать систему неизмѣнныхъ, незыблемыхъ «правилъ», которыми должны руководиться поэты въ своемъ творчествѣ, а критика въ своихъ оцѣнкахъ литературныхъ произведеній [2]). Для каждаго вида поэзіи существуютъ, по убѣжденію Буало, особыя, ему свойственныя «правила», которымъ поэтъ долженъ неуклонно подчиняться: есть особыя правила для трагедіи и для комедіи, для оды и для сатиры, для эпопеи и для идилліи. Правила эти Буало заимствовалъ преимущественно изъ наблюденій надъ античной литературой, греческой и римской, но всѣ они объединены у него однимъ общимъ требованіемъ, — чтобы всякое правило было основано на *разумѣ,* на *здравомъ смыслѣ* (bon sens). «Разумъ» является высшимъ критеріемъ красоты; поэтому прекрасно только то, что истинно («Rien n'est beau que le vrai»). Поэтъ долженъ всегда оставаться въ предѣлахъ достовѣрнаго, не позволяя себѣ увлечься фантазіей, воображеніемъ. Чрезвычайно характерно, что даже самаго слова «воображеніе» (l'imagination) не встрѣчается во всей поэмѣ Буало. Поэтъ не долженъ допускать въ своихъ произведеніяхъ ничего, что противорѣчитъ законамъ разума, что является неправдоподобнымъ; на этомъ основаніи французскіе трагики не допускали перенесенія дѣйствія съ одного мѣста на другое, такъ какъ находили неправдоподобнымъ, чтобы дѣйствующія лица могли въ те-

---

[1]) Терминъ *раціонализмъ* происходитъ отъ латинскаго слова ratio (разумъ). Основателемъ раціонализма въ новой философіи былъ французскій мыслитель Декартъ (1596—1650), который выразилъ основной принципъ своей философской системы въ формулѣ: cogito—ergo sum (я мыслю—слѣдовательно, я существую), Раціоналистическая философія оказала сильное вліяніе на литературу, въ значительной степени обусловивши общій характеръ французскаго классицизма.

[2]) Буало является главнымъ теоретикомъ французскаго классицизма. Въ своей поэмѣ: *L'Art poétique* („Искусство поэзіи“) онъ изложилъ основные принципы этой школы. Поэма его состоитъ изъ четырехъ пѣсенъ: въ первой заключаются общія указанія, касающіяся содержанія и стиля поэтическихъ произведеній; во второй онъ излагаетъ правила для идилліи, оды, сатиры; въ третьей онъ касается наиболѣе крупныхъ и важныхъ поэтическихъ видовъ: героической эпопеи, трагедіи и комедіи; наконецъ, онъ говоритъ о нравственныхъ качествахъ, необходимыхъ для истиннаго поэта. Среди современниковъ Буало пользовался незыблемымъ авторитетомъ, въ качествѣ законодателя литературнаго вкуса. Кромѣ своей дидактической поэмы, онъ написалъ еще нѣсколько *сатиръ* и другихъ мелкихъ произведеній.

ченіе короткаго перерыва между дѣйствіями перенестись изъ одного города въ другой, находящійся на разстояніи сотенъ миль; столь же неправдоподобнымъ казалось имъ, что человѣкъ, являющійся въ первомъ дѣйствіи юношей, оказывается въ послѣднемъ актѣ старцемъ съ сѣдыми волосами [1]).

Правдоподобію содержанія должны были соотвѣтствовать *ясность* и *точность* выраженія: эти качества стиля составляютъ несомнѣнныя достоинства писателей классической школы, благодаря которымъ языкъ Корнеля и Расина отличается замѣчательной сжатостью, простотой и силой.

Но съ этими достоинствами были связаны и нѣкоторые важные недостатки, вытекавшіе изъ того же раціоналистическаго характера всей классической поэзіи: исходя изъ разума и обращаясь къ разуму (а не къ чувству и не къ воображенію), стремясь прежде всего къ логической ясности и понятности, французскіе классики употребляли преимущественно общія, отвлеченныя выраженія, устраняя почти совершенно необходимый для истинной поэзіи образный и живописный элементы. Это придавало ихъ *стилю* однообразный *абстрактный* характеръ: при всей своей ясности, онъ не отличался яркостью и колоритностью.

Раціоналистическій характеръ классицизма сказывается и въ *обиліи риторическихъ элементовъ* даже у самыхъ выдающихся писателей этой школы: въ минуты наивысшаго возбужденія или подъема духа герои Корнеля произносятъ цѣлыя разсужденія, построенныя по всѣмъ правиламъ логики (монологъ Сида съ мечомъ), а героини Расина, даже всецѣло охваченныя страстью, никогда не теряютъ ясности мысли и съ величайшей точностью анализируютъ свои чувства и свои поступки. Обиліе этихъ разсужденій, трезвая точность выраженій, отсутствіе живописныхъ поэтическихъ образовъ придаютъ произведеніямъ классической школы отпечатокъ *холодности* и *разсудочности*, а подчиненіе однимъ неизмѣннымъ «правиламъ» налагаетъ отпечатокъ однообразія, такъ какъ необходимость подчиняться этимъ «правиламъ» чрезвычайно стѣсняла свободу творчества, не давала поэтамъ возможности проявлять черты своей личности. Вообще все рѣзко индивидуальное, личное не находило себѣ проявленія въ классической поэзіи: поэтому лирика, какъ наиболѣе субъективный видъ поэзіи, въ эту эпоху почти замираетъ, а наобо-

---

[1]) На этомъ же основаніи сторонники классической теоріи не допускали на сценѣ ничего сверхъестественнаго, напр., призраковъ, въ родѣ тѣни отца Гамлета въ трагедіи Шекспира.

ротъ, процвѣтаютъ такіе объективные виды поэзіи, какъ трагедія и эпическая поэма.

Наконецъ, раціоналистическій характеръ классицизма сказывается также въ самомъ *выборѣ сюжетовъ:* изъ всей массы жизненныхъ явленій поэты изображаютъ преимущественно явленія общія, *типическія,* такія, въ которыхъ выражается общечеловѣческое содержаніе. Выводя на сцену грековъ и римлянъ, французскіе драматурги вовсе не заботились о томъ, чтобы ихъ герои дѣйствительно походили на подлинныхъ грековъ и римлянъ античной древности; въ ихъ лицѣ они изображали *общечеловѣческіе* типы, воплощали въ нихъ ту или другую человѣческую черту или страсть. При этомъ, сосредоточивая свое вниманіе на изображеніи этой одной, господствующей черты или страсти, классики обыкновенно впадали въ односторонность, упуская изъ виду всю сложность живой человѣческой личности, причудливое сочетаніе въ одномъ человѣкѣ самыхъ разнообразныхъ, иногда даже противорѣчивыхъ свойствъ и качествъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, останавливаясь лишь на общечеловѣческихъ элементахъ человѣческой души, классики сознательно устраняли всѣ временныя и мѣстныя особенности, всѣ черты, характеризующія опредѣленную эпоху или извѣстную народность, считая ихъ случайными и несущественными примѣсями, затемняющими основныя, господствующія черты даннаго типа.

Раціоналистическій характеръ французскаго классицизма сказывается также и въ склонности къ *дидактизму*. Дидактическій элементъ проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и формахъ: въ похвальныхъ одахъ, въ поэмахъ, въ драматическихъ произведеніяхъ. Напр., однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ произведеній XVIII вѣка была дидактическая поэма Фенелона: «Странствованія Телемака»; Вольтеръ въ «Генріадѣ» и въ своихъ трагедіяхъ пользуется литературной формой для проведенія своихъ философскихъ и политическихъ идей.

Стремленіе къ высокому въ искусствѣ.

Третья, наиболѣе характерная черта французскаго классицизма заключается въ его стремленіи *поднять искусство высоко надъ уровнемъ обыденной жизни,* исключить изъ него все мелкое, случайное, индивидуальное, а также все безобразное, не-эстетическое, вульгарное (простонародное). Отъ итальянскаго гуманизма классическая школа унаслѣдовала *культъ красоты,* вмѣстѣ съ высокимъ представленіемъ объ искусствѣ и поэзіи. Сфера искусства есть сфера высокаго, благороднаго и изящнаго; художникъ и поэтъ въ своемъ творчествѣ должны воспроизводить такія явленія дѣйствительности, которыя

способны доставить зрителю или слушателю эстетическое наслажденіе. Высшая задача искусства и поэзіи заключается именно въ этомъ артистическомъ удовольствіи (l'art de plaire).

Поэтому хотя Буало и говоритъ, «что только истинное прекрасно», и этимъ какъ бы рекомендуетъ правдивое изображеніе дѣйствительности, однако трезвый и послѣдовательный реализмъ совершенно чуждъ духу классицизма. По мнѣнію его представителей, далеко не все въ дѣйствительности достойно искусства, потому что высшая цѣль его—*нравиться,* доставлять эстетическое наслажденіе. Художникъ и поэтъ должны быть правдивыми, не могутъ произвольно отступать отъ природы, отдаваясь игрѣ фантазіи; но подражать природѣ они должны съ разборомъ, избѣгая всего низменнаго и грубаго, способнаго оскорбить эстетическое чувство. Только изящная, *„избранная“* природа (la nature choisie) достойна подражанія, достойна воспроизведенія путемъ искусства. Это стремленіе къ благородному и изящному отражалось какъ на содержаніи, такъ и на формѣ произведеній, а также и на самомъ языкѣ ихъ. Поэты старались писать особымъ *облагороженнымъ, возвышеннымъ слогомъ,* отличнымъ отъ обыденной разговорной рѣчи, тщательно избѣгая такихъ выраженій, которыя могли бы показаться низкими или вульгарными. Такимъ изящнымъ, облагороженнымъ языкомъ говорятъ, напр., всѣ герои Расина; это сообщаетъ его трагедіямъ единство тона, но вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ имъ нѣкоторое однообразіе. У другихъ, менѣе талантливыхъ представителей классическаго направленія этотъ облагороженный стиль легко переходилъ въ изысканность и высокопарность.

Это же стремленіе къ устраненію всего грубаго, неизящнаго, выражалось, напр., въ томъ, что Расинъ никогда не изображалъ на сценѣ физическихъ страданій или кровавыхъ эпизодовъ, какихъ такъ много у Шекспира (убійствъ, боевыхъ схватокъ и т. д.): всякія рѣзкія движенія были такъ же изгнаны со сцены, какъ и всякія рѣзкія слова. Міръ поэзіи былъ для классиковъ совершенно особой сферой, стоявшей безконечно высоко надъ обыденной жизнью. Поэтому наибольшимъ уваженіемъ пользовались у нихъ именно тѣ виды поэзіи, которые имѣли наименѣе точекъ соприкосновенія съ обычной дѣйствительностью,—таковы: *торжественная ода, героическая поэма* и *трагедія,* сюжеты которыхъ по существу должны были отличаться своей исключительностью, необычностью, а герои очень часто заимствовались изъ античной миѳологіи и исторіи. Излюбленнымъ видомъ поэзіи была также *пасторальная идиллія,* одинаковымъ образомъ не имѣвшая ничего общаго съ современной дѣйстви-

тельностью и воскрешавшая бытъ аркадскихъ пастушковъ, изображенныхъ въ очень прикрашенномъ и идеализированномъ видѣ.

Только въ комедіи и сатирѣ классическая теорія сохраняла непосредственную связь съ обыденной жизнью; обращаясь къ комическимъ писателямъ, Буало рекомендовалъ имъ усердно изучать «природу», т.-е. нравы и характеры людей; однако и здѣсь онъ предостерегалъ отъ всякаго грубаго комизма, требовалъ, чтобы и въ комедіи по возможности сохранялись возвышенность и благородство тона. Поэтому, будучи друженъ съ Мольеромъ и высоко цѣня его талантъ, онъ безусловно одобрялъ лишь піесы его, принадлежащія къ разряду такъ называемыхъ *„высокихъ комедій“* («Мизантропъ», «Тартюфъ»), и нападалъ на тѣ піесы его, въ которыхъ онъ видѣлъ преобладаніе грубаго комизма (напр., «Продѣлки Скапэна», «Лѣкарь поневолѣ»), видя въ нихъ уклоненіе отъ тонкаго и облагороженнаго вкуса.

Высшей ступени своего развитія французскій классицизмъ достигъ на поприщѣ *драматической поэзіи*, въ лицѣ Корнеля, Расина и Мольера.

Корнель.

Наиболѣе существенную отличительную черту трагедій *Корнеля* составляетъ ихъ *героическій* характеръ. Корнель любилъ выводить лица, надѣленныя сверхчеловѣческою силой, одушевленныя какой-либо благородной и возвышенной страстью. Герои его всегда являются носителями какой-либо высокой идеи или чувства: напр., идеи чести („Сидъ“), чувства любви къ родинѣ („Горацій“), религіознаго одушевленія и самоотверженія („Поліевктъ“), нравственнаго самообладанія („Цинна“). Драматическая коллизія въ трагедіяхъ Корнеля заключается въ душевной борьбѣ между этими высокими стремленіями и различными внутренними и внѣшними препятствіями; изъ этой борьбы герои Корнеля постоянно выходятъ побѣдителями, благодаря присущей имъ *силѣ воли*, позволяющей имъ ни передъ чѣмъ не останавливаться для достиженія своей цѣли, или для исполненія того, что они считаютъ своимъ долгомъ. Такъ, молодой Сидъ, мстя за поруганную честь своего отца, убиваетъ на поединкѣ отца любимой имъ дѣвушки, принося свое чувство въ жертву своему долгу; а эта дѣвушка, продолжая втайнѣ любить Сида, требуетъ отъ короля его казни, такъ какъ считаетъ своимъ долгомъ добиться примѣрнаго наказанія для убійцы своего родителя. Чтобы еще болѣе оттѣнить героическій характеръ своихъ персонажей, Корнель ставилъ ихъ въ необыкновенныя, исключительныя положенія, до чрезвычайности усложнялъ ходъ дѣйствія различными обстоятельствами, въ борьбѣ съ которыми обнаруживалась вся энергія и вся доблесть его героевъ. Чаще всего Корнель заимствовалъ свои сюжеты изъ римской исторіи, такъ какъ энергичный и стойкій характеръ древнихъ римлянъ болѣе всего соотвѣтствовалъ его представленію о человѣческой доблести. Вообще Корнель въ своихъ трагедіяхъ стремился изображать „высокое“ (le sublime); поэтому Вольтеръ называлъ его произведенія

„школой душевнаго величія“ (une école de la grandeur d'âme). Эту же черту его творчества вѣрно отмѣтилъ и нашъ Пушкинъ, въ словахъ: „Корнеля геній *величавый*“ (въ Евг. Онѣгинѣ). Этому впечатлѣнію величія много способствовалъ также и самый языкъ Корнеля, отличающійся замѣчательной сжатостью и силой. Главнѣйшими недостатками трагедій Корнеля являются ихъ *холодность* и *риторичность;* монологи его героевъ нерѣдко превращаются въ длинныя разсужденія, построенныя по всѣмъ правиламъ логики (напр., монологъ Сида съ мечомъ).

Расинъ.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются трагедіи *Расина* (1639—1699). У героевъ Корнеля преобладаютъ воля и разумъ; у Расина движущимъ элементомъ дѣйствія является *чувство*. Трагедіи Корнеля часто называютъ *героическими;* трагедіи Расина можно называть *патетическими* (отъ греческаго слова pathos, означающаго страсть, а также страданіе). Корнель прославлялъ въ своихъ трагедіяхъ величіе подвига, надѣлялъ своихъ героевъ сверхчеловѣческой силой, сокрушающей всѣ препятствія; Расинъ въ лицѣ своихъ героевъ обнажалъ человѣческую *слабость*, безсиліе человѣка передъ роковой властью страстей, приводящихъ его нерѣдко къ паденію и даже къ гибели. Задачей Корнеля было вызвать восхищеніе (admiration), задача Расина—воздѣйствовать на состраданіе зрителей, вызвать въ нихъ сочувствіе къ своимъ страдающимъ и гибнущимъ героямъ. Изображеніе героической воли, проявляющейся въ борьбѣ и въ подвигахъ, заставляло Корнеля отводить много мѣста внѣшнему дѣйствію, которое отличается у него большой сложностью, а иногда (особенно въ позднѣйшихъ трагедіяхъ) даже запутанностью. Напротивъ того, въ трагедіяхъ Расина внѣшнее дѣйствіе бываетъ обыкновенно чрезвычайно просто и ясно; но зато характеры выведенныхъ у него лицъ отличаются гораздо большею сложностью и глубиною, чѣмъ герои Корнеля, съ ихъ прямолинейнымъ героизмомъ. Расинъ былъ выдающимся психологомъ, съ замѣчательнымъ искусствомъ изображавшимъ дѣйствіе страстей въ душѣ человѣка, ихъ внутреннюю борьбу, опредѣляющую собой рѣшенія и поступки человѣка.—Особенно охотно Расинъ изображалъ *любовь*, а также чувства, съ нею связанныя, напр., ревность. Любовь въ трагедіяхъ Расина играетъ роль роковой силы, всецѣло подчиняющей себѣ человѣка, заставляющей его страдать и нерѣдко приводящей его къ гибели. Благодаря такому взгляду на природу страстей, трагедіи Расина носятъ отпечатокъ *фатальности*, приближающій ихъ къ древне-греческимъ (Софоклъ). Расинъ изображаетъ своихъ героевъ обыкновенно въ моментъ душевнаго кризиса, острой внутренней борьбы, приводящей въ движеніе всѣ силы ихъ души. Такъ, напр., въ трагедіи „*Федра*“ онъ заставляетъ свою героиню переживать цѣлый сложный комплексъ разнообразныхъ чувствъ и стремленій, подъ вліяніемъ ея преступной и несчастной страсти къ собственному пасынку: любовь, надежда, разочарованіе, ревность, стыдъ, угрызенія совѣсти, ненависть, попеременно волнуютъ и терзаютъ душу несчастной женщины, пока, наконецъ, она не умираетъ, измученная страстью и обезсиленная внутренней борьбой. Эта трагедія—одно изъ лучшихъ произведеній Расина и до сихъ поръ съ успѣхомъ ставится на сценѣ французскаго театра. Кромѣ того Расину принадлежитъ цѣлый рядъ другихъ трагедій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны—„Андромаха“, „Бая-

зетъ", „Британникъ" и „Гоѳолія" (на библейскій сюжетъ). Послѣдняя существуетъ въ прекрасномъ русскомъ переводѣ Поливанова. Большинство трагедій Расина написано на античные сюжеты; однако онъ очень мало заботился о сходствѣ своихъ героевъ и героинь съ подлинными греками и римлянами. Подобно другимъ французскимъ классикамъ, онъ изображалъ преимущественно *общечеловѣческіе* элементы въ душевной жизни выведенныхъ лицъ, мало заботясь о соблюденіи исторической вѣрности и національнаго колорита. Оттого его герои болѣе похожи на утонченно-изящныхъ маркизовъ эпохи Людовика XIV, чѣмъ на свои античные прообразы.

Болѣе всего удавались Расину женскіе типы, изображеніе женской души, живущей преимущественно чувствомъ. Оттого почти во всѣхъ его трагедіяхъ центральнымъ лицомъ является женщина (Федра, Гоѳолія, Германа, Ифигенія, Роксана), въ противоположность Корнелю, у котораго въ центрѣ дѣйствія всегда стоитъ мужчина. Къ числу достоинствъ трагедій Расина принадлежитъ и ихъ языкъ: въ немъ нѣтъ силы и сжатости рѣчи Корнеля, герои котораго часто говорятъ отчеканенными формулами, яркими антитезами, но зато въ немъ больше простоты и внутренней гармоніи.

Мольеръ.

Мольеръ (1622—1673)—величайшій изъ французскихъ комическихъ писателей. Дѣятельность его была необыкновенно плодовита и разнообразна. Будучи самъ хорошимъ актеромъ, онъ прекрасно зналъ сцену и ея требованія. Его первыя піесы еще близко напоминаютъ своимъ грубымъ комизмомъ старые *фарсы*, которые до него господствовали во французскомъ театрѣ. Но Мольеръ скоро сумѣлъ возвыситься надъ своими образцами и создать цѣлый рядъ драматическихъ произведеній высокаго художественнаго совершенства. Среди его многочисленныхъ піесъ мы находимъ всѣ виды комедіи: у него есть *комедіи интриги* (comédies d'intrigue), каковы, напр.: „Школа мужей", „Безразсудный" (L'étourdi) и др.; *комедіи нравовъ* (comédies de moeurs): „Смѣшныя жеманницы", „Школа женъ" и т. д.; наконецъ, *комедіи характеровъ* (comédies de caractères): „Тартюфъ", „Мизантропъ", „Скупой". Главная сила Мольера заключается въ его тонкой наблюдательности, въ превосходномъ знаніи человѣческой души, съ ея слабостями и недостатками. Подобно Расину, Мольеръ—прекрасный *психологъ*, но только онъ избралъ для своего изображенія другія стороны человѣческаго существа и освѣтилъ ихъ съ другой точки зрѣнія. Съ Расиномъ сближаетъ Мольера и его манера изображать человѣческіе характеры: онъ усвоилъ себѣ тѣ же пріемы *психологическаго упрощенія*, которые вообще составляютъ особенность художественнаго метода французскихъ классиковъ. Упрощеніе это заключается въ сведеніи изображаемаго характера къ одному наиболѣе важному признаку, къ одной главной чертѣ. Откидывая всякія случайныя, второстепенныя, чисто-личныя особенности, авторъ сосредоточивалъ свое вниманіе главнымъ образомъ на *типичныхъ* элементахъ того или другого характера и такимъ образомъ создавалъ художественныя обобщенія различныхъ чертъ человѣческой природы. Большинство лицъ, изображенныхъ Мольеромъ,—психологическіе *типы*, въ которыхъ воплощены тѣ или другія слабости и пороки, свойственные людямъ вообще. Это придаетъ Мольеровскимъ персонажамъ очень

широкое *общее* значеніе, такъ какъ въ нихъ уловлены и изображены черты и свойства человѣческихъ характеровъ, независимыя отъ времени и мѣста, возможныя вездѣ и всегда. Такъ, въ лицѣ своего Гарпагона Мольеръ создалъ классическій типъ *скупого*, въ лицѣ Тартюфа—типъ *лицемѣра*,—и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ законченный психологическій анализъ скупости и лицемѣрія въ ихъ общечеловѣческомъ выраженіи. Точно также и въ „Мизантропѣ“, представляющемъ собою образецъ такъ назыв. „высокой комедіи“ (haute comédie), приближающейся по своему серьезному значенію къ драмѣ, Мольеръ, въ лицѣ Альцеста и въ исторіи его столкновенія съ окружающимъ обществомъ, изобразилъ вѣчный разладъ между высоко-нравственной личностью и человѣческой толпой, живущей мелкими и эгоистическими интересами, между пылкимъ юношескимъ идеализмомъ и обыденной дѣйствительностью; этой темой воспользовался у насъ впослѣдствіи и Грибоѣдовъ, Чацкій котораго по своему характеру близко напоминаетъ Мольеровскаго героя.

Благодаря усвоенному Мольеромъ методу *упрощенія* при изображеніи характеровъ, благодаря усиленному подчеркиванію *типическихъ* чертъ, выведенныя имъ лица отличаются нѣкоторой *односторонностью*, которой нѣтъ, напр., у Шекспира, изображавшаго характеры людей во всей ихъ полнотѣ и сложности. Однако, несмотря на эту односторонность изображенія, фигуры Мольера, благодаря его высокому художественному таланту, отличаются полной жизненностью. Но у многочисленныхъ послѣдователей Мольера, французскихъ и иностранныхъ, лишенныхъ его таланта, примѣненіе этого пріема упрощенія приводило къ тому, что созданныя ими лица представляли собой не живыя фигуры, а блѣдныя тѣни, абстрактныя схемы, долженствовавшія представлять тѣ или другія страсти, слабости и пороки, свойственныя человѣческой природѣ.

Общій характеръ русскаго псевдо-классицизма.

Господство псевдо-классицизма въ русской литературѣ было довольно продолжительно, но мало плодотворно. На Западѣ классицизмъ имѣлъ свои историческіе корни и традиціи, восходившіе черезъ эпоху Возрожденія къ античной древности. У насъ же онъ представлялъ явленіе чисто подражательное, заносное и безпочвенное, не имѣвшее никакихъ связей съ прошлымъ. Псевдо-классическія формы поэзіи были заимствованы съ Запада такъ же, какъ заимствовались оттуда европейскій покрой платья и европейскіе обычаи. Въ этой безпочвенности—одна изъ причинъ внутренней слабости русскаго классицизма, препятствовавшей полному развитію даже такихъ талантливыхъ поэтовъ, какъ Державинъ. Будучи заимствована извнѣ, псевдо-классическая поэзія была совершенно лишена національныхъ чертъ, чужда русскому народному духу. Благодаря этому, искусственная поэзія культурнаго общества рѣзко отдѣлилась отъ народной поэзіи низшихъ, необразованныхъ классовъ, на которую сторонники новаго направленія смотрѣли съ полнымъ пренебреженіемъ, какъ на предметъ, недостойный просвѣщеннаго вниманія, какъ на грубое изобрѣтеніе народнаго невѣжества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, утвердившись въ русской литературѣ, классицизмъ надолго лишилъ ее возможности независимаго и органическаго развитія, рѣзко оборвавъ ея связь съ тѣми первыми попытками самостоятельнаго

творчества, какія встрѣчаются въ исходѣ XVII вѣка,—въ родѣ повѣстей о Саввѣ Грудцынѣ и Фролѣ Скобѣевѣ, съ ихъ близкимъ къ дѣйствительности содержаніемъ, съ ихъ типическими лицами, взятыми изъ русской жизни.

I. В. К. Тредьяковскій.

Дѣятельность Тредьяковскаго.

Первымъ проводникомъ псевдо-классическаго направленія въ русской литературѣ является Василій Кирилловичъ Тредьяковскій (1703—1769). Онъ происходилъ изъ духовнаго званія и получилъ образованіе въ Московской Славяно-Латинской Академіи, но довершилъ его за границей, въ Парижскомъ университетѣ (Сорбоннѣ). Въ Парижъ онъ прибылъ „шедши пѣшъ“, увлекаемый своею любовью къ ученію. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ назначенъ переводчикомъ при Академіи [1]), а впослѣдствіи профессоромъ „латинской и россійской элоквенціи“ (краснорѣчія). Тредьяковскій отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ и оставилъ послѣ себя множество сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ (напр., переводъ „Древней и Римской исторіи“ Роллена въ 26 томахъ). Однако, несмотря на свои немаловажныя заслуги, онъ не сумѣлъ составить себѣ независимаго положенія, добиться признанія и уваженія. Онъ постоянно подвергался насмѣшкамъ со стороны другихъ современныхъ писателей, Ломоносова и Сумарокова: первый преслѣдовалъ его ѣдкими эпиграммами, послѣдній изобразилъ его въ одной изъ своихъ комедій („Трессотиніусъ“), въ видѣ бездарнаго писаки и смѣшного педанта.

Его поэзія.

При сужденіи о Тредьяковскомъ нужно имѣть въ виду двѣ стороны его дѣятельности: литературную и ученую. Какъ стихотворецъ, „піита“, Тредьяковскій представляетъ собой довольно жалкое явленіе. Не имѣя никакого поэтическаго дарованія, онъ брался за самыя разнообразныя литературныя задачи, писалъ поэмы, трагедіи, похвальныя оды, эпистолы, мадригалы, пѣсни и т. д. Онъ былъ ревностнымъ сторонникомъ псевдо-классической школы и ставилъ себѣ цѣлью перенести къ намъ всѣ господствовавшія въ то время литературныя формы. Высшимъ образцомъ была для него французская литература, которой онъ во

---

[1]) Академія Наукъ („Де-сьянсъ“ Академія, какъ ее называли въ 18-мъ вѣкѣ) была основана въ Петербургѣ въ царствованіе Екатерины I (1725 г.), по проекту Петра Вел., не успѣвшаго привести свою мысль въ исполненіе. Для занятій въ Академіи были приглашены иностранные ученые, преимущественно нѣмцы. Среди первыхъ академиковъ было нѣсколько выдающихся ученыхъ: таковы математики братья Бернулли и знаменитый Эйлеръ, историки Байеръ и Миллеръ, натуралистъ Гмелинъ и др. Съ 1728 г. при Академіи сталъ издаваться (на латинскомъ языкѣ) первый въ Россіи научный журналъ, содержавшій ученыя статьи и изслѣдованія. Позднѣе (съ 1755 г.) началъ выходить при Академіи и первый литературно-научный журналъ на русскомъ языкѣ: „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“ (подъ редакціей проф. Миллера). При Академіи былъ учрежденъ также университетъ и гимназія, для подготовки научно-образованныхъ спеціалистовъ изъ „природныхъ россіянъ“; однако занятія въ нихъ долго не могли наладиться, вслѣдствіе отсутствія подготовленныхъ слушателей и вслѣдствіе того, что преподаваніе велось на иностранныхъ языкахъ.

всемъ стремился подражать. Его главное и наиболѣе крупное произведеніе, дидактическая поэма „*Телемахида*“, представляетъ собой стихотворный (въ гекзаметрахъ) переводъ знаменитаго въ свое время прозаическаго романа французскаго писателя Фенелона: „Les aventures de Télémaque“. Какъ это, такъ и всѣ другія произведенія Тредьяковскаго написаны такимъ тяжелымъ и неуклюжимъ языкомъ, что уже при своемъ появленіи вызывали противъ себя насмѣшки современниковъ [1]).

Его теоретическія сочиненія.

Гораздо важнѣе и значительнѣе *ученые и теоретическіе труды* Тредьяковскаго, посвященные разнымъ филологическимъ и литературнымъ вопросамъ. Таковъ его „Разговоръ объ ортографіи“, въ которомъ Пушкинъ находилъ много здравыхъ наблюденій и замѣчаній. Но главная заслуга Тредьяковскаго—это введеніе въ русскую поэзію *тоническаго стихосложенія*. Онъ первый выступилъ съ мыслью о необходимости отказаться отъ принятаго въ то время силлабическаго („польскаго“) стихосложенія, какъ несвойственнаго духу русскаго языка. Единственнымъ подходящимъ для него способомъ стихосложенія Тредьяковскій считалъ тоническое, основанное на правильномъ чередованіи ударенiй. Замѣчательно при этомъ, что для доказательства своей мысли Тредьяковскій ссылался на русскія народныя пѣсни, на „древнѣйшую природную простыхъ людей поэзію“, въ которой онъ находилъ примѣры тоническихъ стихотвореній. Самъ Тредьяковскій, однако, вслѣдствіе отсутствія поэтическаго таланта, не былъ въ состояніи дать удачные образцы новаго стихосложенія и показать его превосходство на наглядномъ примѣрѣ; эту задачу осуществилъ за него младшій его современникъ—Ломоносовъ.

2. М. В. Ломоносовъ.

Біографія Ломоносова.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ былъ уроженецъ сѣвернаго края. Онъ родился въ 1711 г., въ селѣ Денисовкѣ, близъ Холмогоръ (Архангельской губ.); отецъ его былъ довольно зажиточный крестьянинъ, занимавшійся рыболовнымъ промысломъ. Поморское происхожденіе оставило яркій слѣдъ на всемъ складѣ характера Ломоно-

1) Сохранилось преданіе, что при дворѣ Екатерины II существовало шуточное наказаніе для провинившихся придворныхъ кавалеровъ: они должны были выучить наизусть нѣсколько стиховъ изъ „Телемахиды“. О языкѣ и стилѣ этой поэмы можетъ дать понятіе ея начало:

Древня размѣра стихомъ пою отцелюбнаго сына,
Кой, отъ природныхъ браговъ поплывъ, и странствуя долго,
Былъ провождаемъ вездѣ Палладою, Ментора въ видѣ...
Муса! повѣждь и вину *) и конецъ путешествій сыновскихъ,
Купно, въ премѣнѣ царствъ и людей приключенія разны;
Рцы, коль безъ кротости юноша пыщъ **), безъ скромности дерзокъ,
Безъ направленій стремглавъ, чуждъ искусства безъ навыковъ дѣльныхъ,
Внѣ постоянства превратенъ, и твердости внѣ легкомысленъ.

*) причину; **) надутъ, чванливъ.

сова. Поморы (т.-е. обитатели сѣвернаго побережья), никогда не знавшіе крѣпостного права, издавна отличались своимъ независимымъ нравомъ и предпріимчивостью, а тяжелая борьба съ суровой природой способствовала развитію въ нихъ энергіи и настойчивости. Эти черты характера, унаслѣдованныя Ломоносовымъ отъ предковъ, обнаруживаются въ теченіе всей его жизни, и только благодаря имъ крестьянскому мальчику, родившемуся въ сѣверной глуши, въ простой, неграмотной семьѣ, удалось стать знаменитымъ ученымъ, академикомъ и писателемъ.

Его образованіе.

Научившись грамотѣ у одного знакомаго крестьянина, Ломоносовъ скоро пристрастился къ чтенію [1]). Однако его книжныя занятія не встрѣчали сочувствія въ невѣжественной средѣ, окружавшей его, и потому Ломоносовъ рѣшился покинуть родной домъ, гдѣ не представлялось возможности удовлетворить своей жаждѣ знанія. Приставъ, по преданію, къ обозу съ мерзлой рыбой, онъ отправился въ концѣ 1730 г. въ Москву, въ надеждѣ устроиться въ какомъ-нибудь училищѣ. Съ помощью нѣкоторой хитрости (онъ назвался сыномъ священника) ему удалось поступить въ Славяно-греко-латинскую Академію, гдѣ онъ и провелъ пять лѣтъ, усердно занимаясь науками, но въ то же время терпя страшную нужду.

Впослѣдствіи самъ Ломоносовъ такъ писалъ объ испытанныхъ имъ въ эту пору тяжелыхъ лишеніяхъ и другихъ „отвращающихъ отъ наукъ“ условіяхъ жизни: „Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство, которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны—несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ (3 коп.) въ день жалованія, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны, пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны, школьники, малые ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться“...

Несмотря на эти неблагопріятныя условія, занятія Ломоносова шли такъ успѣшно, что въ 1736 г. онъ, въ числѣ двѣнадцати лучшихъ учениковъ, былъ посланъ въ ново-учрежденную петербурскую

---

[1]) Читать приходилось преимущественно книги духовныя, благодаря чему Ломоносовъ еще въ юности хорошо познакомился съ церковно-славянскимъ языкомъ. Изъ книгъ свѣтскаго содержанія ему удалось достать только „Грамматику“ Мелетія Смотрицкаго и „Ариѳметику“ Магницкаго; эти двѣ книги Ломоносовъ называлъ впослѣдствіи „вратами своей учености“.

Академію для продолженія научныхъ занятій. Однако Ломоносовъ оставался при Академіи недолго, и въ томъ же году онъ былъ посланъ въ Германію, гдѣ занимался (въ Марбургѣ и Фрейбергѣ) преимущественно изученіемъ *естественныхъ наукъ* (физики, химіи, минералогіи, металлургіи) и въ особенности *горнаго дѣла,* которое онъ изучилъ не только теоретически, но и практически, посѣщая рудники и соляныя копи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ время и для занятій словесностью: такъ, въ 1739 г. онъ написалъ свою первую оду: «На взятіе Хотина» и послалъ ее въ Академію, съ приложеніемъ «Письма о правилахъ россійскаго стихотворства», въ которомъ онъ доказывалъ необходимость введенія въ русскую поэзію тоническаго размѣра, которымъ и была написана его ода.

Научная дѣятельность Ломоносова.

По возвращеніи Ломоносова въ Россію (1741 г.), начинается его разнообразная научная, общественная и литературная дѣятельность. Въ качествѣ профессора химіи, онъ читалъ лекціи студентамъ и основалъ первую въ Россіи химическую лабораторію. Интересуясь физическими явленіями, онъ производилъ различные опыты и наблюденія, въ особенности надъ атмосфернымъ электричествомъ; во время подобныхъ наблюденій надъ явленіями грозы, однажды погибъ товарищъ Ломоносова, профессоръ Рихманъ, убитый молніей. Для распространенія научныхъ знаній въ русскомъ обществѣ Ломоносовъ переводилъ ученыя сочиненія и руководства (напр., по экспериментальной физикѣ и металлургіи), а на торжественныхъ актахъ Академіи произносилъ публичныя рѣчи, въ которыхъ знакомилъ своихъ слушателей съ новѣйшими научными открытіями и гипотезами [1]).—Но дѣятельность Ломоносова не ограничивалась одной областью естественныхъ наукъ: онъ издалъ *первую грамматику* русскаго языка (существовавшая до него грамматика Мелетія Смотрицкаго была посвящена церковно-славянскому), составилъ курсъ *риторики,* трудился, по порученію императрицы Елизаветы, надъ со-

[1]) Въ области естественныхъ наукъ Ломоносовымъ было сдѣлано нѣсколько важныхъ открытій: такъ, напр., онъ одинъ изъ первыхъ доказалъ происхожденіе грозы отъ атмосфернаго электричества (почти одновременно съ американскимъ ученымъ Франклиномъ, но совершенно независимо отъ него). Ломоносовъ первый высказалъ мысль, что каменный уголь является продуктомъ разложенія различныхъ растительныхъ остатковъ и что янтарь представляетъ собой затвердѣлую растительную смолу. Весьма смѣлымъ для своего времени является предположеніе Ломоносова о существованіи атмосферы вокругъ Венеры, явившееся результатомъ его наблюденій надъ прохожденіемъ этой планеты черезъ дискъ солнца (въ 1761 г.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Ломоносовъ далеко опередилъ свой вѣкъ: такъ, напр., онъ разсматривалъ теплоту, какъ одинъ изъ видовъ движенія; взглядъ этотъ только много времени спустя утвердился въ наукѣ, а въ XVIII вѣкѣ большинство ученыхъ смотрѣло на теплоту, какъ на родъ тончайшей матеріи (флогистическая теорія).

ставленіемъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ. Занимался Ломоносовъ также и географическими вопросами и принималъ участіе въ составленіи атласа Россійской имперіи. Это разнообразіе его интересовъ и занятій, касающихся самыхъ разнородныхъ областей знанія, дало поводъ Пушкину наименовать Ломоносова «нашимъ первымъ университетомъ».

Общественная дѣятельность.

Въ качествѣ общественнаго дѣятеля, Ломоносовъ руководился чувствомъ искренняго патріотизма и горячимъ желаніемъ принести пользу родинѣ. Для него главной задачей было изученіе Россіи и удовлетвореніе ея нуждъ и потребностей при помощи науки. Подобно дѣятелямъ Петровскаго времени, онъ ясно сознавалъ, что безъ распространенія наукъ и знаній государство не можетъ быть сильнымъ и богатымъ. Поэтому онъ самъ, насколько могъ, способствовалъ дѣлу просвѣщенія: въ своихъ публичныхъ рѣчахъ онъ доказывалъ пользу и необходимость знанія, опровергалъ мнѣніе тѣхъ, кто считалъ, что науки вредятъ благочестію и подрываютъ вѣру: (такъ, напр., онъ защищалъ систему Коперника отъ нападокъ тѣхъ, которые считали, что она противорѣчитъ Св. Писанію). Будучи назначенъ начальникомъ академической гимназіи, Ломоносовъ старался улучшить тамъ постановку учебнаго дѣла. Наконецъ, большую услугу русскому просвѣщенію Ломоносовъ оказалъ разработкой устава *Московскаго университета*, основаннаго въ 1755 году, при содѣйствіи просвѣщеннаго вельможи, И. И. Шувалова, покровительствовавшаго Ломоносову и поддерживавшаго его.

М. В. Ломоносовъ.

Заботясь о распространеніи просвѣщенія въ Россіи, Ломоносовъ мечталъ о томъ, чтобы русскій народъ могъ самъ удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ, не прибѣгая къ помощи иностранцевъ. На этой почвѣ у Ломоносова постоянно происходили столкновенія съ

нѣмцами-академиками, которыхъ онъ обвинялъ въ томъ, что они мало заботятся о подготовкѣ ученыхъ спеціалистовъ «изъ природныхъ россіянъ», предпочитая выписывать себѣ преемниковъ и помощниковъ (адъюнктовъ) изъ Германіи [1]).

Ломоносовъ, какъ поэтъ.

Впрочемъ, современники цѣнили не столько научные труды Ломоносова и его заботы о распространеніи просвѣщенія, сколько его дѣятельность въ качествѣ *поэта*, автора торжественныхъ и похвальныхъ *одъ*, поражавшихъ слушателей небывалой еще гармоніей стиха и плавностью рѣчи. Оды эти писались на разные торжественные случаи придворной жизни и служили украшеніемъ придворныхъ празднествъ. Составленіе этихъ одъ входило какъ-бы въ кругъ обязанностей Ломоносова. Точно также онъ долженъ былъ сочинять аллегорическія «надписи» къ народнымъ иллюминаціямъ и фейерверкамъ. Всѣ эти стихотворенія носятъ по преимуществу панегирическій характеръ и посвящены прославленію императрицы Елизаветы и Петра Великаго. Поэтому Елизавета Петровна относилась къ Ломоносову съ большой благосклонностью и щедро награждала его. Между прочимъ ему было пожаловано имѣніе съ крестьянами, для устройства въ немъ мозаичной фабрики. Скончался Ломоносовъ уже въ царствованіе Екатерины II, въ 1765 году.

Личность Ломоносова.

Какъ человѣкъ, Ломоносовъ представлялъ собой необыкновенно цѣльную и могучую натуру. Одаренный яснымъ и сильнымъ умомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался энергіей и настойчивостью въ преслѣдованіи поставленной себѣ цѣли. Богатый запасъ душевныхъ силъ находилъ себѣ примѣненіе въ кипучей и разнообразной дѣятельности, въ непрестанномъ трудѣ. Дѣятельность эта вдохновлялась чувствомъ патріотизма, горячей любовью къ родинѣ и родному народу. Другимъ чувствомъ, воодушевлявшимъ его, была глубокая религіозность, нашедшая себѣ выраженіе въ особенности въ его духовныхъ одахъ. — Какъ сильная натура, Ломоносовъ отличался независимостью и неуступчивостью, нерѣдко переходившей въ нетерпимость. Все это создавало ему много

---

[1]) Въ своемъ патріотическомъ рвеніи Ломоносовъ доходилъ иногда до крайности и становился несправедливъ. Такъ, напр., онъ жестоко враждовалъ съ академикомъ Миллеромъ, обвиняя его во всякихъ проступкахъ и даже злоумышленіяхъ противъ Россіи. Между тѣмъ Миллеръ былъ очень добросовѣстнымъ и полезнымъ ученымъ, много потрудившимся надъ собираніемъ и разработкой матеріаловъ по русской исторіи. Ломоносовъ же старался его вовсе отстранить отъ занятій русской исторіей, упрекая его въ томъ, что онъ въ своихъ трудахъ часто останавливается на мрачныхъ явленіяхъ русской исторіи, „выискиваетъ пятна на тѣлѣ русскаго народа“. Подобные же упреки высказывалъ онъ и по адресу другого историка, Шлецера, по поводу котораго онъ писалъ однажды: „Изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ накостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина!“.

враговъ (Тредьяковскій, Сумароковъ, многіе изъ нѣмцевъ-академиковъ), съ которыми онъ велъ непрестанную борьбу. Враговъ этихъ раздражала также самоувѣренность Ломоносова, его высокое о себѣ мнѣніе, основанное на сознаніи собственныхъ силъ и способностей. Чувство собственнаго достоинства было въ высокой степени присуще Ломоносову; оно выразилось, напр., въ отвѣтѣ Шувалову на одно предложеніе, которое Ломоносовъ счелъ для себя обиднымъ: „Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ“.—Къ числу отрицательныхъ сторонъ характера Ломоносова относились его несдержанность и грубость, а также его склонность къ злоупотребленію спиртными напитками: въ подобныхъ случаяхъ его горячность приводила его къ рѣзкимъ столкновеніямъ съ недругами: являясь въ совѣтъ Академіи въ возбужденномъ состояніи, онъ всячески бранилъ и поносилъ присутствующихъ, а иногда выгонялъ академиковъ изъ залы засѣданія и вообще производилъ всевозможныя „шумства“, по выраженію современнаго протокола.

Значеніе Ломоносова въ исторіи рус. литературнаго языка.

Какъ писатель, Ломоносовъ прежде всего замѣчателенъ въ качествѣ *создателя русскаго литературнаго языка.* До него, въ началѣ XVIII вѣка, языкъ, которымъ писали современники Петра и его ближайшихъ преемниковъ, находился въ довольно хаотическомъ состояніи. Старый церковно-славянскій языкъ, создавшій уже богатую духовную литературу, успѣлъ къ этому времени настолько отдалиться отъ разговорной русской рѣчи, что пересталъ удовлетворять новымъ потребностямъ, возникшимъ въ обществѣ, и новымъ понятіямъ, распространившимся въ немъ въ связи съ Петровскими реформами. Кромѣ того, въ русскую письменную рѣчь вторглось очень много иностранныхъ словъ и выраженій (латинскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ, даже итальянскихъ); въ особенности этотъ притокъ *варваризмовъ* усилился при Петрѣ I, подъ вліяніемъ сближенія съ западными народами. Наконецъ, не мало способствовали порчѣ русскаго литературнаго языка неумѣлые переводы съ иностранныхъ языковъ, также особенно умножившіеся въ эпоху Петра: переводчики нерѣдко придерживались рабски текста своего подлинника, переводили слово въ слово, и потому часто прегрѣшали противъ духа родного языка, насиловали русскую рѣчь.

Его теоретическія сочиненія.

Сознавая необходимость упорядоченія русскаго литературнаго языка, внесенія большей строгости и закономѣрности въ его употребленіе, Ломоносовъ посвятилъ этому вопросу нѣсколько важныхъ трудовъ. Къ числу ихъ относятся: «*Россійская грамматика*» (1755), «*Риторика*» (1748), «*Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ*» (1757). Ломоносовъ очень высоко цѣнилъ общія достоинства русскаго языка; въ предисловіи къ своей грамматикѣ

онъ пишетъ между прочимъ: «Карлъ пятый, римскій императоръ, говаривалъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ— съ друзьями, нѣмецкимъ — съ непріятелями, италіанскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но есть ли бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того, богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка».

Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ.

При такомъ взглядѣ на природное богатство русскаго языка, Ломоносовъ считалъ недопустимымъ засореніе его примѣсью чуждыхъ ему иностранныхъ элементовъ. Письменный и литературный языкъ долженъ былъ развиваться самостоятельно и притомъ развиваться на своей исторической основѣ, которую Ломоносовъ видѣлъ въ языкѣ церковно-славянскомъ. Такимъ образомъ русскій литературный языкъ, по мнѣнію Ломоносова, долженъ слагаться изъ *двухъ элементовъ:* изъ стараго книжнаго церковно-славянскаго языка и изъ разговорной русской рѣчи («просторѣчія»). *Взаимное отношеніе* этихъ элементовъ Ломоносовъ опредѣляетъ въ своемъ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ», въ которомъ онъ изложилъ свою знаменитую *теорію трехъ «штилей»*.—Все словесное богатство россійскаго языка Ломоносовъ раздѣляетъ на три категоріи: къ первой принадлежатъ слова, одинаково употребительныя и въ славянскомъ и въ разговорномъ русскомъ языкѣ: таковы — Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю; ко второй группѣ относятся слова, свойственныя одному славянскому языку, однако понятныя всякому грамотному человѣку: напр., отверзаю, Господень, взываю; наконецъ, третью группу составляютъ слова, принадлежащія только живому русскому языку и не встрѣчающіяся въ славянскомъ, таковы: ручей, который, говорю, лишь, пока.—Отъ сознательнаго употребленія этихъ трехъ разрядовъ словъ происходятъ три литературныхъ «штиля»: *высокій, средній* и *низкій.* Штили эти различаются сообразно важности отдѣльныхъ видовъ литературныхъ произведеній. Наиболѣе важными видами ихъ въ псевдо-классическую эпоху признавались: героическая поэма, трагедія и торжественная ода; поэтому въ этихъ произведеніяхъ, по мнѣнію Ломоносова, слѣдуетъ употреблять *высокій штиль,* отличительная черта котораго заключается въ значительной примѣси *славянскаго элемента,* придающаго рѣчи отпечатокъ особливой важности и торжественности. *Средній* штиль Ломоносовъ совѣтовалъ употреблять въ произведеніяхъ сравнительно менѣе важныхъ, не требующихъ особенной торжествен-

Теорія трехъ штилей.

ности, напр., въ сатирахъ, элегіяхъ, идилліяхъ, въ театральныхъ піесахъ, вообще тамъ, гдѣ требуется живое изображеніе человѣческихъ чувствъ и дѣйствій; въ этомъ штилѣ слѣдуетъ пользоваться преимущественно словами и выраженіями перваго рода, т.-е. общими какъ русскому, такъ и славянскому языкамъ. Однако и въ этомъ штилѣ Ломоносовъ допускаетъ нѣкоторую примѣсь чисто славянскихъ выраженій, однако совѣтуетъ употреблять ихъ осмотрительно, для того, чтобы слогъ не казался надутымъ. Наконецъ, *низкимъ* штилемъ должны писаться такія произведенія, въ которыхъ требуется большая простота и живость выраженій, напр., комедіи, пѣсни, эпиграммы и т. п.; въ нихъ слѣдуетъ пользоваться исключительно русскимъ разговорнымъ языкомъ, совершенно воздерживаясь отъ внесенія славянскихъ словъ и оборотовъ.

Недостатки этой теоріи.

Созданная Ломоносовымъ «теорія трехъ штилей» имѣла чрезвычайно важное значеніе въ исторіи русскаго литературнаго языка и надолго закрѣпила въ немъ господство *славянскаго элемента* и стремленіе къ особливой *торжественности и приподнятости тона*, вполнѣ отвѣчавшее общему характеру псевдо-классической поэзіи. Однако самъ Ломоносовъ, надѣленный отъ природы тонкимъ чутьемъ живого русскаго языка, предостерегалъ своихъ послѣдователей отъ крайностей въ примѣненіи своей теоріи, въ частности отъ чрезмѣрнаго увлеченія славянизмами и внесенія въ литературу устарѣлыхъ, «обветшалыхъ» словъ, давно вышедшихъ изъ употребленія и ставшихъ непонятными. Но тѣмъ не менѣе многіе изъ послѣдователей Ломоносова впали въ эту ошибку, противъ которой онъ ихъ предостерегалъ, стали писать языкомъ искусственнымъ, напыщеннымъ, внося въ изобиліи славянизмы и устарѣлые обороты. Все это затемняло литературный языкъ, дѣлало его тяжелымъ, разобщало его съ живой разговорной рѣчью. Этому же способствовала и усвоенная Ломоносовымъ латинско-нѣмецкая конструкція литературной рѣчи, съ ея длинными періодами и необычной для русскаго языка разстановкой словъ. Поэтому уже вскорѣ послѣ Ломоносова возникаетъ передъ русскими писателями задача реформы литературнаго языка, его *упрощенія* и сближенія съ языкомъ разговорнымъ и народнымъ. Надъ исполненіемъ этой задачи много трудились такіе писатели, какъ Фонвизинъ, Новиковъ, Чулковъ, пока она не была разрѣшена, въ самомъ концѣ XVIII вѣка, Карамзинымъ.

Письмо о правилахъ рос. стихотворства.

Другое разсужденіе Ломоносова, посвященное выработкѣ новыхъ художественныхъ формъ въ литературѣ, — «*Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства*» (1739). Въ немъ онъ доказываетъ необходимость употребленія въ русской поэзіи *тоническаго* стихосло-

женія, основаннаго на правильномъ чередованіи ударенiй. Въ основѣ разсужденія Ломоносова лежитъ та вѣрная мысль, что правила версификаціи должны быть согласованы съ природными свойствами русскаго языка, а не заимствованы извнѣ, какъ было заимствовано силлабическое стихосложеніе изъ языка польскаго, имѣющаго совершенно иныя особенности. Эта же мысль о необходимости введенія тоническаго размѣра была уже ранѣе высказана Тредьяковскимъ (въ 1735 г.), но Ломоносовъ сумѣлъ подкрѣпить ее удачными примѣрами собственныхъ стиховъ, благодаря чему его реформа быстро утвердилась въ русской поэзіи. Излюбленнымъ размѣромъ самого Ломоносова былъ ямбъ, который онъ признавалъ особенно подходящимъ для серьезныхъ и торжественныхъ стихотвореній и который онъ всегда употреблялъ въ своихъ одахъ.

Грамматика Ломоносова.

Стремленіе Ломоносова къ упорядоченію русскаго литературнаго языка сказалось и въ изданіи первой *русской* „Грамматики“ (1755 г.). До того времени существовали лишь грамматики церковно-славянскаго языка: напр., извѣстное сочиненіе Мелетія Смотрицкаго, по которому онъ самъ въ юности учился. Ломоносовъ кое-что заимствовалъ у Смотрицкаго, однако эти заимствованія не лишаютъ трудъ Ломоносова самостоятельнаго значенія, такъ какъ въ основѣ его лежатъ наблюденія надъ живой разговорной русской рѣчью, которую Ломоносовъ рѣшительно отдѣляетъ отъ славянскаго языка. Въ русскомъ языкѣ Ломоносовъ различаетъ три нарѣчія: сѣверное, среднее (московское) и украинское; изъ нихъ онъ отдаетъ преимущество московскому, считая его наиболѣе чистымъ, гибкимъ и богатымъ. Въ своемъ грамматическомъ трудѣ Ломоносовъ пользуется тѣмъ же индуктивнымъ методомъ, привычнымъ для него, какъ для естествоиспытателя: онъ собираетъ факты языка, группируетъ ихъ, сопоставляетъ и затѣмъ на основаніи такого непосредственнаго наблюденія строитъ свои выводы. Черновыя тетради Ломоносова свидѣтельствуютъ о его упорной работѣ надъ собираніемъ грамматическихъ матеріаловъ. „Грамматика“ Ломоносова нѣсколько разъ переиздавалась въ XVIII вѣкѣ и послужила образцомъ для многочисленныхъ учебниковъ русскаго языка того времени. Многія замѣчанія Ломоносова и до сихъ поръ сохраняютъ свое значеніе, обнаруживая въ немъ замѣчательно вѣрное чутье живого народнаго языка.

Риторика.

Наименѣе самостоятельнымъ изъ филологическихъ трудовъ Ломоносова является его *„Риторика“* (1748). Въ ней онъ излагаетъ правила старой схоластической теоріи словесности, начало которой было положено Аристотелемъ и Квинтиліаномъ. Ближайшимъ источникомъ были для него труды французскихъ гуманистовъ XVII вѣка Каусина и Помея, и нѣмецкаго писателя Готшеда. Несмотря на свою несамостоятельность, книга Ломоносова имѣла для своего времени весьма важное значеніе, какъ первое сочиненіе по теоріи словесности *на русскомъ языкѣ* (до того времени реторика преподавалась въ академіяхъ на латинскомъ языкѣ). Особенно полезны были для русскихъ читателей многочислен-

ные примѣры и цитаты, переведенные Ломоносовымъ изъ разныхъ писателей древняго и новаго міра: изъ Гомера, Демосѳена, Анакреона, Вергилія, Горація, Цицерона, Эразма Ротердамскаго, Камоэнса и др.

Оды Ломоносова.

Среди литературныхъ произведеній Ломоносова главное мѣсто занимаютъ его *оды;* ими преимущественно онъ создалъ себѣ славу среди своихъ современниковъ. Торжественная ода была вообще излюбленною формой псевдо-классической лирики. Согласно господствовавшей въ то время теоріи, ода служила для выраженія особеннаго подъема чувствъ: движущей силой ея долженъ былъ быть *восторгъ*, вызванный какимъ-либо важнымъ и торжественнымъ событіемъ. Такъ какъ восторженное состояніе духа исключаетъ возможность строго логическаго и послѣдовательнаго развитія мысли, то во внѣшней формѣ оды этотъ подъемъ чувства долженъ выражаться въ такъ называемомъ *пареніи* и *лирическомъ безпорядкѣ*, т.-е. въ стремительномъ полетѣ воображенія, въ неожиданныхъ переходахъ отъ одной мысли къ другой, въ безпрерывной смѣнѣ картинъ и образовъ. Восторженное настроеніе должно было выражаться также въ употребленіи *гиперболъ*, а также сильныхъ и смѣлыхъ оборотовъ и выраженій. Для украшенія оды должны были служить различные риторическіе *тропы и фигуры*: сомнѣніе, вопрошеніе, иносказаніе, олицетвореніе, усугубленіе; съ этой же цѣлью вводились въ дѣйствіе всевозможные миѳологическіе персонажи: боги и богини, музы, герои и т. д.

Характерныя черты псевдоклассич. оды.

Подобныя торжественныя оды считались въ XVIII вѣкѣ необходимой принадлежностью различныхъ придворныхъ празднествъ, на ряду съ фейерверками и иллюминаціями. Стихотворцы должны были поставлять ихъ, приспособляя ихъ къ обстоятельствамъ [1]). Оды эти писались на заказъ, по готовому шаблону, въ приподнятомъ панегирическомъ тонѣ; поэтому отъ нихъ нельзя было и ждать искренняго чувства и вдохновенія. Дѣло ограничивалось обыкновенно трескучими риторическими фразами, пышными картинами, аллегорическими прикрасами, восклицаніями и другими внѣшними эффектами, прикрывавшими бѣдность внутренняго содержанія.

---

[1]) Одинъ изъ академиковъ, Штелинъ, спеціально занимался сочиненіемъ подобныхъ торжественныхъ стихотвореній и носилъ поэтому званіе „профессора аллегоріи“. Его нѣмецкіе стихи переводились на русскій языкъ Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ. Заказывались, впрочемъ, не только торжественныя оды, но также и другія произведенія. Такъ, напр., въ 1750 г. имп. Елизавета изустнымъ своимъ именнымъ указомъ повелѣла профессорамъ Тредьяковскому и Ломоносову „сочинить по трагедіи“, для придворнаго спектакля. Во исполненіе этого приказа, Ломоносовъ написалъ свою первую трагедію „Тамира и Селимъ“.

ѣшніе пріе-
ы Ломоно-
скихъ одъ.

Однако Ломоносовъ сумѣлъ и въ эти шаблонныя формы торжественныхъ славословій вложить новый, серьезный смыслъ. *Съ внѣшней стороны* его оды написаны по всѣмъ правиламъ классической теоріи. Ближайшими образцами послужили для него оды Буало и современнаго нѣмецкаго поэта Гюнтера. Въ подражаніе имъ Ломоносовымъ, еще въ бытность въ Германіи, была написана первая его ода: «На взятіе Хотина» (1739). Какъ въ этой, такъ и въ послѣдовавшихъ за ней похвальныхъ одахъ Ломоносова, встрѣчаются характерныя черты подобныхъ произведеній: преувеличенный восторгъ, риторическіе возгласы, обращеніе къ музамъ, введеніе классическихъ божествъ: Марса, Нептуна, Минервы, Діаны и пр.; берега Невы населяются нимфами; упоминаются Олимпъ, Парнасъ, Кастальскій ключъ, считавшійся у древнихъ источникомъ вдохновенія.—Особенно охотно пользуется Ломоносовъ *олицетвореніями*: онъ не только прибѣгалъ для этого къ обычнымъ миѳологическимъ образамъ, но нерѣдко придавалъ неодушевленнымъ предметамъ и отвлеченнымъ понятіямъ видъ живыхъ существъ, изображая, напр., Москву въ видѣ сѣдовласой женщины, колѣнопреклонно ожидающей прибытія императрицы, или заставляя «божественныя науки» простирать изъ-за моря свои руки къ Петру, а горы и «понтъ» (море) рыдать о его кончинѣ. Нѣкоторымъ изъ подобныхъ образовъ Ломоносовъ придавалъ исполинскіе размѣры, рисуя, напр., Россію въ видѣ величественной женщины, голова которой касается облаковъ и которая возсѣдаетъ на тронѣ, «опершись локтемъ на Кавказъ». Употребленіе подобныхъ исполинскихъ образовъ тѣсно связано съ характерной для Ломоносова склонностью къ *гиперболамъ*, обильно разбросаннымъ во всѣхъ его одахъ. Согласно требованіямъ теоріи, оды Ломоносова написаны «высокимъ штилемъ», языкъ ихъ отличается торжественностью и приподнятостью тона, а также значительной примѣсью славянскаго элемента.—Все это придавало одамъ Ломоносова отпечатокъ *высокопарности*, которая однако нравилась его современникамъ, такъ какъ соотвѣтствовала господствующему вкусу времени и заслужила Ломоносову названіе «Россійскаго Пиндара».

Ломоносовъ, какъ создатель величаго стиля въ рус. поэзіи.

Рядомъ съ неуклюжими виршами Тредьяковскаго, оды Ломоносова производили сильное впечатлѣніе своими звучными стихами, величественными образами, громкимъ паѳосомъ и реторическими украшеніями. Все это было ново и необычайно для русскихъ читателей и слушателей, ласкало ихъ слухъ непривычной гармоніей, занимало воображеніе яркими образами и картинами. Ломоносовъ первый заговорилъ у насъ языкомъ поэзіи, внесъ въ русскую литературу элементы поэтическаго искусства, выработанные на Западѣ. Успѣхъ

Ломоносова возбудилъ подражаніе и создалъ цѣлую школу послѣдователей, усвоившихъ себѣ внѣшнія формы и пріемы псевдоклассической поэзіи, перенесенные къ намъ Ломоносовымъ. Къ числу послѣдователей Ломоносова принадлежатъ почти всѣ наши поэты XVIII вѣка: Петровъ, Херасковъ, Капнистъ, отчасти Державинъ. Такимъ образомъ Ломоносовъ является первымъ *создателемъ поэтическаго стиля* въ русской литературѣ. Въ этомъ псевдо-классическомъ стилѣ было много условнаго, неестественнаго и фальшиваго, но всего этого не сознавали въ эпоху Ломоносова не только у насъ въ Россіи, но и въ Зап. Европѣ.

Содержаніе и настроеніе одъ Ломоносова.

Несмотря на подражательную форму своихъ одъ и на ихъ неизмѣнно панегирическій характеръ, Ломоносовъ сумѣлъ вложить въ нихъ оригинальное и цѣнное содержаніе: онъ выражалъ въ нихъ свои задушевныя чувства, мысли и стремленія. Главнымъ чувствомъ, руководившимъ всею дѣятельностью Ломоносова, была его глубокая и искренняя *любовь къ родинѣ,* а главной мыслью его было убѣжденіе въ необходимости для Россіи просвѣщенія, *необходимости и пользѣ науки.* Ломоносовъ не былъ поэтомъ по призванію, поэзія не была для него цѣлью сама по себѣ, и потому онъ склоненъ былъ приписывать ей служебное значеніе, смотрѣть на нее, какъ на удобную форму для распространенія въ обществѣ своихъ излюбленныхъ идей. Оттого его оды нерѣдко заключаютъ въ себѣ *дидактическіе* элементы; онъ пользовался своими одами для выраженія въ легкой и занимательной формѣ тѣхъ же взглядовъ, какіе онъ вкладывалъ и въ свои академическія рѣчи и разсужденія.

Ихъ дидактическій характеръ.

Ода на день восшествія на престолъ имп. Елизаветы.

Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удачныхъ образцовъ похвальныхъ одъ Ломоносова является его ода «*На день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны*» (1747). Написана она по случаю дарованія Академіи новаго устава, отъ котораго Ломоносовъ ожидалъ много хорошаго для распространенія въ Россіи просвѣщенія. Такимъ образомъ тема этой оды прямо затрагивала наиболѣе интересовавшій Ломоносова вопросъ о процвѣтаніи любезныхъ его сердцу наукъ: оттого похвала, которую онъ воздаетъ здѣсь императрицѣ, отличается особенной искренностью и краснорѣчивостью.—Ходъ мыслей въ этой одѣ, несмотря на внѣшній «лирическій безпорядокъ», отличается ясностью и строгой послѣдовательностью. Ломоносовъ начинаетъ съ прославленія «тишины», т.-е. мира, столь необходимаго для процвѣтанія государства и для благополучія народнаго:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,

Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы (колосья) на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Главная идея оды.

Поэтъ видитъ особенную заслугу императрицы Елизаветы въ ея миролюбіи, въ томъ, что она не ищетъ военной славы и что при самомъ вступленіи своемъ на престолъ прекратила безполезную войну со шведами и водворила въ Россіи миръ:

Молчите, пламенные звуки (громъ пушекъ)
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ...

Миръ является, по мнѣнію Ломоносова, необходимымъ условіемъ для процвѣтанія наукъ, для успѣховъ просвѣщенія. Заботясь о распространеніи знаній, императрица Елизавета является продолжательницей дѣла Петра Великаго, который впервые ввелъ въ Россію «божественныя науки». Поэтому Петръ является любимымъ героемъ Ломоносова, предметомъ его особеннаго поклоненія. И въ данной одѣ Петру посвящено нѣсколько строфъ:

Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ неслыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ Собой возвысилъ до небесъ.

«Варварство», т.-е. невѣжество, составляло, по мнѣнію Ломоносова, главную причину слабости Россіи. Напротивъ того, европейское просвѣщеніе, внесенное Петромъ, должно послужить источникомъ силы и благополучія для всего государства, такъ какъ только при помощи знанія можетъ оно воспользоваться тѣми неисчислимыми природными богатствами, которыя таятся въ нѣдрахъ страны. Широкими чертами рисуетъ Ломоносовъ картину родной земли, съ ея безграничнымъ просторомъ, съ разнообразіемъ климатовъ и естественныхъ условій:

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами...

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.

Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!..

Но эти естественныя богатства требуютъ для своей обработки «искусствомъ утвержденныхъ рукъ», т.-е. образованныхъ работниковъ-спеціалистовъ: только образованіе можетъ, по убѣжденію Ломоносова, поднять и упрочить благосостояніе всей страны. Поэтому къ этимъ будущимъ просвѣщеннымъ дѣятелямъ, къ молодымъ воспитанникамъ академическаго университета обращается Ломоносовъ съ горячимъ призывомъ послужить родинѣ своей ревностной работой и вмѣстѣ съ тѣмъ показать всему міру, какой богатый запасъ духовныхъ силъ таится въ душѣ русскаго народа:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Заключительная строфа оды («Науки юношей питаютъ»), хотя и заимствована изъ одной рѣчи Цицерона, однако прекрасно характеризуетъ взгляды самого Ломоносова на науку: она ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что Ломоносовъ не только цѣнилъ практическую пользу наукъ («науки *пользуютъ* вездѣ»), но что онъ видѣлъ въ нихъ вѣчный источникъ высокаго духовнаго наслажденія («въ покоѣ *сладки* и въ трудѣ»). Такимъ образомъ утилитарный взглядъ на

науку, свойственный Петровскому времени, уже сочетается у Ломоносова съ признаніемъ ея самодовлѣющаго значенія, какъ благороднаго поприща для развитія высшихъ силъ и стремленій человѣческаго духа.

Отраженіе личности и взглядовъ Ломоносова въ его одахъ.

Въ прочихъ похвальныхъ одахъ Ломоносова мы находимъ подобныя же характерныя черты: то же патріотическое воодушевленіе, ту же любовь къ наукамъ и къ мирному труду, то же прославленіе Петра Вел. и его дѣлъ. Большинство одъ посвящено императрицѣ Елизаветѣ. Несмотря на свойственныя эпохѣ выспренніе обороты, гиперболы и риторическія прикрасы, похвалы Ломоносова искренни и нелицемѣрны: въ ней онъ воспѣвалъ „дщерь Петрову", унаслѣдовавшую „духъ Петровъ", продолжательницу его „дѣлъ". Кромѣ того, въ глазахъ Ломоносова, какъ ревностнаго патріота, Елизавета являлась представительницей національнаго движенія, положившей конецъ владычеству иноземцевъ, угнетавшихъ Россію въ мрачную эпоху Бироновщины.

Ломоносовъ восхваляетъ также Елизавету за ея „кротость", за ея „доброты", за отмѣну смертной казни („Ты осужденныхъ кровь щадишь"... *Ода* 1746 г.),—въ особенности же за ея миролюбіе, за то, что она, не увлекаясь славой кровавыхъ побѣдъ, поставила себѣ цѣлью

Размножить миромъ нашу славу,
И выше, какъ военный звукъ,
Поставить красоту наукъ.

Въ вѣкъ, когда другіе одописцы особенно охотно воспѣвали военные походы и подвиги русскаго оружія, Ломоносовъ, не плѣняясь бранными лаврами, неустанно восхвалялъ „тишину" и блага мира. Будучи самъ вѣчнымъ труженикомъ въ области науки, Ломоносовъ и въ поэзіи выступаетъ *пѣвцомъ мирнаго труда*, картины котораго разбросаны во многихъ его одахъ. Онъ мечтаетъ о томъ времени, когда войны прекратятся на землѣ, и люди перекуютъ мечи въ серпы и плуги, и выражаетъ пожеланіе—

Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ,
Желѣзо броней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ.

Съ мыслью о мирѣ у Ломоносова всегда соединяется мысль о распространеніи просвѣщенія, о наукахъ, или о „музахъ", какъ онъ обыкновенно выражался. Эта мысль о наукѣ никогда не оставляла Ломоносова: то онъ доказываетъ ея пользу и необходимость для Россіи, то призываетъ къ ней покровительство государыни, то благодаритъ за оказанную поддержку или милость и призываетъ науки къ новымъ неустаннымъ трудамъ:

О вы, счастливыя науки,
Прилежно простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.
Пройдите землю и пучину,

И степи и глубокій лѣсъ,
И нутръ Рифейскій [1]) и вершину,
И саму высоту небесъ!

Въ этой постоянной заботѣ о судьбѣ науки сказалась глубокая любовь Ломоносова къ знанію и его убѣжденіе въ необходимости распространенія европейскаго просвѣщенія въ Россіи. Это убѣжденіе сближаетъ его съ лучшими дѣятелями Петровской эпохи, съ которыми у него было много общаго во взглядахъ и стремленіяхъ.

Ломоносовъ, какъ пѣвецъ Петра Вел.

Ломоносовъ посвящалъ свои оды царствующимъ государямъ: Елизаветѣ, Петру III, Екатеринѣ II: но *истиннымъ героемъ* его одъ является *Петръ Великій*, имя котораго поминается въ каждой изъ нихъ, образъ котораго повсюду выступаетъ впередъ, заслоняя собой другіе. Ломоносовъ принадлежалъ къ числу самыхъ восторженныхъ поклонниковъ великаго Преобразователя. Въ его глазахъ Петръ является творцомъ новой Россіи, ея національнымъ героемъ. Самъ будучи дѣятельнымъ и энергичнымъ, Ломоносовъ чрезвычайно высоко цѣнилъ разностороннюю, кипучую, неутомимую дѣятельность Петра. Образъ Петра, какъ „вѣчнаго *работника* на тронѣ“ (выраженіе Пушкина), впервые намѣченъ Ломоносовымъ:

(Петръ) Свою Россію обновляетъ,
Полки, законы, корабли
Самъ строитъ, правитъ и предводитъ,
Натуру духомъ превосходитъ,
Герой въ моряхъ и на земли.

Въ изображеніи Ломоносова фигура Петра получаетъ титаническіе, сверхчеловѣческіе размѣры и очертанія:

Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія!
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскіе,
Сошелъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ;
Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ,
Среди героевъ, выше звѣздъ.

Въ концѣ жизни Ломоносовъ задумалъ создать героическую поэму „*Петръ Великій*“, по образцу знаменитыхъ эпопей: „Энеиды“, „Генріады“ и др. Въ этой поэмѣ онъ хотѣлъ изобразить все царствованіе Петра, его дѣла и подвиги. Любопытно отмѣтить, что въ первой пѣснѣ Ломоносовъ приводитъ своего героя въ родной сѣверный край, гдѣ самъ онъ впервые услыхалъ имя царя и преданія о немъ: во время плаванія по Бѣлому морю, Петра застаетъ буря и заноситъ его корабль къ Соловецкому монастырю, игумену котораго Петръ повѣствуетъ затѣмъ въ длинномъ разсказѣ о годахъ своей юности: о замыслахъ Софьи, о бунтѣ стрѣльцовъ, о пережитыхъ опасностяхъ и т. д. (подобно тому какъ Эней, занесенный бурею въ Карѳагенъ, разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ царицѣ Дидонѣ). Но поэма Ломоносова оста-

[1]) Рифейскія горы—латинское названіе Уральскаго хребта; здѣсь въ смыслѣ рудоносныхъ горъ вообще.

лась незаконченной и обрывается на 2-ой пѣснѣ, въ которой поэтъ изображаетъ первый крупный успѣхъ Петра — взятіе Шлиссельбурга. Первая пѣснь начинается обычнымъ для классической эпопеи приступомъ, съ неизбѣжнымъ „*пою*“ въ началѣ и съ краткимъ изложеніемъ предмета и содержанія поэмы:

Пою премудраго Россійскаго Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну,
. . . . . .
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Похвальное слово Петру Вел.

Полнѣе всего Ломоносовъ высказалъ свой взглядъ на Петра въ своемъ „*Похвальномъ словѣ*“, посвященномъ великому царю (1755). Рѣчь эта въ свое время считалась образцовымъ произведеніемъ ораторскаго искусства. Она замѣчательна, какъ первая художественная характеристика личности Петра и какъ общая оцѣнка его дѣятельности. Въ своей рѣчи Ломоносовъ какъ бы подвелъ итоги тому, что говорили о Петрѣ его современники изъ числа его приверженцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ могучій образъ царя-трудолюбца, „чудотворца исполина“,— образъ, надолго опредѣлившій представленіе о Петрѣ, господствовавшее среди позднѣйшихъ поколѣній. Самъ Пушкинъ, изображая Петра Великаго, въ существенныхъ чертахъ придерживался этого образа, созданнаго Ломоносовымъ. Несмотря на нѣкоторыя заимствованія изъ древнихъ авторовъ (Цицерона и Плинія) и на присущій вообще панегирикамъ приподнятый тонъ, „*Слово*“ Ломоносова отличается глубокой искренностью: ораторъ самъ, видимо, былъ увлеченъ предметомъ своего краснорѣчія и отъ чистаго сердца воздавалъ хвалу своему герою. Такое отношеніе Ломоносова къ Петру вполнѣ естественно, если вспомнить, что самъ онъ былъ въ полномъ смыслѣ созданіемъ новой Россіи, носителемъ новой европейской культуры, ревностнымъ насадителемъ науки и просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ Бѣлинскій очень мѣтко назвалъ его „сотрудникомъ Петра Вел. на поприщѣ литературы“.

Духовныя оды Ломоносова.

Особую группу среди одъ Ломоносова составляютъ *оды духовныя*. Въ большинствѣ случаевъ онѣ представляютъ собой переложеніе (парафразу) отдѣльныхъ мѣстъ Св. Писанія. Подобныя переложенія были въ большомъ ходу еще до Ломоносова: такъ, напр., Симеонъ Полоцкій переложилъ силлабическими стихами всю Псалтырь. Этотъ трудъ Полоцкаго былъ одной изъ первыхъ книгъ, попавшихъ въ руки Ломоносова еще во время его пребыванія въ родительскомъ домѣ. Ломоносовъ былъ человѣкомъ глубоко религіознымъ; онъ много читалъ и хорошо зналъ Св. Писаніе: неудивительно поэтому, что онъ нерѣдко вдохновлялся этимъ чтеніемъ, тѣмъ болѣе, что величественные библейскіе образы и мощный, торжественный языкъ славянской Библіи какъ нельзя болѣе гармонировали съ его соб-

ственными вкусами и склонностями. Оттого въ *художественномъ отношеніи* эти духовныя оды стоятъ значительно выше торжественныхъ. Среди современниковъ онѣ были очень популярны, а нѣкоторыя изъ нихъ даже перешли въ народъ и распѣвались каликами на ряду съ другими духовными стихами.

Главный мотивъ их.

Главный, преобладающій мотивъ духовныхъ одъ Ломоносова—похвала величію и всемогуществу Бога,—*какъ Творца видимаго міра*. Этотъ мотивъ также находился въ тѣсной связи съ преобладающими интересами и занятіями Ломоносова. Изучая природу, какъ ученый, Ломоносовъ не оставался холоденъ къ ея красотѣ, величію и гармоніи. Эти черты ея вызывали въ его душѣ живой поэтическій отголосокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждали въ немъ религіозное чувство. Въ одной изъ своихъ статей Ломоносовъ назвалъ природу «Евангеліемъ, неумолчно благовѣствующимъ Творческую силу, премудрость и величество». Созерцаніе природы вызывало въ душѣ поэта-естествоиспытателя мысль о Богѣ, чувство религіознаго благоговѣнія. Этимъ чувствомъ проникнута, напр., его «*Ода, выбранная изъ Іова*», изображавшая въ величественныхъ образахъ всемогущество Творца, проявленное имъ въ Его твореніяхъ («О ты, что въ горести напрасной—на Бога ропщешь, человѣкъ...»). Подобнымъ же настроеніемъ одушевлены и двѣ оригинальныя духовныя оды Ломоносова: «*Утреннее*» и «*Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ*»; особенно замѣчательна вторая изъ нихъ, написанная «при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія» (1743 г.). Это величественное явленіе, знакомое Ломоносову, какъ уроженцу сѣвера, еще съ раннихъ лѣтъ, давно занимало его умъ и воображеніе: онъ много размышлялъ надъ причинами его, стараясь найти для нихъ удовлетворительное научное объясненіе. Отголоски этихъ научныхъ исканій сказались и въ его одѣ. Начинается она съ изображенія картины звѣзднаго неба, внушающей поэту чувство высокаго благоговѣнія, вмѣстѣ съ сознаніемъ собственнаго ничтожества и безсилія:

Связь их съ научными занятіями Ломоносова.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

...Открылась бездна, звѣздъ полна,
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ!

Слѣдующая строфа передаетъ гипотезу Фонтенеля *о множественности міровъ*, которая вызывала въ то время возраженія

со стороны многихъ духовныхъ лицъ, считавшихъ ее несогласной съ Библіей:

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы Божества
Тамъ равна сила естества.

Убѣжденіе въ единообразіи законовъ природы («тамъ равна сила естества») составляло основу всѣхъ научныхъ взглядовъ Ломоносова, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ясно сознавалъ, какъ трудно для человѣка постигнуть эти законы, постигнуть взаимную связь явленій, и какъ много поэтому въ научныхъ теоріяхъ гадательнаго, гипотетическаго. Изобразивъ мощными чертами величественное явленіе сѣвернаго сіянія, поэтъ восклицаетъ:

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

Ломоносовъ излагаетъ затѣмъ всевозможныя теоріи, которыми пытались ученые объяснить это явленіе: недостаточность и противорѣчивость этихъ объясненій приводитъ его къ грустной мысли объ ограниченности человѣческаго разума вообще, тщетно старающагося постичь тайны бытія:

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ,
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите-жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомѣ тварей вамъ конецъ,—
Скажите-жъ, коль великъ Творецъ?

Письмо о пользѣ стекла.

Изъ другихъ произведеній Ломоносова значительный интересъ представляетъ его стихотвореніе: *„Письмо о пользѣ стекла“*, обращенное къ покровителю поэта И. И. Шувалову (1752). Оно написано въ то время, когда Ломоносовъ занятъ былъ устройствомъ въ окрестностяхъ Петербурга своего стекляннаго завода: въ своемъ „Письмѣ“ онъ старается разъяснить пользу стекла и перечисляетъ разнообразные способы его употребленія какъ въ практической жизни (посуда, оконныя стекла, зеркала, очки), такъ и для научныхъ цѣлей (телескопъ, микроскопъ, электрическая машина). Такимъ образомъ вся эта небольшая поэма, по своему содержанію, имѣетъ опредѣленный *дидактическій*

характеръ [1]). Уже съ первыхъ стиховъ поэтъ опредѣляетъ предметъ и задачу своего труда:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучомъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше и краса...
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, не злату, но стеклу.

Съ особеннымъ одушевленіемъ говоритъ Ломоносовъ о значеніи стекла для научныхъ опытовъ и наблюденій. Такъ, изобрѣтеніе телескопа чрезвычайно расширило сферу астрономическихъ наблюденій и способствовало установленію Коперниковой системы; а изобрѣтеніе электрической машины позволило установить истинную природу грозовыхъ явленій. По этому поводу Ломоносовъ, пользуясь случаемъ, даже полемизируетъ съ тѣми, кто считалъ „продерзостной“ всякую попытку проникнуть въ тайны природы, и отстаиваетъ права человѣческаго разума на свободное изслѣдованіе ея явленій:

Услышавъ въ темнотѣ внезапный трескъ и шумъ,
И видя быстрый блескъ, мятется слабый умъ...
Причины онаго изслѣдовать страшится;
Дабы истолковать, что молнія, что громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью Своею.
Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?

Такимъ образомъ и въ этомъ произведеніи поэтъ-натуралистъ выступаетъ въ качествѣ защитника науки и противника суевѣрныхъ предубѣжденій противъ нея, съ которыми ему постоянно приходилось бороться.—Ломоносовъ написалъ также двѣ трагедіи: „Тамира и Селимъ“ и „Демофонтъ“, а также довольно много сатирическихъ и полемическихъ стихотвореній: таковы его эпиграммы противъ своихъ литературныхъ враговъ, Тредьяковскаго и Сумарокова, эпиграмма на противниковъ системы Коперника („Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру“), сатирическій „Гимнъ бородѣ“, направленный противъ раскольниковъ и приверженцевъ невѣжественной старины.

Къ числу литературныхъ произведеній Ломоносова въ прозѣ принадлежатъ его торжественныя похвальныя рѣчи (посвященныя Петру Великому и Елизаветѣ Петровнѣ), а также его историческіе труды. Панегирики Ломоносова составлены по всѣмъ правиламъ современной рито-

Рѣчи Ломоносова и его историческіе труды.

[1]) Дидактическія поэмы, какъ литературная форма, были вообще въ большомъ ходу въ эпоху псевдо-классицизма. Образцами для нихъ служили произведенія латинскихъ поэтовъ: Лукреція—„De rerum natura“ и Вергилія—„Georgica“.

рики и въ свое время считались образцовыми произведеніями ораторскаго искусства. Несмотря на заимствованія изъ древнихъ авторовъ (Цицерона и Плинія-младшаго), на искусственную приподнятость тона и на обиліе риторическихъ прикрасъ, Ломоносовъ мѣстами возвышается до настоящаго краснорѣчія,—именно тамъ, гдѣ онъ говоритъ о распространеніи наукъ и просвѣщенія въ Россіи или рисуетъ нравственный обликъ Петра Великаго, своего любимаго героя. Историческіе труды Ломоносова: „Краткій россійскій лѣтописецъ“ и „Древняя россійская исторія“, составлены имъ по вызову императрицы Елизаветы, которая пожелала „видѣть россійскую исторію, его штилемъ написанную“. Ломоносовъ смотрѣлъ на свою задачу преимущественно съ патріотической точки зрѣнія, изображая только то, что могло послужить къ прославленію русскаго народа и его правителей. Такъ, напр., считая „непристойнымъ“ и оскорбительнымъ для народнаго достоинства мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи первыхъ князей (котораго придерживались Байеръ, Миллеръ и др.), Ломоносовъ выставилъ новую гипотезу о призваніи Рюрика отъ прибалтійскихъ славянъ. Къ источникамъ своимъ Ломоносовъ относился безъ всякой критики, принималъ на вѣру всѣ легендарные разсказы о древнѣйшихъ временахъ и нерѣдко даже добавлялъ и раскрашивалъ лѣтописныя извѣстія, стремясь краснорѣчивыми описаніями сгладить недостатокъ фактическихъ свѣдѣній. Поэтому серьезнаго научнаго значенія трудъ Ломоносова не имѣетъ, хотя въ немъ и встрѣчаются отдѣльныя цѣнныя мысли и замѣчанія. По выраженію историка Соловьева, Ломоносовъ является „отцомъ литературнаго направленія въ русской исторіографіи“, направленія, которое въ ней долго господствовало и отголоски котораго замѣчаются даже у Карамзина.

3. А. П. Сумароковъ.

Начало русской драматургіи.

Къ эпохѣ царствованія Елизаветы Петровны относится и возникновеніе постояннаго русскаго театра. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей по устройству его былъ *А. П. Сумароковъ,* который вмѣстѣ съ тѣмъ является нашимъ первымъ драматическимъ писателемъ. Онъ прославился преимущественно своими *трагедіями,* написанными съ соблюденіемъ правилъ и формъ классической теоріи и пользовавшимися въ свое время большимъ успѣхомъ.

Французская классическая трагедія.

Французская классическая трагедія, созданная геніемъ Корнеля и Расина, послѣ нихъ быстро стала клониться къ упадку. Главнѣйшей причиной этого упадка являлось стѣснительное господство «правилъ» и условныхъ формъ, не допускавшихъ свободы творчества. Какъ и другіе виды литературныхъ произведеній, классическая трагедія имѣла свои твердо установленныя формы, цѣлую систему «правилъ», отъ которыхъ авторы отнюдь не должны были отступать.

Ея характерныя черты: три единства.

Однимъ изъ главныхъ правилъ классической трагедіи, котораго строго придерживались и Корнель, и Расинъ, и всѣ ихъ многочисленные послѣдователи, было такъ называемое *правило трехъ*

единствъ: времени, мѣста и дѣйствія. Оно заключалось въ требованіи, чтобы изображаемое на сценѣ дѣйствіе занимало собой время не болѣе одного дня и происходило на одномъ мѣстѣ, — не переносилось бы, напр., изъ одной страны въ другую и не вмѣщало въ себѣ событія нѣсколькихъ недѣль и лѣтъ, какъ это постоянно случается у Шекспира и у испанскихъ драматурговъ (Лопе-де-Веги и Кальдерона). Единство дѣйствія должно было заключаться въ томъ, чтобы все оно сосредоточивалось на развитіи какого-либо одного эпизода, одной интриги, въ которой выяснялись бы характеры и страсти выведенныхъ лицъ. Изъ этого требованія вытекаетъ также, что число дѣйствующихъ лицъ должно быть очень ограничено.

Введеніе наперсниковъ.

Требованіе единства времени и мѣста было очень стѣснительно для драматурговъ и влекло за собой цѣлый рядъ послѣдствій. Оно дѣлало необходимымъ введеніе въ піесу нѣкоторыхъ вспомогательныхъ персонажей, такъ называемыхъ *наперсниковъ* и *наперсницъ* (confident), которые въ дѣйствіи прямого участія не принимали, а являлись лишь для того, чтобы выслушивать признанія героевъ и героинь, или сообщать о томъ, что происходило до начала дѣйствія или же за предѣлами сцены. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы воочію показать зрителямъ само дѣйствіе на дѣлѣ, авторы часто принуждены были ограничиваться разсказами и разговорами о немъ, благодаря чему повѣствовательный элементъ получалъ нерѣдко преобладаніе надъ драматическимъ, что противорѣчитъ самой природѣ сценическаго представленія, требующаго именно живого дѣйствія и движенія.

Благородство стиля.

Вслѣдствіе такого обилія рѣчей и монологовъ, классическая трагедія получаетъ декламаціонный характеръ. Это въ свою очередь отражалось на языкѣ и стилѣ трагедій, которые должны были отличаться особенной „возвышенностью“ и изяществомъ, не допускать никакихъ низкихъ или обыденныхъ выраженій. Отъ трагедіи требовался *„благородный стиль* (style noble), подходящій для декламаціи. Поэтому всѣ выведенныя лица говорили одинаковымъ изысканнымъ и изящнымъ языкомъ. Благодаря этому трагедія пріобрѣтала *единство стиля*, но авторы лишались возможности придавать рѣчамъ выведенныхъ лицъ явственный индивидуальный отпечатокъ, соотвѣтственно характеру каждаго изъ нихъ [1]). Достоинство стиля требовало также, чтобы трагедіи непремѣнно

---

1) Требованіе „благороднаго стиля“ приводило къ тому, что очень многія слова и выраженія вовсе не допускались къ употребленію въ трагедіяхъ, какъ недостаточно „благородныя“. Этимъ значительно сужался объемъ словеснаго матеріала, которымъ могли располагать авторы. Впослѣдствіи одинъ изъ поэтовъ классической школы очень гордился тѣмъ, что онъ первый рѣшился употребить въ стихахъ слово *vache* (корова).

писались стихами: поэтому во французской трагедіи утвердился такъ называемый „александрійскій стихъ“, доведенный до высшаго совершенства Корнелемъ и Расиномъ.

Необычайность дѣйствія.

Эти требованія теоріи касались не только внѣшней формы, но также и самаго содержанія драматическихъ произведеній. Трагедія должна была поражать зрителей изображеніемъ необычайныхъ событій, сильныхъ страстей, высокихъ подвиговъ или преступленій. Поэтому въ ней не допускалось изображеніе обычной жизни и обычныхъ людей. Героями трагедій могли быть только лица *высокаго общественнаго положенія:* цари, полководцы, принцы и принцессы, съ ихъ неизбѣжными наперсниками и наперсницами.

Аристократическій характеръ трагедіи.

Такой подборъ дѣйствующихъ лицъ придавалъ трагедіи *аристократическій* характеръ, отражавшійся также на всемъ поведеніи ихъ: по манерѣ говорить и держаться на сценѣ герои трагедій близко напоминали французскихъ маркизовъ XVII вѣка, привыкшихъ къ строгому и изысканному этикету Версальскаго двора. Авторы должны были старательно избѣгать всего, что какимъ-либо образомъ могло нарушить «благопристойность» дѣйствія, «благородство» общаго стиля: такъ, напр., хотя почти каждая трагедія заключала въ себѣ убійства и кровавыя столкновенія дѣйствующихъ лицъ, но они должны были происходить за сценой. Все грубое и рѣзкое тщательно изгонялось изъ трагедіи, какъ противорѣчащее духу торжественности и благородства, который долженъ въ ней господствовать. На этомъ же основаніи не допускалось въ трагедіи внесеніе комическаго элемента, который играетъ такую значительную роль въ трагедіяхъ Шекспира: *строгое раздѣленіе* обоихъ видовъ драматическаго искусства: *трагедіи и комедіи,* было однимъ изъ важнѣйшихъ правилъ классической теоріи. Наконецъ, согласно требованіямъ теоріи, авторы отнюдь не могли изображать въ своихъ трагедіяхъ современную или близкую для зрителей жизнь: дѣйствіе трагедіи должно было происходить въ давнія времена или въ далекой странѣ; чаще всего сюжеты трагедіи заимствовались изъ античной исторіи или миѳологіи. Такое перенесеніе дѣйствія въ глубь вѣковъ считалось лучшимъ средствомъ для того, чтобы возвысить трагедію надъ обычной дѣйствительностью и придать ей особенную важность и значительность.

Исключеніе всего грубаго и комическаго.

Недостатки классической теоріи.

Господство „правилъ“ было чрезвычайно стѣснительно для свободнаго развитія драматическаго искусства. Оно имѣло слѣдствіемъ *преобладаніе формы надъ содержаніемъ:* вмѣсто изображенія жизни, авторы давали въ своихъ произведеніяхъ подражаніе образцамъ, признаннымъ за классическіе; вмѣсто наблюденія надъ дѣйствительностью, надъ че-

ловѣческими характерами и страстями, они болѣе всего заботились о томъ, чтобы какъ-нибудь не погрѣшить противъ установленныхъ правилъ и традицій. Это приводило къ господству условностей, крайне стѣснявшихъ свободу художественнаго творчества, и придавало всѣмъ трагедіямъ характеръ однообразія. Строгое подчиненіе условнымъ правиламъ и постоянная забота объ ихъ соблюденіи сообщали имъ отпечатокъ разсудочности, искусственности и холодности, а стремленіе къ сохраненію „благородства“ стиля нерѣдко приводило къ ходульности и высокопарности, чему немало способствовалъ также декламаціонный характеръ трагедій, въ которыхъ рѣчи значительно преобладали надъ дѣйствіемъ.

Судьба классической трагедіи.

Если Корнель и Расинъ, несмотря на свое подчиненіе условнымъ правиламъ теоріи, создавали выдающіяся, высоко-художественныя произведенія, то это зависѣло исключительно отъ ихъ генія, проявившаго свою силу, наперекоръ всѣмъ стѣсненіямъ. Они подняли французскую трагедію на небывалую высоту, дали въ своихъ произведеніяхъ образцы художественнаго совершенства. Высокія достоинства трагедій Корнеля и Расина побуждали считать непреложными и самыя теоретическія основанія, на которыхъ были построены ихъ произведенія. Поэтому трагедіи этихъ великихъ писателей стали классическими образцами, которымъ подражали ихъ послѣдователи, не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ Европы, куда только проникало вліяніе французскаго классицизма (въ Германіи Готшедъ, въ Англіи Драйденъ, въ Италіи Альфьери и др.). Однако, среди этихъ многочисленныхъ послѣдователей Расина не было людей равнаго съ нимъ таланта, вслѣдствіе чего недостатки классической теоріи сказывались съ особенной наглядностью въ ихъ произведеніяхъ, написанныхъ по однообразному шаблону и лишенныхъ всякой оригинальности.

Несмотря на свой явный упадокъ, подражательная псевдо-классическая трагедія продержалась однако вплоть до XIX вѣка, хотя уже въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка начались нападки на нее со стороны передовой критики (Дидро и Мерсье во Франціи, Лессингъ въ Германіи), вмѣстѣ съ различными попытками нововведеній въ области сценическаго искусства („слезныя комедіи“ Мариво и Лашоссе, драмы Мерсье и Седэна, историческія хроники въ духѣ Шекспира, какъ „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“ Гёте, мелодрамы Коцебу). Только торжество романтизма окончательно вытѣснило со сцены старую псевдо-классическую трагедію (около 1830 г.).

Трагедіи Вольтера.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей классической трагедіи въ XVIII вѣкѣ былъ знаменитый философъ Вольтеръ. Онъ пытался обновить трагедію при помощи усовершенствованія внѣшней постановки, костюмовъ и декорацій [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался внести въ свои трагедіи философскій и публицистическій элементъ, заставляя дѣйствующихъ лицъ произносить тирады въ защиту вѣротерпимости и равенства, противъ религіознаго фанатизма и политической

[1]) Между прочимъ, онъ первый ввелъ на сцену античные костюмы: до него греческіе и римскіе герои трагедій выходили на сцену въ шитыхъ кафтанахъ и пудреныхъ парикахъ, какъ щеголи Версальскаго двора.

тираніи. Въ остальномъ онъ строго придерживался „правилъ“ классической теоріи, не позволяя себѣ никакихъ значительныхъ отступленій. Какъ убѣжденный сторонникъ классицизма, онъ отрицательно относился къ новаторскимъ попыткамъ своихъ современниковъ. Характерно также его отношеніе къ Шекспиру, котораго онъ называлъ „пьянымъ дикаремъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ въ его произведеніяхъ черты высокой поэзіи, только испорченныя благодаря отсутствію облагороженнаго вкуса и незнанію „правилъ“ классической теоріи.

Многочисленныя трагедіи самого Вольтера („Заира“, „Меропа“. „Семирамида“, „Магометъ“ и др.), написанныя съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, не отличаются особенными художественными достоинствами. Тѣмъ не менѣе онѣ пользовались у современниковъ значительнымъ успѣхомъ; большимъ поклонникомъ Вольтера, какъ драматурга, былъ, между прочимъ, и нашъ Сумароковъ.

Сумароковъ.

Сумароковъ [1]) перенесъ въ русскую литературу готовыя формы псевдо-классической трагедіи и комедіи. Въ его піесахъ нѣтъ ничего самостоятельнаго: онѣ являются сколкомъ съ французскихъ образцовъ, которымъ онъ подражалъ. Трагедіи Сумарокова написаны съ соблюденіемъ всѣхъ «правилъ» классической теоріи: героями ихъ являются князья и правители, съ ихъ неизбѣжными наперсниками, дѣйствіе перенесено въ глубокую древность, написаны онѣ искусственнымъ, приподнятымъ языкомъ, долженствовавшимъ оттѣнять важность трагическаго сюжета, строго соблюдены правила «трехъ единствъ» и т. д.

Общій характеръ его трагедій.

Въ художественномъ отношеніи трагедіи Сумарокова стоятъ довольно низко. Пушкинъ назвалъ его: «слабое дитя чужихъ уроковъ», отмѣчая подражательный характеръ его творчества. Сумароковъ не былъ одаренъ отъ природы значительнымъ талантомъ; поэтому въ его произведеніяхъ отразились преимущественно отрицательныя стороны классицизма, и онъ, рабски копируя Расина и Вольтера, никогда не былъ въ состояніи возвыситься до ихъ достоинствъ.

Содержаніе трагедій Сумарокова бѣдно и однообразно; главную роль въ нихъ играетъ любовная интрига, на которой обыкновенно держится все дѣйствіе; характеры очерчены очень слабо: выведенныя лица настолько напоминаютъ другъ друга, что ихъ свободно

---

[1]) Александръ Петровичъ Сумароковъ род. въ 1718 г., образованіе получилъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, основанномъ по мысли Миниха для подготовленія образованныхъ офицеровъ. Еще будучи въ корпусѣ, онъ началъ сочинять оды и пѣсни, которыя любителями заучивались наизусть. Въ 1747 г. напечаталъ свою первую трагедію „Хоревъ“. Въ 1756 г. при учрежденіи русскаго театра былъ назначенъ его первымъ директоромъ и управлялъ имъ въ теченіе пяти лѣтъ. Въ 1759 г. издавалъ „Трудолюбивую Пчелу“,—первый литературный журналъ на русскомъ языкѣ. По выходѣ въ отставку онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1777 г.

можно было бы перенести изъ одной трагедіи въ другую. Трагедіи также бѣдны дѣйствіемъ, мѣсто котораго занимаютъ длинныя рѣчи и монологи героевъ, написанные напыщеннымъ, высокопарнымъ языкомъ. Характерною особенностью Сумарокова является стремленіе дать своимъ трагедіямъ національное содержаніе: почти во всѣхъ его трагедіяхъ дѣйствіе происходитъ въ древней Руси («Хоревъ», «Синавъ и Труворъ», «Мстиславъ», «Дмитрій Самозванецъ» и др.); однако, кромѣ именъ, въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, нѣтъ никакого національнаго отпечатка. Точно также Сумароковъ вовсе не заботился о соблюденіи исторической вѣроятности, не старался воскресить духъ старины: оттого его древне-русскіе герои разсуждаютъ и дѣйствуютъ, какъ просвѣщенные современники Екатерины II, или какъ изящные и чувствительные герои французскихъ трагедій. Объясняется это отчасти и тѣмъ, что Сумароковъ вообще не имѣлъ яснаго представленія о русской старинѣ, такъ какъ отечественная исторія въ эту эпоху была еще совершенно не разработана. Отчасти это зависѣло и отъ того, что псевдо-классики вообще не заботились о томъ, чтобы ихъ произведенія соотвѣтствовали духу времени и народности, которыя они изображали.

А. П. Сумароковъ.

Первая трагедія Сумарокова: «Хоревъ», написанная въ 1747 г., является вмѣстѣ съ тѣмъ первой «регулярной» трагедіей въ русской литературѣ, т.-е. составленной по всѣмъ «правиламъ» классической теоріи. Дѣйствіе ея относится къ баснословнымъ временамъ русской исторіи и происходитъ во дворцѣ легендарнаго князя *Кія*, который завладѣлъ кіевскимъ престоломъ, побѣдивъ и изгнавъ прежняго владѣтеля, Завлоха, дочь котораго, *Оснельда*, осталась плѣнницей въ рукахъ побѣдителя. Въ нее влюбленъ младшій братъ Кія—*Хоревъ*, и Оснельда, въ свою очередь, любитъ его. Но отецъ ея, подступившій къ Кіеву съ войскомъ и требующій выдачи дочери, не соглашается на бракъ ея съ Хоревомъ. Такимъ образомъ въ душѣ Оснельды происходитъ столкновеніе между чувствомъ любви, жаждой личнаго счастья, и сознаніемъ своего долга по отношенію къ отцу.

Хоревъ.

Завязка трагедіи.

Раздираемая внутренней борьбой, Оснельда на протяженіи всей піесы сѣтуетъ и жалуется на свою судьбу, то въ горестныхъ монологахъ, то въ бесѣдахъ съ своей наперсницей—мамкой:

Къ чему ведетъ меня моя судьбина зла!
Къ такимъ ли днямъ, любовь, во мнѣ ты кровь зажгла!
Несчастливымъ временъ жестоки всѣ премѣны.
О домъ отцовъ моихъ! о вы, противны стѣны,
Которыми пришлецъ сей городъ оградилъ!
Земля, въ которой Кій кровавы слезы лилъ!
Мѣста, столь много разъ слезами орошенны,
Возлюбленнымъ моимъ Хоревомъ украшенны,
Печали и утѣхъ собраніе и смѣсь,
Чѣмъ слабая душа обремененна здѣсь!
Отверзи мнѣ врата любезныя темницы,
И выпусти меня за Кіева границы!
О честь! о долгъ! любовь! мой князь! родитель мой!
Дѣлите сердце днесь и рушьте мой покой!

Недостатки ея.

Въ такихъ горестныхъ сѣтованіяхъ и восклицаніяхъ проходитъ вся роль Оснельды. Благодаря этому въ ней совершенно не видно опредѣленнаго характера. Столь же безличенъ и Хоревъ. Въ его душѣ также происходитъ борьба между чувствомъ и долгомъ, между сердечнымъ влеченіемъ къ Оснельдѣ и необходимостью сражаться съ отцомъ любимой дѣвушки. Положеніе обоихъ героевъ нѣсколько напоминаетъ положеніе Сида и Химены въ трагедіи Корнеля, которому Сумароковъ, несомнѣнно, подражалъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, напр., въ сценѣ объясненія Хорева съ Оснельдой (дѣйств. III, явл. 6-е). Построивши свою піесу на дѣйствительномъ трагизмѣ положенія дѣйствующихъ лицъ, связанныхъ общимъ чувствомъ, но раздѣляемыхъ враждебными обстоятельствами, Сумароковъ однако не сумѣлъ сдѣлать своихъ героевъ живыми фигурами, съ опредѣленными чертами характера и личности. Въ его трагедіи они являются блѣдными схематическими тѣнями, безцвѣтными куклами-маріонетками, двигающимися и дѣйствующими по произволу автора, а не въ силу внутренней, психологической необходимости. Вслѣдствіе этого въ трагедіи нѣтъ настоящаго дѣйствія, и Сумарокову, для того, чтобы развязать драматическую коллизію, пришлось прибѣгнуть къ помощи искусственнаго пріема: онъ ввелъ въ дѣйствіе вспомогательное лицо, боярина Столверха, играющаго въ піесѣ роль мелодраматическаго злодѣя. Этотъ бояринъ, неизвѣстно изъ какихъ соображеній, возбуждаетъ въ Кіѣ подозрѣнія противъ его брата и Оснельды, обвиняя ихъ въ томъ, что они стремятся завладѣть его престоломъ. Кій приказываетъ казнить Оснельду, давъ ей чашу съ

отравой. Вслѣдъ затѣмъ возвращается Хоревъ, одержавшій побѣду надъ Завлохомъ и взявшій его въ плѣнъ; Завлохъ даетъ свое согласіе на бракъ своей дочери съ Хоревомъ; Кій, убѣдившись въ невинности своего брата, посылаетъ слугу, чтобы пріостановить казнь; но—уже поздно: Оснельда умерла, клеветникъ Столверхъ, боясь наказанія, бросается въ Днѣпръ, а Хоревъ, не желая пережить любимую дѣвушку, закалывается.

Синавъ и Труворъ.

Такою же трагедіей „положеній“ (situations) является и „*Синавъ и Труворъ*“, любимая трагедія Сумарокова. Сюжетъ ея основанъ на соперничествѣ въ любви двухъ братьевъ. Сюжетъ этотъ, благодаря присущему ему трагизму, неоднократно привлекалъ къ себѣ вниманіе драматурговъ (Эсхилъ, Расинъ и др.) Но изображеніе характеровъ и здѣсь отличается блѣдностью и неестественностью. Хотя дѣйствіе происходитъ во времена сѣдой древности, въ Новгородѣ, при баснословномъ Гостомыслѣ, въ дочь котораго (Ильмену) влюблены братья-соперники, однако выведенныя лица чувствуютъ и разсуждаютъ, какъ просвѣщенные люди XVIII вѣка: это особенно замѣтно во многочисленныхъ нравоучительныхъ сентенціяхъ и замѣчаніяхъ (напр., объ обязанностяхъ правителя, о гражданскомъ долгѣ и т. д.), въ которыхъ выражены идеи новаго времени. Можетъ быть, отчасти благодаря этому, трагедія „Синавъ и Труворъ“ пользовалась особенной популярностью среди современниковъ [1]).

Димитрій Самозванецъ.

Въ трагедіи „*Димитрій Самозванецъ*“ (1771) Сумароковъ хотѣлъ изобразить трагическій *характеръ*, движимый силой одолѣвающей его страсти. Но задача оказалась Сумарокову не по силамъ. Его Димитрій представлялъ собой не живое лицо, а какое-то олицетвореніе злобы и ненависти. Онъ неистовствуетъ на протяженіи всей трагедіи, произноситъ безсмысленныя угрозы и самъ постоянно говоритъ о своемъ „тиранствѣ“ и о своей ненависти къ людямъ, ничѣмъ не вызванной и не мотивированной. Уже въ самомъ началѣ трагедіи онъ заявляетъ о себѣ:

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ.
. . . . . .
Я къ ужасу привыкъ, злодѣйствомъ разъяренъ,
Наполненъ варварствомъ и кровью обагренъ.

Характеръ Димитрія психологически невозможенъ и неестественъ. Кромѣ того, онъ совершенно не соотвѣтствуетъ тому, что намъ извѣстно о Лже-Дмитріи, о его умѣ, ловкости, отвагѣ. Вообще и въ этой трагедіи Сумароковъ очень мало сообразуется съ исторической истиной:

---

[1]) Въ 1755 г. нѣкоторыя сцены изъ трагедіи „Синавъ и Труворъ“ появились во французскомъ переводѣ вмѣстѣ съ очень лестнымъ разборомъ. Это было первое произведеніе русской литературы, удостоившееся перевода на иностранный языкъ, чѣмъ Сумароковъ немало гордился. Онъ послалъ переводъ своей трагедіи Вольтеру и получилъ отъ него очень сочувственный отзывъ.

такъ, напр., какъ и въ другихъ трагедіяхъ его, въ центрѣ дѣйствія стоитъ любовная интрига,—именно любовь Димитрія къ дочери Шуйскаго, Ксеніи, которую Сумароковъ, вѣроятно, смѣшалъ съ дочерью царя Бориса. Невѣрно представлены также и обстоятельства гибели Самозванца, который у Сумарокова самъ закалывается, со слѣдующими заключительными словами:

Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!—
Ахъ, еслибы со мной погибла вся вселенна!

Успѣхъ трагедій Сумарокова.

Среди современниковъ Сумароковъ пользовался большимъ уваженіемъ и популярностью. Трагедіи его до конца XVIII вѣка не сходили съ репертуара русской сцены и заслужили автору прозваніе „сѣвернаго Расина“. При томъ зачаточномъ состояніи, въ которомъ находилась тогда наша литература, при низкомъ уровнѣ литературныхъ вкусовъ, которые только начинали пробуждаться въ русскомъ обществѣ, при господствующемъ преклоненіи передъ псевдо-классическими образцами, недостатки трагедій Сумарокова не могли такъ ярко бросаться въ глаза современникамъ, которыхъ онѣ прежде всего поражали, какъ интересная и эффектная новинка, какъ невиданное и занимательное зрѣлище. Успѣху трагедій Сумарокова способствовала также игра въ нихъ нѣкоторыхъ талантливыхъ артистовъ (Волковъ, Дмитревскій) только что основаннаго русскаго театра.

Причины его.

Но были и въ самихъ трагедіяхъ Сумарокова нѣкоторыя положительныя достоинства, объясняющія ихъ громкій и продолжительный успѣхъ у современниковъ. Прежде всего, несмотря на всѣ свои недостатки, „регулярныя“ трагедіи Сумарокова со стороны внѣшней формы представляли шагъ впередъ, сравнительно съ тѣми безформенными и наивными піесами, которыя до него разыгрывались актерами и любителями (піесы Петровскаго времени, интермедіи, сценическія передѣлки романовъ). Затѣмъ, и по своему *содержанію* трагедіи Сумарокова имѣли болѣе серьезный интересъ и значеніе: во всѣхъ нихъ дѣйствіе основано на *столкновеніи между чувствомъ и долгомъ* и на происходящей отъ этого внутренней борьбѣ: такимъ образомъ зрители невольно должны были задуматься надъ самой идеей долга и надъ моральными вопросами, изъ нея проистекающими. Подобно Вольтеру, Сумароковъ смотрѣлъ на театръ, какъ на „школу добродѣтели“, и хотѣлъ дать въ своихъ трагедіяхъ не только занимательное зрѣлище, но и нѣчто поучительное, нѣкоторый нравственный урокъ. Цѣль трагедіи, по его мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы—

Интересъ внутренняго содержанія.

Принудить чувствовать чужія намъ напасти,
И къ добродѣтели направить наши страсти.

Обиліе правоучительныхъ элементовъ.

Это стремленіе къ поучительности составляетъ вообще одну изъ характерныхъ особенностей псевдо-классической школы. Во всѣхъ трагедіяхъ Сумарокова обильно разбросаны *нравоучительныя сентенціи* и размышленія—о любви къ отечеству, о „должности“, т.-е. долгѣ гражданъ и правителей, о семейныхъ обязанностяхъ, о нравственныхъ достоинствахъ, о чести и великодушіи, и т. д. Неоднократно Сумароковъ

говоритъ, напр., о долгѣ каждаго гражданина заботиться объ общемъ благѣ, подчинять ему свои личные интересы:

Гдѣ нѣтъ согласія, несчастна та страна:
Отверзта завсегда на бѣдствія она,
Гдѣ жадно собственны прибытки исчисляютъ,
О пользѣ общества тамъ въ вѣкъ не помышляютъ.

Новизна идеи и идеаловъ

Такъ какъ героями трагедій Сумарокова являются князья и правители, то особенно часто касается онъ именно обязанностей хорошаго правителя, рисуя идеалъ мудраго, человѣколюбиваго и правосуднаго монарха, заботящагося болѣе всего о благѣ своихъ подданныхъ,—идеалъ, въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма XVIII вѣка. Изображеніе такого идеальнаго монарха находимъ мы въ лицѣ тмутараканскаго князя Мстислава (въ трагедіи того же названія), великодушно уступающаго любимую дѣвушку своему сопернику и отказывающагося отъ личнаго счастья для того, чтобы всецѣло посвятить себя заботамъ о благѣ подвластнаго народа:

Блаженъ на свѣтѣ тотъ порфироносный мужъ,
Который не тѣснитъ свободы нашихъ душъ,
Кто пользой общества себя превозвышаетъ,
И снисхожденіемъ санъ царскій украшаетъ,
Даруя подданнымъ благополучны дни,—
Страшатся коего злодѣи лишь одни.

Всѣ эти разсужденія Сумароковъ влагалъ въ уста своихъ героевъ, не заботясь объ исторической вѣроятности, не сообразуясь иногда и съ характеромъ выведенныхъ лицъ,—заставляя, напр., Хорева возставать противъ войны, которую онъ называетъ „варварствомъ“. Въ этихъ сентенціяхъ Сумароковъ выражалъ просвѣщенныя и гуманныя идеи своего вѣка и такимъ образомъ способствовалъ ихъ распространенію среди русскаго общества [1]).

Комедіи Сумарокова.

На ряду съ трагедіей Сумароковъ перенесъ въ русскую литературу также и псевдо-классическую комедію въ томъ видѣ, въ какомъ она сложилась во Франціи послѣ Мольера [2]). Ближайшимъ

---

[1]) Новымъ гуманнымъ духомъ отмѣчено также у Сумарокова и его *отношеніе къ женщинѣ*. Его женскія фигуры однообразны и безличны; но характеренъ уже самый фактъ, что въ центрѣ дѣйствія стоитъ женщина, что она изображается, какъ самостоятельное нравственное существо, что за нею признается право располагать собой сообразно своимъ склонностямъ. Въ ту эпоху, когда русская женщина еще недавно получила нѣкоторую свободу и мѣсто въ обществѣ, такое отношеніе къ женщинѣ должно было способствовать поднятію уваженія къ ней и измѣненію прежнихъ домостроевскихъ взглядовъ на ея подчиненное положеніе въ семьѣ и въ жизни.

[2]) Мольеръ оказалъ громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе французской комедіи. Среди его многочисленныхъ подражателей были люди талантливые: напр., Реньяръ, Данкуръ, Дюфрени, Детушъ, Лесажъ, пьесы которыхъ пользовались въ свое время большимъ успѣхомъ. Изъ нихъ Реньяръ и Дюфрени культивировали преимущественно

образцомъ его, кромѣ Мольера, былъ *Детушъ* (Destouches), который вмѣстѣ съ тѣмъ является однимъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей псевдо-классической комедіи XVIII вѣка.

етушъ, какъ редставитель севдо-клас-ической ко-медіи.

Въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ онъ стремился создать образцы *высокой комедіи,* „комедіи характеровъ“ (haute comédie, comédie de caractère), на подобіе „Тартюфа“ и „Мизантропа“. Но у Детуша не было той тонкой наблюдательности и того дара психологическаго анализа, которые составляютъ главное достоинство произведеній Мольера. Поэтому его персонажи представляютъ собой *не живыя лица,* съ опредѣленными и разнообразными индивидуальными чертами, а *отвлеченныя схемы,* служащія для воплощенія той или другой человѣческой слабости или порока.

лавныя чер-ты его про-изведеній.

Въ самыхъ заглавіяхъ его комедій обыкновенно уже дается опредѣленіе того характера, который авторъ хотѣлъ изобразить; напр.: „Тщеславный“ (le Glorieux), „Нерѣшительный“ (l'Irrésolu), „Злословный“ (le Médisant), „Расточитель“ (le Dissipateur) и т. д. Въ этомъ сведеніи характеристики дѣйствующихъ лицъ къ *одной* наиболѣе выдающейся чертѣ сказалось свойственное вообще псевдо-классицизму стремленіе къ *обобщенію* и *упрощенію;* откидывая всякіе индивидуальные оттѣнки и особенности, безъ которыхъ однако немыслимо никакое живое лицо, Детушъ въ своихъ комедіяхъ давалъ лишь абстрактные типы, ходячія олицетворенія какой-либо страсти или характерной черты. Благодаря такой односторонности изображенія, персонажи Детуша лишены настоящей жизненности и психологической правдивости.—Другою характерной особенностью Детуша является его стремленіе къ *дидактизму.* Французскіе изслѣдователи причисляютъ его произведенія къ разряду *нравоучительныхъ комедій* (comédie moralisante). Детушъ, какъ это ясно видно изъ его предисловій къ комедіямъ, сознательно ставилъ себѣ задачей, осмѣивая слабости и недостатки человѣческаго характера, содѣйствовать ихъ устраненію. Театръ, по его мнѣнію, долженъ „исправлять людей, забавляя ихъ“ (le théatre doit corriger les hommes en les amusant). Поэтому всѣ его комедіи изобилуютъ поучительными размышленіями и сентенціями, которыя вкладываются имъ въ уста выводимыхъ имъ съ этой спеціальной цѣлью положительныхъ персонажей, такъ называемыхъ *резонеровъ,* роль которыхъ заключалась въ томъ, чтобы передавать взгляды самого автора и излагать мораль всей піесы. Вообще лица въ комедіяхъ Детуша гораздо болѣе разсуждаютъ, чѣмъ дѣйствуютъ. Впрочемъ, это стремленіе къ морали и поученію составляетъ вообще

„комедію интриги“ (comédie d'intrigue), нерѣдко переходившую въ веселый фарсъ: произведенія ихъ отличались бойкостью и остроуміемъ; Данкуръ, избравшій своей спеціальностью „комедію нравовъ“ (comédie de moeurs), давалъ въ своихъ пьесахъ интересныя картинки современной парижской жизни, рисующія бытъ общества, его интересы, модныя увлеченія и т. д.; однако въ своемъ изображеніи Данкуръ нерѣдко впадалъ въ карикатуру. Наконецъ, Детушъ посвятилъ себя наиболѣе серьезному виду комическихъ произведеній—„комедіи характеровъ“ (comédie de caractère). Однако никто изъ этихъ писателей не создалъ произведеній, имѣющихъ непреходящее значеніе, каковы комедіи Мольера, съ его яркими общечеловѣческими типами.

характерную черту псевдо-классической литературы XVIII вѣка, проявляющуюся не только въ комедіяхъ, но также и въ другихъ литературныхъ формахъ: въ трагедіяхъ (напр., у Вольтера), въ дидактическихъ поэмахъ, въ одахъ и т. д.

Форма и содержаніе комедій Сумарокова.

Комедіи Сумарокова, которыхъ онъ написалъ болѣе десятка, представляютъ собой близкое подражаніе французскимъ образцамъ. Какъ сюжеты комедій, такъ и выведенные въ нихъ типы большей частью заимствованы Сумароковымъ [1]). Содержаніе его комедій довольно однообразно: оно вертится обыкновенно вокругъ любовной интриги, въ которой близкое участіе принимаютъ плутоватый слуга и расторопная, кокетливая служанка,—типы, цѣликомъ перенесенные изъ французской комедіи, въ которой они занимали роль наперсниковъ и наперсницъ. Характеры обрисованы слабо и блѣдно; главный недостатокъ ихъ изображенія—*односторонность*: вмѣсто живыхъ лицъ, мы видимъ передъ собой воплощеніе различныхъ слабостей или пороковъ; впрочемъ, этотъ недостатокъ не принадлежитъ одному Сумарокову, но въ значительной мѣрѣ присущъ псевдо-классической комедіи вообще. Какъ естественное слѣдствіе такой односторонности изображенія, является преувеличеніе и карикатурность, нерѣдко переходящія у Сумарокова въ грубый шаржъ. Вообще комизмъ у него не отличается особенной тонкостью, выражаясь иногда въ потасовкахъ и другихъ грубыхъ выходкахъ. При всемъ томъ самъ Сумароковъ придавалъ комедіи очень важное, серьезное значеніе:

Обрисовка характеровъ.

Дидактизмъ.

Свойство́ комедіи—издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользовать—прямой ея уставъ.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Сумарокова, комедія должна преслѣдовать *дидактическія* цѣли: осмѣивая пороки и недостатки, она должна способствовать исправленію нравовъ и такимъ путемъ приносить обществу нравственную пользу («пользовать»). Самая *развязка* комедіи должна служить той же нравоучительной цѣли: въ концѣ комедіи порокъ долженъ быть наказанъ, а добродѣтель награждена. Той же цѣли призваны были служить и положительныя, идеальныя лица комедіи, такъ называемые *резонеры*, которые дол-

---

1) Обыкновенно Сумароковъ даже оставлялъ дѣйствующимъ лицамъ ихъ французскія имена: хотя дѣйствіе его комедій и происходитъ въ Москвѣ или Петербургѣ, но участвуютъ въ немъ разные Доранты, Клитандры, Финеты, Кларисы и т. д. Изрѣдка, впрочемъ, Сумароковъ даетъ своимъ героямъ различныя *изобразительныя* имена, соотвѣтствующія ихъ характеру (напр., *Чужежватъ* въ комедіи „Опекунъ“, *Кащей* въ ком. „Лихоимецъ“); впослѣдствіи подобныя характерныя наименованія входятъ въ обычай у комическихъ писателей.

жны были воплощать мораль піесы: въ комедіяхъ Сумарокова такими идеальными лицами являются обыкновенно молодыя дѣвушки, въ уста которыхъ авторъ влагаетъ всевозможныя нравоучительныя разсужденія и сентенціи.

Черты русскихъ нравовъ въ комедіяхъ Сумарокова.

Заимствуя сюжеты и типы изъ французскихъ комедій, Сумароковъ старался придать имъ черты русскаго быта и нравовъ: такъ, напр., въ комедіи «Опекунъ» главное дѣйствующее лицо, *Чужехватъ*, ханжа и плутъ, списанъ съ Мольеровскаго Тартюфа, но онъ постоянно сыплетъ народными пословицами и поговорками, въ притворномъ сокрушеніи читаетъ славянскія молитвы и т. д. Особенно часто Сумароковъ нападалъ въ своихъ комедіяхъ на подьячихъ и приказныхъ, изображая ихъ взяточниками и крючкотворцами, взимающими поборы съ праваго и виноватаго (таковъ, напр., Хабзей-*ябедникъ*, въ комедіи «Чудовищи»). Неоднократно выводилъ Сумароковъ также типы щеголей—петиметровъ, увлекающихся французскими модами, невѣжественныхъ и высокомѣрныхъ («Нарциссъ», «Пустая ссора»). Иногда Сумароковъ допускалъ также въ своихъ комедіяхъ «сатиру на лицо», какъ тогда выражались,—т.-е. выводилъ въ нихъ опредѣленныя, извѣстныя публикѣ личности; такъ, напр., въ комедіи «Тресотиніусъ» онъ изобразилъ Тредьяковскаго, въ видѣ смѣшного и нелѣпаго педанта, занимающагося мелочнымъ буквоѣдствомъ (споръ его о буквѣ «твердо»,—нужно ли писать ее съ одной или тремя палочками); впрочемъ, образцомъ для Тресотиніуса послужили типы педантовъ, неоднократно встрѣчающіеся въ комедіяхъ Мольера. Вообще заимствованные элементы и попытки самостоятельнаго творчества образуютъ въ комедіяхъ Сумарокова пеструю смѣсь русскихъ бытовыхъ чертъ съ чертами и особенностями французскихъ нравовъ. Благодаря такому смѣшенію своего и чужого, эти произведенія лишены цѣльности и выдержанности и нерѣдко производятъ странное впечатлѣніе.

Сатиры Сумарокова.

Изъ другихъ произведеній Сумарокова болѣе замѣчательными являются его *сатиры*, въ которыхъ онъ обличаетъ недостатки и темныя стороны русской жизни: напр., взяточничество и неправосудіе („О худыхъ судьяхъ"), слѣпое пристрастіе ко всему французскому („О французскомъ языкѣ"); въ нѣкоторыхъ сатирахъ Сумароковъ берется за темы, которыя уже были раньше затронуты Кантемиромъ, такъ, напр., въ сатирѣ „О благородствѣ" онъ нападаетъ на родовую спесь и чванство, противополагая имъ личныя достоинства и заслуги (срав. 2-ю сатиру Кантемира). Даже въ сатирахъ, заимствованныхъ у Буало, который былъ ближайшимъ образцомъ Сумарокова, мы находимъ черты русскаго быта и нравовъ: такова, напр., сатира „Кривой толкъ", въ которой Сумароковъ изобразилъ типы льстеца, невѣжи и гордеца, чванящагося

своимъ происхожденіемъ. Во всѣхъ сатирахъ Сумароковъ выступаетъ ярымъ противникомъ невѣжественной старины и убѣжденнымъ сторонникомъ новаго просвѣщенія и разумныхъ преобразованій въ государственной жизни. Сумароковымъ написано также не мало сатирическихъ статей въ прозѣ, большинство которыхъ направлено противъ подьячихъ, съ ихъ склонностью къ крючкотворцу и взяткамъ („акциденціямъ“).

Его басни.

Къ числу сатирическихъ произведеній Сумарокова можно отнести также и его *басни* („притчи“), очень многочисленныя (ок. 400). Въ художественномъ отношеніи онѣ довольно слабы, отличаются растянутостью и написаны тяжелымъ языкомъ, но и въ нихъ иногда встрѣчаются живыя черты, взятыя изъ современнаго быта, напр., въ басняхъ, направленныхъ противъ приказныхъ („Двѣ дочери подьячихъ“, „Протоколъ“ и др.). Наконецъ, Сумароковъ выступалъ и въ качествѣ журналиста; ему принадлежитъ изданіе перваго въ Россіи чисто литературнаго журнала: это была „*Трудолюбивая Пчела*“ (1759 г.) въ которой онъ помѣщалъ различныя сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ [1]).

4. Основаніе русскаго театра (Волковъ).

Значительная заслуга принадлежитъ Сумарокову также въ дѣлѣ учрежденія и первоначальной организаціи постояннаго *русскаго театра*. Попытка Петра Вел. устроить въ Москвѣ народную сцену окончилась неудачей, но потребность въ театральныхъ зрѣлищахъ, несомнѣнно, продолжала существовать въ русскомъ обществѣ. Начиная съ царство-

---

1) Кромѣ разсмотрѣнныхъ, Сумарокову принадлежитъ еще великое множество другихъ произведеній. Подражая Вольтеру, онъ стремился быть писателемъ *универсальнымъ* и хотѣлъ дать на русскомъ языкѣ образцы во всѣхъ литературныхъ родахъ, признаваемыхъ псевдо-классической теоріей: онъ сочинялъ *оды, идилліи, эклоги, элегіи, эпиграммы, посланія* и т. д. Всѣ эти произведенія лишены всякой оригинальности и написаны по выработаннымъ во французской литературѣ шаблонамъ. Содержаніе ихъ отличается условностью и искусственностью, а языкъ очень тяжелъ и неправиленъ. Тѣмъ не менѣе Сумароковъ очень высоко ставилъ свои литературныя произведенія и совершенно серьезно сравнивалъ себя съ Расиномъ и Мольеромъ. „Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ,—писалъ онъ, напр., о своихъ пьесахъ,—то нынѣ Россія стараніями моими увидѣла“. Преувеличенный взглядъ на свои заслуги нерѣдко приводилъ Сумарокова къ столкновеніямъ съ Ломоносовымъ, изъ-за вопроса о литературномъ первенствѣ. Въ этихъ спорахъ онъ часто проявлялъ черты чрезмѣрнаго авторскаго самолюбія и мелочной раздражительности.—Не обладая значительнымъ талантомъ, Сумароковъ однако отличался чрезвычайной, горячей любовью къ литературѣ и высокимъ мнѣніемъ о ея роли и значеніи въ обществѣ. Въ этомъ отношеніи онъ, несомнѣнно, превосходилъ Ломоносова, для котораго занятіе поэзіей имѣло второстепенное, служебное значеніе, и который укорялъ Сумарокова за то, что онъ „жалкое свое риемичество выше всего ставитъ“. Сумароковъ видѣлъ въ поэзіи не праздную забаву или украшеніе жизни, а считалъ ее важнымъ серьезнымъ „дѣломъ“, имѣющимъ совершенно самостоятельное значеніе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ *первымъ русскимъ писателемъ*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, т.-е. человѣкомъ, смотрящимъ на литературу, какъ на свое исключительное призваніе и всецѣло посвятившимъ ей свою жизнь и свои силы.

ванія Анны Іоанновны, при дворѣ существовалъ иностранный театръ, на которомъ ставились итальянскія оперы, а также нѣмецкіе и французскіе спектакли, разыгрываемые выписанными изъ-за границы труппами; но эти спектакли были доступны лишь избранной публикѣ. Для народа же устраивались иногда театральныя представленія во время святочныхъ празднествъ [1]). Попрежнему въ духовныхъ школахъ происходили традиціонныя „дѣйства“; но и въ свѣтскую школу проникъ также интересъ къ театру: такъ, среди воспитанниковъ Сухопутнаго шляхетнаго корпуса образовался кружокъ любителей театра, которые въ 1749 г. поставили трагедію Сумарокова „Хоревъ“. Приглашенный на спектакль авторъ остался чрезвычайно доволенъ игрою кадетъ и принялъ дѣятельное участіе въ дальнѣйшихъ спектакляхъ, на которыхъ, подъ его руководствомъ, были разыграны и прочія написанныя имъ до тѣхъ поръ піесы. Кадетскими спектаклями заинтересовалась также и императрица, неоднократно присутствовавшая на нихъ. Такъ какъ подходящихъ для исполненія піесъ было мало, то государыня прибѣгала даже къ рѣшительному средству для пополненія репертуара и въ 1750 г. именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣла профессорамъ Ломоносову и Тредьяковскому „сочинить по трагедіи“. Написанная Ломоносовымъ трагедія „Тамира и Селимъ“ была въ слѣдующемъ году разыграна кадетами въ присутствіи всего двора, но произведеніе Тредьяковскаго („Деидамія“) такъ и не было поставлено на сценѣ, такъ какъ исполнители никакъ не могли разучить ее, вслѣдствіе необыкновенно тяжелаго и неуклюжаго языка, которымъ она была написана.

На одинъ изъ кадетскихъ спектаклей случайно попалъ пріѣхавшій въ Петербургъ по торговымъ дѣламъ молодой ярославскій купецъ и заводчикъ *Ѳедоръ Волковъ*, и театральное зрѣлище такъ понравилось ему, что, вернувшись къ себѣ въ Ярославль, онъ рѣшился съ помощью братьевъ и знакомой молодежи устроить подобныя же представленія. Волковъ съ большой любовью и рвеніемъ принялся за это дѣло. Первые спектакли устраивались въ кожевенномъ сараѣ, при чемъ сами исполнители писали декораціи, кроили костюмы и проч. Репертуаръ состоялъ изъ трагедій Сумарокова, духовныхъ драмъ и нѣкоторыхъ переводныхъ піесъ. Спектакли Волкова пользовались большимъ успѣхомъ среди ярославской публики, и вскорѣ молва о нихъ достигла Петербурга. Императрица Елизавета Петровна повелѣла доставить ярославскую труппу въ столицу, и въ началѣ 1752 г. ярославцами сыграна была на придворной сценѣ первая піеса: духовная драма св. Димитрія Ро-

[1]) Сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ святочныхъ спектакляхъ, дававшихся въ Москвѣ въ царст. Елизаветы Петровны. Участвовали въ нихъ любители, преимущественно изъ молодыхъ подьячихъ и канцеляристовъ; для спектаклей снимался какой-нибудь частный домъ или даже нѣсколько комнатъ, которыя наскоро приспособлялись для устройства зрѣлищъ; публика пускалась на нихъ за небольшую плату. Отъ 1749 года сохранился перечень пьесъ, исполнявшихся на этихъ святочныхъ спектакляхъ; любопытно отмѣтить, что всѣ онѣ представляютъ собой сценическую передѣлку популярныхъ въ то время романовъ („О храбромъ Неаполитанской земли герцогѣ Фридрихѣ“, „О Кирѣ, царѣ Перскомъ и о скиѳской царицѣ Тамирѣ“, „О Леандрѣ и Лувизѣ“, „О Ипполитѣ и Жуліи“).

стовскаго: „О покаяніи грѣшнаго человѣка“. Спектакль такъ понравился государынѣ, что Волковъ съ нѣсколькими товарищами былъ оставленъ въ Петербургѣ и опредѣленъ въ кадетскій корпусъ, для обученія языкамъ и наукамъ. Наконецъ, въ 1756 г. былъ изданъ указъ объ учрежденіи „русскаго для представленія трагедій и комедій театра“ (30 августа), при чемъ директоромъ его былъ назначенъ Сумароковъ, а Волковъ получилъ званіе „перваго актера“. Кромѣ Волкова въ труппѣ было немало талантливыхъ артистовъ, изъ которыхъ выдѣлялись трагикъ *Дмитревскій* и комикъ *Шумскій*. Первоначально женскія роли, за отсутствіемъ актрисъ, исполнялись также мужчинами, но уже въ 1758 г. появляется на сценѣ первая русская артистка *Троепольская*, талантливая исполнительница женскихъ ролей въ трагедіяхъ Сумарокова. Репертуаръ новаго театра состоялъ изъ произведеній Сумарокова, изъ комедій Волкова и Дмитревскаго; но такъ какъ оригинальныхъ піесъ не хватало, то явилась потребность въ драматическихъ переводахъ: благодаря этому въ короткое время были переведены почти всѣ комедіи Мольера и многія произведенія другихъ иностранныхъ авторовъ (напр., Детуша и Гольберга, датскаго комика). Душою всего дѣла былъ Волковъ, человѣкъ талантливый, энергичный и страстно любившій театральное искусство. Однако дѣятельность его продолжалась недолго: устраивая, по случаю коронаціи Екатерины II, грандіозныя народныя празднества, съ аллегорическими шествіями по улицамъ столицы, онъ схватилъ горячку и скончался, въ расцвѣтѣ силъ, въ 1763 г. [1]).

Ѳ. Г. Волковъ.

[1]) Ѳедоръ Волковъ (род. въ 1729 г.) представляетъ выдающійся типъ даровитаго русскаго самоучки. Онъ былъ не только талантливымъ актеромъ, но также съ успѣхомъ занимался живописью и музыкой. Не получивъ въ молодости правильнаго школьнаго образованія, онъ развилъ свой умъ при помощи усерднаго чтенія. Новиковъ и Фонвизинъ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ бесѣдахъ своихъ онъ выказывалъ себя человѣкомъ разносторонне образованнымъ. Онъ изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ (нѣмецкій, французскій, итальянскій) и переводилъ съ нихъ драматическія произведенія, для постановки на русской сценѣ („Эсеирь“ Расина, „Магометъ“ Вольтера и др.). Театръ онъ любилъ глубокой и безкорыстной любовью. Къ сожалѣнію, о личной жизни этого замѣчательнаго человѣка сохранилось очень мало достовѣрныхъ свѣдѣній.

Волковъ не былъ чуждъ и литературнымъ занятіямъ. Преданіе (не особенно, впрочемъ, достовѣрное), приписываетъ ему нѣсколько оригинальныхъ піесъ бытового характера: („Судъ Шемякинъ“, „Всякій Еремѣй про себя разумѣй“, „Увеселенія московскихъ жителей о масленицѣ“ и др.) Изъ всего написаннаго Волковымъ сохранилось только нѣсколько пѣсенъ въ народномъ духѣ, да сатира: „Хоръ къ превратному свѣту“, составленная имъ для устроеннаго по случаю коронаціи Екатерины II народнаго празднества. Такъ какъ общее руководство празднествомъ было поручено Сумарокову, то и эта сатира ошибочно была приписана ему: на самомъ дѣлѣ она принадлежитъ его ближайшему сотруднику Волкову. Сатира эта входила въ составъ торжественнаго аллегорическаго представленія: „Торжествующая Минерва“, которое должно было придать народному празднеству *поучительный* характеръ. Въ многочисленныхъ „хорахъ“ изображаются различные недостатки современнаго русскаго общества („Хоръ пьяницъ“, „Хоръ игроковъ“, „Хоръ невѣжества“, „Хоръ ко мздоимству“); изъ нихъ наиболѣе удаченъ и остроуменъ написанный Волковымъ „Хоръ къ превратному свѣту“, въ которомъ мѣткая сатира на темныя стороны русской жизни скрыта подъ видомъ прославленія какой-то фантастической идеальной страны „заморемъ“. Характерна также внѣшняя форма этой сатиры, для которой авторъ удачно воспользовался русскимъ народнымъ пѣсеннымъ размѣромъ:

Прилетѣла на берегъ синица
Изъ-за полночнаго моря,
Изъ-за холоднаго океана;
Спрашивали гостью пріѣзжу,
За моремъ какіе обряды.
Гостья пріѣзжа отвѣчала:
Все тамъ превратно на свѣтѣ...
. . . . . .
За моремъ подьячіе честны,
За моремъ писать они умѣютъ,
За моремъ въ подрядахъ не крадутъ,
Откупы за моремъ не въ модѣ,..
Съ крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ,
За моремъ людьми не торгуютъ...
. . . . . .

ГЛАВА VII.

Екатерининская эпоха.

Подъемъ умственной жизни.

Эпоха царствованія Екатерины Вел. была ознаменована сильнымъ подъемомъ въ умственной жизни русскаго общества. Этому немало способствовала сама императрица, отличавшаяся свѣтлымъ умомъ и природной любознательностью, благодаря чему она рано усвоила себѣ руководящія идеи европейскаго просвѣщенія того времени. Подобно другимъ представителямъ «просвѣщеннаго абсолютизма» XVIII вѣка (Фридриху Вел., Іосифу II, Густаву III), она старалась покровительствовать наукамъ и искусствамъ, поддерживала сношенія съ выдающимся писателями и учеными,—напр., вела дѣятельную личную переписку съ Вольтеромъ, и заботилась о распространеніи образованія въ русскомъ обществѣ: въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣлъ указъ о «вольныхъ типографіяхъ» (1783), разрѣшившій устройство частныхъ печатенъ и отмѣнившій правительственную монополію въ типографскомъ дѣлѣ. Покровительство, оказываемое государыней просвѣщенію и литературѣ, много способствовало пробужденію умственныхъ интересовъ въ русскомъ обществѣ.

Усвоеніе западно-европейскихъ идей.

Поэтъ Херасковъ однажды выразился: «Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина душу»; въ этихъ словахъ вѣрно передано различіе между двумя важными эпохами русской исторіи XVIII вѣка: при Петрѣ Вел. русскіе начали усваивать себѣ преимущественно *внѣшнюю,* матеріальную сторону европейской культуры (государственныя установленія, техническія знанія, ремесла, костюмъ, обычаи); въ эпоху же Екатерины II пробудившаяся русская мысль обратилась уже къ внутреннему, *идейному* содержанію европейской культуры, къ усвоенію тѣхъ выводовъ и понятій, до которыхъ дошли европейская наука и философія. Подобная же разница замѣчается и въ отношеніи той и другой эпохи къ образованію: при Петрѣ требовалось преимущественно *спеціальная,* практическая подготовка, техническія познанія; въ эпоху Екатерины уже цѣнится болѣе широкое *общее* развитіе; Петръ искалъ знающихъ работниковъ и заводилъ для подготовки ихъ спеціальныя училища; но только при Екатеринѣ стали интересоваться самыми *принципами* воспитанія и образованія, задумываться надъ вопросами педагогики.

Французское вліяніе.

Въ эпоху Петра Вел. и его ближайшихъ преемниковъ западное вліяніе шло къ намъ преимущественно изъ германскихъ странъ

(Германіи, Голландіи, отчасти Англіи). Господство нѣмцевъ въ царствованіе Анны Іоанновны вызвало сильное недовольство въ русскомъ обществѣ, и потому при имп. Елизаветѣ Петровнѣ нѣмецкое вліяніе ослабѣваетъ, а на смѣну ему начинаетъ распространяться вліяніе французское. Французскій языкъ входитъ въ употребленіе среди свѣтскаго общества и становится необходимой принадлежностью хорошаго воспитанія. Французская литература становится предметомъ изученія и подражанія: наши писатели усваиваютъ себѣ литературныя формы французскаго классицизма (Ломоносовъ, Сумароковъ и др.) и стараются пересадить ихъ на русскую почву, не уходя, впрочемъ, дальше наивнаго и рабскаго подражанія. Вслѣдъ затѣмъ проникаютъ въ русское общество и новыя идеи, выработанныя французской просвѣтительной философіей и отражавшіяся въ произведеніяхъ всѣхъ современныхъ писателей.

1. Французская просвѣтительная философія.

Просвѣтительная философія.

Такъ называемая французская *просвѣтительная философія* не отличалась особенной глубиной и оригинальностью, но имѣла значительное вліяніе на современное общество и на литературу, благодаря своей доступности и благодаря тому, что нашла себѣ талантливыхъ защитниковъ и проповѣдниковъ, въ лицѣ цѣлаго ряда выдающихся писателей, каковы *Вольтеръ, Монтескье, Дидро, Даламберъ, Кондильякъ* и др. Чисто философскіе (метафизическіе) вопросы ихъ мало занимали: вниманіе ихъ сосредоточивалось преимущественно на вопросахъ *моральныхъ, общественныхъ* и отчасти *религіозныхъ*.

Ея раціоналистическій характеръ.

Главной отличительной чертой просвѣтительной философіи XVIII вѣка является ея *раціоналистическій* характеръ, ея глубокая вѣра во всемогущество человѣческаго *разума*. Мыслители и писатели этого направленія сами называли свое время «вѣкомъ разума» и съ презрѣніемъ смотрѣли на предшествующія столѣтія, какъ на эпоху невѣжества и варварства. Въ ихъ литературной дѣятельности можно различить двѣ стороны: одну—*отрицательную*, разрушительную, проявлявшуюся въ ихъ рѣзкой критикѣ старыхъ вѣрованій, традицій и порядковъ. Они боролись противъ всего, что не согласовалось съ критеріемъ разума: противъ суевѣрій и предразсудковъ (напр., противъ вѣры въ колдовство, въ чудеса и предзнаменованія), противъ всевозможныхъ пережитковъ средневѣковаго строя, еще сохранявшихся въ европейскомъ обществѣ (сословныя привилегіи, устарѣлое судопроизводство, пытки и т. д.), противъ религіознаго фанатизма и нетерпимости, противъ всякаго стѣсненія свободы совѣ-

Критика старыхъ началъ.

сти и свободы мысли. «Философы» XVIII вѣка видѣли свою задачу въ утвержденіи разума въ качествѣ единственнаго и верховнаго авторитета и потому крайне враждебно относились ко всякому иному авторитету, напр., къ авторитету церкви, къ авторитету религіи. Значительная доля ихъ усилій направлена была на борьбу съ католической церковью, которой они ставили въ вину многія темныя явленія прошлаго (религіозныя войны, преслѣдованія протестантовъ, ужасы инквизиціи) и въ которой они видѣли главное препятствіе для распространенія своихъ идей. Вообще большинство писателей этой школы было глубоко проникнуто *анти-религіознымъ* духомъ. Среди нихъ особенно отличался въ этомъ отношеніи Вольтеръ, сочиненія котораго наполнены явными и скрытыми нападками на церковное ученіе и преданіе. Но все же онъ, отвергая всякія формы положительной религіи, оставался *деистомъ*, т.-е. признавалъ бытіе личнаго Бога и безсмертіе души. Другіе же писатели доводили свое отрицаніе до крайнихъ предѣловъ и проповѣдывали идеи *атеизма* и грубаго *матеріализма* (Дидро, Гельвецій, Гольбахъ, Ла-Метри). Въ этой борьбѣ французскихъ «философовъ» противъ религіозныхъ вѣрованій, которыми до сихъ поръ жило человѣчество, обнаруживается ихъ поверхностный скептицизмъ и полное непониманіе истиннаго значенія религіи, къ которой нельзя подходить съ холоднымъ разсудочнымъ анализомъ.

Проповѣдь новыхъ идей

Однако дѣятельность представителей французской просвѣтительной философіи не ограничивалась однимъ отрицаніемъ; на ряду съ критикой враждебныхъ имъ началъ, они выступали также въ качествѣ проповѣдниковъ *новыхъ идей и идеаловъ*, въ качествѣ создателей новаго положительнаго міросозерцанія.—Среди множества идей, внесенныхъ ими въ литературу, можно различить три главныхъ, болѣе всего характеризующихъ направленіе ихъ взглядовъ. Это, во-первыхъ, идея *гуманности:* во имя ея «философы» XVIII вѣка боролись противъ рабства, противъ пытокъ и жестокихъ наказаній, противъ несправедливыхъ и притѣснительныхъ законовъ, противъ войны и сопровождающихъ ее ужасовъ; идеей гуманности проникнута, напр., извѣстная въ свое время книга аббата Рейналя, изображающая утвержденіе европейцевъ въ Америкѣ и Индіи и тѣ притѣсненія, которымъ подвергались при этомъ туземцы. Проповѣдь *гуманности* во многомъ способствовала смягченію нравовъ, которое наблюдается въ европейскомъ обществѣ XVIII вѣка и которое подготовило почву для развитія той *чувствительности*, которая съ середины этого вѣка проникаетъ въ литературу и образуетъ въ ней могущественное теченіе, извѣстное подъ именемъ «сентиментализма».

Идея гуманности.

Живой связью между философіей XVIII в. и сентиментализмомъ является Дидро, который, съ одной стороны, тѣсно примыкаетъ къ группѣ мыслителей этого направленія, а съ другой—въ своихъ драмахъ даетъ типическіе образцы «чувствительной» литературы [1]).

Идея прогресса.

Другая идея, чрезвычайно характерная для взглядовъ и убѣжденій «философовъ» XVIII вѣка, это *идея прогресса* [2]). Она естественно вытекала изъ ихъ глубокой вѣры во всемогущество человѣческаго разума и укрѣплялась въ нихъ сознаніемъ громадныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ за послѣдніе два вѣка въ области точныхъ наукъ [3]). Эта вѣра въ непрерывное и безконечное развитіе разума придавала всему міросозерцанію философовъ XVIII вѣка *оптимистическій* характеръ: они были глубоко убѣждены въ близкомъ торжествѣ своихъ идей и въ томъ, что это торжество приведетъ ко всеобщему благополучію, такъ какъ вся жизнь будетъ перестроена на началахъ разумности и цѣлесообразности. — Наконецъ, третья идея, на которой сосредоточивалось вниманіе писателей XVIII вѣка, была идея *общаго блага* (bien publique). Болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, литература останавливается на вопросахъ общественныхъ и политическихъ, выясняетъ различные недостатки государственныхъ учрежденій и всего существующаго строя и пытается указать мѣры для ихъ исправленія. Сознаніе темныхъ сторонъ жизни вызвало яркій рас-

Идея общаго блага.

---

[1]) Въ одномъ произведеніи Дидро выражаетъ пожеланіе, чтобы современную эпоху можно было назвать „вѣкомъ благотворенія и гуманности". Характерно здѣсь сочетаніе этихъ понятій: идея гуманности въ своемъ приложеніи непремѣнно должна была выразиться въ формѣ благотворенія, въ формѣ общественной помощи слабымъ и нуждающимся. Интересно отмѣтить, что самое слово: благотвореніе (bienfaisance) было введено во французскій языкъ однимъ изъ предшественниковъ „философіи" XVIII вѣка, аббатомъ Сенъ-Пьеромъ, авторомъ многочисленныхъ сочиненій и проектовъ, имѣющихъ цѣлью общественное благо; ему, между прочимъ, принадлежитъ и проектъ „вѣчнаго мира", въ которомъ онъ, во имя гуманности, выступаетъ противъ войны и предлагаетъ мѣры для ея устраненія: это сочиненіе является первымъ выраженіемъ идеи пасифизма.

[2]) Идея *прогресса* неоднократно встрѣчается у Вольтера (Le Mondain, Le présent et le passé); она лежитъ въ основѣ знаменитаго предисловія (Discours préliminaire) Даламбера къ Энциклопедіи; наиболѣе полное выраженіе она нашла въ сочиненіи Кондорсэ: „Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain" (1794).

[3]) Система Коперника, гипотеза всемірнаго тяготѣнія Ньютона, открытіе законовъ кровеобращенія (Гарвей), открытіе дифференціальнаго счисленія (Лейбницъ), и т. д. Интересъ къ научнымъ знаніямъ сталъ распространяться и въ обществѣ; этимъ объясняется значительный успѣхъ нѣкоторыхъ произведеній, излагавшихъ въ общедоступной формѣ научныя теоріи и гипотезы; такова, напр., книга Фонтенеля: „О множественности міровъ" (переведенная на русскій языкъ Кантемиромъ). Прекраснымъ популяризаторомъ былъ и Вольтеръ, распространявшій во французскомъ обществѣ идеи Ньютона и Локка.

цвѣтъ *общественной сатиры* («Персидскія письма» Монтескье, «Свадьба Фигаро» Бомарше, различныя сатирическія произведенія въ стихахъ и въ прозѣ Вольтера), а желаніе найти способы къ исправленію этихъ золъ вызвало особенный интересъ къ вопросамъ *законодательства,* къ вопросамъ *о происхожденіи общества и государства, о роли и задачахъ правительственной власти* («О духѣ законовъ» Монтескье, политическіе трактаты Руссо, многія статьи Энциклопедіи). Считая, что общее благо немыслимо безъ свободнаго самоопредѣленія личности, писатели-философы являлись въ своихъ произведеніяхъ восторженными проповѣдниками *свободы* (свободы совѣсти, свободы слова и печати, свободы политической). Вмѣстѣ съ тѣмъ они, борясь противъ пережитковъ феодальнаго строя, предоставлявшаго громадныя привилегіи высшимъ сословіямъ, дворянству и духовенству, выступали съ требованіями *равенства*, т.-е. предоставленія всѣмъ гражданамъ государства одинаковыхъ правъ: этимъ они шли навстрѣчу пожеланіямъ французской буржуазіи, достигшей высокаго уровня матеріальнаго и умственнаго развитія и потому очень тяготившейся своимъ подчиненнымъ положеніемъ въ государственной жизни. Не ограничиваясь провозглашеніемъ отвлеченнаго принципа свободы и равенства, писатели-философы выступали съ цѣлой программой положительныхъ *реформъ,* долженствовавшихъ осуществить исповѣдуемый ими принципъ общаго блага: они требовали преобразованія устарѣвшихъ государственныхъ учрежденій (напр., французскихъ провинціальныхъ парламентовъ), уничтоженія административнаго произвола (lettres de cachet), обновленія стараго судопроизводства, измѣненія податной системы, облегченія торговли и т. д. [1]). Кромѣ законодательства, писатели-философы

[1]) Чрезвычайно характернымъ для философовъ XVIII в. является ихъ глубокая вѣра въ силу и значеніе законодательныхъ актовъ. Они были убѣждены, что стоитъ только издать хорошіе, основанные на началахъ разумности и справедливости законы, какъ тотчасъ наступитъ всеобщее благополучіе, исправятся нравы людей, исчезнутъ всѣ темныя явленія жизни. Гельвецій, одинъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей просвѣтительной философіи, говоритъ: „нѣтъ дурныхъ нравовъ; есть только дурные законы". Исходя изъ этого убѣжденія, философы XVIII в. стремились оказать непосредственное воздѣйствіе на законодательство въ духѣ своихъ идеаловъ. Они возлагали большія надежды на нѣкоторыхъ современныхъ монарховъ, представителей просвѣщеннаго абсолютизма (Екатерина Вел., Фридрихъ Вел., Іосифъ II, Густавъ III), положившихъ въ основу своихъ преобразованій либеральныя идеи, выработанныя французскими мыслителями. Въ самой Франціи носителями либеральныхъ стремленій выступали такъ называемые „физіократы", создавшіе цѣлую программу реформъ, имѣвшихъ задачей поднятіе народнаго благосостоянія (Кенэ, Гурнэ, Тюрго). Когда Тюрго сталъ во главѣ министерства, „философы" привѣтствовали его появленіе, какъ событіе, открывающее новую эру въ исторіи.

XVIII вѣка обнаруживали также большой интересъ къ вопросамъ *воспитанія*, такъ какъ полагали, что раціональное воспитаніе есть необходимое условіе для осуществленія идеала общаго блага; среди литературныхъ произведеній, всецѣло посвященныхъ этому вопросу, первое мѣсто занимаетъ «Эмиль» Руссо, имѣвшій громадное вліяніе на педагогическіе взгляды современниковъ.

Отраженіе философскихъ идей въ литературѣ.

Писатели-„философы“ XVIII вѣка были чрезвычайно ревностными пропагандистами своихъ идей и идеаловъ. На литературу они смотрѣли преимущественно, какъ на могущественное средство для борьбы противъ традиціонныхъ взглядовъ и ученій и для распространенія своихъ собственныхъ теорій. Они пользовались для этого всѣми видами литературныхъ произведеній, вводя идейный, „философскій“ элементъ въ театральныя піесы, въ поэмы, романы, оды и т. д. Благодаря этому литература XVIII в. пріобрѣтаетъ по преимуществу поучительный, *дидактическій* характеръ. Задачи чисто художественныя отступали при этомъ на второй планъ: оттого въ произведеніяхъ даже наиболѣе талантливыхъ писателей-„философовъ“ мало истинной поэзіи, художественной красоты, но много сухой разсудочности и риторики. Типичнымъ образцомъ въ этомъ отношеніи является Вольтеръ: большинство его произведеній написано имъ или съ полемической цѣлью, или съ цѣлью пропаганды новыхъ философскихъ идей. Такъ, напр., крупнѣйшее его произведеніе, героическая поэма *Генріада* („La Henriade“) написана имъ для прославленія идеи вѣротерпимости, трагедія *Магометъ* направлена противъ религіознаго фанатизма, дидактическія поэмы *Разсужденіе о человѣкѣ* („Discours sur l'homme“) и *Естественный законъ* („La loi naturelle“) посвящены изложенію его моральныхъ и религіозныхъ взглядовъ, а такъ называемые *философскіе романы* („Кандидъ“, „Микромегасъ“, „Принцесса Вавилонская“ и др.) представляютъ собой живую иллюстрацію его общихъ идей, изложенныхъ въ легкой и остроумной формѣ [1]). Чрезвычайно важнымъ орудіемъ для пропаганды фи-

---

[1]) Особенно охотно писатели XVIII в. прибѣгали для проведенія своихъ взглядовъ и стремленій къ драматической формѣ. Такъ, напр., почти всѣ піесы Дидро посвящены или обличенію какихъ-либо старыхъ предразсудковъ, или же представляютъ собой апологію новыхъ, „философскихъ“ идей. Такой же *тенденціозный* характеръ носитъ и большинство произведеній Себастьяна Мерсье, который считалъ, что театръ призванъ былъ школой гражданской добродѣтели и народнаго просвѣщенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ постановка драматическихъ произведеній являлась событіемъ политической важности: такое значеніе имѣла, напр., постановка комедій Бомарше: „Севильскій цырульникъ“ и „Свадьба Фигаро“, направленныхъ противъ разныхъ изъяновъ „стараго порядка“ (ancien régime): феодальныхъ пережитковъ, сословныхъ привилегій, произвола администраціи, недостатковъ судопроизводства и т. д. Лирическія и эпическія произведенія также наполняются пространными разсужденіями на самыя разнообразныя темы. Характерной чертой литературы XVIII в. является пышный расцвѣтъ *дидактической поэзіи*. Этимъ преобладающимъ вкусомъ эпохи объясняется, напр., чрезвычайный успѣхъ поэмы Фенелона „Приключенія Телемака“, наполненной нравственными поученіями и разсужденіями о гражданскихъ добродѣтеляхъ, о задачахъ

лософскихъ идей была также *Энциклопедія* (1751—1772), имѣвшая большое вліяніе на умы современнаго общества.

Подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ настойчивой пропаганды „философскихъ“ идей, проникавшихъ въ публику черезъ посредство литературныхъ произведеній, къ серединѣ XVIII в. начинаетъ слагаться новая сила, сила *общественнаго мнѣнія*, получающаго важное значеніе въ жизни европейскихъ странъ. Руководителями общественнаго мнѣнія являются вліятельные писатели, къ голосу которыхъ прислушиваются всѣ круги общества [1]). Вліяніе „философовъ“ не ограничивается одной Франціей, но распространяется на всѣ цивилизованныя страны Европы. Образованный классъ общества усваиваетъ себѣ новыя идеи, выработанныя во Франціи, какъ усваивалъ онъ раньше готовыя формы французскаго классицизма. Вліяніе „философскихъ“ идей проникаетъ и въ область законодательства и политической жизни: представители такъ называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма“, въ своей реформаторской дѣятельности, исходили изъ этихъ идей, стремясь провести ихъ въ жизнь. Въ самой Франціи подобныя реформаціонныя попытки были произведены Тюрго въ началѣ царствованія Людовика XVI, хотя онѣ окончились неудачей, вслѣдствіе сопротивленія, встрѣченнаго министромъ-реформаторомъ со стороны привилегированныхъ сословій. Громадную роль идеи просвѣтительной философіи сыграли въ эпоху революціи: программы „наказовъ“ депутатовъ третьяго сословія (cahiers des doléances) во многомъ повторяютъ пожеланія, выраженныя въ литературѣ, знаменитая „*Декларація правъ*“ 1791 года представляетъ собой выраженіе основныхъ принциповъ философіи XVIII вѣка, а многія реформы, проведенныя революціей, являются осуществленіемъ идей, выработанныхъ писателями-„философами“ предшествующей эпохи (отмѣна сословныхъ привилегій, свобода слова и печати, судъ присяжныхъ, реформа податной системы и т. д.).

Ростъ общественнаго мнѣнія.

правителя и тому под. Поэма Рутэ „Les Mois“ („Мѣсяцы года“) содержитъ въ себѣ всевозможныя свѣдѣнія по физикѣ, химіи, геологіи, ботаникѣ, медицинѣ и др. наукамъ. Делиль, авторъ описательной поэмы „Сады“, написалъ также поэму „Три царства природы“, въ которой онъ изложилъ всю систему современнаго естествознанія. Дидактизмъ проникалъ даже въ лирику; въ своихъ одахъ французскіе поэты нерѣдко касались разнообразныхъ научныхъ вопросовъ: таковы, напр., „Ода о физическихъ причинахъ землетрясеній“ Лебрена, „Ода о неподвижномъ солнцѣ среди планетъ“ Мальфилатра, даже ода „объ оспопрививаніи“ (De l'Inoculation) Дора.

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко измѣняется и общественное значеніе литераторовъ, возрастаетъ ихъ авторитетъ. Въ предшествующую эпоху, напр., при Людовикѣ XIV, они болѣе или менѣе зависѣли отъ двора, отъ вельможъ, отъ правительства; теперь писатели (gens de lettres) становятся внушительной силой, управляющей умами и устанавливающей репутаціи: недаромъ Вольтера называли „некоронованнымъ королемъ Европы“.—Значительную роль въ созданіи общественнаго мнѣнія сыграли и *салоны*, процвѣтавшіе въ теченіе всего XVIII вѣка. Хозяйками этихъ салоновъ были нѣкоторыя выдающіяся и образованныя женщины (m-me Жофренъ, Дю-Дефанъ, д'Эпинэ и др.); но главными лицами въ этихъ кружкахъ были литераторы, дававшіе тонъ собраніямъ. Современники называли эти салоны „канцеляріями ума“ (bureaux d'esprit). Очень серьезное значеніе имѣли салоны Гельвеція и барона Гольбаха, въ которыхъ собирался кружокъ энциклопедистовъ.

Вліяніе англійскихъ мыслителей.

Ближайшими предшественниками французской просвѣтительной философіи XVIII в. были англійскіе мыслители: Бэконъ, Локкъ, Ньютонъ и нѣк. др.; французскіе писатели изъ школы энциклопедистовъ являются ихъ прямыми учениками и послѣдователями, ревностно популяризировавшими ихъ идеи и теоріи: въ ихъ легкомъ и доступномъ изложеніи съ этими идеями знакомилась не только Франція, но и все европейское общество. Среди этихъ заимствованныхъ изъ Англіи философскихъ ученій, два имѣли особенное значеніе для развитія французской мысли: Деизмъ и сенсуализмъ.

во-первыхъ, усвоенное Вольтеромъ ученіе англійскихъ *деистовъ* [1]) о такъ называемой „естественной религіи", которую они хотѣли основать на началахъ разума, отвергая значеніе традиціи и Откровенія, и стараясь устранить изъ нея все мистическое и чудесное (Толандъ, Коллинзъ, Тиндаль, Шэфтсбери, Болинброкъ). Во-вторыхъ, всеобщее распространеніе среди французскихъ писателей школы энциклопедистовъ получила теорія *сенсуализма*, изложеніе которой они находили въ сочиненіи англійскаго философа Локка „О человѣческомъ разумѣніи". Согласно этой теоріи, вся сумма человѣческихъ познаній проистекаетъ изъ чувственныхъ впечатлѣній, въ основѣ всякой идеи лежитъ какое-либо *ощущеніе,* переработанное силою разума [2]). На этомъ основаніи послѣдователи сенсуализма отрицали ученіе Декарта о врожденныхъ идеяхъ: по ихъ мнѣнію, душа человѣка представляетъ собой „чистую доску" (tabula rasa), на которой жизненный опытъ наноситъ свои узоры, слагающіеся изъ чувственныхъ впечатлѣній, изъ коихъ возникаютъ затѣмъ всѣ наши представленія и понятія. На сенсуализмѣ основаны и всѣ *психологическіе* взгляды французскихъ писателей-энциклопедистовъ, наиболѣе полно выраженные въ сочиненіяхъ Кондильяка: „О происхожденіи человѣческихъ познаній" (1746) и въ „Трактатѣ объ ощущеніяхъ" (1754); а характеръ современной психологіи, въ свою очередь, отразился на *педагогическихъ* теоріяхъ, привлекавшихъ къ себѣ особенное вниманіе тогдашней литературы (взглядъ на дѣтскую душу, какъ на tabula rasa, вѣра во всемогущество воспитательнаго воздѣйствія, въ возможность путемъ воспитанія создать „новую породу людей"). Наконецъ, сенсуализмъ наложилъ яркій отпечатокъ и на *моральныя* идеи современниковъ. Гельвецій, въ своихъ книгахъ: „О душѣ" (1758) и „О человѣкѣ" (1772), пытался построить цѣлую систему морали, исходя изъ предположенія, что единственной двигательной пружиной человѣческихъ поступковъ служатъ стремленіе къ наслажденію и боязнь страданія; онъ полагалъ, что въ основѣ всего поведенія людей лежатъ *эгоистическіе* мотивы, соображенія пользы и выгоды (утилитарный принципъ). Къ подобному же взгляду склонялся и Вольтеръ, который, въ противоположность аскетической христіанской морали, основанной на долгѣ и самоотреченіи, пропагандировалъ въ своихъ произведеніяхъ *эпикурей-*

Отраженіе сенсуализма въ психологіи, педагогикѣ и морали.

---

[1]) *Деизмъ*—отъ латинскаго Deus (Богъ). Деисты отвергали всѣ существующія формы религій, основанныхъ на Откровеніи, отрицали догматы и обряды, но признавали существованіе личнаго Бога и безсмертіе души.

[2]) *Сенсуализмъ*—отъ слова sensus (чувство, ощущеніе). Основное положеніе сенсуализма: nihil est in intellectu quod non ante fuerit in sensu (нѣтъ ничего въ умѣ, чего не существовало раньше въ ощущеніи).

скую мораль, предоставляющую человѣку свободное развитіе природныхъ инстинктовъ, изъ которыхъ главнымъ онъ признавалъ стремленіе къ наслажденію (напр., въ дидактич. поэмѣ: „Разсужденіе о человѣкѣ“). — Отъ сенсуализма нѣкоторые изъ крайнихъ послѣдователей этого направленія перешли къ грубому *матеріализму*, отрицающему всякую самостоятельность душевнаго начала въ человѣкѣ: напр., баронъ Гольбахъ („Система природы“) и Ла-Метри („Человѣкъ-машина“).

Главнѣйшіе представители франц. просвѣтительной философіи.

Изъ числа французскихъ писателей „просвѣтительнаго“ направленія наибольшее значеніе имѣли Монтескье, Вольтеръ и Дидро. Первые два принадлежали къ старшему поколѣнію и отличались болѣе умѣренными взглядами; послѣдній, Дидро, является представителемъ младшаго поколѣнія, дѣятельность его относится къ болѣе позднему времени (ко второй половинѣ вѣка) и взгляды отличаются значительно бо́льшею смѣлостью, приводящей его иногда къ крайнимъ и парадоксальнымъ выводамъ.

Монтескье.

Главный трудъ *Монтескье* (1689—1755)—книга „О духѣ законовъ“ (De l'esprit des lois, 1748). Она отличается чрезвычайнымъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія и представляетъ собой первую попытку выяснить условія, опредѣляющія бытъ и нравы, политическій строй и общественную организацію различныхъ народовъ. Среди этихъ условій Монтескье особенно отмѣчаетъ вліяніе *климата* и вообще всей естественной обстановки, налагающей яркій отпечатокъ на жизнь и характеръ каждаго народа. Монтескье признаетъ строгую закономѣрность развитія общества и государства и старается прослѣдить, чѣмъ это развитіе обусловливается, какимъ законамъ оно подчиняется; съ этой стороны онъ является основателемъ новой науки — *соціологіи*, т.-е. науки объ обществѣ.—Монтескье былъ не только ученымъ изслѣдователемъ, но и политическимъ мыслителемъ-теоретикомъ. Онъ не ограничивался выясненіемъ естественныхъ законовъ, согласно которымъ складывается жизнь народовъ, но старался также опредѣлить преимущества и недостатки различныхъ формъ правленія и связанныхъ съ ними законовъ и установленій. При этомъ самъ Монтескье склонялся къ формѣ умѣренной монархіи, образцомъ которой служила для него Англія: англійская конституція, основанная на принципѣ строгаго раздѣленія и равновѣсія трехъ властей (законодательной, исполнительной и судебной), по его мнѣнію, лучше всего обезпечиваетъ свободу гражданъ и господство законности. Вообще же Монтескье полагалъ, что лучшіе законы тѣ, которые наиболѣе приспособлены къ характеру и потребностямъ народа, и что задачею всякаго законодательства должно быть общее благо.

Вольтеръ.

Дѣятельность *Вольтера* (1694—1778) отличалась рѣдкой продолжительностью и необыкновенной продуктивностью. Произведенія его чрезвычайно разнообразны: онъ писалъ поэмы, трагедіи, романы, сатиры, оды, посланія, всевозможныя легкія стихотворенія, полемическіе памфлеты, научныя и философскія статьи, историческія сочиненія, критическія разсужденія и, кромѣ того, велъ обширную переписку со многими выдающимися лицами разныхъ странъ Европы, въ томъ числѣ и съ императрицей Екатериной. Эта неутомимая и разносторонняя дѣятельность создала ему славу перваго писателя своего времени, такъ что весь XVIII вѣкъ называютъ иногда „вѣкомъ Вольтера“.

Въ дѣятельности Вольтера можно различать двѣ стороны: чисто литературную и философско-просвѣтительную. Какъ поэтъ, Вольтеръ былъ строгимъ послѣдователемъ старой классической школы и по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ тѣсно примыкалъ къ Буало. Вообще онъ не обладалъ сильнымъ поэтическимъ талантомъ, и потому его поэмы („Генріада“) и трагедіи („Эдипъ“, „Заира“, „Меропа“), написанныя съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ „правилъ“ классической поэтики, не отличались особенными художественными достоинствами, хотя и пользовались у современниковъ большимъ успѣхомъ. Литературною формой онъ часто пользовался съ *тенденціозными* цѣлями, для пропаганды своихъ идей; такъ, напр., его „Генріада“ написана главнымъ образомъ для прославленія идеи вѣротерпимости: героемъ этой поэмы является король Генрихъ IV, положившій конецъ религіознымъ войнамъ во Франціи (Нантскій эдиктъ). Точно также и въ своихъ трагедіяхъ онъ нерѣдко влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ длинныя тирады, направленныя противъ фанатизма, нетерпимости и т. д. (напр., въ трагедіи „Магометъ“). Довольна значительную группу среди произведеній Вольтера составляютъ *дидактическія* поэмы, въ которыхъ онъ касался того или другого философскаго вопроса; такова, напр., его поэма: „На разрушеніе Лиссабона“, написанная подъ впечатлѣніемъ извѣстій о страшномъ землетрясеніи, почти совершенно уничтожившемъ столицу Португаліи, и проникнутая глубокимъ пессимизмомъ; таково его „Разсужденіе о человѣкѣ“ (Discours en vers sur l'homme), въ которомъ онъ излагаетъ свои взгляды на человѣческую природу и на отношенія между людьми. Наиболѣе удачны тѣ литературныя произведенія Вольтера, въ которыхъ онъ прибѣгаетъ къ своему лучшему оружію—*насмѣшкѣ*, всегда отличавшейся у него язвительностью и остроуміемъ: такъ, напр., однимъ изъ лучшихъ его произведеній является романъ „Кандидъ“, направленный противъ оптимистической философіи Лейбница

Общее міросозерцаніе Вольтера не отличается оригинальностью и не чуждо весьма существенныхъ внутреннихъ противорѣчій. Онъ является преимущественно популяризаторомъ идей англійскихъ мыслителей, Локка и Ньютона: усвоивъ себѣ *сенсуалистическія* теоріи Локка, онъ постоянно боролся противъ Декартовскихъ взглядовъ на природу человѣческой души, противъ ученія о врожденныхъ способностяхъ и т. д.; однако Вольтеръ никогда не доходилъ до открытаго матеріализма, до отрицанія самостоятельнаго существованія души. Въ религіозномъ отношеніи онъ былъ *деистомъ*, т.-е. признавалъ существованіе Высшаго Существа, но отрицалъ христіанство, идею искупленія, вѣру въ Провидѣніе; лишенный всякаго религіознаго чувства [1]), онъ часто позволялъ себѣ легкомысленно глумиться надъ наиболѣе высокими предметами и догматами христіанскаго вѣроученія, вызывая этимъ противъ себя страстное негодованіе вѣрующихъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ роскошномъ имѣніи Фернэ (близъ Женевы) онъ построилъ церковь, съ горделивой надписью: Deo erexit Voltaire.—Какъ человѣкъ, Вольтеръ далеко

[1]) Всякая религія казалась ему изобрѣтеніемъ жрецовъ, обманывающихъ народъ для того, чтобы держать его въ страхѣ и повиновеніи; такимъ сознательнымъ обманщикомъ является, напр., Магометъ въ трагедіи Вольтера.

не отличался высокими нравственными качествами: онъ былъ тщеславенъ, мелоченъ, неуживчивъ, мстителенъ; проповѣдуя свободу и равенство, онъ въ то же время съ нескрываемымъ презрѣніемъ относился къ низшимъ, къ народу, и льнулъ къ высшимъ, къ аристократіи; когда это было нужно и выгодно, онъ не останавливался передъ явною лестью: прославлялъ въ панегирическихъ одахъ Людовика XV (Poème de Fontenoy), писалъ мадригалы его фавориткѣ маркизѣ Помпадуръ и т. д.; напротивъ того, по отношенію къ своимъ личнымъ врагамъ онъ не зналъ пощады, преслѣдуя ихъ своими ядовитыми насмѣшками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Вольтеръ нерѣдко способенъ былъ проявить большую сердечную отзывчивость, какъ это показываетъ его участіе въ дѣлѣ Каласа, невинно осужденнаго и казненнаго по обвиненію въ убійствѣ своего сына: Вольтеръ увидѣлъ въ немъ жертву ненавистнаго ему религіознаго фанатизма, такъ какъ главнымъ обвинителемъ Каласа было католическое духовенство, доказывавшее, что Каласъ (протестантъ) убилъ своего сына за его переходъ въ католичество. Вольтеръ энергично взялся за дѣло и послѣ долгихъ усилій добился полной реабилитаціи несчастной жертвы судебной ошибки.

Дидро.

Литературная дѣятельность *Дидро* (1713 — 1784) также весьма обширна и разнообразна. Онъ писалъ романы, драматическія произведенія, критическія статьи, научныя разсужденія и т. д. Въ противоположность Вольтеру, онъ былъ *новаторомъ* въ литературѣ: такъ, онъ создалъ теорію *драмы* или „мѣщанской трагедіи“, и самъ написалъ нѣсколько піесъ въ новомъ духѣ. Въ своихъ „Салонахъ“, представлявшихъ собой отчетъ о ежегодныхъ картинныхъ выставкахъ, онъ далъ прекрасные образцы художественной критики. Лучшимъ его произведеніемъ является романъ „Племянникъ Рамо“ (напечатанный, впрочемъ, уже послѣ его смерти). Характерной чертой Дидро, какъ писателя, является его стремленіе къ *реализму*, отвращеніе ко всему искусственному и прикрашенному: въ своихъ критическихъ статьяхъ онъ постоянно требовалъ отъ писателей и художниковъ изученія „натуры“, строгаго соблюденія дѣйствительности. Нѣкоторыми сторонами своего творчества онъ соприкасался съ новымъ, *сентиментальнымъ* направленіемъ въ литературѣ: такъ, онъ требовалъ, чтобы писатели воздѣйствовали на нравственное чувство читателей, проводили въ своихъ произведеніяхъ извѣстныя *моральныя* идеи: такъ и самъ онъ поступалъ въ своихъ драмахъ, въ которыхъ онъ ставитъ различные вопросы, касающіеся преимущественно семейныхъ отношеній (напр., въ драмѣ „Le père de famille“). По своей пылкой натурѣ, Дидро былъ очень склоненъ къ крайностямъ и увлеченіямъ: поэтому въ его сочиненіяхъ много противорѣчиваго и парадоксальнаго. Это же пристрастіе къ крайнимъ выводамъ сказывается и въ его философскихъ взглядахъ, напр., въ его матеріалистическихъ и атеистическихъ воззрѣніяхъ, которыя онъ проводилъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ и разсужденіяхъ.

Энциклопедія и энциклопедисты.

Дидро, вмѣстѣ съ математикомъ *Даламберомъ* (D'Alembert), былъ главнымъ редакторомъ *„Энциклопедіи“* (1751—1772), громаднаго труда, обнимавшаго всѣ области человѣческаго знанія. Къ участію въ этомъ изданіи было привлечено большинство современныхъ выдающихся писателей, примыкавшихъ къ новому философскому направленію (Вольтеръ,

Кондильякъ, Тюрго, Бюффонъ и др.). Въ первомъ томѣ было помѣщено написанное Даламберомъ предисловіе (Discours préliminaire), въ которомъ авторъ даетъ общую классификацію наукъ, указываетъ ихъ взаимную связь, а также излагаетъ вкратцѣ исторію ихъ развитія. „Энциклопедія“ преслѣдовала двѣ задачи: съ одной стороны, она давала свѣдѣнія по всевозможнымъ наукамъ и такимъ образомъ какъ бы подводила *итоги* успѣхамъ, уже достигнутымъ человѣческой мыслью; а съ другой стороны, она заключала въ себѣ немало *полемическихъ* статей, направленныхъ противъ старыхъ вѣрованій, взглядовъ и порядковъ, и посвященныхъ пропагандѣ новыхъ философскихъ идей. Несмотря на преслѣдованія французскаго правительства, „Энциклопедія“ достигла значительнаго распространенія и пользовалась большимъ вліяніемъ на умы современнаго общества. Она объединила въ одно могущественное цѣлое разрозненныя силы отдѣльныхъ литераторовъ и ученыхъ, составлявшихъ особую группу, получившую у историковъ названіе *энциклопедистовъ* [1]).

Жанъ-Жакъ Руссо.

Совершенно особое, независимое мѣсто среди французскихъ «философовъ» XVIII вѣка занимаетъ *Жанъ-Жакъ Руссо* (1712—1778). Онъ не только не примкнулъ къ общему теченію умственной жизни того времени, какъ оно выразилось въ идеяхъ «просвѣтительной философіи», въ ученіяхъ «энциклопедистовъ», но онъ отнесся къ этимъ идеямъ и ученіямъ съ рѣзкимъ отрицаніемъ, выступилъ противъ нихъ съ рѣшительнымъ протестомъ. Причина такого враждебнаго отношенія Руссо къ идеямъ просвѣтительной философіи заключается въ коренномъ противорѣчіи между самыми основными положеніями этой философіи и его собственнымъ міросозерцаніемъ. И Вольтеръ, и энциклопедисты были убѣжденными сторонниками *раціонализма*, т.-е. такого философскаго ученія, которое стремится всѣ явленія дѣйствительности объяснить путемъ *разума* и считаетъ возможнымъ построить все міросозерцаніе (включая сюда религію и мораль) на чисто разсудочныхъ основахъ. Между тѣмъ въ глазахъ Руссо верховнымъ мѣриломъ добра и истины является *чувство;* поэтому одной изъ характерныхъ чертъ ученія Руссо былъ *протестъ*

Его отношеніе къ просвѣтительной философіи.

---

[1]) Когда „Энциклопедія“ подверглась во Франціи запрещенію, имп. Екатерина предложила перенести печатаніе ея въ Россію; однако этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ 1773 г. Дидро, по вызову императрицы, пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ встрѣтилъ съ ея стороны любезный и ласковый пріемъ. Въ бумагахъ Дидро сохранилось нѣсколько проектовъ, касающихся Россіи, напр., обширный планъ организаціи народнаго образованія, начиная съ низшихъ школъ и кончая университетомъ. Государыня любила запросто бесѣдовать съ философомъ, излагавшимъ передъ ней свои взгляды въ блестящихъ импровизаціяхъ. Впослѣдствіи, узнавъ о стѣсненномъ положеніи Дидро, она купила у него его библіотеку, предоставивъ однако ему пользоваться ею пожизненно; послѣ смерти Дидро, его библіотека, какъ и библіотека Вольтера, была привезена въ Россію.

противъ верховенства разума, во имя самостоятельныхъ правъ чувства [1]). При этомъ Руссо, вслѣдствіе своего страстнаго, увлекающагося темперамента, не останавливался даже передъ самыми крайними выводами: враждуя противъ раціонализма, онъ доходилъ до полнаго отрицанія всего того, что создано было дѣятельностью человѣческаго разума, *до отрицанія науки, искусства и всѣхъ культурныхъ формъ общежитія.* Онъ находилъ, что въ первобытномъ состояніи, когда человѣкъ стоялъ ближе къ природѣ и еще не имѣлъ многихъ искусственныхъ потребностей, привитыхъ ему цивилизаціей, онъ былъ гораздо счастливѣе и нравственнѣе. Но подъ вліяніемъ культуры онъ утратилъ первобытную простоту нравовъ, а съ ней вмѣстѣ и внутренній міръ, основанный на согласіи стремленій и потребностей съ естественными законами человѣческой природы. Отрицаніе культуры.

Такимъ образомъ культура, въ глазахъ Руссо, является истиннымъ источникомъ всякаго зла и страданія въ человѣческой жизни. Эту мысль онъ высказалъ впервые въ небольшомъ разсужденіи, написанномъ на тему, предложенную Дижонской академіей: «Способствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ улучшенію нравовъ» (1749). На этотъ вопросъ Руссо отвѣчалъ безусловно отрицательно. Свою мысль о вредѣ наукъ и искусствъ онъ доказывалъ ссылкою на примѣръ Греціи и Рима, которые пали, какъ только исчезла первобытная простота жизни, уступивъ развращающему вліянію цивилизаціи. Все, что способствуетъ ея распространенію, Руссо считаетъ безусловно вреднымъ, напр., книгопечатаніе. Въ своемъ увлеченіи онъ доходитъ до того, что даже восхваляетъ калифа Омара за сожженіе знаменитой Александрійской библіотеки и жалѣетъ, что примѣръ его не нашелъ себѣ подражанія среди христіанскихъ государей. Источникомъ философіи и науки, по мнѣнію Руссо, является пустое любопытство, а источникомъ искусства—тщеславіе. Ученые и философы постоянно расходятся между собою во взглядахъ, на одинъ и тотъ же вопросъ даютъ совершенно различные отвѣты: это доказываетъ, что ихъ ученія полны заблужденій, потому, что истина—одна. Что касается до искусства, то оно вредно Разсужденіе о вредѣ наукъ.

---

[1]) Руссо былъ склоненъ постоянно выдвигать *чувство* на первый планъ въ душевной жизни человѣка. Въ противоположность Декартовской точкѣ зрѣнія, лежащей въ основѣ всей раціоналистической философіи: cogito—ergo sum (я мыслю—слѣдовательно существую), онъ усиленно подчеркивалъ *первенство чувства* надъ разумомъ, утверждалъ, что именно наша способность чувствовать даетъ намъ ощущеніе нашего бытія: „Exister pour nous, c'est sentir; notre sensibilité est incontestablement antérieure à notre intelligence, et nous avons eu des sentiments avant des idées („Emile". IV, p. 95, édit. 1792).

еще потому, что способствуетъ возникновенію роскоши, а роскошь порождаетъ зависть и вражду между людьми. «Разсужденіе» Руссо заканчивается горячимъ призывомъ къ добродѣтели, которая есть единственное неоспоримое и всѣмъ доступное знаніе, такъ какъ законы ея основаны на голосѣ человѣческой совѣсти [1]).

Главнѣйшія сочиненія Руссо.

Несмотря на парадоксальность основной мысли „Разсужденія“, оно было написано съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и искренностью, что Академія присудила за нее премію автору, который сразу сдѣлался знаменитостью. Къ этому первому произведенію примыкаетъ написанное нѣсколько лѣтъ спустя „Разсужденіе о происхожденіи неравенства между людьми“, въ которомъ Руссо старается доказать, что первобытное состояніе было самымъ счастливымъ въ исторіи человѣчества и что оно нарушилось съ водвореніемъ частной собственности, съ учрежденіемъ законовъ и государства. Такой взглядъ на первобытное состояніе, конечно, совершенно ложенъ, потому что въ ту эпоху человѣкъ былъ беззащитенъ передъ стихійными силами природы и влачилъ жалкое существованіе, среди всевозможныхъ опасностей и лишеній. Но самъ Руссо вполнѣ вѣрилъ въ справедливость своего взгляда, не стараясь даже подыскать для него никакихъ историческихъ доказательствъ. Вообще методъ его разсужденія былъ всегда чисто дедуктивный: онъ принималъ въ качествѣ непреложной истины какую-либо мысль, большей частью парадоксальную, и, исходя изъ нея, строилъ цѣлую систему логическихъ выводовъ, не останавливаясь передъ самыми крайними.— *Отрицаніе культуры* и связанная съ нимъ *идеализація первобытнаго состоянія* (l'état de nature), являющіяся главными, господствующими идеями во всемъ міросозерцаніи Руссо, находились въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основными идеями просвѣтительной философіи, съ ея глубокой вѣрою во всемогущество человѣческаго разума и въ прогрессъ. Поэтому представители просвѣтительной философіи относились къ Руссо крайне отрицательно, и, напр., Вольтеръ неоднократно вступалъ съ нимъ въ рѣзкую полемику.

За первыми разсужденіями Руссо, прославившими его имя, послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ произведеній, также имѣвшихъ крупный успѣхъ и глубокое вліяніе на современное общество и литературу. Таковъ его романъ „*Новая Элоиза*“, всецѣло проникнутый духомъ сентиментализма, написанный съ большой силой и страстью, и излагающій исторію несчастной любви молодого, образованнаго человѣка къ дѣвушкѣ, стоящей выше его по своему общественному положенію и принужденной по волѣ родныхъ выйти замужъ за другого.—Въ романѣ: „*Эмиль, или о воспитаніи*“, Руссо излагаетъ свои педагогическіе взгляды; въ нихъ много парадоксальнаго и непримѣнимаго къ дѣлу, но на ряду со странностями встрѣчается не мало здравыхъ и тонкихъ замѣчаній, оказавшихъ значительно вліяніе на дальнѣйшее развитіе

[1]) Изъ всѣхъ видовъ искусства особенно вреднымъ Руссо считаетъ *театръ*; онъ рѣзко критикуетъ обычный взглядъ на театръ, какъ на школу нравовъ, и, напротивъ того, доказываетъ его гибельное вліяніе на общественную нравственность, называетъ его школой лжи и притворства („Lettre à d'Alambert sur les spectacles“ 1758).

педагогики (напр., его указаніе на необходимость съ ранняго возраста развивать въ дѣтяхъ наблюдательность и сообразительность и не перегружать ихъ памяти мертвыми знаніями). Большой интересъ представляетъ въ „Эмилѣ“ изложеніе религіозныхъ взглядовъ Руссо, которому онъ посвятилъ особую главу подъ заглавіемъ: „Исповѣдь савойскаго викарія“ (священника): глубокая религіозность Руссо, его пламенная вѣра въ Провидѣніе, также рѣзко отличаетъ Руссо отъ другихъ „философовъ“ XVIII вѣка, большинство которыхъ было совершенно лишено живого религіознаго чувства.—Свои политическіе взгляды Руссо изложилъ въ сочиненіи *„Общественный договоръ“*, въ основѣ котораго лежитъ идея „верховенства народа“ (la souveraineté du peuple.) Подобно первымъ „Разсужденіямъ“, сочиненіе это написано по чисто дедуктивному методу и лишено всякаго историческаго обоснованія. Тѣмъ не менѣе изложенныя здѣсь теоріи были впослѣдствіи, въ эпоху французской революціи, усвоены одной изъ главныхъ политическихъ партій—якобинцами, и сыграли важную роль въ ходѣ историческихъ событій.

Масонство: его организація.

Весьма значительное вліяніе на умственную жизнь европейскихъ странъ оказало *масонство*, получившее въ серединѣ XVIII в. очень большое распространеніе и привлекшее въ свою среду многихъ выдающихся людей. Орденъ *франкъ-масоновъ*, т.-е. „вольныхъ каменщиковъ“, возникъ въ Англіи въ первой четверти XVIII в. (1717 г.). По своему происхожденію онъ связанъ съ гильдіями и товариществами каменщиковъ, процвѣтавшими въ Средніе Вѣка въ Германіи, Франціи и Англіи и работавшими, иногда въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, надъ созданіемъ величественныхъ готическихъ соборовъ. Впрочемъ, сами масоны возводили свой орденъ къ гораздо болѣе давнему прошлому и связывали его съ построеніемъ знаменитаго іерусалимскаго храма царемъ Соломономъ. Свою организацію и многія подробности своего сложнаго церемоніала масоны заимствовали изъ ремесленныхъ уставовъ средне-вѣковыхъ цеховъ и отъ обрядовъ рыцарскихъ духовныхъ орденовъ. Отдѣльныя масонскія общества составляли *ложу* (фран. loge, англ. lodge, итал. loggia, нѣм. Bauhütte: буквально, хижина или палатка, для храненія строительныхъ орудій); масоны раздѣлялись на *три степени:* на учениковъ, товарищей и мастеровъ; во главѣ ложи стоялъ великій мастеръ, руководившій занятіями членовъ; въ нѣкоторыхъ ложахъ существовала еще особая должность блюстителя или надзирателя, на обязанности котораго лежало подготовлять вновь поступающихъ членовъ („ищущихъ“) къ принятію въ орденъ, а также слѣдить за точнымъ исполненіемъ всѣхъ предписанныхъ уставомъ обрядовъ и церемоній. Масонскіе обряды, особенно тѣ, которые связаны были съ принятіемъ и испытаніемъ новыхъ членовъ, отличались большой сложностью и носили *символическій* характеръ [1]); вообще всевозможные символы играли большую роль въ масонскомъ ритуалѣ: заимствованнымъ изъ обихода строителей-каменьщиковъ предметамъ и орудіямъ, каковы: молотокъ, циркуль, отвѣсъ, лопатка и т. д., масоны придавали особое, символическое значе-

[1]) См. напр., описаніе пріема Пьера въ члены масонской ложи („Война и Миръ“, т. II, ч. II, гл. 4-я).

ніе; такъ, напр., лопатка должна была напоминать о необходимости очищенія сердца отъ дурныхъ помысловъ и страстей, бѣлый фартукъ долженъ былъ означать душевную чистоту и т. п.—Первоначальное масонство имѣло своей задачей *нравственное совершенствованіе* своихъ членовъ, или, какъ выражались сами масоны, „построеніе внутренняго храма добродѣтели въ сердцахъ братій". Масонство должно было связать людей въ одинъ братскій союзъ, независимо отъ ихъ происхожденія, національности и религіи (впрочемъ, въ члены ордена допускались лишь представители *христіанскихъ* вѣроисповѣданій). Изъ этихъ нравственныхъ задачъ ордена проистекала и его *благотворительная* дѣятельность: не ограничиваясь взаимной поддержкой, масоны учреждали школы, больницы, богадѣльни, оказывали помощь бѣднымъ и т. д.—Изъ Англіи масонство вскорѣ перешло на континентъ (первая иностранная ложа была основана въ Парижѣ въ 1725 г.) и стало быстро распространяться по всѣмъ европейскимъ странамъ.—Вслѣдствіе наплыва новыхъ элементовъ, принесшихъ въ орденъ новыя, разнообразныя идеи и стремленія, масонство распалось на нѣсколько *системъ*, довольно рѣзко отличавшихся другъ отъ друга по своему характеру. Въ серединѣ XVIII в. среди масонства начинаютъ преобладать *мистическія* стремленія: задачей масонства становится разработка высшаго, тайнаго ученія, будто-бы завѣщаннаго ордену его основателемъ, царемъ Соломономъ, или даже восходящаго къ первому человѣку—Адаму. Особенно сильно эти мистическія стремленія сказываются въ примкнувшемъ къ масонству орденѣ „розенкрейцеровъ" (т.-е. рыцарей розоваго креста). Мистическія идеи, которыми увлеклась значительная часть масонства, стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ раціонализмомъ „просвѣтительной философіи"; поэтому между сторонниками того и другого умственнаго теченія возникла оживленная полемика. Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ писателей мистическаго направленія былъ маркизъ *Сенъ-Мартенъ*, усвоившій себѣ ученіе нѣмецкаго философа-мистика XVI вѣка Якова Бёма. Главное сочиненіе Сенъ-Мартена—книга „О заблужденіяхъ и истинѣ", пользовалась среди масоновъ особеннымъ уваженіемъ и была переведена на многіе европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій.—Наряду съ мистическими исканіями, многіе масоны увлекались также такъ назыв. тайными науками: магіей, астрологіей, алхиміей, занимались добываніемъ „философскаго камня", т.-е. средства, съ помощью котораго якобы можно продлить человѣческую жизнь на многіе вѣка, а также превращать въ золото всѣ неблагородные металлы [1]). Впрочемъ, это увлеченіе тайными науками вызывало со стороны значительной части масонства рѣшительное осужденіе, какъ несогласное съ основными задачами и завѣтами ордена. Точно такое-же осужденіе встрѣтила и попытка придать масонству характеръ политической организаціи, произведенная баварскимъ ученымъ Вейсгауптомъ, основателемъ ордена „иллюминатовъ". Когда политическія стремленія этого

Цѣли и стремленія масонства.

Разложеніе масонства.

[1]) Этимъ увлеченіемъ алхимическими бреднями воспользовались нѣкоторые искатели приключеній, въ родѣ Калліостро и Сенъ-Жермена, для своихъ корыстныхъ цѣлей. Имъ удалось проникнуть и въ масонскій орденъ, и когда ихъ дѣятельность была разоблачена, враги масоновъ воспользовались этимъ для нападокъ на орденъ.

общества были обнаружены, иллюминаты подверглись гоненію и ложи ихъ были закрыты. Косвеннымъ образомъ эти гоненія отразились и на масонствѣ, хотя оно, въ громадномъ большинствѣ, вовсе не раздѣляло политическихъ стремленій иллюминатовъ и вообще держалось въ сторонѣ отъ политической жизни. Но тайна, которою масоны окружали свою дѣятельность, возбуждала недовѣріе властей, хотя въ многихъ странахъ во главѣ ордена стояли коронованныя особы (Фридрихъ II, Густавъ III и др.). Наиболѣе ожесточеннымъ врагомъ масонства было католическое духовенство, въ особенности іезуиты, которые нападали на масоновъ за проповѣдываемую ими вѣротерпимость и добились отъ папы изданія буллы, осуждавшей ученіе масоновъ и отлучавшей ихъ отъ церкви.

2. Умственныя и литературныя теченія въ Екатерининскую эпоху.

Вліяніе западныхъ идей в русское общество.

Въ царствованіе Екатерины II русское общество несомнѣнно достигло значительнаго смягченія нравовъ, просвѣщенія, *высшей духовной культуры*. Наибольшую роль сыграло при этомъ вліяніе идей просвѣтительной философіи. Конечно, новыя идеи не могли сразу пересоздать всю жизнь, очень часто смѣшивались съ закоренѣлымъ мѣстнымъ невѣжествомъ, искажались, но важно было то, что въ отдѣльныхъ личностяхъ онѣ производили полный переворотъ, широко, хотя и не глубоко распространялись и во всемъ обществѣ. Ихъ популяризировала, въ первую половину своего царствованія, сама императрица, и это придавало имъ особенное значеніе. Почти всѣ умственныя движенія русскаго общества XIX в. такъ или иначе примыкаютъ къ идеямъ Екатерининской эпохи: они выдвинули рядъ дѣятелей, которые благу родины посвятили всю свою жизнь и имена которыхъ до сихъ поръ съ благодарностью вспоминаетъ русское общество (напр., Новикова). Примѣръ самой императрицы-писательницы подымалъ уваженіе къ писательскому труду, значеніе литературы. Литература получаетъ ярко выраженный критическій и сатирическій характеръ, энергично борется съ закоренѣлыми недостатками жизни, настойчиво проводитъ передовыя западныя идеи; вмѣстѣ съ тѣмъ все больше растетъ значеніе общественнаго мнѣнія, самодѣятельность и самосознаніе. Вообще за эту эпоху русское общество значительно выросло и умственно, и нравственно.

Литература Екатерининской эпохи вообще отличается очень *сложнымъ* характеромъ. Приходившія съ Запада новыя идеи и литературныя формы своеобразно переплетались у насъ съ наслѣдіемъ прошлаго, окрашивались примѣнительно къ условіямъ нашей жизни. Всего сильнѣе вліяло вольтерьянство, на сторонѣ котораго была сама императрица. Часто оно приводило у насъ къ поверхностному

скептицизму и грубому невѣрію, но болѣе вдумчивые люди выносили изъ него искреннее стремленіе преобразовать жизнь на началахъ разума, ненависть къ фанатизму и суевѣрію, *гуманныя настроенія*. Вольтерьянство подымало въ нихъ новые вопросы, душевныя исканія, которыя нерѣдко приводили къ вѣрѣ и широкой общественной дѣятельности. Новиковъ, напр., долго находился «на распутьи» между вольтерьянствомъ и вѣрой и кончилъ энергичною проповѣдью, словомъ и дѣломъ, «истиннаго христіанства». Его сотрудникъ Лопухинъ отъ вольтерьянства перешелъ къ масонству. Увлекшійся въ молодости дешевымъ религіознымъ скептицизмомъ, Фонвизинъ въ зрѣлые годы сдѣлался искренно и тепло вѣрующимъ человѣкомъ.

Слабѣе было вліяніе Руссо. Почти ко всѣмъ его сочиненіямъ Екатерина II относилась очень отрицательно; переводили его у насъ мало. Смѣлость его идей многихъ отпугивала, да для нихъ у насъ не было подходящей почвы: о вредѣ цивилизаціи въ Россіи странно было и говорить. Нѣкоторое вліяніе Руссо сказывалось лишь въ области педагогическихъ идей (даже въ педагогическихъ статьяхъ Императрицы); и только въ самомъ концѣ вѣка, въ эпоху водворенія въ русской литературѣ новаго, *сентиментальнаго* направленія, вліяніе Руссо замѣтно усиливается, отражаясь въ произведеніяхъ Карамзина и его послѣдователей (чувствительность, отношеніе къ природѣ и т. д.). — Мало находило себѣ почвы въ русскомъ обществѣ и большинство идей энциклопедистовъ. Распространеніе ихъ совпало у насъ съ крутымъ поворотомъ въ настроеніи Екатерины II, встревоженной французской революціей, и встрѣтило наиболѣе рѣшительныя цензурныя препятствія. Всего ярче вліяніе энциклопедистовъ (въ особенности Рейналя) отразилось въ сочиненіи Радищева: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790 г.).

Въ формѣ бѣглыхъ, будто бы случайныхъ и разрозненныхъ путевыхъ приключеній, наблюденій и размышленій Радищевъ развиваетъ, на самомъ дѣлѣ, стройное, строго продуманное міровоззрѣніе. Послѣдовательный раціоналистъ, онъ отзывается довольно пренебрежительно о мистицизмѣ, но выдвигаетъ сильныя возраженія и противъ матеріализма. Противъ Руссо онъ отстаиваетъ права разума, не соглашаясь подчинить его въ области познанія чувству. Радищевъ защищаетъ свободу совѣсти и мнѣній. Онъ полагаетъ, что слѣдуетъ даже „дозволять всякому заблужденію быть явнымъ: явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится“.

Во имя идеи *гуманности* онъ возстаетъ противъ всякаго порабощенія людей и рѣзко нападаетъ на крѣпостное право и связанные съ нимъ порядки. Крѣпостное право онъ считаетъ самой ужасной язвой русской жизни. Крѣпостные порядки одинаково развращаютъ господъ и рабовъ. Общественное спокойствіе, будущее Россіи настоятельно тре-

буютъ постепеннаго освобожденія крестьянъ. Смѣлость критики, рѣзкость нападеній на вліятельные общественные круги, самой постановки крестьянскаго вопроса, неосторожность отдѣльныхъ выраженій сдѣлали книгу Радищева опасной въ глазахъ императрицы и вызвали противъ нея и ея автора суровыя преслѣдованія. Радищевъ подвергся суду и былъ сосланъ въ Сибирь, откуда былъ возвращенъ уже въ царствованіе императора Павла.

Общественная сатира въ литературѣ Екатерин. эпохи.

Наиболѣе характерною чертою литературы Екатерининской эпохи являются *общественная сатира и критика.* Онѣ распространяются на *всѣ* стороны жизни, съ особенною силою выражены въ сатирическихъ журналахъ («Всякая Всячина», «Трутень» и «Живописецъ» Новикова, «Зритель» Крылова и др.), комедіяхъ (Императрицы Екатерины II, Фонвизина, Капниста и др.), басняхъ (Сумарокова, Хемницера), проникаютъ даже въ оды (Державинъ). Вѣра во всемогущество разума и слова, въ то, что они могутъ кореннымъ образомъ измѣнить жизнь, придаютъ этой литературѣ настойчивый *поучительный* характеръ.

Растутъ также общественная инициатива и самодѣятельность. Не только въ столицахъ, но и въ провинціи появляются общества для перевода и изданія книгъ, кружки самообразованія и нравственнаго совершенствованія учащейся молодежи, устраиваются на общественныя средства частныя школы и пр. Наибольшую роль сыгралъ московскій *Новиковскій кружокъ,* создавшій русскую книжную торговлю, обогатившій русскую литературу громаднымъ количествомъ прекрасныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ, подготовившій въ Россіи и за границей рядъ переводчиковъ, профессоровъ, учителей и т. д.

Литературныя направленія и ихъ борьба.

Сильное вліяніе западныхъ литературъ и обиліе переводовъ придали *большую пестроту* литературному развитію Екатерининской эпохи. Старыя формы разлагаются, вступаютъ во всевозможныя сочетанія съ новыми; вообще происходитъ сильное броженіе идей и формъ, которое улеглось только къ Пушкинской эпохѣ, когда наша литература окончательно сдѣлалась самобытной и національной.

Классицизмъ.

Какъ и въ предшествующую эпоху, господствующимъ направленіемъ былъ французскій *классицизмъ,* который все больше вырождался въ «ложно-величавыя», «неистовыя воспѣванія», высокопарныя и ходульныя поэмы, трагедіи и оды. Вообще онъ не могъ привиться у насъ глубоко, такъ какъ не находилъ для себя точки опоры ни въ прошломъ нашей литературы, ни въ характерѣ нашей школы, общественнаго образованія, придворнаго быта, слишкомъ далекихъ отъ классическихъ преданій, раціонализма и аристократическаго эти-

кета. Усваивались, собственно, только отрывки теорій, разрозненные техническіе пріемы, случайныя и второстепенныя черты цѣлаго направленія.

Протестъ противъ него.

Но одновременно съ усвоеніемъ чужого шелъ параллельный, болѣе глубокій процессъ, направленный противъ нескладнаго и бездарнаго подражанія, во имя элементарнаго художественнаго вкуса или не вполнѣ еще ясно сознаннаго стремленія къ литературной самобытности и народности.

Сама Екатерина II не долюбливала классическія трагедіи (интересно, что нѣкоторыя ея піесы, по ея собственному указанію, — «вольныя, но слабыя подражанія Шекспиру»). Въ шутливомъ «завѣщаніи» она давала совѣты: «ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить, т.-е. надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ; проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять; гдѣ индѣ коснется до нравоученія, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку, дабы красавицамъ острокаблучнымъ не причинять истерическихъ припадковъ безвременно; глубокомысліе окутать ясностью, и полномысліе легкостью слога, дабы всѣмъ сноснымъ учиниться; пустомысліе и слабомысліе откинуть вовсе, буде можно».

Другой писатель этой эпохи, Василій Майковъ въ своей шутливой поэмѣ «Елисей, или раздраженный Вакхъ» забавно высмѣивалъ и пародировалъ пріемы классической поэмы. Успѣхъ многихъ классическихъ произведеній онъ объяснялъ очень своеобразно:

Хотя въ нихъ смысла мало,
Да естество себя въ нихъ хитро изломало...

Перерожденіе классицизма.

Въ Екатерининскую эпоху происходитъ постепенное *перерожденіе* русскаго классицизма. Въ классическія формы все больше вдвигается *новое* содержаніе: поэмы Хераскова, напр., проводятъ *масонскія* идеи, въ оды Державина проникаетъ не только сатирическій элементъ, но и «забавный русскій слогъ»; комедіи, въ особенности «комическія оперы», смѣшиваютъ пріемы классическихъ и «мѣщанскихъ» комедій и пр.

Новыя литературныя теченія.

Наряду съ классицизмомъ, вліяютъ на нашу литературу и *новыя* направленія европейскихъ литературъ—сентиментализмъ и романтизмъ. Появляются переводы и подражанія Ричардсону, Стерну, «Оссіану» Макферсона, Лессингу, Мерсье, Шекспиру, котораго сентименталисты и въ особенности романтики противопоставляли французскимъ классикамъ, и др. Эти направленія особенно были важны

тѣмъ, что сближали литературу съ дѣйствительностью, поднимали въ ней интересъ къ старинѣ и народности, *національное сознаніе и народную гордость*, которыя поддерживались и военными успѣхами Россіи, ростомъ ея могущества въ Европѣ.

Ростъ национальныхъ элементовъ въ литературѣ

Интересъ къ народной поэзіи, проникновеніе народныхъ элементовъ въ литературную рѣчь и въ поэзію, вообще сближеніе книжнаго языка съ разговорнымъ и народнымъ, а литературы — съ жизнью дѣлаютъ Екатерининскую эпоху *переходнымъ* моментомъ въ развитіи нашей литературы, подготовившимъ ея расцвѣтъ въ началѣ XIX вѣка. Тогда впервые стали собирать и издавать у насъ произведенія народной поэзіи: Ник. Львовъ издалъ сборникъ народныхъ пѣсенъ [1]), Чулковъ — сказокъ и былинъ, Богдановичъ — пословицъ. Большинство этихъ матеріаловъ, впрочемъ, было напечатано въ *подправленномъ* видѣ: многое въ содержаніи и языкѣ народной поэзіи казалось тогда слишкомъ вульгарнымъ. Въ комедіи императрицы Екатерины и во многія «комическія оперы» вставлены народныя пѣсни, обряды; сказки и былины передѣлываются въ повѣсти, («Бова» Радищева, «Добрыня» Н. Львова и пр.). Въ одной изъ комедій Лукина мужикъ говоритъ *областнымъ* нарѣчіемъ; дѣйствующія лица «Недоросля» Фонвизина, «Петербургскаго Гостинаго двора» Матинскаго и др. говорятъ прекрасною разговорною рѣчью, обильно уснащенною народными элементами. Много ихъ въ лучшихъ сатирическихъ статьяхъ (напр., въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» Новикова, въ «Зрителѣ» Крылова), въ одахъ Державина, въ басняхъ Хемницера, въ комической поэмѣ В. Майкова «Елисей».

Народные элементы обыкновенно вдвигались въ старыя литературныя формы, но иногда создавали и новыя: появляется, напр., художественная пѣсня въ подражаніе народной. Благодаря имъ, разложеніе старыхъ формъ шло быстрѣе: всѣ лучшія, наиболѣе яркія и жизненныя произведенія нашей литературы второй половины XVIII в., въ большей или меньшей степени, проникнуты ими.

8. Имп. Екатерина II: Наказъ, педагогическія сочиненія, комедіи.

Литературная дѣятельность Екатерины.

Литературная дѣятельность императрицы Екатерины II отличалась большимъ разнообразіемъ: ей принадлежатъ публицистическія и историческія сочиненія, педагогическія разсужденія, сатирическія статьи, поучительныя сказки, комедіи, комическія оперы и т. д.; въ концѣ жизни она составила замѣчательныя «Записки» (на фран-

[1]) Гармонизованный Прачемъ и извѣстный подъ его именемъ.

цузскомъ языкѣ), чрезвычайно важныя для пониманія ея личности и дѣятельности. Среди ея сочиненій особенное значеніе имѣетъ ея «Наказъ» (1767), составленный ею для созванной въ Москвѣ «Комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія». Комиссія эта должна была заняться составленіемъ *свода законовъ,* такъ какъ дѣйствовавшее тогда «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» очень устарѣло, а послѣдовавшіе затѣмъ уставы и указы, издававшіеся по разнымъ частнымъ поводамъ, не были согласованы между собой и приведены въ систему, что и давало большой просторъ для всевозможныхъ злоупотребленій, особенно при судопроизводствѣ. Для участія въ этой «Комиссіи» были избраны отъ всѣхъ сословій государства (за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ) особые *депутаты,* а для руководства имъ въ ихъ работахъ Екатерина составила *Наказъ,* т.-е. инструкцію, въ которой излагала тѣ основныя начала, въ духѣ которыхъ должно было быть составлено новое «Уложеніе».

Наказъ: цѣль его.

Императрица Екатерина II (съ портрета Левицкаго).

Источники Наказа.

Наказъ» имп. Екатерины не представляетъ собой оригинальнаго произведенія. Она сама признавала, что очень многое заимствовала изъ «Духа Законовъ» *Монтескье* и изъ сочиненія итальянскаго юриста *Беккаріи:* «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», а также изъ нѣкоторыхъ другихъ авторовъ [1]). Весь Наказъ проникнутъ идеями французской просвѣтительной философіи. Изъ Монтескье, напр., заимствована мысль о вліяніи природы и климата на характеръ, нравы и понятія народовъ: отсюда слѣдуетъ выводъ, что только тѣ законы прочны, которые не противорѣчатъ рѣзко народнымъ обычаямъ и понятіямъ («народному умствованію»).

[1]) Проф. Чечулинъ путемъ внимательнаго сличенія доказалъ, что изъ 631 параграфа, составлявшихъ Наказъ, заимствовано не менѣе 469.

Точно также и самый образъ правленія долженъ соотвѣтствовать естественнымъ условіямъ каждой страны и характеру ея населенія; поэтому для Россіи наиболѣе подходящая форма правленія — самодержавіе, такъ какъ «никакая другая, какъ только соединенная въ его (государя) особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ столь великаго государства».

Главныя идеи Наказа.

Законы не должны быть слишкомъ суровыми и тираническими, не должны быть основаны на одномъ страхѣ: «несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установить жестокіе законы». Точно также Екатерина рѣшительно возражаетъ и противъ жестокихъ наказаній: «въ тѣхъ странахъ, гдѣ *кроткія наказанія,* сердце гражданъ оными столь же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими». Жестокія наказанія, по мнѣнію Екатерины, «портятъ умы и нравы». Совершенно осуждаетъ она примѣненіе *пытокъ* и мучительныхъ казней [1]). Касается Екатерина и *крѣпостного права,* выступая противъ «злоупотребленій рабства», хотя и въ очень сдержанной формѣ; Екатерина ясно сознавала весь вредъ крѣпостныхъ отношеній и въ началѣ своего царствованія серьезно думала объ отмѣнѣ ихъ, но встрѣтила сопротивленіе со стороны вліятельныхъ общественныхъ круговъ, и потому должна была эту мысль оставить [2]). Во всѣхъ этихъ взглядахъ и намѣреніяхъ императрицы ясно сказалось вліяніе гуманныхъ идей просвѣтительной философіи, которыя она хотѣла положить въ основу своего законодательства. То же вліяніе отражается и въ проводимой въ Наказѣ идеѣ *веротерпимости,* которую она считаетъ въ числѣ «правилъ, весьма важныхъ и нужныхъ» для столь обширнаго государства, съ разноплеменнымъ населеніемъ; «гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ,— пишетъ Екатерина,—а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца» [3]).

[1]) Въ отношеніи Екатерины къ смертной казни замѣчается нѣкоторая двойственность: въ статьяхъ, заимствованныхъ изъ Монтескье, она допускаетъ ея примѣненіе для наиболѣе тяжкихъ преступниковъ, въ статьяхъ же, взятыхъ изъ Беккаріи, она совершенно отвергаетъ ее.

[2]) Въ первоначальной редакціи Наказа Екатерина гораздо болѣе рѣшительно высказывалась противъ крѣпостного права, но затѣмъ, по совѣту своихъ приближенныхъ, которымъ она отдавала на разсмотрѣніе свою работу, императрица значительно смягчила статьи, относящіяся къ этому вопросу. Впрочемъ, на практикѣ сама императрица часто отступала въ этомъ отношеніи отъ собственныхъ взглядовъ: осуждая въ Наказѣ крѣпостное право, говоря, что нужно всячески „избѣгать случаевъ, чтобы не приводить людей въ неволю“, Екатерина щедро раздавала земли съ крестьянами въ награду своимъ вельможамъ.

[3]) Въ „Наказѣ“ имп. Екатерины либеральныя и гуманныя идеи вѣка впервые нашли себѣ оффиціальное признаніе; поэтому французскіе „философы“ встрѣтили по-

Педагогическія сочиненія имп. Екатерины.

Лучшимъ средствомъ для развитія государственнаго благосостоянія и для смягченія нравовъ Екатерина считаетъ распространеніе *просвѣщенія*: «хотите предупредить преступленія?—сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространялось между людьми». Той же цѣли служитъ и *воспитаніе*: «самое надежное средство сдѣлать людей лучшими есть воспитаніе».—Вообще Екатерина, подобно многимъ изъ своихъ западныхъ учителей, глубоко вѣрила въ силу воспитанія, была убѣждена, что воспитаніемъ и просвѣщеніемъ можно создать «новую породу людей». Въ одной изъ своихъ статей она писала: «всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее половодье; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго: *берега суть воспитаніе*». Екатерина написала нѣсколько педагогическихъ статей и сказокъ, въ которыхъ проводила новые взгляды на воспитаніе. Главныя, наиболѣе характерныя изъ нихъ: «Инструкція князю Н. И. Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей» (Александра и Константина Павловичей) и двѣ сказки: «О царевичѣ Хлорѣ и о царевичѣ Февеѣ». Въ своихъ педагогическихъ взглядахъ имп. Екатерина зависитъ отъ Локка [1]) и отчасти отъ Руссо. У Локка она усвоила себѣ взглядъ на дѣтскую душу, какъ на «чистую доску» (tabula rasa), какъ на мягкій воскъ, съ которымъ воспитатель можетъ сдѣлать все, что ему угодно [2]). Большое вниманіе Екатерина, какъ и Локкъ, удѣляетъ физическому развитію, укрѣпленію силъ и здоровья. Екатерина возстаетъ противъ чрезмѣрнаго обремененія дѣтскаго ума излишними знаніями; она совѣтовала «не столько учить дѣтей, сколько дать имъ охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножать его». Главная цѣль воспитанія—«*здоровое тѣло* и *умонаклоненіе къ добру*». Идеалъ

явленіе этого труда чрезвычайно сочувственно: Вольтеръ, напр., написалъ по этому поводу восторженную оду въ честь Екатерины, въ которой онъ привѣтствовалъ „зарю просвѣщенія, идущую съ Сѣвера“ („C'est du Nord aujourdhui que nous vient la lumière“). Съ другой стороны, французское правительство запретило во Франціи переводъ „Наказа“.

[1]) Англійскій философъ, одинъ изъ главнѣйшихъ представителей сенсуализма (см. стр. 380).

[2]) Исходя изъ этой мысли, Екатерина и ея главнѣйшій сотрудникъ въ педагогическихъ дѣлахъ—И. И. Бецкій считали необходимымъ по возможности совершенно изолировать дѣтей отъ развращающаго вліянія семьи и окружающей среды. Этой цѣли должны были служить *закрытыя* учебныя заведенія, въ которыхъ дѣти воспитывались съ ранняго возраста, не имѣя никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ: таковъ былъ основанный Екатериной Смольный институтъ—первое женское учебное заведеніе въ Россіи.

воспитанія—соединеніе тихаго нрава съ веселостью, съ «улыбательнымъ духомъ». «Питая въ дѣтяхъ веселость нрава, надлежитъ отдалять отъ глазъ и ушей ихъ все тому противное, какъ-то: печальныя воображенія или уныніе наносящіе разсказы». Нельзя также занимать дѣтскую фантазію сказками, небывалыми побасенками, противорѣчащими «здравому разсужденію». Воспитаніе должно сообразоваться съ тѣмъ, «кому оно дается»; оно должно давать «добродѣтели и добронравіе, состоянію и рожденію приличныя». Если добродѣтели и добронравіе вкоренятся въ души дѣтей, все прочее придетъ въ свое время.

Ея сказки.

Изъ двухъ сказокъ имп. Екатерины: «О царевичѣ Хлорѣ» и «о царевичѣ Февеѣ» первая имѣетъ аллегорическое значеніе. Въ ней разсказывается о судьбѣ нѣкоего царевича Хлора, съ юныхъ лѣтъ отличавшагося не только красотой, но и мудростью. Его похитилъ у родителей киргизскій ханъ, который далъ ему порученіе найти «розу безъ шиповъ». Въ поискахъ помогаетъ ему дочь хана—*Фелица*, дающая ему въ проводники своего сына—Разсудокъ, съ помощью котораго Хлоръ и исполняетъ данное ему порученіе, послѣ чего обрадованный ханъ возвращаетъ его родителямъ. Подъ «розой безъ шиповъ» подразумѣвается *добродѣтель*, а главный смыслъ сказки сводится къ тому, что разсудокъ является лучшимъ руководителемъ человѣка въ поискахъ нравственнаго совершенства. Другая сказка Екатерины: «О царевичѣ Февеѣ» имѣетъ болѣе дидактическое значеніе и изображаетъ идеальное воспитаніе, въ духѣ педагогическихъ идей императрицы.

Драматическія произведенія имп. Екатерины.

Въ царствованіе Екатерины русскій театръ достигъ значительнаго развитія и процвѣтанія. Этому способствовала любовь самой императрицы къ театру и вниманіе, которое она ему оказывала [1]).

---

[1]) Екатерина Вел. оказывала особенное покровительство талантливымъ актерамъ, напр., Волкову, Дмитревскому, Сандунову и др. Нѣкоторыхъ изъ нихъ она отправляла для усовершенствованія своего таланта и для ознакомленія съ театральнымъ дѣломъ за границу (напр., Дмитревскаго). Для общаго управленія казенными театрами была учреждена особая Театральная дирекція, во главѣ которой былъ поставленъ образованный вельможа Елагинъ (1766). Для подготовки актеровъ было основано Театральное училище (1783). Съ 1786 г. при Академіи наукъ начало выходить изданіе „Россійскій ѳеатръ“, въ которомъ печатались пьесы русскихъ авторовъ (вышло 43 тома). Въ 1776 г. возникъ постоянный театръ въ Москвѣ, учрежденный частнымъ предпринимателемъ (англичаниномъ Медоксомъ). Кромѣ публичныхъ театровъ, представленія давались и на придворной сценѣ въ Эрмитажѣ, гдѣ исполнителями выступали любители изъ аристократическаго общества: здѣсь обыкновенно исполнялись впервые и пьесы самой императрицы. Подражая вкусу государыни, многіе изъ вельможъ заводятъ

Но интересъ ея къ сценѣ не ограничивался однѣми административными заботами: Екатерина сама выступала въ качествѣ драматическаго писателя. Ею написано (на русскомъ и французскомъ языкѣ) болѣе 30 пьесъ различнаго рода: комедій, историческихъ хроникъ, комическихъ оперъ и т. д., которыя съ успѣхомъ ставились на придворной и публичной сценѣ.

Ея комедіи: ихъ значеніе.

Изъ нихъ наибольшій интересъ представляютъ ея *комедіи*. Художественное достоинство ихъ невелико, да и сама Екатерина не ставила ихъ въ этомъ отношеніи высоко. Но онѣ интересны, во первыхъ, потому, что въ нихъ разбросаны различныя *бытовыя черты,* взятыя изъ современной жизни, и выведены *типы,* представляющіе характерныя фигуры современнаго общества; во 2-хъ, въ комедіяхъ отразились *мнѣнія и взгляды самой императрицы,* ея отношеніе къ различнымъ явленіямъ дѣйствительности, даже ея правительственныя стремленія и идеалы.—Екатерина вполнѣ усвоила себѣ присущій псевдо-классической комедіи дидактизмъ, такъ рѣзко выступающій, напр., въ пьесахъ Детуша; поэтому всѣ ея комедіи отличаются *поучительнымъ характеромъ,* имѣютъ своею цѣлью осмѣяніе пороковъ и исправленіе нравовъ. Екатерина сама говорила: «Театръ есть школа народная, и я сама въ ней первый учитель». Исходя изъ этой мысли, она смотрѣла на сцену, какъ на средство нравственнаго воздѣйствія на общество и на общественное мнѣніе. Но, желая поучать публику, Екатерина не хотѣла раздражать ее рѣзкой критикой ея недостатковъ; поэтому сатира ея комедій отличается сдержанностью и составлена въ томъ же «*улыбательномъ духѣ*», какъ и другіе сатирическіе очерки императрицы [1]). Притомъ она направлена преимущественно противъ *личныхъ* умственныхъ и нравственныхъ недостатковъ выведенныхъ лицъ (скупости, ханжества, суевѣрія, расточительности и проч.), почти вовсе

Сатира и поученіе въ комедіяхъ Екатерины.

свои собственные театры, составляя труппу изъ своихъ крѣпостныхъ (Шереметевъ, Безбородко, Волконскій), а слѣдомъ за ними обзаводится крѣпостными театрами и богатое дворянство. Въ концѣ царствованія Екатерины II въ одной Москвѣ было около 15 такихъ частныхъ театровъ. Изъ числа этихъ крѣпостныхъ артистовъ нѣкоторые выдѣлились своимъ искусствомъ и впослѣдствіи создали себѣ громкую славу на казенной сценѣ (Щепкинъ, Семенова и др.).

[1]) Склонность имп. Екатерины къ сатирѣ сказывается въ томъ, что она очень охотно и въ разнообразной формѣ прибѣгала къ ней въ своей литературной дѣятельности: она написала цѣлый рядъ сатирическихъ статей: „Были и небылицы“; при ея же непосредственномъ участіи возникъ и первый русскій сатирическій журналъ „Всякая всячина“, послужившій образцомъ для другихъ изданій этого рода. Во всѣхъ этихъ трудахъ Екатерины сатира тѣсно связана съ поученіемъ, и далеко не отличается силой и ѣдкостью, такъ какъ Екатерина не желала никого раздражать, ограничиваясь лишь легкой насмѣшкой надъ человѣческими слабостями и пороками.

не касаясь наиболѣе важныхъ, давно укоренившихся *общественныхъ* золъ, отъ которыхъ страдала тогдашняя русская жизнь,—напр., крѣпостного права, злоупотребленій власти, неправосудія и т. д. Не ограничиваясь осмѣяніемъ человѣческихъ пороковъ и слабостей, въ лицѣ изображенныхъ ею комическихъ типовъ, Екатерина наряду съ ними выводила также положительныя лица, такъ называемыхъ *резонеровъ,* которые своими рѣчами еще болѣе подчеркивали нравоучительный характеръ ея комедій. Этими вспомогательными персонажами она пользовалась обыкновенно для выраженія своихъ собственныхъ взглядовъ, для проведенія въ общество своихъ идей, а иногда также для объясненія и защиты своихъ правительственныхъ начинаній и нововведеній, которыя со стороны коснаго и невѣжественнаго общества нерѣдко встрѣчались недовѣрчиво и враждебно. Характеристики дѣйствующихъ въ комедіяхъ Екатерины лицъ не отличаются живостью и яркостью: большей частью они представляютъ собой воплощеніе какой-либо *одной* преобладающей черты, на которую указываетъ иногда сама выбранная авторомъ фамилія. Сюжеты комедій въ нѣкоторыхъ случаяхъ заимствовались Екатериной у иностранныхъ писателей, но затѣмъ приспособлялись къ русскимъ нравамъ [1]). Изображеніе характеровъ.

Лучшими комедіями Екатерины являются двѣ первыя: «О время!» и «Именины г-жи Ворчалкиной». Въ нихъ она подъ характерными именами Ханжахиной, Вѣстниковой, Ворчалкиной, Спесова и др., выводитъ типы людей, воплощающихъ какую-либо человѣческую слабость или недостатокъ: ханжество, скупость, суевѣріе, любовь къ сплетнямъ и пересудамъ, родовую спесь, модное щегольство и жеманство, слѣпую подражательность всему иностранному и т. д. Въ комедіяхъ разбросаны черты нравовъ, подмѣченныя очень вѣрно и живо рисующія современное русское общество. Нѣкоторыя фигуры, несомнѣнно, очень типичны, но обрисовка ихъ обыкновенно страдаетъ односторонностью. Другимъ недостаткомъ комедій Екатерины является отсутствіе въ нихъ настоящаго дѣйствія, которое замѣняется длинными разговорами и разсужденіями выведенныхъ лицъ.

Первая комедія императрицы Екатерины носитъ названіе „О время“! (1772 г.). Она направлена преимущественно противъ *стариннаго невѣжества,* противъ отсталости, косности и предразсудковъ, унаслѣдован- Комедія «О время!»

[1]) Встрѣчаются также заимствованія изъ русскихъ источниковъ, напр., изъ сатирическихъ журналовъ Новикова: такъ, въ одной комедіи Екатерина приводитъ письмо уѣзднаго дворянина, яраго охотника и собачника, близко напоминающее по тону и содержанію знаменитую переписку Ѳалалея со своими родичами (см. ниже, стр. 413).

ныхъ русскимъ обществомъ еще отъ прежнихъ временъ. Поэтому всѣ главныя лица комедіи принадлежатъ къ старому поколѣнію, и дѣйствіе ея происходитъ въ Москвѣ, гдѣ живѣе, чѣмъ въ новой столицѣ, сохранялись понятія и традиціи старины. Персонажи комедіи носятъ „изобразительныя“ фамиліи, соотвѣтствующія ихъ характеру: Ханжахина, Вѣстникова, Чудихина. Изъ нихъ *Ханжахина*, по своимъ основнымъ чертамъ, близко напоминаетъ Критона изъ 1-й сатиры Кантемира; она, по выраженію одного изъ выведенныхъ лицъ, „наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ“; полагая, что все благочестіе состоитъ въ строгомъ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ, она думаетъ, что этимъ ограничиваются всѣ религіозныя обязанности. Считая себя женщиной высоко-нравственной, она не стѣсняется заниматься ростовщичествомъ. Со своими людьми она обращается крайне грубо и жестоко. Будучи очень скупа, она постоянно проповѣдуетъ имъ о постѣ и воздержаніи, „особливо при раздачѣ мѣсячины и указнаго“ (т.-е. содержанія натурой, выдаваемаго дворовымъ). Часто она затворяется въ своей комнатѣ на молитвѣ, особенно когда къ ней приходятъ за деньгами лица, которымъ она должна. Какъ представительница стараго времени, Ханжахина не любитъ ничего новаго: ни новыхъ модъ, ни новыхъ обычаевъ, ни новыхъ понятій. Исполненная старинныхъ предразсудковъ, она крайне враждебно относится къ новому просвѣщенію, считая его дѣломъ нечестивымъ, и поэтому не даетъ никакого образованія воспитывающейся у нея внучкѣ [1]).

Такою же враждой къ просвѣщенію проникнута и *Чудихина*. Она жалуется, что „съ тѣхъ поръ, какъ науки чужія врагъ къ намъ занесъ, свѣтъ сталъ совсѣмъ превратенъ“, и находитъ образованіе излишнимъ и вреднымъ, особенно для дѣвушекъ. „На что дѣвку учить грамотѣ,—говоритъ она;—имъ ни къ чему грамота не нужна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ“. Глубокое невѣжество Чудихиной выражается главнымъ образомъ въ ея грубомъ *суевѣріи*: она говоритъ про себя, что она съ молоду „испорчена“ мачехой, которая по злобѣ посадила ей въ животъ живую щуку; она вѣритъ во всевозможныя примѣты, вѣритъ въ дурной глазъ и потому носитъ съ собой „четверговую соль и росный ладонъ“, для предохраненія „отъ уроковъ“, т.-е. отъ сглазу. Сына своего, котораго она очень любитъ, Чудихина также считаетъ очень „урочливымъ“, т.-е. легко подвергающимся сглазу, противъ чего она принимаетъ свои мѣры: „то и дѣло, и я, и мамка его слизываемъ... Только и то уже не помогаетъ“. Третье главное лицо въ комедіи—*Вѣстникова:*

---

1) Служанка ея Мавра такъ описываетъ ея времяпрепровожденіе: „Она встаетъ по утру въ шесть часовъ и, слѣдуя древнему похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ передъ образами лампаду, потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихъ: *блаженъ, иже и скоты милуетъ*! А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ: иную пощечиной, инуюю тростью, а инуюю бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то съ внучкой, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ женіховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить...“

за отсутствіемъ другихъ интересовъ, она занимается сплетнями и пересудами, переноситъ вѣсти изъ одного дома въ другой, вмѣшивается въ чужія дѣла, устраиваетъ и разстраиваетъ свадьбы и т. д.

Осмѣивая старинное невѣжество, Екатерина показываетъ также, какъ пагубно оно отражается на воспитаніи молодого поколѣнія, въ особенности женскаго. Екатерина одна изъ первыхъ въ Россіи обратила серьезное вниманіе на образованіе молодыхъ дѣвушекъ: при ней были учреждены первыя женскія учебныя заведенія (напр., Смольный институтъ). Убѣжденная въ необходимости правильнаго образованія для женщинъ, она воспользовалась случаемъ, для того чтобы провести эту мысль и въ своей комедіи. Для этого она выводитъ молодую дѣвушку Христину, внучку госпожи Ханжахиной, которую бабушка воспитывала по-старинному, въ полномъ невѣжествѣ. „Я взросла въ дѣвичьей горницѣ и оттуда никуда не выхаживала“, говоритъ она про себя; а служанка Мавра сообщаетъ про нее: „Она сердце имѣетъ ангельское, но воспитана дурно: въ безпредѣльномъ содержана страхѣ, а отъ того сдѣлалась толь робка и застѣнчива, что ни съ кѣмъ говорить не можетъ... Къ сему прибавьте и совершенное ея невѣжество: она ничему не учена и грамотѣ украдкой у меня училась, для того, что бабушка ея всегда боялась, чтобы она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ“. Такимъ образомъ, выводя это лицо, Екатерина стремилась пробудить въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости образованія для молодыхъ дѣвушекъ: своей комедіей она хотѣла поддержать въ умахъ своихъ современниковъ ту идею, которую, какъ правительница, она осуществляла практически, учреждая новыя въ Россіи учебныя женскія заведенія.

Не обошлось въ комедіи „О время!“ и безъ такъ называемыхъ *резонеровъ*, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ служанка г-жи Ханжахиной Мавра. Изображая ее, Екатерина воспользовалась ходячимъ типомъ французской комедіи, типомъ бойкой и разбитной горничной-*субретки*, ловко устраивающей свои и чужія дѣла и нерѣдко водящей за носъ своихъ господъ. Но Екатерина придала этому заимствованному ею типу совершенно неподходящія ему черты серьезности и даже поучительности: Мавра сыплетъ сентенціями, разсуждаетъ о нравственности, о воспитаніи, даетъ характеристики другихъ дѣйствующихъ лицъ, при чемъ выражается обыкновенно книжнымъ искусственнымъ языкомъ, какимъ, конечно, не говорили крѣпостныя служанки того времени. Все это придаетъ изображенію Мавры отпечатокъ ненатуральности, придуманности: вмѣсто живого лица, мы видимъ въ ней одну лишь ходячую мораль.

Именины г-жи Ворчалкиной.

Вторая комедія имп. Екатерины называется „Именины госпожи Ворчалкиной“ и такъ же, какъ и первая, направлена преимущественно противъ людей стараго закала, противъ представителей невѣжественной старины. Къ числу ихъ принадлежитъ и *г-жа Ворчалкина*, главное лицо пьесы. Какъ показываетъ ея имя, она всѣмъ недовольна, все осуждаетъ—въ особенности всякія новшества, новые порядки и обычаи. Въ ея словахъ слышенъ отголосокъ тѣхъ элементовъ стараго русскаго барства, которые были недовольны либеральными нововведеніями императрицы, многими изъ ея просвѣщенныхъ и гуманныхъ начинаній. Во всемъ она является вѣрной хранительницей дѣдовскихъ традицій и обычаевъ. Въ семейной

жизни она придерживается домостроевскихъ понятій,—напр., считаетъ, что вопросъ о бракѣ дѣтей должны рѣшать родители. Какъ человѣкъ невѣжественный, она мнительна и суевѣрна и въ этомъ отношеніи напоминаетъ Чудихину, которую она сама называетъ своею кумой.—Обличая всѣ эти недостатки стараго поколѣнія, Екатерина осмѣиваетъ и „новоманерное“ невѣжество, въ лицѣ щеголей („пети-метровъ“) и щеголихъ. Къ числу ихъ принадлежатъ молодой повѣса Фирлюфюшковъ и дочь Ворчалкиной Олимпіада. Они полдня проводятъ за туалетомъ, съ презрѣніемъ относятся ко всѣмъ, кто не принадлежитъ къ ихъ компаніи, отличаются жеманными манерами, держатся съ искусственной развязностью и пересыпаютъ свою рѣчь французскими выраженіями [1]).

Современная гравюра къ историч. хроникѣ имп. Екатерины: „Начальное управленіе Олега“ (по ней можно судить о характерѣ театральныхъ постановокъ въ классическомъ вкусѣ).

Особую группу среди піесъ имп. Екатерины составляютъ три комедіи, направленныя противъ масонства („Обманщикъ“, „Обольщенный“ и „Шаманъ сибирскій“). Въ нихъ высказалось враждебное отношеніе Екатерины къ масонамъ; поэтому сатира въ этихъ комедіяхъ носитъ гораздо болѣе рѣзкій характеръ, чѣмъ въ другихъ ея піесахъ. Въ этихъ комедіяхъ она осмѣиваетъ преимущественно мистическія увлеченія, рас-

[1]) „Я въ такой теперь дистракціи, что отъ скуки чего бы нибудь поѣла“,—говоритъ, напр., Олимпіада; а Фирлюфюшковъ разсказываетъ: „Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ, и теперь такая мигрена и такъ въ носу грустно, что сказать неможно. Нѣтъ ли Eau de luce понюхать?..“

пространявшіяся вмѣстѣ съ масонствомъ въ русскомъ обществѣ: вѣру въ вызываніе духовъ, въ животный магнетизмъ (месмеризмъ), исканіе „философскаго камня“ (т.-е. средства превращать всѣ металлы въ золото) и тому под. Во всемъ этомъ она видѣла, съ одной стороны, грубый обманъ и корыстное шарлатанство, а съ другой—жалкое легковѣріе.

Кромѣ комедій, Екатерина написала еще двѣ *историческія хроники*, сюжеты которыхъ она почерпнула изъ русской исторіи („Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“ и „Начальное управленіе Олега“); эти піесы представляютъ собой, по выраженію самой Екатерины, „вольное подражаніе Шекспиру“. Екатеринѣ принадлежитъ также нѣсколько *комическихъ оперъ* („Новгородскій богатырь Боеславичъ“, „Федулъ съ дѣтьми“ и др.); характерно въ этихъ комедіяхъ стремленіе придать имъ національный отпечатокъ: для этого она вводитъ въ нихъ народныя пѣсни, игры, пользуется былинами и сказочными сюжетами, и т. д.

4. Новиковъ. Сатирическіе журналы.

Англійскіе сатирическіе журналы.

Однимъ изъ важнѣйшихъ явленій русской литературы Екатеринскаго времени были *сатирическіе журналы*, особенно тѣ, которые издавались въ началѣ ея царствованія (1769—74 гг.), въ эпоху, когда сама императрица еще была воодушевлена либеральными идеями, отразившимися въ ея Наказѣ. Впервые журналы этого типа появились въ Англіи, съ самомъ началѣ XVIII вѣка: это были «Болтунъ» (The Tattler, 1709—11) и «Зритель (The Spectator, 1711—14), издававшіеся двумя выдающимися писателями того времени, Стилемъ и Аддисономъ. Журналы эти отличались морально-сатирическимъ направленіемъ и пользовались большимъ успѣхомъ среди англійской публики, особенно «Зритель». Послѣдній былъ цѣликомъ переведенъ на французскій и нѣмецкій языки и вскорѣ вызвалъ почти во всѣхъ странахъ Европы многочисленныя подражанія; мода на сатирическіе журналы была такъ велика, что въ теченіе XVIII вѣка, по подсчету ученыхъ, выходило болѣе 800 подобныхъ изданій на разныхъ языкахъ.

Всякая Всячина.

Въ Россіи первымъ сатирическимъ журналомъ была «*Всякая Всячина*» (1769), въ которой близкое участіе принимала сама Императрица. Сатира «Всякой Всячины» не отличается особенной силой и составлена въ томъ же «улыбательномъ родѣ», какъ и комедіи Екатерины. Избѣгая рѣзкихъ обличеній, «Всякая Всячина» ограничивалась лишь добродушной насмѣшкой надъ различными человѣческими слабостями и недостатками: она ставила себѣ задачей исправленіе нравовъ и думала достигнуть этого путемъ нравственныхъ разсужденій и поученій, которыми наполнялись ея статьи. Многія изъ этихъ статей были заимствованы изъ англійскаго «Спектатора» и только по мѣрѣ возможности приспособлены къ

русскимъ нравамъ. Примѣръ «Всякой Всячины» скоро возбудилъ подражаніе, и вслѣдъ за нею появился цѣлый рядъ подобныхъ же морально-сатирическихъ изданій: «И то и сіо» (Чулкова), «Ни то ни сіо» (Рубана), «Трутень» (Новикова), «Адская Почта» (Эмина), «Смѣсь», «Поденьшина» и др. Изъ нихъ наибольшее значеніе имѣютъ журналы: «Трутень» (1769), «Живописецъ» (1772) и «Кошелекъ» (1774), издателемъ которыхъ былъ Н. И. Новиковъ.

Новиковъ.

Николай Ивановичъ Новиковъ (род. въ 1744 г.) происходилъ изъ старой, довольно зажиточной дворянской семьи. Правильнаго школьнаго образованія онъ не получилъ; проведя три года въ гимназіи при только что основанномъ московскомъ университетѣ, онъ былъ уволенъ изъ нея «за лѣность и нехожденіе въ классы», и 16-ти лѣтъ отъ роду поступилъ на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Когда въ 1767 г. была созвана въ Москвѣ Комиссія для составленія проекта новаго Уложенія, Новиковъ, вмѣстѣ съ другими молодыми гвардейскими офицерами, былъ прикомандированъ къ ней въ качествѣ секретаря, для веденія протоколовъ засѣданій. Эти занятія въ Комиссіи были чрезвычайно полезны для будущей литературной дѣятельности Новикова, такъ какъ изъ докладовъ и рѣчей депутатовъ онъ могъ хорошо познакомиться съ разными сторонами русской жизни, съ положеніемъ различныхъ сословій, ихъ потребностями, нуждами, бытовыми жизненными условіями и т. д. Пренія депутатовъ Комиссіи развернули передъ Новиковымъ широкую картину современной русской дѣйствительности, въ особенности ея темныхъ, отрицательныхъ явленій (недостатки судопроизводства, произволъ сильныхъ людей, безправіе крестьянъ) и дали ему богатый запасъ свѣдѣній, которымъ онъ и воспользовался впослѣдствіи въ своихъ статьяхъ. Когда Комиссія была распущена, Новиковъ вышелъ въ отставку и весь отдался литературной дѣятельности и изданію сатирическихъ журналовъ.

Н. И. Новиковъ.

Его сатирическія изданія

Первымъ сатирическимъ изданіемъ Новикова былъ «Трутень» (1769—70); за нимъ послѣдовали «Живописецъ» (1772—73) и «Кошелекъ» (1774). Большая часть статей въ этихъ журналахъ была написана самимъ Новиковымъ. Наиболѣе обычная, излюбленная форма этихъ статей—эпистолярная: отъ имени вымышленныхъ лицъ въ журналахъ печатались *письма*, въ которыхъ авторы съ полной откровенностью раскрывали всѣ свои нравственные недостатки, свое невѣжество, свои дикія понятія и предосудительные поступки. Такимъ образомъ сатира получала характеръ наивнаго самообличенія что еще болѣе усиливало ея комическій эффектъ: таковы, напр., письма къ Ѳалалею его уѣздныхъ родственниковъ, письма модной щеголихи и др.; въ этихъ письмахъ Новиковъ прекрасно схватилъ и передалъ самый языкъ и манеру выраженія, характерныя для изображаемыхъ лицъ. Кромѣ писемъ, Новиковъ пользовался различными другими формами сатирическаго изображенія, напр., формой *аллегорической сказки* или *соннаго видѣнія*, формой сатирическаго *портрета*, рисующаго типичныя черты скупого, гордеца, ханжи и т. д. или формой *мѣчебнаго совѣта:* такъ, напр., одному надменному помѣщику, который «боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки», онъ рекомендуетъ каждый день «разсматривать кости господскія и крестьянскія», пока онъ не убѣдится въ ошибочности своего взгляда. Нерѣдко Новиковъ прибѣгалъ и къ формѣ газетныхъ *извѣстій* («вѣдомостей»): такъ, напр., въ одномъ номерѣ «Трутня» сообщается изъ Кронштадта о прибытіи изъ Бордо корабля, съ которымъ пріѣхало двѣ дюжины французовъ, величающихъ себя маркизами и графами, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они разные ремесленники; нѣкоторые изъ нихъ принуждены были бѣжать изъ Франціи, гдѣ они «въ превеликой жили ссорѣ съ парижской полиціей»: всѣ они пріѣхали въ Россію, чтобы поступить гувернерами въ богатые дома, о чемъ и доводится до всеобщаго свѣдѣнія. Наконецъ, встрѣчаются въ журналахъ Новикова и комическія *объявленія;* напр.: «Молодого Россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума и возратился уже совершенною свиньей; желающіе смотрѣть, могутъ его видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города»; въ другомъ объявленіи «недавно пожалованный воевода», отъѣжая къ мѣсту своей службы, сообщаетъ о продажѣ своей совѣсти, «для облегченія въ пути». Кромѣ прозаическихъ статей, въ журналахъ Новикова помѣщались также и стихотворенія: басни, эпиграммы, сатирическія эпитафіи и тому под.

Пріемы и формы его сатиры.

Разнообразію формъ, въ которыя облекалась сатира Новиковскихъ журналовъ, соотвѣтствуетъ и разнообразіе ея содержанія.

Содержаніе и характеръ Новиковской сатиры.

Въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» мы находимъ широкую картину русской жизни, яркое изображеніе быта и нравовъ, интересовъ и понятій современнаго общества, при чемъ, конечно, сообразно своей сатирической задачѣ, Новиковъ останавливается главнымъ образомъ на темныхъ сторонахъ русской жизни, на ея многочисленныхъ недостаткахъ. Главное достоинство сатиры Новикова заключается въ ея *близости къ дѣйствительности.* Онъ не считалъ возможнымъ ограничиваться отвлеченнымъ изображеніемъ человѣческихъ недостатковъ и пороковъ въ ихъ *типическомъ* проявленіи (какъ это дѣлала псевдо-классическая сатира, создававшая опредѣленные психологическіе типы «скупца», «лицемѣра», «хвастуна» и т. д.), но стремился дать эти типы въ ихъ *бытовомъ* воплощеніи, связать ихъ съ общими условіями современной русской жизни. Это придавало сатирѣ Новикова ясно выраженный *общественный* характеръ, стоявшій въ тѣсной связи съ его взглядами на цѣль и задачу своей обличительной дѣятельности: задачу эту онъ видѣлъ въ «исправленіи нравовъ»,—но не только въ смыслѣ нравственнаго исправленія отдѣльныхъ порочныхъ личностей, но также и въ смыслѣ устраненія тѣхъ общественныхъ золъ, отъ которыхъ страдала русская жизнь.

Предметы сатиры: невѣжество.

Однимъ изъ главныхъ золъ современной жизни было глубокое *невѣжество:* только съ большимъ трудомъ европейское просвѣщеніе распространялось въ обществѣ, постоянно встрѣчая на своемъ пути застарѣлое недовѣріе и явную вражду. Глубоко убѣжденный въ необходимости знанія и науки, Новиковъ въ своихъ статьяхъ неоднократно осмѣиваетъ этихъ недруговъ просвѣщенія, обличая ихъ умственное убожество. Однимъ изъ главныхъ аргументовъ противъ занятія науками было мнѣніе, будто это занятіе подрываетъ вѣру и вредитъ благочестію. Съ этимъ предубѣжденіемъ приходилось бороться еще Кантемиру и Ломоносову; не могъ не коснуться его и Новиковъ: такъ, въ «Трутнѣ» мы находимъ, напр., письмо нѣкоего стараго судьи, въ которомъ онъ укоряетъ своего племянника за свободомысліе, за несоблюденіе постовъ, за знакомство съ учеными и за чтеніе свѣтскихъ книгъ, находя во всемъ этомъ крайній вредъ для душевнаго спасенія [1]). Приходилось Новикову возражать и противъ

[1]) „Къ чему потребно тебѣ богопротивное умствованіе, какъ и изъ чего созданъ міръ?.. На что тебѣ учитися реченіямъ иностраннымъ? языкъ намъ данъ для прославленія величія Божія, такъ и на природномъ нашемъ можемъ мы Его прославляти: но вы учитесь онымъ для того, чтобы читать ихъ книги, наполненныя расколами противу закона: они васъ прельщаютъ, вы читаете ихъ съ жадностью, не вѣдая, что сей медъ во устахъ вашихъ преобращается въ полынь во утробахъ вашихъ... Безраз-

установившагося предразсудка, будто занятіе науками—не дворянское дѣло, будто ученость неприлична дворянину. Въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» неоднократно приводятся подобные невѣжественные толки: «у насъ,—говорится въ одномъ вмѣстѣ,—изстари положено, для дворянина—шпага, для стряпчаго—перо, а грамота—для поповъ».

Въ одной изъ статей „Живописца“ Новиковъ, подобно Кантемиру (въ 1-й сатирѣ), перечисляетъ различные типы невѣждъ и враговъ просвѣщенія; къ нимъ онъ относитъ многихъ представителей стараго поколѣнія, разсуждающихъ такъ: „дѣды наши и прадѣды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно: наука да книги переводятъ только деньги: какая отъ нихъ прибыль, одно разореніе!“ Офицеръ заявляетъ: „Моя наука вся въ томъ состоитъ, чтобы умѣть кричать: пали! коли! руби! и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ; науки да книги умягчаютъ сердце, а отъ мягкосердечія до трусости одинъ только шагъ“. Судья говоритъ: „Моя наука въ томъ состоитъ, чтобы знать наизусть всѣ указы и въ случаѣ нужды умѣть ихъ употреблять въ свою пользу. Науками ли получаютъ деньги? науками ли наживаютъ деревни? науками ли пріобрѣтаютъ себѣ покровителей?—Нѣтъ: такъ къ чему же онѣ годятся?“ Щеголиха разсуждаетъ: „Какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Не для географіи одарила насъ природа красотою лица, не для исторіи награждены мы плѣняющимъ голосомъ, не для физики вложены въ насъ нѣжныя сердца... въ словѣ: умѣть нравиться—всѣ наши заключаются науки“. Подобнымъ же образомъ разсуждаютъ и другіе выведенные въ этой статьѣ нелюбители наукъ, доказывающіе, съ разныхъ точекъ зрѣнія, ихъ безполезность и даже вредъ.

Однимъ изъ постоянныхъ спутниковъ невѣжества является *суевѣріе;* его также неоднократно касался Новиковъ въ своихъ журналахъ: такъ, напр., въ «Живописцѣ» онъ подробно описываетъ гаданіе на кофейной гущѣ, которое тогда было сильно распространено въ обществѣ, вмѣстѣ съ вѣрой въ примѣты, сны, ворожбу и заговоры.—Невѣжество выражалось также въ *низменности интересовъ* и *грубости нравовъ*: такъ, занятія и времяпрепровожденіе уѣздныхъ дворянъ заключались главнымъ образомъ въ псовой охотѣ, въ пѣтушиныхъ бояхъ, въ разъѣздахъ по ярмаркамъ, на которыхъ собиралось все уѣздное общество; кромѣ того, въ каждомъ дворянскомъ домѣ содержалось по нѣскольку шутовъ, дураковъ и дуръ, обязанность которыхъ была забавлять господъ. Грубость нравовъ особенно ярко сказывалась въ отношеніяхъ къ низшимъ и подчиненнымъ, напр., въ процвѣтаніи тѣлесныхъ наказаній: такъ, въ сти-

Грубость нравовъ.

судные! читая такія книги, стремитесь вы за творцами ихъ ко дну адскому на лютыя и вѣчныя мученія: изъ сего разсуждай, ежели въ тебѣ хоть искра страха Божія осталась, какую приносятъ пользу всѣ ваши науки, а о прибыли и говорить нечего!“.

хотвореніи: «Похвала учебной палкѣ» подробно перечисляются услуги, оказываемыя палкой при обученіи солдатъ [1]). Но и въ средѣ высшихъ классовъ взаимныя отношенія не отличались особенной утонченностью: въ письмѣ къ сыну уѣздная помѣщица называетъ своего мужа «супостатомъ, старымъ хрычемъ», а мужъ, въ свою очередь, признается: «много побита она отъ меня на своемъ вѣку»; въ другомъ письмѣ также упоминается о томъ, что мужья нерѣдко позволяли себѣ «дѣлать грубость палкою» своимъ женамъ, которыя даже и не обижались на эти супружескіе побои, принимая ихъ, какъ нѣчто должное.

Недостатки воспитанія.

Невѣжество и грубость нравовъ были тѣсно связаны съ недостатками тогдашняго *воспитанія*. Сатирическіе журналы Новикова неоднократно касаются этого важнаго и больного вопроса; изображается въ нихъ и воспитаніе «по старинѣ», отданное въ руки приходскихъ дьячковъ или даже полуграмотныхъ дворовыхъ, ограничивавшее весь кругъ образованія изученіемъ букваря и часослова; наряду съ этимъ осмѣивается въ сатирическихъ статьяхъ и новомодное воспитаніе на французскій ладъ, при чемъ въ роли воспитателей очень часто выступали лица мало образованныя и совершенно неподготовленныя къ этому дѣлу,—разные французскіе ремесленники, бѣглые солдаты или даже просто искатели приключеній и легкой наживы. Конечно, такіе воспитатели не могли ничему научить своихъ питомцевъ, но зато они внушали имъ слѣпое *пристрастіе ко всему французскому*, вмѣстѣ съ высокомѣрнымъ *презрѣніемъ ко всему родному, русскому*. Здоровое національное чувство Новикова возмущалось этимъ, и онъ въ своихъ журналахъ постоянно нападалъ на галломанію русскаго общества. Эта галломанія, выражавшаяся преимущественно въ рабской подражательности французскимъ образцамъ, распространена была преимущественно въ столицахъ, среди «молодыхъ господчиковъ», изъ которыхъ выходили модные *пети-метры* и жеманныя *щеголихи*. Ихъ подражательность ограничивалась, впрочемъ, одною лишь внѣшностью: они перенимали костюмъ, манеры и привычки своихъ образцовъ, мало заботясь объ усвоеніи себѣ просвѣщенныхъ идей и взглядовъ: оттого въ особомъ почетѣ были у нихъ французы-парикмахеры, мастера «волосоподвивательной науки», потому что они считали, что «украшенная сна-

Галломанія.

---

1) Она крестьянина въ солдата превращаетъ,
Она въ упорнаго послушный духъ вселяетъ,
Она трусливому отважность подаетъ,
Она злонравнаго на добрый путь ведетъ,
Она лѣнивому вперяетъ въ умъ прилежность...

ружи голова гораздо почтеннѣе украшенной внутри», такъ какъ «хорошо завитые волосы скорѣе ума примѣтить можно». Модные щеголи и щеголихи выработали себѣ даже особенный языкъ, обильно пересыпанный французскими выраженіями, всевозможными манерными словечками, жеманными возгласами и т. д. [1]).

Упадокъ нравовъ.

Осмѣивая «новоманерное» невѣжество нашихъ пети-метровъ и щеголихъ, Новиковъ указываетъ и на другія темныя явленія, которыя онъ также приписываетъ вліянію воспитанія на французскій ладъ: на упадокъ нравовъ столичнаго общества, на ослабленіе семейныхъ связей, на безумную страсть къ роскоши и мотовству, приводившую многихъ къ полному разоренію. Современной испорченности Новиковъ противопоставляетъ иногда строгіе нравы и простоту прежнихъ «дѣдовскихъ» временъ, когда наши предки еще не вѣдали внѣшняго лоска европейской культуры, но не знали также и ея соблазновъ. Однако Новиковъ далекъ отъ мысли о вредѣ общенія съ западными сосѣдями: онъ хотѣлъ бы только, чтобы русскіе, даже усваивая себѣ европейскую образованность, оставались самими собой, а не впадали бы въ рабскую подражательность.

Недостатки судопроизводства.

Сочувствуя русской старинѣ, простымъ неиспорченнымъ нравамъ дѣдовскихъ временъ, Новиковъ однако не закрывалъ глаза и на многія темныя стороны старыхъ порядковъ. Къ числу такихъ застарѣлыхъ язвъ русской жизни, наряду съ невѣжествомъ и враждою къ просвѣщенію, принадлежало также *печальное состояніе правосудія*, вслѣдствіе продажности и лихоимства судейскихъ чиновниковъ. Несмотря на строгіе указы и запреты правительства, взяточничество и всякія злоупотребленія продолжали процвѣтать, нанося громадный ущербъ государству и населенію.

Русская сатирическая литература также уже не разъ пыталась бороться противъ этого укоренившагося зла (судья въ 1-й сатирѣ Кантемира, типы подъячихъ въ комедіяхъ Сумарокова). Конечно, и Новиковъ, при его большой чуткости ко всему, что касалось общественнаго блага, не могъ не остановиться на этомъ вопросѣ. Въ цѣломъ рядѣ статей онъ обличаетъ недостатки тогдашняго судопро-

---

[1]) Въ „Живописцѣ“ приводится много примѣровъ этого моднаго „щегольского нарѣчія“; таково, напр., письмо Щеголихи къ издателю: „*Mon coeur*, Живописецъ! Ты, радость, *безпримѣрный* авторъ. По чести говорю, *ужесть какъ ты славенъ*; читая твои листы, я *безподобно утѣшаюсь*; какъ все у тебя славно: слогъ *растеганъ*, мысли *прыгающи*. По чести скажу, что твои листы вѣчно меня прельщаютъ; клянусь, что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *дистракціи*“... См. также „Опытъ моднаго словаря щегольского нарѣчія“, дающій достаточное представленіе объ изысканномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грубомъ языкѣ тогдашнихъ пети-метровъ и щеголихъ.

изводства и выводитъ типы судей-взяточниковъ, наживающихъ неправдою цѣлыя состоянія. Типы эти изображены имъ чрезвычайно живо и художественно, при чемъ онъ, по своему обыкновенію, заставляетъ ихъ самихъ выступать передъ читателемъ съ письмами и признаніями, ярко рисующими ихъ внутренній міръ, ихъ взгляды и привычки.

Письма отставного судьи.

Таковы, напр., „письма“ нѣкоего судьи къ своему племяннику; въ нихъ прекрасно схвачены характерныя черты стараго взяточника и крючкотвора; изъ его словъ и наивныхъ признаній вырисовывается цѣлое своеобразное міросозерцаніе, въ которомъ инстиктивная вражда къ просвѣщенію сочетается съ простодушной, хотя и чисто внѣшней религіозностью, а закоренѣлая привычка къ мздоимству и беззаконію—съ смиреннымъ сознаніемъ своей грѣховности и готовностью къ покаянію. Прекрасно схвачены въ письмахъ также самый языкъ и тонъ, вполнѣ соотвѣтствующіе изображаемому типу, благодаря чему получается чрезвычайно живой и законченный образъ. Уговаривая своего племянника поступить въ приказную службу, судья-дядя соблазняетъ его тѣмъ, что служба эта очень „нажиточна“, и приводитъ въ примѣръ собственный опытъ: „Тебѣ извѣстно, что по пріѣздѣ моемъ на воеводство не имѣлъ я за собой больше шестидесяти душъ крестьянъ; а нынѣ, благодаря Подателя намъ всякихъ благъ, трудами моими и неусыпаннымъ попеченіемъ, нажилъ около трехъ сотъ душъ, не считая денегъ, серебра и прочей домашней рухляди“. За это время онъ прекрасно постигъ „судейскую науку“, которая состоитъ въ томъ, „чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію“. Онъ сознаетъ, что поступаетъ не хорошо, продавая за деньги правосудіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что иначе поступать невозможно и что возставать противъ взятокъ могутъ одни лишь вольнодумцы. „Я самъ грѣшникъ,—пишетъ онъ,—вѣдаю, что беззаконія моя превыдоша главу мою; знаю, что преступникъ законовъ, что окрадывалъ Государя, разорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ; короче сказать, грѣшилъ я по слабости человѣческой, еще и нынѣ грѣшу почти противу всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ черезъ пророка Моисея, и противу гражданскихъ законовъ; но не погасилъ любве къ Богу, исповѣдываю бо Его предъ всѣми Творцомъ всея вселенныя, сотворившимъ небо, землю и вся видимая, всевидящимъ окомъ, созерцающимъ въ глубину сердецъ нашихъ... Сказано: постомъ, бдѣніемъ и молитвою побѣдиши діавола; я исполняю церковныя преданія, службу Божію слушаю съ сокрушеннымъ сердцемъ; посты, среды и пятки всѣ сохраняю, не только самъ, но и домочадцевъ своихъ къ тому принуждаю...“ Увѣщевая своего племянника оставить чтеніе свѣтскихъ книгъ и знакомство съ учеными людьми, авторъ письма говоритъ: „Оставь сіи развращающія разумы ваши науки, къ которымъ ты толико прилѣпляешься; оставь сіи пагубныя книги, которыя дѣлаютъ васъ толико гордыми, и вспомни, что *гордымъ Господь противится, смиреннымъ же даетъ благодать*. Перестань знаться по-вашему съ учеными, а по-нашему съ невѣждами, которые проповѣдываютъ добродѣтель, а сами

столько же ей слѣдуютъ, сколько и тѣ, которыхъ они учатъ, или и еще меньше".

Вмѣсто всѣхъ этихъ пустыхъ и вредныхъ занятій, старый судья уговариваетъ племянника поступить на службу и дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ другіе, т.-е. пользоваться отъ службы установленными обычаемъ доходами, хотя бы и приходилось для этого поступать вопреки совѣсти и законамъ,—потому что „во всякой службѣ и должности слабому человѣку не можно пробыти безъ грѣха; мы, бренное сотвореніе, сосудъ скудельный, какъ возможемъ отречься отъ искушенія!.. Вы твердите: *я бы не бралъ взятокъ*. Знаете ли вы, что такія слова не что иное, какъ первородный грѣхъ, *гордость*? Развѣ думаете, что вы сотворены не изъ земли, и что вы крѣпче Адама? Когда первый человѣкъ не могъ избавиться отъ искушенія, то какъ вы, будучи въ толико кратъ его слабѣе, колико кратъ меньше его живете на землѣ, гордитесь несвойственной сложенію вашему твердостью?".

Злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ.

Наконецъ, во многихъ статьяхъ сатирическихъ журналовъ Новикова затронуты также и вопросы о *положеніи крестьянъ*, о крѣпостномъ правѣ и связанныхъ съ нимъ злоупотребленіяхъ. Таковы, напр., приведенныя въ «Трутнѣ» донесеніе старосты своему помѣщику и челобитная къ нему отъ разорившагося крестьянина, обрисовывающія тяжелое положеніе крѣпостной деревни, подъ властью такихъ помѣщиковъ, которые заботились только о своихъ доходахъ и потому облагали крестьянъ непосильными оброками и поборами, доводя ихъ иногда до полнаго разоренія [1]). Грубость нравовъ, свойственная эпохѣ, ни на комъ такъ тяжело не отражалась, какъ на крѣпостныхъ, всецѣло зависѣвшихъ отъ помѣщика, располагавшаго ихъ судьбою по своему произволу. Неоднократно говорится въ сатирическихъ журналахъ о дурномъ обращеніи помѣщиковъ съ крѣпост-

1) Въ письмѣ изъ Каширы („Трутень", листъ XVI) слѣдующими чертами описывается жизнь одного мѣстнаго богатаго помѣщика, владѣльца трехъ тысячъ душъ: главное его занятіе заключается въ томъ, что онъ „изыскиваетъ, можетъ ли боецъ-гусь побѣдить на поединкѣ лебедя: ради чего выписываетъ изъ Арзамаса самыхъ славныхъ гусей и платитъ за нихъ по 20, по 30 и по 50 рублей за каждаго; имѣетъ и бойцовъ пѣтуховъ. Содержитъ великое число псовой охоты, и ежегодно положенный на него сосѣдями за помятіе ихъ луговъ оброкъ платитъ безъ доимочно. Ѣздитъ на ярмонки верстъ за 200 весьма великолѣпно: а именно, самъ въ четверомѣстномъ дѣдовскомъ берлинѣ въ 10 лошадей, и еще 12 колясокъ, запряженныхъ 6 и 4 лошадьми, исключая повозокъ и фуръ съ палатками, поваренной посудой и всякимъ его господскимъ стяжаніемъ. Свиту его составляютъ люди весьма отборные: въ 4 коляскахъ сидятъ по два шута, въ 3-хъ по два дурака, а въ берлинѣ онъ, да священникъ, его духовникъ; въ прочихъ же экипажахъ собаки, гуси и пѣтухи-бойцы". Это письмо, повидимому, представляетъ собой „сатиру на лицо", т.-е. изображенный въ немъ портретъ списанъ съ дѣйствительнаго подлинника: такую сатиру Новиковъ вообще считалъ не только вполнѣ допустимой, но даже и болѣе дѣйствительной въ смыслѣ исправленія нравовъ.

ными и дворовыми, о наказаніи «на конюшнѣ» и нещадномъ сѣченіи за недоимки или за разные проступки, иногда даже за маловажные. Типы такихъ дурныхъ помѣщиковъ изображены Новиковымъ въ лицѣ Злорада, Змѣяна, Безразсуда, людей надменныхъ и жестокихъ, часто забывающихъ, что «и рабы суть человѣки». Про одного изъ нихъ Новиковъ говоритъ: «Злорадъ — человѣкъ весьма злобный, не знаетъ человѣчества, грубъ, жестокъ, гордъ передъ своими подчиненными... крестьянъ считаетъ скотами: по его мнѣнію, и скоты, и крестьяне равно сотворены для удовольствованія нашихъ страстей».

„Отрывки изъ путешествія".

Особенно ярко сочувствіе Новикова къ крестьянамъ выступаетъ въ „Отрывкахъ изъ путешествія И. Т." (въ *Живописцѣ*), гдѣ онъ рисуетъ картину деревни *Разоренной*, чрезвычайно мрачными красками изображая положеніе крестьянъ подъ властью дурного помѣщика.

Несомнѣнно, краски въ этомъ изображеніи нѣсколько сгущены для усиленія впечатлѣнія, но вся статья проникнута искреннимъ чувствомъ,— чувствомъ симпатіи къ крѣпостнымъ „рабамъ" и чувствомъ негодованія противъ жестокихъ владѣльцевъ. Внѣшняя форма ея, форма „путевыхъ записокъ", повидимому, внушена новымъ въ то время романомъ англійскаго писателя Стерна: „Сентиментальное путешествіе" (1768), наполненнымъ размышленіями, лирическими отступленіями и чувствительными изліяніями по поводу всего видѣннаго въ пути; на это указываетъ самъ Новиковъ (въ другой статьѣ), говоря, что „Отрывокъ" написанъ *„въ Англійскомъ вкусѣ"*. Увлекаясь своимъ негодованіемъ при видѣ бѣдственнаго положенія крестьянъ, авторъ „Отрывковъ" возвышается иногда до настоящаго паѳоса. „Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною во образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе... О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь къ ближнему, ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содраганіемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня, ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истина перомъ моимъ руководствуетъ!"— „Отрывки изъ путешествія И. Т." являются въ русской литературѣ первымъ рѣзкимъ протестомъ противъ крѣпостного права: поэтому они вызвали негодованіе многихъ дворянъ-помѣщиковъ, чувствовавшихъ себя задѣтыми Новиковскою сатирой.

Письма къ Ѳалалею.

Къ числу лучшихъ, наиболѣе удачныхъ и художественныхъ статей сатирическихъ журналовъ Новикова принадлежатъ «Письма къ Ѳалалею». Они интересны еще и въ томъ отношеніи, что въ нихъ мы встрѣчаемъ почти всѣ темы, которыя затрагивала журнальная сатира того времени. Письма эти живо рисуютъ бытъ, нравы и по-

нятія уѣздныхъ дворянъ, проводившихъ всю свою жизнь въ деревенскихъ захолустьяхъ, характеризуютъ ихъ невѣжественность и косность, грубость взаимныхъ отношеній, жестокое обращеніе съ крѣпостными, произволъ по отношенію къ низшимъ и слабымъ, отсутствіе всякаго представленія о долгѣ и справедливости.

Въ первомъ письмѣ къ Ѳалалею, отецъ его жалуется, что настали тяжелыя времена: „житье то наше дворянское нынче стало очень худенько. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: чортъ ли это слыхалъ, прости Господи, какая вольность! дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать, нельзя у сосѣда и земли отнять“... Жалуется онъ и на уменьшеніе доходовъ съ имѣнія: „съ мужиковъ ты хоть кожу дери, такъ немного прибыли. Я, кажется, и не плошаю, да што ты изволишь сдѣлать... сѣку ихъ нещадно, а всіо прибыли нѣтъ; годъ отъ году всіо больше и больше мужики нищаютъ; Господь на насъ прогнѣвался, Ѳалалеюшка“... Сатирическія статьи въ журналахъ, обличающія дурныхъ помѣщиковъ, приводятъ его въ негодованіе: „Што за живописецъ такой у васъ проявился! какой-нибудь нѣмецъ, а православный етова не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ тиранами, а того проклятой не знаетъ, што въ старину тираны бывали некрещены и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети Минеи; а наши мужики вить не святые: какъ же намъ быть тиранами?“ Во второмъ письмѣ къ Ѳалалею, отецъ уговариваетъ его оставить военную службу („за честью, свѣтъ, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть“), пріѣхать въ деревню, жениться и заняться хозяйствомъ. „А я тебѣ уже и пріискалъ невѣсту: дѣвушка не убогая, грамотѣ и писать умѣетъ, а пуще всего великая экономка“... при томъ она — „двоюродная племянница нашему воеводѣ: вить ета, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумна: то-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить“. Въ томъ же письмѣ сообщаетъ онъ сыну о болѣзни матери: она сильно взволновалась тѣмъ, что кто-то изъ дворовыхъ перешибъ крестецъ Налеткѣ, любимой охотничьей собакѣ сына, принялась это дѣло разслѣдовать, да такъ „надсадила себя“, что совсѣмъ слегла: „присунулась къ ней огневица“, такъ что даже „и ворожеи не помогаютъ“. „Я тово и жду, какъ пошлетъ Богъ по душу. Знать, что, Ѳалалеюшка, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ съ матерью и съ Налеткою. Тебѣ, другъ мой, все-таки легче моего: налеткины щенята, слава Богу, живы: авось-таки которой нибудь удастся по матери; а мнѣ ужъ едакой жены не нажить!“ Но, сокрушаясь о болѣзни жены, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаетъ: „виноватъ я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку; я крутъ больно, а она не уступчива, такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки“. Когда же больная умираетъ, то онъ „воетъ о ней, какъ корова“. Объ этомъ сообщаетъ Ѳалалею его дядя, который также совѣтуетъ ему уѣзжать изъ Петербурга и поступить куда-нибудь въ приказную службу, „гдѣ похлѣбнѣе“, ссылаясь на примѣръ какого-то Авдула Еремѣевича, который „хотя и не долго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ замужъ“.

Эти письма (а также и письмо матери Θалалея) прекрасно рисуютъ ихъ взаимныя отношенія, ихъ взгляды и понятія, всю домашнюю жизнь уѣздныхъ дворянъ; прекрасно выдержанъ также и самый языкъ писемъ, вполнѣ соотвѣтствующій характеру выведенныхъ лицъ.

Положительныя идеи Новикова.

Въ своей сатирической дѣятельности Новиковъ исходилъ изъ нѣкоторыхъ положительныхъ идей, лежавшихъ въ основѣ его критики различныхъ общественныхъ недостатковъ. Однѣ изъ этихъ идей уже раньше проводились русскими сатириками, напр., Кантемиромъ: такова, напр., идея о *необходимости просвѣщенія*, защита его отъ нападокъ со стороны суевѣрныхъ и невѣжественныхъ приверженцевъ старины. Другія идеи представляютъ собой отраженіе новыхъ взглядовъ, особенно выдвинутыхъ просвѣтительной философіей XVIII вѣка: такова, напр., идея *гуманности* („человѣчества“, какъ переводитъ этотъ терминъ Новиковъ), во имя которой „Трутень“ и „Живописецъ“ возставали противъ всяческаго угнетенія, противъ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, противъ примѣненія пытокъ при судопроизводствѣ, а также идея *равенства* людей, которую они проводили, нападая на родовую спесь, на сословные предразсудки, требуя уваженія ко всякой человѣческой личности и выше всего ставя труды и заслуги людей. Наконецъ, важную роль въ дѣятельности Новикова играла и идея *національной самобытности*, во имя которой онъ возставалъ противъ рабскаго увлеченія всѣмъ иностраннымъ, противъ нелѣпой подражательности и презрительнаго отношенія ко всему русскому, родному; въ этомъ отношеніи Новиковъ примыкалъ къ той группѣ русскихъ писателей Екатерининскаго времени, въ дѣятельности которыхъ отразилось пробужденіе національнаго самосознанія, инстинктивное стремленіе къ народности, живой интересъ къ народной жизни и народной старинѣ (Чулковъ, Мих. Поповъ, Аблесимовъ, отчасти—Фонвизинъ и Державинъ).

Отношеніе общества къ Новиковской сатирѣ.

Журналы Новикова пользовались большимъ успѣхомъ среди публики и переиздавались неоднократно (напр., „Живописецъ“ выдержалъ еще при жизни Новикова пять изданій). Самъ Новиковъ объяснялъ этотъ успѣхъ тѣмъ, что журналы его „пришлись по вкусу нашихъ мѣщанъ“, т.-е. нашли себѣ сочувствіе въ широкихъ кругахъ грамотныхъ людей, незнакомыхъ съ иностранными языками. — Но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлая и рѣзкая сатира „Трутня“ и „Живописца“ вызвала сильное неудовольствіе среди лицъ и общественныхъ группъ, чувствовавшихъ себя задѣтыми ею; особенно негодовали противъ Новикова многіе помѣщики-дворяне, владѣльцы „крѣпостныхъ душъ“, за его нападки на крѣпостное право и связанныя съ нимъ злоупотребленія: эти нападки они считали оскорбительными для „цѣлаго дворянскаго корпуса“, т.-е. для всего сословія, такъ что Новикову приходилось оправдываться и доказывать, что онъ въ своихъ нападкахъ имѣлъ въ виду не все дворянство, а лишь тѣхъ невѣжественныхъ и жестокихъ дворянъ, которые имѣютъ слабость „забывать человѣчество“ и потому употребляютъ во зло свои „преимущества“ (см. статью „Англійская прогулка“ въ „Живописцѣ“).

Журнальная полемика по вопросу о характерѣ сатиры.

Но была недовольна дѣятельностью Новикова и императрица Екатерина. Ей не понравилась *рѣзкость* его сатиры, суровость его обличеній. Какъ въ своихъ комедіяхъ, такъ и въ журналахъ, Екатерина допускала лишь легкую, безобидную сатиру *„въ улыбательномъ родѣ“*,

ограничивавшуюся забавными насмѣшками надъ человѣческими слабостями и недостатками. Свое неудовольствіе Екатерина выразила на страницахъ „Всякой всячины“; Новиковъ возражалъ въ „Трутнѣ“, и такимъ образомъ возникла любопытная полемика по вопросу о характерѣ и задачахъ сатиры, въ которой приняли участіе также и другіе журналы („Смѣсь“, „Адская Почта“, „И то и сіо“). Екатерина упрекала Новикова за рѣзкость и нетерпимость его статей; по ея мнѣнію, онъ видитъ „пороки“ тамъ, гдѣ можно усмотрѣть лишь „слабости“, свойственныя вообще природѣ человѣка: нападая съ такой суровостью на эти слабости, онъ обнаруживаетъ, что ему чужды „человѣколюбіе и снисхожденіе“. Ей казалось также, что Новиковъ слишкомъ мрачно смотритъ на русскую жизнь, изображаетъ ее черезчуръ темными красками, и что статьи его преисполнены „меланхоліей“ и потому вмѣсто смѣха производятъ одну только грусть. Повидимому, ей вообще былъ непріятенъ общественный характеръ сатиры Новикова, его постоянныя обличенія различныхъ золъ, отъ которыхъ страдала русская земля: она считала, что задача сатирика исчерпывается проповѣдью *личнаго* исправленія, и обращалась къ современникамъ съ призывомъ: „любезные граждане! перестанемъ быть злыми, и не будемъ имѣть причины жаловаться на неправосудіе“.

Взгляды Новикова на значеніе сатиры.

Возражая противъ мнѣній императрицы, Новиковъ излагалъ свой собственный взглядъ на задачу сатиры. Онъ придавалъ ей гораздо болѣе серьезное значеніе, чѣмъ Екатерина, видѣлъ въ ней могущественное средство для борьбы съ пороками и недостатками современнаго общества. Поэтому излишняя снисходительность къ этимъ порокамъ казалась ему вредной и неумѣстной; называть пороки слабостями, извинять ихъ во имя человѣколюбія, значило, по его мнѣнію, потворствовать имъ („сшить порокамъ кафтанъ изъ человѣколюбія“): „больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто нисходитъ къ онымъ“, писалъ онъ. Видя въ исправленіи пороковъ служеніе общему благу, Новиковъ смотрѣлъ очень серьезно на значеніе сатиры и потому относился довольно отрицательно къ легкимъ и поверхностнымъ насмѣшкамъ „Всякой всячины“ надъ человѣческими слабостями, считая, что эти насмѣшки служатъ для одной забавы и не приносятъ никакой нравственной пользы. Стремясь къ непосредственному воздѣйствію на современниковъ, Новиковъ допускалъ даже сатиру „*на лицо*“, т.-е. такую, которая направлена противъ отдѣльныхъ, опредѣленныхъ личностей, даетъ болѣе или менѣе вѣрные портреты, списанные съ „подлинниковъ“. Онъ полагалъ даже, что такая сатира болѣе дѣйствительна и болѣе способна исправить порочнаго, чѣмъ отвлеченное изображеніе того или другого человѣческаго порока, нарисованнаго общими чертами, въ которыхъ никто не захочетъ узнавать себя. Напротивъ того, Екатерина считала сатиру „на лицо“ совершенно недопустимой и находила, что „всякое задѣваніе особъ, что по чужестранному персоналитетъ называется, показываетъ невѣжливость, глупость и злость того, который пишетъ“.

Судьба Новиковскихъ журналовъ.

Неудовольствіе вліятельныхъ лицъ и самой императрицы не могло остаться безъ вліянія на дѣятельность Новикова: ему пришлось значительно сбавить тонъ своей сатиры и сузить кругъ своихъ обличеній.

Второй годъ „Трутня“ (1770) гораздо слабѣе и блѣднѣе перваго. Въ немъ уже не встрѣчается прежнихъ рѣзкихъ нападокъ на серьезные недостатки современной русской жизни, каковы: взяточничество, непра-

ТРУТЕНЬ.

ЛИСТЪ XXX. НОЯБРЯ 17 ДНЯ.

73.

Копія съ другой отписки.

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьетъ челомъ и плачется сирота твой Ѳилашка.

По указу твоему господскому, я сирота твой на сходѣ высѣченъ, и клѣти мои проданы за безцѣнокъ, также и корова, а деньги взяты въ оброкъ, и съ меня староста правитъ остальныхъ, только мнѣ взять нѣгдѣ, остался съ четверыми робяшишками малъ мала меньше, и мнѣ, государь, ни ихъ, ни себя кормить нѣчемъ; надъ робяшишками и надо мною зжалился міръ, видя нашу бѣд-

Ь

Снимокъ съ „Трутня“ Новикова.

восудіе, злоупотребленіе помѣщичьей властью; зато въ журналѣ появляются всевозможныя стихотворенія, вовсе не имѣющія обличительнаго характера: пѣсни, романсы, стансы и т. д. Эта перемѣна была тотчасъ же замѣчена читателями, обращавшимися къ издателю съ жалобой на

то, что журналъ утратилъ свой интересъ: „кой чортъ! — говорится въ одномъ письмѣ,—что тебѣ сдѣлалось? ты совсѣмъ сталъ не тотъ... нынѣшній Трутень прошлогоднему не годится и въ слуги". Перемѣна въ характерѣ журнала отразилась и на его распространеніи: продажа листовъ значительно сократилась, интересъ къ нимъ публики упалъ. То же повторилось и съ „Живописцемъ": во второй годъ изданія онъ также измѣнилъ своему рѣзко-сатирическому направленію, сталъ помѣщать переводы, нравоучительныя статьи, даже похвальныя оды. Третій журналъ Новикова: „Кошелекъ" уже вовсе не затрагиваетъ прежнихъ серьезныхъ общественныхъ темъ и всецѣло посвященъ осмѣянію петиметровъ и щеголихъ, ихъ нелѣпой галломаніи и всевозможныхъ модныхъ увлеченій.

Просвѣтительная дѣятельность Новикова.

Изданіемъ „Кошелька" закончилась дѣятельность Новикова, какъ сатирика. Его издательская дѣятельность получаетъ другой, *просвѣтительный* и *популярный характеръ:* уже не смѣхомъ, а распространеніемъ знаній, поднятіемъ уваженія къ писателямъ и печатному слову пытается онъ бороться съ закоренѣлымъ невѣжествомъ русскаго общества. По его мнѣнію, „невѣжество есть ядовитый источникъ, изъ коего проистекаютъ всѣ мученія, обременяющія вселенную: слѣпое суевѣріе, беззаконіе и варварство, уничтожающее искусство, суть его спутники". Характерной чертою издательской дѣятельности Новикова является его любовь къ родинѣ, къ родному народу, къ родной старинѣ. Онъ началъ свою дѣятельность именно съ цѣлаго ряда *историческихъ* изданій, посвященныхъ собиранію матеріаловъ, касающихся Россіи, ея прошлаго и настоящаго, и проникнутыхъ горячею къ ней любовью. Еще въ 1773 г. онъ издалъ „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ", еще до сихъ поръ не утратившій своего значенія, потому что въ немъ собрано много цѣнныхъ свѣдѣній, касающихся нашей старой литературы. Въ 1773 г. онъ предпринялъ обширное изданіе: „Древняя Россійская Вивліоѳика", содержавшее собраніе всевозможныхъ историческихъ матеріаловъ; этому изданію оказала щедрую поддержку и сама императрица.

Историческія изданія.

Вступленіе въ масонскій орденъ.

Въ 1775 г. Новиковъ вступилъ въ масонскій орденъ, и съ этого времени издательская дѣятельность его пріобрѣтаетъ еще новый, духовно-нравственный характеръ. Масонство появляется у насъ довольно рано, еще въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка, сначала среди поступавшихъ на русскую службу иностранцевъ. Въ Елизаветинскую эпоху оно значительно распространяется и среди русскихъ, но носитъ случайный, несерьезный характеръ: большинство русскихъ масоновъ увлекалось внѣшними формами масонства, его сложнымъ ритуаломъ, а подчасъ обращало засѣданія „ложи" въ дружескія бесѣды и пирушки и т. д. Благодаря Новикову и его друзьямъ, масонство сдѣлалось вліятельнымъ общественнымъ движеніемъ, которое энергично боролось съ распространившимся безвѣріемъ и матеріализмомъ, сыграло большую роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Съ 1775 г. Новиковъ и его кружокъ ищутъ „истиннаго масонства", которое удовлетворяло бы не только ихъ личнымъ запросамъ, но и *общественнымъ* стремленіямъ. Они переходили отъ одной масонской системы къ другой, пока не выработали цѣльнаго мі-

ровоззрѣнія. Яркимъ выраженіемъ этихъ исканій Новиковскаго кружка былъ журналъ „Утренній Свѣтъ“ (1777—1780).

Характерно, что доходы съ этого журнала должны были идти на содержаніе двухъ открытыхъ нашими масонами школъ. Журналъ ставилъ себѣ цѣлью помогать стремленіямъ „къ познанію человѣка“, къ „врачеванію душъ“ и противодѣйствовать моднымъ французскимъ философамъ, подобнымъ „блеску сусальнаго золота“. Онъ знакомилъ съ древней философіей, ставилъ и рѣшалъ вопросы о Богѣ, о душѣ, объ отношеніяхъ человѣка къ видимому и невидимому міру, пытался примирить вѣру и разумъ.

Особеннымъ успѣхомъ пользовалось среди нашихъ масоновъ сочиненіе нѣмецкаго мистика Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“, призывавшее къ живой, дѣятельной вѣрѣ. Арндтъ писалъ: „Христосъ указалъ путь истинной жизни. Надо идти на помощь ближнему, надо идти къ слабымъ и больнымъ, надо помогать своимъ людямъ-братьямъ, ибо въ этомъ истинная вѣра, истинное служеніе Богу. Житіе современныхъ людей — совершенно не христіанское, подобное, какъ бы они жили во язычествѣ“. Быть христіаниномъ—это значитъ жить во Христѣ и Христа носить въ своей душѣ.

Это ученіе всего больше соотвѣтствовало личнымъ особенностямъ Новикова, его стремленію къ общему благу и дѣятельной любви. Послѣ долгихъ исканій и мучительныхъ сомнѣній, колебаній между вольтерьянствомъ и масонствомъ, онъ опредѣлилъ дальнѣйшій путь своей жизни, сдѣлался убѣжденнымъ послѣдователемъ Христа, руководствовавшимся только идеями добра и любви къ ближнему. Митрополитъ Платонъ, которому императрица Екатерина приказала „испытать въ вѣрѣ“ Новикова, далъ о немъ очень сочувственный отзывъ, какъ объ образцовомъ христіанинѣ.

Переѣздъ Новикова въ Москву.

Въ 1779 г. Новиковъ переѣзжаетъ въ Москву. Благодаря Хераскову, онъ получилъ въ аренду университетскую типографію и газету „Московскія Вѣдомости“. Это позволило ему развить *широкую издательскую дѣятельность*. Онъ группируетъ около себя единомышленниковъ (Шварца, Гамалѣю, И. П. Тургенева, князей Трубецкихъ, богача Походяшина, Лопухина и др.), составившихъ сначала „Дружеское Ученое Общество“, позднѣе — „Типографическую компанію“; собираетъ значительныя средства, организуетъ рядъ крупныхъ предпріятій.

Дѣятельность типографич. компаніи.

Собственное книгоиздательство Новиковскаго кружка, не считая случайныхъ заказовъ постороннихъ лицъ, отличалось глубоко продуманнымъ характеромъ. Онъ ставилъ себѣ цѣли просвѣщенія на началахъ истиннаго христіанства и филантропіи. Имъ было издано громадное количество философскихъ, научныхъ и популярныхъ книгъ, лучшихъ произведеній европейскихъ литературъ, учебниковъ и книгъ для чтенія дѣтей (въ томъ числѣ *первый* дѣтскій журналъ „Дѣтское Чтеніе“), справочныхъ пособій и пр. Новиковъ организовалъ первую публичную библіотеку въ Москвѣ и создалъ русскую книжную торговлю не только въ столицѣ, но и въ провинціи. Для переводовъ съ иностранныхъ языковъ была создана особая „Переводческая семинарія“ изъ способныхъ молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ былъ и Карамзинъ.

Новиковъ ставилъ переводчикамъ условіе—писать простою разговорною рѣчью. Несомнѣнно, въ его школѣ въ значительной степени сложился Карамзинъ, какъ писатель, реформировавшій впослѣдствіи нашу литературную рѣчь. Для приготовленія къ профессорскому и учительскому званію была организована „Учительская семинарія". Лучшихъ воспитанниковъ Новиковскій кружокъ посылалъ для довершенія образованія за границу.

Занятый издательскими и общественными дѣлами, Новиковъ мало удѣлялъ времени задачамъ чисто масонскимъ. Его друзья, убѣжденные масоны (въ особенности Шварцъ), сочувствуя ему и принимая горячее участіе въ его дѣятельности, не могли и не хотѣли отказаться отъ пропаганды масонскихъ идей. Они завели тайную масонскую типографію, печатали особыя изданія для масоновъ; подъ ихъ руководствомъ было издано нѣсколько журналовъ съ преобладающимъ масонскимъ характеромъ: „Московское изданіе" (1781), „Вечерняя Заря" (1782), „Покоющійся трудолюбецъ" (1784—1785), „Магазинъ свободно-каменьщицкій" (1784). Эти журналы проводили идеи мистицизма, которыя были чужды Новикову.

Вѣроятно, подъ его вліяніемъ, въ „Покоющійся Трудолюбецъ" были внесены *сатирическія* статьи, своими темами и духомъ напоминающія статьи „Трутня" и „Живописца". Благодаря ему и Шварцу, въ этихъ масонскихъ журналахъ появляется много прекрасныхъ педагогическихъ статей, развивавшихъ *новые взгляды на воспитаніе*. Онѣ рисуютъ идеалъ разумнаго, *гармоническаго* развитія всѣхъ способностей человѣческой души и тѣла. Особенное вниманіе удѣляется вопросамъ *нравственнаго* воспитанія, которое должно „состоять наипаче въ томъ, чтобы стараться *образовать разумъ и сердце* дитяти, и чрезъ то наилучшимъ образомъ приводить его къ добродѣтели, религіи и христіанству".

Широкая просвѣтительная и филантропическая дѣятельность Новикова обратила на него всеобщее вниманіе. Но кромѣ преданныхъ друзей, у Новикова были многочисленные недоброжелатели, сумѣвшіе возстановить противъ него Екатерину, которая вообще относилась къ масонамъ очень недовѣрчиво. Дѣятельность Типографической компаніи подверглась различнымъ стѣсненіямъ и наконецъ должна была прекратиться; въ 1792 г. надъ самимъ Новиковымъ былъ назначенъ судъ и онъ былъ заключенъ въ шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и оставался до восшествія на престолъ имп. Павла, немедленно освободившаго его. Новиковъ прожилъ еще болѣе 20-ти лѣтъ, но уже совершенно отстранился отъ всякой общественной дѣятельности; умеръ онъ въ 1818 году.

Б. Фонвизинъ.

Біографія Фонвизина.

Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ родился въ 1745 г. въ Москвѣ. Предокъ его, ливонскій рыцарь, былъ взятъ въ плѣнъ еще при Іоаннѣ Грозномъ, остался въ Россіи и сталъ родоначальникомъ фамиліи Фонвизиныхъ, успѣвшихъ съ теченіемъ времени совершенно обрусѣть. О жизни Фонвизина мы узнаемъ главнымъ образомъ изъ его автобіографіи: «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и

помышленіяхъ» [1]), и изъ его писемъ. Отецъ его, человѣкъ высокой нравственности, усвоилъ себѣ лучшія черты старой Руси: онъ былъ хорошимъ семьяниномъ, отличался глубокой религіозностью, сознаніемъ долга и неподкупной честностью. Не получивъ самъ никакого систематическаго образованія, онъ очень заботился о воспитаніи сына: онъ самъ училъ его грамотѣ, и какъ только открыта была гимназія при новоучрежденномъ московскомъ университетѣ, немедленно опредѣлилъ его туда для прохожденія курса наукъ [2]).

Д. И. Фонвизинъ.

Преподаваніе въ новой гимназіи не было поставлено въ первое время на надлежащую высоту [3]); тѣмъ не менѣе Фонвизинъ учился хорошо и дѣлалъ большіе успѣхи, особенно въ языкахъ, такъ что въ 1758 г. его въ числѣ лучшихъ учениковъ отправили въ Петербургъ, для представленія основателю и покровителю московскаго университета И. И. Шувалову. Въ Петербургѣ ему впервые довелось побывать въ театрѣ, который произвелъ на него огромное впечатлѣніе. Въ 1759 г. Фонвизинъ былъ «произведенъ» въ студенты. Къ этому времени относится и начало его литературной дѣятельности: однимъ изъ

---

[1]) Образцомъ для Фонвизина послужили въ этомъ случаѣ *Признанія* (Confessions) Руссо, на которыя онъ и ссылается въ предисловіи. Автобіографія Фонвизина осталась однако незаконченной и доведена имъ лишь до 20-тилѣтняго возраста.

[2]) Фонвизинъ вообще съ большимъ уваженіемъ отзывается о своемъ отцѣ: предполагаютъ даже, что въ лицѣ *Стародума* (въ ком. „Недоросль“) онъ имѣлъ въ виду изобразить именно его. Между прочимъ, отецъ, воспитывая сына въ строго-религіозномъ духѣ, съ малолѣтства заставлялъ его читать „у крестовъ“, т.-е. во время богослуженія. „Сему обязанъ я,—замѣчаетъ Фонвизинъ,—если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе; ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно“.

[3]) Фонвизинъ забавно разсказываетъ о тѣхъ ухищреніяхъ, къ которымъ прибѣгали нѣкоторые находчивые учителя, для того, чтобы скрыть неуспѣшность своего преподаванія. „Я разскажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло:

первыхъ трудовъ его былъ переводъ (съ нѣмецкаго) басенъ Гольберга, датскаго комическаго писателя. Уже въ это время Фонвизинъ прославился въ кругу знакомыхъ своимъ остроуміемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ себѣ много враговъ своими язвительными насмѣшками.

Въ 1762 г., не окончивъ курса въ университетѣ, Фонвизинъ поступилъ на службу въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ [1]). Занимаясь службой, онъ находилъ время и для литературной дѣятельности, много переводилъ, преимущественно съ французскаго. Первымъ крупнымъ оригинальнымъ произведеніемъ Фонвизина была комедія «*Бригадиръ*» (1766 г.), которая утвердила его извѣстность, какъ талантливаго писателя. Самъ авторъ читалъ ее при дворѣ императрицы и наслѣдника и у многихъ вельможъ, и въ его мастерскомъ чтеніи комедія вездѣ встрѣчала единодушное одобреніе.

Служа въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ подъ начальствомъ Никиты Ив. Панина, Фонвизинъ долженъ былъ вести обширную дипломатическую переписку съ русскими посланниками за границей, составлять доклады и проекты. Это ввело его въ кругъ государственныхъ дѣлъ, расширило и углубило его политическіе интересы. Панинъ очень благоволилъ къ нему и оказывалъ ему полное довѣріе. Получивъ въ награду за воспитаніе цесаревича Павла Петровича большія помѣстья, онъ подѣлился со своими секретарями, при чемъ на долю Фонвизина пришлось болѣе тысячи душъ крестьянъ. Это обезпечило его въ матеріальномъ отношеніи и позволило ему предпринять продолжительное заграничное путешествіе, для поправленія здоровья жены (1777—78 гг.). Большую часть времени Фонвизинъ провелъ во Франціи. Свои впечат-

---

учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, въ коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностью, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны“, говоритъ онъ, „но онѣ суть стражи вашей и моей чести, ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; итакъ: когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: второго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете“.

[1]) Одно время Фонвизинъ служилъ секретаремъ при кабинетъ-министрѣ Елагинѣ, который завѣдывалъ театрами и также занимался литературой. При немъ служилъ и другой писатель, Лукинъ, съ которымъ однако Фонвизинъ не поладилъ и который всячески интриговалъ противъ него. Къ этому времени относится также знакомство Фонвизина съ нѣкоторыми изъ русскихъ „вольтерьянцевъ“,—напр., съ молодымъ писателемъ кн. Козловскимъ. Вліяніе новыхъ „философскихъ“ идей отразилось въ написанномъ имъ въ эту пору „Посланіи къ слугамъ“, проникнутомъ духомъ насмѣшливаго, хотя и довольно поверхностнаго скептицизма. Впрочемъ, вліяніе это было непрочно и непродолжительно, такъ какъ противорѣчило глубокимъ религіознымъ традиціямъ, въ духѣ которыхъ онъ былъ воспитанъ.

лѣнія онъ изложилъ въ рядѣ интересныхъ и остроумныхъ писемъ на родину. Они свидѣтельствуютъ о его тонкой наблюдательности, хотя по свойству своего сатирическаго ума онъ обращалъ вниманіе преимущественно на темныя стороны французской жизни и французскаго національнаго характера. Съ большой проницательностью сумѣлъ Фонвизинъ подмѣтить многіе крупные недостатки, которыми страдала современная Франція. Вообще отзывы его о французахъ отличаются крайней суровостью; за исключеніемъ театра (комическаго), онъ не находитъ у нихъ ничего достойнаго похвалы. Конечно, такое огульное осужденіе цѣлой націи совершенно несправедливо и показываетъ крайнюю односторонность взгляда Фонвизина и его привычку подмѣчать въ окружающей дѣйствительности лишь ея смѣшныя и отрицательныя явленія [1]).

На ряду съ такимъ огульнымъ и несправедливымъ осужденіемъ цѣлой націи, въ письмахъ Фонвизина встрѣчается немало вѣрныхъ замѣчаній по поводу различныхъ темныхъ сторонъ политической и общественной жизни Франціи въ эпоху господства „стараго порядка“ (ancien régime). Онъ отмѣчаетъ бѣдность народныхъ массъ, отягощенныхъ непосильными налогами, указываетъ на всевозможныя злоупотребленія власти, напр., на такъ назыв. lettres de cachet (бланки съ королевскою подписью, позволявшіе министрамъ и губернаторамъ заключать неугод-

---

[1]) Фонвизинъ даетъ крайне отрицательный отзывъ о національномъ характерѣ французовъ, отмѣчая въ немъ легкомысліе, непостоянство, страсть къ удовольствіямъ, тщеславіе, самомнѣніе, корыстолюбіе. „Разсудка французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастіемъ своей жизни; ибо оный заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться. Забава есть одинъ предметъ его желаній. А такъ какъ на забавы потребны деньги, то для пріобрѣтенія ихъ употребляетъ онъ всю остроту, которою природа его надѣлила... Мыслятъ здѣсь мало, да и некогда, потому что говорятъ много и очень скоро... Примѣтилъ я вообще, что французъ всегда молодъ, а изъ молодости переваливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно, въ совершенномъ возрастѣ никогда не бываетъ. Непостоянство и вѣтреность не допускаютъ ни пороку, ни добродѣтели въ сердца ихъ поселиться... Нѣтъ способнѣе французовъ усматривать смѣшное, и нѣтъ націи, въ которой бы самой было столь много смѣшного... Жители парижскіе почитаютъ свой городъ столицею свѣта, а свѣтъ — своею провинціей; Бургонію, напримѣръ, считаютъ близкою провинціей, а Россію дальнею... Возмечтаніе ихъ о своемъ разумѣ дошло до такой глупости, что рѣдкій французъ не скажетъ самъ о себѣ, что онъ преразуменъ. Черезъ слово разумъ однако понимаютъ они одно качество, а именно *остроту* его, не требуя отнюдь, чтобы она управляема была здравымъ смысломъ. Всѣ сіи умные люди на двѣ части раздѣляются; тѣ, которые не очень словоохотны и какихъ однакожъ весьма мало, называются philosophes; а тѣмъ, которые врутъ неумолкно, каковы почти всѣ, дается титулъ aimables... Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческой слабостью. Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видывалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе“. Только объ одномъ Руссо отзывается Фонвизинъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, хотя и называетъ его „медвѣдемъ“ за его нелюдимость и необщительность.

ныхъ имъ лицъ въ крѣпость, безъ суда и слѣдствія), на господство разорительной для населенія откупной системы, на продажу должностей и званій и т. д. Всѣ эти замѣчанія доказываютъ большую наблюдательность русскаго путешественника и его способность сознательно и критически отнестись къ европейской жизни и порядкамъ [1]). Любопытенъ также и общій выводъ, который дѣлаетъ Фонвизинъ изъ всѣхъ своихъ заграничныхъ впечатлѣній: „Много пріобрѣлъ я пользы отъ путешествія. Кромѣ поправленія здоровья, научился я быть снисходительнѣе къ тѣмъ недостаткамъ, которые оскорбляли меня въ моемъ отечествѣ. Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худого гораздо больше, нежели добраго; что люди вездѣ люди; что умные люди вездѣ рѣдки; что дураковъ вездѣ изобильно, и словомъ, что наша нація не хуже ни которой, и что мы дома можемъ наслаждаться истиннымъ счастьемъ, за которымъ нѣтъ нужды шататься въ чужихъ странахъ".

Въ 1782 г. была поставлена новая комедія Фонвизина «*Недоросль*», имѣвшая большой успѣхъ у публики. Существуетъ преданіе, что послѣ перваго представленія Потемкинъ (бывшій нѣкогда гимназическимъ товарищемъ Фонвизина) обратился къ нему со словами: «Умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши!» Нѣсколько лѣтъ спустя, Фонвизинъ задумалъ издавать сатирическій журналъ «*Стародумъ*» и написалъ для него нѣсколько остроумныхъ статей, по содержанію своему тѣсно примыкающихъ къ сатирѣ Новиковскихъ изданій: въ нихъ осмѣиваются недостатки современнаго воспитанія (переписка Стародума съ уѣзднымъ помѣщикомъ Дурыкинымъ о наймѣ гувернера), обличаются злоупотребленія судей и подьячихъ («Письмо надворнаго совѣтника Взяткина»), изображаются нравы модныхъ щеголей и щеголихъ («Разговоръ у княгини Халдиной») и т. д. Однако Фонвизинъ не получилъ разрѣшенія на изданіе этого журнала [2]). Послѣдніе годы жизни Фонвизина были омрачены тяжелыми недугами. Разбитый параличемъ, онъ почти утратилъ способность движенія, но до конца сохранилъ бодрость духа и остроуміе. Скончался Фонвизинъ въ 1792 г., въ Петербургѣ.

Предшественники Фонвизина.

Фонвизинъ является главнымъ представителемъ *бытовой комедіи* въ русской литературѣ XVIII вѣка. Ближайшими предшественниками его въ этомъ отношеніи были *Сумароковъ* и *Лукинъ*. Но Сумароковъ находился въ большой зависимости отъ своихъ иностранныхъ

---

1) Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній Фонвизина о французахъ и Франціи, какъ доказали изслѣдователи (Тихонравовъ, Веселовскій), заимствованы имъ изъ книжныхъ и притомъ *французскихъ* источниковъ (изъ Дидро, Дюкло и др.).

2) Запрещеніе изданія произошло, вѣроятно, оттого, что имп. Екатерина была недовольна Фонвизинымъ за нѣкоторыя довольно рѣзкія нападки на придворную жизнь и нравы, встрѣчающіяся въ его „Вопросахъ автору Былей и Небылицъ" (т.-е. самой Екатеринѣ) и въ „Придворной грамматикѣ".

образцовъ, и потому въ его комедіяхъ мало оригинальнаго содержанія; правда, въ нихъ изображаются нѣкоторыя черты современнаго русскаго быта, выводятся иногда русскіе типы, но на ряду съ ними встрѣчаются сцены и лица, цѣликомъ взятыя изъ французскаго театра. Другой предшественникъ Фонвизина—*Лукинъ*, авторъ комедіи «Мотъ, любовью исправленный» (1765) и нѣк. другихъ. Свои комедіи онъ снабжалъ любопытными предисловіями, въ которыхъ излагалъ свои теоретическіе взгляды; въ нихъ онъ доказывалъ необходимость сблизить театръ съ жизнью, придать ему характеръ народности: только тогда, по мнѣнію Лукина, театръ будетъ оправдывать свое назначеніе, т.-е. служить дѣлу нравственнаго исправленія общества. На этомъ основаніи Лукинъ возставалъ противъ рабской подражательности иностраннымъ образцамъ и требовалъ, чтобы авторы брали содержаніе своихъ комедій изъ русской дѣйствительности.—Впрочемъ, считая, что русская литература еще не доросла до полной оригинальности, Лукинъ допускалъ заимствованіе сюжетовъ, характеровъ и типовъ изъ иностранныхъ піесъ, съ тѣмъ условіемъ однако, чтобы авторы старались всячески «*склонять ихъ на наши нравы*». Такъ именно поступалъ и самъ Лукинъ: заимствуя сюжеты своихъ комедій, онъ подвергалъ ихъ коренной переработкѣ, приспособляя ихъ къ русской жизни и обычаямъ [1]). Однако Лукинъ не обладалъ большимъ талантомъ, и потому пьесы его въ художественномъ отношеніи были блѣдны и слабы: ясно сознавая, что нужно сдѣлать,

---

[1]) Въ предисловіи къ комедіи „Награжденное постоянство“ Лукинъ писалъ: „Я буду всѣ шуточныя театральныя представленія всевозможно склонять на наши обычаи, потому что многіе зрители отъ комедій въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого исправленія. Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ“. Требуя отъ русской комедіи близости къ дѣйствительности, Лукинъ возставалъ противъ перенесенія въ нее чертъ, „не наше поведеніе знаменующихъ“, и противъ заимствованія готовыхъ типовъ изъ иностранныхъ комедій, каковы, напр., типы слугъ во французской комедіи, столь непохожіе на нашихъ крѣпостныхъ дворовыхъ. По этому поводу Лукинъ замѣчаетъ: „Они (т.-е. слуги) нерѣдко въ французскихъ комедіяхъ философствуютъ, къ чему наши неудобны; а отъ естества столь много удаляться не только правила, но и разсудокъ не позволяютъ“. Ради требованій естественности Лукинъ старался языку своихъ комедій придать характеръ живой рѣчи и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ отпечатокъ народности: такъ, напр., въ одной комедіи („Щепетильникъ“) онъ выводитъ двухъ рабочихъ, костромичей, съ ихъ мѣстнымъ, костромскимъ нарѣчіемъ и выговоромъ. Для своего времени идеи Лукина были очень новы и смѣлы: въ эпоху всеобщей подражательности, въ эпоху полнаго господства псевдо-классической теоріи, онъ выступилъ съ требованіемъ естественности и народности въ искусствѣ, съ мыслью о созданіи національнаго театра. Однако собственныя попытки Лукина были довольно неудачны, не имѣли никакого успѣха у современниковъ и никакого вліянія на ходъ литературнаго развитія, а самъ онъ былъ скоро забытъ.

чтобы придать русскому театру больше жизненности, онъ не былъ самъ въ состояніи осуществить свои идеи. Эту задачу — сближенія театра съ жизнью, созданія оригинальной русской бытовой комедіи, удалось исполнить лишь его болѣе даровитому современнику, Фонвизину.

Комедія „Бригадиръ“

Литературная извѣстность Фонвизина основывается преимущественно на двухъ его комедіяхъ: «Бригадирѣ» и «Недорослѣ». Изъ нихъ первая не лишена нѣкоторыхъ важныхъ художественныхъ недостатковъ, но тѣмъ не менѣе при своемъ появленіи она имѣла крупный успѣхъ у публики и была отмѣчена цѣнителями, какъ нѣчто новое, доселѣ не бывалое. Графъ Панинъ выразился о ней: «*это первая комедія въ нашихъ нравахъ*», т.-е. цѣликомъ взятая изъ русской дѣйствительности; при этомъ отъ него не ускользнуло ярко-*типическое* значеніе нѣкоторыхъ персонажей, напр., бригадирши, про которую онъ выразился: «бригадирша ваша всѣмъ родная: никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу».

Бытовые типы комедіи.

И другія выведенныя лица также болѣе или менѣе *типичны* для русскаго общества того времени; хотя не всѣ изображены одинаково полно и удачно. Въ «Бригадирѣ» мы видимъ представителей двухъ поколѣній: старшаго и младшаго, съ ихъ недостатками и комическими чертами. Къ старшему поколѣнію принадлежатъ: Бригадиръ, старый отставной служака, грубый и деспотичный,—его жена, Бригадирша, «дурища», по выраженію ея мужа, и скопидомка, интересующаяся только хозяйствомъ и домашней экономіей, — наконецъ, Совѣтникъ, плутъ и взяточникъ, нажившій себѣ на службѣ состояніе своимъ умѣніемъ «толковать законы». Къ младшему поколѣнію принадлежатъ: сынъ бригадира — Иванушка, Совѣтница, а также Софья и Добролюбовъ, добродѣтельные персонажи комедіи, обрисованные, впрочемъ, очень слабо и блѣдно.

Иванушка.

Главнымъ лицомъ комедіи Фонвизина является *Иванушка*. Это типичный *пети-метръ*, какихъ было много среди русской молодежи того времени [1]). Типъ этотъ неоднократно изображался и осмѣивался нашими сатириками, начиная съ Кантемира (Медоръ); онъ

[1]) Впрочемъ, этотъ типъ былъ распространенъ не въ одной Россіи, но и въ другихъ европейскихъ странахъ, гдѣ въ эту эпоху господствовала *галломанія*, особенно въ высшихъ классахъ общества. Такъ, напр., такой модный пети-метръ выведенъ въ комедіи датскаго писателя *Гольберга*: „Jean de France“; предполагаютъ, что эта піеса не осталась безъ вліянія на „Бригадира“: на это указываютъ сходство въ построеніи обѣихъ комедій и совпаденіе нѣкоторыхъ подробностей. Еще до появленія „Бригадира“ комедія Гольберга была передѣлана Елагинымъ („Французъ-Русскій“) и Каринымъ („Россіянинъ, возвратившійся изъ Франціи“).

выступаетъ въ комедіяхъ Сумарокова и имп. Екатерины, въ сатирическихъ журналахъ Новикова и др., но въ «Бригадирѣ» онъ обрисованъ особенно ярко и рельефно. Въ лицѣ Иванушки Фонвизинъ хотѣлъ осмѣять «новоманерное невѣжество» модныхъ щеголей, ихъ смѣшную галломанію и нелѣпое презрѣніе ко всему родному, русскому. Подобные типы являлись естественнымъ слѣдствіемъ дурной постановки тогдашняго *воспитанія,* поручавшагося нерѣдко совершенно невѣжественнымъ иностранцамъ, преимущественно французамъ, которые прививали своимъ воспитанникамъ лишь нѣкоторый внѣшній лоскъ европейской культуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушали имъ рабское преклоненіе передъ всѣмъ иностраннымъ, смѣшную и наивную подражательность.

Иванушка получилъ образованіе во французскомъ пансіонѣ, содержателемъ котораго былъ бывшій кучеръ. Затѣмъ онъ попалъ въ Парижъ, и это окончательно вскружило ему голову. Глупый отъ природы, Иванушка ничему путному не научился въ Парижѣ и вывезъ оттуда лишь жеманныя манеры (онъ постоянно „кобенится“, ломается), легкомысліе и высокомѣрное презрѣніе ко всему русскому. Онъ жалѣетъ о томъ, что родился русскимъ: „это такое дефо (недостатокъ)“, которое „тоталеманъ (совершенно) исправить нельзя“; впрочемъ, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что, хотя тѣло его и родилось въ Россіи, однако душа его „принадлежитъ коронѣ французской“. Собираясь вызвать на дуэль отца, какъ своего „риваля“ (соперника), онъ ссылается на примѣръ, вычитанный изъ французской книжки: „а я, развѣ я скотъ, чтобы не послѣдовать тому, что хотя одинъ разъ случилось въ Парижѣ?“ Къ родителямъ онъ относится безъ всякаго уваженія, какъ къ людямъ стараго покроя: „я индеферанъ (равнодушенъ) во всемъ томъ, что надлежитъ до моего отца и матери“; а о послѣдней онъ отзывается еще болѣе рѣзко: „отецъ, сказываютъ, до женитьбы не вѣрилъ, что и чертъ есть; однако, женясь на моей матушкѣ, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ (существуетъ)“. Семейной жизни и семейныхъ обязанностей Иванушка вообще не признаетъ, считая ихъ чѣмъ-то старомоднымъ и смѣшнымъ: въ этомъ сказалось, конечно, вліяніе нравственной распущенности того общества, среди котораго онъ вращался въ Парижѣ. Встрѣчаются въ его рѣчахъ также и отголоски дурно-понятыхъ идей современной „просвѣтительной философіи“,—напр., идеи равенства; недовольный строгостью отца, требующаго себѣ повиновенія, Иванушка спрашиваетъ его: „да какое право имѣете вы надо мною властвовать?“—и затѣмъ объясняетъ ему, путемъ своеобразнаго разсужденія, что отецъ не имѣетъ права требовать отъ него себѣ уваженія: „когда щенокъ не обязанъ респектовать (уважать) того пса, кто былъ его отецъ, то обязанъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?“—на что раздраженный родитель возражаетъ: „что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь“.

Подстать Иванушкѣ и *Совѣтница,*—жеманная провинціальная кокетка, воспитанная на легкомысленныхъ романахъ, проводящая цѣлые часы за туалетомъ, пересыпающая свою рѣчь французскими выраженіями и манерными словечками, составлявшими неизмѣнную принадлежность языка модныхъ щеголихъ: „вы ужасъ какъ бизарны! (своенравны)“;—„для меня нѣтъ ничего комоднѣе (удобнѣе) свободы“;—„полно скиляжничать (браниться): я капабельна (способна) съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить (укорять) станешь“.—Мужъ ея, *Совѣтникъ,* плутъ и взяточникъ, „прямая приказная строка“, ловкій дѣлецъ, нажившій себѣ состояніе своимъ умѣніемъ „толковать законы“ и вышедшій въ отставку послѣ указа о лихоимствѣ. Онъ убѣжденъ, что не брать на службѣ взятки—невозможно, такъ какъ это „противъ натуры человѣческой“, и самъ разсказываетъ про себя, что у него—всѣ платили: „виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ большой ханжа и святоша: по словамъ жены, „онъ не пропускаетъ ни обѣдни, ни заутрени, и думаетъ, что будто Богъ столько комплезанъ (милостивъ), что за всенощную проститъ ему то, что онъ днемъ наворовалъ“. Вся психологія его ярко выражена въ словахъ, съ которыми онъ обращается къ Бригадиршѣ: „согрѣшимъ и покаемся!“ [1])—*Бригадиръ,* хотя его именемъ названа вся пьеса, очерченъ довольно блѣдно. Это старый служака, грубый и деспотичный, вымещавшій на своей женѣ „вину всякаго рядового“, грозящій сыну „разомъ выхватить у него два ребра“.—Жена его, *Бригадирша,* „набитая дурища“, по выраженію мужа, и большая скопидомка, интересующаяся только хозяйствомъ и домашней экономіей, готовая „за рубль вытерпѣть горячку съ пятнами“, по словамъ сына; впрочемъ, не лишенная нѣкоторыхъ болѣе симпатичныхъ качествъ, напр., добродушія (разсказъ о несчастной капитаншѣ). По свидѣтельству самого автора, Бригадирша списана имъ съ „подлинника“, т.-е. съ дѣйствительнаго лица, съ одной знакомой московской барыни. Прочія лица комедіи.

Успѣхъ „Бригадира“ объясняется несомнѣнными достоинствами пьесы, выдѣлявшими ее изъ ряда блѣдныхъ подражаній и передѣлокъ чуждыхъ намъ французскихъ образцовъ. Достоинства эти: *жизненность нѣкоторыхъ типовъ,* взятыхъ изъ дѣйствительности, иногда прямо списанныхъ съ натуры, *живой и бойкій языкъ,* соотвѣтствующій характеру каждаго лица, множество *истинно-комическихъ чертъ и выраженій,* разбросанныхъ во всей комедіи. Но на ряду съ этимъ есть въ „Бригадирѣ“ также и существенные недостатки, объясняющіеся отчасти молодостью и неопытностью автора: въ комедіи *мало дѣйствія* и самое *построеніе ея довольно искусственно,* такъ какъ всѣ лица ея связаны лишь одной любовной интригой, составлявшей необходимую принадлежность псевдоклассической комедіи, при чемъ дѣло не обошлось безъ очевидныхъ Достоинства и недостатки „Бригадира“.

[1]) Подобное сочетаніе плутовства и ханжества видимъ мы и въ аналогичныхъ типахъ, выведенныхъ въ сатирическихъ журналахъ. Таковъ, напр., старый судья, укоряющій племянника за вольнодумство (см. стр. 409), таковъ и другой судья, „ябедникъ и крючкотворъ“, который „дѣла подписываетъ перекрестясь, говоря: честной де крестъ на враги побѣда,—несмотря, что тѣ его враги бываютъ иногда законы, истина, правосудіе, честь и добродѣтель“ (*Трутень,* листъ IX).

натяжекъ и несообразностей: такъ, напр., крайне неестественъ въ роли влюбленнаго вздыхателя Совѣтникъ, человѣкъ уже пожилой, который „съ поста и молитвы скоро на усопшаго походить будетъ“, по выраженію Бригадирши. Увлекаясь своей способностью смѣшить, Фонвизинъ въ „Бригадирѣ“ часто допускаетъ *преувеличенія*, впадаетъ въ шаржъ, въ карикатуру: такъ, карикатурностью отзываются тѣ сцены, которыя должны характеризировать глупость Иванушки и Бригадирши: глупость ихъ превосходитъ всякое вѣроятіе, становится неестественной. Вообще изображеніе характеровъ въ комедіи грѣшитъ нѣкоторой *односторонностью*: лица, выведенныя въ ней, изображены „не во весь ростъ“ (выраженіе кн. Вяземскаго), а лишь съ одной какой-либо комической стороны, преувеличенной до карикатуры. Все это однако не умаляетъ важнаго значенія „Бригадира“, какъ первой комедіи „въ нашихъ нравахъ“, притомъ блещущей мѣстами неподдѣльнымъ остроуміемъ.

„Недоросль“. Г-жа Простакова.

Гораздо болѣе зрѣлой въ художественномъ отношеніи является вторая комедія Фонвизина—«Недоросль». Главное, центральное лицо этой комедіи—*госпожа Простакова*. На ней держится все дѣйствіе комедіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ она изображена полнѣе и ярче всѣхъ другихъ выведенныхъ лицъ. Портретъ ея, въ художественномъ отношеніи, очень удался Фонвизину. Г-жа Простакова совершенно живое лицо, съ опредѣленными, ясно выраженными чертами характера: въ обрисовкѣ ея *нѣтъ односторонности*, которою часто грѣшили авторы псевдо-классическихъ комедій, представлявшіе свои персонажи воплощеніемъ какого-либо одного порока или слабости (скупости, гордости, тщеславія и т. д.); въ изображеніи г-жи Простаковой *нѣтъ и тѣхъ преувеличеній*, къ которымъ былъ склоненъ самъ Фонвизинъ, нерѣдко впадавшій благодаря этому въ карикатурность. Характеръ г-жи Простаковой, въ психологическомъ отношеніи, обрисованъ съ большимъ искусствомъ, вѣренъ дѣйствительности и прекрасно выдержанъ съ начала до конца: вся ея несложная духовная жизнь раскрыта авторомъ, показаны различныя стороны ея существа, обнаружены двигательныя пружины ея дѣйствій; благодаря этому сцены, въ которыхъ выступаетъ Простакова, являются безусловно лучшими въ комедіи, наиболѣе яркими и живыми.

Художественность и жизненность ея изображенія.

Условія, воспитавшія ея характеръ: отсутствіе образованія.

Но Фонвизинъ не ограничился тѣмъ, что обрисовалъ яркими чертами портретъ г-жи Простаковой: онъ показалъ намъ также, *какъ* сложился ея характеръ, въ силу какихъ причинъ онъ принялъ такія уродливыя формы. Два главныхъ условія способствовали этому, и оба они ясно вскрыты Фонвизинымъ въ комедіи: во-первыхъ, глубокое, закоснѣлое *невѣжество*, съ дѣтства окружавшее Простакову, отсутствіе всякаго воспитанія, всякаго облагораживающаго вліянія; объ этомъ говоритъ сама Простакова, разсказывая о своей семьѣ: дѣти росли въ ней безъ всякаго призора, ихъ ничему

не учили, не внушали никакихъ нравственныхъ правилъ [1]); наоборотъ, съ раннихъ лѣтъ вкореняли въ нихъ ненависть къ знаніямъ, къ наукѣ, къ просвѣщенію: «прокляну ребенка,—говорилъ отецъ,—который что-нибудь перейметъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ!» Эту инстинктивную вражду къ просвѣщенію унаслѣдовала и г-жа Простакова: она находитъ излишнимъ всякое образованіе («безъ наукъ люди живутъ и жили»), возмущается тѣмъ, что Софья получаетъ и читаетъ письма («вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ умѣютъ!»), а про себя съ гордостью заявляетъ: «я, благодаря Бога, не такъ воспитана: я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому». Если она и даетъ нѣкоторое подобіе образованія своему сыну, то дѣлаетъ это вовсе не по внутреннему убѣжденію, а въ силу необходимости,—потому что безъ этого нельзя поступить на службу и выйти въ люди; сама же она мѣшаетъ его занятіямъ, прерываетъ учителей, вступаетъ съ ними въ споры (въ сценѣ ученія).

Вліяніе крѣпостного права.

Другая причина, способствовавшая пышному развитію въ душѣ г-жи Простаковой дурныхъ и темныхъ инстинктовъ, заключалась въ самыхъ *условіяхъ крѣпостного быта*, дѣлавшихъ ее безконтрольной распорядительницей судьбы подвластныхъ ей крѣпостныхъ «душъ». Воспитаніе не внушило ей никакихъ нравственныхъ идей (идей долга, права, человѣколюбія), никакой внутренней сдержки. Она уважаетъ только грубую силу и готова даже унижаться и заискивать передъ нею, какъ унижается она передъ Правдинымъ въ послѣднемъ дѣйствіи комедіи. По отношенію же къ низшимъ и подчиненнымъ она не признаетъ никакихъ стѣсненій, обращается съ ними крайне жестоко и деспотично. Мысль о безграничности своей власти и сознаніе полной безнаказанности доводятъ ее до необузданнаго тиранства: для своихъ крестьянъ она—«госпожа безчеловѣчная», по выраженію Правдина, а жизнь въ ея домѣ «тьма кромѣшная». Своихъ крѣпостныхъ она даже не считаетъ за людей, обращается къ нимъ не иначе, какъ съ грубой бранью, жестоко наказываетъ ихъ и разоряетъ непосильными поборами. Въ ея лицѣ Фонвизинъ представилъ намъ яркій образецъ произвола и злоупотребленія помѣщичьей властью, созданный самыми условіями крѣпостныхъ отношеній и пышно развившійся на почвѣ общаго безправія.

---

[1]) Отецъ г-жи Простаковой былъ взяточникъ и скряга, принимавшій челобитчиковъ, сидя на желѣзномъ сундукѣ; „послѣ всякаго сундукъ отворить и что-нибудь положить“; при этомъ онъ былъ большой „экономъ“, такъ что въ концѣ-концовъ умеръ почти съ голоду, лежа на сундукѣ съ деньгами. Конечно, такой человѣкъ не могъ служить для дѣтей хорошимъ примѣромъ.

Главныя черты личности Простаковой.

Какъ натура сильная и властная, Простакова держитъ въ своихъ рукахъ весь домъ, прибѣгая для этого къ обычнымъ грубымъ средствамъ. Сама она говоритъ про себя: «Все сама управляюсь, батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!» Безвольный и безличный мужъ также всецѣло подчиненъ ей; она помыкаетъ имъ по своему желанію и не только сама обращается съ нимъ крайне грубо, но даже учитъ такому же обращенію и собственнаго сына: «Такъ поди же, *вытащи его,* коли добромъ не дозовешься»,—говоритъ она Митрофанушкѣ, посылая его за отцомъ. Не встрѣчая ни съ чьей стороны сопротивленія, она всецѣло отдается своимъ властолюбивымъ и деспотическимъ наклонностямъ составляющимъ наиболѣе характерную черту ея личности, и при всякомъ противорѣчіи впадаетъ въ необузданную ярость: недаромъ поэтому Правдинъ называетъ ее «*презлою фуріей,* коей адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома».—Но какъ только г-жа Простакова наталкивается на дѣйствительную силу, способную оказать ей сопротивленіе, она сразу перемѣняется и отъ угрозъ переходитъ къ крайнему униженію (столкновеніе со Стародумомъ и Правдинымъ); эти быстрые переходы отъ одного настроенія къ другому въ высшей степени характерны для грубой и необузданной натуры г-жи Простаковой, понимающей только одно чувство—*страхъ,* и уважающей одну только *силу:* оттого она или заставляетъ другихъ трепетать передъ собою, или сама готова валяться въ ногахъ, вымаливая себѣ прощеніе.

Отношеніе ея къ сыну.

Единственной болѣе симпатичной чертой въ характерѣ г-жи Простаковой является ея горячая, страстная любовь къ сыну. «Одна моя забота, одна моя отрада—Митрофанушка»,—говоритъ она сама. На немъ сосредоточена вся сила привязанности, вся нѣжность, на которую способна ея черствая натура. Но и это чувство материнской любви принимаетъ у нея грубую, уродливую форму; любовь ея несознательная, полуживотная: недаромъ сама Простакова очень наивно, но совершенно вѣрно, сравниваетъ ее съ привязанностью собаки къ своему щенку. Ради сына она готова на все: вступаетъ въ драку съ роднымъ братомъ, заискиваетъ передъ Софьей, льститъ и ухаживаетъ за Стародумомъ. Но ея неразумная, слѣпая любовь не приноситъ ни сыну, ни ей ничего, кромѣ вреда. Вся ея воспитательная система сводится къ одному *питанію,* къ откармливанію Митрофанушки, къ заботамъ о его физическомъ и матеріальномъ благополучіи; а о духовномъ, умственномъ его развитіи она мало заботится, такъ какъ и сама не понимаетъ его необходимости. Не

вѣря въ пользу образованія, она «соблюдаетъ лишь внѣшній обрядъ ученія» (по выраженію князя Вяземскаго), но въ то же время бранитъ науку и учителей и потворствуетъ лѣни Митрофанушки, постоянно вмѣшиваясь и отрывая его отъ занятій. Собственный примѣръ г-жи Простаковой, ея поведеніе въ домѣ и отношеніе къ окружающимъ, конечно, также не могли оказать благотворнаго вліянія на нравственное развитіе Митрофанушки. Воспитаніе, полученное имъ въ родительскомъ домѣ, не внушивъ ему никакихъ умственныхъ интересовъ, не развило въ немъ и нравственнаго чувства: оттого онъ въ послѣднемъ дѣйствіи съ легкимъ сердцемъ отталкиваетъ свою мать, когда она, лишенная власти и силы, бросается къ нему со словами: «одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка»; на это Митрофанъ отвѣчаетъ съ досадой: «Да отвяжись, матушка, какъ навязалась...» Такимъ образомъ г-жа Простакова, въ лицѣ своего сына, сама приготовила себѣ наказаніе, наиболѣе чувствительное для ея материнскаго сердца: на это и указываетъ Стародумъ въ словахъ, которыми заканчивается комедія: «Вотъ злонравія достойные плоды!».

Психологическое и моральное значеніе развязки комедіи.

Въ лицѣ г-жи Простаковой Фонвизину не только удалось изобразить совершенно живую фигуру, съ яркими индивидуальными и типическими чертами, но и самый моментъ, въ который она выведена въ комедіи, выбранъ чрезвычайно удачно. Попытка насильственной женитьбы любимаго сына на богатой наслѣдницѣ прекрасно дополняетъ ея характеристику, показываетъ, что она была способна, ради личной выгоды, даже на прямое преступленіе. Поэтому совершенно правъ былъ князь Вяземскій, находившій въ личности Простаковой элементы, необходимые для *трагедіи*. Да и положеніе самой Простаковой въ концѣ комедіи получаетъ трагическій характеръ: она не только лишается власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сына („нѣтъ у меня сына!“), котораго она своей безумной любовью и нелѣпымъ воспитаніемъ испортила настолько, что онъ безсердечно отталкиваетъ ее въ трудную для нея минуту. Въ своей комедіи Фонвизинъ не только показалъ намъ наглядно нравственную „вину“ Простаковой и постигшее ее „наказаніе“, но и ясно обнаружилъ ихъ взаимную причинную связь, раскрылъ внутреннюю психологическую необходимость, опредѣляющую поведеніе Митрофанушки въ послѣднемъ явленіи комедіи. Поэтому, если *внѣшняя* развязка комедіи (вмѣшательство правительственной власти въ лицѣ Правдина) и производитъ отчасти впечатлѣніе случайности, то *внутренняя* развязка, заключающаяся въ тяжеломъ ударѣ материнскому чувству Простаковой, прекрасно мотивирована и подготовлена всѣмъ ходомъ комедіи. Это придаетъ піесѣ Фонвизина единство и законченность, такъ какъ все дѣйствіе ея держится на отношеніяхъ г-жи Простаковой къ сыну, ибо, по вѣрному замѣчанію одного критика (Дудышкина), „Митрофанъ есть именно то лицо, которое составляетъ задушевную тревогу ея жизни; это—пружина всѣхъ ея дѣйствій“.

Митрофанъ.

Другое главное дѣйствующее лицо комедіи—«*Недоросль*»—Митрофанъ [1]). Это яркій типъ «маменькина сынка», избалованнаго и испорченнаго нелѣпымъ воспитаніемъ матери, ея неразумною любовью и потворствомъ. Фигура его нарисована авторомъ такъ удачно, что само имя его давно сдѣлалось *нарицательнымъ* для изображенія «несовершеннолѣтней глупости и учащагося невѣжества» (по выраженію Ключевскаго). Мать считаетъ 16-лѣтняго парня «ребенкомъ», за нимъ неотступно ходитъ няня,—но у него самого мысли и стремленія уже вовсе не дѣтскія: «не хочу учиться, хочу жениться»,—заявляетъ онъ матери, въ отвѣтъ на ея просьбы поучиться хотя бы только «для виду». *Лѣнь* и *грубость*—двѣ главныя черты его характера, развитію которыхъ немало способствовала сама г-жа Простакова. Къ ученію Митрофанъ питаетъ непобѣдимое отвращеніе, предпочитая проводить свое время въ дѣвичьей или на голубятнѣ. Всякое усиліе ума, всякое напряженіе мысли ему тяжелы и противны, и все его ученіе сводится къ чисто механическому безсмысленному зубренію «задовъ». Хотя, по словамъ Вральмана, «голова его гораздо слабѣе брюха», однако Митрофанъ вовсе не лишенъ отъ природы извѣстной доли хитрости и сообразительности,—особенно тамъ, гдѣ дѣло касается его собственныхъ интересовъ: онъ прекрасно понимаетъ, что главную роль въ домѣ играетъ мать, и потому всячески ухаживаетъ за ней, притворяется нѣжно любящимъ сыномъ (разсказъ о снѣ) или пугаетъ ее, чтобы добиться своего («нырну въ воду»); при случаѣ онъ умѣетъ ловко вывернуться изъ непріятнаго положенія: такъ, напр., чтобы избѣгнуть ученія, онъ притворяется больнымъ (наканунѣ онъ «небережно поужиналъ»), но когда обезпокоенная мать предлагаетъ послать за докторомъ, то Митрофанъ, недолюбливая лѣкарствъ и діэты, находчиво заявляетъ: «Нѣтъ, нѣтъ, матушка: я ужъ лучше самъ выздоровлю»... Нравственная грубость и душевная неразвитость его сказываются въ его отношеніяхъ къ людямъ и во всемъ его поведеніи. Подобно своей матери, Митрофанъ привыкъ къ низшимъ обращаться съ грубой бранью, «лаяться», по выраженію Цыфиркина, котораго онъ называетъ «гарнизонною крысой»; Еремѣевнѣ, рабски преданной ему и готовой всегда защищать его, онъ грозитъ, что пожалуется на нее матери, «такъ она тебѣ изволитъ дать таску по-вчерашнему». Сердце его черство и не

[1]) „Недорослями" назывались дворянскія дѣти, записанныя въ служилыя книги, но еще не „поспѣвшія" на службу, т.-е. не достигшія опредѣленнаго возраста, съ котораго они становились „новиками" и начинали свою служебную карьеру: по указу имп. Анны Іоанновны (1736) молодые дворяне могли числиться недорослями до 20-лѣтняго возраста.

знаетъ никакихъ привязанностей; вся обстановка домашней жизни была такова, что не могла развить въ немъ никакихъ болѣе нѣжныхъ чувствъ,—и это съ горечью приходится испытать самой Простаковой въ концѣ комедіи.

Прочія лица комедіи.

Прочія дѣйствующія лица комедіи обрисованы гораздо менѣе полно, при чемъ при изображеніи ихъ Фонвизинъ нерѣдко впадаетъ въ преувеличеніе и односторонность. Таковъ, напр., г. *Простаковъ*, забитый и обезличенный своей супругой («рохля», «смиренъ, какъ теленокъ»), который самъ рекомендуется Стародуму: «я—женинъ мужъ», и наивно признается женѣ: «при твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ». Еще болѣе карикатуренъ *Скотининъ*, со своею любовью къ «свинкамъ» и постоянными о нихъ разговорами; но нѣкоторыя сцены, гдѣ выведенъ Скотининъ, очень удачны,—напр., сцена объясненія съ Митрофаномъ по поводу женитьбы. Довольно бѣгло очерчены лица учителей Митрофанушки, но все-таки они производятъ впечатлѣніе живыхъ фигуръ, списанныхъ съ натуры: и недоучившійся семинаристъ *Кутейкинъ*, «убоявшійся бездны премудрости» и потому вышедшій изъ семинаріи; и гарнизонный солдатъ *Цыфиркинъ*, прямодушный вояка, и нѣмецъ *Вральманъ*, промѣнявшій кучерскія козлы на указку педагога,—все это весьма типическія фигуры среди тогдашнихъ воспитателей въ глухой провинціи (срав. показанія сатирическихъ журналовъ и современныхъ мемуаровъ); впрочемъ, они очерчены преимущественно съ внѣшней стороны: Кутейкинъ пересыпаетъ свою рѣчь библейскими цитатами, Вральманъ забавно перевираетъ русскія слова и т. д. Прекрасно изображена нянька *Еремѣевна*, представляющая собой яркій типъ крѣпостного слуги, преданнаго своимъ барамъ не за страхъ, а за совѣсть (срав. Савельича въ «Капит. Дочкѣ» и Евсѣича въ «Семейной Хроникѣ» Аксакова): въ своемъ изображеніи этого лица Фонвизинъ совершенно отрѣшился отъ шаблоннаго типа бойкихъ и пронырливыхъ слугъ и служанокъ, который, по образцу французскихъ комедій, прочно утвердился и на русской сценѣ (у Сумарокова, Княжнина и др.).

Типы резонеровъ.

На ряду съ комическими и отрицательными типами, въ комедіяхъ Фонвизина выведены и положительные, въ лицѣ такъ назыв. *резонеровъ*, которые не столько дѣйствуютъ въ піесѣ, сколько разсуждаютъ, «резонируютъ». Они служатъ главнымъ образомъ *для выраженія взглядовъ и мнѣній самого автора*, выражаютъ *моралъ* всей піесы. Въ художественномъ отношеніи они обрисованы гораздо блѣднѣе, чѣмъ лица комическія, рѣчи ихъ отличаются книжнымъ характеромъ, и сами они представляютъ собой не живыя фигуры,

а ходячее нравоученіе.—Къ числу такихъ резонеровъ въ «Недорослѣ» принадлежатъ: Правдинъ, Милонъ, Софья и Стародумъ. Первые три совершенно безцвѣтны, лишены какихъ-либо характерныхъ чертъ и служатъ только для того, чтобы своимъ *благонравіемъ* оттѣнить «злонравіе», царствующее въ домѣ Простаковой.

Стародумъ.

Гораздо интереснѣе и содержательнѣе фигура *Стародума*. Въ его изображеніи также мало художественности и жизненности, но онъ любопытенъ для насъ, какъ воплощеніе взглядовъ самого Фонвизина, его общественныхъ и нравственныхъ воззрѣній. По смыслу самаго имени, Стародумъ долженъ являться въ комедіи представителемъ *стараго* поколѣнія, поколѣнія Петровскаго времени; однако на самомъ дѣлѣ онъ является носителемъ новыхъ идей, идей Екатерининской эпохи [1]). Такъ, напр., въ своихъ рѣчахъ онъ неоднократно касается вопроса о *воспитаніи* и высказываетъ взгляды, близкіе къ тѣмъ, которые выражены въ «Наказѣ» имп. Екатерины и ея педагогическихъ статьяхъ. Главная задача всякаго воспитанія, по мнѣнію Стародума, заключается въ развитіи *душевныхъ* качествъ, такъ какъ въ нихъ заключается истинный смыслъ человѣческаго достоинства. «Имѣй сердце, имѣй душу—и будешь человѣкомъ во всякое время». Поэтому воспитаніе души, воспитаніе нравственное, имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ образованіе ума: «Умъ, коли онъ только умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ *благонравіе*. Безъ него умный человѣкъ — чудовище... Наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу».—Въ тѣсной связи съ этими взглядами Стародума на воспитаніе стоятъ и его взгляды на *человѣческое достоинство*. Стародумъ возражаетъ противъ тѣхъ, которые все достоинство человѣка видятъ въ знатности и богатствѣ: «Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой человѣкъ дѣлалъ для отечества... безъ знатныхъ дѣлъ знатное состояніе ничто». Истинное человѣческое достоинство заключается, по мнѣнію Стародума, въ ревностномъ исполненіи своей «должности», т.-е. *долга*. Такъ, для дворянства такимъ долгомъ

Его взгляды на воспитаніе.

Взгляды на долгъ и человѣческое достоинство.

---

[1]) Впрочемъ, это внутреннее противорѣчіе было свойственно и самому Фонвизину: хотя онъ и усвоилъ себѣ нѣкоторыя идеи просвѣтительной философіи, однако онъ далеко не во всемъ раздѣлялъ ея ученія, а къ философамъ энциклопедической школы относился прямо враждебно и въ своихъ письмахъ изъ Франціи называлъ ихъ даже шарлатанами. Устами Стародума онъ говоритъ въ своей комедіи: „Боюсь я нынѣшнихъ мудрецовъ: они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель“.

является *государственная служба:* Стародумъ считаетъ ее обязательной для всякаго дворянина: только тогда дворянинъ, по его мнѣнію, имѣетъ право выйти въ отставку, «когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ». Этотъ взглядъ Стародума на обязательность государственной службы для дворянъ восходитъ еще къ традиціямъ Петровскаго времени, но доказываетъ онъ его нѣсколько другими соображеніями, аналогичными тѣмъ, которыя проводила въ своемъ *Наказѣ* и Екатерина. По мнѣнію Стародума, государственная служба есть для дворянина дѣло *чести,* которое онъ долженъ исполнять добровольно (при Петрѣ же она была обязательной *повинностью*): честь, а не принудительная сила закона, должна побуждать дворянина къ исполненію своего долга передъ отечествомъ путемъ государственной службы. Поэтому, если бы всѣ въ своихъ поступкахъ руководились чувствомъ долга, то «дворянинъ считалъ бы за первое *безчестіе* не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить». Вообще Стародумъ считаетъ *честь* и *честность* необходимой основой всѣхъ добродѣтелей, истиннымъ проявленіемъ «благонравія»,—и потому самъ называетъ себя «другомъ честныхъ людей» [1]).

Взгляды Стародума на государственную службу дворянъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти слова Стародума направлены противъ мнѣнія, весьма распространеннаго среди современнаго дворянства. Освобожденное по знаменитому указу Петра III отъ обязательной государственной службы, русское дворянство XVIII вѣка оказалось въ весьма неестественномъ положеніи по отношенію къ государству: сохранивъ всѣ свои *права* по отношенію къ подвластному крестьянскому населенію, оно было освобождено отъ всякихъ *обязанностей,* какою въ прежнее время являлась для него государственная служба. Это внутреннее противорѣчіе въ положеніи тогдашняго русскаго дворянства прекрасно выяснено въ статьѣ проф. Ключевскаго о „Недорослѣ". Правительство, снимая съ дворянскаго сословія тягло обязательной государственной службы, надѣялось, что дворяне, съ одной стороны, будутъ продолжать нести эту службу, но уже не по принужденію, а добровольно,—а съ другой стороны—употребятъ свои силы на подъемъ благосостоянія на-

1) Взглядъ Стародума на службу, какъ на долгъ *чести* дворянина, является въ значительной мѣрѣ отраженіемъ взглядовъ самой Екатерины Вел., нашедшихъ себѣ выраженіе въ ея „Наказѣ". Въ параграфѣ 364-мъ *Наказа* говорится: „Добродѣтель и честь должны быть оному (дворянству) правилами, предписывающими любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, послушаніе и вѣрность къ Государю, и безпрестанно внушающими не дѣлать никогда безчестнаго дѣла". Усвоивъ себѣ мнѣніе Монтескье, что *честь* (honneur) является движущимъ началомъ монархическаго правленія, Екатерина стремилась привить это понятіе русскому дворянству, какъ сословію, въ которомъ она видѣла главную опору трона.

рода и на улучшеніе собственнаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство старалось также о поднятіи уровня образованія среди дворянства: тотъ же самый указъ 1762 года, освобождая дворянъ отъ обязательной государственной службы, подтверждалъ установленную еще Петромъ Вел. обязанность *ученія*, требовалъ, чтобы дворяне неукоснительно давали своимъ дѣтямъ извѣстное образованіе. По мысли законодателя, дворянство должно было стать носителемъ и проводникомъ цивилизаціи въ государствѣ; оно призывалось къ культурной работѣ на пользу общества, и въ этой работѣ и заключалась его новая роль, какъ государственнаго сословія. Такимъ образомъ, хотя съ дворянства и была снята *юридическая* обязательность государственной службы, но на немъ все-таки остались извѣстныя *нравственныя* обязанности по отношенію къ обществу и государству.—Однако значительная часть дворянства, особенно провинціальнаго, совсѣмъ иначе взглянула на эту перемѣну въ своемъ положеніи: она поняла указъ Петра III-го, какъ освобожденіе отъ всѣхъ обязанностей, при сохраненіи всѣхъ принадлежащихъ ему правъ. Такъ толкуетъ этотъ указъ, въ комедіи Фонвизина, г-жа Простакова: на замѣчаніе Правдина, что „тиранствовать (надъ подвластными) никто не воленъ“, она возражаетъ: „Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ: да на что жъ данъ намъ указъ-отъ о вольности дворянства?“ Понимая такъ широко свои права, смѣшивая ихъ съ явнымъ произволомъ, Простакова вовсе не признаетъ для себя и для своего сословія никакихъ обязанностей. Ея отношеніе къ образованію ярко сказывается на примѣрѣ воспитанія ея сына; взглядъ же Простаковой на службу виденъ изъ ея словъ по поводу Митрофанушки: „какъ войдетъ, *избави Богъ*, въ службу, всего натерпится“; въ другомъ же мѣстѣ она говоритъ: „Да что за радость и выучиться?—кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность“. Такого же взгляда на службу придерживается и ея братъ, Тарасъ Скотининъ, который сейчасъ же послѣ указа „о вольности дворянства“ поспѣшилъ имъ воспользоваться, вышелъ въ отставку и поселился навсегда у себя въ деревнѣ. Именно противъ такого отношенія къ службѣ, противъ обнаруженнаго нѣкоторою частью дворянства стремленія пользоваться всѣми своими правами и привилегіями, ничего не давая въ свою очередь, и направлены эти рѣчи Стародума о дворянской *чести;* въ нихъ отразились взгляды самого Фонвизина, который, высоко цѣня дворянское званіе, вмѣстѣ съ тѣмъ ясно понималъ, что связанныя съ этимъ званіемъ права налагаютъ на все сословіе извѣстныя нравственныя обязательства, неисполненіе коихъ должно быть вмѣнено въ „безчестіе“.

Роль Стародума въ комедіи.

Касается Стародумъ въ своихъ рѣчахъ и многихъ другихъ вопросовъ: онъ разсуждаетъ, напр., о бракѣ и семейномъ счастьѣ, о богатствѣ и бѣдности, о придворной жизни и нравахъ, объ идеалѣ государя, и т. д. [1]). Многія изъ этихъ разсужденій не имѣютъ пря-

[1]) Не всѣ эти разсужденія Стародума вполнѣ оригинальны; нѣкоторыя изъ нихъ заимствованы Фонвизинымъ изъ разныхъ источниковъ: изъ Ларошфуко, Лабрюйера,

мого отношенія къ дѣйствію и въ настоящее время при постановкѣ комедіи обыкновенно выбрасываются изъ текста, но въ свое время они очень нравились публикѣ, потому что выражали смѣлыя и передовыя идеи, вызывавшія сочувствіе у наиболѣе образованной части общества. Поэтому роль Стародума, которая намъ теперь кажется скучной и блѣдной, въ XVIII вѣкѣ считалась очень выигрышной: когда знаменитый актеръ Дмитревскій поставилъ «Недоросля» въ свой бенефисъ, то публика, по тогдашнему обычаю, «апплодировала ему метаніемъ кошельковъ съ деньгами», за его игру въ роли Стародума. Въ этомъ наглядно сказывался и вкусъ тогдашней публики къ *дидактизму*, отразившійся почти на всѣхъ видахъ литературы того времени [1]).

Художественныя достоинства комедіи.

Художественныя достоинства «Недоросля» заключаются въ мастерскомъ *изображеніи главныхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи*, г-жи Простаковой и Митрофана, въ особенности первой: въ лицѣ Простаковой Фонвизинъ создалъ вполнѣ живую и законченную фигуру, изображенную съ полной психологической истиной, при чемъ авторъ показываетъ намъ всю ея несложную душевную жизнь, со всѣми ея чувствами и побужденіями. Другое, не менѣе важное достоинство комедіи заключается въ яркомъ и правдивомъ (хотя и односторонне-сатирическомъ) *изображеніи жизни и быта* русскаго провинціальнаго общества Екатерининскаго времени, съ его невѣжествомъ и произволомъ, съ нелѣпымъ воспитаніемъ дѣтей, злоупотребленіемъ помѣщичьей властью и т. д. Комедія Фонвизина, по выраженію проф. Ключевскаго—«художественное обобщеніе жизни», «безподобное зеркало», въ которомъ отразились темныя стороны тогдашней русской дѣйствительности [2]). Она представляетъ собой яркую *бытовую картину*, въ которой вѣрно подмѣчены и живо об-

---

Руссо, Дюкло и др. Подобныя заимствованія встрѣчаются и въ другихъ частяхъ комедіи: напр., извѣстное замѣчаніе Простаковой о томъ, что географія—не дворянская наука, взято авторомъ изъ одного романа Вольтера („Jeannot et Colin“).

[1]) Стародумъ и другіе резонеры псевдо-классическихъ комедій XVIII в. имѣютъ то же значеніе, какое имѣли нравственно-поучительныя статьи въ сатирическихъ журналахъ. Но подобныя же моральныя разсужденія встрѣчаются также и въ трагедіяхъ,—напр., у Сумарокова. Большимъ успѣхомъ пользовались тогда и такъ назыв. „философскія“ поэмы,—какова, напр., знаменитая поэма Вольтера: „На разрушеніе Лисабона“. Нравоучительный элементъ проникъ и въ романы, которые часто наполнялись всевозможными разсужденіями на разныя темы.

[2]) „Въ ней Фонвизину какъ-то удалось стать прямо передъ русской дѣйствительностью, взглянуть на нее просто, непосредственно, въ упоръ, глазами, не вооруженными никакимъ стекломъ, взглядомъ, не преломленнымъ никакими точками зрѣнія, и воспроизвести ее съ безотчетностью художественнаго пониманія“ (Ключевскій).

рисованы многія характерныя черты современной русской жизни. Въ этомъ отношеніи, по яркости и реальности изображенія быта и нравовъ русскаго провинціальнаго общества, комедія Фонвизина можетъ быть сопоставлена лишь съ лучшими статьями сатирическихъ журналовъ Новикова, съ которыми у нея много общаго въ содержаніи и направленіи. — Наконецъ, къ числу художественныхъ достоинствъ «Недоросля» долженъ быть отнесенъ и его живой и яркій *языкъ*, въ которомъ очень много чисто *народныхъ выраженій*, выхваченныхъ Фонвизинымъ прямо изъ живой, разговорной рѣчи [1]). Таковы, напр., выраженія: «Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не *всякая вина виновата*»; «ужъ *я те отдѣлаю*»; «что за *невидальщина*»; «у меня и свои *зацѣпы* востры»; «*рохлею* родился»; «ничѣмъ *не проймешь*»; «ахъ, я *дура безчетная*»; «*по-сесть-часъ* кромѣ задовъ новой строки не разберетъ, да и зады *мямлетъ*»; «ну, теперь-то *дамъ я зорю* канальямъ своимъ людямъ!» Эти и подобныя выраженія сообщаютъ всей комедіи яркій отпечатокъ жизненности и народности [2]).

Историческое значеніе „Недоросля“.

Крупныя художественныя достоинства „Недоросля“, яркость нарисованныхъ типовъ, сила и мѣткость сатиры доставили комедіи Фонвизина чрезвычайный успѣхъ среди современниковъ. И на самомъ дѣлѣ, до появленія „Горя отъ ума“ русскій театръ не имѣлъ другой равноцѣнной комедіи. „Недоросль“ и до сихъ поръ смотрится не безъ удовольствія и не сошелъ еще со сцены. Но въ настоящее время онъ, конечно, сохранилъ преимущественно историческое значеніе, въ качествѣ живой картины провинціальнаго быта Екатерининской эпохи. Проф. Ключевскій говоритъ по этому поводу: „Въ нашихъ глазахъ пьеса Фонвизина утратила свѣжесть новизны и современности, зато пріобрѣла интересъ художественнаго памятника старины, показывающаго, какими понятіями и привычками удобрена та культурная нива, по которой мы ходимъ и злаками которой мы питаемся. Этого историческаго интереса не могли замѣчать въ комедіи современники ея автора: смотря ее, они не видѣли насъ, своихъ внуковъ; *мы сквозь нее видимъ ихъ, своихъ дѣдовъ*“.

---

[1]) Многія изъ нихъ, по выраженію кн. Вяземскаго, „подслушаны на базарѣ житейской суеты“; такъ, напр., слово „*зацѣпы*“, по собственному признанію Фонвизина, заимствовано имъ изъ перебранки двухъ бабъ, которую ему пришлось случайно наблюдать во время прогулки по московскимъ улицамъ.

[2]) Языкъ дѣйствующихъ лицъ комедіи стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ ихъ характеромъ и общественнымъ положеніемъ. Такъ, напр., Кутейкинъ кстати и не кстати вставляетъ въ свою рѣчь библейскія цитаты („И злакъ въ пользу человѣкомъ“) или забавно смѣшиваетъ церковно-славянскія выраженія со словами, взятыми изъ просторѣчія („вью грѣшничю накостыляю“); все это характеризуетъ его семинарское воспитаніе. Такихъ характерныхъ элементовъ нѣтъ, однако, въ рѣчахъ такъ назыв. резонеровъ, которые всѣ говорятъ одинаковымъ книжнымъ и безцвѣтнымъ языкомъ, съ значительной примѣсью галлицизмовъ.

6. Державинъ.

Державинъ, какъ поэтъ.

Крупнѣйшимъ поэтомъ Екатерининской эпохи является *Державинъ*. По силѣ своего таланта онъ, безусловно, стоялъ выше всѣхъ другихъ поэтовъ XVIII вѣка, не исключая Ломоносова. Но его природное дарованіе не получило достаточной обработки, въ немъ слабо были развиты художественный вкусъ и чувство мѣры, поэтому наряду съ произведеніями, истинно поэтическими, онъ написалъ немало посредственныхъ и вовсе неудачныхъ. Впрочемъ, эти недостатки Державина, какъ поэта, были свойственны всей эпохѣ и въ значительной степени зависѣли отъ невыработанности литературнаго языка, отъ низкаго уровня художественнаго развитія русскаго общества и отъ ложнаго направленія, которое приняла русская литература подъ вліяніемъ псевдо-классическихъ образцовъ.

Его біографія

Гавріилъ Романовичъ Державинъ происходилъ изъ небогатаго дворянскаго рода, ведшаго свое происхожденіе отъ татарскаго мурзы Багрима, и родился въ 1743 году въ небольшой деревушкѣ, принадлежавшей его отцу, въ 40 верстахъ отъ Казани. Отцу поэта, бѣдному армейскому офицеру, приходилось вести кочевой образъ жизни, переѣзжая съ одного мѣста службы на другое, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, кочевала и его семья. Такія условія жизни не могли, конечно, благопріятствовать воспитанію и образованію дѣтей. Семи лѣтъ отъ роду Державинъ былъ отданъ въ пансіонъ въ Оренбургѣ, гдѣ тогда жили его родители; содержателемъ этого пансіона былъ ссыльный каторжный, нѣмецъ Розе, человѣкъ притомъ, по словамъ самого Державина, совершенно невѣжественный и жестокій; изъ пансіона его Державинъ вынесъ только знаніе нѣмецкаго языка. Когда умеръ отецъ Державина, семья осталась въ очень стѣсненномъ положеніи, но тѣмъ не менѣе мать поэта не остановилась передъ хлопотами и жертвами, для того, чтобы дать сыновьямъ дальнѣйшее образованіе. Для этого вся семья переѣхала въ Казань, и Державинъ поступилъ въ только что открытую казанскую гимназію. Дѣло образованія было поставлено здѣсь еще очень неудовлетворительно; объ этомъ самъ Державинъ выражался впослѣдствіи такъ: «насъ учили тогда: вѣрѣ — безъ катехизиса, языкамъ — безъ грамматики, числамъ и измѣреніямъ (т.-е. математикѣ)—безъ доказательствъ, музыкѣ — безъ нотъ». Конечно, при такой системѣ обученія, Державинъ не могъ пріобрѣсти въ школѣ много прочныхъ знаній, но уже здѣсь онъ выказалъ значительныя способности «къ предметамъ, касающимся воображенія», а также къ изобразительнымъ искусствамъ: рисованію и черченію. Однако курса въ гимназіи ему не пришлось кончить, такъ какъ въ 1762 году его вытре-

бовали въ Петербургѣ, въ Преображенскій полкъ, куда Державинъ былъ записанъ на службу еще въ малолѣтствѣ. У Державина не было въ столицѣ связей и покровителей; поэтому ему пришлось отбывать службу безъ всякихъ поблажекъ, наравнѣ со сдаточными солдатами, жить въ казармѣ, ходить на караулы и т. д. При такихъ условіяхъ времени для дальнѣйшаго образованія, конечно, совершенно не оставалось. Производство въ офицеры также затягивалось, вслѣдствіе отсутствія чьей-либо протекціи; не могъ избѣжать Державинъ и дурного вліянія со стороны окружающей среды: одно время онъ пристрастился къ кутежамъ и картамъ, и только благодаря хорошимъ нравственнымъ задаткамъ не втянулся окончательно въ такую жизнь. Впрочемъ, Державинъ и въ казармахъ находилъ время заниматься стихотворствомъ, въ которомъ онъ началъ дѣлать опыты еще въ гимназіи: онъ сочинялъ полковыя пѣсни и любовныя посланія въ стихахъ и въ прозѣ для своихъ товарищей, но вмѣстѣ съ тѣмъ пробовалъ свои силы и въ болѣе серьезномъ родѣ, въ подражаніяхъ Ломоносову и Сумарокову, и въ переводахъ изъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ поэтовъ (Клопштока, Геллерта и др.).

Только въ 1773 году, вмѣстѣ съ полученіемъ перваго офицерскаго чина, условія жизни Державина измѣняются къ лучшему. Въ томъ же году онъ отправился съ Бибиковымъ въ восточную Россію, гдѣ и участвовалъ въ усмиреніи Пугачевскаго бунта, при чемъ выказалъ, съ одной стороны, значительную энергію и расторопность, при исполненіи служебныхъ порученій, съ другой — большую строптивость въ сношеніяхъ съ начальствомъ и товарищами,—двѣ черты, рѣзко выступающія въ характерѣ Державина, изъ которыхъ послѣдняя и позднѣе причиняла ему въ служебномъ отношеніи много непріятностей.

Въ 1776 году Державинъ издалъ, безъ означенія своего имени, первый сборникъ стиховъ: «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ» [1]). Въ этихъ произведеніяхъ чувствуется еще сильное вліяніе Ломоносова. Но уже скоро Державинъ начинаетъ освобождаться отъ этого вліянія, благодаря своему сближенію съ кружкомъ Н. А. Львова, Капниста и Хемницера,—людей съ развитымъ вкусомъ и пониманіемъ настоящей поэзіи, видѣвшихъ необходимыя свойства ея въ простотѣ, естественности и народности [2]). Съ этого

---

[1]) Читалагай—калмыцкое названіе цѣпи песчаныхъ холмовъ на берегу Волги въ Самарской губ.; въ этихъ мѣстахъ Державинъ провелъ нѣкоторое время со своимъ отрядомъ при усмиреніи Пугачевскаго бунта.

[2]) Особенно благотворно было для Державина вліяніе Н. А. Львова, человѣка съ большимъ художественнымъ вкусомъ; Львовъ былъ одинъ изъ первыхъ, понявшихъ

времени произведенія Державина начинаютъ появляться въ журналахъ, и онъ пріобрѣтаетъ себѣ постепенно литературную извѣстность; но только знаменитая ода *Фелица* (1782 г.) обратила на него всеобщее вниманіе и прославила его имя въ широкихъ кругахъ общества. Державинъ первоначально не хотѣлъ печатать этого произведенія, боясь, что сатирическіе намеки, заключающіеся въ немъ, вызовутъ непріязнь со стороны задѣтыхъ вельможъ. Но когда ода, напечатанная безъ вѣдома автора кн. Дашковой въ «Собесѣдникѣ», заслужила ему благоволеніе императрицы и открыла доступъ ко двору, затронутымъ вельможамъ не оставалось ничего другого, какъ примириться съ этими сатирическими нападками, что было для нихъ довольно легко, такъ какъ сатира Державина была достаточно безобидна.

Г. Р. Державинъ.

Эти литературные успѣхи отразились и на служебной карьерѣ Державина: онъ былъ назначенъ губернаторомъ, сперва въ Олонецкую, а затѣмъ въ Тамбовскую губернію, но ни тамъ, ни тутъ не могъ ужиться съ мѣстными генералъ-губернаторами и былъ, наконецъ, смѣщенъ и отданъ даже подъ судъ. Въ этихъ столкновеніяхъ Державинъ не всегда былъ правъ: благодаря своей увлекающейся натурѣ, онъ иногда вмѣшивался не въ свое дѣло, переступалъ свои полномочія; часто у него не хватало такта и выдержки въ сношеніяхъ съ людьми, но онъ всегда былъ воодушевленъ самыми лучшими намѣреніями, искалъ общей пользы, обличалъ взяточничество и неправосудіе и никогда не злоупотреблялъ своею властью для какихъ-либо личныхъ цѣлей. Вызванный Екатериной въ Петербургъ, онъ сумѣлъ оправдаться отъ взведенныхъ на него обвиненій, но

необходимость для литературы усвоенія духа народности; имъ былъ составленъ обширный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, положенныхъ на музыку Прачемъ (1790); онъ самъ пробовалъ написать народнымъ размѣромъ цѣлую поэму; „Добрыня, богатырская пѣснь“,— впрочемъ, довольно неудачно. Подъ его вліяніемъ находился и Хемницеръ, впервые придавшій русской баснѣ жизненность и народность.

нѣкоторое время все-таки оставался не у дѣлъ. Наконецъ, онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ императрицы. Но и съ самой «Фелицей» пѣвецъ ея не сумѣлъ поладить, такъ какъ его служебное рвеніе часто не совпадало съ желаніями императрицы: такъ, напр., онъ выступилъ горячимъ защитникомъ обвиненнаго въ государственной измѣнѣ сибирскаго губернатора Якобія, противъ котораго сама государыня была настроена очень враждебно. Такимъ образомъ Державинъ не сумѣлъ удержаться и въ новой своей придворной должности и черезъ два года получилъ отставку съ назначеніемъ сенаторомъ. При Павлѣ онъ то подвергался опалѣ, то возвращался къ милости. Когда же воцарился внукъ Екатерины, обѣщавшій въ своемъ манифестѣ править «по законамъ и сердцу» своей бабки, онъ приблизилъ къ себѣ и ея пѣвца: при учрежденіи министерствъ, въ 1802 году, Державинъ былъ назначенъ первымъ министромъ юстиціи. Однако, принадлежа къ старому поколѣнію, онъ не раздѣлялъ реформаторскихъ плановъ молодого императора, и потому уже черезъ годъ Державинъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ новгородскомъ имѣніи Званкѣ. Зимою, впрочемъ, онъ наѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ естественнымъ образомъ сталъ центромъ литераторовъ старой школы, группировавшихся вокругъ основанной Шишковымъ «Бесѣды». Литературная дѣятельность Державина однако не прекращалась до самой его смерти, но только изрѣдка удавалось ему достичь въ своихъ новыхъ произведеніяхъ прежней высоты: духъ его одряхлѣлъ и не былъ уже способенъ къ прежнему свободному «паренію»; особенно неудачны были его попытки драматическаго творчества, къ которому онъ однако почему-то очень пристрастился въ послѣдніе годы своей жизни.

За годъ до смерти Державинъ присутствовалъ на экзаменѣ въ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ юный Пушкинъ глубоко взволновалъ его чтеніемъ своей оды: «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Такимъ образомъ произошла первая и единственная встрѣча представителей двухъ эпохъ русской поэзіи, о чемъ впослѣдствіи вспоминалъ Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ»: «старикъ Державинъ насъ замѣтилъ и, въ гробъ сходя, благословилъ». Въ слѣдующемъ 1816 году Державинъ скончался, 73 лѣтъ отъ роду. Въ концѣ своей жизни онъ сталъ писать свои «Записки», доведенныя имъ до 1803 года и служащія главнымъ источникомъ для его біографіи.

Оды Державина.

Подобно Ломоносову, Державинъ прославился преимущественно своими *одами*. По характеру и содержанію, ихъ можно раздѣлить на три группы: 1) оды торжественныя и похвальныя, 2) оды сати-

рическія, 3) оды философскія. Ближайшимъ образцомъ былъ для Державина Ломоносовъ; отъ него онъ заимствовалъ искусственную приподнятость тона, широкій полетъ фантазіи, пристрастіе къ могучимъ, гиперболическимъ образамъ, вмѣстѣ съ привычкой ко всевозможнымъ аллегорическимъ и миѳологическимъ украшеніямъ, считавшимся, согласно псевдо-классическской теоріи, необходимой принадлежностью всякой торжественной оды.

Оды торжественныя: черты псевдоклассицизма въ нихъ.

Этотъ торжественный, Ломоносовскій стиль особенно ярко выступаетъ въ тѣхъ одахъ Державина, въ которыхъ онъ воспѣваетъ подвиги русскаго оружія, славныя побѣды «Екатерининскихъ орловъ»: Румянцева, Потемкина, Суворова; таковы его оды: «На пріобрѣтеніе Крыма», «На взятіе Измаила», «На переходъ черезъ Альпы» и др. Въ нихъ мы находимъ, на ряду съ искреннимъ увлеченіемъ блескомъ и величіемъ воспѣваемыхъ подвиговъ, также немало искусственнаго паѳоса и всевозможныхъ риторическихъ фигуръ: гиперболъ, олицетвореній, восклицаній и т. д. Таково, напр., начало оды «На взятіе Измаила»:

Везувій пламя изрыгаетъ;
Столпъ огненный во тьмѣ стоитъ;
Багрово зарево сіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, ревутъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ! [1]).

Черты оригинальныя.

Но Державинъ, по своему поэтическому дарованію, не могъ остаться на положеніи простого подражателя, подобно многочи-

---

[1]) Характерно, что эта ода, воспѣвающая кровопролитный штурмъ Измаила, заканчивается восторженнымъ дивирамбомъ въ честь мира, призывомъ къ братскому единенію всѣхъ христіанскихъ народовъ. Вообще военная слава не ослѣпляла Державина, и онъ не считалъ ее цѣлью самой по себѣ. Поэтому онъ съ неодобреніемъ писалъ въ своихъ „Запискахъ“ о имп. Екатеринѣ, что она въ послѣдніе годы такъ была „упоена славою своихъ побѣдъ, что уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скипетру своему новыхъ царствъ“. Вдохновляясь внѣшнимъ величіемъ Россіи, поднявшейся въ царствованіе Екатерины на небывалую высоту, и громкой славой русскихъ побѣдъ, Державинъ вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ цѣнить и внутреннее достоинство человѣка, независимо отъ его общественнаго положенія; такъ, привѣтствуя рожденіе вел. кн. Александра Павловича, онъ высказывалъ ему пожеланіе: „Будь на тронѣ *человѣкъ*“, выражая этимъ идею святости человѣческаго званія, идею, проникнутую духомъ гуманности, столь характернымъ для эпохи „просвѣщенія“.

сленнымъ «одописцамъ» того времени, въ родѣ *Петрова*, воспѣвавшимъ по готовымъ шаблонамъ всевозможныя важныя и неважныя событія: Державинъ былъ гораздо болѣе оригиналенъ въ своемъ творчествѣ; онъ въ значительной степени *обновилъ форму и содержаніе оды*, придавъ ей болѣе жизненности и вложивъ въ нее много искренняго чувства. Впослѣдствіи, въ стихотвореніи «Памятникъ», оцѣнивая общее значеніе своей поэзіи, Державинъ видитъ свою главную заслугу въ томъ—

Что первый онъ дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается достаточно полное опредѣленіе сущности и особенностей Державинской поэзіи. Выраженіе «въ забавномъ русскомъ слогѣ» указываетъ на стремленіе Державина къ бо́льшей простотѣ и естественности, на его желаніе заставить Музу говорить живымъ, общепонятнымъ языкомъ, внести въ поэзію болѣе народности, что̀ само по себѣ уже было большимъ нововведеніемъ въ эпоху господства тяжелыхъ нѣмецко-латинскихъ періодовъ Ломоносова и напыщенныхъ, трескучихъ одъ Петрова.— Это же стремленіе къ простотѣ и естественности сказалось и въ самомъ *содержаніи* одъ Державина: въ нихъ встрѣчается немало живыхъ и яркихъ картинъ, списанныхъ съ дѣйствительности, исполненныхъ движенія и красокъ,—при чемъ иногда эти взятыя непосредственно изъ жизни, основанныя на наблюденіи картины и черты встрѣчаются въ одной и той же одѣ бокъ-о-бокъ съ миѳологическими образами и олицетвореніями, какъ, напр., въ одѣ: «Осень во время осады Очакова», въ которой онъ даетъ яркую и красочную картину южно-русской осени:

Спустилъ сѣдой Эолъ Борея
Съ цѣпей чугунныхъ изъ пещеръ;
Ужасныя крылѣ расширя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака.
Дахнулъ—и облаки разсѣлись,
Пустился дождь и возшумѣлъ.
Уже румяна Осень носитъ
Снопы златые на гумно
И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи;
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красно-желты листьи
Разстлались всюду по тропамъ.
Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ колпикъ посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ.
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ;
Обогащенный щедрымъ небомъ,
Блаженство дней своихъ поетъ.
Борей на Осень хмуритъ брови
И Зиму съ сѣвера зоветъ.

Идетъ сѣдая чародѣйка, И волны претворяетъ въ льды;
Косматымъ машетъ рукавомъ, Отъ хладнаго ея дыханья
И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплетъ, Природы взоръ оцѣпенѣлъ [1]).

Державинъ какъ пѣвецъ Екатерины и ея эпохи

Современники Державина, и онъ самъ въ томъ числѣ, называли его «*пѣвцомъ Фелицы*», т.-е. императрицы Екатерины Вел.. Это наименованіе вполнѣ къ нему подходитъ, хотя мы въ настоящее время можемъ значительно расширить его смыслъ и значеніе: Державинъ былъ не только пѣвцомъ Екатерины, какъ личности, но и *пѣвцомъ всей Екатерининской эпохи*, которая вся отразилась въ его поэзіи, со всѣми своими свѣтлыми и темными явленіями, со своимъ внѣшнимъ блескомъ и славою, и внутренними язвами и нестроеніями. Эта эпоха, полная глубокихъ внутреннихъ противорѣчій, не могла не поразить воображенія поэта, надѣленнаго такимъ живымъ чувствомъ дѣйствительности и такимъ даромъ наблюдательности, какимъ былъ Державинъ, несмотря въ свое подчиненіе правиламъ школьной піитики и ложному вкусу эпохи. Съ одной стороны—обаятельная фигура самой императрицы, просвѣщенной, гуманной, мягкой въ обращеніи, умѣвшей «самодержавства скиптръ желѣзный своей щедротой позлатить» («Изображеніе Фелицы»), окруженной полководцами-героями, какъ Орловъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, своими побѣдами поднявшихъ Россію на небывалую высоту славы и могущества; съ другой стороны—господство «случайныхъ людей»—любимцевъ государыни, безумная роскошь, страсть къ удовольствіямъ и наслажденіямъ, корыстолюбіе вельможъ, высокомѣріе сильныхъ и притѣсненіе слабыхъ, произволъ и неправосудіе, бѣдность и невѣжество народа. — Ясное сознаніе этихъ глубокихъ противорѣчій современной русской жизни своеобразно отразилось въ поэзіи Державина: именно, характерной особенностью многихъ его одъ, даже похвальныхъ, является присутствіе въ нихъ *сатирическаго элемента*, котораго вовсе не было въ одахъ Ломоносова и его послѣдователей. Этотъ сатирическій элементъ придаетъ одамъ Державина особенную, ему одному свойственную окраску: поэтому при своемъ появленіи эти оды поразили русское общество новостью своего содержанія и тона, особенно въ связи съ легкостью и простотой ихъ языка и художественнымъ изяществомъ формы.

---

[1]) *Эолъ*—богъ вѣтровъ; *Борей*—сѣверный вѣтеръ; „румяна *Осень*“ и „сѣдая чародѣйка *Зима*“ — олицетворенія: послѣднимъ образомъ впослѣдствіи воспользовался и Пушкинъ въ „Евг. Онѣгинѣ“; *колпикъ* (или колпица) — птица изъ породы цапель (срав. пословицу: „бѣла, какъ колпица“); *выжля* (множ. выжлята) — молодая гончая собака, щенокъ.

„Фелица".

Первымъ произведеніемъ Державина, въ которомъ проявились эти характерныя черты его поэзіи, была ода «*Фелица*» (1782), сразу создавшая автору громкую извѣстность. Написавъ эту оду, Державинъ не рѣшался ее однако напечатать, боясь, какъ бы заключавшіеся въ ней сатирическіе намеки на нѣкоторыхъ вельможъ не возбудили съ ихъ стороны негодованія противъ автора и не причинили ему непріятностей. Но, благодаря нескромности одного изъ пріятелей Державина, стихотвореніе это попало въ руки княгини Дашковой, бывшей въ то время директоромъ Академіи Наукъ, и она напечатала его въ издававшемся при Академіи журналѣ «Собесѣдникъ любителей русскаго слова». Ода Державина обратила на себя всеобщее вниманіе, а Екатеринѣ понравилась такъ, что она послала автору въ подарокъ золотую табакерку съ 500 червонцами.

Въ лицѣ *Фелицы* Державинъ воспѣвалъ въ своей одѣ императрицу Екатерину. Самое имя заимствовано имъ изъ аллегорической сказки «о царевичѣ Хлорѣ», сочиненной Екатериной для своихъ внуковъ. Въ сказкѣ этой разсказывается о томъ, какъ какой-то киргизскій ханъ, похитившій у родителей маленькаго царевича Хлора, славившагося не только своей красотой, но и раннимъ умомъ, далъ ему порученіе—отыскать «розу безъ шиповъ, которая не колется». Въ этихъ поискахъ Хлору помогаетъ дочь хана *Фелица*, дающая ему въ проводники своего сына—Разсудокъ, съ помощью котораго Хлору и удается исполнить данную ему задачу. Сказка эта имѣетъ *аллегорическое* значеніе [1]): «роза безъ шиповъ» означаетъ добродѣтель, а смыслъ всего разсказа заключается въ томъ, что достигнуть добродѣтели можно, только слѣдуя голосу разсудка,—мысль, чрезвычайно характерная для всего склада міросозерцанія имп. Екатерины.

Воспользовавшись сказкой о царевичѣ Хлорѣ, Державинъ придалъ своей одѣ нѣкоторый *восточный* колоритъ: Фелицу онъ называетъ «царевной киргизъ-кайсацкія орды», Екатерининскихъ вельможъ,—а также и самого себя [2]),—мурзами и заканчиваетъ свою оду

---

[1]) Подобныя аллегорическія сказки и повѣсти, иногда очень сложныя и обширныя, были въ большомъ ходу въ XVIII вѣкѣ, такъ какъ соотвѣтствовали вкусамъ тогдашней эпохи. *Первый* романъ, напечатанный на русскомъ языкѣ, принадлежалъ именно къ разряду аллегорическихъ произведеній: это — „Ѣзда на островъ любви" переведенная съ французскаго Тредьяковскимъ (1739).

[2]) Въ данномъ случаѣ имѣло нѣкоторое значеніе и татарское происхожденіе рода Державиныхъ — отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго при вел. кн. Иванѣ Темномъ изъ Золотой Орды въ Россію.

въ тонѣ витіеватой восточной поэзіи, любящей пышныя гиперболы и необузданный полетъ фантазіи:

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь,
Небесныя прошу я силы,
Да ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

Изображеніе Екатерины въ ея частной жизни.

Въ своей одѣ Державинъ восхваляетъ Екатерину въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ *частное лицо*, изображая ея характеръ, образъ жизни, привычки, при чемъ для того, чтобы ярче оттѣнить ея достоинства, поэтъ сопоставляетъ «Фелицу» съ окружающими ее вельможами—«мурзами»; во-вторыхъ, онъ характеризуетъ ее, какъ *государыню*, указывая на ея правительственные труды и начинанія, на общій духъ ея царствованія, на ея отношеніе къ подданнымъ, и сопоставляетъ ея время и пріемы правленія съ недавнимъ прошлымъ, съ эпохой Анны Іоанновны и господства Бирона.—Изображая Екатерину, какъ частное лицо, Державинъ прежде всего отмѣчаетъ ея *простоту* и *трудолюбіе:*

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Сатирическія черты въ изображеніи вельможъ.

Затѣмъ онъ указываетъ на ея нелюбовь къ праздным удовольствіямъ («не слишкомъ любишь маскарады, а въ клубъ не ступишь и ногой»), на трезвость и ясность ея ума, предохранившихъ ее отъ разныхъ увлеченій, очень распространенныхъ въ тогдашнемъ обществѣ, напр., отъ увлеченія мистицизмомъ, масонствомъ, тайными науками («не донкишотствуешь собой... къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь»).—Этимъ свойствамъ характера «Фелицы»-Екатерины поэтъ противопоставляетъ отрицательныя черты и качества ея вельможъ, отмѣчая ихъ любовь къ пышной и праздной жизни, къ рос-

коши и всевозможнымъ удовольствіямъ, ихъ склонность ко всякимъ прихотямъ и капризамъ, ихъ гордость и высокомѣріе. Особенно подробно останавливается онъ на характеристикѣ *Потемкина*, наиболѣе выдающагося изъ Екатерининскихъ вельможъ, бывшаго въ это время на верху своего могущества и вліянія. Въ его характерѣ поэтъ отмѣчаетъ склонность къ сибаритству (пирамъ и наслажденіямъ праздной жизни), быстрыя перемѣны въ настроеніи, желаніяхъ и стремленіяхъ, увлеченіе широкими, а иногда и несбыточными планами («химерами»), напр., мечтами о возстановленіи Византійской имперіи (такъ назыв. «греческій проектъ» Потемкина), о покореніи Персіи и Индіи. Державинъ говорилъ о немъ:

А я [1]), проспавши до полудня,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю,
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.

Кромѣ сатирическихъ намековъ на Потемкина, въ одѣ Державина встрѣчаются намеки и на другихъ вельможъ Екатерининскаго времени: Орлова (страсть къ лошадямъ, къ кулачнымъ боямъ и ко всякому молодечеству), Панина (псовая охота), Нарышкина (роговая музыка) и др. Никто изъ этихъ лицъ не былъ названъ въ одѣ, но намеки на нихъ были столь прозрачны, что современники легко узнавали въ нихъ лицъ, которыхъ подразумѣвалъ въ своей одѣ Державинъ. Впрочемъ, въ этихъ сатирическихъ намекахъ не было ничего оскорбительнаго для затронутыхъ лицъ: сатира Державина составлена въ томъ безобидномъ, «улыбательномъ родѣ», который совершенно соотвѣтствовалъ вкусамъ самой императрицы; поэтому она разослала оду Державина всѣмъ задѣтымъ ею лицамъ, подчеркнувъ въ ней то, что относилось къ каждому изъ нихъ: одинъ только кн. Вяземскій, подъ начальствомъ котораго тогда служилъ Державинъ и котораго онъ изобразилъ подъ видомъ «брюзги» (къ нему относится также строфа: «Иль, сидя дома, я прокажу...») обидѣлся на автора и сталъ дѣлать ему различныя непріятности по службѣ.

[1]) Державинъ говоритъ отъ перваго лица, причисляя и себя къ „мурзамъ“ Фелицы и такимъ образомъ нѣсколько маскируя сатирическіе намеки на опредѣленныя лица Екатерининскаго двора.

Екатерина какъ правительница.

Вторая половина оды (начиная со строфы 13-й) посвящена изображенію Екатерины, какъ *правительницы*. Въ этомъ отношеніи поэтъ особенно подчеркиваетъ ея *гуманное отношеніе* къ подданнымъ и ея просвѣщенный взглядъ на свою власть, ея стремленіе править не страхомъ, а любовью:

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь:
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Кроткому и гуманному правленію Екатерины Державинъ противополагаетъ времена имп. Анны, когда процвѣтало «слово и дѣло», когда за малѣйшую неосторожность людей привлекали къ отвѣтственности по обвиненію въ «оскорбленіи величества» (напр., за описку въ царскомъ титулѣ), когда даже при дворѣ господствовали грубыя забавы, въ родѣ шутовскихъ свадебъ, справлявшихся въ «ледяныхъ баняхъ». Екатерина, особенно въ началѣ своего царствованія, была одушевлена просвѣщенными и гуманными идеями вѣка (отразившимися, напр., въ ея «Наказѣ») и потому значительно смягчила прежніе суровые способы примѣненія власти, отмѣнила многіе жестокіе и стѣснительные законы, старалась развить въ своихъ подданныхъ чувство человѣческаго достоинства,—напр., повелѣла именовать себя въ прошеніяхъ не «рабами», а вѣрноподданными [1]). Всѣ эти гуманныя правительственныя мѣры Екатерины создали ей большую популярность въ кругу русскаго общества, поддержанную успѣхами ея внѣшней политики и громкими побѣдами ея полководцевъ. Державинъ въ своей одѣ и явился выразителемъ мыслей и чувствъ значительной части своихъ современниковъ, почувствовавшихъ наконецъ ослабленіе прежняго гнета, получившихъ нѣкоторыя гражданскія права:

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло

[1]) По этому поводу поэтъ Капнистъ написалъ оду: „На истребленіе въ Россіи званія раба“ (1786). Нужно замѣтить однако, что если положеніе высшихъ классовъ, преимущественно дворянства, значительно улучшилось при Екатеринѣ, то положеніе народной массы осталось безъ перемѣны и даже скорѣе ухудшилось, благодаря росту крѣпостного права.

О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль, и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ [1],—
Всегда склоняешься простить.

Историческое и литературное значеніе оды „Фелица".

Въ одѣ Державина разбросано еще не мало намековъ на различныя правительственныя мѣры Екатерины: напр., на учрежденіе больницъ и воспитательныхъ домовъ, на разрѣшеніе свободнаго выѣзда за границу, на облегченіе торговли и промышленности, на стремленіе улучшить правосудіе и т. д.—Во всѣхъ похвалахъ, которыя расточаетъ Державинъ Екатеринѣ, есть, несомнѣнно, значительная доля преувеличенія; но самъ поэтъ, рисуя идеальными чертами образъ своей *Фелицы*, былъ вполнѣ искрененъ въ своемъ увлеченіи. Въ своей одѣ онъ является выразителемъ общаго мнѣнія, рисуя тотъ нѣсколько идеализированный образъ императрицы, какой сложился въ представленіи современниковъ, впервые вздохнувшихъ при ней свободнѣе, пораженныхъ блескомъ ея побѣдъ, широтою ея государственныхъ плановъ и непривычной мягкостью ея правительственной системы. Въ этомъ заключается главное *историческое* значеніе оды Державина, а также и въ многочисленныхъ бытовыхъ чертахъ, разбросанныхъ въ сатирической части оды и рисующихъ бытъ и нравы вельможнаго міра Екатерининской эпохи.—*Литературное* значеніе «Фелицы» обусловливается главнымъ образомъ новостью и оригинальностью ея стиля и содержанія,— небывалымъ до той поры сочетаніемъ панегирическаго (похвальнаго) и сатирическаго элемента, въ одномъ и томъ же произведеніи, шутливымъ тономъ, столь отличнымъ отъ высокопарности и напыщенности торжественныхъ одъ Ломоносовской школы, простымъ и понятнымъ языкомъ, легкостью и звучностью стиха. Всѣ эти качества сообщили одѣ Державина совершенно новый характеръ, придали ей отпечатокъ *народности*. «Замысловатая шутка составляетъ, какъ извѣстно, господствующую черту русскаго народнаго ума, и потому можно сказать, что Державинъ, давъ одѣ національный оттѣнокъ, завершилъ развитіе этого вида поэзіи на русской почвѣ» (Гротъ).

„Видѣніе Мурзы".

Ода „Видѣніе Мурзы" (1783) тѣсно связана съ предыдущей одой Державина. Она написана въ отвѣтъ на упреки въ лести и искательствѣ со стороны многихъ недоброжелателей Державина, недовольныхъ

[1]) *Зоилъ*—древне-греческій писатель, критиковавшій поэмы Гомера; имя его употребляется въ нарицательномъ смыслѣ, въ значеніи недоброжелателя или хулителя.

громкимъ успѣхомъ его „Фелицы“ и благоволеніемъ къ нему императрицы. Эти подозрѣнія больно задѣвали Державина, такъ какъ были совершенно несправедливы: оду свою онъ писалъ, даже не думая ее печатать, и восхвалялъ въ ней Екатерину совершенно чистосердечно, безъ всякой мысли понравиться государынѣ и снискать ея милость.— „Видѣніе Мурзы“ начинается съ прекрасной, художественной картины лѣтней лунной ночи въ Петербургѣ; поэтъ-„мурза“, одинъ въ своей комнатѣ, предается мечтамъ и размышленіямъ; внезапно передъ его очами предстоитъ чудное видѣніе: является передъ нимъ Фелица, въ образѣ величественной богини [1]), и обращается къ нему съ рѣчью, въ которой повторяются тѣ же упреки въ лести, которые приходилось выслушивать Державину отъ многихъ: поэзію, если она божественный даръ, нельзя употреблять на лесть и похвалу людей, даже самыхъ высокопоставленныхъ, потому что и они подвержены страстямъ и слабостямъ человѣческимъ: поэзія должна не льстить, а *поучать* людей, направлять ихъ на путь добра и истины:

. . . . . Когда
Поэзія не сумасбродство,
А вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести имъ вредитъ не рѣже—
А гдѣ поэты не льстецы?
. . . . . .
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ пѣтовъ похвала.

Поэтъ пораженъ этими упреками, но въ сознаніи своей искренности и безкорыстія онъ почерпаетъ силу снести ихъ безропотно и заканчиваетъ свою оду слѣдующимъ самооправданіемъ, въ которомъ онъ поясняетъ, что при восхваленіи „Фелицы“ имъ руководила не лесть или какіе-либо личные расчеты, а сердечная благодарность за ея труды и заботы о благѣ подданныхъ:

Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну поставлю

[1]) Въ этой одѣ Фелица изображена Державинымъ въ томъ видѣ, въ какомъ она нарисована на извѣстномъ портретѣ художника *Левицкаго* (см. стр. 394), гдѣ она представлена въ образѣ законодательницы, совершающей жертвоприношеніе во храмѣ Правосудія.

Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Такимъ образомъ самъ Державинъ считалъ себя призваннымъ „пѣвцомъ“ Фелицы и видѣлъ въ этомъ свою заслугу передъ родиной и залогъ своего „безсмертія“. Въ другомъ стихотвореніи («Приношеніе монархинѣ“) онъ какъ-бы повторяетъ послѣднюю мысль своей оды:

Ты *славою*, твоимъ я *эхомъ* буду жить.

Что увлеченіе Державина Екатериной въ эту эпоху было вполнѣ искренно, видно и изъ дальнѣйшаго его отношенія къ ней: когда впослѣдствіи ему пришлось, въ роли статсъ-секретаря, ближе познакомиться съ Екатериной, онъ уже не могъ настроить свою лиру на прежній ладъ и относиться къ „Фелицѣ“ съ прежнимъ восхищеніемъ, хотя сама императрица, ждавшая отъ своего пѣвца новыхъ восхваленій, была недовольна тѣмъ, что муза его какъ бы онѣмѣла. Самъ Державинъ объясняетъ это тѣмъ, что онъ не могъ уже „такъ воспламенить свой духъ, чтобы поддержать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями“. Поэтому если и встрѣчаются въ его поэзіи черты, которыя кажутся намъ льстивыми и преувеличенными, то онѣ выражаютъ не личныя свойства Державина, а являются необходимой принадлежностью торжественныхъ и похвальныхъ одъ и связаны съ общимъ вкусомъ эпохи.

Сатирическія оды Державина.

Самъ Державинъ говоритъ о себѣ въ своихъ «Запискахъ», что «духъ его склоненъ былъ всегда къ морали»: этой любовью къ нравственнымъ размышленіямъ и поученіямъ въ значительной степени объясняется его склонность къ сатирѣ, проникающей даже въ похвальныя оды Державина. Однако въ нихъ сатирическій элементъ значительно смягченъ, благодаря общему шутливому тону, приданному поэтомъ этимъ произведеніямъ. Гораздо рѣзче выступаетъ онъ въ *одахъ-сатирахъ* Державина, къ числу которыхъ принадлежатъ: «Вельможа», «На счастіе», «Властителямъ и судьямъ» и нѣк. др.

„Вельможа“.

Особенный интересъ представляетъ первая изъ нихъ. Интересъ этотъ обусловливается самымъ предметомъ оды. Никогда въ русской исторіи *вельможество* не имѣло такого значенія и такого вліянія въ государственныхъ дѣлахъ, какъ именно въ царствованіе Екатерины II. Среди вельможъ, окружавшихъ тронъ императрицы Екатерины, были лица выдающіяся по уму и дарованіямъ, какъ Григ. Орловъ, Никита Панинъ, Безбородко; но наряду съ ними было немало такихъ, которые обязаны были своимъ возвышеніемъ слѣпому случаю или придворнымъ интригамъ. Пользуясь громадною властью, они нерѣдко злоупотребляли ею, преслѣдовали свои личныя, честолюбивыя или корыстолюбивыя цѣли, предавались страсти къ рос-

коши и наслажденіямъ, окружали себя пышной свитой прислужниковъ, проводили время въ пирахъ и празднествахъ, забывая за ними и государственныя дѣла, и долгъ свой передъ отечествомъ. Въ своей одѣ Державинъ рѣзкими сатирическими чертами рисуетъ образъ надменнаго «любимца счастья», равнодушнаго ко всему на свѣтѣ, кромѣ собственныхъ прихотей и удовольствій, спокойно почивающаго въ роскошныхъ чертогахъ, въ то время какъ въ пріемной его толпятся просители, тщетно ожидающіе его выхода:

А ты, второй Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?
На то-ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ явствъ приноситъ дани,—
Токай густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?
. . . . . .
А тамъ израненый герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю твою пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лáвровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ.
А тамъ—вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ грудным младенцемъ на рукахъ,
Покрова твоего желаетъ;
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть...

Этому образу изнѣженнаго и развращеннаго сластолюбца Державинъ противопоставляетъ свой собственный *идеалъ вельможи*. Не праздность и роскошь, а простота, трудолюбіе и сознаніе своего долга—вотъ что составляетъ основу истиннаго величія:

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.

Этому примѣру должны подражать и вельможи, должны трудиться для общаго блага, не увлекаясь приманками внѣшняго блеска, должны развивать въ себѣ нравственныя качества, «изящности душевны», а не довольствоваться внѣшними отличіями: чинами, титулами и т. д.:

Я князь—коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Но главное призваніе истиннаго вельможи, по мнѣнію Державина, это—быть посредникомъ между государемъ и подданными; поэтому высшимъ его качествомъ является *правдивость:* онъ не долженъ скрывать своихъ мнѣній, а свободно выражать ихъ,—и тогда только онъ исполнитъ свой гражданскій долгъ:

Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ тронамъ не сгибаться,
Стоять и правду говорить.

Образецъ истиннаго вельможи Державинъ видѣлъ въ лицѣ знаменитаго полководца *Румянцева,* на котораго намекаютъ и послѣднія строфы оды. Это свидѣтельствуетъ о нравственной независимости Державина, такъ какъ Румянцевъ находился въ это время въ немилости и проживалъ въ почетной ссылкѣ въ своихъ деревняхъ.

Философскія оды Державина: „Водопадъ“.

Изъ всѣхъ вельможъ Екатерининскаго времени наибольшимъ значеніемъ пользовался Потемкинъ. Неожиданная смерть этого могущественнаго любимца Екатерины, достигшаго высшихъ ступеней славы и почета, внушила Державину мысль написать оду «*Водопадъ*», въ которой онъ символически изобразилъ судьбу «великолѣпнаго» князя Тавриды. Ода эта принадлежитъ къ числу произведеній Державина съ философскимъ содержаніемъ, каковы: «Богъ», «На смерть князя Мещерскаго» и нѣк. др. Чаще всего въ этихъ философскихъ одахъ онъ обращается къ мысли о ничтожности всего земного, о непрочности человѣческаго счастія, о всесокрушающей силѣ времени и смерти. Державинъ умѣлъ облекать эту мысль

въ величественные и мрачные образы и достигалъ въ этихъ одахъ замѣчательной силы и выразительности [1]).

Ода «Водопадъ» нѣсколько растянута (самая значительная по размѣрамъ изъ одъ Державина), въ ней немало холодной риторики и ложнаго паѳоса, но въ то же время въ ней есть строфы истинно прекрасныя, есть черты глубоко вдохновенныя. Прекрасно, напр., самое начало оды, въ которомъ изображается водопадъ *Кивачъ* въ Олонецкой губ.; картина, нарисованная здѣсь Державинымъ, отличается обиліемъ красокъ и яркой образностью:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ бугpами;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Видъ могучаго, съ шумомъ низвергающагося внизъ водопада вызываетъ въ душѣ поэта мысль о судьбѣ Потемкина, вознесеннаго счастіемъ на необыкновенную высоту, а окончившаго жизнь свою на большой дорогѣ, въ степи, вдали отъ привычнаго блеска и пышности. Эта картина смерти нѣкогда могущественнаго человѣка поразила воображеніе поэта, и онъ запечатлѣлъ ее въ звучныхъ и сильныхъ стихахъ:

Чей одръ—земля; кровь—воздухъ синь;
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, Счастья, Славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?
Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,

1) Эта же трагическая мысль вдохновила и послѣдніе стихи Державина, набросанные имъ за нѣсколько дней до смерти:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей...

И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ? [1])

Эта картина наводитъ поэта на размышленія о ничтожности человѣческой славы и величія, зависящаго отъ игры случая:

Единый часъ, одно мгновенье
Способны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста—и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попираютъ!

„На смерть кн. Мещерскаго".

Та же мысль о ничтожности всего земного, о непрочности человѣческаго счастія выражена Державинымъ и въ одѣ: «На смерть князя Мещерскаго». Мещерскій былъ вельможа-эпикуреецъ, ведшій широкій и роскошный образъ жизни. Въ домѣ его, на его пышныхъ праздникахъ, неоднократно бывалъ и Державинъ; поэтому извѣстіе о его смерти произвело на него сильное впечатлѣніе, отразившееся въ его одѣ. Внимая бою часовъ, въ которомъ поэту слышится голосъ времени («глаголъ временъ, металла звонъ»), онъ вспоминаетъ о скоротечности человѣческой жизни, о томъ, что каждый часъ приближаетъ насъ къ неизбѣжной кончинѣ. Сильными и яркими чертами изображаетъ онъ всемогущество Смерти, отъ которой не спасаетъ ни богатство, ни слава, ни высокій санъ, которая одинаково разитъ монарха и узника, которая приходитъ къ человѣку, «какъ тать», когда онъ менѣе всего ожидаетъ ее:

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ-жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
„О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!"
. . . . . .
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ...

---

[1]) Намекъ на широкіе замыслы Потемкина, мечтавшаго о возстановленіи византійской имперіи, въ которой онъ самъ надѣялся занять престолъ.

Глядитъ на всѣхъ—и
Кому въ державу тѣсны міры.
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны—
точитъ лезвіе косы.

Великая загадка смерти смущаетъ умъ поэта: онъ останавливается передъ ней въ полномъ недоумѣніи. Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ оды («Гдѣ-жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ.»)—чувствуется какъ-бы отголосокъ религіознаго скептицизма, распространившагося и въ русскомъ обществѣ подъ вліяніемъ вольтеріанства; поэтому, не находя отвѣта на свои сомнѣнія въ религіозной вѣрѣ, поэтъ ищетъ примиренія съ сознаніемъ ничтожности человѣческой жизни и всемогущества смерти въ мысли о необходимости покориться неизбѣжному, а до тѣхъ поръ пользоваться благами жизни, не думая о концѣ:

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ [1]), должно намъ, конечно.
Почто-жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоей душою
Благословляй небесъ ударъ,

Ода „Богъ“.

Но такое религіозное сомнѣніе являлось у Державина лишь преходящимъ настроеніемъ, потому что отъ природы ему была свойственна глубокая религіозность, выразившаяся во многихъ его произведеніяхъ, и въ особенности въ его знаменитой одѣ «*Богъ*». Державинъ началъ эту оду въ 1780 году, подъ живымъ впечатлѣніемъ пасхальной заутрени: придя изъ церкви домой, онъ сразу набросалъ нѣсколькихъ первыхъ строфъ, но затѣмъ долго не могъ окончить начатой оды, отвлекаемый различными дѣлами и заботами: вторая половина ея была написана имъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя [2]). Несмотря на такой перерывъ, ода Державина отличается внутренней цѣльностью, законченностью и стройностью плана. По своему содер-

---

[1]) Другъ Державина и кн. Мещерскаго; къ нему обращена вся ода.

[2]) Самъ Державинъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“, что для того, чтобы окончить свою оду, онъ рѣшился уединиться и уѣхалъ изъ Петербурга въ Нарву, гдѣ и прожилъ недѣлю, работая надъ своимъ произведеніемъ.

жанію она представляетъ собой философское разсужденіе о природѣ Божества и объ отношеніи человѣка къ Богу; но это разсужденіе облечено въ такую яркую, образную форму, проникнуто такимъ глубокимъ чувствомъ религіознаго умиленія и восторга, что вся ода производитъ впечатлѣніе вдохновеннаго художественнаго гимна. Этимъ объясняется необыкновенный успѣхъ ея, не только въ Россіи, но и въ западныхъ странахъ: она переведена почти на всѣ европейскіе языки [1]) и болѣе, чѣмъ какое-либо другое произведеніе, способствовала распространенію извѣстности Державина, какъ выдающагося поэта.

Ода Державина начинается съ перечисленія *свойствъ* Божіихъ:

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный [2]),
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!

Сдѣлавъ попытку при помощи перечисленія свойствъ Божіихъ приблизиться къ пониманію Его существа, поэтъ убѣждается въ безсиліи человѣческаго разума постичь тайну Божественной природы:

Измѣритъ океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ..

Затѣмъ поэтъ переходитъ къ изображенію *величія* Божьяго, передъ которымъ вся вселенная, съ ея безконечнымъ рядомъ міровъ,—только вихрь ничтожныхъ пылинокъ:

---

[1]) Существуютъ переводы оды „Богъ“ на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, голландскій, польскій, чешскій, латинскій, ново-греческій и др.; однихъ французскихъ переводовъ насчитывается до 15-ти.

[2]) Т.-е., бытіемъ своимъ („теченіемъ“) превѣчный времени, существовавшій *до* времени.

Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, выблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ предъ Тобой.

Если весь видимый міръ, съ его богатствомъ и разнообразіемъ,— ничто въ сравненіи съ Богомъ, то что же можетъ значить передъ Нимъ человѣкъ?—Вся вторая половина оды (начиная съ 7-й строфы) служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Поэтъ видитъ значеніе человѣка въ томъ, что онъ является воплощеніемъ Божественнаго начала въ видимомъ мірѣ: въ немъ, «какъ солнце въ малой каплѣ водъ», отражается Божество,—оттого и душа его, не удовлетворяясь вполнѣ ничѣмъ земнымъ, всегда стремится ввысь, къ вѣчному («Несытымъ нѣкакимъ летаю — всегда паренъемъ въ высоты»). Принадлежа тѣломъ земному міру, человѣкъ духомъ своимъ причастенъ высшему, Божественному началу, составляя какъ-бы переходъ или связь между тѣмъ и другимъ. Эта мысль выражена въ слѣдующей строфѣ, въ которой идея двойственности человѣческаго существа чрезвычайно удачно воплощена Державинымъ въ сильной и сжатой *антитезѣ* (противопоставленіи):

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я—царь, я—рабъ, я—червь, я—Богъ!

Заканчивается ода выраженіемъ глубокаго умиленія передъ благостью Божіей, воззвавшей человѣка изъ небытія и черезъ «смертну бездну» ведущей его къ безсмертію.

Главнѣйшія черты поэзіи Державина.

Гоголь очень мѣтко назвалъ Державина «пѣвцомъ величія»; дѣйствительно, именно идея *величія* чаще всего вдохновляла его, вызывала въ немъ творческій восторгъ; въ своихъ одахъ онъ воспѣвалъ величіе *Фелицы,* величіе Россіи, величіе военной славы и царственнаго могущества, величіе смерти, величіе Бога. Это придаетъ всей поэзіи Державина отпечатокъ особенной *торжественности,* переходящей нерѣдко въ высокопарность, тамъ, гдѣ его оставляло истинное вдохновеніе.—Но наряду съ этимъ въ творчествѣ Державина замѣчается и сознательное стремленіе къ большей простотѣ, къ сближенію поэзіи съ жизнью. Это стремленіе обнаруживается даже въ его похвальныхъ одахъ, посвященныхъ «Фелицѣ»; но еще ярче оно сказывается въ *посланіяхъ* и *антологическихъ* сти-

хотвореніяхъ Державина, довольно многочисленныхъ; таковы, напр.: «Другу», «Капписту», «Приглашеніе къ обѣду», «Похвала сельской жизни», «Евгенію. Жизнь Званская» и др. Обыкновенно въ нихъ въ легкой, незатѣйливой формѣ рисуется идеалъ счастливой жизни, составленный себѣ Державинымъ, въ духѣ Горацiанской «золотой середины» (aurea mediocritas); отвергая приманки богатства, славы, почета, поэтъ воспѣвалъ умѣренность, дружбу, простоту деревенской жизни, умѣніе пользоваться ея радостями и т. д. Изящный эпикуреизмъ Горація былъ близокъ Державину; поэтому онъ неоднократно подражалъ ему въ своихъ стихахъ, такъ же какъ и Анакреону; не зная греческаго и латинскаго языка, онъ долженъ былъ довольствоваться русскими и нѣмецкими переводами; тѣмъ не менѣе въ своихъ подражаніяхъ ему удалось довольно вѣрно схватить общій духъ античнаго подлинника («Купидонъ», «Къ лирѣ», «Объ удовольствіи», «Кузнечикъ», «Лебедь» и др.).

Значеніе Державина въ русской поэзіи.

Значеніе Державина для своего времени было громадно. Въ сущности, онъ является въ XVIII вѣкѣ единственнымъ нашимъ поэтомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ ни Кантемиръ, ни Ломоносовъ не были истинными поэтами: для нихъ поэзія имѣла главнымъ образомъ служебное, прикладное значеніе, въ качествѣ риторическаго украшенія придворныхъ празднествъ, или въ качествѣ дидактическаго пріема, годнаго для проведенія извѣстныхъ идей въ русское общество. Только въ произведеніяхъ Державина поэзія получаетъ, наконецъ, *самостоятельное* значеніе, безъ отношенія къ какой-либо посторонней цѣли. Если еще Ломоносовъ съ пренебреженіемъ отзывался о «бѣдномъ риѳмичествѣ», то Державинъ видѣлъ въ своемъ поэтическомъ творчествѣ залогъ безсмертія и неувядаемой славы; въ стихотвореніяхъ: «Памятникъ» и «Лебедь» онъ выразилъ гордое сознаніе своего значенія, какъ поэта, «любимца Музъ», котораго талантъ поднимаетъ на одну ступень съ вельможами и даже выше ихъ [1]).

Пушкинъ выразился однажды о Державинѣ, что «кумиръ его

---

[1]) Впрочемъ, теоретическіе взгляды Державина на поэзію не отличались устойчивостью. Если въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ „Памятникъ“ и „Лебедь“, онъ приписываетъ ей такое высокое и серьезное значеніе, то въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемся съ совершенно иной оцѣнкой. Такъ, напр., въ одѣ „Фелица“ Державинъ восхваляетъ Екатерину за то, что она не слишкомъ уважаетъ тѣхъ, „кто только риѳмы можетъ плесть“, и смотритъ на поэзію, лишь какъ на пріятное украшеніе жизни:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

на четверть золотой, на три четверти свинцовый»,—и съ этимъ отзывомъ нельзя не согласиться. Произведенія Державина часто риторичны и холодны, утомляютъ обиліемъ аллегорическихъ образовъ, требующихъ для своего пониманія особыхъ объясненій. Оды его обыкновенно растянуты и невыдержаны, языкъ ихъ часто неуклюжъ и неправиленъ; но зато въ нихъ встрѣчается и золото настоящей поэзіи: величественные образы, яркія и неожиданныя сравненія, могучій полетъ воображенія,—наглядно свидѣтельствующіе о силѣ его поэтическаго вдохновенія. Эти проблески генія навѣки сохранятъ имя Державина въ памяти потомства, какъ наиболѣе крупнаго представителя *величаваго стиля* въ русской поэзіи.

7. Второстепенные писатели Екатерининской эпохи.

Херасковъ.

Въ лицѣ Новикова, Фонвизина и Державина русская литература Екатерининской эпохи достигла своего высшаго развитія. Но на ряду съ ними дѣйствовало немало другихъ писателей, изъ которыхъ нѣкоторые пользовались въ свое время громадной популярностью, какъ Херасковъ, Богдановичъ, Княжнинъ, Капнистъ. Въ настоящее время, однако, всѣ они сохраняютъ лишь историческое значеніе, такъ какъ ни у кого изъ нихъ не было настоящаго художественнаго таланта, въ произведеніяхъ ихъ не было той крупицы золота, которая и теперь еще придаетъ эстетическую цѣнность одамъ Державина. Несмотря на это, изученіе произведеній названныхъ писателей представляетъ извѣстный интересъ, потому что въ нихъ сказываются литературные вкусы эпохи и отражается въ той или иной формѣ вліяніе идей и понятій, распространенныхъ въ обществѣ.

„Россіада“.

Изъ перечисленныхъ писателей наибольшимъ уваженіемъ пользовался *Херасковъ*, создавшій себѣ громкую славу своей эпической поэмой «Россіада» [1]). Эпическая поэма или *эпопея* считалась по классической теоріи высшимъ родомъ поэзіи, вслѣдствіе чего созданіе подобнаго рода поэмы вмѣнялось поэтамъ въ особую заслугу. До Хераскова Ломоносовъ сдѣлалъ попытку воспѣть въ эпопеѣ Петра Вел., но его поэма «Петріада» осталась неоконченной; что касается до «Телемахиды» Тредьяковскаго, то она, вслѣдствіе полной бездар-

[1]) Херасковъ (1733—1807) въ теченіе многихъ лѣтъ былъ директоромъ и куратором Московскаго университета. Какъ человѣкъ, онъ отличался высокими нравственными качествами, искренно любилъ науку и литературу, и покровительствовалъ молодымъ ученымъ и писателямъ. Между прочимъ, онъ оказалъ очень серьезную поддержку Новикову въ его издательскихъ предпріятіяхъ и былъ однимъ изъ учредителей „Дружескаго ученаго общества“.

ности автора, никакого успѣха въ обществѣ не имѣла. Поэтому появленіе «Россіады» Хераскова, какъ первой эпопеи на русскомъ языкѣ, произвело большое впечатлѣніе въ кругу образованнаго общества (1779).

Характерныя черты псевдоклас. эпопеи.

«Россіада» написана съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ классической теоріи. Согласно этой теоріи, предметомъ эпопеи должно быть какое-либо важное историческое событіе, имѣющее *національное* значеніе. Въ центрѣ дѣйствія долженъ стоять какой-нибудь знаменитый герой, историческій или легендарный, а самое дѣйствіе эпопеи должно заключаться въ подвигахъ этого героя и въ борьбѣ съ препятствіями, стоящими на пути къ поставленной имъ себѣ цѣли.

М. М. Херасковъ.

Высшими образцами эпопеи служили «Иліада» Гомера и «Энеида» Вергилія, которымъ старались подражать всѣ послѣдующіе авторы эпическихъ поэмъ (Аріосто и Тассо въ Италіи, Камоэнсъ въ Португаліи, Мильтонъ въ Англіи, Вольтеръ во Франціи). Подражаніе это касалось какъ формы, такъ и содержанія произведеній: какъ и поэмы Гомера и Вергилія, они начинались глаголомъ: *пою,* за которымъ слѣдовало краткое изложеніе предмета повѣствованія (такъ назыв. «предложеніе») и обращеніе къ музамъ или къ Аполлону съ просьбой о ниспосланіи вдохновенія. Въ античныхъ эпопеяхъ большую роль играли боги и богини, принимавшіе непосредственное участіе въ дѣйствіи, въ качествѣ покровителей или, наоборотъ, гонителей главнаго героя; у христіанскихъ поэтовъ вмѣсто языческихъ боговъ мы встрѣчаемъ волхвовъ и чародѣевъ, злыхъ и добрыхъ духовъ, или же различныя олицетворенія и аллегорическія фигуры (впрочемъ, у нѣкоторыхъ выводятся въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ и античныя божества: напр., въ «Лузіадахъ» Камоэнса большую роль играетъ Нептунъ, преслѣдующій своимъ гнѣвомъ героя поэмы, мореплавателя Васко-де-Гаму); такое введеніе *чудеснаго* элемента считалось необходимой принадлежностью эпической поэмы.

Форма и содержаніе „Россіады".

Всѣ эти черты классической эпопеи находимъ мы и въ поэмѣ Хераскова. Начинается она съ традиціоннаго приступа, излагающаго вкратцѣ содержаніе всего произведенія:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть татаръ и гордость низложенну;
Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.

Сюжетомъ поэмы является покореніе царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ Казани. Событіе это, несомнѣнно, имѣло важное историческое и національное значеніе и потому вполнѣ соотвѣтствовало требованіямъ классической эпопеи. Но въ изложеніи фактовъ и въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ Херасковъ допускалъ значительныя отступленія отъ дѣйствительности, мало придерживался историческихъ данныхъ, а нерѣдко впадалъ и въ грубыя ошибки: такъ, напр., онъ смѣшивалъ Казанское царство съ Золотой Ордой. Какъ мало въ поэмѣ Хераскова исторической достовѣрности, такъ же мало въ ней и народности, національныхъ чертъ. Такъ какъ Херасковъ рабски слѣдовалъ своимъ иностраннымъ образцамъ (преимущественно «Энеидѣ» Вергилія и «Освобожденному Іерусалиму» Тассо), то лица его поэмы болѣе напоминаютъ античныхъ героевъ и средневѣковыхъ рыцарей, чѣмъ русскихъ людей эпохи Іоанна Грознаго; самъ Іоаннъ изображенъ идеальными чертами: онъ храбръ, твердъ, великодушенъ, вѣренъ своему слову. Такими же идеальными чертами изображены и его сподвижники: Курбскій, пламенный патріотъ, и Адашевъ, мудрый совѣтникъ царя.

Большую роль въ дѣйствіи «Россіады» играетъ элементъ *чудеснаго:* пророчества, видѣнія, вмѣшательство небесныхъ и адскихъ силъ; такъ, въ 8-й пѣснѣ повѣствуется о томъ, какъ старецъ Вассіанъ показываетъ Іоанну тѣни его славныхъ предковъ и картины будущихъ судебъ Россіи вплоть до царствованія Екатерины II; весь этотъ эпизодъ представляетъ собой близкое подражаніе разсказу «Энеиды» о нисхожденіи Энея въ подземное царство, гдѣ отецъ его Анхизъ предсказываетъ ему дальнѣйшую судьбу, какъ его самого, такъ и его потомковъ до императора Августа (точно также и въ «Генріадѣ» Вольтера Людовикъ Святой, явившись въ сновидѣніи Генриху IV, показываетъ ему будущихъ королей Франціи). Въ то время какъ небесныя силы помогаютъ Іоанну и русскимъ, темные адскіе духи, покровительствуя казанцамъ и боясь утвержденія христіанства въ ихъ царствѣ, всячески стараются повредить имъ: поднимаютъ на Волгѣ бурю, чтобы погубить струги (лодки) съ русскими

войсками, заводятъ ихъ въ безводную пустыню, устрашаютъ различными необыкновенными знаменіями. Всѣ эти темныя, адскія силы олицетворены въ поэмѣ въ образѣ Безбожія, живущаго въ подземномъ царствѣ и окруженнаго олицетвореніями различныхъ страстей и пороковъ; это описаніе подземнаго царства и его злобныхъ обитателей представляетъ собой близкое подражаніе соотвѣтствующему эпизоду въ «Энеидѣ» Вергилія:

Есть бездна темная, куда не входитъ свѣтъ,
Тамъ всѣхъ источникъ золъ, Безбожіе живетъ;
Оно геэнскими окружено струями,
Піетъ шипящій ядъ, питается зміями;
Простерли по его нахмуренну челу
Развратны помыслы, печали, горесть мглу;
Отъ вѣчной зависти лицо его желтѣетъ...
. . . . . .
Изъ тьмы къ нему его клевреты прибѣгаютъ:
Огнями дышуща предстала черна Месть;
Имѣя видъ змѣи, ползетъ презрѣнна Лесть;
Гордыня предъ нее со скипетромъ приходитъ,
Съ презрѣньемъ мрачный взоръ на небеса возводитъ:
Вражда, исполнена всегда кипящимъ ядомъ,
Во трепетъ тартаръ весь приводитъ смутнымъ взглядомъ;
Изъ глазъ Отчаянья слезъ токи полились;
Злодѣйства многія къ Безбожію сошлись...

Въ этихъ олицетвореніяхъ сказывается вкусъ псевдо-классическихъ поэтовъ къ различнымъ аллегоріямъ; подобныя же аллегорическія фигуры встрѣчаются у всѣхъ нихъ: такъ, напр., Вольтеръ въ «Генріадѣ» выводитъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ такія отвлеченныя понятія, какъ Фанатизмъ, Раздоръ, Свобода и тому под. Кромѣ этихъ аллегорическихъ фигуръ, въ «Россіадѣ» часто упоминаются разныя греческія и римскія божества: Марсъ, Аврора, Фортуна, Борей, Фетида; въ духѣ античной миѳологіи, олицетворяются въ видѣ живыхъ существъ и нѣкоторыя явленія внѣшняго міра,—напр., рѣки Волга и Кама. Всѣ эти заимствованія придаютъ поэмѣ Хераскова большую пестроту и совершенно лишаютъ ее національнаго колорита. Языкъ ея довольно тяжелъ и однообразенъ, дѣйствіе сильно затягивается, благодаря многочисленнымъ рѣчамъ дѣйствующихъ лицъ и длиннымъ описаніямъ. Несмотря на всѣ эти недостатки, «Россіада» пользовалась большимъ успѣхомъ среди современниковъ, въ качествѣ первой поэмы на русскій историческій сюжетъ, и заслужила своему творцу наименованіе «россійскаго Гомера».

Кромѣ „Россіады“, Херасковъ написалъ еще другую эпическую поэму: „Владиміръ“, въ которой изобразилъ другое великое событіе русской исторіи—принятіе христіанства. Впрочемъ, историческаго въ этой поэмѣ немного; она имѣетъ преимущественно дидактическое значеніе и представляетъ интересъ, какъ отраженіе масонскихъ взглядовъ автора. Самъ Херасковъ говоритъ въ предисловіи къ поэмѣ, что въ лицѣ Владиміра онъ хотѣлъ аллегорически изобразить „странствованіе человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ во мраки сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодолѣваетъ самъ себя, находитъ стезю правды и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается“. Въ художественномъ отношеніи эта поэма стоитъ еще ниже „Россіады“.—Хераскову принадлежитъ еще нѣсколько драматическихъ произведеній (трагедіи: „Венеціанская монахиня“, „Освобожденная Москва“,„ Горислава“; слезныя комедіи („Другъ несчастныхъ“, „Гонимые“) и романовъ въ прозѣ („Нума Помпилій“, „Кадмъ и Гармонія“); послѣдніе также имѣютъ *дидактическое* значеніе; въ нихъ Херасковъ касается многихъ важныхъ вопросовъ воспитанія, законодательства и государственнаго правленія, влагая въ уста дѣйствующихъ лицъ свои размышленія по этому поводу. Кромѣ того Херасковымъ написано не мало одъ, торжественнаго и духовнаго характера; ему, между прочимъ, принадлежитъ и извѣстный гимнъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“.

И. Ѳ. Богдановичъ.

Очень большимъ успѣхомъ пользовалась въ Екатерининскую эпоху шутливая поэма *Богдановича* «Душенька» (1783). Она принадлежала къ разряду «легкой поэзіи» (poésie légère), которая особенно процвѣтала во французской литературѣ XVIII вѣка (Вольтеръ, Парни, Дора, Грекуръ и мн. др.) и изъ Франціи была занесена и къ намъ въ Россію. Единственной задачей этого рода произведеній было—*забавлять* читателей игрою фантазіи и остроумія. Публика, утомленная напыщенностью и дидактизмомъ классическихъ одъ, поэмъ и трагедій, съ удовольствіемъ встрѣчала эти произведенія, въ которыхъ было болѣе живости и простоты. Богдановичъ

«Душенька» Богдановича представляетъ собой передѣлку прозаической повѣсти Лафонтена: «Les Amours de Psyché», въ которой Лафонтенъ воспользовался однимъ эпизодомъ изъ романа латинскаго писателя II-го вѣка по Р. Х. *Апулея:* «Золотой оселъ», изображаю- „Душенька“

щимъ любовь Амура и Психеи. Эпизодъ этотъ имѣетъ аллегорическое значеніе, такъ какъ подъ Психеей подразумѣвалась человѣческая *душа* (по-гречески Psyche—душа), которая при помощи любви очищается отъ недостатковъ и достигаетъ нравственнаго совершенства. Отсюда и имя героини Богдановича, которому онъ придалъ ласкательную форму, хотя и лишилъ ее всякаго аллегорическаго значенія. Въ поэмѣ Богдановича *Душенька* — дочь греческаго царя, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей приданы черты русской дѣвушки. Вообще, Богдановичъ сознательно допускалъ въ своей поэмѣ смѣшеніе древнеклассическихъ и національныхъ элементовъ: такъ, на ряду съ греческими божествами: Венерой, Марсомъ, Нептуномъ, разными миѳологическими существами: нимфами, сатирами, тритонами, въ поэмѣ поминаются Кощей, Змѣй-Горынычъ, Баба-Яга и т. д. Характеръ Душеньки обрисованъ довольно живо, хотя онъ далеко не имѣетъ той идеальной окраски, какою отличается героиня Апулея и Лафонтена: Богдановичъ въ своемъ изображеніи Душеньки усиленно подчеркиваетъ ея кокетство, легкомысліе, тщеславіе и другія мало симпатичныя черты. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, образъ ея не лишенъ граціи: по замыслу автора, онъ долженъ воплощать въ себѣ все обаяніе молодости и красоты. Богдановичъ такъ описываетъ свою героиню:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша;
По образу-ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.

Нѣкоторые картины и эпизоды поэмы Богдановича не лишены живописности,—напр.: описаніе чертоговъ Душеньки, плаваніе Венеры по морю, приключенія Душеньки въ аду. Вся поэма написана легкими вольными стихами, хотя языкъ ея далеко не отличается правильностью и изяществомъ. Несмотря на это, «Душенька» пользовалась среди современниковъ громаднымъ успѣхомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ ея многочисленныя изданія. Она оказала даже нѣкоторое вліяніе на творчество Пушкина,—именно, отразилась на характеристикѣ Людмилы въ его юношеской поэмѣ.

В. Майковъ: „Елисей".

Къ тому же разряду „легкой поэзіи" относится и поэма *Вас. Майкова:* „Елисей, или раздраженный Вакхъ" (1771). Она принадлежитъ къ числу *герои-комическихъ* поэмъ, которыя признавались классической теоріей, хотя и считались однимъ изъ низшихъ видовъ поэзіи. Въ этихъ поэмахъ высокимъ слогомъ воспѣвались лица и событія ничтожныя или комическія; иногда эти поэмы представляютъ собой прямыя

пародіи на какую-либо извѣстную эпопею: такъ, напр., наиболѣе древній образецъ герои-комическаго эпоса, греческая поэма „Батрахоміомахія“ („Война мышей и лягушекъ“) является пародіей на „Иліаду“ Гомера. Ближайшимъ образцомъ для Майкова служило произведеніе французскаго писателя XVII в. *Скаррона* „Virgile travesti“ („Вергилій, вывороченный на изнанку“), представляющее остроумную пародію на „Энейду“ [1]).

Героемъ поэмы Майкова является ямщикъ Елисей—„дѣтина взрачный, картежникъ, пьяница, буянъ, боецъ кулачный“. Какъ въ „Иліадѣ“ Гомера главной пружиной дѣйствія является гнѣвъ Ахиллеса, такъ у Майкова въ основѣ всей поэмы лежитъ гнѣвъ Вакха, раздраженнаго на откупщиковъ за то, что они повысили цѣну на вино, и избравшаго орудіемъ своего мщенія ямщика Елисея. Елисей устраиваетъ всяческія безобразія, разноситъ питейные дома, оскорбляетъ откупщиковъ и т. д., пока, наконецъ, по постановленію боговъ, его не отдаютъ въ солдаты. Среди отдѣльныхъ эпизодовъ поэмы встрѣчаются забавныя пародіи на гомеровскій эпосъ: такъ, напр., подобно битвамъ грековъ съ троянцами, изображается драка зимогорцевъ съ валдайцами изъ-за сѣнокоса. Въ поэмѣ Майкова разбросано много бытовыхъ чертъ, взятыхъ изъ жизни русскаго простонародья и изображенныхъ съ полнымъ реализмомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, картины, нарисованныя Майковымъ, отличаются грубостью, нерѣдко граничащей съ непристойностью.—Кромѣ „Елисея“, Майкову принадлежитъ довольно много *басенъ*, въ которыхъ также встрѣчаются иногда черты и типы, непосредственно взятые изъ русской дѣйствительности и свидѣтельствующіе о природной наблюдательности автора и о его склонности къ реализму въ творчествѣ: благодаря этому, нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ не утратили своего интереса, напр., басня „О хулителѣ чужихъ дѣлъ“, проникнутая глубокой симпатіей къ русскому крестьянину. Напротивъ того, тѣ произведенія Майкова, въ которыхъ онъ оставался вполнѣ вѣренъ классической теоріи, очень слабы въ художественномъ отношеніи и лишены всякаго значенія: таковы его трагедія „Агріопа“ и многочисленныя оды.

Хемницеръ: басни.

Особое мѣсто среди писателей Екатерининской эпохи занимаетъ *Хемницеръ*. Онъ писалъ почти исключительно *басни*, но сумѣлъ достигнуть въ нихъ возможнаго въ то время совершенства. Вообще въ XVIII стол. басня, благодаря общему вкусу псевдо-классической эпохи къ *дидактизму*, пользовалась большимъ уваженіемъ и успѣхомъ въ литературѣ. У насъ басни писали Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Вас. Майковъ, но только одному Хемницеру удалось придать своимъ баснямъ художественное значеніе. Главныя достоинства его басенъ заключаются въ простотѣ и естественности разсказа, въ ихъ близости къ дѣйствительности, въ чистотѣ и народ-

1) У насъ этой поэмѣ Скаррона подражали Осиповъ и Котляревскій (на малорусскомъ языкѣ); послѣдній представилъ Энея и его спутниковъ въ видѣ странствующихъ чумаковъ, которые ѣдятъ галушки, пьютъ горилку, танцуютъ гопака и т. д.

ности языка. Послѣднее свойство басенъ Хемницера тѣмъ болѣе замѣчательно, что по своему происхожденію онъ былъ нѣмецъ, сынъ полкового врача, хотя и родился въ Россіи и искренно любилъ и ее, и русскій народъ.—Всего написано Хемницеромъ около ста басенъ; изъ нихъ 60—оригинальныя, остальныя представляютъ собой переводы или передѣлки; больше всего онъ переводилъ изъ нѣмецкаго баснописца Геллерта (18) и изъ Лафонтена (5). Въ своихъ басняхъ Хемницеръ касается всевозможныхъ недостатковъ, какъ общечеловѣческихъ: эгоизма, тщеславія, скупости, невѣжества, жадности,—такъ и такихъ недостатковъ, которые были особенно свойственны русской жизни того времени, въ родѣ взяточничества и неправосудія. Сатира его басенъ, впрочемъ, не отличается особенной силой и язвительностью. На всѣхъ нихъ лежитъ отпечатокъ простодушія, свойственнаго его мирной, незлобивой натурѣ. Мораль его басенъ также не отличается особенной возвышенностью и чаще всего сводится къ проповѣди умѣренности и осторожности въ жизненныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ. Хемницеръ часто употреблялъ въ своихъ басняхъ чисто народныя выраженія, пословицы и поговорки: напр.: «такую кашу заварили», «лиха бѣда начало», «они и пуще привяжися», «отъ добра добра не ищутъ» и мн. др.: это придаетъ его рѣчи отпечатокъ народности. Лучшія басни: «Метафизикъ», «Два Сосѣда», «Богачъ и Бѣдный», «Лисица и Сорока», «Дворовая Собака». Басни Хемницера пользовались большой популярностью въ русскомъ обществѣ и выдержали множество изданій.

И. И. Хемницеръ.

Княжнинъ. Главнымъ представителемъ классическаго театра въ Екатерининскую эпоху является *Княжнинъ* (1742—1791). Онъ былъ непосредственнымъ преемникомъ и продолжателемъ Сумарокова, съ которымъ былъ связанъ и родственными отношеніями. Въ своихъ трагедіяхъ и комедіяхъ онъ является строгимъ послѣдователемъ классической теоріи. Вообще, въ своемъ творчествѣ онъ не отли-

чался оригинальностью, и всѣ его произведенія представляютъ собой подражаніе какимъ-либо иностраннымъ образцамъ (Вольтеру, Детушу и др.): за эту склонность къ подражанію Пушкинъ вполнѣ справедливо назвалъ Княжнина «переимчивымъ». Несмотря на эту несамостоятельность произведеній Княжнина, они пользовались большимъ успѣхомъ у современной публики, такъ какъ были написаны языкомъ, гораздо болѣе легкимъ и правильнымъ, чѣмъ піесы его предшественника—Сумарокова.

Его трагедіи.

Княжнину принадлежитъ семь трагедій; всѣ онѣ отличаются искусственностью формы и риторичностью содержанія. Въ нихъ мало дѣйствія, но много громкихъ тирадъ и монологовъ. Въ обрисовкѣ характеровъ у Княжнина обыкновенно нѣтъ психологическаго правдоподобія: всѣ его герои—не живыя лица, а воплощеніе тѣхъ или другихъ страстей, добродѣтелей и пороковъ. Точно также не заботился Княжнинъ о соблюденіи исторической вѣрности и національнаго колорита; такъ, напр., хотя въ нѣкоторыхъ его трагедіяхъ («Росславъ», «Владиміръ и Ярополкъ», «Вадимъ Новгородскій») дѣйствіе происходитъ въ древней Руси, однако, ничего народнаго въ нихъ нѣтъ, кромѣ именъ. Подражая примѣру французскихъ трагиковъ (напр., Вольтера), Княжнинъ любилъ вставлять въ свои піесы *сентенціи*, т.-е. краткія изреченія, въ которыхъ въ сжатой формѣ выражена какая-либо моральная идея; напр.:

Я. Б. Княжнинъ.

Тиранка слабыхъ душъ, любовь—раба героя.
Коль счастья съ должностью неможно согласить,
Тогда пороченъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть.

Нерѣдко въ этихъ сентенціяхъ встрѣчаются мысли, въ которыхъ отражаются гуманныя и просвѣщенныя идеи вѣка, какія проводила въ своемъ «Наказѣ» и Екатерина: въ нихъ Княжнинъ касается вопросовъ о человѣческомъ достоинствѣ, о «должности» (т.-е. долгѣ)

гражданина и правителя, о «человѣколюбивыхъ» законахъ и т. д. Такъ, напр., въ трагедіи «Титово милосердіе» (въ которой онъ въ лицѣ имп. Тита изобразилъ Екатерину), онъ выразилъ свой высокій взглядъ на святость человѣческаго званія въ стихахъ:

Чѣмъ болѣ кто на тронѣ *человѣкъ*,
Тѣмъ болѣ тотъ богамъ подобенъ.

Комедіи Княжнина.

Наиболѣе удачными изъ трагедій Княжнина считаются «*Дидона*» и «*Росславъ*», хотя и онѣ лишены оригинальности. Въ обѣихъ этихъ трагедіяхъ драматическая коллизія заключается въ борьбѣ между чувствомъ любви и сознаніемъ долга. Такъ, въ послѣдней трагедіи герой ея, воевода Росславъ, является воплощеніемъ любви къ отечеству, ради которой онъ готовъ пожертвовать и личнымъ счастьемъ, и даже самой жизнью.—Кромѣ трагедій, Княжнинъ написалъ также нѣсколько комедій («Хвастунъ», «Чудаки» и др.); какъ и его трагедіи, онѣ представляютъ собой передѣлки съ французскаго, хотя иногда въ нихъ встрѣчаются и черты русскихъ нравовъ: такъ, въ «Чудакахъ» въ лицѣ молодого щеголя Вѣтромаха, осмѣивается *галломанія* русскаго общества, слѣпое пристрастіе ко всему иностранному, связанное съ презрительнымъ отношеніемъ къ родинѣ и родному народу. Та же галломанія осмѣивается и въ комической оперѣ Княжнина «*Несчастіе отъ кареты*»; но въ ней авторъ касается и нѣкоторыхъ болѣе существенныхъ недостатковъ тогдашней русской жизни, напр., злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, изображая молодого помѣщика, продающаго своихъ крестьянъ въ рекруты для того, чтобы купить себѣ модную французскую карету. Изображеніе характеровъ въ комедіяхъ Княжнина отличается односторонностью, свойственной вообще псевдо-классической комедіи; онъ нерѣдко впадаетъ въ преувеличенія и карикатуру, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ не лишены и нѣкоторыхъ достоинствъ: написаны онѣ довольно живо, въ нихъ больше дѣйствія, чѣмъ въ трагедіяхъ Княжнина, языкъ ихъ довольно простъ и естественъ, мѣстами сказывается наблюдательность автора.

Мѣщанская трагедія (слезная комедія).

Съ средины XVIII в. въ западно-европейскихъ литературахъ постепенно утверждается новая форма драматическихъ произведеній, именно, такъ назыв. драма или „мѣщанская трагедія“, представлявшая собой соединеніе характерныхъ чертъ трагедіи и комедіи, недопустимое съ точки зрѣнія классической теоріи, строго раздѣлявшей эти два вида драматическихъ произведеній. Классическая трагедія, какъ извѣстно, отличалась своимъ аристократическимъ характеромъ; героями ея могли быть только лица высокопоставленныя или выдающіяся по своимъ подвигамъ; люди же средняго и низшаго общественнаго положенія отнюдь

не допускались на подмостки трагической сцены и могли быть изображаемы только въ комедіяхъ. Но къ серединѣ XVIII вѣка въ западно-европейскихъ странахъ среднее сословіе, *буржуазія*, начинаетъ постепенно играть видную роль въ общественной и государственной жизни; буржуазія внесла съ собой въ жизнь новые вкусы и интересы, которые нашли себѣ отраженіе и въ литературѣ. Авторы начинаютъ выбирать своихъ героевъ изъ средняго сословія, изображаютъ его жизнь и нравы; такимъ образомъ создается буржуазная трагедія и буржуазный романъ, изображающіе не какихъ-либо исключительныхъ героевъ и чрезвычайныя событія, а людей обыкновенныхъ и эпизоды, взятые изъ обычной жизни.—Появленіе этого буржуазнаго направленія въ литературѣ совпало по времени съ глубокой, но постепенно назрѣвавшей перемѣной литературныхъ вкусовъ, благодаря которой на смѣну вырождавшемуся классицизму выдвигается новое литературное направленіе, получившее по своему общему характеру названіе *сентиментальнаго*, т.-е. „чувствительнаго“. Въ сентиментализмѣ нашла себѣ выраженіе реакція противъ холодной разсудочности классической школы, противъ ея искусственности и высокопарности. Но, въ свою очередь, представители новаго направленія впали въ противоположную крайность и нерѣдко въ своихъ произведеніяхъ грѣшили преувеличенной и приторной чувствительностью, вслѣдствіе чего противники новаго направленія не безъ основанія назвали ихъ піесы съ героями изъ буржуазной среды *слезными комедіями*. Впрочемъ, самъ по себѣ переходъ отъ псевдо-классической „нравоучительной“ комедіи (comédie moralisante) къ комедіи „слезной“ (comédie larmoyante) не представлялъ собою ничего неожиданнаго, такъ какъ и драматурги новаго направленія преслѣдовали въ своихъ произведеніяхъ тѣ же цѣли нравственнаго поученія, какъ и ихъ предшественники [1]).

Первымъ образцомъ мѣщанской драмы была піеса англійскаго писателя Лилло „Лондонскій купецъ“ (1731); нѣсколько позднѣе вкусъ къ подобнаго рода произведеніямъ начинаетъ распространяться во Франціи (Лашоссе, Мариво, Дидро, Мерсье, Бомарше) и въ Германіи (Лессингъ, позднѣе Коцебу). Произведенія этихъ драматурговъ довольно рано появляются въ русскомъ переводѣ („Лондонскій купецъ“ Лилло, 1764 г.; „Игра любви и случая“ Мариво, 1769 г.; „Евгенія“ Бомарше, 1770 г.: „Женевальъ“ Мерсье, 1778 г.). Успѣхъ этихъ піесъ возбудилъ негодованіе правовѣрныхъ послѣдователей классической школы, въ родѣ Сумарокова, который съ негодованіемъ жаловался, по поводу постановки въ Москвѣ драмы Бомарше „Евгенія“, на упадокъ вкуса русской публики, съ одобреніемъ встрѣтившей „новый и пакостный родъ слезныхъ комедій“. Однако, несмотря на эти протесты Сумарокова, новое направленіе нашло себѣ отголосокъ и въ произведеніяхъ русскихъ драматурговъ. Подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, они стали вводить въ свои комедіи патетическія сцены, разсчитанныя на то, чтобы растрогать зрителей; таковы, напр., нѣкоторыя сцены въ комедіяхъ *Лукина* „Мотъ, любовью исправленный“ (1765) и *Веревкина* „Такъ и должно“ (1773). Наконецъ появляются и цѣлыя драмы, проникнутыя духомъ

[1]) Подробнѣе о сентиментализмѣ см. въ моей книгѣ: „Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка“, часть I.

сентиментализма, каковы: „Другъ несчастныхъ“ *Хераскова* (1774), „Торжество любви“ *Левшина* (1787) и „Преступникъ отъ игры“ *Ефимьева* (1788); хотя онѣ не отличаются особенными достоинствами, но въ свое время нравились публикѣ, подобно сентиментальнымъ повѣстямъ и романамъ, такъ какъ были проникнуты тѣмъ же духомъ модной „чувствительности“.

Капнистъ.

Въ лицѣ Фонвизина русская бытовая комедія XVIII вѣка достигла своего высшаго развитія. Непосредственнымъ преемникомъ и продолжателемъ его былъ *Капнистъ*, авторъ обличительной комедіи «Ябеда» (1798); но онъ далеко не имѣлъ того таланта, какимъ былъ надѣленъ Фонвизинъ, и потому въ чисто художественномъ отношеніи его произведеніе стоитъ значительно ниже «Недоросля». Комедія Капниста направлена противъ важныхъ и застарѣлыхъ недостатковъ тогдашней русской жизни,—неправосудія, взяточничества и другихъ непорядковъ, царившихъ тогда въ нашихъ судахъ. Съ ними упорно боролось и правительство, для ихъ устраненія, главнымъ образомъ, была созвана знаменитая Комиссія о составленіи проекта новаго Уложенія, для которой Екатерина написала свой «Наказъ»; ихъ, по мѣрѣ возможности, обличала и наша сатирическая литература (Сумароковъ, Новиковъ, Фонвизинъ); но зло настолько прочно укоренилось, что всѣ мѣры противъ него не приносили ощутительныхъ результатовъ. Капнистъ самъ испыталъ на себѣ эту «судейскую неправду», когда ему пришлось судиться съ однимъ богатымъ сосѣдомъ-помѣщикомъ, и потому обычаи и пріемы судейскихъ «ябедниковъ» были ему хорошо знакомы по личному опыту. Сатира его проникнута глубокимъ негодованіемъ противъ подкупныхъ судей, позорящихъ взяточничествомъ святость своего званія и нарушающихъ долгъ чести и присяги. Обличенія его были настолько смѣлы и рѣшительны, что возбудили противъ него вражду со стороны многихъ, чувствовавшихъ себя задѣтыми ими, и только благодаря покровительству императора Павла, которому авторъ посвятилъ свою комедію, она была пропущена цензурой и поставлена на сцену.

„Ябеда“.

Сюжетъ комедіи Капниста заключается въ томъ, что богатый помѣщикъ Праволовъ старается оттягать у своего сосѣда Прямикова имѣнье и для этого подкупаетъ членовъ гражданской палаты, которая должна рѣшать это дѣло. Праволовъ—сутяга, «злой ябедникъ»; одно изъ дѣйствующихъ лицъ, повытчикъ Добровъ, говоритъ про него, что «въ дѣлахъ ему самъ чортъ не по плечу». Онъ вступаетъ въ сдѣлку съ Предсѣдателемъ палаты, относительно котораго тотъ же Добровъ замѣчаетъ, что

Гражданскій предсѣдатель
Есть судій истины Іуда и предатель,
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ,
Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ,
Что онъ законами лишь беззаконье удитъ...

Подъ стать ему и прочіе члены суда, напр., прокуроръ Хватайко, о которомъ то же лицо отзывается:

О! Прокуроръ,
Чтобъ въ риему мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ,
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далеко [1]).

Очень живо нарисована въ 3-мъ дѣйствіи сцена попойки, которую Праволовъ устраиваетъ для судей и во время которой прокуроръ затягиваетъ пѣсню, цинически-откровенно выражающую ихъ взглядъ на взятки:

Бери! большой тутъ нѣтъ науки,—
Бери, что только можно взять!
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

Однако дѣйствіе комедіи заканчивается иначе, чѣмъ ожидали его участники: въ то время, какъ они уже готовы вынести рѣшеніе въ пользу подкупившаго ихъ Праволова, получается сенатскій указъ, по которому они сами отдаются подъ судъ за свои злоупотребленія и беззаконія.—Въ свое время комедія Капниста имѣла серьезное *общественное* значеніе, въ качествѣ вѣрной картины недостатковъ тогдашняго судопроизводства и рѣзкаго ихъ обличенія. Но въ чисто художественномъ отношеніи она не лишена многихъ недостатковъ, впрочемъ, очень типичныхъ для псевдо-классической комедіи вообще. Характеры въ ней обрисованы односторонне; мы видимъ передъ собой не живыя лица, съ извѣстными индивидуальными чертами, а отвлеченныя тѣни, ходячее воплощеніе судейской «ябеды»; ни о чемъ другомъ выведенныя въ комедіи лица не говорятъ, какъ только о взяткахъ и всевозможныхъ подвохахъ, точно этимъ исчерпывается вся ихъ личная жизнь. Въ комедіи мало дѣйствія, а развязка ея производитъ впечатлѣніе неожиданности и не вытекаетъ изъ общаго хода дѣйствія. Есть въ комедіи и неизбѣжная любовная интрига, совершенно лишняя и съ ходомъ дѣйствія не связанная. Совершенно блѣдны добродѣтельныя лица комедіи: Прямиковъ, повытчикъ Добровъ и дочь Кривосудова, Софья.

[1]) *Зѣтить*—глядѣть, высматривать.

Комическая опера.

На ряду со старыми классическими формами трагедіи и комедіи, на русской сценѣ появляется въ Екатерининское время новый видъ драматическихъ произведеній,—*комическая опера*. По своему общему характеру, она представляетъ собой легкую комедію со вставными куплетами для пѣнія. Дѣйствующія въ ней лица обыкновенно взяты изъ низшихъ, простонародныхъ слоевъ населенія и изображены съ явною симпатіей и въ нѣсколько идиллическомъ освѣщеніи. Въ этомъ отношеніи комическая опера непосредственно примыкаетъ къ классической *пасторали*, съ сентиментальными пастушка́ми и пастýшками, отличаясь однако отъ нея большей простотой и близостью къ дѣйствительности. Въ серединѣ XVIII вѣка комическая опера пріобрѣтаетъ во Франціи чрезвычайную популярность, а затѣмъ въ 70-хъ годахъ переносится и къ намъ въ Россію, гдѣ также сразу начинаетъ пользоваться крупнымъ успѣхомъ среди публики разныхъ слоевъ, благодаря большей жизненности содержанія и національному отпечатку, который авторы старались придать этимъ произведеніямъ [1]).

Первой комической оперой на русскомъ языкѣ была «Анюта» *Н. Попова* (1772). Героиней ея является молодая дѣвушка, дворянка по происхожденію, но воспитанная въ домѣ крестьянина Мирона, въ качествѣ пріемной дочери, такъ какъ обстоятельства заставили родителей подкинуть ее вскорѣ послѣ рожденія. Въ дѣйствіи есть значительныя натяжки и несообразности, но очень характерно стремленіе автора придать своему произведенію извѣстный національный колоритъ: онъ вставляетъ въ свою оперу народныя пѣсни («Бѣлолица, круглолица, красная дѣвица», «Кабы на цвѣты да не морозы»), влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ простонародныя и даже областныя выраженія, какъ: баить, жонка, робя, толды (тогда), кстины (крестины) и тому под. Гораздо удачнѣе ко-

---

[1]) Во Франціи комическая опера, какъ особый видъ драматическихъ произведеній, впервые появилась на сценѣ „ярмарочнаго театра“ (Théatre de la foire), который менѣе всего подвергся вліянію классицизма. Первоначально на немъ ставились разныя легкія піески въ духѣ итальянской комедіи, съ участіемъ извѣстныхъ персонажей, въ родѣ Арлекина и Коломбины. Но затѣмъ репертуаръ его значительно расширяется и пріобрѣтаетъ чисто народный отпечатокъ (genre poissard). Въ серединѣ XVIII вѣка, благодаря нѣсколькимъ талантливымъ авторамъ, какъ Фаваръ и Седэнъ, комическая опера получаетъ особенное развитіе и пріобрѣтаетъ чрезвычайную популярность. Даже Руссо, относившійся къ театру вообще очень враждебно, отдалъ дань всеобщему увлеченію, написавъ комическую оперу „Деревенскій колдунъ“ (Le Divin du village). Характерно при этомъ, что въ очень многихъ комическихъ операхъ выводятся типы изъ простого народа, изображенные съ большой симпатіей. Таковы, напр., оперы Седэна: „Rose et Colas“, „Le Deserteur“, „Le Roi et le fermier“ и др.

мическая опера *Аблесимова:* «Мельникъ—колдунъ, обманщикъ и сватъ» (1779). Центральнымъ лицомъ ея является мельникъ Ѳаддей, пользующійся славой колдуна. Къ нему обращается молодой однодворецъ Филимонъ, съ просьбой устроить его свадьбу съ Анютой, дочерью крестьянина Анкундина; отецъ согласенъ на этотъ бракъ, но противъ него возстаетъ ея мать, дворянка родомъ, желающая выдать дочь только за дворянина. Въ третьемъ дѣйствіи изображаются деревенскія посидѣлки; дѣвушки прядутъ и поютъ пѣсни; приходитъ мельникъ и начинаетъ сватать Анюту—за дворянина и за крестьянина, чтобы угодить обоимъ родителямъ. Въ отвѣтъ на ихъ недоумѣніе, онъ задаетъ имъ загадку: Аблесим

Еще что да таково
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,
Самъ и пашетъ, самъ оретъ
И съ крестьянъ оброкъ беретъ...

Когда они не могутъ разрѣшить загадки, онъ самъ объясняетъ, что она означаетъ *однодворца,* который и дворянинъ, и крестьянинъ въ одно и то же время [1]). Такимъ образомъ дѣло устраивается ко всеобщему удовольствію. Изъ выведенныхъ лицъ лучше всего изображенъ плутоватый мельникъ, остальныя лица обрисованы довольно блѣдно; однако опера имѣла большой успѣхъ у современной публики, которой она нравилась простотою своего сюжета и своимъ народнымъ отпечаткомъ.—Очень большимъ успѣхомъ пользовалась также опера *Матинскаго* «Санктпетербургскій Гостиный дворъ» (1787), въ которой выведенъ цѣлый рядъ типовъ изъ петербургскаго купечества, изображенныхъ съ большой жизненностью и яркостью. Очень любопытно въ ней между прочимъ изображеніе свадебныхъ обрядовъ. Комическія оперы писали также имп. Екатерина («Федулъ съ дѣтьми»), Княжнинъ («Сбитеньщикъ»), Николевъ («Точильщикъ», «Розана и Любимъ») и др.

Очень большое распространеніе въ русскомъ обществѣ Екатерининской эпохи получаютъ *романы.* Классическая теорія почти не признавала этой формы литературныхъ произведеній, причисляя романъ къ низшимъ видамъ поэтическаго творчества. Но по мѣрѣ вырожденія класси- Романъ.

[1]) *Однодворцами* назывались потомки служилыхъ людей, испомѣщенныхъ московскимъ правительствомъ вдоль южной границы государства, для защиты его отъ татарскихъ набѣговъ. Впослѣдствіи многіе изъ нихъ обѣднѣли, сошли на положеніе простыхъ крестьянъ, но никогда не утрачивали личной свободы и даже сохранили нѣкоторыя дворянскія права,—напр., право владѣть крѣпостными.

цизма, романъ все болѣе и болѣе начинаетъ завоевывать себѣ видное мѣсто въ литературѣ и пріобрѣтаетъ очень важное значеніе. У насъ въ Россіи переводные романы впервые появляются въ печати въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка. Первый *печатный* романъ на русскомъ языкѣ былъ изданъ Тредьяковскимъ, подъ заглавіемъ „Ѣзда въ островъ любви“; этотъ романъ былъ переведенъ имъ съ французскаго и принадлежалъ къ разряду аллегорическихъ произведеній, очень характерныхъ для вкусовъ псевдо-классической эпохи. Въ первой половинѣ XVIII вѣка переводныхъ романовъ появилось немного, но зато съ начала царствованія Екатерины II число ихъ начинаетъ быстро увеличиваться, и романы становятся излюбленнымъ чтеніемъ публики. По своему характеру и содержанію эти *переводные романы* были чрезвычайно разнообразны. Среди нихъ были романы героическіе, „романы съ приключеніями“, романы дидактическіе, нравоописательные и, наконецъ, сентиментальные. Изъ числа „романовъ съ приключеніями“, т.-е. такихъ, въ которыхъ главный интересъ представляютъ внѣшнія событія, сложная и запутанная интрига, наибольшимъ успѣхомъ пользовались романы французскаго писателя Лесажа: „Похожденія Жилблаза“ (1754 г., выдержалъ до конца вѣка 7 изданій) и „Повѣсть о хромоногомъ бѣсѣ“ (1763 г. 6 изд.). Особый видъ „романа съ приключеніями“ представляетъ такъ называемый „плутовской романъ“, изображающій похожденія и продѣлки какого-либо находчиваго и остроумнаго мошенника; первый изъ такихъ плутовскихъ романовъ принадлежитъ испанскому писателю XVI в. Мендозѣ; на русскій языкъ онъ переведенъ подъ заглавіемъ: „Жизнь и приключенія Лазариля Тормскаго“ (1775 г.—4 изд.). Изъ числа дидактическихъ романовъ большимъ уваженіемъ пользовалось сочиненіе Фенелона: „Похожденія Телемака“ (8 изданій; первый переводъ сдѣланъ еще Тредьяковскимъ—1747 г.). Очень много переводили также Мармонтеля и Флоріана, французскихъ писателей-дидактиковъ. Изъ философскихъ романовъ Вольтера наибольшимъ успѣхомъ пользовался „Кандидъ“ (4 изд.,—1-е въ 1769 г.). Среди нравоописательныхъ романовъ первое мѣсто по числу изданій, а слѣдовательно, и по интересу къ нимъ, занимаетъ англійскій романистъ XVIII в. Фильдингъ, романы котораго отличаются чисто реалистическимъ характеромъ; изъ нихъ самый знаменитый: „Повѣсть о Томасѣ Іонесѣ (Джонсѣ), или найденышѣ“ (1770). Наконецъ, черезъ посредство переводныхъ романовъ русское общество познакомилось и съ новымъ *сентиментальнымъ* направленіемъ въ литературѣ. Среди этихъ переводовъ находились произведенія *Ричардсона*, *Стерна*, *Гольдсмита*, *Руссо* („Новая Элоиза“), *Гёте* („Страсти молодого Вертера“). Нѣкоторыя изъ нихъ выдержали по нѣсколько изданій.

переводные романы.

Вслѣдъ за переводами, появились и *подражанія*. Первый по времени оригинальный русскій романъ—„Непостоянная Фортуна, или похожденія Мирамонда“ Эмина (1763), принадлежащій къ разряду „романовъ съ приключеніями“. Примыкающій къ этому разряду „плутовской романъ“ нашелъ себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ изданій, посвященныхъ описанію приключеній и воровскихъ подвиговъ извѣстнаго московскаго мошенника Ивана Осипова („Ваньки Каина“), похожденія котораго перешли даже въ народныя пѣсни. Большимъ успѣхомъ пользовались въ свое время нѣкоторые романы въ сентиментальномъ духѣ, каковы:

романы подражательные и оригинальные.

„Несчастный Никаноръ“ Комарова и „Россійская Памела“ П. Львова [1]). Они представляютъ собой близкое подражаніе иностраннымъ образцамъ и не имѣютъ почти никакого отношенія къ русской дѣйствительности. Гораздо болѣе тѣсно связанъ съ нею нравоописательный романъ *Измайлова:* „Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества“, вышедшій въ свѣтъ въ 1799 г. Несмотря на нѣкоторыя сатирическія преувеличенія, романъ Измайлова даетъ въ общемъ вѣрную и точную *картину русской жизни* конца XVIII вѣка, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ типовъ современнаго дворянскаго общества. Правда, сатирическія и дидактическія цѣли автора заставляютъ его односторонне выбирать предметы для своего изображенія, останавливаясь исключительно на уродливыхъ и карикатурныхъ явленіяхъ, но и въ этомъ сатирическомъ изображеніи мы знакомимся со многими *реальными* подробностями тогдашней жизни и нравовъ. „Евгеній Измайлов

Герой романа Измайлова, Евгеній Негодяевъ — сынъ уѣзднаго дворянина, бывшаго подъячаго, обогатившагося на службѣ. Пріобрѣтя деревеньку, онъ и въ ней не проводилъ времени праздно, но „казалось, жилъ для услугъ рода христіанскаго: кладовая и бумажникъ его были отверзты для всякаго неимущаго, который только давалъ хорошій закладъ и хорошіе проценты. Онъ былъ также весьма богобоязливъ и, не сотворивъ крестнаго знамени, не выпивалъ ни одной рюмки водки и не писалъ ни одной челобитной“. Супруга его, не имѣя большого образованія, „имѣла не малыя свѣдѣнія въ искусствѣ нарядовъ и злословія, и старалась жить на знатной ногѣ“. Сынъ ихъ еще до крестинъ, по установившемуся обычаю, былъ записанъ въ гвардію, и его матушка, принимая поздравленія, говорила всѣмъ съ улыбкой: «у меня уже сынокъ сержантомъ гвардіи“.

Воспитаніе Евгенія было сначала поручено кормилицѣ и цѣлому штату нянюшекъ и мамушекъ, а затѣмъ, по рекомендаціи г-жи Розетты, „славной модной торговки“, былъ нанятъ для него гувернеръ, monsieur le Pendard. Это типъ французскихъ искателей приключеній, во множествѣ приходившихъ въ Россію и поступавшихъ воспитателями въ дворянскіе дома, типъ, хорошо извѣстный еще по сатирическимъ журналамъ Екатерининской эпохи. Педагогъ этотъ раньше служилъ въ солдатахъ и бывалъ „во многихъ сраженіяхъ, происходившихъ въ различныхъ шинкахъ“. Кромѣ того, „въ знакъ геройскихъ своихъ подвиговъ имѣлъ онъ у себя на плечѣ литеру V“ (первая буква слова *voleur*, служившая клеймомъ для воровъ). Будучи посаженъ на галеры (каторга), „онъ обнаружилъ желаніе путешествовать и оставилъ наконецъ *incognito* военную службу вмѣстѣ съ отечествомъ“,—т.-е. попросту убѣжалъ и явился въ Россію, гдѣ и сталъ учителемъ. У этого достойнаго педагога Евгеній „въ два года выучился нѣсколько лепетать по-французски и уже могъ на немъ называть въ глаза дураками всѣхъ, которые онаго не разумѣли“. Но m-r le Pendard, наскучивъ педагогическою дѣятельностью и увлекшись горничной г-жи Негодяевой Дуняшей, бѣжалъ вмѣстѣ съ нею изъ гостепріимнаго дома, захвативъ съ

[1]) О нихъ подробнѣе см. въ моей книгѣ: „Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка“, часть I, стр. 23.

собой „на память“ шкатулку съ драгоцѣнностями. Послѣ этого Евгенія отдали въ нѣмецкій пансіонъ г. Эзельмана, гдѣ русскому языку обучалъ разъ въ недѣлю какой-то „безмѣстный студентъ, оставившій семинарію“, а французскому—бывшій парикмахеръ.

Для довершенія образованія Евгеній поступилъ въ московскій университетъ, но скоро оставилъ его, такъ какъ занятія показались ему слишкомъ скучными. Въ университетѣ онъ сблизился съ нѣкіимъ Развратинымъ, человѣкомъ молодымъ, но уже много испытавшимъ. Въ лицѣ Развратина авторъ хотѣлъ, повидимому, заклеймить поверхностное вольнодумство нѣкоторыхъ доморощенныхъ вольтерьянцевъ XVIII вѣка, считавшихъ всѣ нравственныя убѣжденія пустымъ предразсудкомъ и полагавшихъ цѣль жизни въ одномъ наслажденіи. Развратинъ не лишенъ ума и дарованій и въ этомъ отношеніи стоитъ значительно выше Евгенія, но у него совершенно нѣтъ нравственныхъ устоевъ. Всецѣло подчинивъ Евгенія своему вліянію, онъ живетъ на его счетъ и управляетъ имъ по своему произволу. Съ этимъ достойнымъ товарищемъ Евгеній въ короткое время „усовершенствовался играть на бильярдѣ и выучился въ познаніи напитковъ, а также въ обращеніи съ женщинами“. Вмѣстѣ съ Развратинымъ Евгеній отправляется въ Петербургъ на службу. Ихъ сопровождаетъ цѣлая свита, состоящая изъ камердинера, парикмахера, повара, нѣсколькихъ слугъ и даже домашняго адвоката. За ними тянется цѣлый обозъ, нагруженный разными деревенскими припасами.

Въ Петербургѣ Евгеній попадаетъ въ общество представителей „золотой молодежи“ и употребляетъ все свое время въ погонѣ за наслажденіями и за легкими побѣдами надъ сердцами столичныхъ щеголихъ и кокетокъ. Выведенныя лица очерчены у Измайлова нѣсколько карикатурно, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его изображеніи уловлено много реальныхъ типовъ дѣйствительности: таковы, напр., братья Подлянковы, изъ которыхъ старшій напоминаетъ Молчалина, а младшій представляетъ собой давно исчезнувшій типъ „домашняго піиты“, поставляющаго за сходную плату всевозможныя стихотворенія „на случай“: похвальныя оды, эпитафіи, мадригалы, поздравленія и т. д.

Въ Петербургѣ Евгеній переживаетъ цѣлый рядъ приключеній, которыя оканчиваются для него благополучно лишь благодаря находчивости Развратина. Но такъ какъ дидактическая тенденція автора требовала, чтобы порокъ былъ непремѣнно наказанъ, то въ концѣ романа Евгеній разоряется, попадаетъ въ тюрьму и умираетъ тамъ отъ горячки. Точно такъ же печально оканчиваютъ свое существованіе и другія выведенныя лица.

Несмотря на многія слабыя стороны, на явныя преувеличенія и натяжки, романъ Измайлова все же имѣетъ существенное значеніе въ качествѣ первой попытки реальнаго изображенія русской жизни въ повѣствовательной формѣ. При своемъ появленіи онъ однако не имѣлъ успѣха у критики и публики, такъ какъ слишкомъ противорѣчилъ своимъ грубоватымъ реализмомъ господствовавшему въ обществѣ сентиментальному направленію главнымъ представителемъ котораго былъ у насъ Карамзинъ.

СПИСОКЪ

важнѣйшихъ научныхъ трудовъ по исторіи русской словесности.

I. Труды общаго характера.

Пыпинъ: Исторія русской литературы, 4 т.
Галаховъ. Исторія русской словесности (2-е изданіе).
Порфирьевъ. Исторія русской словесности.
Кѣтуялла. Курсъ исторіи русской литературы (2 т.).
Сиповскій. Исторія русской словесности (полный курсъ).
Тихонравовъ. Сочиненія, 4 т.
Буслаевъ. Историч. очерки русской народной словесности и искусства, 2 т.
Буслаевъ. Лекціи по исторіи русской литературы, читанныя Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу («Старина и Новизна», т. VIII и X).
Ждановъ. Сочиненія, 2 т.
Владиміровъ. Введеніе въ исторію русской словесности.
Лезинъ. Вопросы теоріи и психологіи творчества (4 т.).
Варнеке. Исторія русскаго театра.
Алферовъ и Грузинскій. Десять чтеній по литературѣ.

II. Устная народная поэзія.

1. Сборники матеріаловъ.

а) Обрядовыя пѣсни: «Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ» Шейна; «Пѣсни» Кирѣевскаго (свадебный обрядъ); «Народныя русскія пѣсни» Якушкина; «Причитанія сѣвернаго края» Барсова.
б) Заговоры: «Великорусскія заклинанія» Л. Н. Майкова.
в) Загадки: «Великорусскія загадки» Худякова; «Сборникъ загадокъ» Садовникова.
г) Пословицы и поговорки: «Русскіе въ своихъ пословицахъ» Снегирева; «Пословицы русскаго народа» Даля.

д) Сказки: «Народныя русскія сказки» Аѳанасьева; «Сказки и преданія Самарскаго края» Садовникова.

е) Старины (былины и историческія пѣсни): «Древнія русскія стихотворенія» Кирши Данилова; «Пѣсни» Кирѣевскаго; «Онежскія былины» Гильфердинга; «Пѣсни» Рыбникова; «Бѣломорскія былины» Маркова; «Архангельскія былины» Григорьева; «Печорскія былины» Ончукова; «Былины старой и новой записи» Тихонравова и Миллера; «Былины» Ляцкаго; «Историческія пѣсни малорусскаго народа» Антоновича и Драгоманова. «Записки о южной Руси» Кулиша.

ж) Духовные стихи: «Калики перехожіе» Безсонова; «Сборникъ духовныхъ стиховъ» Варенцова; «Стихи духовные» Ляцкаго.

з) Лирическія пѣсни: «Великорусскія народныя пѣсни» Соболевскаго; «Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ» Лопатина и Прокунина; «Крестьянскія пѣсни» Пальчикова; «Сборникъ народныхъ русскихъ пѣсенъ» Римскаго-Корсакова (послѣдніе три съ нотами); «Сборники частушекъ» Князева и Симакова.

2. Изслѣдованія.

Буслаевъ: Народная поэзія; *Аѳанасьевъ*: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу; *Аничковъ*: Весенняя обрядовая пѣсня; *Веселовскій*: Южно-русскія былины; *его-же*: Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ; *Халанскій*: Великорусскія былины кіевскаго цикла; *В. Миллеръ*: Очерки русской народной словесности; *Миклошичъ*: Изобразительныя средства славянскаго эпоса; *Сиротининъ*: Бесѣды о русской словесности; *Ждановъ*: Русскій былевой эпосъ; *Лобода*: Русскій богатырскій эпосъ; *Дашкевичъ*: Былины объ Алешѣ Поповичѣ; *Колмачевскій*: Животный эпосъ на Западѣ и у славянъ; *Вейнбергъ*: Народныя пѣсни объ Иванѣ Грозномъ: *Иллюстровъ*: Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ; *Житецкій*: Мысли о малорусскихъ народныхъ думахъ; *Ветуховъ*: Заговоры, заклинанія, обереги; *Потебня*: Изъ лекцій по теоріи словесности (о баснѣ); *Аристовъ*: Русскія разбойничьи пѣсни; *Волковъ*: Царь Максимиліанъ.

III. Древне-русская письменность.

Сперанскій: Исторія древне-русской литературы; *Владиміровъ*: Древне-русская литература Кіевскаго періода; *Сухомлиновъ*: О древне-русской лѣтописи: *Шахматовъ*: Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ; *Барсовъ*: Слово о полку Игоревѣ; *Владиміровъ*: Слово о полку Игоревѣ; *Ивакинъ*: Поученіе Владиміра Мономаха; *Пономаревъ*: Памятники древне-русской церковно-учительной литературы; *Яковлевъ*: Древне-русскія религіозныя сказанія; *Порфирьевъ*: Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ; *Шляпкинъ*: Слово Даніила Заточника; *Тихо-*

нравовъ: Памятники отреченной русской литературы; *Кадлубовскій:* Древнерусскія житія святыхъ; *Веневитиновъ:* Хожденіе игумена Даніила; *Сухомлиновъ:* Кириллъ Туровскій; *Пыпинъ:* Серапіонъ Владимірскій; *Лопаревъ:* Слово о погибели русской земли; *Некрасовъ:* Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси; *Ключевскій:* Древне-русскія житія святыхъ; *Шамбинаго:* Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ; *Архангельскій:* Изъ лекцій по исторіи русской литературы: Литература Московскаго государства (XV—XVII вв.); *Архангельскій:* Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ; *Хрущовъ:* Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина; *Яковлевъ:* Домострой; *Ясинскій:* Сочиненія князя Курбскаго; *Преображенскій:* Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI в.; *Маркевичъ:* Крижаничъ; *Истринъ:* Введеніе въ исторію русск. литературы второй половины XVII в.; *Соболевскій:* Переводная литература Московской Руси; *Шляпкинъ:* Св. Димитрій Ростовскій и его время; *Ключевскій:* Западное вліяніе въ Россіи въ XVII в. («Сборникъ статей», т. I); *Майковъ:* Очерки по исторіи русской литературы XVII и XVIII в.; *Морозовъ:* Исторія русской драмы; *Маркевичъ:* Котошихинъ; *Бороздинъ:* Протопопъ Аввакумъ; *Пыпинъ:* Очерки литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ; *Хрущовъ:* О древне-русскихъ истор. повѣстяхъ и сказаніяхъ; *Сиповскій:* Русскія повѣсти XVII и XVIII вв.

IV. Восемнадцатый вѣкъ.

Пекарскій: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ; *Веселовскій:* Западное вліяніе въ русской литературѣ; *Архангельскій:* Русская литература XVIII вѣка; *Самаринъ:* Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ; *Морозовъ:* Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель; *Тихонравовъ:* Русскія драматическія произведенія; *Поповъ:* Татищевъ и его время; *Царевскій:* Посошковъ и его сочиненія; *Пекарскій:* Исторія Императорской Академіи Наукъ; *Меншуткинъ:* Ломоносовъ; Ломоносовскій сборникъ Академіи Наукъ; *Буличъ:* Сумароковъ; *Ярцевъ:* Основаніе и основатель русск. театра (Волковъ); *Незеленовъ:* Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху; *Чечулинъ:* Наказъ имп. Екатерины II; *Лонгиновъ:* Драматическія сочиненія Екатерины II; *Лавровскій:* О педагогическихъ сочиненіяхъ Екатерины Вел.; *Незеленовъ:* Новиковъ; *Аѳанасьевъ:* Русскіе сатирическіе журналы; *Лонгиновъ:* Новиковъ и московскіе мартинисты; *Ешевскій:* Сочиненія, т. III (статья о русскихъ масонахъ); *Ключевскій:* Опыты и изслѣдованія, т. 2-й (о Новиковѣ и Фонвизинѣ); *Грузинскій:* Литературные очерки (Екатерина II, Фонвизинъ); *кн. Вяземскій:* Біографія Фонвизина (Собраніе сочиненій, т. 5-й); *Сиповскій:* Очерки изъ исторіи русскаго романа; *Гротъ:* Біографія Державина; *Венгеровъ:* Русская поэзія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Введеніе:	**Общія понятія о языкѣ и народной поэзіи**	1
Глава I-я:	**Русская народная (устная) поэзія**	29
	1. Обрядовая лирика	32
	2. Заклинанія и заговоры	44
	3. Загадки	46
	4. Сказки, преданія и легенды	47
	5. Пословицы и поговорки	56
	6. Старины:	
	а) Былины	58
	б) Историческія пѣсни	94
	в) Малорусскія думы	101
	7. Духовные стихи	103
	8. Народная лирика	116
	9. Народная драма	134
Глава II-я:	**Русская литература до-монгольскаго (Кіевскаго) періода.**	139
	1. Литература переводная	140
	2. Литература подражательная и оригинальная:	
	а) Проповѣди	159
	б) Житія святыхъ	166
	в) Хожденія по св. мѣстамъ	172
	г) Лѣтописи	176
	д) Поученіе Владиміра Мономаха	193
	е) Слово о полку Игоревѣ	196
	ж) Моленіе Даніила Заточника	213
Глава III-я:	**Литература монгольскаго періода (XIII—XIV в.в.)**	215
	а) Поученія еп. Серапіона	218
	б) Сказанія эпохи татарщины	221
	в) Задонщина	223

Стр.

Глава IV-я: **Литература Московскаго періода** 229

а) XV-й вѣкъ (возвышеніе Москвы и идея третьяго Рима—229; ереси стригольниковъ и жидовствующихъ—234; Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій—237; Хожденіе Аѳанасія Никитина—239).

б) XVI-й вѣкъ (преп. Максимъ Грекъ — 241; Стоглавъ—244; публицистич. литература—226; кн. Курбскій и его переписка съ Іоанномъ Грознымъ—247; Домострой—251; повѣсти о Петрѣ и Февроніи и о св. Іуліаніи Лазаревской—255).

в) XVII-й вѣкъ (Котошихинъ — 258; южно-русская образованность — 262; Симеонъ Полоцкій — 267; Аввакумъ—268; театръ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ — 270; переводныя и оригинальныя повѣсти—273).

Глава V-я: **Петровская эпоха.**

а) Просвѣтительная дѣятельность Петра Великаго . 282

б) Публицистика Петровской эпохи 288

в) Художественная литература (лирика, театръ, повѣсти) 306

г) Кантемиръ 315

Глава VI-я: **Эпоха первыхъ преемниковъ Петра Вел. Усвоеніе новыхъ литературныхъ формъ и утвержденіе псевдоклассицизма** 324

а) Французскій классицизмъ 325

б) Тредьяковскій 335

в) Ломоносовъ 336

г) Сумароковъ 355

д) Основаніе русскаго театра (Волковъ) 369

Глава VII-я: **Екатерининская эпоха** 373

а) Французская просвѣтительная философія 374

б) Умственныя и литературныя теченія въ Екатерининскую эпоху 389

в) Имп. Екатерина (Наказъ, педагогическія сочиненія, комедіи) 393

г) Новиковъ (сатирическіе журналы) 403

д) Фонвизинъ (бытовыя комедіи) 419

е) Державинъ (лирика) 439

ж) Второстепенные писатели Екатерининской эпохи (Херасковъ, Богдановичъ, Майковъ, Хемницеръ, Княжнинъ, Аблесимовъ и др.) 461

Библіографическій списокъ 479

БИБЛИОТЕКА
Гос... ...
...193 г.

Страница
все.

Ям.

27/V·39 г.